1866 г.
№ 20

1866 года.

Января.

Библиотека Ленингр. Гос. мед. ин-та
3483
им. А. И. ГЕРЦЕНА
Прейс. 50

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ CXII

3483
Перев. 50

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Карла Вульфа. На Литейномъ проспектѣ, № 60
1866

Санктпетербургъ, 15-го января 1866 года.

3183

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ПРОЛОГЪ.

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ, —
Семь временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смѣжныхъ деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожь.
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины

Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину —
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...

Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоитъ!
Такой ли споръ затѣяли,
Что думаютъ прохожіе —
Знать кладъ нашли ребятушки
И дѣлятъ межь собой...

По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шелъ въ село Иваньково
Позвать отца Прокофія
Ребенка окрестить.
Пахомъ соты медовые
Несъ на базаръ въ Великое,
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздочкомъ
Ловить коня упрямаго
Въ свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идутъ!
Идутъ — какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что далѣ — то скорѣй.
Идутъ — перекоряются!
Кричатъ — не образумятся!
А времячко не ждетъ.

За споромъ не замѣтили,

Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ...
Навѣрно бъ ночку цѣлую
Такъ шли — куда не вѣдая,
Когда бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали итти?..»

Спросила, засмѣялася,
Хлеснула вѣдьма мѣрина
И укатила вскачь...

— Куда?.. Переглянулися
Тутъ наши мужики,
Стоятъ, молчатъ, потупились...
Ужь ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ,
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни чорныя
Дорогу перерѣзали
Ретивымъ ходокамъ.
Ой тѣни! тѣни чорныя!
Кого вы не нагните?
Кого не перегните?
Васъ только, тѣни чорныя,
Нельзя поймать — обнять!

На лѣсъ, на путь дороженьку
Глядѣлъ, молчалъ Пахомъ,
Глядѣлъ — умомъ раскидывалъ
И молвилъ наконецъ:

— «Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутилъ!
Никакъ вѣдь мы безъ малаго
Верстъ тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдемъ,

Присядемъ, — дѣлать нечего,
До солнца отдохнемъ!..»

Сваливъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ при дороженькѣ
Усѣлись мужики.
Зажгли костеръ, сложилися,
За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка,
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужики!
Косушки по три выпили,
Поѣли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,
Лука кричитъ: попу;
Купчинѣ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣпятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди — ужь и вцѣпилися!
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго —
И всякъ свое кричитъ!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Какъ будто подзадоривать
Упрямыхъ мужиковъ.
Царю! направо слышится,
Налѣво отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лѣсъ переполошился,
Съ летающими птицами,
Звѣрями быстроногими
И гадами ползущими,
И стонъ, и ревъ, и гулъ!

Всѣхъ прежде зайка сѣренькій
Изъ кустика сосѣдняго
Вдругъ выскочилъ какъ встрепанный
И на утекъ пошелъ!
За нимъ галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, рѣзкій писк.
А тутъ еще у пѣночки
Съ испугу птенчикъ крохотный
Изъ гнѣздышка упалъ;
Щебечетъ, плачетъ пѣночка,
Гдѣ птенчикъ? — не найдетъ!
Потомъ кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать,
Разъ десять принималася
Да всякій разъ сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлѣбъ,
Подавишься ты колосомъ —
Не будешь куковать! (*)
Слетѣлися семь филиновъ,

(*) Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ; («подавившись колосомъ», говоритъ народъ).

Любуются побопщемъ
Съ семи большихъ деревъ,
Хохочутъ полуночники!
А ихъ глазищи желтые
Горятъ какъ воску яраго
Четырнадцать свѣчей!
И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ, — сидитъ на деревѣ
У самаго костра, —
Сидитъ да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго нибудь!
Корова съ колокольчикомъ,
Что съ вечера отбилася
Отъ стада, чуть послышала
Людскіе голоса —
Пришла къ костру, уставила
Глаза на мужиковъ,
Шальныхъ рѣчей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычитъ корова глупая,
Пищатъ галчата малые,
Кричатъ ребята буйные,
А эхо вторитъ всѣмъ!
Ему одна заботушка —
Честныхъ людей поддразнивать,
Пугать ребятъ и бабъ!
Никто его не видывалъ,
А слышать всякій слыхивалъ,
Безъ тѣла — а живетъ оно,
Безъ языка — кричитъ!

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему
Подкравшись къ мужикамъ,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
«И чортъ ихъ не поймета!»

И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чемъ они шумятъ...

Намявъ бока порядочно
Другъ другу, образумились
Крестьяне наконецъ;
Изъ лужицы напилися,
Умылись, освѣжилися,
Сонъ началъ ихъ кренить...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобрался.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ, —
И молвилъ: «пташка малая,
А ноготокъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатишься,
Чихну — въ огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься!
А все жь ты, пташка малая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнутъ скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои намъ крылышки,
Все царство облетимъ,
Посмотримъ, поразвѣдаемъ,
Поспросимъ — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь матушку
Ногами перемѣряли!
Сказалъ угрюмый Провъ.

«Да по ведру бы водочки»
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— «Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку»,
Шутили мужики.

— А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску.

— «А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчьимъ голосомъ
Пахому говоритъ:

— «Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой».

— А что ты дашь?
— «Дамъ хлѣбушка
По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку.
Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!»

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины:
— Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— «Найти — найдете сами вы,

А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти.»

— Скажи!
— «Идите по лѣсу,
Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны,
Подъ этими подъ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
Въ ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете —
Накормитъ, напоитъ!
Тихонько только молвите:
— *Эй! скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиковъ!
По вашему хотѣнію,
По моему велѣнію,
Все явится тотчасъ.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бѣдные,
Идемъ въ дорогу дальную,
Отвѣтилъ ей Пахомъ:
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одежду старую
На насъ заворожи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
Носились, не сносился!
Потребовалъ Романъ.

— Чтобъ липовые лапотки
Служили не разбились,
Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная

Въ рубахахъ не плодилася,
Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка имъ въ отвѣтъ:
— «Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вамъ будетъ... Ну пусти!...»

Раскрывъ ладонь широкую,
Пахомъ птенца пустилъ.
Пустилъ—и птенчикъ крохотный
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Направился къ дуплу.
За нимъ взвилася пѣночка
И на лету прибавила:
— «Смотрите — чуръ одно! —
Съѣстнаго сколько вынесетъ
Утроба—то и спрашивай,
А водки можно требовать
Въ день ровно по ведру,
Коли вы больше спросите,
И разъ и два — исполнится
По вашему желанію,
А въ третій — быть бѣдѣ!»

И улетѣла пѣночка
Съ своимъ родимымъ птенчикомъ,
А мужики гуськомъ
Къ дорогѣ потянулися
Искать столба тридцатаго.
Нашли!—молчкомъ идутъ
Прямехонько, вѣрнехонько
По лѣсу, по дремучему,
Считаютъ каждый шагъ.
И какъ версту отмѣряли,
Увидѣли поляночку —

Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли—и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разомъ вскрикнули:
«Эй скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка,
И спрятались опять.

— А что же нѣтъ огурчиковъ?

— Что нѣтъ чайку горячаго?

— Что нѣтъ кваску холоднаго?

Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
У скатерти усѣлися —
Пошелъ тутъ пиръ горой!
На радости цалуются,
Другъ дружкѣ обѣщаются
Впередъ не драться зря,
А съ толкомъ дѣло спорное
По разуму, по божески,
На чести повести —
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ старпками старыми,
Покуда дѣлу спорному

Рѣшенья не найдутъ, —
Покуда не довѣдаютъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарокъ такой поставивши,
Подъ утро какъ убитые
Заснули мужики...

Н. НЕКРАСОВЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ВПРЕДЬ).

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

I.

ВЗГЛЯДЪ ПЕТРА В. НА ЗНАЧЕНІЕ ПРЕССЫ. — РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ ВЪ АМСТЕРДАМѢ: ПЕРЕВОДЪ ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. — ПОДКУПЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ: ПОЛЕМИКА ГЮЙССЕНА СЪ НЕЙГЕБАУЭРОМЪ. — ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ. — ПЕРВЫЯ РУССКІЯ «ВѢДОМОСТИ» 1703 г. — «С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ (АКАДЕМИЧЕСКІЯ) ВѢДОМОСТИ». — ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛЛЕРА. — ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА; МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ. — САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ. — НОВИКОВЪ КАКЪ ЖУРНАЛИСТЪ. — ОГРАНИЧЕНІЕ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ. — ХАРАКТЕРЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I-ГО. — КАРАМЗИНЪ КАКЪ ЖУРНАЛИСТЪ. — СВЯЗЬ МЕЖДУ ИДЕЯМИ КАРАМЗИНА И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬЮ МАСОНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ; ПОСТЕПЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ ЕГО ИЗЪ-ПОДЪ ЭТОГО ВЛІЯНІЯ. — «МОСКОВСКІЙ ЖУРНАЛЪ». — ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ КАРАМЗИНА И ЕГО ЮНОШЕСКІЯ УВЛЕЧЕНІЯ. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ». — ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЭТОГО ЖУРНАЛА: УМѢРЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ И ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ РЕВОЛЮЦІОННЫМЪ ТЕНДЕНЦІЯМЪ ЗАПАДА. — ПЕРЕМѢНА ВЗГЛЯДОВЪ ВЪ «ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ» СОХАЦКАГО И ГАВРИЛОВА. — ЖУРНАЛИСТИКА ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ». — ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ В. ИЗМАЙЛОВА. — ПЛЕЯДА САНТИМЕНТАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ: «МОСКОВСКІЙ МЕРКУРІЙ», «ЖУРНАЛЪ ДЛЯ МИЛЫХЪ» И «МОСКОВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ» (*).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія XVIII-го столѣтія была вдвинута волей-неволей въ кругъ европейскихъ державъ, — ей понадобились и всѣ аттрибуты, всѣ матеріальныя и нравственныя поддержки европейской цивилизаціи. Самъ геніальный преобразователь понималъ это очень хорошо и спѣшилъ перенести въ Россію прежде всего тѣ

(*) Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы намѣрены представить вкратцѣ исторію русской журналистики, — начавъ для связи съ того момента, когда Петръ I-й самъ сталъ пользоваться печатью для своихъ государственныхъ цѣлей. Въ большія подробности мы вдаваться не будемъ, оставивъ ихъ для записныхъ библіографовъ; явленія мелкія и неинтересныя совсѣмъ не войдутъ въ наши статьи; но за нитью развитія, опредѣляющей всѣ измѣненія въ характерѣ прессы — мы будемъ слѣдить внимательно и укажемъ ее, гдѣ нужно, или прямо, или подборомъ фактовъ.

Примѣч. авт.

практическіе плоды европейской науки, которые, въ видѣ военнаго, морскаго, инженернаго дѣла, были такъ необходимы вновь сформировавшемуся на европейскій ладъ государству, окруженному сильными и небезопасными сосѣдями. Заведены были: регулярная армія, флотъ, инженерное и морское училища; все это пригодилось въ послѣдующихъ войнахъ. Но Европа въ то время была богата не одними внѣшними плодами цивилизаціи, не одной технической стороной знанія; въ ней понемногу развивалась и крѣпла другая сила, сила общественнаго мнѣнія, руководимаго политической печатью. На эту силу также обратилъ вниманіе Петръ I, и ею задумалъ воспользоваться для своихъ преобразовательныхъ плановъ; печатный станокъ, выпускавшій до него почти исключительно книги богословскаго содержанія, съ примѣсью полу-свѣтскихъ, полу-духовныхъ произведеній кіевской учености, — при немъ началъ помогать дѣлу преобразованія распространеніемъ научныхъ свѣдѣній и политическихъ взглядовъ, приспособленныхъ къ духу реформы. При Петрѣ появились и первыя русскія «Вѣдомости».

Какимъ же именно образомъ относился Петръ Великій къ научной и политической пропагандѣ посредствомъ печатнаго станка? Его личные взгляды имѣютъ конечно при этомъ большую важность; потому что наша исторія будетъ далеко не полна безъ знанія тѣхъ условій, въ которыхъ находились, въ извѣстное время, произведенія научно-политическаго свойства.

Изъ грамоты Яну Тессингу, подписанной въ 1700 г., видно, что она дана была по его просьбѣ «за учиненныя имъ великому посольству (русскому) службы» съ тѣмъ, чтобы онъ, Тессингъ, завелъ въ Амстердамѣ типографію и печаталъ въ ней «земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскомъ языкомъ по особну, отъ чего бъ русскіе подданные *много службы и прибытки могли получати* и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ». Напечатанные Тессингомъ чертежи и книги дозволялось ему привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежемъ указанныхъ пошлинъ». Продавцы книгъ изъ другихъ типографій внѣ Россіи подвергались штрафу въ 300 ефимковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга; самыя же книги конфисковались. Духъ и направленіе книгъ, печатанныхъ въ типографіи Тессинга, опредѣлялись слѣдующими словами грамоты: «чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ великаго государя межъ европейскими монархи и ко общей народной пользѣ и прибытку, а *пониженья бъ на-*

шего царскаго величества превысокой чести и государства нашего въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было». Упорно стремясь къ своей цѣли — цивилизовать русскій народъ хотя бы и крутыми, унаслѣдованными отъ прежнихъ вѣковъ мѣрами, Петръ I-й не останавливался ни передъ какими препятствіями и не смутился тѣмъ обстоятельствомъ, что на первыхъ порахъ книги, напечатанныя въ амстердамской типографіи, расходились весьма плохо, а въ 1703 г. одинъ голландскій купецъ, торговавшій этимъ товаромъ, писалъ къ царю, что онъ въ своей торговлѣ понесъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало». Но охота учиться, вмѣстѣ со вкусомъ къ чтенію, распространялась мало по малу въ верхнихъ слояхъ народа. Желая видѣть въ изданьяхъ амстердамской типографіи только то, что могло бы служить «къ славѣ великаго государя и наивящей похвалѣ всему россійскому царствію», правительство очень обезпокоилось, когда славянскій шрифтъ попалъ (около 1708 г.) въ руки шведовъ, и они стали печатать имъ различныя воззванія, какъ напр. къ малороссамъ. Велѣно было «такихъ людей ловить и распрашивать, гдѣ кто такія письма (т. е. прокламаціи) взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ». Кромѣ книгъ чисто ученаго содержанія, Петръ приказывалъ переводить такія сочиненія, въ которыхъ, на основаніи науки, излагались новые взгляды на общественныя отношенія или сообщались свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ иноземныхъ государствъ, ихъ законахъ и современномъ состояніи. Къ такимъ переводамъ относятся: Пуффендорфа — «Введеніе въ гисторію европейскую» и «О должностяхъ человѣка и гражданина», Гуго Гроція — «О законахъ естества и народовъ» и пр. и пр. Особенно цѣнилъ Петръ сочиненія Пуффендорфа, называя его «мудрымъ законознателемъ». Исторію Пуффендорфъ излагалъ съ политической точки зрѣнія, обращая все вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на причины ихъ возвышенія или упадка. Въ другомъ своемъ сочиненіи: «О должностяхъ человѣка и гражданина» Пуффендорфъ стремился опредѣлить, *на началахъ естественнаго права*, роль каждаго гражданина въ государствѣ, причину возникновенія законовъ, ихъ значеніе и степень нравственной обязательности для общества. Отъ закона, издаваемаго правительственною властью, авторъ требуетъ уже внутренней, покоряющей себѣ силы, требуетъ логики, убѣдительной для каждаго здравомыслящаго человѣка. «Кто бы ни единой причины показать не можетъ, для чего мнѣ, и не хотящу, обязательство хощетъ наложити, кромѣ единаго насилія, той мене устрашить можетъ, дабы, зла вящшаго удаляяся, ему повиновался. Но когда страхъ минуетъ, тогда все могу паче по моей воли, нежели

по его дѣлать» (§ 5, II гл.). Итакъ, страхъ наказанія признается Пуфендорфомъ недостаточной гарантіей для исполненія закона; безъ разсудительныхъ поводовъ и подкрѣпленный «единымъ насиліемъ», законъ есть только личная прихоть власти. Само собой разумѣется, что въ петровское время подобное пониманіе закона не всегда переходило въ дѣйствительность; но, тѣмъ не менѣе, новыя понятія объ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ западали въ умы по иниціативѣ самой власти.

Сближаясь для своихъ государственныхъ цѣлей съ западною Европою, Петръ I-й дорожилъ толками о себѣ, возбуждавшимися въ европейской печати. «Петръ Великій—пишетъ г. Пекарскій въ своемъ изслѣдованіи (*), понималъ очень хорошо силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII-го столѣтія журналистика и различныя политическія изданія. О Россіи петровскихъ временъ европейскіе журналы и публицисты говорили или съ насмѣшками, когда дѣло шло объ умственномъ состояніи страны, или съ опасеніями, похожими на страхъ римлянъ при слухахъ о варварахъ, когда получались извѣстія о воинскихъ успѣхахъ русскаго царя. Видя это, Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ, т. е. они должны были увѣрить европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что напротивъ тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ царя и велѣдствіе распоряженій его министровъ, которые, всѣ безъ исключенія, отличнѣйшіе, образованнѣйшіе люди и т. д. Чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи объ Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства. Адвокатовъ за Россію изъ европейскихъ журналистовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ—и это было спеціальностью барона *Гюйссена*. Послѣ Петра у насъ не хлопотали о томъ, что будутъ писать о Россіи за границей, а потому и нашего агента по этой части предали забвенію, и онъ, когда фонъ-Гавенъ (датск. путешественникъ 1736 — 1740 г.) былъ въ Россіи, вынужденнымъ нашелся напомнить о себѣ въ подробной запискѣ, гдѣ не пропущено ни одного ученo-литературнаго путешествія барона въ Германію на пользу Россіи». Этотъ Гюйссейнъ, первый оффиціозный въ Россіи публицистъ, былъ прежде совѣтникомъ при княжескомъ домѣ Вальдекъ; но потомъ, вызванный въ Россію Паткулемъ, посвятилъ свой литературный талантъ ново-

(*) Наука и литер. при Петрѣ В. Т. I, стр. 90—91.

му отечеству. Въ условіяхъ, заключенныхъ имъ съ Петромъ, онъ бралъ на себя, между прочимъ, слѣдующія обязанности: 1-е, переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи; 2-е, склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю или членамъ его семейства, или наконецъ царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также чтобъ эти ученые *писали статьи къ прославленію Россіи*. Этотъ литературный контрактъ напоминаетъ грамоту, выданную Тессингу: и тутъ, и тамъ выражается одинаково заботливость о прославленіи царя и Россіи. Худой молвы Петръ Великій вообще боялся; если вѣрить Нейгебауэру, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, изъ Россіи того времени нелегко выпускали иностранцевъ-офицеровъ, именно по боязни, чтобы они не стали разглашать въ Европѣ разныхъ невыгодныхъ для насъ слуховъ. Гюйссенъ добросовѣстно исполнялъ свои порученія: входилъ въ сношенія съ редакціей вліятельнаго журнала «Europaische Fama» (редакторъ Рабенеръ) и сочинялъ для Паткуля многія бумаги. По старанію Гюйссена, въ «Европейской Молвѣ» печатались хвалебныя статьи о Россіи; въ нихъ Петра сравнивали съ «солнцемъ, которое не пребываетъ на одномъ мѣстѣ, но всѣхъ подданныхъ веселитъ своимъ присутствіемъ». Много хлопотъ испыталъ Гюйссенъ ради ложныхъ извѣстій о Россіи со стороны шведовъ; но всего болѣе усердствовалъ онъ въ полемикѣ съ Нейгебауэромъ, и книга, написанная имъ по этому поводу, «отъ государева двора въ двухъ грамотахъ апробована была, да тысячу рублевъ за почесть и трудъ обѣщано», хотя послѣднее обѣщаніе и не было сдержано. Полемика съ Нейгебауэромъ чрезвычайно интересна; она возникла по слѣдующему поводу. Въ 1699 года пріѣзжалъ въ Москву, съ цѣлію переговоровъ отъ саксонскаго курфирста, генералъ Карловичъ, съ которымъ Петръ намѣревался отправить за границу, для обученія, царевича Алексѣя. Предположеніе это не сбылось за смертію Карловича. Въ свитѣ посла (*) прибылъ въ Россію и сынъ одного данцигскаго бюргера, Нейгебауэръ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. По отзыву одного лица, удостовѣрявшаго, что Нейгебауэръ былъ «нарочитой остроты», этотъ иностранецъ былъ опредѣленъ наставникомъ (или, какъ самъ онъ себя называлъ, гофмейстеромъ) къ царевичу Алексѣю. Въ концѣ 1701 г. обнаружились неудовольствія между нѣмцемъ и русскими, состоявшими при ца-

(*) По другимъ извѣстіямъ Нейгебауэръ былъ вызванъ въ Москву прямо изъ-за границы и пріѣхалъ въ іюнѣ 1701 г.

ревичѣ. Нейгебауэръ настаивалъ, чтобы ему подчинили этихъ лицъ, «понеже если всякій изъ нихъ будетъ дѣлать что хочетъ, то невозможно царевича изрядным нравамъ и порядочному житію научити». Далѣе онъ просилъ и совсѣмъ удалить нѣкоторыхъ приближенныхъ царевича, въ томъ числѣ особенно ненравившагося ему русскаго учителя, Никифора Вяземскаго. Просьбы Нейгебауэра не исполнялись, и 23-го мая 1702 г. въ Архангельскѣ, за обѣдомъ у царевича, произошла ссора между учителями, нѣмцемъ и русскимъ, окончившаяся удаленіемъ Нейгебауэра отъ двора и высылкою его (въ 1704 г.) изъ Россіи на гамбургскомъ кораблѣ. За границей Нейгебауэръ далъ полную волю своему раздраженію и въ 1704 г. появилась въ Германіи злая брошюра: «Письма знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля». Подъ именемъ нѣмецкаго офицера, повѣствующаго о русскихъ дѣлахъ, скрывался, конечно, самъ Нейгебауэръ. Въ этой брошюрѣ обиженный педагогъ, хорошо знавшій, чѣмъ можно насолить своимъ противникамъ, совѣтуетъ всѣмъ иностранцамъ не вѣрить обѣщаніямъ русскаго правительства и не ѣхать въ Россію, «въ эту варварскую страну, гдѣ будутъ обращаться съ ними безъ всякаго состраданія». Затѣмъ авторъ разсказываетъ разные случаи дурнаго обращенія не только съ простыми офицерами, но даже съ посланниками иностранныхъ державъ. Случаи подобраны въ такомъ родѣ: «польскій генералъ и посланникъ, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами.., майора Кирхена царь передъ полкомъ назвалъ поноснымъ словомъ и, плюнувъ ему въ глаза, вырвалъ у него шпагу.., капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутеномъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ русскихъ, сказавъ: «я хочу ошельмовать тебя!» далъ ему пощечину... Меншиковъ *злостно* поступаетъ съ нѣмками, а потомъ навязываетъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ.., полковникъ Реннъ давно былъ бы наказанъ кнутомъ, еслибъ его жена *благоразумно* не вмѣшалась въ дѣло». Насколько вѣрны всѣ эти факты—разбирать не наше дѣло; но ихъ ловкій и правдоподобный выборъ, дѣйствительно, могъ отбить охоту у иностранцевъ, вообще косо смотрѣвшихъ на Россію, поступать въ русскую службу. Брошюра Нейгебауэра была запрещена въ Пруссіи и Саксоніи; шведы же старались распространять ее всѣми способами. Гюйссенъ написалъ отвѣтъ, гдѣ уже прямо говоритъ о «гофмейстерѣ» Нейгебауэрѣ, обвиняетъ его въ надменныхъ замашкахъ, въ желаніи стать выше всѣхъ, въ плохомъ обученіи наслѣдника, и опровергаетъ факты, приводимые въ «Письмѣ нѣмецкаго офицера». Такимъ образомъ, Гюйссенъ защищаетъ Меншикова отъ несправедливыхъ будто бы обвиненій Нейгебауэра, при чемъ сочиняетъ для «Данилыча» новую родословную, производя его

отъ хорошей литовской фамиліи, разсказываетъ по своему случай съ барономъ Ланге, исторію дѣвицы Монсъ и т. д. Приведя ссору Нейгебауэра съ царевичемъ, увлекшійся защитникъ Петра совѣтуетъ своему земляку радоваться, что онъ благополучно убрался восвояси, ибо «въ другихъ государствахъ его засадили бы въ бастилію или другую какую крѣпость на многіе годы, *не спрашивая, что онъ сдѣлалъ дурнаго*, какъ это дѣлается и съ высокими министрами, которые, не смотря на прежнія свои вѣрныя службы, не имѣли счастія понравиться государю или его приближеннымъ». Досадуя на Нейгебауера за подробное описаніе употребленія батоговъ и не имѣя возразить ничего существеннаго, Гюйссенъ говоритъ: «можно думать, что авторъ часто видѣлъ все это своими глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду, всѣмъ пасквилянтамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ». Въ другихъ мѣстахъ своей статьи Гюйссенъ называетъ Нейгебауэра «архи-шельмою (erzschelm), похитителемъ чести и клеветникомъ». Нейгебауэръ не остался въ долгу; онъ продолжалъ свои обличенія, и о самомъ Гюйссенѣ замѣчаетъ, что баронъ «имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ литературѣ и малый не безъ способностей; но обратилъ хорошее, что въ немъ есть, на пользу варварскихъ тирановъ, и на стыдъ и посрамленіе своихъ честныхъ соотечественниковъ».

Предоставивъ барону Гюйссену вѣдаться съ иностранными публицистами, Петръ заботился и о томъ, чтобы побивать внутри государства понятія и предразсудки, завѣщанные старниой и поднимавшіеся въ отпоръ его реформаціоннымъ стремленіямъ. Большую помощь оказывалъ ему, въ этомъ случаѣ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ ревностно поддерживалъ преобразованія Петра и ратовалъ противъ враговъ его власти и враговъ образованія. Противниковъ верховной власти ораторъ раздѣляетъ на нѣсколько группъ: одни изъ нихъ «свободолюбцы, слышаще бо, яко свободу пріобрѣте намъ Христосъ»; другіе — поклонники папства и теократіи; третьи, наконецъ, думаютъ, что все «еже есть высоко въ человѣцѣхъ, мерзость есть передъ Богомъ». Свидѣтельствомъ апостоловъ и примѣрами изъ св. исторіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ опровергаетъ такихъ *мерзослововъ*; онъ надѣется, что и всякій «чистосердечный человѣкъ поплюетъ ихъ мнѣніе о властяхъ». Всего больше достается «невѣждамъ, кои богословствуютъ отъ писанія да такъ, какъ то летаютъ прузи (саранча), животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя (*). Не трудно

(*) «Ѳеоф. Прокоповича Слова и рѣчи», изд. 1760 г., стр. 149 перв. части.

понять, кого разумѣетъ Прокоповичъ подъ именемъ «невѣждъ»; но онъ устраняетъ всякое сомнѣніе и прямо называетъ ихъ духовными лицами и монахами. Оппозиція «невѣждъ» петровской реформѣ была очень сильна, и противъ нихъ Прокоповичъ дѣйствовалъ богословскими аргументами и ссылками, причемъ извѣстный текстъ: «всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» составлялъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ. Но между слушателями и читателями Прокоповича могли найтись и такіе, которые потребовали бы отъ писателя-проповѣдника не однихъ религіозныхъ, но и научныхъ доказательствъ. Для нихъ Прокоповичъ приводитъ историческія свидѣтельства о необходимости сильной власти въ народѣ; между прочимъ онъ упоминаетъ слова Вейдевута, перваго жмудскаго властелина, обращенныя къ народу, просившему его совѣтовъ: «вы глупшіи отъ пчелъ, яко пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ царя, вы же не имѣете». «Аще же—говоритъ Прокоповичъ—когда обрѣтаемъ нѣкое грубое народище безглавное (хотя и не весьма такое, ибо во всякомъ домовствѣ свой правитель есть), таковыхъ человѣкъ скотомъ обычнѣ уподобляемъ и описуемъ ихъ сею притчею: ни царя, ни закона. Извѣстно убо имамы, яко власть верховная *отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ*, а еже отъ естества, то отъ самого Бога, создателя естества». Въ послѣднихъ строкахъ Прокоповичъ ссылается уже на естественное право, которое, по его мнѣнію, тожественно съ правомъ божественнымъ. Если въ своихъ проповѣдяхъ Прокоповичъ являлся нерѣдко искуснымъ ораторомъ, умѣвшимъ дѣйствовать на умы слушателей и излагать съ церковной каѳедры политическую программу, то въ духовномъ «Регламентѣ» и въ «Первомъ ученіи отрокомъ» онъ также усердно служилъ реформѣ, какъ администраторъ и народный наставникъ.

Изъ немногаго сказаннаго нами достаточно ясно, что печать петровскихъ временъ была только служебнымъ органомъ государственной власти и даже не изъявляла попытокъ уклониться отъ своего оффиціальнаго характера. Сила реформы и смѣлость преобразователя еще держали умы лучшихъ людей въ искренней зависимости отъ видовъ правительства. Извѣстный случай съ Бужинскимъ, выкинувшимъ самое рѣзкое мѣсто въ своемъ переводѣ (введеніе въ исторію Пуффендорфа), доказываетъ, что Петръ Великій предоставлялъ печати больше свободы, чѣмъ даже желали его литературные сотрудники. Объ иниціативѣ общества, даже объ отдѣльныхъ порывахъ далеко шагнувшей личной мысли, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ числѣ разныхъ европейскихъ изобрѣтеній, печать пригодилась у насъ для политической реформы — и кругъ ея дѣятельности былъ опредѣленъ самой этой задачею. Не ограничиваясь изданіемъ

книгъ и брошюръ съ учено-политическимъ содержаніемъ, Петръ I-й положилъ начало и нашей періодической литературѣ. Еще за границей Петръ видѣлъ, какое значеніе имѣютъ періодическіе листки, сообщающіе публикѣ различныя извѣстія изъ жизни своего и чужихъ государствъ; онъ пожелалъ завести нѣчто подобное и дома, чтобы имѣть возможность распространять полезныя и любопытныя свѣдѣнія и знакомить всѣхъ интересующихся съ ходомъ русскихъ и западно-европейскихъ дѣлъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ «печатать куранты». Куранты, въ видѣ рукописныхъ извѣстій о разныхъ событіяхъ въ Европѣ, составлялись у насъ въ XVII-мъ столѣтіи для царскаго двора. Составленіемъ ихъ занимались въ посольскомъ приказѣ: тамъ изъ донесеній разныхъ заграничныхъ агентовъ дѣлались нужныя извлеченія; а впослѣдствіи, когда стали появляться въ Россіи печатныя иностранныя вѣдомости, то переводили изъ нихъ любопытнѣйшія статьи, и въ обычной формѣ свитковъ представляли эти куранты для прочтенія царю и нѣкоторымъ приближеннымъ людямъ. Посредствомъ этого рода вѣдомостей Посольскій приказъ постоянно сообщалъ свѣдѣнія объ иностранныхъ дѣлахъ. Кильбургеръ говоритъ: «по приходѣ почты, газеты тотчасъ посылаются въ замокъ (Кремль) въ Посольскій приказъ и тамъ распечатываются для того, чтобъ ни одинъ частный человѣкъ не узналъ прежде двора того, что происходитъ за границей». Это продолжалось до конца 1702 г. (16 декабря), когда послѣдовало именное повелѣніе Петра I-го о печатаніи русскихъ вѣдомостей, слѣдующаго содержанія: «великій государь указалъ—по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестнаго государствъ людямъ, *печатать куранты*, а для печатанія тѣхъ курантовъ вѣдомости въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ» (Пол. Собр. Зак. IV, № 1921). Первый нумеръ этихъ «Вѣдомостей» появился въ Москвѣ 2 января 1703 г., но еще раньше указъ царя былъ исполненъ (27 декабря 1702 г.) напечатаніемъ «юрнала о Нотебургѣ». Съ этого времени изданіе ихъ продолжалось безъ перерыва до 1728 г. Онѣ печатались въ 8° по 1711 годъ въ одной Москвѣ, а съ этого года въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Выходили онѣ не всегда въ опредѣленный срокъ (всѣхъ нумеровъ за 1703 г. вышло 39), съ экстраординарными по обстоятельствамъ прибавленіями, объемомъ каждый нумеръ отъ 2 до 7 листковъ. Вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экз. и повидимому читались усердно; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣльные нумера вѣдомостей вошли въ рукописные сборники того времени. Петръ имѣлъ на этотъ разъ болѣе удачи, чѣмъ въ распространеніи амстер-

дамскихъ изданій. Свѣдѣнія, касавшіяся Россіи, помѣщались прежде извѣстій иностранныхъ, заимствованныхъ вѣроятно изъ двухъ газетъ, получавшихся тогда въ посольской канцеляріи: «Breslauer Nouvellen» и «Reichs-Rest-Poiter». Кромѣ того гр. Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю какъ отдѣльные нумера газетъ, издававшихся въ этой странѣ, такъ и любопытныя выписки изъ газетъ, выходившихъ въ другихъ государствахъ. Все это вполнѣ или въ экстрактѣ помѣщалось въ вѣдомостяхъ. Кто занимался редакціей «Вѣдомостей» — съ точностью неизвѣстно; думаютъ, что это былъ гр. Ѳ. А. Головинъ. Но Петръ и самъ иногда отмѣчалъ для перевода статьи изъ иностранныхъ газетъ (*). Содержаніе петровскихъ «Вѣдомостей» было по преиму-

(*) Приводимъ здѣсь выдержки изъ перваго № «Вѣдомостей». Для удобства чтенія, сбивчивая орѳографія подлинника нѣсколько измѣнена нами:

Вѣдомости.

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ, гоубицъ и мортировъ вылито 400. Тѣ пушки, ядромъ по 24, по 18 и по 12 ф. гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые; мортиры бомбомъ девяти, трехъ и дву-пудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ, великихъ и среднихъ, къ литью пушекъ, гоубицъ и мортировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили. Въ математической штюрманской школѣ болше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ. На Москвѣ, ноября съ 24 числа по 24 декабря, родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ. Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили пзрядну, отъ чего чаютъ не малую быть прибыль московскому государству. Изъ Сибири пишутъ: въ китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены. Изъ Олонца пишутъ: города Олонца попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячю человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскіе — ругозенскую и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы. А на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число... и соловскую мызу сжегъ, и около соловской многіе мызы, и деревни, дворовъ съ тысячю, пожегъ же... Изъ Львова пишутъ, декабря въ 14 день: силы казацкіе, подъ полковникомъ Самусемъ, ежедневно умножаются, вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городкомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войски... Изъ Ніена, въ Ингерманландской землѣ, октября въ 16 день. Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже Москва въ здѣшней землѣ не добро поступаетъ, и для того многіе люди отъ страха отселѣ Выйбуркъ (т. е. въ Выборгъ) и въ Ѳінляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою. Крѣпость Орѣшекъ — высокая, кругомъ глубокою водою объятая, въ 40 вер-

ществу практическое: особенныхъ разсужденій нѣтъ. Только въ польскихъ дѣлахъ, которыя всегда сильно интересовали Петра, можно замѣтить отчасти преднамѣренный выборъ фактовъ.

Въ «Вѣдомостяхъ» нѣтъ еще правильнаго раздѣленія извѣстій по рубрикамъ: политическія новости чередуются съ разными явленіями природы; ничтожное событіе стоитъ рядомъ съ крупнымъ и часто излагается подробнѣй его. Такъ напр., вслѣдъ за политическими извѣстіями изъ Парижа (Вѣд. 1724 г.), попадается новость, что «одна бѣдная жонка родила дочь съ четырьмя руками, съ четырьмя ногами, съ двумя *фундаментами* и пр. Послѣ смерти потрошили ее и нашли въ тѣлѣ два сердца, два легкіе, два пузыря и четыре почки». Редакція «Вѣдомостей», желая распространить свое изданіе въ возможно-большемъ кругу читателей, очевидно разсчитывала, что запасъ новыхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ею, расшевелитъ апатію грамотныхъ людей и возбудитъ въ нихъ интересъ къ тому, что совершалось за предѣлами ихъ домашняго быта. Для достиженія этой цѣли полезны были и курьезы въ родѣ приведеннаго нами, весьма интересовавшіе тогдашнюю публику. Чтеніе вѣдомостей стало распространяться, мало по малу, въ разныхъ классахъ народа; но какъ географическія свѣдѣнія въ то время были весьма ограниченны, — то чтобы сдѣлать газету доступнѣе разумѣнію каждаго читателя, редакція, въ концѣ 1723 г. стала печатать краткія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мѣстахъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Напримѣръ: «Версалія — село и забавный домъ короля французскаго, близко Парижа;» «Гага — въ Голландіи городъ, или лучше сказать, село самое хорошее, порядочно строенное и увеселительнѣйшее во всей Европѣ» и т. п. Въ 1725 г. пять послѣднихъ нумеровъ оглавляются уже такъ: «Россійскія Вѣдомости», нумера отмѣчаются цифрами, чего прежде не было. По смерти Петра I, изданіе «Вѣдомостей» продолжалось по 1728 годъ. Въ этомъ году редакція «Вѣдомостей», въ силу академическаго регламента, поступила во всегдашнее независимое распоряженіе академіи наукъ, которая стала издавать

стахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осажена, и уже болше 4,000 выстрѣловъ изъ пушекъ, вдругъ по 20 выстрѣловъ было, и уже болше 1,500 бомбъ выбросано; но по сіе время не великій убытокъ учинили, а еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣстъ ту крѣпость обладаютъ... Изъ Амстердама, ноября въ 10 день. Отъ архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его царское величество войска свои, въ различныхъ корабляхъ, на Бѣлое море запроводилъ, оттолѣ далѣе пошелъ и корабли паки назадъ къ архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежедневно 600 челов. работаютъ.

На Москвѣ 1703 г., генваря въ 2 день.

ихъ со 2-го января 1728 г. подъ названіемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и печатать въ своей академической типографіи.

«С.-Петербургскія (академическія) вѣдомости» выходили дважды въ недѣлю (сроки выхода измѣнялись въ разные года), съ «историческими, генеалогическими и географическими примѣчаніями»; въ тѣхъ и другихъ помѣщались иногда чертежи предметовъ по части астрономіи, механики и др. Редакторомъ «Вѣдомостей» (съ 1728 г. до половины 1730 г.) и «Историческихъ примѣчаній» сдѣлался извѣстный Миллеръ. Предпринимая свое прибавленіе къ «Вѣдомостямъ» академіи, Миллеръ желалъ преимущественно испытать, какъ будетъ оно принято читателями. Успѣхъ превзошелъ его скромныя ожиданія: публика съ охотою читала его листки, и многіе члены академіи поддерживали его своимъ сотрудничествомъ. Въ 1729 г., въ «Письмѣ къ благосклонному читателю», Миллеръ самъ объявилъ, что до его примѣчаній «нашлись многіе охотники», и онъ, вслѣдствіе этого, нашелся вынужденнымъ участить сроки выхода газеты. Если попадались въ вѣдомостяхъ фразы, непонятныя для читателей, Миллеръ давалъ на нихъ свои объясненія—сначала только историческаго и географическаго содержанія; но въ 1729 г. было уже извѣщено: «мы (т. е. редакція) намѣрены такъ распространить примѣчанія, что не токмо, какъ въ прочемъ обыкновенно, новую политическую исторію, генеалогію и географію изъяснять; но и о всемъ прочемъ наше мнѣніе объявлять будемъ. Такожде не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частей натуральной, церковной и ученой исторіи многое прибавлять». Примѣчанія эти Миллеръ почерпалъ, между прочимъ, изъ иностранныхъ изданій, напр. изъ англійскихъ—«Зрителя» и «Опекуна». Характеръ «Примѣчаній» былъ чисто элементарный: публикѣ, немѣвшей въ рукахъ почти никакихъ учебныхъ пособій, но уже пріученной Петромъ къ чтенію вѣдомостей, Миллеръ предлагалъ свѣдѣнія по самымъ разнообразнымъ предметамъ и тѣмъ подготовлялъ ее къ сознательному воспріниманію читаннаго.

Въ примѣчаніяхъ Миллера постоянно высказывается забота о пользѣ читателей: въ статьѣ «о моровомъ повѣтріи» (Примѣчаніе 1729 г. № X) объясняются причины, симптомы и врачеваніе этой болѣзни; говоря о камнѣ *азбестѣ*, — находимомъ у насъ въ Сибири,—изъ котораго выдѣлывалось несгораемое полотно, Миллеръ также имѣлъ въ виду практическое приложеніе. Онъ не забывалъ нападать на суевѣрія, господствовавшія въ русскомъ обществѣ; извѣстіе о появленіи кометы въ Анконѣ было имъ комментировано слѣдующимъ образомъ: «при семъ случаѣ намѣрены мы о кометахъ и протчихъ небесныхъ знакахъ нѣчто упомянуть, *дабы чрезъ то благо-*

честнаго читателя, которому бы таковые необычные видѣнія соблазнію быть могли, изъ сомнѣнія вывести. Комета есть чрезвычайная звѣзда на небеси, которая свое собственное движеніе имѣетъ и токмо въ нѣкоторые времена видима бываетъ. Она является почитай всегда или съ краткимъ, или съ долгимъ свѣтлымъ хвостомъ, о чемъ слѣдующій резонъ дается, понеже кометы обыкновенно вкругъ мгловатымъ кругомъ окружены бываютъ, въ которомъ отъ онаго назадъ сіяющіе лучи солнечные на противостоящей сторонѣ зѣло явно и ясно видѣть можно... Изъ сего описанія, которое въ примѣчаніяхъ знатнѣйшихъ астрономовъ подтверждается, выразумѣть можно, что кометы натуральные отъ Бога сотворенныя твари суть, которымъ, по учрежденіямъ ихъ движенія, въ нѣкоторые времена конечно являтися надлежитъ, и тако оные никоимъ образомъ *за признаки нещастія какого почтены быть не могутъ*, хотя временемъ внезапно учинилось, что какое несчастливое посѣщеніе на земли въ тое же время приключилось, какъ комета на небеси видима была... Приключались часто злыя и несчастливыя времена безъ явленія кометъ, а напротивъ того примѣчено, что при явленіи разныхъ кометъ болѣе счастливыхъ, какъ несчастливыхъ случаевъ приключилось. Итако не надлежитъ о такихъ хотя чрезвычайныхъ звѣздахъ какіе сумнѣнія имѣть, *ниже оный хвостъ, какъ простой народъ разсуждаетъ, за мятлу какую признавать*, яко бы Богъ оную при наказаніи какой земли употреблять хотѣлъ... Изъ Анконы увѣдомлено нынѣ, что пять дней по явленіи оной кометы, еще другая звѣзда въ образѣ креста видима была, и потомъ молодой человѣкъ, на лошади сидящій, на шляпѣ перо имѣя, усмотрѣнъ. И можетъ быть, что въ облакахъ или на небеси нѣкоторые ясные лучи разныхъ видовъ являлись и тако онымъ (т. е. наблюдателямъ) отъ премѣненія оныхъ (лучей) такіе фігуры въ мысли показались». (Примѣч. 1728 г. № 2.) Конечно, Миллеръ не былъ особенно бдителенъ въ преслѣдованіи разныхъ суевѣрій и нерѣдко печаталъ, безъ всякой оговорки, извѣстія въ такомъ родѣ, что «нѣкоторая дамская персона имѣла на сихъ дняхъ съ *духомъ* нѣкотораго кавалера особливый случай (т. е. свиданіе съ умершимъ)». Нѣкоторыя иностранныя слова въ «примѣчаніяхъ» объясняются; при словѣ *фабула* ставится въ скобкахъ: «басня», при словѣ *матерія*—вещество и т. п.

Что касается «С.-петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся подъ редакціей Миллера, то они въ одномъ только отношеніи измѣнились—и прибавимъ, къ худшему противъ петровскихъ вѣдомостей: извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ сообщались въ нихъ крайне скудныя. Въ этихъ скупыхъ извѣстіяхъ говорилось преимущественно о разныхъ торжествахъ, смотрахъ и чинопроизводствахъ. Иногда появлялись замѣтки о погодѣ, напр. «воздухъ въ здѣшнихъ околично-

стяхъ (т. е. въ окрестностяхъ) уже такъ легокъ и пріятенъ сталъ, какъ только оный пожеланъ быть можетъ. 27 дня сего мѣсяца (марта) прошелъ ледъ рѣки Невы, и уже на оной на судахъ ѣздить можно». (Прим. 1728 г. №26). Иностранныя новости были по прежнему обильны и разнообразны, и также слѣдовали одна за другою, безъ всякаго различія по ихъ родамъ и степени важности. Приведемъ образчикъ подобныхъ извѣстій:

«Изъ Ріма, ноября отъ 29 дня. Графъ фонъ Ламбергъ имѣетъ, яко цесарскій посланникъ, сюда прибыть. Нѣкоторый церковный служитель здѣшняго собора Санктъ Іоанна фонъ Латерана взятъ подъ караулъ, понеже онъ кости звѣрей за мощи святыхъ продавалъ и чрезъ нѣкоторые вымышленные буллы другихъ обманывать вспомоществовалъ» (1728 г. № 1).

«Изъ Дублина, въ Ирландіи, отъ 9 дня декабря. Сего дня начался парламентъ, а нижній совѣтъ выбралъ господина Вилгельма Коналла въ ихъ шпрехеры (предлагатели о дѣлахъ). Вицерой, милордъ Картеретъ былъ въ верховномъ совѣтѣ и говорилъ предъ обѣма парламентами рѣчь». (№ 3) (*).

«Изъ Лондона, отъ 1 дня января. Здѣсь еще сумнѣваются о щастливомъ споспѣшествованіи трактатовъ между нашимъ и гишпанскимъ дворами, ибо хотя слухъ вездѣ разсѣянъ былъ, что король Гишпанскій преліминарные артикулы къ предбудущему общему миру подтвердилъ, то однакожь извѣстны мы здѣсь, что сіе токмо подъ нѣкоторыми кондиціями учинилось, которые нашему двору отъ Гишпаніи предложены» (№ 6).

«Изъ Штрасбурга пишутъ, что нѣкоторая особа женскаго полу, не бывъ за мужемъ, въ 60 году отъ рожденія ея, 23 дня прошлаго мѣсяца февраля умерла, у которой нижняя часть чрева отъ времени до времени великая стала, которая однакожь весьма никакой болѣзни не чувствовала, и какъ тамошніе медики, хотя они при леченіи ея всякіе лекарства употребляли, ей никакую пользу учинить не могли, то стали они оную по смерти ея анатомировать, дабы имъ причину такой необыкновенной болѣзни открыть, и нашли внутри чрева ея великую змѣю». (№ 22).

При сообщеніи политическихъ извѣстій Миллеръ не позволялъ себѣ разсуждать о нихъ и держался только фактовъ, которые почерпалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ иностранныхъ газетъ. Какъ смотрѣли въ то время на участіе «непризванныхъ лицъ» въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ — показываетъ *Копія съ письма изъ Амстердама,* напечатанная въ № 88 «С.Петерб. Вѣдомостей» за 1728

(*) Затѣмъ приводится самая рѣчь.

г. Здѣсь идетъ рѣчь объ одной насмѣшливой статьѣ,—напечатанной повидимому во Франціи,—гдѣ «мирныя дѣла (т. е. конференціи въ Суассонѣ) представлены яко картеная игра, и 20 и болшее число персонъ въ одной квадриллѣ представляются». По словамъ корреспондента «С.Петербургскихъ Вѣдомостей», это «безобразное умаразсужденіе принято у многихъ за благо» и онъ очень безпокоится, чтобы памфлетъ и въ Петербургѣ «не былъ такимъ же образомъ принятъ». Насчетъ права частныхъ лицъ обсуждать политическія событія, корреспондентъ отзывается такъ: «воинскихъ и мирныхъ дѣлъ основательно разсуждать суть, по моему мнѣнію, только тѣ достойны, *которые случаи имьютъ съ знатными министрами обходиться и которые о ихъ тайныхъ дѣлахъ извѣстны.* Нѣкоторые принуждены скорлупами довольствоваться вмѣсто того, что сіи ядра находятъ; и когда такой, который сіе щастіе не имѣетъ, думаетъ, что онъ подлинно прицѣлилъ, то находится часто, что онъ въ средину цѣли не потрафилъ».

«Что есть страннѣе — продолжаетъ этотъ авторъ — яко то, когда кто дѣйствителныя и важныя дѣла смѣшно изображаетъ? что хуждшѣе, яко то, когда кто 20 и болшее число персонъ въ одной квадриллѣ представляетъ? Что есть обыкновеннымъ правиламъ въ разсужденіи противнѣе, яко то, когда кто склонешіямъ нрава (т. е. личной прихоти) надъ мудростью власть даетъ и въ самомъ началѣ измѣняетъ, къ какой партіи онъ склоняется? и что напослѣдокъ безразумнѣе, яко то, когда кто такіе персоны, въ игру (въ картежную) вмѣняетъ, которые до оной весьма не касаются?... Разсудите сами, ежели сіе жесточайшаго разсмотрѣнія не стоитъ. Я оное письмо (т. е. статью) того ради къ вамъ посылаю, дабы вы со мною о слабости издателя сожалѣли... Воздержность издателя да защищается такъ, какъ можетъ; такъ именуемое благое разсужденіе, которымъ французскій народъ хвалится, изъ того не узнавается; или ежели оное отъ прежнихъ временъ такъ *изъ порядка вышло*, то бъ хорошо было, когда бъ *особливое собраніе учредить, котораго члены постарались бы, чтобы оное въ прежнее состояніе, чисто и безъ фальши привести.* Но находится мало таковыхъ людей въ свѣтѣ, которые основателнаго и добраго разсужденія суть».

По мнѣнію амстердамскаго корреспондента, — лица повидимому вліятельнаго,—сообщеніе политическихъ извѣстій лежитъ на обязанности свѣдущихъ людей, близкихъ къ министрамъ, и нужно даже учредить «особливое собраніе», которое бы пеклось о приведеніи этихъ извѣстій въ чистоту и безъ фальши—если они ужь разъ искажены несвѣдущей рукою. Подобный немудреный взглядъ на журналистику высказываетъ и Ломоносовъ. Разница только въ томъ, что

Ломоносовъ даже совсѣмъ изгоняетъ политику изъ круга журнальныхъ обсужденій и ограничиваетъ этотъ кругъ только одними выборками изъ академическихъ изданій и мемуаровъ.

Успѣхъ «Примѣчаній» внушилъ Миллеру мысль заняться изданіемъ ежемѣсячнаго учено-литературнаго журнала съ цѣлью распространять въ русской публикѣ серьезныя научныя познанія, относящіяся главнымъ образомъ къ прошедшему и настоящему быту Россіи. Такое изданіе предпринялъ Миллеръ въ 1755 г. подъ названіемъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій». На первомъ планѣ стояли здѣсь ученыя изысканія самого Миллера по русской исторіи; но въ журналъ были допущены также и другаго рода статьи, безъ раздѣленія ихъ на особыя рубрики (которыя появились въ первый разъ въ карамзинскихъ журналахъ),—уже не для «пользы», а для «увеселенія» читателей. Въ предисловіи къ журналу говорилось: «предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ и пр. къ поправленію чего нибудь поводъ подать могутъ... Для сохраненія благопристойности и для отвращенія противныхъ слѣдствій *вноситься не будутъ сюда никакіе явные споры или чувствительныя возраженія* на сочиненія другихъ, ниже иное что съ обидою написанное на кого бы то ни было... Мы равномѣрно желаемъ, чтобъ и стихотворцы сочиненія свои намъ сообщали, между которыми могутъ быть и забавныя; то мы надѣемся, что *сочинители оныхъ ни до кого персонально касаться не будутъ*». Такимъ образомъ, въ журналѣ печатались нравоучительныя притчи, сны, повѣсти — оригинальныя и переводныя изъ англійскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Характеръ этихъ нравоученій и сатиръ былъ не таковъ, каковъ онъ былъ въ позднѣйшее время: Миллеръ очень опасался всякихъ «персональныхъ указаній» и «противныхъ слѣдствій» полемики, потому въ сатирахъ его журнала развивались только одни общія идеи, въ самой отвлеченной и безобидной формѣ. Форма аллегоріи считалась самой удобной для такого кроткаго исправленія нравовъ; нравственныя идеи, пересыпанныя нападками на общечеловѣческіе пороки, излагались въ видѣ сновъ, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ и т. п. Для пущаго обличенія зла, авторъ бралъ названіе какого нибудь ходячаго порока и разсказывалъ его исторію, какъ-то: союзъ съ другими пороками и вражду съ добродѣтелью. Въ подобномъ родѣ есть напримѣръ одна «Аллегорія», въ которой разсказывается о гордости, что она «родилась отъ упрямства и презорства; ненависть и зависть были дѣдъ и бабка съ отцовской, а безуміе и самолюбіе — съ материнской стороны». Гордость вступаетъ потомъ

въ бракъ съ честолюбіемъ, губитъ мужа и сама погибаетъ. Въ другихъ беллетристическихъ произведеніяхъ развивается мысль, что «благость и милосердіе потребны героямъ», что «монаршее имя любовью къ подданнымъ безсмертіе пріобрѣтаетъ» и т. п. По части серьезныхъ статей съ научнымъ характеромъ, Миллеръ переводилъ изслѣдованія Бюффона, Линнея, статьи медицинскаго содержанія и пр. и пр. Современныя извѣстія оставались въ окончательномъ пренебреженіи: они ограничивались, и то рѣдко, описаніемъ фейерверковъ, придворныхъ церемоній, пріема пословъ и т. п. Съ 1763 г. появляется въ журналѣ постоянная библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

Съ 1756 г. стали выходить въ Москвѣ, при университетѣ, «Московскія Вѣдомости» (дважды въ недѣлю) по образцу Петербургскихъ, въ томъ видѣ, какъ они издавались при Миллерѣ. Первыми редакторами ихъ были Поповскій и Барсовъ. Здѣсь, также какъ и въ академическихъ вѣдомостяхъ, печатались преимущественно иностранныя политическія извѣстія безъ всякой тенденціи, а также новости собственно московскія: описаніе университетскихъ празднествъ, объявленія отъ университета и присутственныхъ мѣстъ.

Кромѣ элементарно-поучительнаго характера, въ изданіяхъ Миллера впервые пробилась и *сатирическая* струя, скованная первоначально своей аллегорической формой. Въ 1759 г. одинъ изъ сотрудниковъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», сатирикъ и драматургъ Сумароковъ затѣялъ свой собственный журналъ, подъ названіемъ «Трудолюбивой Пчелы», въ которомъ сатирѣ отводилось уже болѣе мѣста и значенія, чѣмъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Сумароковъ осмѣивалъ не пороки *вообще*, а пороки русскаго общества въ частности. Но еще полнѣе выразилось это сатирическое направленіе въ цѣломъ рядѣ журналовъ, возникшихъ при Екатеринѣ II. — Извѣстно, что въ первое время своего царствованія Екатерина II, торжественно осудивъ своего предшественника за «развращеніе всего того, что Петръ Великій въ Россіи установилъ», дала обѣщаніе заботиться единственно о благосостояніи своего государства, «дабы вывести усердныхъ сыновъ Россіи изъ уныній и оскорбленія». Императрица издала одинъ за другимъ нѣсколько указовъ — или облегчавшихъ народныя тягости, или осуждавшихъ, рѣзко и безпощадно, весь прежній порядокъ дѣлъ. Сюда относятся: указъ объ уничтоженіи ненавистной всѣмъ тайной канцеляріи и другой, гдѣ съ замѣчательной прямотою было раскрыто господствовавшее въ то время въ судахъ лихоимство. Либеральное настроеніе императрицы, желавшей прослыть «россійской Минервой», отразилось и въ тогдашней литературѣ. Понимая, подобно Петру I, значеніе печати для успѣшнаго проведенія

въ общество извѣстныхъ взглядовъ, Екатерина сама прибѣгала къ литературнымъ средствамъ и охотно дозволяла другимъ пользоваться свободой слова, — настолько, насколько это не противорѣчило ея политическимъ предначертаніямъ.

Но положеніе тогдашнихъ журналовъ было впрочемъ незавидное; при всей своей невинности, они могли нападать только на то, что было уже и безъ того осуждено государственной властью. Писатели, которые пробовали распространить свои критическія наблюденія нѣсколько дальше обычной мѣрки, встрѣтились съ самыми затруднительными препятствіями, которыя конечно были вовсе имъ не по силамъ. Исторія притѣсненій, которымъ подверглись въ это время наши сатирическіе журналы, довольно знакома публикѣ; мы только напомнимъ вкратцѣ главные факты этой литературы. Въ 1769 г. появился еженедѣльный сатирическій листокъ «Всякая Всячина», въ изданіи котораго принимала непосредственное участіе сама императрица (см. Матеріалы для исторіи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II; Зап. Ак. Н., прил. къ III т., № 6.) Направленіе этого листка было умѣренно-либеральное; въ немъ вліятельный кружокъ развивалъ инкогнито свои мысли по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда общественное мнѣніе. Примѣръ «Всякой Всячины» увлекъ на это поприще и другихъ писателей: вслѣдъ за ней появились въ томъ же году слѣдующія изданія: «И то и се», «Ни то ни се» (Рубана), «Поденщина» (Тузова), «Смѣсь», «Трутень» (Новикова) и «Адская Почта» (Эмина). Кромѣ того, полгода выдавалось «Полезное съ Пріятнымъ». Всѣ эти изданія кончились съ концомъ года; только два изъ нихъ: «*Барышокъ* Всякія Всячины» (т. е. остатокъ прошлогднихъ статей) и «Трутень» перешли на слѣдующій 1770 годъ. Самымъ смѣлымъ изъ этихъ журналовъ былъ, конечно, «Трутень» Новикова. Въ первыхъ же листкахъ своего еженедѣльнаго изданія даровитый писатель напалъ съ такимъ ожесточеніемъ на взяточниковъ и ихъ покровителей, что осторожная «Всякая Всячина» сочла нужнымъ напечатать отповѣдь, въ которой вина неправосудія слагалась съ чиновниковъ на общество, давно привыкшее къ ябедѣ и сутяжничеству. При этомъ «Всякая Всячина» удостовѣряла, что «можетъ быть никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая монархиня», и что «ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива и желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея области». Вопросъ о взяточничествѣ ставился, слѣдовательно, такимъ образомъ, что излишняя горячность въ преслѣдованіи его могла быть растолкована обидною для верховной власти. Подобная постановка вопроса повела къ тому, что

въ началѣ 1770 г. «Трутень» всѣ свои нападки на взяточниковъ помѣчалъ заднимъ числомъ, т. е. относя ихъ къ неустройству *прежняго* правленія. Еще рѣзче оборвали Новикова, когда онъ вздумалъ коснуться, въ прямыхъ обличеніяхъ, высоко-поставленныхъ лицъ, тѣхъ «большихъ бояръ, которые угнетаютъ истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество и съ которыми хуже имѣть дѣло, чѣмъ съ лютымъ тигромъ». Вслѣдъ за появленіемъ подобной статьи, издатель «Трутня» получилъ письмо отъ одного изъ своихъ доброжелательныхъ подписчиковъ, въ которомъ его предостерегали, что статьи такого содержанія дурно принимаются при дворѣ. Между прочимъ, корреспондентъ приводитъ весьма характерныя слова одного «придворнаго господчика» про издателя «Трутня»: «не въ свои-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ («Трутень» помѣстилъ у себя разсказъ, какъ одна знатная барыня украла изъ гостинаго двора два мотка золотыхъ и серебряныхъ сѣтокъ), на судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе. Полно-де его недавно отпряла «Всякая Всячина» очень хорошо;—это еще ничего: въ старыя времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія (т. е. въ Сибирь, по объясненію г. Пекарскаго); но нынче-де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь-де знатный господинъ — не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга. Знать, что де онъ не слыхивалъ, что были на Руси сатирики и не въ его пору, но и тѣмъ рога посломали» (Трутень, изд. Ефремова, л. VIII, стр. 51). Письмо оканчивается совѣтомъ «не наводить зеркала на лица знатныхъ бояръ и боярынь». Не трудно понять, что послѣ такихъ внушеній издателю «Трутня» не легко было продолжать свою сатиру, и дѣйствительно «Трутень» въ скоромъ времени весьма понизилъ свой тонъ. Новиковъ затрогивалъ въ своихъ статьяхъ крестьянскій вопросъ; но и тутъ перо сатирика удерживала очень замѣтная боязнь — сказать больше, чѣмъ слѣдовало, попасть не въ тонъ вліятельнаго кружка и подвергнуться за то прямому или косвенному преслѣдованію. Въ XXIV листѣ «Трутня» за 1769 г. говорится о помѣщикѣ *Безразсудѣ*, который «боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы». Этому помѣщику, для излеченія отъ болѣзни, авторъ совѣтуетъ «всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между

господиномъ и крестьяниномъ». Очевидно, у автора была на умѣ мысль о несправедливости крѣпостныхъ отношеній, и эту мысль онъ выставилъ довольно прозрачно подъ видомъ сравненія помѣщичьихъ и крестьянскихъ костей; но логическаго вывода, прямаго отрицанія крѣпостнаго права и тутъ нѣтъ, потому что Екатерина не находила удобнымъ отнимать у многихъ вельможъ только что пожалованныхъ имъ крестьянъ. Вслѣдствіе внѣшняго давленія, «Трутень» постепенно падалъ въ 1770 г.; издатель боялся печатать самыя рѣзкія статьи, присылаемыя къ нему, или печаталъ ихъ съ уродливыми передѣлками; сотрудники и подписчики одинаково жаловались, что «Трутень» за этотъ годъ сталъ «нерадивѣе» прошлогодняго. По причинѣ вынужденныхъ редакторскихъ поправокъ, случалось, что

Въ смущеніи творецъ труды свои читалъ
И зря, что самъ писалъ, того не понималъ...

Въ оправданіе свое издатель говорилъ, что не знаетъ, какъ угодить публикѣ, что въ 1769 г. всѣ бранили «Трутень» за «ругательства и подлыя мысли, печатаемыя въ немъ»; что въ 1770 г. снова бранятъ, уже за то, что въ журналѣ ничего такого нѣтъ, и онъ сталъ тише воды, ниже травы. Новиковъ конечно понималъ, что бранили «Трутень» не одни и тѣ же лица.

Въ томъ же году прекратился «Трутень», не вызвавъ, по словамъ Новикова, соболѣзнованія въ читателяхъ, уже давно недовольныхъ имъ. Въ 1772 г. Новиковъ опять вступаетъ на журнальное поприще съ новымъ еженедѣльникомъ—«Живописецъ». Къ этой дѣятельности вызвало его появленіе комедіи: «О время», авторъ которой—сама императрица — осмѣивалъ довольно рѣзко ханжество, роскошь и невѣжество современнаго общества. Новиковъ сталъ подъ защиту этой комедіи и свой журналъ посвятилъ «неизвѣстному сочинителю комедіи: О время!» «Живописецъ» издавался съ небольшимъ годъ (съ 17 апр. 1772 г. до конца іюня или до начала іюля 1773 г.) и шелъ даже лучше другихъ журналовъ; но тонъ его былъ уже далеко не таковъ, какъ въ первомъ изданіи Новикова. Уже во 2 листѣ своего журнала Новиковъ заявляетъ, что путь, избранный имъ, скользокъ и опасенъ, и что онъ, издатель, постарается «никогда не разлучаться съ осторожностью». Въ «Живописцѣ» появляются въ большомъ количествѣ льстивыя восхваленія Екатерины II — «на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи», «по случаю коронованія» и т. п. Въ 1773 г. выходилъ только одинъ безграмотный и пустой журналъ «Мѣшенина». Въ 1774 г. выходилъ только одинъ «Кошелекъ», а въ слѣдующемъ, 1775 году, журналистика совсѣмъ замолкла.

Сатирическое направленіе проявилось впослѣдствіи въ «Собесѣд-

никѣ любителей русскаго слова» (1783—1784 г.), въ которомъ главное участіе принадлежало княгинѣ Дашковой; но уже близко было время полицейскихъ преслѣдованій за неправившееся императрицѣ «свободоязычіе». Въ 1785 г. наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ за напечатаніе книгъ, «наполненныхъ страшными мудрствованіями». По поводу этихъ изданій императрица сама написала письмо московскому митрополиту Платону: «призовите помянутаго Новикова къ себѣ и прикажите испытать его въ законѣ (божьемъ), равно и книги его типографіи освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей». И митрополитъ Платонъ, дѣйствительно, произвелъ Новикову экзаменъ изъ православнаго катихизиса. Въ 1790 г. сентября 4, данъ былъ указъ о ссылкѣ въ Сибирь Радищева «за изданіе книги (Путешествіе изъ Петербурга въ Москву), наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской» (*). Въ 1793 г. разразилась гроза

(*) Замѣчательно, что въ томъ же году нѣкто Гавриловъ началъ издавать въ Москвѣ «Политическій журналъ съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей», въ которомъ описывались подробно всѣ политическія событія во Франціи и даже печатались рѣчи тогдашнихъ ораторовъ. Въ первомъ нумерѣ этого журнала (1790 г.) говорилось: «Въ 1789 г. весь свѣтъ потрясенъ былъ толь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало *новой эпохи человѣческаго рода*. (Курсивъ въ подлинникѣ). Послѣ многихъ столѣтій, 1789 годъ есть самый достопамятный. Со временъ крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы *политическое мнѣніе* распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ *свободы* учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, такъ какъ духъ *религіи* при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ своихъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у *невѣрныхъ королей*, нынѣ брали они ихъ у *христіанѣйшаго*. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился, во многихъ головахъ, въ круженіе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ излишествъ». Затѣмъ, исчисливъ всѣ политическія реформы въ разныхъ странахъ Европы, авторъ статьи продолжаетъ: «При всѣхъ оныхъ безпокойныхъ народныхъ движеніяхъ произошло, какъ выше замѣчено, начало новой эпохи человѣческаго рода,—эпоха *поправленія судьбы* такъ называемыхъ низкихъ состояній,— *угнетеніе самопроизвольной власти*, ограниченіе министерскаго и подминистерскаго деспотизма, владычества аристократовъ или вельможъ возлѣ престоловъ». Журналъ этотъ переводился съ нѣмецкаго и, вѣроятно по малому числу подписчиковъ, не обратилъ на себя вниманія литературныхъ аргусовъ. Хотя въ

надъ Княжнинымъ за его трагедію «Вадимъ Новгородскій», при чемъ этотъ писатель только по случаю своей смерти не попалъ въ руки надежнаго сыщика Шешковскаго, — замѣнившаго въ «тайной экспедиціи» прежнихъ дѣятелей упраздненной «тайной канцеляріи». Наконецъ въ 1796 г. послѣдовалъ именной указъ сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій». Постановленія о предварительной цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла I, издавшаго, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: «Такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ *запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ*, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку». (Полн. Собр. Зак. Т. XXVI, № 19,387).

Это постановленіе было отмѣнено Александромъ I, ко времени котораго мы и переходимъ.

I.

Послѣ грозныхъ гоненій на пробудившуюся мысль, послѣ допросовъ Шешковскаго Новикову и Радищеву, послѣ новальнаго запрещенія всего, что проникало къ намъ съ запада въ видѣ книгъ, эстамповъ и даже нотъ, — настаетъ время несравненно болѣе благопріятное для начинавшагося развитія русскаго общества. На престолъ вступаетъ молодой, двадцатилѣтній императоръ, воспитанникъ швейцарскаго гражданина, Сезара Лагарпа (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Жанъ-Франсуа Лагарпомъ, извѣстнымъ критикомъ лжеклассической школы), любимый всѣми, знавшими его, за доброту сердца, привѣтливость и мягкость характера. Первымъ дѣломъ новаго государя было — уничтоженіе «тайной экспедиціи» и возвращеніе изъ ссылки людей, пострадавшихъ въ предъидущее царствованіе. Около престола группируются люди, извѣстные своей наклонностью къ конституціоннымъ учрежденіямъ Англіи—Чарторижскій, Новосильцевъ, Строгоновъ — учреждаются министерства, которыя должны были впослѣдствіи привести къ отвѣтственности исполнительной власти; открыты новые университеты въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ, заведены гимназіи и уѣздныя училища—съ цѣлью положить прочныя основы просвѣщенію страны. «Александръ I-й, по

немъ проводились взгляды умѣренной конституціонной партіи; но такая умѣренность у насъ принимала видъ непростительнаго вольнодумства, за которымъ въ то время уже начинали зорко смотрѣть.

справедливому замѣчанію одного иностраннаго историка, зналъ другое честолюбіе, кромѣ военнаго, другое величіе, кромѣ величія воина, попирающаго трупы разбитой арміи; жизнь солдата не имѣла для него никакой прелести; въ противоположность своимъ предшественникамъ, онъ даже предпочиталъ простой гражданскій костюмъ блеску военнаго мундира». Въ публичной рѣчи, при открытіи харьковскаго университета, графъ Северинъ Потоцкій прямо выразился, что это высшее учебное заведеніе основано «для совершеннѣйшаго образованія благородныхъ молодыхъ людей, приготовляющихся занимать нѣкогда первыя государственныя мѣста, на подобіе оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, въ коп сыны первыхъ англійскихъ лордовъ пріѣзжаютъ *научаться защищать въ парламентѣ права своей страны*». Почти въ то же время, въ засѣданіи академіи наукъ, президентъ ея, Н. Н. Новосильцовъ сказалъ: «чуждый пагубнаго мнѣнія, которое *къ стыду прежнихъ временъ*, заставляя мрачное невѣжество предпочитать успѣхамъ наукъ и художествъ, заграждало пути къ распространенію оныхъ, и увѣренъ будучи, что познаніе истинъ въ естественномъ ихъ порядкѣ и въ надлежащемъ между собою отношеніи, предметъ всѣхъ наукъ составляющее, обогащаетъ и украшаетъ разумъ, возвышаетъ духъ чувствованія и добродѣтели человѣка и *убѣжденіемъ въ собственной пользѣ* побуждаетъ чтить законы, любить отечество, быть вѣрнымъ подданнымъ и добрымъ гражданиномъ—мудрый монархъ начерталъ правила народнаго просвѣщенія». (Сѣверн. Вѣстникъ 1804 г. № 1 и 10). Позже, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, задумалъ издавать при своемъ министерствѣ газету «Сѣверная Почта», выходя отъ мысли, что правительство должно вести свои дѣла открыто, ничего не скрывая отъ публики. По богатству свѣдѣній изъ провинціи, стекавшихся въ названномъ министерствѣ, эта газета превосходила всѣ остальныя: здѣсь сообщались и справочныя цѣны на хлѣбъ, и всѣ маломальски интересныя данныя изъ провинціальной жизни, и поиски полиціи за карточными игроками. Печатались также и статьи неоффиціальнаго рода, какъ напр. «историческій отрывокъ о почтахъ» о геттингенскомъ университетѣ, саратовскихъ колоніяхъ, винокуреніи, о внутренней хлѣбной торговлѣ и т. п. Всѣ эти предметы могли занимать тогдашнихъ читателей. Въ вопросѣ о хлѣбной торговлѣ газета стояла за отмѣну стѣснительныхъ мѣръ, при чемъ высказывалось мнѣніе, что «правительство должно сколь можно меньше мѣшаться въ торговлю и промышленность частныхъ лицъ», предоставляя свободное развитіе общественнымъ силамъ (№ 66). Такое счастливое настроеніе власти продолжалось не долго: изолированная отъ общества, не установивъ правильныхъ путей для выраженія

нуждъ и потребностей страны, она начала стѣснять октроированную свободу, и надежды, возлагавшіяся на ея инициативу, далеко не сбылись... Тѣмъ не менѣе поворотъ въ государственной жизни отразился благопріятно на журналистикѣ. Представителемъ этого новаго движенія въ нашей литературѣ, по всей справедливости, считается Карамзинъ. Но такъ какъ дѣятельность этого писателя началась еще въ концѣ царствованія Екатерины II-й, то мы должны будемъ обратиться нѣсколько назадъ.

Въ философскомъ движеніи XVIII-го вѣка уже давно опредѣлились двѣ струи, два различныя міровоззрѣнія:—раціонально-деистическое и собственно матеріалистическое, или сенсуализмъ. Первое примыкало къ англійской школѣ Локка, другое нашло своихъ представителей во французскихъ энциклопедистахъ. *Масонство*, зашедшее въ XVIII в. и къ намъ, приближалось въ основныхъ началахъ своихъ къ школѣ деистическихъ философовъ, т. е. масоны старались перенести въ практическую жизнь ту «религію разума», или «естественную религію», которая требовала отъ человѣка высокой нравственности, полезной дѣятельности, отвергая всякій догматизмъ и фанатическую нетерпимость. Скоро оно вступило въ борьбу съ распространявшимся атеизмомъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ Европѣ, масонство соприкасалось одной своей стороной—съ политической сектой иллюминатовъ, другой—съ мистической теософіей Бема, Штиллинга и др. Въ русскомъ масонствѣ не было политическаго оппозиціоннаго оттѣнка, который былъ въ западныхъ масонскихъ ложахъ; все лучшее, что было въ немъ, уходило только на филантропическую дѣятельность, чуждую какой бы то ни было политической теоріи. Лопухинъ, одинъ изъ лучшихъ людей «Дружескаго общества», говоря о различіи между западнымъ и русскимъ масонствомъ, чистосердечно признается: «нашего общества предметъ былъ—добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ—начало и конецъ всякаго блаженства». Тайныя же политическія общества, по мнѣнію Лопухина, основаны на томъ, «чтобы отвергать Христа, а обществъ оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству». Въ своемъ масонскомъ катихизисѣ Лопухинъ прямо говоритъ, что «масонъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому». Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Лабзина, масонство утратило и свой филантропическій характеръ, обратившись въ одно отвлеченное, мистико-религіозное созерцаніе. Карамзинъ, какъ извѣстно, вышелъ изъ масонскаго кружка и сохранилъ на себѣ отпечатокъ его

вліянія. Уваженіе къ человѣческой личности, независимо отъ ея общественнаго положенія и вѣса, отсутствіе религіознаго фанатизма — вотъ хорошія черты этого вліянія; но были также и дурныя. Живя въ Москвѣ, Карамзинъ занимался переводами книгъ въ мистическомъ духѣ для новиковскихъ изданій, мечталъ о потерянномъ золотомъ вѣкѣ и, несовсѣмъ отрезвившись отъ этого настроенія, отправился путешествовать по Европѣ. Возвратясь изъ путешествія, Карамзинъ принялся за изданіе ежемѣсячнаго «Московскаго Журнала» (1791—1792 г.). Появленіе этого журнала было очень важно для своего времени: послѣ сатирическихъ листковъ Новикова, это было первое живое слово въ тогдашнемъ литературномъ затишьи. Въ предувѣдомленіи къ журналу Карамзинъ говорилъ: «Вотъ начало. Издатель употребитъ всѣ силы свои, чтобъ продолженіе было лучше и лучше. Журналъ выдавать не шутка — я это знаю, — однако жь чего не дѣлаетъ охота и прилежность? Множество иностранныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами; ни одного изъ нихъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И въ самомъ дѣлѣ издатель искусно выбиралъ статьи для своей публики: тутъ были Письма русскаго путешественника, знакомившія хотя поверхностно съ умственною жизнью Европы, съ личностями ея знаменитыхъ мыслителей, разборы иностранныхъ и русскихъ книгъ, переводныя и оригинальныя повѣсти, и статьи о театрахъ. Строгаго, опредѣленнаго направленія здѣсь не было, да его и не могло быть въ то время; публикѣ нужны были хоть какія нибудь, не то чтобы систематическія познанія, хоть какое нибудь чтеніе, которое бы пріучало ее размышлять объ окружающемъ, видѣть въ книгѣ пріятнаго собесѣдника, а не кошмаръ, созданный для устрашенія школьниковъ. Успѣху журнала не мало способствовалъ и легкій литературный языкъ, которымъ писалъ Карамзинъ; доступность изложенія значительно раздвинула кругъ дѣйствія періодической печати. Утомившись изданіемъ журнала, который приходилось вести почти одному (послѣдняя книжка «Московскаго журнала» сильно запоздала, а въ 1791 г., вслѣдствіе двукратной отлучки издателя изъ Москвы, даже нѣсколько нумеровъ журнала вышли не въ свое время), Карамзинъ предпочелъ дѣйствовать на публику посредствомъ литературныхъ сборниковъ: *Аглая* (1794 г., двѣ книжки) и *Аониды* (1796—1799 г., три книжки). По своему составу «Аглая» есть какъ бы продолженіе Московскаго журнала; «Аониды» же представляютъ сборникъ стихотвореній самого Карамзина и другихъ современныхъ поэтовъ. Мы не будемъ распространяться о значеніи сантиментальности, впервые внесенной къ намъ карамзинскою беллетристикой; скажемъ только, что по сравненію съ ходульными произведеніями прежнихъ поэтовъ, воспѣвав-

шихъ битвы, барскія милости, иллюминаціи и фейерверки, переходъ къ простымъ сюжетамъ, заимствованнымъ изъ близкой и всѣмъ знакомой жизни, былъ самъ по себѣ признакомъ развитія литературы. «Поэзія, — говорилъ Карамзинъ въ предисловіи ко 2-й книжкѣ «Аонидъ» (1797 г.), — состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу, если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями..., то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ поэтическую сторону». Насъ больше интересуетъ взглядъ Карамзина на общественный и политическій строй Европы, его отношеніе къ различнымъ философскимъ системамъ, господствующій характеръ его изданій.

Въ «Московскомъ Журналѣ» еще очень замѣтно соединялись отголоски прежняго масонскаго вліянія и новыя впечатлѣнія, навѣянныя на Карамзина путешествіемъ по Европѣ. Филантропическое благодушіе сказывается во многихъ мѣстахъ знаменитыхъ «Писемъ»; но оно далеко отъ того, чтобы рѣзко осуждать несовмѣстный съ гуманизмомъ порядокъ вещей. «Я вездѣ видѣлъ,—пишетъ Карамзинъ изъ Мейссена — благоденствіе, счастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, казались мнѣ блаженными тварями...; въ каждомъ поселянинѣ, идущемъ по лугу, видѣлъ я благополучнаго смертнаго, имѣющаго съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами, думалъ я, веселъ и счастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ своимъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены и смотря на играющихъ дѣтей своихъ». Но радуясь этому благоденствію, Карамзинъ не забывалъ сѣтовать, что «въ Лифляндіи или въ Эстляндіи мужикъ приноситъ господину вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго». Лопухинъ, какъ извѣстно, тоже отстаивалъ въ принципѣ крѣпостное право, нужное, по его мнѣнію, «для обузданія народа», хотя и желалъ видѣть крестьянъ благоденствующими. Мечты о золотомъ вѣкѣ, оставшемся назади,—соединеніе Руссо съ Юнгомъ Штиллингомъ, также замѣтны въ «Письмахъ». «Ахъ, милые друзья мои! восклицалъ нашъ путешественникъ, выпивая воду, поданную ему пастухомъ,—для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобъ возвратиться въ первобытное со-

стояніе человѣка». Сюда же относятся идиллическія пожеланія автора «построить себѣ хижину на голубой Юрѣ» и удалиться отъ суетнаго человѣческаго общества. На вопросъ Виланда, къ которому нашъ туристъ ворвался почти насильно и былъ встрѣченъ сначала нетерпѣливо, на вопросъ этого поэта: «скажите, потому что я начинаю вами интересоваться, что у васъ въ виду?» Карамзинъ отвѣчалъ: «тихая жизнь!» Но рядомъ съ остатками піэтистическаго взгляда на вещи, мы замѣчаемъ въ Карамзинѣ и новыя стремленія, не укладывавшіяся въ рамки масонскихъ требованій. Любовь къ европейскому просвѣщенію, вѣра въ мысль и почти страстное ея обожаніе въ лицѣ тогдашнихъ представителей науки и поэтическаго творчества — это черта новая, которую Карамзинъ не могъ заимствовать изъ общества масоновъ, невѣжественно отвергавшихъ всѣ новѣйшія открытія въ химіи и астрономіи. Съ точки зрѣнія масона было бы предосудительно хвалить переводъ естественной исторіи Бюффона и рекомендовать вообще строгое изученіе законовъ природы, какъ это дѣлалъ Карамзинъ въ своемъ журналѣ. Правда, что въ то же время онъ печаталъ статью изъ «Психологическаго магазина» Морица въ родѣ «Чуднаго Сна» и т. п., но эта непослѣдовательность показываетъ только, что человѣку не легко отказываться отъ прежнихъ убѣжденій, привитыхъ въ молодости. Скоро послѣ того Карамзинъ отрекся и отъ своей утопіи о золотомъ вѣкѣ, который обходится безъ науки и общественной жизни. Противъ религіознаго фанатизма Карамзинъ высказываетъ мысль, что главная заслуга Вольтера въ томъ и состоитъ, что «онъ распространилъ взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное суевѣріе, которому еще въ началѣ XVIII-го вѣка приносились кровавыя жертвы въ Европѣ». Въ политическихъ вопросахъ Карамзинъ мало отошелъ отъ мнѣній масонскаго кружка; но и тутъ прорывались у него новые взгляды или, лучше сказать, новыя симпатіи, весьма отличныя отъ прежнихъ. Когда въ Московскомъ Журналѣ приходилось высказывать прямыя политическія мнѣнія, то издатель, не задумываясь, предпочиталъ всему абсолютную форму правленія, какъ это видно изъ разбора повѣсти Хераскова: «Кадмъ и Гармонія» (№ 1). Въ этой повѣсти замѣчательна въ политическомъ отношеніи рѣчь Кадма къ ѳессалійскому народу о лучшемъ образѣ правленія. Кадмъ одинаково осуждаетъ и аристократію и демократію въ управленіи государствомъ: «вы предпріемлете,—говоритъ онъ,—составить единый ликъ царя изъ разныхъ членовъ вашего общества; уничтожая царя, царскую силу и мощь изъ разныхъ частицъ слѣпить покушаетесь; трудное и едва ли возможное предпріятіе. Сліяніе разныхъ веществъ въ единую груду рѣд-

ко твердымъ и прочнымъ тѣломъ бываетъ... Вы многихъ мучителей, а не единодушныхъ отцовъ и защитниковъ народныхъ устроите». «Ежели немногое число избранныхъ вельможей вашихъ, о Θессалійцы, отечеству вредно, то какимъ злосчастіемъ угрожается ваше царство, всѣмъ народомъ управляемое... Кто ваше благоденствіе устроивать будетъ? Вы сами! Какому суду поработиться часте? Собственному своему! Кто вами будетъ начальствовать и кто начальникамъ вашимъ покоряться? Вы сами и начальниками, и повинующимися быть долженствуете! Странный образъ правительства. Но я изъясню мои мысли простыми ради васъ изреченіями. Вообразите, ежели бы земля наша, отвергнувъ солнечное сіяніе, сама себя освѣщать восхотѣла: въ какой бы мракъ она погрузилась? Если бы члены наши, отрекшись отъ назначеннаго природой имъ долга, всѣ купно господствовать восхотѣли: долго ли бы тѣло наше въ цѣлости пребыть могло? Скоро бы оно разрушилось, а съ нимъ и члены его купно бы погибли. Каждое царство есть цѣлое тѣло, главу для управленія и прочіе члены для служенія имѣть долженствующее... Сія-то глава есть царь, самодержавствующій подданными. О Θессалійцы! почто не избираете царя самодержавнаго?» Къ этой тирадѣ рецензентомъ сдѣлано примѣчаніе: «кто не почувствуетъ убѣдительности сихъ разсужденій?» Но въ другихъ случаяхъ Карамзинъ увлекался юношескою впечатлительностью и нѣсколько бравировалъ установившіяся понятія о политической жизни. Къ Швейцаріи онъ чувствовалъ особенное пристрастіе. «Счастливые швейцары! — восклицалъ онъ торжественно—всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе? При всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живя въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и *предъ однимъ Богомъ наклоняя гордую выю свою?* Вся жизнь ваша есть пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла (т. е. стрѣла смерти) должна кротко влетать въ грудь вашу, *не возмущаемую тиранскими стремленіями*» (*). Къ числу либеральныхъ бутадъ принадлежитъ и слѣдующая эпитафія «Истинѣ», напечатанная въ № 5 Московск. Журнала за 1791 г. «Здѣсь лежитъ истина, дщерь царя царей, суевѣріемъ, соблазномъ и чувственностью, *злоупотребленіемъ власти, льностью жрецовъ и хитростью политиковъ*, легкомысліемъ историковъ, педантствомъ ученыхъ и *глупостью народа* умерщвленная и здѣсь, въ нечистотѣ лжей, погребенная». Мы называемъ это бутадами, потому что платоническая любовь къ свободѣ, выраженная здѣсь, скоро улетучи-

(*) Впослѣдствіи, при отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, Карамзинъ замѣнилъ эту фразу другою, болѣе мягкою: «роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую свирѣпыми страстями».

лась въ авторѣ, да и въ самое это время не простиралась далѣе словъ. Нельзя забыть, что на глазахъ Карамзина разыгрывалась во Франціи революціонная драма; онъ видѣлъ даже участниковъ этой драмы, но нисколько не понималъ ея основныхъ мотивовъ. Въ одномъ и томъ же письмѣ (изъ Франкфурта, 29 іюля) онъ выхваляетъ республиканскій героизмъ Фіэски, главнаго дѣйствующаго лица въ трагедіи Шиллера, и отзывался съ пренебреженіемъ о «парижскихъ сценахъ». Сущность переворота: недовольство народа, порывъ къ свободѣ цивилизованныхъ классовъ были непонятны для любознательнаго путешественника, который о бархатной шапочкѣ Лафатера говорилъ съ большею охотой и подробностью, чѣмъ о событіи міровой важности, совершавшемся, такъ сказать, у него на глазахъ. «Вездѣ въ Эльзасѣ, пишетъ Карамзинъ, примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, почтальоны, бабы говорятъ о революціи. А въ Страсбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ прелата и принудила его пить пиво изъ одной кружки съ его кучеромъ за здоровье націи. Прелатъ поблѣднѣлъ отъ страха и трепещущимъ голосомъ повторялъ: mes amis, mes amis!— Oui, nous sommes vos amis, кричали солдаты: пей же съ нами! Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла». Однажды случилось ему наткнуться на одного эмигранта, кавалера св. Людовика, выгнаннаго изъ помѣстья «бунтующими поселянами», онъ, не заботясь составить себѣ понятіе о цѣломъ ходѣ событій и о томъ, что такое были тогда французскіе «цоселяне», находитъ здѣсь только случай для сантиментальныхъ изліяній о «кавалерѣ»... Но проѣзжая изъ Берна въ Лозанну, недалеко отъ городка Муртена, Карамзинъ видѣлъ памятникъ побѣды швейцарцевъ надъ Карломъ Смѣлымъ: онъ разсказываетъ историческое событіе, какъ «кровожаждущій тиранъ вознамѣрился покорить жителей Гельвеціи и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства», и выражаетъ сожалѣніе, что трофей побѣды такъ дорого обошелся человѣчеству (*). «Сокройте, сокройте, говорилъ нашъ туристъ, сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человѣка».

(*) Этотъ памятникъ состоялъ изъ костей убитыхъ воиновъ, обнесенныхъ желѣзною рѣшеткою.

Человѣческое достоинство, независимо отъ случайностей происхожденія, общественнаго положенія, даже національности, само по себѣ имѣло цѣну для Карамзина; создавъ себѣ космополитическій идеалъ человѣка, просвѣщеннаго единою, общею всѣмъ наукою, онъ оправдывалъ европеизмъ петровской реформы и написалъ даже слѣдующую замѣчательную филиппику противъ невѣжества древней Руси: «Мы не таковы, какъ брадатые предки наши — тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Извѣстно, какъ далеко Карамзинъ отступилъ отъ этого взгляда впослѣдствіи, въ своей статьѣ, «о древней и новой Россіи», и какъ строго осудилъ онъ Петра за крутость реформы, будто бы лишившей Россію самобытности національнаго развитія.

Отдѣлъ критики, хотя онъ и былъ въ «Московскомъ журналѣ», и въ немъ попадались статьи, рѣзко выдѣлявшіяся своимъ здравымъ взглядомъ на искусство (какъ напр. статья о драмѣ Лессинга: «Эмилія Галотти»), въ сущности не имѣлъ однако того значенія, какое онъ пріобрѣлъ позднѣе, при болѣе послѣдовательныхъ и выдержанныхъ направленіяхъ журналистики. Самое существованіе такого отдѣла было до нѣкоторой степени контрабандою, ибо, по взгляду того времени, критическія статьи «*по правиламъ чести* (!) должны быть сообщаемы писателямъ прежде изданія въ свѣтъ ихъ сочиненій, а не тогда уже, когда правительство терпитъ ихъ печатаніе» (см. проэктъ Богдановича о «заведеніи общества россійскихъ писателей»). Занимательное столкновеніе произошло по поводу разбора книги Ѳ. Туманскаго: «Палефатовы сказанія». Этотъ Туманскій, самъ писатель и журналистъ (въ 1792 г. онъ издавалъ «Россійскій магазинъ», а прежде того «Зеркало свѣта» и «Лекарство отъ скуки и заботъ»), перевелъ Палефатовы комментаріи къ миѳамъ классической древности и присовокупилъ къ нимъ свои собственныя примѣчанія въ такомъ родѣ: «волокита Юпитеръ, онъ же и божекъ, прошелъ сквозь потолокъ золотымъ дождемъ — ай деньги! не божеской ли вы крови?» и т. п. Безтолковыя прибавки, тяжелый слогъ, испещренный славянскими словами, были ему указаны рецензентомъ, скрывшимся подъ буквами В. П. (кажется, Подшиваловъ). Туманскій обидѣлся этою рецензіей и въ своей антикритикѣ говоритъ: «судей есть два рода: отъ властей опредѣляемые или избираемые (авторъ былъ избранъ депутатомъ

отъ петербургскаго дворянства при составленіи родословной книги). Не принадлежащіе къ симъ двумъ суть самозванцы. Не судите, да не судими будете. Въ разсужденіи выдаваемыхъ сочиненій и переводовъ, въ разныхъ государствахъ нѣкоторыя ученыя общества согласились объявлять публикѣ свои мнѣнія. Собраніе ученыхъ, конечно, здравѣе судить можетъ, нежели одинъ человѣкъ, обуреваемый страстію гордости, самомнѣнія, зависти и пр. Но и самыя сіи общества весьма часто ошибаются въ ихъ сужденіяхъ, какъ то опытъ разныхъ вѣковъ доказалъ. Частныхъ людей сужденія въ газетахъ, журналахъ и пр. сообщаемыя *никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были;* извѣстно, что они за подарки истощеваютъ хвалы; по пристрастію, самолюбію, личной ссорѣ или зависти выискиваютъ всѣ способы унизить труды чуждые... Умные, не для самолюбія, но для пользы наукъ трудящіеся (люди) чтутъ сотрудниковъ товарищами и стараются ихъ погрѣшности исправлять или *сообщеніемъ своихъ примѣчаній въ письмахъ*, или въ сочиненіяхъ печатныхъ, о которыхъ они увѣрены, что будутъ въ рукахъ того, чьего они желаютъ исправленія, или съ кѣмъ въ недоумѣніяхъ объясниться хотятъ, и все сіе дѣлаютъ съ наблюденіемъ учтивости». Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этой антикритикѣ Карамзинъ доказываетъ, что не всѣ же рецензенты «за подарки истощеваютъ хвалы», что Лессингъ и Мендельсонъ, безспорно замѣчательные люди, судили о книгахъ, что критика много содѣйствовала развитію нѣмецкой литературы, что, наконецъ, никакой неучтивости нѣтъ въ рецензіи «Московскаго Журнала». Но всѣ эти доводы врядъ ли убѣдили раздраженнаго переводчика, осуждавшаго съ такимъ апломбомъ самую возможность литературной критики.

Издавъ послѣднюю книжку «Аонидъ», Карамзинъ оставался нѣкоторое время въ бездѣйствіи, пока измѣнившіяся обстоятельства не расширили опять круга литературной дѣятельности. Мудрено было бы ему, въ самомъ дѣлѣ, издавать журналъ или литературный сборникъ въ то время, когда дѣйствовалъ указъ 18 апрѣля 1800 г. о невывозѣ изъ-за границы не только книгъ, но даже и нотъ. Но въ 1802 Карамзинъ увлекся потокомъ новыхъ событій, давшихъ толчокъ русской мысли, и снова вступилъ на журнальное поприще съ «Вѣстникомъ Европы» (выход. 2 раза въ мѣсяцъ). Въ этомъ журналѣ появился впервые правильный «политическій отдѣлъ», въ которомъ издатель разсказывалъ связно и подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія внѣшнія политическія событія и иногда касался, въ подробныхъ статьяхъ, происходившихъ внутри государства перемѣнъ. Кромѣ политическаго отдѣла, въ журналѣ помѣщались беллетристическія произведенія съ прежнимъ сантиментальнымъ оттѣнкомъ, къ которому примѣшивается частица назидательности (какъ напр. въ повѣсти:

«Вольнодумство и набожность»), разные анекдоты, почерпнутые изъ иностранныхъ журналовъ, преимущественно политическаго содержанія, біографическія статьи о Вольтерѣ, Дидро и пр. Чтобы уяснить себѣ политическіе взгляды «Вѣстника Европы», припомнимъ нѣсколько европейскихъ событій. Франція, подчинившись игу военнаго деспотизма, начала понемногу и въ другой формѣ воскрешать то, что было убито въ ней широко развившейся революціонною пропагандой: возстановленіе католической религіи, пожизненное консульство Бонапарта и новая конституція, о которой Неккеръ въ своей брошюрѣ сказалъ, что она скоро замѣнится другою, новѣйшей; стѣсненіе свободной печати, начинавшаяся полицейская карьера Фуше—таковы были новые факты, внесенные въ европейскій политическій міръ открывавшимся господствомъ Наполеона. Политическія событія внѣ Франціи, о которыхъ приходилось говорить Карамзину, были: устройство цизальпинской республики, междоусобія швейцарскихъ кантоновъ, возстаніе Туссенъ-Лувертюра въ Сенъ-Доминго (по этому случаю была разсказана біографія знаменитаго негра), паденіе Венеціанской республики и пр. и пр. На всѣ эти событія Карамзинъ проводитъ взглядъ, который можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: издатель «Вѣстника Европы» цѣнилъ выше всего сохраненіе statu quo, покорную преданность закону и власти; онъ допускаетъ общественный прогрессъ, развитіе мысли, но только въ этихъ опредѣленныхъ рамкахъ, не допуская никакихъ радикальныхъ перемѣнъ. «Революція—говоритъ Карамзинъ въ статьѣ «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» — объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти... Съ половины XVIII вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были въ нѣкоторомъ смыслѣ врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностью; громъ грянулъ изъ Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ. Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда со-

гласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ. Съ другой стороны правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ тронахъ Европы видимъ юныхъ государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы; правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ общества. Революція обѣщала равенство состояній; государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи былъ доволенъ, чтобы ни которое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человѣкъ не можетъ наслаждаться безопасностью? Свирѣпствуетъ ли гдѣ нибудь тиранство въ Европѣ, если исключимъ Турцію? Не вездѣ ли обѣщаютъ наукамъ покровительство? Не вездѣ ли начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности, которое образуетъ мудрыхъ министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, рождая чувства патріотизма, чести, народной гордости и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «уже прошли тѣ блаженныя и вѣчной памяти достойныя времена, когда чтеніе книгъ было исключительнымъ правомъ нѣкоторыхъ людей; уже дѣятельный разумъ во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ земляхъ чувствуетъ нужду въ познаніяхъ и *требуетъ новыхъ, лучшихъ идей:* уже всѣ монархи въ Европѣ считаютъ за долгъ и славу быть покровителями ученія. Министры стараются слогомъ своимъ угождать вкусу просвѣщенныхъ людей. Придворный хочетъ слыть любителемъ литературы; судья читаетъ и стыдится прежняго непонятнаго языка Ѳемиды; молодой свѣтскій человѣкъ желаетъ имѣть знанія, чтобы говорить съ пріятностью въ обществѣ и даже при случаѣ философствовать» (Письмо къ издателю, № 1). Тутъ Карамзинъ съ одной стороны осуждаетъ революцію, а съ другой признаетъ косвенную пользу отъ нея въ созданіи того «общаго мнѣнія», которому подчиняются даже государи, въ выработкѣ тѣхъ «новыхъ, лучшихъ идей», которыя пущены ею въ общественный оборотъ. Но эта косвенная польза признается имъ неохотно и болѣе вытекаетъ изъ его словъ по соображеніи обстоятельствъ, нежели выставляется имъ на видъ; въ прямыхъ же выраженіяхъ Карамзинъ только осуждаетъ, и притомъ очень строго, всѣ рѣзкія общественныя движенія. «Бонапарте— говоритъ онъ напр. — заслуживаетъ признательность французовъ

и почтеніе всѣхъ людей, умѣющихъ цѣнить чрезвычайныя дѣйствія геройства и разума. Его внѣшняя политика и внутреннее управленіе достойны удивленія не менѣе маренгской побѣды. Франція, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своихъ жителей, конечно, скоро загладитъ бѣдственные слѣды революціи, наслаждаясь тишиною подъ эгидою дѣятельнаго и благоразумнаго правленія, которое печется о мудрой системѣ гражданскихъ законовъ, о воспитаніи, объ успѣхѣ наукъ, художествъ, торговли, слѣдовательно о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго благополучія. Французы хотѣли прежде мечтательнаго равенства, которое дѣлало ихъ всѣхъ равно несчастливыми; теперь, разрушивъ мечты, возстановивъ религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для благоденствія государствъ, отличивъ достойнѣйшихъ гражданъ важнымъ правомъ избранія въ республиканскія должности (par les listes de notabilité) и чрезъ то уничтоживъ вредную для Франціи демократію, монархъ-консулъ оправдываетъ дѣло судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія».

Въ первой же книжкѣ «Вѣстника Европы» напечатаны были двѣ переводныя статьи: «письмо Альцибіада къ Периклу» и «исторія французской революціи, избранная изъ латинскихъ писателей». Въ первой статьѣ Алкивіадъ, въ письмѣ къ своему родственнику Периклу, описываетъ свой сонъ: «Дорога раздѣлилась... Тамъ нѣсколько человѣкъ съ великимъ трудомъ всходили на крутую гору; тутъ безчисленное множество людей бѣжало по гладкому и широкому пути. «Куда?» спросилъ я у задніхъ. «Не знаемъ», отвѣчали они: «мы бѣжимъ за передними; другіе побѣгутъ за нами». Какое-то тайное движеніе сердца заставило меня идти вслѣдъ за ними. Вдругъ раздался голосъ: «здѣсь путь истины и свѣта»! Я бросился въ ту сторону; но неизвѣстный человѣкъ схватилъ меня за руку, сказалъ повелительнымъ голосомъ: «поди за мною!» и мы очутились въ дремучемъ лѣсу. Дорога исчезла. На каждомъ шагу встрѣчались намъ бѣдные странники, подобно намъ незнающіе пути. У нихъ также были вожатые, которые, не зная куда вести, съ горя дрались между собою. Изъ ихъ факеловъ сыпались искры; но онѣ болѣе ослѣпляли, нежели освѣщали насъ. Я слѣдовалъ то за однимъ, то за другимъ и всякимъ былъ обманутъ. Одинъ говорилъ: «нашъ путь ведетъ къ безсмертію!» и мы, черезъ минуту, оба падали въ яму. Другой кричалъ: «со мной пройдешь всюду», и мы ударялись лбомъ въ мѣдную стѣну. Одинъ безпрестанно славилъ мнѣ пріятности златаго вѣка и совершеннаго равенства между людьми въ то самое время, когда я умиралъ отъ усталости, жажды и голода. Другой восклицалъ: «какъ блаженна не-

зависимость!» и требовалъ отъ меня слѣпаго повиновенія. Я лишился терпѣнія, отчаяніе овладѣло мною... Но Сократъ явился, и душа моя воскресла. «Ты видѣлъ часть нашихъ софистовъ», сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою: «они не любятъ меня, ибо я люблю правду». Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе различій между *софистами* и *философами*, изъ которыхъ самыя важныя: «Имѣя умъ ограниченный, софисты говорятъ, что безконечное есть одна мечта. Не разумѣя таинствъ природы, дерзостно отвергаютъ бытіе творца ея. Родясь въ недостаткѣ и бѣдности, проповѣдуютъ общественность имѣній. — Философъ любитъ человѣчество и добродѣтель. Софистъ только хвалитъ добродѣтель и человѣчество. Философъ полагаетъ счастіе въ томъ, чтобы служить отечеству, друзьямъ и родственникамъ; софистъ жертвуетъ родственниками, друзьями и отечествомъ для утвержденія мнѣній своихъ. Философъ думаетъ, что религіи благодѣтельны и что въ Индіи должно обожать Браму, въ Экбатанѣ—Оромацеса, въ Финикіи — Адоная, въ Греціи — Зевса; софистъ говоритъ, что религіи вредны, и забывая, въ чемъ онѣ состоятъ, доказываетъ только вредъ грубаго суевѣрія. Философъ думаетъ, что быть хорошимъ гражданиномъ есть быть хорошимъ отцомъ, супругомъ, сыномъ. Софистъ утверждаетъ, что патріотизмъ долженъ истребить всѣ природныя склонности. Часто кричатъ софисты: «погибни міръ, но торжествуй система!» Философъ говоритъ: «если бы всѣ истины были у меня въ рукѣ, то я побоялся бы разжать ее». Надобно угождать народу, безпрестанно твердятъ софисты; надобно сдѣлать его благополучнымъ— говорятъ философы. Послушай софистовъ: Периклъ — тиранъ своего отечества. Послушай философовъ: Периклъ есть герой благодѣтель народа своего. Послушай софистовъ: нѣтъ вольности безъ демократіи; послушай философовъ: нѣтъ демократіи безъ смятеній». Сократъ предупреждаетъ своего ученика, что слѣдуетъ «отличать людей отъ словъ ихъ, а софистовъ отъ философовъ, дабы возвратить философіи ту честь и славу, которую ложные мудрецы хотѣли у нея навѣкъ похитить». Въ «исторіи французской революціи», написанной нѣсколькими французскими учеными, событія французской революціи описывались фразами, заимствованными изъ Тита Ливія, Патеркула и другихъ латинскихъ писателей. Въ этой мозаикѣ событія представлены въ самомъ мрачномъ и отталкивающемъ видѣ. Приступъ народа къ Тюльери описывается слѣдующимъ образомъ: «Всѣ, ознаменованные безчестіемъ и стыдомъ; всѣ расточители отцовскаго наслѣдія; всѣ, выгнанные за гнусные пороки изъ отечества, стекались въ безпокойную столицу. Они произвели мятежъ и, не имѣя начальника, устремились ко дворцу монарха. Вездѣ слышны были угрозы и стукъ оружія. Мятежники ворвались во дворецъ и умертвили внѣш-

нюю стражу. Между тѣмъ другіе хотятъ защитить царское жилище и съ новою ревностью сражаются; хотятъ подкрѣпить слабыхъ числомъ, но сильныхъ мужествомъ. Народъ остается свидѣтелемъ битвы и, какъ будто веселясь театральнымъ позорищемъ, ободряетъ то однихъ, то другихъ своими восклицаніями. Видя побѣжденныхъ, онъ съ великимъ крикомъ требовалъ, чтобы бѣгущіе преданы были смерти, и присвоивалъ себѣ добычу, оставляемую воинами, которые съ яростью занимались убійствомъ. Столица представляла ужасное зрѣлище» и т. д.

Въ своихъ взглядахъ на политическое значеніе французскаго переворота Карамзинъ видѣлъ не дальше другихъ рутинныхъ политиковъ своего времени. Подобные взгляды высказывались и въ «Политическомъ журналѣ» Сохацкаго и Гаврилова. Тонъ этого изданія значительно измѣнился противъ первыхъ книжекъ 1790 года: прежде революція разсматривалась, какъ «крестовый походъ за свободу», теперь говорилось (1802 г. № 1): «защитники французскаго переворота, при самомъ началѣ мнимой республики, обѣщались распространить свои анархическія правила по всѣмъ государствамъ. Ихъ приверженцы наводнили цѣлый свѣтъ даже до Индіи новымъ фанатизмомъ и магическими словами *вольность* и *равенство*. Противъ сей пагубы рода человѣческаго вооружились европейскія державы и не прежде заключенъ первый миръ, какъ по ниспроверженіи чудовища» и т. д. Статьи этого рода заимствовались преимущественно, какъ въ «Вѣстникѣ Европы», такъ и въ «Политическомъ журналѣ», изъ Архенгольцовой Минервы.

Восхваляя Наполеона за рѣшительность, съ которой онъ подавилъ зачатки народной свободы, Вѣстникъ Европы не благоволилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни къ свободной Америкѣ, ни къ Швейцаріи и Англіи. «Гордые британцы, въ чувствѣ своего величія, употребляютъ во зло превосходство своихъ силъ»; «сей деспотизмъ оскорблялъ всѣ народы въ теченіи послѣдней войны»—такія фразы часто мелькаютъ въ политическихъ приговорахъ объ Англіи. Въ № 15 Вѣстника Европы 1802 г., къ статьѣ: «Выборъ парламентскихъ членовъ въ Лондонѣ», сдѣлано примѣчаніе, что она «даетъ идею о порядкѣ избранія и забавныхъ сценахъ, которыя бываютъ при семъ случаѣ». Забавность состоитъ въ томъ, что у лорда Гарднера и Фокса оказался совмѣстникомъ на выборахъ въ Вестминстерѣ — обойщикъ Граамъ. Этотъ Граамъ произнесъ вовсе не глупую рѣчь, надъ которой насмѣялись вдоволь приверженцы Фокса. При описаніи швейцарскихъ смутъ, возникшихъ изъ нежеланія мелкихъ кантоновъ подчиниться конституціи, предписанной Наполеономъ, сказано: «сія несчастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, кото-

рая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! Онѣ, подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ государствахъ, а безъ высокой народной добродѣтели республика стоять не можетъ. Вотъ почему монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падаютъ». Причины упадка Швейцаріи: 1, швейцарцы стали за деньги служить другимъ державамъ; 2, духъ торговли истощилъ въ нихъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Въ № 24 (1802 г.) «Вѣстникъ» отчасти вступается за свободу Швейцаріи по поводу ареста Реднига, президента швейцарскаго сейма, но и при этомъ отстаиваетъ право Бонапарта вводить войско въ гельветическую республику «для сохраненія порядка и обузданія черни». Что касается американцевъ, «Вѣстникъ Европы» упрекаетъ ихъ за духъ торговли (уже погубившій, по его мнѣнію, швейцарскую свободу), за страсть къ наживательству, за обманчивыя ласки полезнымъ людямъ и еще за неумѣніе вести жизнь пріятно и весело. «Главное удовольствіе американцевъ—читаемъ здѣсь (1802 г. № 24)—есть сидѣть долго за столомъ по англійскому обычаю, ѣсть и не говорить ни слова до самой той минуты, какъ принесутъ на столъ бутылки. Женщины удаляются и важные республиканцы, краснѣя отъ вина, дѣлаются краснорѣчивыми». О Вашингтонѣ говорится, что онъ «не умѣлъ (будучи президентомъ) пріятнымъ образомъ занимать людей, былъ сухъ и холоденъ и походилъ своею важностью на какого нибудь азіатскаго царя». Въ повѣсти «Марѳа Посадница» (1803 г. № 1) Карамзинъ задумалъ опоэтизировать судьбу новгородцевъ, но и тутъ остановился на полъ-дорогѣ, придѣлавъ къ повѣсти,—кромѣ знаменитой рѣчи князя Холмскаго, въ которой говорится, что «народы дикіе любятъ необузданность, народы образованные—порядокъ», — слѣдующее предисловіе: «мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область новгородскую къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, напр. Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ *должно было* предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ *охотной жертвы*». Такой оговоркой авторъ отнималъ у своей повѣсти всякій оппозиціонный оттѣнокъ и обратилъ ее въ идиллическое мечтаніе о свободѣ,—совершенно пустое и безсодержательное.

Событія изъ внутренней жизни Россіи Карамзинъ разсматри-

валъ съ точки зрѣнія патріотической, выдвигая на видъ наиболѣе утѣшительныя изъ нихъ и стушевывая или совсѣмъ опуская изъ виду тѣ, которыя могли дать менѣе розовыя понятія о дѣйствительности. «Наши гражданскія учрежденія—читаемъ въ статьѣ: «о любви къ отечеству и народной гордости» (1802 г. № 4)—мудростью своею равняются учрежденіямъ другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ». «Россія сильна въ политическомъ отношеніи, писалъ Карамзинъ въ другой статьѣ (№ 11); ея внутреннее состояніе тоже удовлетворительно. Свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; разсудокъ утверждаетъ права свои, и духъ россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ находимъ между благородными (т. е. между дворянами) достойныхъ членовъ государства, знающихъ его потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли; но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кто изъ насъ не имѣлъ случая удивляться ихъ любопытству, здравому разсудку и патріотическимъ идеямъ». Переходя къ положенію крестьянскаго класса, Карамзинъ, не запинаясь, говоритъ: «сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ несчастливы, удивились бы, еслибъ они могли видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры! вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его права!» Далѣе Карамзинъ, чтобы не заслужить, по его собственнымъ словамъ, упрека въ преувеличиваніи хорошаго, указываетъ, что должно еще сдѣлать мудрое правительство: 1, издать полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, 2, позаботиться о воспитаніи юношества. То и другое было уже въ виду у правительства, и «Вѣстникъ Европы» съ восторженнымъ чувствомъ встрѣтилъ указъ о заведеніи гимназій и народныхъ училищъ. Восхваляя новый уставъ народнаго образованія, Карамзинъ высказывалъ, между прочимъ, вѣрную мысль, что учрежденіе сельскихъ школъ для низ-

шаго класса народа несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ и послужитъ «истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія». При этомъ онъ забывалъ только, въ какомъ противорѣчіи находится столь желаемое просвѣщеніе народа съ принципомъ крѣпостнаго права. По случаю заведенія благородныхъ пансіоновъ въ Россіи, въ «Вѣстникѣ Европы» (1802 г. № 8) напечатано было письмо изъ Т., въ которомъ говорилось: «душа правленія нигдѣ такъ быстро не дѣйствуетъ, нигдѣ благотворныя его намѣренія такъ скоро не исполняются, какъ въ монархіяхъ. Едва Александръ I объявилъ желаніе, достойное прекрасной души его, желаніе способствовать просвѣщенію въ Россіи и спасительнымъ успѣхамъ воспитанія, — уже во всѣхъ главныхъ городахъ нашихъ видимъ заводимыя благородныя училища съ тою ревностью, которая всегда отличала счастливыхъ подданныхъ добродѣтельнаго государя». Здѣсь же разсказывается характерный случай, какъ бѣдная мать-дворянка, одѣтая въ крестьянское платье, явилась къ губернатору, прося принять въ училище двухъ дѣтей ея. Губернаторъ «плакалъ отъ чувствительности», и мальчики были приняты. «Благородныя дѣти (которыя до открытія училища жили у губернатора) окружили своихъ новыхъ товарищей и смотрѣли на нихъ дико; но услышавъ, что они, подобно имъ, дворяне и несчастливы своею бѣдностію, бросились цаловать ихъ и непремѣнно хотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли». Въ этой же статьѣ изыскиваются мѣры, какъ бы замѣнить иностранныхъ учителей мѣщанскими дѣтьми, воспитанными (по плану Екатерины II) въ кадетскихъ корпусахъ, ибо порядочныхъ иностранцевъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые «выброшены къ намъ волнами революціи»; всѣ же остальные—предатели и, уѣхавъ изъ Россіи, бранятъ ее. Авторъ хотѣлъ было даже сдѣлать выписку изъ одного сочиненія, въ которомъ русскіе обруганы заѣзжимъ иностранцемъ; но вспомнивъ вѣроятно, что чтеніе запрещенныхъ книгъ непохвально само по себѣ, добавляетъ: «мнѣ совѣстно, что я имѣлъ любопытство читать такую книгу, и не хочу въ нее снова заглядывать».

Манифестъ объ образованіи министерствъ и указъ «о правахъ и должностяхъ сената» были также встрѣчены въ «Вѣстникѣ» слѣдующимъ образомъ: «Кто не увѣренъ—говорилось при этомъ—въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ *министровъ Россіи*, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?.. Славный путь дѣятельности открывается для всякаго изъ нихъ! Способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри имперіи, благоустройству во всѣхъ частяхъ ея, мирнымъ искусствамъ гражданственности и народ-

ному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной и безъ котораго нѣтъ ни славы, ни величія, ни морали въ государствахъ—какія обязанности! Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсдорфовъ—министровъ, которые считали свои кабинеты за преддверіе храма славы и, подписывая бумаги, думали, что они подписываютъ общественный приговоръ въ судилищѣ исторіи: ибо мудрые и ревностные министры раздѣляютъ безсмертіе съ великими государями. Здѣсь любовь и почтеніе согражданъ, а тамъ славное имя. *Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра* въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II, и россіяне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и монарху, цѣну чистой добродѣтели; *теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостью государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ.* Читая указъ о правахъ и должностяхъ сената, россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей предъ симъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи, будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ Швецію и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства, и съ торжественными обрядами самъ повелъ сенаторовъ къ алтарю Всевышняго клясться предъ лицомъ Россіи, что они будутъ вѣрными государю и государству, правдѣ и совѣсти «до послѣдняго издыханія силы, памятуя будущій престолъ и на немъ сѣдящаго въ день страшнаго испытанія»: — клятва великая и святая, которою сенаторъ навсегда обрекается быть живымъ органомъ государственной добродѣтели и дѣлается въ глазахъ каждаго россіянина истинно-знаменитымъ сыномъ отечества, ибо великія обязанности дѣлаютъ человѣка знаменитымъ, предполагая въ немъ особенную силу или добродѣтель для ихъ выполненія».

Вѣроятно не безъ задней мысли, черезъ нѣсколько книжекъ по напечатаніи статьи о министерствахъ, появилась въ «Вѣстникѣ Европы» слѣдующая басенка. Одинъ царь размышлялъ о трудности правленія, о препятствіяхъ, отвсюду поставляемыхъ его благимъ цѣлямъ:

Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое:
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля, чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ. —
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.

Я подданныхъ люблю (свидѣтели въ томъ боги!)
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду—всѣ мнѣ лгутъ!
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь — никакъ не успѣваю!
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!

Въ такихъ размышленіяхъ встрѣчаетъ онъ пастуха, который выбивается изъ силъ, чтобы охранить свое стадо отъ волковъ, тогда какъ сытые псы спокойно лежатъ подъ тѣнью.

Вотъ точный образъ мой! сказалъ самовластитель.
Итакъ, и смиренькихъ животныхъ охранитель
Такими жъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ царь, порабощенъ.

Увидавъ другое стадо, охраняемое вѣрными собаками, царь спрашиваетъ у пастуха: какъ могъ онъ уберечь свое стадо, когда лѣса полны волковъ? и получаетъ въ отвѣтъ: «тутъ хитрости не надо:—я выбралъ добрыхъ псовъ» (Вѣстн. Евр. 1802 г., № 23).

Сочувствуя уничтоженію «тайной экспедиціи», прославленной подвигами Шешковскаго, Карамзинъ напечаталъ, тоже не безъ умысла, въ № 6 «Вѣстника Европы» 1803 г. статью о тайной канцеляріи, въ которой опровергается мнѣніе Татищева и Шлецера, что такая канцелярія (въ смыслѣ инквизиціонномъ) была впервые устроена при Алексѣѣ Михайловичѣ. Секретная канцелярія была—но частная (privée) канцелярія, управлявшая имѣньями царя. При этомъ авторъ доказываетъ, что Алексѣй Михайловичъ не нуждался въ инквизиціи: «Какъ! царь Алексѣй Михайловичъ, добрый и человѣколюбивый, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учрежденіе? Въ царствованіе славное и кроткое подняло голову чудовище? при государѣ, котораго бояре русскіе окружали съ любовью и почтеніемъ, ибо онъ не казнилъ и не душилъ ихъ, подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову?» По мнѣнію автора, тайная канцелярія, какъ пыточный застѣнокъ, устроена была Петромъ I, котораго «жестокія обстоятельства (именно противодѣйствіе заговорщиковъ) заставили прибѣгнуть къ жестокому средству». «Я видѣлъ, продолжаетъ авторъ, глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе, конечно, горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ! Если бы кто нибудь въ царствованіе Александра могъ быть еще недоволенъ (но мы для одной реторической фи-

гуры предполагаемъ сію возможность), — то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское».

Критическаго отдѣла совсѣмъ не было въ «Вѣстникѣ Европы»: можно думать, что наученный опытомъ «Московскаго Журнала», Карамзинъ исключилъ рецензіи, какъ слишкомъ хлопотливое и неблагодарное дѣло. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду, что отсутствіе подобныхъ статей не будетъ потерей для большинства читателей, смотрѣвшихъ на критику, какъ на пустое пересмѣиванье и зубоскальство. Въ «Письмѣ къ издателю» (№ 1) и въ статьѣ «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи» (№ 9) проводится мысль, что нечего осуждать плохую книгу при ограниченномъ количествѣ всѣхъ выходящихъ книгъ, что бездарная книга — ничтожное зло и что нужно поощрять у насъ литературную дѣятельность, а не запугивать писателей жестокими приговорами. «Кто плѣняется *Никаномъ, злосчастнымъ дворяниномъ*,—говорится во второй изъ этихъ статей, — тотъ на лѣстницѣ умственнаго и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его автора и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ, ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научится или въ мысляхъ, или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Ж. Ж. Руссо, другому — Никанора. Какъ вкусъ физическій увѣдомляетъ о согласіи пищи съ нашею потребностью, такъ вкусъ моральный открываетъ человѣку аналогію предмета съ его душою».

Журналы Карамзина, преимущественно «Вѣстникъ Европы», играли важную роль въ исторіи русской журналистики. Объ этой роли нельзя судить съ точки зрѣнія настоящаго: тѣ непослѣдовательности и невѣрные взгляды, которые такъ бросаются намъ теперь въ глаза, не были сознаны и отжиты; многое, что теперь кажется уже отсталостью, полвѣка тому назадъ было значительнымъ прогрессомъ. До Карамзина у насъ, вмѣсто настоящей журналистики, въ принятомъ смыслѣ этого слова, были: оффиціальныя изданія, академическіе сборники, имѣвшіе характеръ скорѣе учебниковъ, чѣмъ общественныхъ органовъ, наконецъ болѣе или менѣе выдающіеся сатирическіе листки, возстававшіе, и то случайно и мелковато, на отдѣльные недостатки русской жизни. Карамзинъ былъ первымъ журналистомъ, подводившимъ какъ русскія, такъ и иностранныя событія подъ мѣрило общаго воззрѣнія, первымъ частнымъ человѣкомъ, который пріобрѣлъ этимъ путемъ извѣстное вліяніе на публику, безъ оффиціальной поддержки и казеннаго штемпеля. Собираясь писать русскую исторію, Карамзинъ съ твердостью указывалъ на свои жур-

нальныя заслуги тогдашнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, и изъ цифры его годоваго дохода (6 тысячъ рублей) видно, что публика оказывала ему не только нравственную, но и матеріальную поддержку — вопросъ тоже немаловажный въ исторіи развитія журналистики(*). Нѣтъ спора, что взгляды Карамзина были довольно дюжинные, его отзывы гораздо скромнѣе иныхъ рѣзкихъ выходокъ литературы екатерининскаго періода; но эти взгляды ближе подходили къ уровню массы. Его піэтизмъ былъ несравненно искреннѣе того задорнаго, но пустаго кощунства, образчикъ котораго мы находимъ въ разсказѣ Фонъ-Визина о двухъ унтеръ-офицерахъ гвардіи, отрицавшихъ на гостиномъ дворѣ бытіе Божіе (см. «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»). Можно прямо сказать, что въ журналахъ Карамзина тогдашніе образованные люди находили не только тѣ факты, которые ихъ интересовали, но и тѣ воззрѣнія, которыя были имъ всего больше по силамъ. Все это излагалось притомъ легкимъ, простымъ языкомъ, понятнымъ для каждаго безъ особенныхъ усилій. Доступность воззрѣній Карамзина, его золотая умѣренность способствовали тому, что всѣ читатели невольно мирились на его журналѣ, и ни одного изъ нихъ не отталкивалъ онъ отъ себя суровымъ словомъ или крайнимъ, строго выработаннымъ міросозерцаніемъ. «Какъ скоро между авторомъ и читателемъ—справедливо говорится въ статьѣ о книжной торговлѣ — великое разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго». Между Карамзинымъ и его читателями не было такой разъединяющей пропасти, и потому его изданія пошли хорошо и повлекли за собою цѣлую плеяду журналовъ съ различными направленіями и оттѣнками. Мнѣнія Карамзина, добавимъ это, не были крайнія и рѣзкія, но ихъ нельзя было назвать ретроградными: по своей эластичности они не становились въ разрѣзъ съ умственнымъ движеніемъ, даже способствовали этому движенію, поддерживая любовь къ наукѣ и уваженіе къ человѣческой личности. Хотя и уклончиво, но издатель «Вѣстника» осмѣливался высказывать «свое сужденіе» о вопросахъ, занимавшихъ публику, о важнѣйшихъ правительственныхъ мѣрахъ, и тѣмъ способствовалъ развитію общественнаго мнѣнія. Уваженіе къ наукѣ и къ правамъ личности сильно не нравилось литературнымъ врагамъ Карамзина, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный адмиралъ Шишковъ, написавшій книгу: «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Въ возникшей отсюда полемикѣ между

(*) Въ первый годъ «Московскаго Журнала» у него было только 300 подписчиковъ и врядъ ли даже онъ приносилъ барышъ издателю. У «Вѣстника Европы» подписчиковъ было уже гораздо больше.

Шишковымъ и карамзинскою школой, филологическій интересъ былъ далеко не главнымъ: къ нему замѣтно примѣшивалась борьба разнородныхъ политическихъ тенденцій, различныхъ нравственныхъ идеаловъ. Шишкову съ союзниками столько же не нравилось примѣшиваніе французскихъ словъ къ нашему языку, сколько и примѣшиваніе французскихъ понятій: посредствомъ стараго слога имъ хотѣлось вернуть общество и къ старымъ понятіямъ. Объ этомъ противодѣйствіи новымъ идеямъ со стороны закоренѣлыхъ ретроградовъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же поговоримъ о вліяніи карамзинскихъ журналовъ на печать.

Вслѣдъ за появленіемъ «Вѣстника Европы» русская журналистика значительно распространилась, и въ ней обнаруживаются тѣ литературныя свойства, какими отличались изданія Карамзина—и его преувеличенная сантиментальность, и ревнивый патріотизмъ, и попытки, или по крайней мѣрѣ поползновенія, къ европейскому взгляду на вещи; вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ своихъ приверженцевъ и заступниковъ и старый псевдоклассицизмъ, съ которымъ соединялось и всякое другое старовѣрство. Къ журналамъ особенно отличавшимся сантиментальнымъ характеромъ принадлежатъ: «Московскій Меркурій» (1803 г.), «Журналъ для милыхъ» (1804 г.), «Московскій Зритель» (1806 г.), «Журналъ для сердца и ума» (1810 г.) и др. «Русскій Вѣстникъ» (1808 г.), «Сынъ Отечества» (1812 г.), «Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей» (1816 г.) и др. были извѣстны своими особенно патріотическими наклонностями, о которыхъ свидѣтельствовали самыя заглавія этихъ изданій. Другіе, наиболѣе извѣстные журналы того времени, между прочимъ ревностные поклонники псевдо-классической теоріи, были: «Сѣверный Вѣстникъ» (1804 г.), «Цвѣтникъ» (1809 г.), «Амфіонъ» (1815 г.) и «Вѣстникъ Европы» подъ редакціею Каченовскаго. Въ сторонѣ отъ этихъ главныхъ изданій стояли: «Патріотъ», В. Измайлова, возникшій изъ педагогическихъ тенденцій «Вѣстника Европы», и «Сатирическій Театръ» (1808 г.)—бездарное продолженіе литературныхъ нравовъ временъ Екатерины. «Патріотъ» Измайлова (бывшаго сотрудника «Вѣстника Европы») выходилъ въ Москвѣ ежемѣсячно и раздѣлялся на три отдѣла: первый, для чтенія воспитателей, заключалъ въ себѣ общія правила воспитанія и практическіе способы преподаванія разныхъ предметовъ; во второмъ печатались дѣтскія повѣсти и разсказы; третій отдѣлъ, предназначавшійся для взрослыхъ молодыхъ людей, состоялъ изъ общепонятнаго изложенія моральныхъ и философскихъ вопросовъ въ примѣненіи къ общественной жизни (см. «Патріотъ» 1804 г. № 1). Журналъ стремился — основать воспитаніе на началахъ «раціональной философіи» и для этого переводилъ статьи изъ Ж. Ж. Руссо,

Песталоцци, Бернардена де-Сенъ-Пьера и неизбѣжной г-жи Жанлисъ. О Карамзинѣ, по выходѣ его сочиненій, «Патріотъ» отзывался какъ объ «авторѣ съ отличнымъ талантомъ, обогащенномъ геніемъ науки и вкусомъ свѣта». Взглядъ Измайлова на воспитаніе вообще, насколько онъ высказывается въ выборѣ переводныхъ статей для журнала, отличается значительной по тому времени смѣлостью. «Многіе—говорилось въ одной статьѣ «Патріота»—обвиняютъ новую методу (воспитанія) въ томъ, что она образуетъ младенца во первыхъ для состоянія человѣка, а потомъ для состоянія гражданина. Сіе обвиненіе есть лучшая похвала нашего педагогическаго вѣка. Гораздо опаснѣе были покушенія нѣкоторыхъ деспотовъ, завоевателей, понтифовъ, даже философовъ отнять у одной части людей ихъ естественныя права. Чрезъ то самое видѣли мы человѣчество иногда погруженное въ бездну варварства, иногда доведенное притѣсненіемъ до крайности отчаянія, котораго жертвою сдѣлалась тьма невинныхъ. Итакъ, когда воспитаніе даетъ почувствовать *истинное равенство людей*, вселивъ въ состоянія вышнія уваженіе къ человѣчеству, а въ нижніе классы чувство ихъ благороднаго существа: тогда не только просвѣщеніе распространится, но всѣ правительства сдѣлаются гораздо кротче, и всѣ состоянія гораздо счастливѣе» (№ 10). Воспитаніе дѣлится на умственное, эстетическое и нравственное, и для каждой стороны въ воспитаніи сообщаются особыя правила. Въ первомъ возрастѣ воспитаніе принадлежитъ матерямъ. «Нѣтъ и не будетъ надежды къ счастію нравовъ — говорится въ I № «Патріота» — пока женщины не возвратятся къ домашней жизни, пока не позволятъ имъ слѣдовать сердцу въ выборѣ друга. Какъ много ни писали сатиръ на ихъ счетъ, онѣ не такъ виноваты, какъ мы. Ихъ пороки произошли отъ насъ... Женщины! спасите человѣчество, обративъ насъ къ добронравію! Цѣлое общество людей возвратится къ должностямъ своимъ, если вы возвратите одного человѣка къ порядку естественному».

Самымъ замѣтнымъ журналомъ сантиментальнаго стиля былъ «Московскій Меркурій» П. Макарова (выходилъ ежемѣсячно, съ модами). Журналъ этотъ возникъ подъ прямымъ вліяніемъ карамзинскихъ изданій и ближе подходилъ къ «Московскому Журналу», чѣмъ къ «Вѣстнику Европы». Его цѣль — развитіе гуманныхъ идей въ духѣ первоначальной дѣятельности Карамзина, но безъ приторной чувствительности, какой составилъ себѣ извѣстность князь Шаликовъ. Критическій отдѣлъ въ журналѣ былъ веденъ хорошо; въ особенности бездарныя книжонки «въ Радклифиномъ вкусѣ», съ убійствами, пытками, похищеніями и пр., наводнявшія нашу литературу, обыкновенно предавались тутъ посмѣянію. Какъ сторонникъ

реформы въ языкѣ, произведенной Карамзинымъ, «Московскій Меркурій» защищалъ новый слогъ отъ нападеній Шишкова (№ 12) и при разборѣ книгъ, написанныхъ тяжелымъ полу-славянскимъ, полурусскимъ нарѣчіемъ, глумился надъ литературнымъ старовѣрствомъ. Въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Меркурій былъ очень умѣренъ, напр. не увлекался мечтами Руссо, что «лучше скитаться нагому по лѣсамъ и горамъ во всякую дурную погоду, нежели сидѣть зимою въ теплой, а лѣтомъ — въ прохладной комнатѣ съ добрыми пріятелями, и что лучше жить одному въ безпрестанномъ страхѣ быть умерщвлену первымъ, кто посильнѣе, нежели находиться подъ защитою общества, котораго единственная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы успокоить, обезопасить всякаго члена своего» (№ 8). Въ «Московскомъ Меркуріѣ» была одна сторона, которая придавала ему отчасти своеобразный характеръ—это именно *служеніе женщинамъ*, которое потомъ было доведено до крайняго комизма въ «Журналѣ для милыхъ». Въ передовой статьѣ своего журнала (№ 1) Макаровъ высказываетъ свой взглядъ на общественное значеніе женщины и требуетъ отъ нея ума, познаній и благодѣтельнаго вліянія на мужчину. Желая сдѣлать знанія «необходимой потребностью въ обществѣ», авторъ припоминаетъ, что во Франціи салоны дамъ привлекали къ себѣ первоклассныхъ ученыхъ и служили лучшими школами просвѣщенія. «Если бы, продолжаетъ авторъ, наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то нѣтъ сомнѣнія, онѣ заставили бы всякаго учиться. Сколько предметовъ открылось бы для ихъ честолюбія! сколько пищи для желанія блистать! Мы знаемъ женщинъ: умѣренность не ихъ порокъ; чего онѣ захотятъ, къ тому онѣ стремятся всѣми силами. Овладѣвъ однажды полемъ литературы, онѣ пошли бы самыми скорыми шагами, повлекли бы всѣхъ за собою и въ короткое время сдѣлались бы нашими учительницами. Перенеся тронъ философіи въ свои будуары, создавъ себѣ новое удовольствіе, украсясь новыми пріятностями, употребляя науку на пользу забавъ, а забавы на пользу наукъ, онѣ пріобрѣли бы для себя очень много; а соотечественникамъ оказали бы истинное благодѣяніе. Тогда-то доподлинно воздвигли бы имъ алтари, тогда-то слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ и, можетъ быть, къ счастію человѣчества, возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцалуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, эгоистъ — любовникъ ли онъ или мужъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): *я тебя умнѣе!* Имперія красоты не имѣетъ предѣловъ; но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука времени обез-

образитъ ангельскія, милыя черты: что будетъ съ женщиной, привыкшей видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинкѣ лица своего, если не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость? И почему бы ей не быть столько же ученою, сколько и мужчинѣ... Что подумать о людяхъ, которые дѣйствительно увѣрены, что женщина не иначе пріобрѣтаетъ знанія, какъ теряя всѣ пріятности пола своего, и которые вслѣдствіе такого мнѣнія желаютъ, чтобы цѣлая (и лучшая) половина рода человѣческаго ничему не училась? Читали ли они когда нибудь исторію? помнятъ ли имена великихъ женщинъ, которыми древняя Греція почти столько же гордилась, сколько и Сократами, и Платонами» и пр. и пр. Дальше говорится о значеніи женщинъ въ эпоху рыцарства и въ новѣйшія времена, когда «блистаютъ имена Ментенонъ, Гортензіи, Манчини и единственной Нипонъ Ланкло, съ которою ни одна женщина не сравняется любезностью, но которую правила ея, нѣсколько свободныя, дѣлаютъ опаснымъ образцомъ для подражанія». Въ Меркуріѣ напечатана была и біографія Ланкло. Печатая разборъ книги Сегюра о женщинахъ, Макаровъ дѣлаетъ между прочимъ такое примѣчаніе: «прекрасная женщина видитъ міръ у ногъ своихъ! мужчина всегда будетъ рабомъ ея! и тотъ не знаетъ полнаго блаженства, кто не понимаетъ сладости жить подъ властію столь милою!»

Какъ лицо человѣческое отражается въ кривомъ зеркалѣ, такъ карамзинскій сантиментализмъ и макаровское «служеніе женщинамъ» отразились въ изданіи другаго Макарова (М. Н.) «Журналъ для милыхъ». Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ въ 1804 г. ежемѣсячно, съ эпиграфомъ: «прелести нашихъ милыхъ читательницъ защитятъ (насъ) отъ злыхъ насмѣшекъ критики» и съ шарадами въ такомъ родѣ: «jour et nuit je pense à vous», «въ разлукѣ сердце стонетъ» и т. п. Шарады эти сопровождались рисунками. *Милыми* назывались собственно дамы, читательницы журнала; ихъ желанія были закономъ для издателя; такъ письмо одной дамы (№ 4) оканчивается словами: «помѣстите, милостивый государь мой, это письмо мое. Я женщина, ваша читательница, — и вы обязаны мнѣ повиноваться». Иногда стихи, ради галломаніи милыхъ, печатались на французскомъ языкѣ. Сантиментальность, введенная въ моду Карамзинымъ, развилась въ «Журналѣ для милыхъ» до уродливости: имя Лизы сдѣлалось нарицательнымъ и упоминается на каждомъ шагу, къ этому имени писались и стихи, и прозаическіе дифирамбы. Стихи писались даже къ цвѣточку, который авторъ видѣлъ въ покоѣ Лизы (№ 3). «Чувствованія» выражались только по поводу мотылька, розы, нѣночки, ключика къ сердцу милой и т. п. Въ № 7 журнала напеча-

ны стихи къ г-жѣ А. Х., «пославши ей букашку изъ сургуча». Посылка сдѣлана съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы букашка

... тебѣ въ ушко всегда жужжала,
Что я люблю, горю, томлюсь,
Чтобъ ты черезъ нее узнала
То — самъ сказать чего боюсь.

Не всегда впрочемъ сантиментальные авторы были такъ скромны въ своихъ сюжетахъ. Въ «Журналѣ для милыхъ» напечатана была сельская повѣсть «Аннушка», въ которой дочь довольно богатаго дворянина, «тринадцатилѣтняя, но уже полногрудая милушка», начитавшись Фоблаза и др. книгъ, бывшихъ въ библіотекѣ ея отца, прельстилась шестнадцатилѣтнимъ юношей, Англантиномъ, «зараженнымъ моднымъ воздухомъ и испытавшимъ важнѣйшее въ свѣтѣ блаженство». Разъ Аннушка, взявъ въ руки Philosophie de Thérèse, сидѣла на берегу Москвы рѣки (дѣйствіе происходитъ въ подмосковной) и увидѣла купающагося бога-амура. «Онъ купался, плавалъ, нырялъ и не видалъ Аннушки, которая при семъ случаѣ легла въ густую траву и свѣряла со вниманіемъ его прелести съ написанными въ книжкѣ. Нашла въ натурѣ ихъ лучше, восхитительнѣй, такъ что у бѣдной дѣвушки хотѣло вылетѣть сердце. Молодой человѣкъ вышелъ на ея берегъ, и дѣвушка познала въ немъ истиннаго Англантина. Онъ въ восхищеніи сказалъ: Ахъ, кабы мнѣ теперь представилась моя любезная Аннушка! Невинная дѣвушка не дышала; молодой купидонъ вспрыгнулъ, повернулся, хотѣлъ плыть, броситься въ рѣку; но нечаянно зацѣпился за дѣвушку и упалъ: фи! что за диковинка... Это Психея. Это вы, сударыня? «Я... я... отвѣчала дѣвушка: вы давно были для меня милы, а нынѣ я удостоилась видѣть». «Такъ, мой ангелъ, не угодно ли закрѣпить явною печатью наше сверхъестественное свиданіе?» «Воля ваша!» сказала поблѣднѣвшая дѣвушка, и..... рѣзвый Адонисъ и несравненная Венера скинули съ себя одежду, закрывающую прелести отъ глазъ смертныхъ. Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались; можетъ быть, что и еще происходило; но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ тонкою дымкою и молчатъ (*)... Аннушка одѣ-

(*) У Карамзина, въ повѣсти «Рыцарь нашего времени» (Вѣстн. Евр. 1803 г. № 14) описывается подобное же приключеніе, а именно: Леонъ подсматриваетъ у него купающуюся графиню Эмилію; но сдержанный писатель не входилъ въ такія подробности. «Читатель — говоритъ онъ — ожидаетъ отъ меня картины во вкусѣ золотаго вѣка: ошибается! лѣта научаютъ скромности: пусть одни молодые авторы сказываютъ публикѣ за новость, что у женщинъ есть руки и ноги. Мы, старики, все знаемъ, что можно видѣть, но должны молчать».

лась, сердце въ ней сильно билось, щеки пламенѣли и дѣвушка говорила: «милый Англантинъ! какъ несправедливы люди, что находятъ различіе между двумя полами; оба они созданы на то, чтобы совершенствовать взаимно себя». «Такъ, это правда!» отвѣтствовалъ онъ, далъ ей пламенный поцалуй и скрылся. Аннушка поклялась имѣть подобныя свиданія, благословляла свою любезную книжку и не могла ее оцѣнить». Хотя повѣсть кончается законнымъ бракомъ, потому что Англантинъ боялся «худой славы»; но выписанный эпизодъ многимъ очень не понравился, и «Сѣверный Вѣстникъ» отозвался такъ: «мы не совѣтуемъ брать этотъ журналъ милымъ, ибо онъ оскорбляетъ ихъ стыдливость, первое украшеніе милыхъ... Его не надо брать, потому что въ немъ напечатаны: «Побѣда надъ нимфами (*)», «Аннушка» — повѣсти неблагопристойныя». Оправдываясь отъ этихъ обвиненій (особ. прибавл. къ № 12), издатель говоритъ: «кажется, при такомъ благоустройствѣ, каковое сохраняется въ нынѣшнія времена въ нашей имперіи, неблагопристойность совсѣмъ истреблена, особливо въ литературѣ: на это учреждена въ Москвѣ цензура, которая строго разсматриваетъ все и вѣрно въ публику ничего неблагопристойнаго не выпуститъ. P. S. Аннушка можетъ быть хорошимъ примѣромъ. Читая слѣдствія развратности, видя сущность оныхъ злую,—не есть ли это лучшая картина для молодыхъ людей? Вѣрно никто не будетъ Аннушкой, прочитавъ «Аннушку»; но постарается избѣгать порокъ ея».

Не лучше Журнала для милыхъ былъ и Московскій Зритель (1806 г.) князя Шаликова. Въ «Письмѣ къ издателю журнала», помѣщенномъ въ первой книжкѣ (выход. ежемѣсячно), говорится: «мнѣ хотѣлось бы видѣть въ вашемъ журналѣ болѣе подлинниковъ, чѣмъ переводовъ, болѣе *мѣстнаго*; хотѣлось бы, чтобъ издатель его, какъ ревностный патріотъ, съ пламеннымъ сердцемъ и смѣлою рукой принялся за перо—единственно для пользы земляковъ своихъ... Вы живете въ столицѣ, гдѣ болѣе разнообразія, болѣе игры страстей, болѣе условныхъ законовъ, болѣе предубѣжденій и слѣдственно болѣе случаевъ къ замѣчаніямъ. Здѣсь одно слово старика или молодой женщины подадутъ поводъ къ сочиненію цѣлаго моральнаго трактата. Часто разговоры двухъ простолюдиновъ въ училищѣ откроютъ наблюдателю черту народнаго характера или степень нынѣшней нравственности. Пускай журналъ вашъ будетъ хранилищемъ таковыхъ наблюденій. Дайте знать молодымъ умникамъ,

(*) Въ «Побѣдѣ надъ нимфами» разсказываются на чистоту, подъ миѳологическими образами, всѣ подробности любви. Подобныя произведенія показываютъ, сколько дряблаго, старческаго сластолюбія скрывалось иногда за приличными сантиментальностями.

что *гражданину отнюдь не предосудительно, какъ они думаютъ, носить знакъ отличія, полученный за службу;* что пріятнѣе щеголять имъ, нежели шелковымъ черезъ плечо шнуркомъ съ прицѣпленнымъ къ нему лорнетомъ... скажите вашу мысль и о новыхъ русскихъ эмигрантахъ: я говорю о тѣхъ, которые отъѣзжаютъ на житье въ чужіе краи подъ предлогомъ, что тамъ жить дешевле... Можете иногда сказать слова два и о состояніи въ отечествѣ нашемъ художествъ. Статья эта была бы не безполезна: сколько мы видимъ здѣсь колоннъ, которыя ничего не поддираютъ, или полукруглыхъ оконъ и въ верхнемъ и въ нижнемъ жильѣ, или разрисованныхъ деревянныхъ домовъ и заборовъ!... Что скажетъ просвѣщенный иностранецъ о нашемъ вкусѣ?... Я желаю, чтобы критика была непремѣнно въ вашемъ журналѣ: старайтесь только быть истиннымъ критикомъ, будьте судьею безпристрастнымъ».

Этой программѣ Шаликовъ былъ вѣренъ: патріотизмъ весьма мелкій и чувствительность были отличительными чертами его журнала. Патріотизмъ выражался напр. въ описаніи торжественнаго обѣда въ московскомъ клубѣ, и драки двухъ простолюдиновъ-атлетовъ, которые, поколотивъ другъ друга, поцаловались: доказательство славянскаго добродушія. Чувствительность — преобладающее свойство журнала — господствовала въ беллетристикѣ, гдѣ также, какъ и въ «Журналѣ для милыхъ», печатались стишки къ Лизетамъ, Эльвирамъ, къ резедѣ, голубку и ошейнику эльвириной собачки. Эротическій элементъ свирѣпствовалъ меньше, чѣмъ въ Журналѣ для милыхъ и стихи къ женщинамъ и къ амуру были уже гораздо сдержаннѣе и скромнѣе. Въ Зрителѣ напротивъ есть даже повѣсть: «Злоупотребленіе свободы въ молодости» (№ 5), въ которой разсказывается, какъ «сластолюбіе сдѣлалось цѣлью юноши, и истощеніе силъ послѣдовало за расточеніемъ жизненныхъ соковъ». Истощеніе было такъ велико, что юношѣ пришлось пользоваться кавказскими водами. Воспитаніе также занимало кн. Шаликова; въ статьѣ объ этомъ предметѣ (№ 11) говорится, что родители должны наставлять съ молоду дѣтей своихъ въ добродѣтели и притомъ въ національномъ духѣ, не допуская «наемщиковъ-чужестранцевъ внушать имъ презрѣніе къ русскому языку и къ русской націи». Слѣдя за успѣхами воспитанія, Шаликовъ восхвалялъ московскій екатерининскій институтъ (№ 7), гдѣ воспитываются «любезнѣйшія существа природы» — и притомъ воспитываются прекрасно. Все плѣняло князя: и рѣчь, сказанная священникомъ, «наставляющая воспитанницъ въ законѣ и добродѣтеляхъ», и здоровая пища въ столовой, и порядокъ и чистота въ дортуарахъ.

Любопытно во многихъ отношеніяхъ «Письмо сельскаго дворя-

нина къ издателю» (№ 4): «Удостойте выслушать — пишетъ дворянинъ—отъ отца жалобу, *которую нельзя принесть ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ*, и будьте посредникомъ между мною и обществомъ, — единственнымъ судьею въ подобныхъ случаяхъ. Съ нѣкотораго времени у дворянъ нашей губерніи произошла *чудная перемѣна въ мысляхъ* и правилахъ. Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на бывшихъ своихъ челядинкахъ и насмницахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ; другой заставляетъ дѣтей цаловать руки у рабыни покойной ихъ матери. Тутъ слезы дочери, тамъ упреки сына — и гремитъ отцовское проклятіе! Раздоры въ семействахъ, ссоры и тяжбы между родственниками, соблазнъ и пересуды въ бесѣдахъ, и грусть, тяжкая грусть нашему брату, привязанному еще къ дворянскимъ предразсудкамъ своего дѣда. Къ чему я теперь буду воспитывать дочь мою, если крестьянская или горничная дѣвка предпочтется ей? Чѣмъ вознаградятся попеченія мои объ украшеніи ума ея и сердца, ежели она должна остаться навсегда въ одиночествѣ? Не щадя ничего на образованіе моей дочери, я думалъ, что готовлю ее для мужа, который будетъ цѣнить ея достоинства, составитъ счастіе жены и ея родителей; отправляя на службу отечества сына, я думалъ, что зять мой заступитъ мѣсто его; будетъ подпорой старости моей и утѣшеніемъ семейства; думалъ, что существо мое возобновится въ малыхъ внучатахъ, которые возрастутъ на моихъ колѣняхъ и примутъ послѣдній вздохъ мой. Такія пріятныя мысли, такія утѣшительныя надежды служатъ истинною наградою за труды и жертвы родительскія. Ахъ, не горестно ли обмануться въ счастливѣйшей предувѣренности? Не имѣетъ ли права сердце отцовское жаловаться на то, что лишаетъ его лучшихъ радостей въ жизни. Не разтерзаетъ ли душу нѣжной матери взоръ на унылые дни ея дочери? Съ другой стороны, не прискорбно ли отцу, матери, брату и сестрѣ благовоспитаннымъ видѣть въ семействѣ своемъ грубую, необразованную крестьянку или смѣшную обезьяну бывшей госпожи своей, — то есть горничную дѣвку?» и т. д.

Изъ этого письма видно, что чувствительные авторы, плакавшіе о судьбѣ бѣдной Лизы, сильно порицали mésalliance, когда эти Лизы выходили замужъ за своихъ соблазнителей. Замѣчательно также сопоставленіе журнала съ присутственнымъ мѣстомъ: оно показываетъ, что журналистика расширилась уже въ такой степени, что огорченные граждане, въ родѣ сейчасъ упомянутаго, считали уже книжку журнала удобнымъ средствомъ выражать свои печали и надѣялись этимъ путемъ оказать сопротивленіе «чудной перемѣнѣ въ мысляхъ» у другихъ согражданъ.

Сантиментальное настроеніе господствуетъ и въ «Журналѣ для сердца и ума», издававшемся ежемѣсячно въ Петербургѣ И. Шелеховымъ (1810 г.), и выражалось опять посланіями къ Лилѣ, Нинѣ, Лаурѣ и т. п.

При томъ направленіи, какое распространилось въ журналистикѣ подъ вліяніемъ Карамзина, весьма понятенъ упадокъ сатиры, которая всего менѣе должна была сходиться съ сантиментально-патріотическимъ настроеніемъ умовъ. Конечно, находились еще сатирики, переводившіе Геллерта, Рабенера и т. п., «находя въ оныхъ истину, во *всемъ ея величествѣ* (!) созерцаемую», но понятно, могло ли быть въ этой истинѣ много смысла для русскихъ читателей. Переводы перелагались впрочемъ и на русскіе нравы, и въ переводную сатиру вставлялись обличенія пьянства помѣщиковъ и псовой охоты; но сатира становилась оттого еще нелѣпѣе; она не повторила съ той же силой даже прежнихъ мотивовъ сатиры временъ Екатерины.

Въ «Демокритѣ» (1815 г.) пустота этой сатиры становится даже довольно гнусной, какъ это напр. обнаруживается въ «пѣснѣ Демокрита». Смѣяться надъ всѣмъ: надъ трудомъ ученаго, потому что это «сухая матерія», надъ суетливой дѣятельностью другихъ людей, надъ кровавыми битвами — вотъ девизъ Демокрита. Но что всего лучше:

Пусть несчастные томятся,
Коль судьба для нихъ строга;
Моя участь — лишь смѣяться:
Ха-ха-ха! ха-ха-ха! (№ 2).

Въ другомъ стихотвореніи (№ 4) осмѣивается поэтъ, мерзнущій въ своей комнатѣ и «бьющій тактъ зубами». Этотъ поэтъ жалуется на своего сосѣда, «валдайскаго боярина», который открываетъ заслонку въ печкѣ и выпускаетъ все тепло, благо у него есть и тулупъ и шуба. Разъ сатирикъ запнулся было о неправедныхъ судіяхъ (№ 4); но тутъ же остановился, сказавъ самому себѣ: «не все ври, что знаешь».

АЛ. ПЯТКОВСКІЙ.

(продолженіе будетъ).

ГОРНОРАБОЧІЕ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

НЕВЕСЕЛАЯ ВСТРѢЧА.

Мы на одной изъ вѣтвей уральскихъ горъ, въ тридцати верстахъ отъ Осиновскаго желѣзо-дѣлательнаго, чугуно-плавиленнаго и мѣди-плавиленнаго завода, далеко въ сторонѣ отъ большаго сибирскаго тракта.

Осень еще не начиналась, потому что стоитъ іюль мѣсяцъ, но несмотря на то здѣсь стоитъ ужасная погода. Въ этомъ мѣстѣ и въ прошломъ году и позапрошлые годы не хвалились хорошей погодой: до Ильина дни стоитъ жаръ, въ Ильинъ день пройдетъ надъ горой сердитая гроза и потомъ дождикъ, который такъ и идетъ цѣлыя двѣ недѣли; а нынѣ грозы не было, за то дождь начался съ половины іюля и хотя онъ идетъ непостоянно, но все-таки идетъ, то черезъ часъ, то черезъ полчаса. Ничего бы и слякоть, такъ опять вѣтры дуютъ холодные, солнышко не показывается. Холодъ, вѣтеръ и дождь не только злятъ людей, но и тяжело дѣйствуютъ на растительность: отъ холода желтѣютъ листья березы, желтѣетъ трава, отъ вѣтра огаливаются деревья. Даже животныя, щиплющія здѣсь траву, дрожатъ... И говорятъ люди, что погода въ это время годъ отъ году становится все хуже и хуже.

Тихо, а еще пять часовъ вечера. Въ иную пору, въ это время, такъ здѣсь весело: можно и по грибы сходить въ лѣсъ, и рабочихъ можно увидать: идутъ или ѣдутъ они съ рудника и поютъ пѣсни и далеко за горами раздается эхо. А теперь даже

и птицъ не слышно; развѣ сорока пролетитъ молча, да и та забьется въ лѣсъ, скроется въ вѣткѣ, стряхивая съ себя дождь, чистя свой носъ объ вѣтку и злобно смотря по сторонамъ; спятъ бѣлки, обитатели здѣшнихъ лѣсовъ, или въ безпокойствѣ перескакиваютъ съ сосны на осину, такъ что сухія вѣтви трещатъ; а воробышекъ, замѣняющій здѣсь соловья своими пѣснями, тотъ давнымъ давно спитъ на вѣткѣ, спрятавши подъ крылышко свою красивую головку и только по временамъ вздрагиваетъ отъ вѣтра, холода и дождевыхъ капель. Одни только большіе красные черви, выползая изъ земли, нѣжатся на мокрой травѣ; но стоитъ только дотронуться до травы, какъ червякъ вмигъ улизнетъ въ ту дыру, изъ которой онъ выползъ...

Вотъ заслышались откуда-то колокольцы. Брянчанье ихъ заслышалось все ближе и ближе и вотъ съ южной стороны, откуда идетъ дорога въ заводъ, показалась тройка лошадей, запряженныхъ въ повозку, которыхъ погонялъ взмахомъ руки ямщикъ, сидящій на передкѣ. Бѣдные кони кажется измучились; ноги ихъ скользили по глинистой почвѣ. Дорога хотя и усыпана шлакомъ (нагаръ отъ мѣдной и желѣзной руды), но ямщикъ ѣхалъ стороной, вѣроятно потому, что неудобно ѣхать по шлаку. Въ повозкѣ сидитъ какой-то баринъ въ горнозаводской шинели, въ фуражкѣ, тоже горной формы. Они проѣхали, и опять скоро тихо стало.

Съ лѣвой стороны (стоя лицомъ къ заводу), выѣхалъ изъ лѣсу, по узенькой дорожкѣ, противъ которой около большой дороги стоитъ столбикъ съ дощечкой съ надписью: «Ильинскій рудникъ», на одной лошади, запряженной въ худую телѣгу домашняго издѣлья, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ. Одѣтъ онъ немного лучше крестьянина: на головѣ фуражка, започиненая двумя заплатами изъ сѣраго и зеленаго стараго сукна, съ изодраннымъ козырькомъ, въ зеленомъ тиковомъ халатѣ, который отъ дождя походилъ на черную клеенку, продранномъ въ разныхъ мѣстахъ и опоясанномъ кушакомъ домашняго издѣлья, въ худыхъ большихъ сапогахъ. По русымъ волосамъ течетъ дождевая вода съ фуражки и падаетъ на карявое блѣдное лицо и, мѣшаясь съ новыми дождевыми каплями, течетъ по бородѣ, тоже русой, и потомъ падаетъ ему на колѣни. Онъ то и дѣло утираетъ лицо своими черствыми, мозолистыми ладонями. На лицѣ его, довольно правильномъ, выражалась и досада, и про-

клятія. Онъ то зѣвалъ, то смотрѣлъ въ лѣсъ, то кричалъ на лошадь:

— Ну-ну, дуракъ!...

Отъѣхавъ немного отъ столба, онъ слѣзъ съ телѣги, стегнулъ лошадь и пошелъ шагомъ.

Лошадь шла, чуть чуть передвигая ноги, вѣроятно потому, что она съ измалѣтства пріучена ходить такъ, а теперь поработавши съ хозяиномъ вдоволь, она, знавшая хорошо эту дорогу, чуяла, что и ей скоро будетъ отдыхъ: она то взмахивала хвостомъ, то вздыхала, то широко глядѣла впередъ, то оглядывалась, умильно взглядывая на хозяина. Хозяинъ лошади то перестигалъ ее, то отставалъ отъ нея и тупо глядѣлъ на ея копыта: на двухъ ногахъ подковъ нѣтъ, на третьей подкова болтается.

— Э-эхъ ты, соколъ ясный, другъ прекрасный! прокричалъ онъ остановившейся вдругъ лошади и замахнулся на нее.

Лошадь вздрогнула, рванулась и пошла по прежнему.

— Экая погода-то, осподи!... Въ тѣ поры... шепталъ хозяинъ лошади и вдругъ углубился въ свои мысли, и лицо его принимало различное выраженіе.

— Ты, говоритъ, Токменцовъ подлецъ, лѣнивецъ, плутъ... Натъ-кось! А зачѣмъ ты меня, ваше благородье, аспидъ проклятой, отодралъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ въ крѣпильщикахъ назначеніе вышло состоять?... А зачѣмъ ты, стерво варнацкое, урокъ поставилъ: развѣ я воленъ, што не могъ представить восьми коробовъ въ день... Твоя лошадь-то? Разѣ лошади такое назначеніе выходитъ... Ишь три рубля слѣдуетъ, а на, говоритъ, Токменцовъ, дуракъ ты экой, семигривенной... Ну-ну, бурко миленькой, золотой, серебряной, штобъ тѣ калачиковъ двадцать...

Токменцовъ разсуждалъ про себя и разговаривалъ съ лошадью.

Телѣга Токменцова была не пустая. Въ ней что-то лежало, покрытое ветхой, мокрой и грязной рогожей. Подъ рогожей что-то шевелилось.

— Ганька! вскрикнулъ вдругъ Токменцовъ.

— Ы! послышалось изъ-подъ рогожи болѣзненно.

— Будь ты проклятъ, стерво! сказалъ скороговоркой съ сердцемъ Токменцовъ и плюнулъ.—На, штобъ тѣ язвѣло, ана-

ѳемскаго парня!... Говорилъ я тебѣ, не связывайся съ Пашкой Крюковымъ, будешь стеганъ—нѣтъ!... Вставай, будь ты проклятъ!! крикнулъ Токменцовъ и ткнулъ витнемъ въ рогожу.

— Ой-ѐ! простоналъ Ганька и открылъ рогожу. Дождь шелъ мелкій, какъ мука изъ сита.

— Што! мало те полосали, мало? дразнилъ Токменцовъ Ганьку. Токменцовъ пошелъ въ лѣсъ, досталъ изъ пазухи кисетъ съ махоркой и трубкой и закурилъ. Лошадь остановилась. Ганька, парень лѣтъ тринадцати, съ блѣднымъ, худымъ и такимъ грязнымъ лицомъ, какъ будто онъ, не умывавшись съ мѣсяцъ, рылся въ землѣ, лежалъ въ телѣгѣ на животѣ. Лицо его выражало и зло, и плутоватость, и страданіе, которое выражалось часто, то охами при движеніи, то какимъ-то шепотомъ, то тѣмъ, что онъ грызъ зубами рукавъ своей изгребной толстой синей рубахи, запачпенной на спинѣ красной выбойной, то болталъ ногами, на которыхъ были надѣты худые башмаки. При этомъ онъ больше глядѣлъ тупо на одинъ предметъ и зрачки его глазъ дѣлались большими.

Отецъ опять шелъ около телѣги.

— Тятька, дай, сосну!

— Я тѣ дамъ сосну — сосунъ экой!

— Дай... произнесъ протяжно Ганька, какъ дитя, просящее ѣсть.

Отецъ молча далъ сыну чубукъ съ трубкой; сынъ затянулся разъ и закашлялся.

— Туды же!... проговорилъ отецъ и вырвалъ у сына трубку. Немного погодя онъ спросилъ:

— Тебя што спрашиваютъ: поди-ко не больно, коли такъ-то стягаютъ?

— Я, знашь, што сдѣлаю. Подосенову рыло сверну.

— Хо-хо! Тогда такъ те отшлифуютъ, што...

— Не ври!

— Дуракъ ты! и отецъ сѣлъ на козла. — Это, парень, все вѣники, а тамъ береза будетъ. Учись привыкать — ковыкать (терпѣть): не ты первый, не ты послѣдній.

— Сказано: Подосенову голову сорву, крикнулъ зло Ганька.

— Хо-хо!.. Руки коротки.

— Тятька! закричалъ Ганька и поднялся. Отецъ посмотрѣлъ на него весело: Ганька глядитъ чистымъ дикаремъ, по щекамъ ползутъ слезы... Отецъ сжалъ кулаки, крякнулъ и, ничего не

сказавъ, обернулся къ лошади. Такъ они ѣхали молча около часа. Потомъ Токменцовъ запѣлъ грустную пѣсню, сначала не громко, а потомъ во все горло:

«Ужь ты, гулинька, да ты мой гуленеочикъ! о-охъ што же ты, гулинька, ко мнѣ во гости не летаешь? Разѣ домичку моего да не знаешь! Разѣ голосу моего не слышишь? Разѣ мой голосъ вѣтричкомъ относитъ? Али сизы крылушки частымъ дожжемъ мочитъ, разосенненькимъ частымъ споливаетъ»...

— Тятька?

— «Частымъ да споливаетъ».

— А тятька?

— Чево тебѣ?

— Дай водички?

— Гдѣ бы я про те припасъ? «Што да не ласточка, по полю летаетъ».

— Тятька!

Отецъ пересталъ пѣть, а только насвистывалъ. Потомъ онъ задумался объ томъ, что сына его Ганьку безвинно наказали на рудникѣ розгами. Вдругъ остановилъ лошадь, взялъ изъ телѣги топоръ, подошелъ къ лѣсу, около котораго лежало недавно срубленное дерево.

— Экое дерево-то гожее! и онъ, перерубивъ его на трое, положилъ въ телѣгу рядомъ съ сыномъ. Въ это время изъ завода подходила на встрѣчу женщина лѣтъ сорока пяти, блѣдная, худая, высокая съ костлявыми руками. На головѣ ея надѣтъ красный платокъ, на синюю рубаху надѣтъ изорванный сарафанъ, на ногахъ худенькіе башмаки съ худыми чулками изъ шерсти, да на плечахъ мѣшокъ съ чѣмъ-то. Это былъ весь ея костюмъ, и все это давно уже смокло до того, кажется, что не было и на тѣлѣ ея ни одного сухаго мѣста; руки и лицо ея мокрые, по колѣнямъ текутъ черныя полоски грязи.

Женщина поровнялась съ Токменцовымъ и спросила:

— Ганька-то гдѣ-ка?

— Здѣсь, мамка! сказалъ весело Ганька и приподнялся.

— Што ты парня-то не слалъ?

— Не слалъ!.. Въ первой што ли!.. Не слалъ?! Прытка больно: всего вонъ изстягали... Да ты-то куда?

— Знамо куда! одна дорога: къ главному, самому главному.

— Будь ты проклятая!.. и Токменцовъ плюнулъ.

— Чего ты ругаешься! Поди, продавалъ гдѣ нибудь шары-

те. Двѣ недѣли гдѣ-то шатался, шатало, а безъ тебя чудеса дѣлаются.

— Каки чудеса?

— А таки чудеса, што Пашку задрали.

— Ну?!

— А такъ: ты уѣхалъ на рудникъ-то, а Пашку на петровской рудникъ угнали.

— Да вѣдь онъ въ лихоманкѣ былъ?

— Чего я дѣлать-то стану, подикось, слушаютъ нашева брата.

Токменцовъ поѣхалъ, но отъѣхавъ немного, онъ остановилъ лошадь.

— Онисья! крикнулъ онъ. Жена его остановилась.

— Чево?

И слѣзши съ телѣги, Токменцовъ пошелъ къ ней.

— Такъ ты чево ино: куда теперь?

— Толкомъ говорила, што къ самому главному начальнику.

— Да ты, дура, сообразила ли: ну што ты ему скажешь?

— Небось получше твоего. Ты бы поглядѣлъ, что это было! сказала она, злобно рванувъ рубаху, и вдругъ заплакала.

— Ну, дура, заживетъ. Онисья долго ругалась, а Токменцовъ стоялъ молча.

— Гадина ты поганая! никакого-то у тебя разуму нѣтутка! Ну чего ты шары-то выпучилъ стоишь?

— Молчи, гадина! Сама виновата: обращенія такого не имѣешь, штобъ безъ бѣды не прожить. Нѣтъ, небось сама сусишься, суета проклятая.

— Подикось, какія умныя рѣчи толкуешь! А по твоему это дѣло парня взять больнова да и стегать—што ему робить не въ силу? Ну какъ я узнала, что его задрали, такъ я и пошла къ управляющему, вломилась: съ какого, говорю, права можете нашихъ робятъ задирать? Подай, говорю, варваръ ты эдакой, моего сына, живаго подай!.. Возьми, говоритъ, хороши его. Ахъ ты, говорю я ему, разбойникъ ты эдакой, покаратъ же тебя Царица небесная. А онъ и отправилъ меня въ полицію... Ну гдѣ правда?

— Знашь, я бы не совѣтовалъ тебѣ идти-то.

— Отчего это такъ?

— Оттого што и тамъ толку-то нѣтъ, все равно што здѣсь. Скажутъ, стоитъ бабы слушать.

— А по твоему мнѣ такъ и ходить стеганой?.. Шалишь!

— А есть ли у те пропиталъ-то? Это ты сообразила ли?

— Кто его пропиталъ-то припасъ? Христомъ-Богомъ дойду, добры люди накормятъ.

— Мамка, и я съ тобой.

— Я тебѣ дамъ! Мало еще тебя стегали?

Дѣло въ томъ состояло, что въ отсутствіи Токменцова, сына его Павла, шестнадцати лѣтъ, называвшагося по заводски подросткомъ, взяли хвораго на рудникъ и тамъ за какую-то вину наказали розгами такъ, что онъ на четвертый день умеръ. Узнавши объ этомъ, мать и пошла къ управляющему, но ее за грубыя выраженія наказали розгами. Теперь она отправлялась съ жалобой къ главному начальнику горныхъ заводовъ. Токменцовъ положительно сталъ въ тупикъ отъ памѣренія жены. Оба они люди бѣдные, пропитаніе они достаютъ съ помощію лошади и дѣтей, которыя получаютъ провіантъ: стало быть у нихъ одного работника не стало. Даже и тогда человѣку рабочему становится горько, когда у него умретъ лошадь и сынъ, а теперь развѣ ему не горько, что одного сына задрали, а другой тоже можетъ быть не избѣгнетъ этой же участи. Но онъ боролся съ тѣмъ, что будетъ ли толкъ какой отъ жалобы жены и не будетъ ли ему отъ этого хуже; а на это онъ имѣлъ десятки фактовъ.

— Ты бы, Онисья, подумала, что сдѣлали съ Θнтулихой?

— Самъ плохъ, такъ не подастъ и Богъ. Извѣстно розиня.

— Ой, Онисья, плохо будетъ: наживешь ты со своей жалобой бѣды.

Онисья представила себѣ положеніе вдовы Θнтулиной, которая своей жалобой не только не помогла дѣлу, а все испортила, но за то у нея не задрали сына, ее не стегали.

— Про это я сама знаю.

Онисья долго стояла думая: идти ли ей въ самомъ дѣлѣ? Кто его знаетъ: Иванычъ ровно правду говоритъ, да какъ же они смѣютъ. Пойду! сказала она громко и сердито, и пошла наша Онисья, а мужъ ея задумавшись ѣхалъ въ заводъ. Онъ такъ былъ золъ въ это время, что попадись ему на встрѣчу какой нибудь надзиратель, онъ избилъ бы его такъ, что тотъ на всю

жизнь бы калѣкой сдѣлался. Ганька нѣсколько разъ что-то спрашивалъ у него, но не добился отвѣта.

До завода верстъ десять осталось. Лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, около лѣсу, по обѣимъ сторонамъ дороги во многихъ мѣстахъ навалены дрова-долготье, въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны черные большіе круги на землѣ; въ двухъ мѣстахъ жгутъ кученки: кучи въ два аршина вышины и въ полтора ширины, обваленные свѣжей землей, и изъ этихъ кучь въ боковыя отверстія идетъ дымъ. На одной кучѣ стоятъ двое рабочихъ въ рубахахъ и скачутъ — это они убиваютъ горящіе подъ землею дрова, а третій большой ступой бьетъ съ одного боку кучу, — это онъ садитъ *на товаръ* дрова. Въ другой кучѣ въ серединѣ сдѣлался провалъ, отъ чего пламя высоко поднималось. Двое рабочихъ бросаютъ въ средину дрова, а третій кидаетъ туда земли или *зернитъ*. Между этими кучами стоитъ балаганъ—родъ пирамидальнаго трехъ-стѣннаго шалаша, въ серединѣ котораго разложенъ огонь. Изъ третьей кучи выбрасываютъ золу, землю и ломаютъ длинные толстые угли: одинъ рабочій бьетъ лопатой, другой граблями отдергиваетъ мелкіе угли, третій и четвертый накладываютъ угли въ телѣгу, пятый уже далеко ѣдетъ въ заводъ. Это рабочіе справляютъ куренныя работы. За семь верстъ отъ завода, котораго еще не видать, потому что мѣстность идетъ ровная, а дорога повертываетъ на лѣво и идетъ между мелкимъ, рѣдкимъ лѣсомъ, — въ этомъ мѣстѣ попадаются запоздалыя коровы, щиплющія траву, попадаются овечки, облизывающія другъ друга и какъ-то болѣзненно смотрящія по сторонамъ. Дождь то переставалъ, то шелъ снова... Вотъ откуда-то послышалась заунывная протяжная пѣсня и смолкла опять, а Токменцовъ сидитъ все злой и чѣмъ ближе подъѣзжаетъ онъ къ заводу, тѣмъ онъ становится злѣе.

Гаврило Иванычъ Токменцовъ, какъ и другіе его товарищи, принадлежалъ наслѣдникамъ Граблева и назывался непремѣннымъ работникомъ, какъ назывался и покойный отецъ его и какъ будутъ называться и дѣти его. Росъ онъ, какъ и прочіе росли. Съ тѣхъ поръ какъ онъ могъ ходить на своихъ ногахъ, онъ лѣтомъ постоянно былъ на улицѣ и вполнѣ пріучался къ заводской жизни: сначала валялся въ песку и грязи, потомъ сталъ бѣгать по этой грязи и песку въ рубашкѣ безъ штановъ и обуви, потомъ сталъ играть, былъ битъ отъ старыхъ и ма-

лыхъ и самъ пріучался драться, и между тѣмъ онъ уже восьми лѣтъ владѣлъ топоромъ, учился косить траву, умѣлъ высверливать на шарикахъ дырки, запрягалъ и распрягалъ лошадь, такъ что физическія его силы быстро возрастали и крѣпли. Бывши мальчуганомъ онъ слылъ за отличнаго бойца и ловкаго плута, умѣлъ обругать кого угодно такъ же, какъ ругается и его отецъ, усвоившій ругань тоже съ дѣтства, и съ терпѣніемъ переносилъ розги, которыхъ пришлось ему принимать еще очень много. Отецъ его былъ крѣпкій раскольникъ безпоповщинской секты, но Гаврило Иванычъ считается православнымъ; впрочемъ, въ церковь онъ ходилъ только въ самые большіе праздники. Въ кругу товарищей, онъ уже давно пріучился курить табакъ и потягивать водку. Попавши съ 12 лѣтъ на рудники, подъ именемъ *малолѣтка*, онъ уже походилъ на рабочаго: напр. онъ работалъ на конной машинѣ, погоняя лошадей, таскалъ въ тачкахъ песокъ, угли и т. п. вещи. Такимъ образомъ находясь постоянно на работѣ и сталкиваясь съ людьми, онъ уже въ это время не уступалъ ни рѣчами, ни манерами взрослому рабочему, и не былъ такой сонливый, какими кажутся наши крестьянскіе парни. Въ обществѣ товарищей онъ изощрялся и самъ своимъ умомъ на остроты, насмѣшки; услыхавъ отъ механика-иностранца иное непонятное слово, онъ вмѣстѣ съ товарищами прозывалъ этого механика мудренымъ словомъ или складывалъ пѣсни, пародію на управляющаго, прикащика или исправника. Понятія его были также ограниченны, какъ и у всѣхъ, и хотя онъ родился въ раскольнической семьѣ и умѣлъ читать и писать, но зналъ столько же, сколько и другіе знали, потому что ему не откуда было пріобрѣсти больше знаній, да онъ правда и самъ не нуждался въ этомъ. Попавши въ рабочіе и проработавши съ годъ, онъ узналъ, что значитъ быть горнорабочимъ: прежде хотя и трудновато было, хотѣлось играть и дирали на славу за лѣнь, и въ шахтѣ приходилось ползать съ тачкой на колѣняхъ, но все же было какъ-то легче; теперь онъ настоящій рабочій: его посылали на работы вмѣстѣ съ прочими и если урокъ не выполнялся, его и товарищей драли, или обижали провіантомъ, деньгами. Нисколько не отличаясь отъ обыкновенныхъ рабочихъ, онъ былъ, надо сказать, человѣкъ честный, практическій и по заводу не глупый. Одно только водилось за нимъ: онъ, какъ и другіе, потаскивалъ полосы желѣза, которыя потомъ прода-

валъ, таскалъ свѣчи сальныя изъ рудниковъ; но, какъ мы увидимъ дальше, этого ему и нельзя было ставить въ особую вину.

На Онисьѣ Кириловнѣ онъ женился на двадцатомъ году. Женился конечно по любви: онъ былъ уже взрослый парень, съ Онисьей онъ росъ вмѣстѣ, вмѣстѣ игралъ до пятнадцати лѣтняго возраста, а потомъ обращался съ ней по своему: то щипнетъ, то воду прольетъ; та отдѣлывалась отъ него бранью и колотушками. Кромѣ этого его побуждало жениться еще то: онъ будетъ самъ хозяинъ, будетъ получать 4 пуда провіанта и на дѣтей пойдетъ тоже провіантъ. Онисья росла въ бѣдной семьѣ, и выросла, какъ и прочія заводскія дѣвушки: научилась домашнему хозяйству, умѣла косить, лошадь запречь и ѣздить верхомъ на лошади, умѣла шить и вязать чулки. По умственному развитію она была все-таки ниже мужа: въ дѣвушкахъ ей не приходилось слышать отъ старшихъ много хорошаго; вышедши замужъ, она сначала работала вмѣстѣ съ мужемъ около рудниковъ, а потомъ она стала водиться съ дѣтьми; а извѣстно, что рабочему человѣку, занятому домашнимъ хозяйствомъ и дѣтьми, заботы много и думать о чемъ нибудь приходится развѣ за чулкомъ, да и тутъ отъ ребяческаго крика не много надумаешь.

Онисья Кириловна была хозяйка хорошая и, если бы не рожала дѣтей, она бы непремѣнно стала работать съ мужемъ, какъ это часто дѣлаютъ многія женщины на заводахъ и промыслахъ. Но теперь у нея есть дочь восьмнадцати лѣтъ, Елена, которая помогаетъ ей въ хозяйствѣ, было трое сыновей: Павелъ шестнадцати, Гаврило тринадцати и Николай пяти лѣтъ, изъ которыхъ Павла задрали на рудникѣ. Павла она любила больше другихъ дѣтей и потому ей очень тяжко было, когда его несправедливо взяли больнаго на рудникъ и тамъ задрали; тѣмъ болѣе тяжко, когда за правду ее же наказали.

Но будетъ ли какой прокъ изъ ея жалобы? Мысль объ этомъ мучилаГаврила Иваныча, который хотя и имѣлъ со всѣми рабочими большую антипатію къ начальству, но трусилъ, какъ и всѣ трусятъ, что главный начальникъ не выслушаетъ жалобу отъ бабы, а управляющій или прикащикъ сдѣлаетъ не только бабѣ накость, но достанется и мужу. «Ну, будетъ, что будетъ! Богъ не безъ милости!» подумалъ Токменцовъ и вздохнулъ; на душѣ сдѣлалось немного полегче.

ГЛАВА II.

ОСИНОВСКІЙ ЗАВОДЪ.

Читатель вѣроятно замѣтилъ, что нашъ разсказъ начинается еще до воли. Предупреждаемъ его также, что Осиновскій заводъ не можетъ быть отысканъ на картѣ, а имя владѣльца не найдется между нынѣшними владѣльцами.

Еще не доѣзжая до завода, большой дорогой, верстъ пять, глазамъ новичка въ этомъ мѣстѣ представляется красивая картина. Вы спускаетесь внизъ—съ пологой возвышенности, направо сперва покосы, ничѣмъ не огороженные, потомъ кустарники, обгорѣлый рѣдкій лѣсъ, а за ними поднимаются горы и пригорки, налѣво лѣсъ, сосновый и березовый, скрывающій виды, а впереди сначала показываются мелкіе кустарники, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, лѣса разныхъ породъ, преимущественно березовые и осиновые. Дорога сначала идетъ прямо, потомъ скрывается въ лѣсу, а далѣе, смотря все впередъ, на огромномъ пространствѣ лѣсъ, то опускаясь, то поднимаясь, то зеленый, то черный, то въ мѣстахъ красный отъ пожара, съ дымомъ стелющимся по большому пространству—даетъ чудную картину. За пять верстъ отсюда черезъ кустарники и лѣсъ видятся три каменныхъ церкви съ тусклыми куполами, сѣрыми стѣнами, и вокругъ нихъ дома, каменные, крашеные, сѣрые и черные; въ серединѣ этой массы сѣрая полоса — прудъ, скрывающійся налѣво за лѣсомъ. Высокая, голая гора Лапа, возвышающаяся за домами, идетъ какъ будто полукругомъ; вдалекѣ — верстъ за пятнадцать отъ завода — около горы тянется извилинами рѣчка, какъ будто изчезающая далеко въ горѣ, и сѣрый густой дымъ, возвышающійся изъ одного большаго зданія съ красной круглой крышей, стелется надъ строеніями, тѣсно скученными на пространствѣ верстъ пяти по глазомѣру. Это — Осиновскій заводъ. Заводъ съ этого мѣста имѣетъ видъ неправильнаго пяти-угольника и дома то поднимаются къ верху, то спускаются внизъ — по неровности мѣста. Дорога идетъ по косогору, лѣсъ становится рѣже, на спускѣ невысокій кустарникъ, потомъ начинаются огороды, недостроенные дома, ничѣмъ неогороженные, дальше дома стоятъ тѣснѣе и тѣснѣе другъ къ другу

съ небольшими заплотами. Дорога идетъ налѣво. Дома лѣпятся по косогору и принимаютъ горнозаводскій видъ—съ дощечками надъ воротами, означающими фамилію хозяина дома, и дощечками надъ окнами, съ годомъ, означающимъ время постройки дома. Дома одноэтажные, съ двумя, тремя, пятью окнами, высоко сдѣланными отъ земли съ выбѣленными и раскрашенными разными кружками, крестиками ставнями, съ пожелтѣлыми и черными воротами и заплотами. Это *новая сторона*. Черезъ логъ и небольшую рѣчку, улица идетъ по глинистой почвѣ, которая послѣ дождя засыхаетъ только въ сильные жары. Опять улица немного поднимается; здѣсь мѣсто идетъ ровное.

На этой улицѣ, называемой Большой заводской, налѣво стоитъ питейный домъ. Около него толкутся человѣкъ шесть рабочихъ въ зеленыхъ и сѣрыхъ зипунахъ. Они о чемъ-то спорятъ.

— Здорово, братцы! сказалъ Токменцовъ, подъѣхавъ къ нимъ. Онъ слѣзъ съ телеги и, подошедши къ нимъ, снялъ фуражку.

— Э! откликнулся одинъ рабочій.

— Неслыхалъ, што Подхалюзинъ сотворилъ? спросилъ Токменцова другой рабочій.

— Што?

— Наташку Никулиху въ острогъ представилъ.

— За што?

— Фальшивую бумажку нашли.

— А мы хочемъ показать, што эти бумажки самъ Подхалюзинъ робитъ.

— Гоже. А нѣтъ ли, братцы, пятачка?

— То-то, што—въ монетномъ куютъ, да намъ не даютъ. Сострилъ молодой рабочій. И они взошли въ кабакъ. Оказалось, что четверо изъ нихъ были куренные рабочіе, а два мастеровые, занимающіеся въ самомъ заводѣ столярнымъ ремесломъ. Одинъ столяръ заложилъ зипунъ, взялъ полуштофъ; за водкой стали разговаривать крупно о разныхъ дѣлахъ, подправляя разговоръ остротами, закричали и, взявши въ долгъ еще полуштофъ, запѣли и заплясали. Пѣли они вотъ какую пѣсню:

Штаники суконны,
Панталоны волоконны!
Ахъ, казаки—десятники,

Варнаки-шкурятники!
Положили—выдрали и т. д.

Плясали свой самодѣльный заводскій танецъ. Казалось, они были веселы, но на душѣ у Токменцова невесело было: отъ водки онъ сдѣлался еще злѣе, веселье товарищей его бѣсило, сердце какъ будто что-то щипало.

— Савелій Игнатьичъ! повѣрь въ долгъ, говорилъ онъ сидѣльцу.

— Не могу.

— А, дуй-те горой! Вѣдь у него сына задрали.

— Ей-Богу не могу.

Такъ-таки Токменцову и не пришлось выпить. Онъ обругалъ сидѣльца, товарищей и вышелъ злой изъ кабака, неизвѣстно почему, ударилъ сына по головѣ, стегнулъ крѣпко лошадь и тронулся, а рабочіе обнявшись и шатаясь шли за нимъ, напѣвая: мости, миленькой да дружочикъ.

Онъ уѣхалъ... Стали попадаться переулки, улицы, кривые и грязные; дорога усыпана шлакомъ; дома красивѣе; Токменцовъ проѣхалъ уже четыре каменныхъ одноэтажныхъ дома, десять полукаменныхъ, нѣсколько обитыхъ досками и выкрашенныхъ желтою краскою, съ садиками передъ окнами, съ красными и голубыми крышами, одну церковь. Вотъ выѣхалъ онъ въ самую лучшую часть города: впереди направо заводскій соборъ, за нимъ виднѣются сѣрыя фабрики, а дальше гора Лапа. Здѣсь улица шире, черная дорога убита хорошо, есть деревянные и каменные тротуары. Налѣво большой двухъ-этажный господскій каменный домъ съ каменными флигелями, съ чугунными рѣшотками, садомъ выходящимъ на озеро, на которомъ сдѣлана купальня, и все это занимаетъ большое пространство; направо большой соборъ, довольно красивый, съ садомъ вокругъ и чугунною рѣшоткой; противъ собора заводская полиція и главная контора, между ними площадь съ гостинымъ дворомъ, противъ котораго въ пяти-оконномъ деревянномъ домѣ помѣщается Осиновская почтовая контора. Здѣсь есть и фонари, зажигаемые впрочемъ во время пребыванія здѣсь начальствующихъ лицъ горнаго вѣдомства.

Это зазывается *запрудская сторона*. Въ ней живетъ все высшее управленіе Осиновскаго завода съ его округомъ, семь тысячъ людей обоего пола, изъ которыхъ до двухъ тысячъ мужчинъ, подростковъ и малолѣтковъ составляютъ чисто гор-

норабочій классъ. Двѣ трети жителей этой стороны принадлежали казнѣ, остальные владѣльцу завода.

У воротъ господскаго дома, въ которомъ живетъ управляющій Граблевскими заводами, стоитъ будка. Въ будкѣ сидитъ караульный осиновецъ и починиваетъ сапогъ, изъ улицы выѣхали рабочіе съ углемъ. Шедшіе рабочіе, поровнявшись съ господскимъ домомъ, снимали фуражки и шапки.

За господскимъ домомъ начинается плотина, идущая на полверсты, запруживая озеро, имѣющее длины шесть верстъ и ширины отъ одной версты до трехъ верстъ. Это озеро называется по заводски прудомъ. Налѣво впереди озеро, скрывающееся правѣе въ углу за лѣсомъ, направо заводскія зданія — большіе сѣрые и почернѣлые отъ дыму и углей каменные флигеля съ круглыми и обыкновенными крышами. Это фабрики: кричная, раскатная, доменная, кузнечная, съ высокими трубами, изъ которыхъ постоянно выходитъ дымъ густыми черными и сѣрыми клубами. Дорога здѣсь черная отъ сыплющихся во время вѣтра углей изъ фабричныхъ трубъ и углей падающихъ съ телѣгъ, въ которыхъ ихъ возятъ на угольный дворъ, находящійся позади фабрикъ. Около кузнечной фабрики сдѣланы большіе вѣсы, а надъ ними въ башенкѣ виситъ полупудовой колоколъ, которымъ скликаютъ народъ на работу и по которому прекращаются работы. Сквозь фабрики черезъ плотину проходитъ небольшая рѣчка. Весной во время спуска воды изъ пруда, она становится удобной для сплава каравана съ металлами.

За плотиной опять продолжаются заводскія строенія лѣвѣе отъ горы Лапы — то *старозаводская слобода*. Если стать по серединѣ плотины лицомъ къ озеру и посмотрѣть направо и налѣво, то съ перваго же раза бросается въ глаза различіе двухъ приозерныхъ сторонъ. На лѣвой сторонѣ у берега сады и надъ ними высятся то каменные, то полукаменные дома, то крашенныя крыши, видны бесѣдки въ огородахъ, движеніе по водѣ около берегу; на правой же сторонѣ бросается въ глаза черная масса кое-какъ наставленныхъ угрюмыхъ домовъ — маленькихъ, ветхихъ, огороды ничѣмъ неогороженные, съ банями безъ крышъ. Заднія постройки, вмѣщающія въ себѣ амбары, погреба, сараи и т. п., такъ крѣпко пристроены другъ къ другу, что съ одного конца до другаго можно свободно пройти по крышамъ. Токменцовъ въѣхалъ въ узкую грязную улицу. Онъ

проѣхалъ много домовъ, а переулковъ нѣтъ. Въ этой слободѣ только одна улица, которая тянется вдоль по озеру и идетъ не прямо, а разными извилинами. Здѣсь дома ветхіе, покачнувшіеся направо и налѣво, подпертые, съ двумя и тремя окнами и со ставнями, ничѣмъ неокрашенными.

Въ этой-то слободѣ и живетъ Гаврила Иванычъ Токменцовъ въ числѣ человѣкъ тысячи населенія, которое, называясь непремѣнными работниками, принадлежало наслѣдникамъ Граблева.

Вотъ и Токменцова домъ на лѣвой сторонѣ съ двумя окнами на улицу, съ высокой крышей, покачнувшейся на правый бокъ, съ воротами; на дворѣ около заднихъ построекъ стоитъ высокій шестъ съ будочкой, или просто скворешникъ.

ГЛАВА III.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

Елена Гавриловна, по заводски Оленка, была ростомъ не велика. Говорили сосѣди, что она по глазамъ походитъ на отца, ртомъ и носомъ на мать, но ея бабушка говорила всѣмъ, что она ни на отца и ни на мать не походитъ, а вся вылитая какъ есть въ нее, бабушку. Она и дѣйствительно не походила на родителей, а Онисья Кириловна доказывала по своему, что она только махонькая походила на нее, а какъ сдѣлалась эдакой *дылдой*, то стала походить чортъ знаетъ на что, и сѣтовала, что дочка сдѣлалась какая-то подхалюза и бѣлоручка.

Олена сидитъ у окна и вяжетъ чулокъ, сидитъ она босикомъ, сложивши лѣвую ногу на правую. На ней надѣтъ сарафанъ изъ синей изгребины и хотя этотъ костюмъ, прошитый по бокамъ красной тесьмой съ узорами на груди, довольно бѣденъ на видъ, но онъ простъ и опрятенъ. Елена Гавриловна дѣвушка вполнѣ здоровая, но на лицѣ у нея нѣтъ румянца, который бываетъ у женщинъ много работающихъ на воздухѣ, на стужѣ и на жару, около печи, много спящихъ и много кушающихъ. Положимъ, и Елена Гавриловна работала на покосахъ, но немного; а лишь только она могла ходить, то росла также, какъ и ея уважаемый родитель Гаврила Иванычъ: подобно ему, она также бѣгала по улицѣ съ ребятами обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ, также она играла съ ребятами

въ разныя игры, даже въ бабки, въ городки и даже въ змѣйки, также она прежде бѣгала въ одной рубашонкѣ постоянно грязной, которую она частенько задирала на голову; такая же она была замарашка, съ бѣлыми распущенными волосами, некрасивая, но теперь старики, глядя на нее, говорятъ: «какая ты, Олена, красивая да опрятная стала! сичасъ хоть подъ вѣнецъ...» Но собственно говоря, вы красоты въ ней большой не замѣтите: лицо съ веснушками, блѣдное, но довольно правильное, чисто-русское, а не какое нибудь съ татарскими или зырянскими пятнами или уклоненіями, потому что ихъ дѣды были русскаго происхожденія или, если шли отъ какихъ нибудь инородцевъ, то современемъ ихъ формы лицъ сложились въ обычный типъ горнорабочаго человѣка, высокій, крѣпкій и сильный въ первое время молодости. Волосы у нея пепельнаго цвѣта, длинные, ихъ она заплетаетъ въ косички, а потомъ вокругъ головы и закрываетъ платкомъ, когда ходитъ по улицѣ, а дома ихъ она никогда не закрываетъ. Она находитъ, что платокъ ей больше нравится, чѣмъ какая нибудь сѣтка, которую она надѣваетъ въ самые большіе праздники. Въ дополненіе къ ея костюму надо еще прибавить, что въ ушахъ у ней вдернуто по сережкѣ, которыя состоятъ изъ янтаря въ мѣдной оправѣ на подобіе колокольнаго языка, а на правой рукѣ на среднемъ пальцѣ надѣто оловянное кольцо, принадлежащее ея матери. Вязанье тихо что-то клеится. Она то вздохнетъ, то задумается, сидитъ минутъ пять и смотритъ въ уголъ, то опять вздохнетъ и погладитъ большаго бураго кота, наслаждающагося созерцаніемъ, какъ на улицѣ по грязи бродятъ овечки, то запоетъ протяжно заунывную пѣсню: «Всѣ-то ноченьки млада просидѣла. Ахъ одна-то думушка съ ума нейдетъ; не съума нейдетъ, не съ разума: прогнѣвила дружка милова: назвала его горькой пьяницей, да несчастною... Мое-тъ миленькій да-оей о-осердился. Онъ ужь больше ходить-то да не станетъ. Дороги-те подарки онъ носить мнѣ не станетъ...»

Какъ видно, эту пѣсню она очень любила, потому что кончивъ ее, она опять пѣла ее же и пѣла съ какимъ чувствомъ!...

Дѣтство ея прошло не очень-то весело. Его можно раздѣлить на двѣ различныя половины по развитію; первая заключалась въ томъ, что она была предоставлена на произволъ окружающихъ ее личностей, во второй она принуждена была подчиниться вліянію матери и своей семьи. Съ самаго ранняго

возраста, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ только что она перестала сосать материнскую грудь, она оставалась на произволѣ судьбы. Она была первое дитя и одинъ ребенокъ въ домѣ. Кормивши ее грудью одинъ годъ и чувствуя скорое рожденіе новаго ребенка, мать бросила ее, предоставивъ бабушкѣ, которая при всей своей нѣжности къ ребенку, не могла, по грубой своей натурѣ, удовлетворить капризамъ ребенка, ласкать его не умѣла и часто подчивала шлепками по чемъ попало; часто случалось, что ребенокъ надоѣдалъ старухѣ, занятой постоянными леченьями и въ особенности повивальнымъ упражненіемъ въ старой слободѣ, а мать была занята или хозяйствомъ, или носила мужу на рудникъ пищу, такъ что ребенокъ оставался назаперти въ зыбкѣ и ревѣлъ цѣлый день, а иногда и цѣлую ночь. Случалось ей и оставаться на полу или на лавкѣ и въ этомъ случаѣ или падать съ лавки, или стукаться головой о ножки стола, о печку и т. п. вещи. Родился другой ребенокъ, за дѣвочкой уже не стали такъ хлопотать, какъ прежде, и ее часто оставляли голодать и колотили старшіе въ сердцахъ и отецъ подъ хмѣльную руку. На четвертомъ году дѣвочка уже бѣгала по улицѣ. До девятаго года, предоставленная себѣ, дѣвочка находилась рѣшительно подъ вліяніемъ товарищей, и какъ мальчики, такъ и она усвоивала себѣ ихъ манеры и понятія вмѣстѣ съ играми; но въ это время она уже справляла въ своемъ семействѣ кое-что: качала зыбку, таскала братьевъ, играла съ ними, выносила помои, мела и мыла полъ въ избѣ, давала коровѣ сѣна, загоняла во дворъ овецъ, ходила въ лѣсъ по ягоды и по грибы съ ребятами; потомъ ее стали пріучать — вязать, стряпать, шить, заставляли пѣть при гостяхъ пѣсни. Наконецъ она и совсѣмъ выросла; на нее уже смотрѣли какъ на дѣвушку-невѣсту и требовали точнаго исполненія всѣхъ ея обязанностей. Теперь она умѣла все дѣлать, чему ее учили, и она очень хорошо знала, что впослѣдствіи выйдетъ замужъ и будетъ сама рожать дѣтей, — это вездѣ въ простомъ быту, гдѣ не стѣсняются никакими выраженіями друзья-пріятели и хорошіе знакомые, дѣти знаютъ очень рано. Бабушка ея была раскольница. Поэтому она требовала отъ зятя, чтобы онъ ее выучилъ читать и писать. Отцу было не время, мать грамоту знала плохо, а бабушка говорила, что ее хотя и началъ учить мужъ уже замужемъ, но она кромѣ азбуки ничего не поняла. Поэтому дѣвочка выучила дома только со словъ

азбуку, а играя съ ребятами, она кое-какъ выучила склады и то по церковной печати. Такъ она знала читать до двѣнадцатилѣтняго возраста, а съ этого времени, занимаясь постоянно чѣмъ нибудь, она позабыла грамоту кромѣ азъ, буки да вѣди. Хорошо еще, что у нея есть подруга на запрудской сторонѣ, умѣющая читать и писать, но она дочь штейгера, къ ней Еленѣ приходилось ходить чуть ли не разъ въ годъ, и тогда о грамотѣ не было помину, да и Еленѣ, вырвавшись изъ дому, хотѣлось только пѣть и плясать. Только въ этомъ году, когда умерла жена штейгера и подруга Елены просватана замужъ, Елена ходитъ туда чаще, проситъ по суткамъ и между дѣломъ учитъ грамоту снова. Теперь она умѣетъ читать по складамъ и писать печатно большія каракули.

Отецъ о нравственности своей дочери не заботился, да и ему въ голову никогда не приходило, чтобы дочь могла избаловаться, потому во первыхъ, что дома онъ жилъ рѣдко, а во вторыхъ, она была смирная и при немъ всегда была дома. Правда, онъ поговаривалъ выдать бы ее замужъ, но за своего брата рабочаго ему было жалко выдать, потому что онъ зналъ, что жизнь рабочаго — жизнь очень тяжелая, писарей заводскихъ онъ и терпѣть не могъ, за хорошаго человѣка онъ ее выдать не могъ, потому что онъ былъ бѣденъ да притомъ непремѣнный работникъ. Такъ этотъ вопросъ и былъ имъ покоченъ, до поры до времени. Мать же строго слѣдила за дочерью: если куда нибудь дочь уходила, она бранила ее и попрекала чѣмъ нибудь; если она разговаривала съ молодымъ мужчиной, мать опять корила ее цѣлые сутки, а объ гуляньяхъ и помину не было. Работать ей самой на себя было дѣло невозможное, потому что она заправляла въ домѣ почти всѣмъ хозяйствомъ, на рудникъ пустить ее боялись на томъ основаніи, что дѣвушкѣ съ рабочими работать неудобно, работать дома на продажу было нечего, потому что въ каждомъ домѣ женщины шьютъ одежду на себя и на семейства сами, а на рынкѣ издѣлій и безъ осиновскихъ произведеній много.

Елена часто думала о своемъ положеніи: что изъ нея выйдетъ? Часто вспоминая дѣвическія игры и куклы и припоминая разговоры отца, матери и разныхъ родныхъ и знакомыхъ, она давно понимала, что ея назначеніе—быть женой, а разговаривая съ подругами, она поняла, что такое мужъ и жена, но только все еще не понимала: что такое любовь и какъ можно

сойтись такъ, чтобы выдти замужъ. Но мысль объ этомъ не давала ей покоя, когда она оставалась одна: юная кровь ея волновалась, приливала къ головѣ, въ головѣ бродили какія-то несвязныя думы, сердце билось сильно. Она не понимала, что происходило въ ней, и при видѣ молодаго человѣка въ сертукѣ, съ которыми ей на старослободской сторонѣ встрѣчаться случалось рѣдко, она потупляла глаза, сердце билось еще сильнѣе, а если ее ущипнетъ старозаводскій парень, она хотя и отругивалась и отмахивалась, но ей дѣлалось какъ-то неловко: она скоро убѣгала, а во снѣ ей мерещились вечерки, свѣчи свадебныя, что она гдѣ-то въ большой церкви стоитъ такая веселая, разодѣтая, народу много и слышитъ она говоръ: Оленку Токменцову-ту, вонъ энту, вѣнчаютъ сегодня...

Мать ея часто замѣчала, что она нынѣче что-то часто сидитъ безъ дѣла сложа руки, и ужь доставалось же Еленѣ! Но она все переносила, только мать увеличивала за ней надзоръ; но можетъ ли тутъ имѣть силу надзоръ, когда человѣкъ только что начинаетъ любить?

И такое дѣло тоже не минуло Елену Гавриловну, и случилось очень просто.

Была она какъ-то у своей подруги на вечеркѣ. На вечеркѣ было штукъ восемнадцать молодежи обоего пола; а наши народные, особенно заводскіе вечерки рѣдко проходятъ безъ пѣсенъ, плясокъ и поцалуевъ; таковы ужь наши пѣсни и обычай. Родители сами даютъ дѣтямъ волю, потому что хорошо знаютъ, что на вечеркахъ играютъ больше женихи и невѣсты (еще не помолвленные), изъ десяти человѣкъ непремѣнно пять женятся или выйдутъ замужъ, да и дѣвица кромѣ вечерка ни за что не дозволитъ себѣ дать поцаловать ее чужому человѣку. На вечеркахъ съ Еленой очень часто танцовалъ столоначальникъ главной конторы, Илья Назарычъ Плотниковъ, человѣкъ 23 лѣтъ. Лицо его было хотя и некрасивое и немного попорчено отъ ушиба, но онъ такъ масляно-любезно глядѣлъ на нее своими черными глазами, такъ умильно улыбался, что она постоянно краснѣла отъ его пожатій, улыбокъ и поцалуевъ. Еще никогда она не была въ такомъ настроеніи, никогда не волновалась такъ, не билось такъ сильно ея сердце, что она сама не могла понять, что съ ней дѣлается... Господи! что это со мной стряслось? думала она: вѣдь я плясала же съ другими: и съ приказными, и съ парнями, и ничего, а тутъ... оказія!...

Плотникова она съ этихъ поръ не видала долго, а увидала его на гуляньи въ господскомъ саду, куда она зашла совсѣмъ случайно: мать послала ее на рынокъ; шла она мимо сада, смотритъ, народъ туда идетъ. Хочется посмотрѣть, что тамъ дѣлается, да одѣта некрасиво, ну да и хуже меня ходятъ и зашла. Вдругъ подходитъ къ ней Плотниковъ; на немъ пальто черное новенькое, шляпа, сапоги со скрипомъ, въ одной рукѣ тросточка, въ другой папироска. Стыдно сдѣлалось Еленѣ, что она такая непарядная.

— Здравствуйте, Елена Гавриловна, проговорилъ онъ ей и протянулъ руку.

Елена Гавриловна закраснѣлась; руки ей дать не хочется; бѣжать хочется да народу много.

— Здравствуйте. Вашу ручку прелестную.

Еще того стыднѣе сдѣлалось Еленѣ Гавриловнѣ. Народу идетъ много, всѣ ровно на нее глядятъ: она такая непарядная, а онъ...

— Здоровы ли вы?

— Здорова...

— Пойдемте гулять.

— И нѣтъ... какъ можно!

— Хотите орѣшковъ?

— Покорно благодарю.

Плотниковъ досталъ изъ кармана пальто мелкихъ кедровыхъ орѣховъ двѣ горсти и далъ ихъ Еленѣ Гавриловнѣ; та не знала, куда ей дѣться съ орѣхами, потому что у нея не было въ сарафанѣ кармановъ. Плотниковъ какъ будто издѣвался надъ ея неловкостью, но она этого не замѣтила.

— Вы гдѣ живете? спросилъ онъ дѣвушку. Та разсказала. — Можно къ вамъ зайти?

— И нѣтъ!.. Узнаютъ наши, такъ и вамъ и мнѣ достанется. Прощайте.

То ли отъ радости, что она увидала Плотникова, то ли отъ чего другаго, она не помня пришла на рынокъ и вмѣсто полфунта соли купила фунтъ, а перцу купить позабыла. Шла она домой какъ помѣшанная, не зная, что съ ней дѣлается, но пришедши во дворъ, она все-таки успѣла спрятать оставшіеся орѣхи подъ крылечко.

Черезъ четыре дня послѣ этого Елена Гавриловна сидѣла у окна съ работой. Мимо окна шелъ Плотниковъ; увидѣвъ ее,

онъ снялъ фуражку и прошелъ мимо. Лицо Елены Гавриловны вспыхнуло, она ушла на крыльцо и стала какъ вкопаная, такъ что мать закричала на нее:

— Што ты, шкура барабанная, стоишь-то?

Елена Гавриловна вздрогнула и сказала:

— Ничего.

— Пошла въ избу, вынь изъ печки-то горшокъ. У!

И обидно же Еленѣ Гавриловнѣ сдѣлалось, что мать ея горя не знаетъ, а какое горе у нея—она не можетъ сообразить прямо; и досадно, что ей не удалось поговорить съ Ильей Назарычемъ. Ночью она была какъ въ бреду и пролежала до утра: то блохи, то клопы кусаютъ... «И что это со мной дѣется! прежде ровно они, проклятыя, не кусались... Ахъ бы поскорѣе увидать его... Нѣтъ, не надо... Ай бы да поговорить... Нѣтъ, увидятъ; въ саду бы...»

Плотниковъ что-то часто сталъ прохаживаться по слободѣ, такъ что это замѣтили рабочіе: «обломаемъ же мы этому долговязому ноги! Ишь, нюхаетъ што-то: вѣрно, къ Токменцовой Оленкѣ подбирается, гадъ поганый». Однако его еще никто не побилъ, и Елена Гавриловна видѣла его нерѣдко.

Мать ничего не знала: она цѣлыя двѣ недѣли бѣгала изъ дому: то за Павла хлопотала, то по начальству бѣгала; теперь она ушла изъ дому, сказавъ дочери, что идетъ къ мужу.

Сегодня въ сумеркахъ Елена Гавриловна, какъ мы видѣли, сидѣла у стола, скучная, и чего-то дожидалась. Вдругъ идетъ Плотниковъ; дрогнуло у нея сердце, не стерпѣла она и отворила окно, чего никогда не дѣлывала. Плотниковъ ей поклонился.

— Куда вы это ходите? спросила она Плотникова.

— Тетка у меня тутъ живетъ у озера: Коропоткина.

— Знаю.

— Вы одни?

— Да.

— Можно зайти?

— О... нѣтъ!.. Право, боюсь.

— Ничего, — и онъ пошелъ къ калиткѣ.

Закраснѣлась Елена Гавриловна, подумала: «зачѣмъ онъ?» и пошла на крыльцо, надѣвъ предварительно на ноги башмаки. Во дворѣ, крытомъ навѣсомъ, лежала на полу, сдѣланномъ

очень давно изъ досокъ, корова, неподалеку отъ нея лежали овечки, направо полѣница осиновыхъ и березовыхъ дровъ, налѣво въ углу около стайки опрокинуты сани, долгушка, начатая на продажу нынѣшнимъ лѣтомъ, но неоконченная, и разный хламъ: колеса, жердочки, чурбаны, верешакъ, а посереди двора на веревочкѣ, протянутой черезъ весь дворъ, развѣшаны разныхъ величинъ тряпки. На крытое же крылечко нужно подниматься четырьмя ступеньками. На крылечкѣ рогожа, а въ углу повѣшенъ глиняный чайникъ, служащій вмѣсто умывальника. Въ сѣнцахъ, захламощенныхъ кадушками, тулками, вѣниками, ведрами, сѣльницей, довольно чисто.

— Здравствуйте, Елена Гавриловна! сказалъ Плотниковъ.

— Здравствуйте, едва слышно сказала Елена Гавриловна.

— Какъ поживаете?

— Ничего.

— Гдѣ же ваши-то?

— Мать ушла къ отцу на рудникъ.

Они вошли въ избу. Изба состояла изъ трехъ оконъ: два на улицу, третье во дворъ; въ переднемъ углу столъ стоитъ, а въ самомъ углу четыре иконы мѣдныя и передъ ними божничка, т. е. полочка и лампадка; передъ окнами двѣ лавки, на стѣнѣ приклеена картина страшнаго суда и два другія лубочныя изображенія; въ углу налѣво стоитъ шкафчикъ съ посудой, большая русская печь съ приступками, корчагами, крынками, лопатой деревянной и ухватами занимаетъ четверть избы; противъ печки большія полати, подъ ними противъ печки стоитъ двухспальная кровать съ плохонькой периной, двумя подушками, стеганнымъ изъ различныхъ лоскутковъ одѣяломъ; надъ кроватью въ углу виситъ сарафанъ, сермяга и большая шапка; подъ кроватью красный небольшой сундучекъ. На полу посланы половики изгребные, прибитые къ полу гвоздиками.

— Наспу-то я попалъ къ вамъ.

— Садитесь, гости будете.

— А вѣдь вамъ чать скучно?

— Ой, и не говорите.

— Какъ же вы однѣ-то теперь спите?

— Ничего.

Она врала: ей очень было скучно, она боялась, чтобы кто

не убилъ ее, особенно въ послѣднее время — ее пугали по ночамъ даже тараканы.

— Что вы подѣлываете?

— Чулокъ вяжу.

— Елена Гавриловна...

— Чего?

— Я весь измучился объ васъ... Не повѣрите: просто бы все такъ сидѣлъ съ вами да на васъ глядѣлъ.

— Ой ли?

— Ей-Богу. Елена Гавриловна!

— Ну?

— Я люблю васъ, — и онъ обнялъ ее, но она оттолкнула его, такъ что онъ чуть не свалился съ лавки.

— Отстаньте!

— Я люблю васъ.

— Поди-кось, такъ и повѣрили! Экъ, дуру какую нашли. Коли сидѣть хотите, такъ смирно сидите, а то свисну по чему придется.

— Экія вы жестокія! и онъ взялъ ее за руку.

— Вамъ русскимъ языкомъ-то говорятъ! и она ударила его по рукѣ.

Въ это время щеки у нея сдѣлались красными, грудь поднималась, она говорила не своимъ голосомъ.

— Матушка, Леночка, другъ... шепталъ Плотниковъ; онъ сильно обнялъ Елену Гавриловну и поцаловалъ ее.

— Ой! и она, вырвавшись, убѣжала къ дверямъ и сильно крикнула: — негодный человѣкъ вы послѣ этого! и она заплакала.

Плотниковъ испугался; хотѣлось ему обласкать Елену, но она и слушать его не хотѣла.

— Уди ты отъ меня, аспидъ проклятый!.. Ну, какъ я теперь въ люди покажусь?

— Еленушка!

— Я, ей-Богу, закричу!

Плотниковъ пошелъ къ двери.

— Прощай!

Она молчитъ.

— Прощай! и онъ пошелъ.

— Илья Назарычъ! сказала она громко, но голосъ ея дро-

жалъ, и дернула его за сюртукъ; дернувши, она побѣжала къ окну и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣла на лавку.

— А!

— Нѣтъ, я ничего... А вы никому не скажете?

— Никому. Поцалуемся!

— А вотъ! и она показала ему кулакъ.

Кажется, Плотникову можно бы было уйти, потому что онъ завладѣлъ Еленой, но ему этого мало было: ему хотѣлось, чтобы она его сама поцаловала, но она никакъ этого не хотѣла, и когда онъ еще обнялъ ее разъ, она наотрѣзъ сказала, что выгонитъ его, а цаловать его теперь не будетъ, потому что грѣхъ. Такъ какъ это продолжалось часа два, то влюбленные сидѣли уже со свѣчой сальной, которую принесъ съ собой Плотниковъ. Богъ знаетъ, сколько бы они просидѣли, только скоро подъѣхалъ отецъ. Увидѣвъ съ улицы, что у дочери огонь, онъ почему-то вздумалъ взглянуть съ улицы въ окно... Ужасъ его былъ неописанный, но онъ сдержался.

ГЛАВА IV.

СУДЪ ОТЦА.

«Часъ отъ часу нелегче!» проговорилъ онъ про себя и сталъ отпирать ворота. Скринъ отъ воротъ влюбленные услыхали, но Плотниковъ однако нашелся скоро: огонь потушили, а онъ, выскочивъ въ окно, побѣжалъ по улицѣ. Токменцовъ стоялъ въ воротáхъ съ полѣномъ. Какъ только что пробѣжалъ мимо Плотниковъ, онъ бросилъ за нимъ полѣно, но полѣно не попало.

— Я тебѣ, подлому человѣку! Попадешься въ другой разъ!.. Собаки, усь! усь! и вмигъ залаяли двѣ собаки, за ними шесть, и залаяли всѣ двѣсти старослободскихъ собакъ, а десять пустились въ догонку за Плотниковымъ.

Ганька ничего не понималъ и кое какъ вползъ въ избу. Вошелъ въ избу и отецъ.

— Оленка! сказалъ онъ. — Вздувай огонь!

Вздула Елена огонь на лучину; оставшуюся свѣчку отъ Плотникова она успѣла спрятать, а отецъ объ ней позабылъ.

— У, подлая! подошелъ къ ней отецъ и ударилъ ее крѣпко по спинѣ, такъ что она чуть не упала на полъ. Она заплакала.

— Поревп! У! будь ты проклятая!.. Дѣлай завариху, гадина! Есть щи-те?

— Не варили...

— А! все съ любовникомъ-то со своимъ стрескала?

— Тятенька...

— Поговори еще! Осподи, что за напасти! Экой я грѣшникъ такой!.. Да будьте вы всѣ... и онъ, плюнувъ, вышелъ на дворъ распрягать лошадь.

Поспѣла завариха, состоящая изъ ржаной муки, разведенной въ горячей водѣ въ чугункѣ, и сгустившаяся въ глиняной латкѣ надъ огнемъ, разложеннымъ на сошкѣ. Елена постлала на столъ изгребную скатерть, принесла кринку молока, ковригу ржанаго хлѣба и потомъ латку съ кашей-заварихой. Снявъ халатъ, сапоги, оставшись въ рубахѣ и штанахъ и перекрестившись, отецъ сѣлъ молча съ Ганькой за столъ.

— А ты?

Сѣла и Елена. Отецъ привезъ съ собой полусальную свѣчку, доставшуюся ему изъ рудника, и воткнувъ ее въ середину заварихи, сталъ наблюдать, какъ растапливается сало, потомъ семейство стало кушать, запивая молокомъ. Отецъ съ сыномъ ѣли съ аппетитомъ, но Елена не могла ѣсть: ее душили слезы, слезы не наружныя, а внутреннія. Кто когда нибудь бывалъ въ страшномъ горѣ и не имѣлъ возможности плакать при людяхъ, тотъ знаетъ эти слезы; человѣкъ сидитъ самъ не свой, не чувствуя, что кругомъ дѣлается, въ головѣ словно туманъ, только и вертятся какія нибудь два слова; предметы, на которые онъ смотритъ, кажутся теперь или увеличенными, или уменьшенными, и глотаетъ человѣкъ что-то горько-соленое, а грудь ему давитъ, сердце бьется сильнѣе... И сколько страданій выражается на лицѣ и въ глазахъ Елены! То ей кажется, что отецъ вмѣсто того, чтобы почерпнуть деревянной ложкой кашу, хочетъ ее ударить и она вздрагиваетъ, то ей убѣжать хочется изъ дому куда нибудь далеко-далеко, или уйти въ сарай и тамъ выплакать свое горе.

Сидѣли всѣ молча. Ганька ѣлъ много, какъ голодная собака, и безсмысленно глядѣлъ, то на сестру, то на отца. Онъ не понималъ: зачѣмъ отецъ обзываетъ Оленку нехорошими словами и ни съ того ни съ сего ударилъ ее.

— Оленка! ты чего не жрешь? спросилъ онъ сестру съ участіемъ.

Отецъ промолчалъ, Елена хлебнула ложку и опять перестала ѣсть.

— Пошла прочь! заревѣлъ отецъ

Елена встала боязливо и потихоньку, бокомъ пошла къ печкѣ и стала, какъ статуя. Наружныя слезы не шли у ней по лицу.

А Токменцовъ ѣстъ за двоихъ; уже одна ложка осталась заварихи и та съѣлась. Задумался отецъ, подперевъ подбородокъ, и молиться не сталъ. О чемъ онъ думалъ? Мысль его не останавливалась долго ни на чемъ. Ему припоминался только рядъ несчастій: дранье, смерть сына, положеніе его жены, при воспоминаніи о которой какъ будто что-то кололо его сердце, и самое главное и свѣжее—развратъ дочери. Ему хотѣлось избить дочь до смерти, но ему не хотѣлось встать, руки не поднимались, а ругаться онъ находилъ безполезнымъ, да и не находилъ словъ, какъ бы выругать дочь. Такъ просидѣлъ онъ съ полчаса и такъ простояла Елена, едва переводя духъ, чтобы не услышалъ ее отецъ. Услышь отецъ, что она плачетъ, быть бы ей битой, а пожалуй и калѣкой на всю жизнь. Между тѣмъ Ганька уже спалъ на печкѣ. Но вотъ отецъ всталъ, пошатнулся, глаза у него дикіе, онъ зло посмотрѣлъ на дочь, сжалъ кулаки и остановился; дочь выдержала этотъ взглядъ стойко; лицо у нея было бѣлѣе прежняго, она какъ будто готова была на все: «бей, тятенька: все равно, а однимъ покойникомъ больше будетъ...» Отецъ прошелъ къ кровати и легъ спать, не молясь Богу. Это было съ нимъ въ первый разъ въ жизни. Только одинъ тяжелый вздохъ послышался, какъ онъ легъ, и скрежетъ здоровыхъ зубовъ, и громко скрипнула кровать отъ его потяготы. Елена же между тѣмъ убрала со стола, погасила лучину и легла на лавку, положивъ подъ голову халатъ отца; сарафанъ она сняла. Тихо въ избѣ, только Ганька по временамъ туруситъ громко и хохочетъ, да тараканы черные большіе и красные, то шумятъ, то шлепаются съ потолка на полъ; не спитъ отецъ съ дочерью.

— Осподи Исусе! да пошто же ты экую напасть намъ грѣшнымъ приставилъ! Чѣмъ я-то хуже другихъ, чѣмъ я не человѣкъ. Вонъ Ганька шельмецъ говоритъ, што люди по нынѣшнему выходитъ все едино, што собаки. Онъ это по малолѣтству судитъ, оно вѣдь и правда. — И онъ пустился думать: почему человѣкъ, скотъ или собака, но хорошаго ничего не выдумалъ; надоѣло ему эти пустяки разбирать. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ ему гаже казалась жизнь; какой бы предметъ ему

ни пришелъ въ голову, этотъ предметъ злитъ его и онъ поворачивается зло со спины на бокъ, съ боку на спину... Теперь его сильно безпокоило поведеніе дочери, но разбирая свою прошлую жизнь и сравнивая ее съ нынѣшнею молодежью, онъ приходилъ къ тому заключенію, что дѣвка съ жиру бѣсится, ей пора замужъ. Въ это время онъ услыхалъ всхлипыванья дочери. Нѣсколько времени онъ слушалъ это всхлипыванье; надоѣло оно ему, но языкъ не ворочался крикнуть.

— Экое дѣло случилось съ дѣвкой! и что это мать-то глазѣла, поганая. Ужо приди-ка, окаянная, што я съ тобой сдѣлаю.

— Слышь ты, Оленка, не наводи меня на грѣхъ!

Елена пуще всхлипывала.

— Тебѣ говорятъ! крикнулъ отецъ. Настала тишина, только Елена сморкалась часто.

— Неужели же она тово?... Спрошу ее я завтра, въ баню свожу, мыть себя заставлю. А за этова Плотникова ни за что не выдамъ. Лучше за Сеньку Турицына выдамъ, онъ что-то подмазывался ко мнѣ анамедни, а этому Плотникову я шею намылю, такъ ему и скажу завтра... Скоро онъ заснулъ; черезъ часъ послѣ этого, наплакавшись вдоволь, уснула и Елена Гавриловна.

ГЛАВА V.

ИЛЬЯ НАЗАРЫЧЪ ПЛОТНИКОВЪ.

Назаръ Иванычъ Плотниковъ, отецъ Ильи Назарыча, плавленный мастеръ, человѣкъ очень солидной наружности и непослѣдняя спица въ заводской колесницѣ. Теперь ему уже сорокъ восемь лѣтъ, но онъ толстъ, какъ быкъ, здоровъ, какъ чортъ. Посмотрите вы на этого человѣка въ заводскомъ соборѣ; онъ, разодѣтый въ длинный сертукъ, съ шелковымъ платкомъ на шеѣ, въ красной ситцевой рубахѣ, въ черныхъ плисовыхъ брюкахъ, засунутыхъ въ большіе свѣтлые сапоги, стоитъ впереди рабочихъ, немного позади заводскихъ властей: управляющаго, исправника, прикащика, горнаго смотрителя; поглаживаетъ гладко причесанные и напомаженные рыжіе волосы, окладистую рыжую бороду, брюшко, самодовольно покашливаетъ и важно искоса поглядываетъ на черный народъ, изъ котораго вышелъ его отецъ, бывшій заводскій управляющій. Но стоитъ

только прикащику или управляющему обернуться и посмотрѣть на его особу, онъ тотчасъ приметъ самый смиренный видъ, а по первому ихъ зову онъ вмигъ подскочитъ къ нимъ, заложитъ руки назадъ, станетъ смотрѣть въ землю и ждать приказаній. Такъ однажды онъ усердно молился на колѣняхъ; вдругъ управляющій обернулся къ нему и кивнулъ ему головой, — онъ вмигъ вскочилъ, подскочилъ къ управляющему и всталъ какъ вкопаный. «Вотъ что, Плотниковъ: выплави къ завтрешнему утру сто пудовъ мѣди». «Исполню-съ», отвѣчалъ Плотниковъ, тотчасъ же вышелъ изъ церкви, вызвавъ предварительно изъ нея двадцать пять человѣкъ рабочихъ, не смотря на то, что они пришли съ работы вчера вечеромъ и не хотѣли идти на работу въ праздникъ. Набравъ еще рабочихъ, заручившись словеснымъ приказаніемъ управляющаго, онъ къ другому дню выплавилъ сто пудовъ мѣди, да еще себѣ хапнулъ малую толику—пудовъ пять. Рабочій народъ называетъ его не иначе, какъ варваромъ и отчаяннымъ воромъ, на томъ основаніи, что онъ назначаетъ рабочихъ къ плавильнымъ печамъ столько, сколько хочетъ, и если урокъ не выполнится какъ слѣдуетъ, онъ или пишетъ записку нарядчику, и тотъ расправляется съ *лѣнивыми* посредствомъ розогъ, или заставляетъ человѣка работать вмѣсто одного дня двои сутки. Имѣя ключи отъ магазина, гдѣ хранится выплавленная мѣдь до склада, распоряжаясь работами на фабрикѣ по своей части, онъ очень хорошо знаетъ: сколько онъ выплавитъ мѣди изъ ста пудовъ руды, и въ этомъ случаѣ можетъ сколько угодно показать браковки, потому что управляющій требуетъ только металла, а заводскій прикащикъ съ нимъ за одно.

Такимъ образомъ Плотникову хорошо живется: онъ имѣетъ въ заводѣ полукаменный домъ, оштукатуренный, хорошо меблированный; имѣетъ тысячъ пятнадцать наличнаго капитала, да еще надѣется пріобрѣсти столько же, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что дѣла заводскаго управленія идутъ плохо. На фабрикѣ онъ хотя и бываетъ каждый день, но не на долго, потому что тамъ есть еще мастеръ и подмастеръ, которые тоже изъ-подъ его лапъ сыты живутъ и понастроили себѣ хаты немного похуже его; ѣстъ онъ хорошо, спитъ много, начальство его любитъ. Все хорошо, только ему все еще кажется, что у него денегъ мало, и хочется получить мѣсто заводскаго прикащика, а такъ какъ это мѣсто онъ можетъ получить не иначе, какъ если при-

кащику дадутъ другую должность, то онъ и заискиваетъ всячески у управляющаго.

Ему наконецъ жениться вздумалось. Была у него жена, да умерла назадъ третій годъ. Родниться съ прикащикомъ ему не хочется, т. е. ему хочется сперва женить своего сына на дочери прикащика Елизарова, Марьѣ Петровнѣ; члены заводской конторы ему своихъ дочерей не отдадутъ, жениться на бѣдной нѣтъ разсчету. А у управляющаго, женатаго человѣка, есть гувернантка, которая, какъ ходятъ слухи, по настоянію жены управляющаго скоро будетъ удалена изъ дому и замѣнится новой. Вотъ онъ и задумалъ жениться на ней, не смотря и на то, что она, говорятъ, вдвоемъ.

У Плотникова была дочь Раиса; та прошлою осенью выдана замужъ за исправническаго письмоводителя Алексѣя Александровича Серебрякова, живущаго и теперь въ Осиновскомъ заводѣ. Какъ она, такъ и Илья Назарычъ воспитывались нелѣпо. Положимъ, что няньки у нихъ не было, какъ это дѣлается у людей состоятельныхъ, но Раиса и маленькая была дѣвочка капризная, упрямая, злая. Находясь подъ вліяніемъ глупой матери, считавшей себя важною особой, и жестокаго отца, который часто колотилъ дѣтей за шалость, за провинки, она сдѣлалась надутою, неговорливою и считала себя тоже чѣмъ-то въ родѣ барышни. Правда, она умѣла хозяйничать, шить, но была крайне лѣнива. Она очень любила покушать сладкое, поспать послѣ обѣда, посидѣть вечеромъ на улицѣ, любила вечерки, но и тамъ надменничала передъ своими подругами. При всемъ этомъ надо замѣтить еще, что она не умѣла читать и писать, не смотря даже на то, что отецъ эту науку старался вбить ей въ голову и шлепками, и драньемъ.

Совсѣмъ другое Илья Назарычъ. Раиса еще видѣла красные дни, а для него, бѣднаго, эти дни достаются только тогда, когда онъ сидитъ у Серебрякова. Про дѣтство его говорить много нечего: оно было хуже дѣтства рабочихъ, на томъ основаніи, что его на улицу не выпускали, такъ какъ онъ приходился тогдашнему управляющему внукомъ; а Раиса, бывшая старше его двумя годами, играть съ нимъ не любила и часто жаловалась и сплетничала на него то отцу, то матери. Эта вражда между братомъ и сестрой шла съ дѣтства и особенно укрѣпилась съ тѣхъ поръ, какъ послѣ одной кляузной жалобы, братъ вымазалъ сестрѣ смолой щеки. Это было на двѣ-

надцатомъ году его жизни и этотъ несчастный годъ, когда отецъ его былъ въ работѣ на рудникахъ, онъ провелъ на работѣ около рудниковъ и тамъ чуть чуть не былъ задавленъ обваломъ горы, отъ которой онъ таскалъ глину и песокъ. На рудникѣ ему много пришлось увидать и хорошаго и худаго, и онъ, привыкши къ рабочей жизни, до того свыкся съ ней, что черезъ годъ, когда отецъ, получивши должность мастера, взялъ его къ себѣ и отдалъ въ училище, онъ часто бѣгалъ изъ училища на рудникъ. Говорить подробно объ его дѣтствѣ нечего и потому еще, что читателямъ не нравятся невеселыя картины, а веселыхъ я пока не имѣю, потому что я пишу не идеалы земнаго счастія. Но какова бы ни была жизнь, у заводскаго человѣка тоже могутъ появляться въ головѣ разныя идеи. Вы, можетъ быть, помните, что въ заводѣ есть озеро, называемое по заводски прудомъ. На этомъ пруду заводскіе ребята и молодые парни съ самаго основанія завода упражняются въ рыболовствѣ и въ игрѣ. Рыболовствомъ они занимаются лѣтомъ и весной, а зимой катаются по льду на конькахъ и дерутся партіями — старозаводчане съ запрудчанами. Драться Ильѣ Назарычу приходилось рѣдко, да и его всегда побивали, за то ему дозволяли рыбачить. Сначала онъ рыболовилъ съ ребятами, но когда тѣ стали отнимать у него рыбу, онъ уходилъ въ уединенныя мѣста, и если тутъ рыба не клевала, онъ все-таки сидѣлъ тутъ долго, положивъ удилишко на берегъ и скрестивши руки на груди, онъ смотрѣлъ все на одно мѣсто и думалъ: какъ бы ему хорошо быть богатымъ, такимъ же довольнымъ, какъ и его отецъ, но жить бы честно, не воровать, не стѣснять рабочихъ, а главное, быть небитымъ и свободнымъ: куда пошелъ, туда и ладно, что хочешь дѣлать, такъ и дѣлай. Его постоянно мучила мысль: зачѣмъ это всѣ обитатели завода находятся въ какомъ-то рабствѣ. Спросилъ онъ стариковъ рабочихъ объ этомъ предметѣ, и тѣ открыли ему глаза. Зло взяло Илью Назарыча, да ничего не подѣлаешь.

Поступилъ онъ на службу въ заводскую контору и ему опротивѣли плоскости товарищей. Послали его въ городъ къ повѣренному; тамъ онъ насмотрѣлся еще больше плутней. Здѣсь онъ столкнулся съ порядочными людьми. Онъ принялся читать книги, но серьезнаго онъ не могъ понять, знакомые его не могли ему объяснить и самъ онъ осмыслить былъ не въ состояніи. Такъ онъ и бросилъ читать серьезное. Въ голо-

вѣ забродили какія-то хорошія мысли и онъ сталъ сочинять стихи, но выходило худо. И эти занятія онъ бросилъ. Молодая его натура чего-то требовала, хотѣлось ей жить настоящею жизнію, а кругомъ онъ видѣлъ только гадость и мерзость. Съ отвращеніемъ ко всему, онъ пріѣхалъ въ заводъ, гдѣ его, прослужившаго хорошо въ уѣздномъ судѣ и у повѣреннаго, сдѣлали столоначальникомъ; но онъ не могъ ужиться съ заводскими порядками; его отправляли въ полицію подъ арестъ и даже разъ выстегали за то, что онъ сказалъ грубость одному изъ членовъ главной конторы, а не смѣняли его съ должности только потому, что онъ переписывалъ записки управляющаго, часто прислуживалъ у него въ родѣ лакея и разъ даже удостоился чести похристосоваться съ нимъ въ пасху, — большая рѣдкость въ заводѣ.

Можно сдѣлать заключеніе, что для молодаго человѣка жизнь была очень скверная.

Елену Гавриловну онъ зналъ не съ тѣхъ поръ, какъ онъ танцовалъ съ ней на вечеркѣ. Онъ еще прежде встрѣчалъ ее раза два на старозаводской слободѣ, когда ходилъ къ теткѣ Коропоткиной, и тогда она произвела на него пріятное впечатлѣніе; потомъ онъ видѣлъ ее на рынкѣ въ базарный день. Онъ торговалъ мясо такъ себѣ только для того, чтобы ближе вглядѣться въ нее. Послѣ этого онъ думалъ объ ней долго, но потомъ такъ и позабылъ со временемъ до вечерки, а съ этихъ поръ мысль жениться не покидала его. Но какъ жениться? Что скажетъ еще отецъ. И все-таки, несмотря на эти тяжелыя сомнѣнія, онъ, какъ мы знаемъ, путешествовалъ на старозаводскую слободу и узналъ-таки, что и она его любитъ.

Бѣжитъ Илья Назарычъ по старозаводской улицѣ и погъ подъ собой не слышитъ; слышалъ онъ, какъ будто что-то пролетѣло мимо него, и пуще пустился бѣжать. Вотъ залаяло собачье войско, двѣ собаки сцапали его за фалды сюртука, третья укусила ему ляжку. Отъ боли онъ не вскрикнулъ, а принялся бросать въ собакъ каменья, но попадалъ плохо, да и что онъ могъ сдѣлать съ двадцатью собаками, съ ожесточеніемъ нападавшими на него?

— Проклятая слобода! шепчетъ онъ.

— Эй ты, балда! стой! прокричалъ мужской голосъ въ темнотѣ.

— Послушай, другъ любезный, прогони пожалуйста собакъ, искусали.

— Цыцъ вы, шельмецы! Цыцъ!.. собаки долго еще лаяли потомъ мало по малу стали отступать отъ Ильи Назарыча.

— Што ты тутъ шляешься?

— Я... ничего... я у тетки былъ.

— Я вотъ тѣ покажу тетку. Скидавай сюртученко-то.

— Послушай, пріятель, я человѣкъ бѣдный.

— Эй, Онисимъ, подь сюда! и говорившій схватилъ Илью Назарыча за горло. Явился другой человѣкъ.

— Въ воду его. Да это никакъ сынокъ Назарка Плотникова.

— Онъ.

— Братцы! вы знаете вѣдь моего отца. Зачѣмъ вы меня-то обижаете?

— За то, что онъ подлецъ. Такъ ты ему и скажи, да и зятьку твоему тоже скажи, а коли не скажешь, въ другой разъ мы тебя стеганаго представимъ ему. Скидавай, тебѣ говорятъ, сертукъ-то.

— Да вѣдь онъ на мои деньги шитъ, братцы.

— Не ходи въ нашу слободу! Зачѣмъ ты насъ побезпокоилъ, коли знаешь, што намъ завтра чѣмъ свѣтъ надо на рудникъ идти? И съ него сняли сюртукъ со всѣми принадлежностями.

— Братцы, какъ я домой приду... Вѣдь я за дѣломъ ходилъ.

— Ходи днемъ. Ишь нашелъ удовольствіе въ нашихъ дѣвкахъ... Знаемъ, какъ ты у Токменцова марену копалъ. А ты еще его не знаешь, а мы за него всегда постоимъ: дѣвка тебѣ не пара. И съ бѣднаго Ильи Назарыча сняли еще сапоги, взяли фуражку, жилетъ и, выведши на мостъ, толкнули въ шею:

— Вотъ тебѣ наука! Вдругорядь придешь, ей-богу выстегаемъ. Наши дѣвки для своихъ парней годятся. — И мужики ушли, хохоча во все горло. Немного погодя одинъ изъ нихъ закричалъ:

— Эй, парнюга, подь-ко сюда, чего стоишь хнычешь у перилъ-то!

Илья Назарычъ дѣйствительно стоялъ у перилъ; онъ не зналъ, какъ ему явиться передъ отцовскія очи и куда идти. Онъ пошелъ къ говорившему.

— Ты послушай, можетъ считаешь насъ за разбойниковъ. Ты дуракъ послѣ этого: мы тѣ острастку дали и обижать тебя не стоитъ, потому ты парень хорошій, въ золотыя бы руки тебя надо отдать ошлифовать. Одежу твою намъ не надо: на кой ее бѣсъ, въ озеро разѣ? Возьми, дуй те горой, только смотри, парень, скажи своему Назарку, чтобы онъ много-то не разбойничалъ: мы вѣдь и того... Знаешь! А въ другой разъ придешь въ чужой огородъ, ей-богу выстегаемъ. Пьешь водку?

— Немного.

— Есть деньги?

Двое рабочихъ отдали Ильѣ Назарычу его одежду и потомъ пошли съ нимъ въ кабакъ. Дорогой они сказали ему: — мотри, Илюха, не ошибись въ разсчетѣ: едва ли онъ, Токменцовъ-то, выдастъ за тебя Олену, потому самому, што онъ не захочетъ родниться съ твоимъ отцомъ.

— Я-то какъ же?

— Э! мало што ль дѣвокъ-то.

Когда онъ пришелъ домой, отецъ уже спалъ крѣпко. Кухарка спросила его: хочетъ ли онъ ужинать, Илья Назарычъ отказался. Измученный дневными похожденіями, онъ скоро заснулъ.

ГЛАВА VI.

ИСТОРІЯ ОСИНОВСКАГО ЗАВОДА.

Здѣсь мы дѣлаемъ небольшое отступленіе и посмотримъ, какъ устроился осиновскій заводъ. Благо, наши герои спятъ.

Сомнительно, чтобы сѣверо-востокъ нашего отечества съ давняго времени былъ обитаемъ русскими людьми, потому что въ то отдаленное время на Руси людей было еще немного и они еще не забирались въ эти края. Уже послѣ, когда показалось людямъ жить дома тѣсно и случались такія обстоятельства, что имъ хотѣлось жить самостоятельно, свободно,—то люди начали селиться дальше отъ старыхъ земель и городовъ, по здѣшнимъ лѣсамъ.

Люди эти промышляли звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ и дѣлали то, чему научились отъ отцовъ, или сами доходили до какого нибудь новаго промысла. Такіе люди или вели жизнь бродячую, путешествуя по горамъ, лѣсамъ, плавая по большимъ рѣкамъ, какъ и теперь есть много подобныхъ людей въ

Архангельской губерніи, или селились при какой нибудь рѣкѣ. Такихъ людей, какъ мы знаемъ, въ XV столѣтіи было не мало, и многіе изъ этихъ «гулящихъ» людей, не довольствуясь звѣринымъ промысломъ, обогащались посредствомъ набѣговъ на осѣдлыхъ жителей и крѣпко пошаливали, чему способствовали глухіе лѣса и большія рѣки.

Эти бродячіе рабочіе люди открыли случайно соляные промыслы, желѣзную и мѣдную руду. Сначала они вырабатывали руду сами, а потомъ узнали объ ней сильные и богатые люди, которые и забрали себѣ большія пространства земли. Но простые рабочіе не въ состояніи были жить новыми промыслами; издѣлія ихъ были слишкомъ грубы и неприбыльны, и наконецъ они совершенно подпали вліянію богатыхъ людей, которымъ дарились здѣсь земли въ полную собственность. Крестьянамъ не давалось права самимъ *на себя* разработывать руду и торговать ею, также, какъ и теперь крестьянинъ можетъ только за извѣстную плату искать, добывать руду или золото, а торговать этими вещами не имѣетъ права. Люди, жившіе прежде на этихъ земляхъ свободно или только вступившіе на эту почву, захватывались и причислялись къ владѣльческимъ землямъ, выгонялись на работы и постепенно становились рабами разныхъ богатыхъ людей. Такое положеніе дѣла было въ концѣ XVII и развивалось постепенно въ теченіе всего XVIII столѣтія.

Но рабочихъ людей все-таки было немного на промыслахъ и рудникахъ: туда шли только самые бѣдные, бѣглые или ловились разные бродячіе люди, а многіе, не могши вынести тяжелой работы, шли прочь въ другія мѣста. Увеличенію числа рабочихъ способствовали много разныя несчастія, постигавшія бѣдныхъ людей и загонявшія ихъ сюда: голодъ, обиды и т. п. и особенно — расколъ въ русской церкви.

Въ старослободской сторонѣ назадъ тому лѣтъ двѣнадцать жило семейство Моховыхъ. Это семейство, теперь выселенное въ Сибирь за расколъ, было потомствомъ Мохова, перваго обитателя и основателя нынѣшняго завода. Отъ Мохова Осиповскій заводъ и ведетъ свою исторію.

Дѣло было такъ. Въ концѣ XVII столѣтія сюда забрался одинъ состоятельный человѣкъ безпоповщинской секты, Кирила Моховъ, служившій у какого-то воеводы. Когда его стали

принуждать слѣдовать новому ученію, онъ, человѣкъ неглупый, но твердо увѣренный въ своей безошибочности и ненавидѣвшій своего господина, рѣшился не уступать ему. Его посадили въ подвалъ, пытали тамъ, но потомъ облагодѣтельствованные имъ люди выпустили его и долго скрывали въ городѣ. Когда ему нельзя было скрываться долго въ городѣ, онъ подговорилъ нѣсколько человѣкъ уйти изъ города попытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Годовъ шесть онъ былъ атаманомъ разбойнической шайки, четыре раза его ловили, но онъ опять бѣгалъ. Года три онъ грабилъ строгоновскихъ людей и, награбивши много разныхъ вещей, захотѣлъ закончить жизнь свою мирно, т. е. почить отъ своихъ трудовъ. Жить въ строгоновскихъ городахъ ему не хотѣлось, потому что онъ отвыкъ давно отъ всякаго подначала, и послѣ долгихъ поисковъ выбралъ себѣ хорошее мѣсто у одного озера. Озеро это имѣло верстъ двадцать длины и отъ полуторы версты до пяти верстъ ширины. Онъ выбралъ себѣ у озера такое недоступное для другихъ людей мѣсто: съ одной стороны было озеро, съ другой крутая гора, а съ остальныхъ болото. Построивши двѣ землянки, онъ съ своимъ семействомъ, — которое состояло изъ жены, двухъ большихъ сыновей — одного женатаго, съ двоими дѣтьми, одного холостаго и одной дочери, — прожилъ хорошо на новомъ мѣстѣ годовъ шесть. Въ это время онъ съ семействомъ ловилъ рыбу изъ озера, расчищалъ лѣсъ, сталъ обработывать землю, но земля въ первое время давала только кормъ для скота, который былъ добытъ отъ крестьянъ строгоновскихъ селеній. Питаться одной рыбой эти обитатели не могли, а потому сыновья Мохова часто ѣздили въ города, предварительно грабили по дорогамъ православный людъ и такимъ образомъ запасались въ городахъ нужными припасами, обмѣнивая краденныя вещи то въ городахъ, то въ селеніяхъ. Сыновья Мохова завели знакомство съ поселянами, и многіе изъ поселянъ, жившіе подъ началомъ и перебивавшіеся кое-какъ, захотѣли поселиться съ ихъ отцомъ. Это были старовѣры, переселившіеся сюда почти въ то же время, когда и Моховъ поселился къ озеру. Съ сыновьями Мохова жители одного селенія послали къ Мохову одного довѣреннаго человѣка съ грамотой—принять ихъ къ себѣ и такимъ образомъ устроить независимое селеніе. Старикъ Моховъ самъ поѣхалъ въ селеніе, вывѣдалъ отъ проспвшихся, что это за люди, и изъявилъ

согласіе на ихъ принятіе. Переселеніе продолжалось два года, и затѣмъ вскорѣ переселенцы понастроили десятка два домовъ вдоль по озеру.

Всей этой толпой управлялъ сначала старикъ Моховъ, который считался главой какъ по старости лѣтъ, такъ и потому, что онъ умѣлъ рѣшать всякіе споры и неудовольствія въ селеніи. Кромѣ этого, онъ считался за атамана, потому что если кто нибудь жаловался на свою бѣдность и недостатки, онъ, желая помочь ему, отряжалъ нѣсколько человѣкъ для грабежа, который, всегда дѣлаясь умѣючи и ловко, оканчивался благополучно, и половина добытаго имущества поступала во владѣніе бѣднаго человѣка, а другая половина дѣлилась на участниковъ въ грабежѣ. Моховымъ установлены были такія правила: каждому новоприбывшему члену ихъ секты помогать, съ общаго совѣта—поселянамъ, напримѣръ, строить домъ; неженатому дать жену; больному помогать общимъ совѣтомъ и всячески заботиться объ его сбереженіи; если человѣкъ мужскаго пола увѣчился, тому помогать общими силами. Моховъ былъ вообще старшиною надо всѣми, онъ также справлялъ и всѣ религіозные обряды или въ особо устроенномъ для этого скитѣ, или въ домахъ. Онъ же и далъ названіе селенію Осиново, потому вѣроятно, что лѣсъ состоялъ большею частію изъ осиновыхъ деревьевъ. По селенію также называлось и озеро.

Осиновскіе жители крѣпко принялись за расчистку лѣсовъ и за обработку земли, но земля давала мало. Попробовали ловить рыбу, но въ селахъ и въ городахъ покупателей было такъ мало, что рыбу приводилось возить назадъ. Выдумывали они и дѣлали разныя вещи, но эти вещи купить было некому... Оставалось только промышлять звѣрями и воровствомъ; но звѣри людей не обезпечивали, потому что въ селахъ и городахъ были свои продавцы этихъ шкуръ, промышлять разбоемъ опасно. Положеніе осиновцевъ становилось незавидное, а уйти въ другое мѣсто не хотѣлось. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Осиновцы, потерявшіе надежду на хорошую производительность земли, стали рыться въ разныхъ мѣстахъ: одни отыскивали разные клады, думая найти богатства, спрятанныя можетъ быть татарами, набѣгавшими на наше отечество, другіе отыскивали соляные ключи, третьи, болѣе сообразитель-

ные, желали открыть въ землѣ что нибудь болѣе выгодное. Первые ничего не находили, но послѣдніе открыли въ горѣ мѣдную руду и всѣ осиновцы принялись рыть гору. Одни изъ нихъ отрывали мѣдную руду, другіе находили желѣзную. Дошедши до того, что руду можно сплавлять, они стали ее сплавлять и сплавленные металлы возили въ города, гдѣ продавали ихъ за хорошія деньги или вымѣнивали на припасы. Потомъ осиновцы дошли до того, что стали изъ руды выдѣлывать вещи, необходимыя для хозяйства, и излишекъ опять промѣнивали въ городѣ. Такимъ образомъ осиновцы обратились въ горныхъ рабочихъ людей и получали отъ своей работы хорошее обезпеченіе.

По смерти Мохова, съ общаго согласія осиновцами сталъ управлять старикъ Илья Крюковъ. При немъ они завели свой судъ и расправу такого рода: воръ долженъ былъ возвратить все имущество хозяину; если онъ не могъ отдать украденнаго, то становился работникомъ хозяина на годъ или больше; убійца спускался съ камнемъ въ озеро. Свадьбы можно было вѣнчать родителямъ у себя дома; сводный бракъ не считался грѣхомъ; крещеніе дозволялось только при смерти и человѣкъ женатый не могъ креститься. Самоубійство не считалось грѣхомъ и проч. При этомъ не считался грѣхомъ бракъ съ сестрой и не считалось грѣхомъ то, что мы называемъ развратомъ... Всѣ они жили дружно. Къ себѣ они принимали только людей ихъ секты.

Такъ существовали осиновцы лѣтъ тридцать и въ селеніи было уже около семидесяти деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ обитало около трехъ сотъ человѣкъ жителей обоего пола. Вдругъ съ ними случилось несчастіе. Ѣздили въ городъ шесть человѣкъ осиновцевъ продавать какія-то мѣдныя вещи. На рынкѣ ихъ схватили и представили къ воеводѣ. Воевода долго выспрашивалъ, откуда они пріобрѣтаютъ вещи, потому что въ городѣ давно замѣчали за ними. Осиновцы молчатъ. Это молчаніе воевода счелъ за упорство, сталъ ихъ пытать. Пять человѣкъ умерло, шестой рѣшился показать гору. Нарядили военныхъ людей и, заковавши въ колодки, несчастнаго привели въ селеніе. Тамъ осиновцы выручили его, побили много военныхъ людей, а уцѣлѣвшіе донесли воеводѣ о томъ, что они видѣли большое село, что тамъ люди умѣютъ драться и ими управляетъ какой-то человѣкъ. Воевода еще не совсѣмъ

зналъ мѣстность; его разобидѣло то, что его солдатъ побили крестьяне, пошелъ самъ на нихъ войной, спалилъ слободу, убилъ нѣсколько человѣкъ, остальныхъ взялъ въ плѣнъ. Но человѣкъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ и внукъ перваго Мохова, убѣжали въ лѣса.

Когда воевода пріѣхалъ въ городъ съ плѣнными, тогда явился къ нему бояринъ Граблевъ съ грамотой отъ царя, что ему жалуется такой-то округъ для разработки руды, и сталъ требовать народу. Воевода отдалъ ему, въ числѣ прочихъ, и плѣныхъ осиновцевъ. Граблевъ обласкалъ осиновцевъ и сталъ просить ихъ указать имъ мѣсто нахожденія руды. Осиновцы проклинали всѣхъ людей, говоря, что пришелъ антихристъ, но голодъ и бѣдствія склонили нѣкоторыхъ на то, что они разсказали Граблеву, гдѣ находятся разныя руды, но и просили нѣкоторыхъ преимуществъ, какъ-то: давать имъ половину руды, денегъ, построить избушки и не селить людей другихъ сектъ. Граблевъ сказалъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, потому что воля царская такая: добывать руду на царя посредствомъ всякаго народа, и только соглашался построить имъ избенки.

Стали они строить избушки, а работали плохо. Въ годъ избушки были готовы, а добыча руды шла туго, такъ что Граблевъ рѣшился принять противъ осиновцевъ крутыя мѣры; въ селеніи водворился раздоръ, нѣсколько семей убѣжало въ Сибирь, но остальные осиновцы на дорогѣ ихъ ограбили, большая половина остальныхъ ушла спасаться въ лѣса, а немногіе, особенно молодежь, остались въ селеніи и работали на Граблева. Между тѣмъ у Граблева много было набрано народа изъ разныхъ селеній, только селиться этимъ людямъ въ селеніи Осиновомъ было негдѣ, потому что съ одной стороны была гора Лапа, съ другой озеро, а съ третьей лѣсъ и болото. Новые люди нашли удобнымъ селиться по ту сторону озера, да и по мѣсту рудника имъ было выгоднѣе строиться отдѣльно отъ старыхъ осиновцевъ: Граблевъ далъ этому мѣсту названіе *Слобода осиновская*, а осиновское селеніе назвалъ *Осиновскій заводъ*. Итакъ работы становились обширнѣе; но мастеровъ хорошихъ было немного, мѣдная и желѣзная руда разработывалась плохо, неумѣло и лѣниво. Народу прибывало все больше и больше, въ слободѣ было уже до сорока домовъ, но народъ сначала получалъ отъ Граблева очень мало, отчего въ обѣихъ сторонахъ

начались грабежи и убійства; по озеру опасно было плавать даже днемъ.

Въ это время осиновцы, жившіе въ лѣсу и промышлявшіе разбоемъ, соскучились объ родномъ гнѣздѣ, имъ надоѣло шататься по лѣсамъ, да и грабить много не приходилось; тогда они стали высматривать, да выспрашивать, что дѣлается въ селеніи, какіе тамъ порядки заведены? Узнали, что жить можно, Граблевъ обѣщаетъ платить деньги за работу, послали своихъ стариковъ къ нему просить принять ихъ въ мастера, такъ какъ эти старики хорошо знаютъ свое дѣло. Граблевъ принялъ ихъ радушно и положилъ платить мастерамъ по рублю за сто пудовъ чистаго металла, а рабочимъ въ недѣлю по гривнѣ. Но это была приманка. Граблевъ зналъ, что осиновцы свое дѣло знаютъ, силой ихъ заставить невозможно, поэтому онъ и далъ имъ такую плату до поры до времени. Собрались всѣ бѣглецы въ Осиновскій заводъ, обстроились какъ слѣдуетъ, приняли начальство надъ остальными и принялись за работу, но все-таки работа шла туго. Пріѣхали къ Граблеву иностранные мастера, покачали головой и посовѣтовали ему строить фабрику на озерѣ. Долго дивились осиновцы надъ такой выдумкой, а Граблевъ, отставивъ осиновцевъ отъ управленія надъ рабочими и разныхъ мастерскихъ занятій, велѣлъ выпустить озеро посредствомъ канала въ пробѣгавшую въ верстѣ отъ озера налѣво противъ горы рѣчку, и строить плотину между Осиновскимъ заводомъ и Осиновской слободой. Народу потребовалось много; плату Граблевъ обѣщалъ рабочимъ хорошую. Рабочихъ людей дѣйствительно явилось много. Работа закипѣла. Поспѣла наконецъ и фабрика, Граблевъ объявилъ народу, что объ стороны назвалъ онъ *Осиновскимъ заводомъ*, что по указу государеву жители осиновскаго селенія подарены ему навсегда, а осиновской слободы причислены къ нему для работъ, всѣ состоятъ подъ его вѣдѣніемъ и онъ будетъ нести за нихъ всякія повинности. Осиновцы ахнули, да поздно... Попробовали нѣкоторые бѣгать, ихъ ловили...

Кромѣ Осиновскаго завода у Граблева были другіе рудники верстахъ въ пятидесяти, ближе и дальше отъ завода, а такъ какъ мѣстность Осиновскаго завода ему нравилась и народу было уже около тысячи человѣкъ, то онъ избралъ его резиденціей своихъ владѣній и велѣлъ строить себѣ большой каменный домъ. Оставалось только завести администрацію, потому что ему за

всѣмъ слѣдить было некогда, нужно было часто ѣздить по дѣламъ въ города. Вызвать изъ большихъ городовъ приказныхъ людей тоже дѣло неподходящее, потому что приказный людъ въ то время отличался чрезмѣрною грубостью, составляя что-то среднее между дворянами и вооруженной силой, и народъ ихъ не любилъ. Положиться на мастеровъ иностранцевъ тоже не ловко, потому что они русскаго языка не знаютъ. Долго думалъ Граблевъ и рѣшился опредѣлить стариковъ старослободчанъ въ разныя должности, какія теперь называются: надзиратели, штейгера (штейгера впрочемъ были иностранные), нарядчики, и другіе. А старослободчанъ Граблевъ назначилъ потому, что они говорили съ толкомъ и прямо, не пьянствовали и работы исполняли хорошо. Въ годъ онъ убѣдился, что работы дѣйствительно идутъ хорошо, и во всемъ довѣрился имъ. По мѣрѣ того какъ у него увеличивалось производство, онъ строилъ другіе заводы, посылая туда старослободчанъ и выписывая изъ-за границы мастеровъ и механиковъ для улучшенія горнаго производства.

Металловъ у Граблева было много и онъ каждое лѣто отправлялъ ихъ караванами по рѣкамъ въ разные города, потомъ въ Петербургъ, откуда нѣкоторые шли и за границу. Отъ правительства онъ получалъ большія награды, отъ продажи большія деньги, и въ десять лѣтъ его житья въ заводѣ заводъ походилъ на городъ: въ немъ была православная церковь, двѣ молельни у раскольниковъ, большой господскій домъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ большой господскій же домъ, три фабрики: кричная, доменная и кузнечная. Жители обѣихъ половинъ завода года три жили между собой мирно, выговоривъ себѣ право: старослободчанамъ селиться въ своей слободѣ и не селиться тутъ запрудскимъ, а старослободчане по старшинству могутъ строить дома и въ запрудской сторонѣ; за работы они получали муку и небольшую плату. Но потомъ стали появляться случаи такого рода, что запрудскіе попадались въ воровствѣ желѣза; запрудскіе говорили, что воруютъ и старослободчане, но старослободчанъ не могли поймать съ желѣзомъ, хотя они цѣлую лишнюю барку отправляли при караванѣ съ своимъ желѣзомъ (прикащиками на караванахъ были старослободчане). Отъ этого обѣ стороны возненавидѣли другъ друга до того, что въ старой слободѣ даже днемъ нельзя было пройти запрудскимъ.

Кромѣ праздниковъ и одного лѣтняго мѣсяца рабочіе должны были работать постоянно то на рудникахъ, то на фабрикахъ, то въ лѣсу. Работы были назначены и днемъ и ночью. Каждый мужчина долженъ былъ работать съ 5 часовъ утра до 11 часовъ пополуночи (дня), остальное время былъ свободенъ до 5 часовъ утра, и съ 12 часовъ до 5 часовъ утра. За ночныя работы прибавлялось больше жалованья и хлѣба. Прогулявшій рабочій день рабочій долженъ былъ наверстать суточной работой или поставить вмѣсто себя рабочаго. Ни одинъ осиновецъ, безъ спросу начальства, не могъ отлучаться изъ завода въ городъ или куда нибудь. Такія мѣры людямъ казались строгими, но они ничего не могли сдѣлать, потому что ослушниковъ послѣ нѣсколькихъ наказаній сажали въ городской острогъ, а потомъ работа обратилась въ привычку. Ребятъ не заставляли работать до семнадцати лѣтъ; затѣмъ имъ начинали давать работу. Только однихъ женщинъ не трогали; онѣ справляли свои дѣла дома: рожали исправно дѣтей, водились съ ними и занимались хозяйствомъ. Были правда и тогда такіе люди, которые работами не занимались. Это были люди, которые пользовались особенною милостію нарядчиковъ или ставили вмѣсто себя рабочихъ, а сами добывали себѣ пропитаніе работами на жителей и торговлей въ заводѣ.

Въ заводѣ Граблевъ завелъ школу и заводскую контору, которая управляла другими заводами. Въ школѣ учились только дѣти запрудскихъ жителей, но въ контору больше поступали дѣти старослободчанъ, которые дѣтей своихъ учили сами.

Отправлявшіеся съ караванами старослободчане сильно богатѣли, потому что барки нерѣдко разбивало, желѣзо тонуло, а послѣ въ мелкую воду вытаскивалось и поступало въ ихъ пользу: напишутъ отчетъ, что утонуло да и все тутъ. Они, побывавши въ разныхъ мѣстахъ, видя много людей, возвращаясь домой, выглядывали уже не прежними святошами: начинали отставать отъ прежнихъ обычаевъ и исправляли свои обряды только для порядка. Они уже не хотѣли жить въ слободѣ, начинали важничать, строили каменные дома въ запрудской сторонѣ и на своихъ смотрѣли свысока; владѣлецъ дорожилъ ими, считая ихъ за честныхъ людей. По своему наряду они уже нисколько не походили на раскольниковъ, хотя и говорили старослободчанамъ, что они держатся ихъ сектъ. Старослободчанамъ казалось это соблазномъ, они

упрекали про себя своихъ начальниковъ, но вслухъ ничего имъ не могли сказать и думали: какъ бы имъ самимъ сдѣлаться такими же. Запрудскихъ это злило. Были конечно и тамъ честные, трудолюбивые люди, но Граблевъ не видѣлъ ихъ.

Но вотъ Граблеву душно сдѣлалось жить въ заводѣ, непріятно показалось такому богачу водить дружбу съ мѣстными начальниками, которыхъ онъ могъ бы трусить, но которые его боялись, и поѣхалъ онъ въ Петербургъ, а оттуда за границу, на мѣсто же себя назначилъ управляющаго изъ старослободчанъ.

Старослободчане стали лѣниться, имъ подражали запрудскіе, начались грабежи, разбои на озерѣ. Управляющій рѣшился наконецъ употреблять строгія мѣры: онъ сталъ сажать людей въ острогъ, приказывалъ наказывать розгами, — рабочіе унялись, но работы шли плохо, съ караванами годъ отъ году больше и больше стало случаться несчастій; стали воровать изъ фабрикъ металлы; провіанту не доставало, денегъ не выдавали.

Стали рабочіе жаловаться по начальству — имъ же было хуже, потому что имъ не довѣряли...

И при другомъ управляющемъ положеніе рабочихъ не улучшилось. Заводъ правда по наружности казался красивымъ, появилось больше домовъ каменныхъ, стали строить единовѣрческую церковь; сдѣлали новую плотину, перестроили господскій домъ, фабрики, но въ деревянныхъ двухъ-оконныхъ домахъ обитала страшная бѣдность. Управляющій изъ новослободчанъ всячески старался, чтобы руды добывалось больше. Рабочихъ посылали на работы палками, за работами били; увеличилась кража металловъ, воровство и безпорядки.

Умеръ Граблевъ, объявили въ заводѣ, что владѣлецъ теперь сынъ его Григорій Ивановичъ; сослужили въ церквахъ молебны за его здравіе, выставили рабочимъ три бочки водки; закутили рабочіе обѣихъ сторонъ, передрались обѣ стороны и работы прекратились на трои сутки. Теперь порядки сильно измѣнились: Граблевы—ихъ съ теченіемъ времени смѣнилось нѣсколько поколѣній—не жили больше на заводѣ, который такимъ образомъ вполнѣ оставался въ распоряженіи управляющихъ. Дѣла завода постепенно расширялись: число рабочихъ увеличивалось, отыскивались новыя мѣста разработки. Теперь и чинопочитаніе много измѣнилось: управляющій былъ для ра-

бочихъ, такое лицо, котораго они могли видѣть только въ церкви, на домъ къ нему рабочихъ не допускали, а за всѣми нуждами рабочіе допускались сперва къ нарядчикамъ, нарядчики къ прикащикамъ, которые, отсчитываясь управляющему, дѣлали что хотѣли и въ годъ наживали тысячъ по пяти денегъ, если не больше. Но не смотря на бѣдственное положеніе народа, Осиновскій заводъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

Со времени перваго Граблева, въ Осиновскомъ заводѣ былъ только одинъ Граблевъ, Корнилъ Петровичъ(*). Онъ, выросши за границей и прожившн тамъ много лѣтъ и много денегъ, вздумалъ посмотрѣть, что такое за Осиновскій заводъ? Откуда это ему шлютъ деньги сотнями тысячъ каждый годъ? И вотъ онъ поѣхалъ, взявъ съ собой иностранца, котораго онъ уполномочилъ быть управляющимъ. Пріѣхалъ онъ въ заводъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, зазвонили въ колокола на церквахъ, собрался народъ на площади, прокричалъ ему привѣтствіе. Онъ отправился въ соборъ, гдѣ отслужили за его здравіе молебствіе. Выспавшись, онъ на другой день изволилъ принимать: заводскаго исправника, который назначенъ былъ горнымъ вѣдомствомъ для производства слѣдствій по осиновскому округу, членовъ главной конторы, главнаго повѣреннаго-ходатая по заводскимъ дѣламъ въ городахъ, прикащика, протоіерея соборнаго и горныхъ инженеровъ, служащихъ въ его округѣ отъ казны. У его дома между тѣмъ толпился народъ съ жалобами, но онъ не удостоилъ выйдти къ нимъ. Только одна женщина какъ-то ворвалась къ нему съ жалобой. Онъ, удостоивъ ее распросить, въ чемъ дѣло, велѣлъ ей выдать десять рублей и приказалъ никого къ нему не допускать изъ *челяди*. Въ пять часовъ у него былъ обѣдъ, на который между прочимъ, пріѣхали изъ горнаго города главныя лица; за обѣдомъ игралъ оркестръ изъ осиновскихъ музыкантовъ. На другой день онъ тоже давалъ балъ, на который съ улицы смотрѣла любопытная толпа, въ первый разъ увидѣвшая иллюминацію и фейерверкъ. На третій день онъ удостоилъ посѣтить фабрики, мелькомъ оглядѣлъ стѣны, машины и рабочій народъ, которымъ онъ велѣлъ выдать по рублю денегъ. Черезъ день онъ уѣхалъ.

Послѣ этого въ Осиновскомъ заводѣ не было ни одного владѣльца и только очень немногіе знаютъ даже въ настоящее

(*) Вымышлено.

время о имени владѣльца, да что есть владѣлецъ, потому что въ день его именинъ работы останавливаютъ. Поэтому управляющіе и дѣлали что хотѣли въ заводѣ, довѣряя съ своей стороны прикащикамъ, которые дѣлали съ рабочими все, что хотѣли, смѣняя при этомъ съ должностей и назначая на должности по своему усмотрѣнію.

Очень не мудрено, что Онисья Гавриловна за свою дерзость — безпокоить управляющаго, получила наказаніе. Она должна сперва сходить къ нарядчику; если онъ ничего не въ состояніи сдѣлать, подать жалобу заводскому исправнику. Но заводскій исправникъ конечно всего скорѣе долженъ былъ держать сторону управляющаго и прикащика, которые при всякомъ случаѣ могли ему замазать ротъ деньгами и черезъ которыхъ онъ могъ потерять мѣсто. Идти къ прикащику не стоитъ, потому что прикащикъ смотритъ на рабочаго, какъ на своего кучера, или еще хуже.

Отъ такихъ-то управленій рабочимъ приходилось переносить изъ года въ годъ много бѣдствій, на которыя не обращалось никѣмъ вниманія, ни даже заводскими исправниками, обязанными защищать рабочихъ, и рабочіе такъ свыклись съ своею долею, что ничего не ожидали лучшаго впереди. А если нельзя ожидать лучшаго впереди, развѣ можно желать еще худшаго?... Бывали впрочемъ въ разное время и такіе случаи, что осиновцы, во время голода, хотѣли разворочать господскій домъ, но они не дѣлали этого потому, что пользы отъ этого мало; но за то всѣ они, не смотря на долголѣтнюю вражду старослободчанъ противъ запрудчанъ, постепенно утихавшую отъ сближеній, всѣ они, отъ пятилѣтняго ребенка до послѣдней минуты жизни, ненавидѣли всякаго начальника и ни о комъ не отзывались, что это хорошій, добрый человѣкъ; у нихъ сложились свои печальныя пѣсни.

Въ настоящее время, кажется, подобнаго ничего нѣтъ.

ГЛАВА VII.

ТОКМЕНЦОВЪ ДѢЙСТВУЕТЪ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ИНАЧЕ.

Гаврила Иванычъ пробудился рано утромъ, а именно въ четыре часа. Было еще не совсѣмъ свѣтло, поэтому онъ лежалъ еще съ полчаса. Въ головѣ его бродили разныя мысли, которыя онъ не могъ привести въ порядокъ. Первое, что попало

ему въ голову, это было: экая эта дѣвка-то озорная, Осподь съ ней! А какъ, подумаешь, Гаврила сынъ Ивановъ, ты-то самъ какъ женился!.. А вѣдь лихо я женился, Мать моя Матрена была злющая презлющая баба, не тѣмъ будь помянута... Ну да про это и толковать не стоитъ, потому онѣ дуры, да и наша братія, тоже мое почтеніе, посвистываемъ имъ по рылу, потому онѣ не въ наше дѣло суются, ворчатъ, пьянъ напьешься въ компаніи, али съ горя, такъ вмѣсто того, штобы приласкать, гвалтъ поднимутъ... Ну опять тоже иная баба за поясъ ткнетъ нашего брата. Вотъ хоть бы моя жена...

На этомъ онъ остановился: ему представилось, что его жену дерутъ теперь, и обидно ему сдѣлалось за жену; мысли приняли другое направленіе:—вотъ теперь сына застегали... А какой онъ былъ послухмянный, толковый... Поколачивалъ я его! Жалко. Эко, Осподи, житье!.. Тоже вотъ теперь житье штейгеру, такъ вотъ житье! Ѣздитъ себѣ два раза въ сутки на работы, за нарядчикомъ смотритъ, да какъ мы робимъ, гдѣ што ловчѣе сдѣлать. А вѣдь небось и я бы сдѣлался штейгеромъ, такъ куды бы ему, за поясъ бы ткнулъ... Вѣдь не сдѣлаютъ... А славно бы было! И Олену бы я выдалъ не за чучу какую нибудь, а теперь... поди ты.

— Э-эхъ-ма! Осподи, Осподи! коли бы деньги были, поставилъ бы я тебѣ рублевую свѣчу. Ужь замолилъ бы я тебя!.. А то што, чѣмъ я пригоденъ, коли всего-то въ мѣсяцъ получаю рубь на ассигнаціи. Вотъ Назару Плотникову ловко: отецъ былъ управляющимъ, поди десяти-рублевыя свѣчи ставилъ, сынъ тоже и дуракъ дуракомъ, а смотри, нахапалъ денегъ, въ рудникахъ былъ на работѣ со мной, да попалъ въ мастера. Гляди, што онъ творитъ. Али Осподь ничего не видитъ, коли што творятъ прикащикъ, нарядчикъ да этотъ Назарко. А поди-ко ты, Гаврилка Токменцовъ, къ этому самому Назарку да обскажи ему объ его Плюшкѣ, такъ што будетъ? туда тебя угонятъ, что ужь не знаю... И Гаврила Иванычъ утеръ своею широкою ладонью глаза.

— А Оленки жалко, право жалко: одна она у меня дѣвка, а жены нѣту-ка дома, не съ кѣмъ ладненько посовѣтоваться. Ну, што я, мужикъ, сдѣлаю тутъ? Ну, я ее побью, изругаю, што будетъ? Ну-ко, Гавря, скажи?... А то и будетъ: я со двора, она со двора, а тамъ и пойдетъ писать, какъ Аниська Бабиха,—и мысли Гаврила Иваныча были скверныя, все одна дру-

гой хуже: наконецъ онъ пришелъ къ тому выводу, что дочь нищенствуетъ, хвораетъ и въ этомъ виноватъ одинъ онъ, потому что онъ бѣденъ, и виноватъ кто-то другой, на томъ основаніи, что онъ изъ этой бѣдности вылупиться не можетъ никакимъ манеромъ.

Въ такомъ настроеніи Гаврила Иванычъ сѣлъ на кровать и сталъ смотрѣть на дочь: лежитъ Елена на боку, подложивъ подъ щеку лѣвую руку, а правой обнявъ свою грудь, по лицу ползаютъ мухи и, испуганныя ея тяжелымъ дыханіемъ, изрѣдка взлетаютъ къ верху съ жужжаніемъ. Жалко стало отцу дочери, вздохнулъ онъ, всталъ и вышелъ на дворъ. Погода стояла все сырая и мокрая; дождя впрочемъ не шло, но Токменцовъ думалъ,что дождь еще не одни сутки будетъ идти. Лошадь, находящаяся въ стойлѣ еще лежала, онъ не сталъ тревожить ее, а только положилъ въ корыто сѣна, сходилъ на озеро за водой, вылилъ четверть ведра въ корыто и смѣшалъ ее съ сѣномъ, положивъ въ мѣшечекъ овса. Потомъ онъ поскребъ немного въ стайкѣ и наземъ склалъ въ кучу, находящуюся въ его огородѣ, гдѣ росли: капуста, картофель, рѣпа, морковь и рѣдька, любимыя и необходимыя кушанья рабочаго человѣка: «нынь вѣдь какой нонѣ урожай на это. А все Оленка хлопотала... Ай да Оленка, молодецъ. И опять въ головѣ его появились нерадостныя мысли, такъ что онъ плюнулъ и ушелъ изъ огорода, черезъ дворъ, на улицу, не извѣстно зачѣмъ. Изъ двухъ сосѣднихъ домовъ вышло четверо рабочихъ въ такихъ же нарядахъ, какъ и онъ ѣхалъ вчера, только у тѣхъ за кушаками на спинѣ были засунуты топоры съ топорищами къ верху востріями, на плечахъ у двоихъ по лопатѣ желѣзной съ черенками, а у всѣхъ на спинахъ болтались мѣшечки съ хлѣбомъ и онучами.

— Здорово, дядя Гаврило.

— Здорово, братцы. На кученки!

— А ты чего?

— Ничего. Вчера пріѣхалъ.

— Куды у тя Онисья-то устерелѣшила (убѣжала)?

— Да Богъ знатъ.

— Э, братъ, молщи! Знамъ все: ты свинни, а мы смыслимъ.

— Молчите, братцы.

— Ну... Прощай, дядя Гаврило: въ другое время покалякa-

емъ.—Рабочіе ушли. Гаврила Иванычъ немного утѣшился. Его утѣшило то, что Онисья успѣла предупредить своихъ подругъ, которыя новозаводчанамъ не разболтаются, а мужчины, будь они хоть и новозаводчане, своего брата не выдадутъ, тѣмъ болѣе, что подобныя вещи говорятся непонятно для ребятъ—малолѣтковъ и подростковъ. Подошедши къ погребу, Гаврила Иванычъ увидалъ, что онъ запертъ; пошелъ въ клѣть, корова спитъ, овечки тоже всѣ цѣлы и при появленіи его встали, только корова, махнувши хвостомъ и лизнувши языкомъ лѣвый бокъ своей утробы, стала глядѣть на него тупо.

— Ну, спите, христовые! и онъ, вышедши изъ стайки, вошелъ въ какой-то чуланчикъ около нея устроенный. Тамъ были куры. Сначала заклокталъ пѣтухъ, потомъ загоготали курицы. Вышелъ онъ и оттуда, и скучно ему сдѣлалось, такъ скучно, что словно у него не стало хозяйки. И сознавалъ онъ, что онъ рѣдко рѣдко заглядывалъ въ клѣтушки, стайки и огородъ, а заходилъ теперь Богъ вѣсть почему.

— Эхъ, хозяйка, дай бы Богъ, штобы ты выходила. Вѣдь это все твое—только вѣдь у тебя и есть, а Ганька... задерутъ и ево...

Чтобы развлечься, онъ принялся обдѣлывать дровни; опять полѣзли мысли нехорошія, и онъ рѣшилъ истопить баню. «Выпарюсь да вымоюсь, легче будетъ, а тамъ что Оспдь Богъ дастъ»... думалъ онъ.

Затопилъ онъ печку въ банѣ и сѣлъ у нея. Плохо горятъ сырые дрова, кое-какъ онъ разжегъ ихъ: загорѣли славно. Страшно ему чего-то сдѣлалось, закурилъ онъ трубку и не сводилъ глазъ съ горящихъ дровъ. Представлялась его воображенію его первая любовь: «вотъ иду я по улицѣ, попалась на встрѣчу Ониська, красивая, толстая. Вмѣстѣ я съ ней въ ребятахъ игрывалъ. Цапнулъ я ее; взвизгнула моя дѣвка и убѣжала. Постой, думаю, задамъ я тебѣ острастку и ласку. Какъ-то иду съ работы, а она идетъ съ холстами на встрѣчу: здравствуешь, говорю, Онисьюшка?... Она дуракомъ меня обозвала и убѣжала. Такъ и стали мы съ ней встрѣчаться да баловать. Моя Онисья, вижу, поддается: выйду на улицу въ праздникъ и она тутъ, въ хороводахъ со мной играетъ и варнакомъ обзываетъ. Ну, я и говорю отцу: жениться хочу на Онисьѣ Харламовой. А захотѣлъ я крѣпко жениться, да и что въ самомъ дѣлѣ: хочу самъ хозяиномъ быть, дѣти будутъ, провіантъ пойдетъ. А отецъ

артачится: рано, говоритъ, тебѣ, шельмецъ, жениться, побогаче сыщемъ, а у нея шишъ въ карманѣ, да грошъ на арканѣ. Ну, да сосѣди, спасибо, посовѣтовали ему. И женился Гаврилко, и изъ Гаврилки сдѣлался Гавриломъ Иванычемъ и прожилъ съ ней ужь вонъ сколько, да ничего же. А тоже говорили про нее то и другое, и пято, и десято...

— Тятенька! сказала робко Елена, появляясь въ дверяхъ у бани.—А надо замѣтить, у здѣшней бани передбанника и крыши нѣтъ; въ нее входятъ прямо изъ огорода и въ ней раздѣваются.

— Будь ты проклятая! Экъ ее, испугала какъ!

Олена была босикомъ, въ сарафанѣ, безъ платка на головѣ.

— Чего тебѣ?

— Печку-то топить, али нѣтъ?

— Неужли такъ: поди-ко-сь, жрать захочешь. Хлѣбъ-отъ есть?

— Двѣ ковриги...

— Ну, завтра испеки. На рудникъ надо. .

Елена не шла. Она что-то хотѣла спросить у отца.

— Ну, чего еще стоишь?

— А мать-то гдѣ-ка?

— Не твое дѣло; пошла! Спроси у своево-то полюбовника.

Елена ушла. Токменцовъ немного погодя тоже вышелъ изъ бани, которая уже истопилась и трубу печки которой онъ закрылъ. Ему сильно хотѣлось поговорить съ дочерью насчетъ ея любовника, но онъ не зналъ, какъ бы лучше выпытать отъ нея правду.

Корова была подоена и выпущена на улицу, овечки тоже выпущены, курамъ заданъ свѣжій кормъ. Въ избѣ печка затоплена, въ печкѣ стоитъ чугунка, въ которой варится картофель; въ другой чугункѣ варится свекла. На лавкѣ лежатъ опрокинутыми только что вымытыя чашки, ложки, крынки; Елена мостъ столъ съ дресвой.

— Есь рубаха-то мнѣ-ка? спросилъ Токменцовъ, войдя въ избу.

— Есь. Вчера выкатала.

— Ну такъ добудь, и штаны добудь.

Елена полѣзла въ сундучекъ и вытащила оттуда рубаху и штаны. У Токменцова было только по парѣ рубахъ и штановъ.

— Пшь, выкормилъ, выпоилъ... и любовника нашла. Какъ нѣтъ дома отца и матери, и давай приглашать къ себѣ! Ну, скажи, гожее ли это дѣло, образина ты эдакая?

Елена принялась плакать.

— Што, небось не правду я говорю! Тебѣ все ничего, а мнѣ-то каково! Кто про васъ пропиталъ достаетъ? Кто вспоилъ, вскормилъ тебя? А? Развѣ мнѣ не больно?.. Ну, для кого я истягаюсь какъ собака. Ты бы это подумала! Ну, какими теперича я глазами на людей-то буду смотрѣть? Ты-то, ты-то какъ въ люди покажешься. У! и онъ выругался и плюнулъ.

— Ну, што ты ревешь-то, а? Оленка!

— Тятенька.

— Говори всю правду.

Елена стала на колѣни передъ отцомъ:—тятенька, голубчикъ... дѣлай што хошь со мной, сизой ты мой, хоть убей ты меня...

— Да ты что турусы-то на колесахъ разводишь! Правду говори!

— Ей Богу я невиновата. Вотъ тѣ отсохни права нога.

— Зачѣмъ ты цаловалась съ нимъ?

— Онъ самъ цаловалъ.

Отецъ ударилъ ее по щекѣ, щека покраснѣла.

— Тятенька, голубчикъ... и она поклонилась ему въ ноги.

— Говори: зачѣмъ ты его пустила?

— Самъ... онъ самъ...

Отецъ толкнулъ ее ногой.

— Пошла, штобы духу твоего не было.

Елена заревѣла; а Токменцовъ ушелъ злой во дворъ. Долго онъ ходилъ около лошади и долго его мучило поведеніе дочери. Но какъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше ему становилось какъ будто легче. «Нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ», думалъ онъ и ему совѣстно становилось, что онъ побилъ ее. Ганьку кое какъ разбудили идти въ баню. Тамъ отецъ вымылъ Ганькины штаны и рубаху, а потомъ повѣсилъ ихъ сушить на шестъ, вдѣланный въ банѣ. Выпарившись, Гаврила Иванычъ пошелъ черезъ огородъ купаться въ озеро. Пока онъ шелъ, изъ другаго огорода крикнула ему старушка:

— Баньку истопилъ!

— О-о!

— Пусти, какъ вымоешься.

— Съ Оленкой сходи.

Выкупавшись, онъ тѣмъ же путемъ пришелъ въ баню и тамъ одѣлся. Такимъ же образомъ выкупался и Ганька.

— Олена, поди-ко скажи Терентьевнѣ, што молъ готова баня-то.

— Я, тятенька, пойду же съ ней-то?

— Поди.

Гаврила Иванычъ очень былъ доволенъ баней: онъ легъ, потягивался, дремалъ и кажется ни о чемъ не думалъ. Ганька тоже былъ веселъ.

— Ись бы, тятька.

— А вотъ Оленка будетъ.

— А ты ее, тятька, больно треснулъ. За што ты ее такъ-то?

— Не твое дѣло!

Сынъ замолчалъ.

Токменцову теперь не приходили невеселыя мысли. Онъ думалъ теперь о томъ, что ему нужно починить къ завтрему сапоги и лопоть (халатъ), да пожалуй взять сѣрый зипунъ на случай. Пришла Елена. Лицо у нея красное, волосы нечесанные. Стали обѣдать: сначала тертую рѣдьку съ картофелью разваренною и квасомъ; потомъ похлебали свеклу тоже съ квасомъ и картофелью. Токменцовъ съѣлъ три ломтя хлѣба, Елена и Ганька по два.

ГЛАВА VIII.

КАКЪ ТОКМЕНЦОВЫ ПРОВОДЯТЪ ОСТАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДНЯ.

Послѣ обѣда Токменцовы не легли спать. Гаврила Иванычъ сползалъ на полати, досталъ онъ оттуда лапоть, въ которомъ хранились шила, ножикъ, дратва, щетина, нитки и прочія принадлежности, необходимыя для сапожнаго и башмачнаго ремесла.

— Олена, принеси-ка корыто съ водой.

Елена ушла и скоро воротилась съ маленькимъ корытомъ, въ немъ была вода.

— Да ты бы теплой налила. Въ первой што ли? взъѣлся отецъ, сидя передъ лавкой на обрубкѣ дерева, разложивъ по лавкѣ инструменты и принимаясь чесать нитки для дратвы. Когда теплая вода, находившаяся въ печи въ чугункѣ, была

налита, Гаврила Иванычъ положилъ туда кусокъ черствой старой кожи, которая валялась у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ нашелъ ее на дорогѣ. А Токменцовъ любитъ все подбирать: и подковы, и гвоздики, и желѣзки разныя, и худые башмаки, даже лапти, которыя носятъ очень немногіе рабочіе осиновскаго завода, и даже никому не нужныя тряпки: онъ всему найдетъ мѣсто, потому что покупать новое ему не на что. Сапоги онъ шилъ самъ, башмаки женѣ тоже шилъ самъ изъ разныхъ голенищъ, которыя онъ или находилъ, или выпрашивалъ у зажиточныхъ сосѣдокъ. Холстъ у нихъ былъ свой и теперь вонъ Елена вытащила изъ чулана корчагу, вымыла ее, налила въ нее воды, положила туда десятка два аршинъ изгребнаго самодѣльнаго холста, а потомъ еще налила горячей воды на холстъ и, засыпавши его золой вровень съ краями корчаги, вдвинула корчагу въ печь. Сермягу Токменцовъ покупаетъ у заводскихъ же жителей, а именно у Степана Мокрушева, который хорошо ее выдѣлываетъ, только не можетъ еще дойти до того, чтобы приготовлять тикъ на лѣтніе халаты мастеровымъ, какъ называютъ себя всѣ горнорабочіе и въ томъ числѣ Гаврила Иванычъ. Халатъ Гаврила Иванычъ надѣваетъ когда холодно, и онъ, какъ и сермяга, большею частію на работѣ лежатъ безъ употребленія, потому что въ нихъ работать не удобно, да и зимой при работѣ ему въ рубахѣ тепло. Сталъ Гаврила Иванычъ починивать сапогъ, а Ганька залѣзъ на печку, но отецъ не далъ ему спать.

— Ганька! иди-ко подержи.

Ганька молчитъ.

— Тебѣ говорятъ?...

Ганька слѣзъ не торопясь и почесываясь подошелъ къ отцу, тотъ замахнулся на него рукой, но не ударилъ.

— Держи! Ишо въ банѣ былъ, а смотри, какъ рубаху отхалезилъ (отдѣлалъ).

— Мнѣ-ка спать охота! произнесъ Ганька протяжно и зѣвнулъ громко во всю избу. Отецъ промолчалъ. И когда Ганька держалъ неправильно или лѣниво дратву или кожу, отецъ ругалъ его или замахивался на него рукой. Когда держать было нечего, Ганька пошелъ было на печь, но отецъ опять заставлялъ его что нибудь дѣлать.

Пришелъ Колька, шустрый мальчикъ съ бѣлыми какъ ленъ волосами, въ загрязненной рубахѣ и босой. На ногахъ много было грязи.

— Ахъ ты, гадъ ты поганой! Гдѣ ты это былъ?.. закричалъ на него отецъ.

— А у тетки былъ! Гли! и Колька показалъ ему пискульку, сдѣланнаго изъ дерева пѣтушка.

— Гли, тятька, какъ свиститъ! и онъ началъ насвистывать въ пискульку, поскакивая и подергивая рубашонку.

— У, балбѣсъ. Поди, вымой парня-то въ банѣ, сказалъ онъ Еленѣ, которая въ это время ставила на печку *квашню* (т. е. тѣсто ржаное въ деревянной шайкѣ, похожей на кадушку, вмѣщающую въ себѣ восемь и девять ковригъ, печенаго хлѣба).

— Я не пойду, тятька, не пойду. Оленка бука!

— Ганька, дай-ка плетку!

Колька остался этимъ недоволенъ, закуксился и, испугавшись угрозы отца, полѣзъ онъ къ Еленѣ и покрылся ея фартукомъ.

— Оленка! гли, кака игрушка-то, и онъ не давалъ ей покою съ своей пискулькой: пойдетъ она, онъ за ней и теребитъ ее за сарафанъ, или передъ ней станетъ и давай пикать. Это пиканье вывело отца изъ терпѣнья.

— Ахъ ты проклятой парень! и онъ всталъ. Колька вмигъ спрятался подъ кровать, но отецъ все-таки пнулъ его ногой, отъ чего Колька заревѣлъ на всю избу и тогда только замолчалъ, когда отецъ погрозилъ ему плеткой. Онять Гаврила Ивановичъ сѣлъ за работу, а Елена сѣла около него и стала починивать отцовскую сермягу, съ кожанымъ воротникомъ и обшлагами у рукавовъ, Ганька тоже заштопывалъ материны башмаки.

Несмотря на то, что кожа не держала нитокъ, рвалась, Ганька ковырялъ башмакъ. Отецъ тоже ругался, что кожа на сапогѣ износилась. Онъ теперь кажется только о томъ и думалъ, какъ бы ему похитрѣе започинить; его бѣсило то, что дратва рвалась, кожа лопалась хуже, онъ плевалъ съ досады то на сапогъ, который починивалъ, то на полъ, то приговаривалъ разныя любимыя словца. Ганька вторилъ отцу, которому почему-то вдругъ не понравилось, что сынъ бездѣльничаетъ.

— Чево ты дратву-то рвешь попусту, шельмецъ ты экой!

— Я, тятька, чиню.

— Такъ чинятъ? Брось!

Ганька забился на полати и тамъ продолжалъ свою работу. Только одна Елена сидѣла смирно. Она сидѣла на лавкѣ

спиной къ отцу, около окна и молча заштопывала прорѣхи и дыры сермяги. Ни одного шопота она не произнесла, ни одной морщинки не было на ея лицѣ, только ей надоѣли мухи, и тутъ она молча отмахивалась отъ нихъ. Колька ее не безпокоилъ: онъ нашелъ себѣ товарища въ котѣ, котораго онъ безцеремонно таскалъ по полу за хвостъ, любуясь своимъ искусствомъ и ловкостью отвертываться отъ лапъ кота, который пищалъ. Наконецъ котъ вырвался, вскочилъ на печку и сталъ облизываться, злобно глядя на Кольку, какъ будто думая: ужь не буду же я, коли такъ, спать съ тобой. Онъ пошелъ по перекладинкѣ, сдѣланной отъ печки къ стѣнѣ для сушенья тряпокъ и бѣлья. Шелъ онъ, какъ видно, къ Еленѣ. Между тѣмъ Колька дѣлалъ свое дѣло: онъ вскарабкался на печь, нашелъ лучину, бросилъ ее съ хохотомъ въ кота, котъ соскочилъ на лавку, а Колька свернулся на полъ и заревѣлъ... Всѣ неторопясь встали и подошли къ Колькѣ, который расшибъ себѣ лѣвое колѣно до крови и лобъ, но неопасно. Отецъ заругался, сталъ искать плетку, но не нашелъ плетки. Долго ревѣлъ Колька; ногу Елена обвернула тряпкой, на лбу остался большой синякъ и черезъ часъ Колька угомонился и по прежнему сталъ баловать, только прихрамывалъ на лѣвую ногу. Ему уже не въ первый разъ приходится падать съ печки.

Елена все работала, а въ головѣ ея шла своя работа. «Што-то Илья дѣластъ», думала она, и долго думала она на эту тему. Заслышитъ она брань отца на дратву или на мухъ и думается ей: «отчего это онъ такой злой! Хоть бы умѣлъ починивать-то! А тоже хвастается, што онъ сапоги да башмаки умѣетъ мастюжить». Она старалась отыскать причины: почему отецъ у нея такой злой? зачѣмъ онъ драчунъ такой. Придетъ съ работы, мать ругаетъ, весь день на ребятъ кричитъ, а ладомъ не скажетъ, на работу пойдетъ, тоже ругается... Нѣтъ, онъ добрый. Иной бы выгналъ меня изъ дому, избилъ бы, и она тяжело вздохнула; въ это время она такъ любила отца, что скажи онъ ей: Олена, поди-ко сходи въ рудникъ за топоромъ—пошла бы. Она не думала теперь объ матери, какъ будто бы и не бывало ея.

— Ганька! поди-ко къ Ѳедосѣеву: попроси табаку.

Ганька пошелъ, за нимъ поскакалъ и Колька, подпрыгивая.

— Скоро свадьба-то? мила дочь, спросилъ отецъ ядовито, когда мальчуганы ушли; голосъ его дрожалъ.

— Чья, тятенька?

— Чья? Твоя?

Елена промолчала.

— Что жь, ну и ступай и не ходи сюда, штобы и праху твоего здѣсь не было. Чтожь ты буркалы-то въ окошко уставила? Али Илька идетъ?

Елена молчитъ: въ глазахъ двоится, въ головѣ жаръ. «Умереть бы ужь!» думалось ей невольно.

— Съ Богомъ, мила дочь, съ Богомъ, Оленка.

«Буду же я молчать!» думаетъ Елена и въ первый разъ въ жизни она осердилась на отца. Хотѣлось ей плакать, да слезы не шли.

— Что жь ты спасибо-то не сказываешь, дура. Ты въ ноги должна мнѣ поклониться. — Отецъ, говоря это, улыбался, но какъ улыбался? Его душило горе и онъ не умѣлъ выразиться какъ нибудь такъ, чтобы дочь почувствовала всю гадость своего поступка. Жена его поступила бы иначе: она бы цѣлый день проворчала, прибила бы дочь, какъ умѣла, на другой день она бы не стала ругаться, а у Гаврилы Иваныча не было такой храбрости, да и охоты не было. «Бить такъ было бы что бить, а то стоитъ, еще грѣха наживешь».

— Оленка! вдругъ крикнулъ отецъ и сталъ глядѣть на спину дочери; въ лѣвой рукѣ былъ сапогъ съ шиломъ, а въ правой дратва съ щетиной. Елена молчитъ.

— Кому я говорю — стѣнѣ што ли? А?!

Елена молча повернулась къ нему лицомъ. Она плакала.

— Послушай ты, дура набитая, дурака отца: што тебѣ за дурь пришла въ голову?... а?

Елена молчитъ, плачетъ.

— Тебѣ говорятъ! Я вышибу изъ тебя эти нюни-то. У-у!! и онъ заскрежеталъ зубами.

— А вотъ тѣ сказъ: Плотникову я всѣ ноги обломаю, коли онъ еще сюда придетъ. Всѣмъ закажу тоже сдѣлать. Слышишь!... Не выдамъ я тебя за него замужъ... Тебѣ говорятъ!

— Тятенька! я ни за кого не пойду больше.

— Ладно. Слушай, мила дочька. Ты думаешь, я не знаю, што тебѣ хочется замужъ,—знаю. А Плотниковъ тебѣ не пара, потому приказей, а ты мастерская дочь. Да и Илькѣ отецъ не дозволитъ жениться на тебѣ, потому онъ мастеръ.

— Я ни за кого не пойду...

— Я тѣ говорю по отцовски, потому эти дѣла знаю. Илька дуритъ, это я и ему скажу и всѣмъ скажу. Найдемъ жениха по своей братьи.

— Тятенька!

— Дура ты дѣвка. Мнѣ што ли не обидно это, да дѣло-то такое... Такое, што Илька на тебѣ не женится. Вотъ што обидно-то; и я этова не желаю, потому не хочу родниться съ подлыми людьми. И выброси ты эту дурь изъ головы. Да развѣ мало нашева-то брата. Э!...

Онъ принялся за работу, дочь повернулась къ нему спиной и тоже задумалась. Долго она думала, передумывала отцовскія слова и казалось ей, что отецъ говоритъ правду; а если онъ ей зла желаетъ... Нѣтъ, Илья не такой: онъ не пришелъ бы къ ней въ избу, не цаловалъ бы.

— Слышь, подхалюза, подико-сь запряги лошадь, сказалъ отецъ дочери. Она ушла во дворъ.

«Съ дѣвками имѣть дѣло — просто бѣда, особливо съ дочерьми. Дѣвка што—извѣстное дѣло, мужика ей надо, съ жиру бѣсится, и мужику дѣвку надо, а дочь жалко. Ну роди она, што съ ней будетъ? эти же скоты проходу ей не дадутъ, а я-то тутъ чѣмъ виноватъ. Добро бы провьянтъ на ребенка давали,—нѣтъ. Вонъ ей минулъ восемнадцатый годъ и провьянтъ прекратили—выдавай, значитъ, за мужъ. А ужъ за Плотникова не выдамъ. Сказано: не хочу родней имѣть мастера-подлеца, и конецъ; сроднись съ подлецами да мошенниками, самъ будешь подлецъ и мошенникъ. Вотъ что! А дѣвка што—дура. Имъ понравился приказный, мастерской сынокъ и взбѣленилась. Экое диво стряслось: какъ не идти замужъ. А потомъ што будетъ: мужъ попрекать мной станетъ, на порогъ меня не будетъ пущать, да и какое будетъ ей житье, коли свекоръ будетъ заставлять сапоги ему надѣвать... А то бы мнѣ што: вѣсится онъ тѣ на шею, дуракъ эдакой, да ты знашь, што онъ разумной человѣкъ, ну и съ Богомъ, коли по любве, по совѣту, да нами не брезгуетъ... Это такъ».

Пришли Гапька и Колька. Отецъ распекъ ихъ за то, что они бѣгали долго. Пришла Елена и объявила, что лошадь запряжена. Гаврила Иванычъ одѣлся: надѣлъ сперва сапоги, обвернувъ предварительно ноги онучами, потомъ сермягу, опоясался кушакомъ, за пазуху положилъ кисетъ съ махоркой, кремнемъ, плашкой и трутомъ и шапку.

— Ты скоро? спросила его Елена.

— Скоро. Кто будетъ, скажи—скоро.—Онъ ушелъ. Немного погодя заскрипѣли ворота и отецъ ѣхалъ, сидя въ телѣгѣ на улицѣ. Домашніе не знали, куда онъ уѣхалъ, да онъ и не любилъ даже женѣ сказывать объ этомъ.

Дома начался безпорядокъ. Колька лѣзъ то къ Еленѣ, то къ брату съ пикулькой, и такъ себѣ, желая побаловать; никакіе уговоры на него не дѣйствовали, отъ колотушекъ, получаемыхъ имъ отъ брата, онъ хотя и плакалъ, но самъ потомъ начиналъ ругаться и колотить ученками, что въ немъ изобличало будущаго рабочаго человѣка со всѣми наклонностями, врожденными и уже усвоенными отъ другихъ ребятъ. Да и что ему, мальчугану, было дѣлать: ему хотѣлось играть, а ребятъ однихъ съ нимъ лѣтъ въ избѣ не было, Ганька уже отвыкъ отъ такихъ игръ: ему хочется бороться, играть въ бабки, ходить на головѣ, какъ ходятъ фокусники, которые нынѣшняго лѣта казали свою премудрость въ заводскомъ саду. Ему было скучно, но идти ему не хотѣлось, потому что онъ еще не былъ здоровъ; разговаривать съ сестрой... но что онъ будетъ ей разсказывать и о чемъ ему говорить съ ней; да онъ не то, что не любилъ сестру, но относился къ ней, какъ къ постороннему человѣку, только живущему вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ. Онъ такъ еще былъ мало развитъ, что плохо понималъ родственную связь. Онъ только зналъ отца, мать и тетку; первыхъ онъ боялся, потому что они его и били и кормили, вторая его ласкала и давала гостинцевъ къ праздникамъ, а сестру его колотили также, какъ и его, а мать даже обращалась съ ней строже сыновей. Поэтому онъ обращался съ ней безцеремонно, какъ будто считая ее ниже себя.

— Оленка! дай ись.

— Подожди, отецъ будетъ.

— Што мнѣ отецъ, я самъ молодецъ. Дай.

— Тебѣ говорятъ, подожди: хлѣба-то и такъ мало.

— Молока дай.

Не дождавшись отвѣта, Ганька сходилъ въ чуланъ и принесъ оттуда ковригу хлѣба. Сестра только поглядѣла, и ничего не сказала. Сталъ приставать къ ней Ганька, чтобы она принесла молока, но она долго не несла, а потомъ, сжалившись, принесла кринку съ молокомъ. Два братца живо опростали

кринку. Елена знала, что на просторѣ они сытнѣе наѣдятся, и тоже сама выпила молока.

— Олена, давай въ карты! сказалъ Ганька.

— Въ калты, Оленка!

— Отстаньте, ишь отцу халатъ чиню.

— Послѣ починишь. Ишь какая... Давай, приставалъ Гаврила.

И ребята, не дождавшись картъ, ушли изъ избы.

Елена осталась одна и стала думать на просторѣ о всемъ, что съ ней происходило за эти сутки. Совѣтъ отца приводилъ ее къ тому заключенію, что Илья Назарычъ дѣйствительно можетъ бросить ее на томъ основаніи, что онъ еще недавно съ ней познакомился, да и между ними ничего не было особеннаго. Что тутъ особеннаго, что онъ приходилъ къ ней безъ отца. Вѣдь къ ея подругѣ ходятъ же молодые парни; вѣдь и къ матери ея и къ ней, когда кромѣ нея никого нѣтъ дома, тоже приходятъ мужчины зачѣмъ нибудь. Ну и Илья Назарычъ приходилъ за дѣломъ... Но она не могла покривить совѣстью передъ отцомъ, а высказала ему, какъ умѣла, все, что она чувствовала. Зачѣмъ же это онъ сердится и что онъ тутъ находитъ дурнаго? Онъ говоритъ, что его отецъ мошенникъ. Ну, а ей-то какое до этого дѣло, вѣдь ей нравится не отецъ, а сынъ. Плохо она поняла смыслъ словъ отца, они ей казались какими-то обманчивыми, зложелательными. Но вдругъ ей пришло въ голову: а вѣдь я его мало знаю. Онъ говоритъ, видѣлъ меня два раза до вечерки, а я не видала. Я на вечеркѣ познакомилась съ нимъ... Да мало ли я тамъ видѣла парней и въ сертукахъ, и въ халатахъ, и въ рубахахъ; потомъ онъ въ саду далъ мнѣ орѣшковъ... и ей стыдно сдѣлалось: ей даже котъ сѣрко показался какимъ-то сердитымъ, хотя онъ и глядѣлъ умильно на ползущаго по косяку таракана, котораго ему было лѣнь поймать... Еще стыднѣе и совѣстнѣе ей сдѣлалось, когда ей показалось, что ей не нужно бы было сидѣть у окна и вчера приглашать его къ себѣ. «Экая я дура въ самомъ-то дѣлѣ! думала она. Вѣдь онъ мнѣ совсѣмъ чужой, да онъ и не нашъ». Елена Гавриловна не очень любила запрудскихъ жителей на томъ основаніи, что она привыкла къ простотѣ, а тамъ, у разныхъ должностныхъ людей, она видѣла все новые порядки, которые и осмѣивала вмѣстѣ со старослободскими дѣвицами. «Ну какъ

же это я не сообразила, што онъ чужой, да и не нашъ, и какъ это онъ смѣлъ сюда зайти».

Но чѣмъ дольше она думала, тѣмъ становилось ей грустнѣе, мысли стали склоняться въ пользу Ильи Назарыча, ей стало жалко, что онъ не знаетъ теперь, что съ ней дѣлается, хотѣлось увидать его, разспросить, хорошій ли онъ человѣкъ. «Какъ увижу его, непремѣнно спрошу: пьете вы водку? Коли не пьетъ, пойду за него замужъ, не буянитъ — пойду; будетъ все такой ласковый — пойду. Нѣтъ, я у людей про него распрошу: можетъ онъ это и вправду вретъ». И она рѣшилась какъ нибудь исполнить свое намѣреніе. А жить въ родительскомъ дому ей ужасно опротивѣло: одной скучно; хотя за работой она и поетъ пѣсни для того, чтобы ей не думалось, и тутъ все-таки лѣзутъ мысли и не весело; придетъ мать: это не ладно, то не такъ и пошла ворчать, при отцѣ немного получше, но за то тошно смотрѣть и слушать, какъ родители грызутся между собой и ровно не ссорятся они, да все у нихъ брань. Придутъ ребята, крикъ, а отъ этого Колькн и покою нѣтъ и ничѣмъ его не уговоришь... «И вездѣ-то Господи такая идетъ жизнь. Развѣ вотъ съ Илинькой будетъ спокой. Говорятъ же дѣвушки, что только и радостей у насъ, что замужъ выходить».

Часу въ шестомъ Елена уже совсѣмъ управилась: она подоила корову, загнала ее и овечекъ куда слѣдуетъ, управилась съ курицами, спустила изъ сарая сѣна, задала корму животнымъ, приладила что нужно въ погребѣ, хотѣла было сходить въ баню за косоплеткой, но побоялась, посмотрѣла квашню, вымыла что нужно, поставила въ печь свеклу и припасла ужинъ для семьи: положила на столъ завернутую въ изгребную скатерть ржаную полъ-ковригу, ножикъ, вилки (вилки Гаврила Иванычъ получилъ за желѣзо изъ кузницы, ихъ у него было всего только двѣ), деревянныя ложки. Въ сѣняхъ стояла крынка утренняго молока. Набѣгавшись до устали, нахлопотавшись вдоволь, Елена Гавриловна не жаловалась однако, что она устала и измучилась. Она только, сѣвши за починку отцовскаго халата снова, сказала: охъ, завтра рано вставать-то надо. Какъ бы отецъ-то да пришелъ скоренько. Чевопча онъ тамъ!...

ГЛАВА IX.

АРТАМОНОВЪ.

Въ избу вошелъ полицейскій служитель Артамоновъ. Этотъ человѣкъ считался за мастероваго, но служилъ при полиціи и замѣнялъ въ заводѣ своею особою и казака, и квартальнаго надзирателя, потому что надзирателей не было въ полиціи собственно для завода, а онъ былъ что-то въ родѣ полиціймейстера. Артамонова всѣ называли полицейскимъ и боялись его какъ язву, потому что онъ изъ своихъ интересовъ обиралъ рабочихъ, былъ хорошій мошенникъ и сыщикъ, надувалъ начальство и въ тоже время угождалъ ему. Такъ какъ онъ наживалъ въ сутки рубля по три, то и жилъ довольно хорошо, имѣя полукаменный домъ, пару лошадей и три туго набитые сундука съ разными вещами, принадлежащими его семейству.

Онъ еще вчера приходилъ къ Еленѣ, спрашивалъ, дома ли ея отецъ, и потрепалъ ее по щекѣ, но она обозвала его варнакомъ.

— Здорово, Елена Гавриловна! сказалъ онъ, войдя избу.

— Здравствуй. Елена его ненавидѣла, во первыхъ, потому что онъ былъ скверный человѣкъ, во вторыхъ, его физіономія была отталкивающая. Хорошо она помнила, какъ въ прошломъ годѣ отецъ по его милости просидѣлъ въ полиціи за то, что не далъ ему рубля денегъ. А случилось это очень просто: отецъ везъ домой пару бревенъ, да попался навстрѣчу Артамонову, тотъ и приказалъ ему ѣхать въ полицію, потому-де что Токменцовъ безъ дозволенія лѣсъ рубитъ.

— Гдѣ Токменцовъ? спросилъ онъ грубо.

— Нѣту-ка.

— Тебя толкомъ спрашиваютъ: пріѣхалъ онъ, или нѣтъ?

— Ты не кричи, я вѣдь не отецъ—не боюсь тебя.

— Што ты!

Елена промолчала.

— Да знашь ли, што я могу съ тобой сдѣлать?

Елена подумала: «свяжись съ дуракомъ и сама не рада будешь». Артамоновъ подсѣлъ къ ней.

— Елена Григорьевна, ты чего на меня-то сердишься, дура ты эдакая, и онъ ущипнулъ ее за ухо.

— Отвяжись, подлецъ! и она перешла на другое мѣсто.

— Такъ я подлецъ?

— Подлецъ какъ есть! только подойди—тресну полѣномъ.

— Экая храбрая ты сдѣлалась! Давно ли такая податливая была!

— Ты коли за дѣломъ пришелъ, говори дѣло, а не прималындывай (т. е. не говори вздоръ).

— Я къ тебѣ по дѣлу пришелъ: хошь отецъ твой будетъ казакомъ?

— Вотъ ужь!

— Право: Емельяновъ захворалъ, вотъ и мѣсто, стоитъ только колесы подмазать.

— Спроси его, чего ко мнѣ-то суешься съ поганымъ рыломъ.

— Ты слушай: это все отъ тебя зависитъ.

— Ой-еченьки! какое слово сказалъ! какъ это такъ?

— А такъ.

И онъ подошелъ къ ней и въ мигъ обнялъ ее. Елена хотѣла оттолкнуть его, но не могла совладать съ дюжиннымъ мужчиной. Артамоновъ ее цаловалъ. Елена кое-какъ вырвалась, но онъ опять схватилъ ее...

Когда она пришла въ чувство, то Артамонова въ избѣ уже не было. Она ничего не понимала, что съ ней дѣлалось...

— Варнакъ! подлецъ! душегубъ! кричала она. Сѣла на лавку и давай плакать. Но слезами горю не поможешь.

— Господи! вскрикнула она и стала на колѣнки, сильно рыдая.—Господи! и сколько горя слышалось въ ея словахъ.—Зачѣмъ ты попускаешь такія напасти? Пропащая я теперь. Порази ты его, царица небесная. Порази ты его, Илья пророкъ, громомъ и молніею... Больше она ничего не могла придумать. Въ такомъ положеніи ее застала сосѣдка Ѳедосья Андреевна, пожилая женщина.

— Чтой-то съ тобой, дѣвонька?...

Ѳ. РѢШЕТНИКОВЪ.

МѢЩАНСКІЙ ДЕНЬ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

I.

Осеннее утро; довольно рано. Въ кухнѣ топится печка; огонекъ весело потрескиваетъ и отъ времени до времени дѣлаетъ попытку лизнуть закоптѣлый, покрытый черепомъ горшокъ, въ которомъ кипятъ щи. Хозяйка, засучивши рукава, валяетъ на столѣ тѣсто. На дворѣ скрипитъ у колодца колесо, — краснощекая и толсторукая кухарка черпаетъ воду... Вотъ она вытянула бадью, налила водою ведро, остальное выплеснула изъ бадьи на землю, положила бадью на бокъ, взяла ведро въ правую руку, оттопырила лѣвую и, избоченясь, понесла воду въ кухню...

Принесла, поставила ведро на лавку; пыхтитъ и отдувается...

— Что, устала, голубушка?.. иронически спрашиваетъ ее хозяйка: — развалило сударыню?.. Лягъ да отдохни, бѣдняжка: полежи часокъ другой-третій!..

— Потѣшайся, тетушка Палагея, отвѣчаетъ кухарка:—потаскала бы ты сама воды-то, повозилась бы у колеса-то по моему, такъ забыла бы насмѣхаться-то!.. Прошу, прошу масленица, спицы смазать,— такъ и того у тебя не допросишься: словно и ни вѣсть какое золото!..

— Золото!.. Ты бы еще золота попросила!.. Не говорятъ тебѣ, что масло-то золото, — а все же доброе. Не горломъ оно хозяину-то достается, а горбомъ. Ты только первая эдакія-то выдумки выдумываешь, чтобы колесо-то смазывать; а вотъ у меня Маремьяна жила,— не особенное какое колесо-то было: это же ворочала, — да масла-то никогда не просила. А жила-то вѣдь два года, не то что ты — полтретья мѣсяца... Помяну, всегда помяну эту бабу!.. покорная была, послушная... теперь ужь не найдешь такой, ни за какія деньги не найдешь! Всѣ бабенки исподлились: либо въ міръ пустились, либо съ солдатишками связались, робятъ наносили, да и сидятъ тамъ въ какихъ-то трущобахъ!..

— Ну, ужъ ты постыдилась бы, тетушка, солдатишекъ-то мнѣ представлять-то!.. Кто какъ тамъ хочетъ, а я какъ изволю!.. Когда и помоложе-то была, такъ за мной никакихъ шалостей не водилось, а теперь ужь и подавно!.. А по міру-то ходить не зазоръ. Самъ Батюшко-Христосъ показалъ бѣднымъ людямъ питаться подаяніемъ. Милостинка — святое дѣло! Я сама, бывало, ходила по міру!..

— И опять пойдешь, какъ сгоню съ мѣста-то!..

— Ну, такъ что же? — и пойду. Прокормлюсь и безъ тебя, Богъ дастъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей стоитъ. Къ тебѣ не приду, не бось! Отъ недобраго-то человѣка и милостинка не въ пользу...

Хозяйка оставляетъ тѣсто и съ какимъ-то комическимъ изумленіемъ разводитъ руками:

— Ну, вотъ тебѣ, Палагея Петровна! здравствуй, сударыня!.. Жила да выжила, спала да выспала! Работница изволитъ называть тебя недобрымъ человѣкомъ!.. Однако, что же ты стоишь склавши-то руки? внзгливо накидывается она на кухарку: — вонъ сколько воды-то на лавку-то напустила, какъ самоваръ-то грѣла: цѣлыя озера стоятъ; возьми судомойку, да подотри сейчасъ, вѣдьма!..

Кухарка беретъ судомойку и начинаетъ вытирать воду.

— Вѣдьма, ворчитъ она: — вѣдьмы-то бываютъ съ хвостами, умная хозяюшка!.. Онѣ прокляты Господомъ Богомъ, а я человѣкъ крещеный!.. Вѣдьмы-то, продолжаетъ она, постепенно одушевляясь и возвышая голосъ: — живутъ въ Кіевѣ, на Лысой горѣ, да у тебя на дворѣ; только на дворѣ-то не при мнѣ народились: еще задолго до меня водились!..

Палагея Петровна окончательно выходитъ изъ себя.

— Ахъ, ты, песъ, ехидница! кричитъ она: — какія ты рѣчи-то поговариваешь!.. Вѣдьма, вѣдьма и есть!.. Видишь, окаянная, въ печи-то прогорать начало: возьми отсохлыми-то своими клюку, да вытащи щи-то, а дрова-то поколоти!.. Слышишь, али нѣтъ?..

Кухарка сердито хватаетъ клюку... Горшокъ со щами выѣзжаетъ на шестокъ; въ печи раздается страшный трескъ и искры летятъ во всѣ стороны...

— Тише, тише, чертовка. Сажу, что ли, въ трубѣ зажечь хочешь?.. Спалишь, разбойница!.. Труба-то стоитъ не чищена полтора года!..

Клюка со звономъ ставится въ уголъ. Хозяйка беретъ ведро, выливаетъ изъ него воду въ котелъ, стоящій на шесткѣ; чуть не въ рожу суетъ кухаркѣ ведро и приказываетъ еще принести воды. Та уходитъ, хлопнувши дверью...

— Экъ какъ дверью-то хватила! не кричитъ, а ужь какъ-то болѣзненно стонетъ Палагея Петровна: — экъ шарахнула, — святые

три святители, вселенскіе учители! — вѣдь стѣны-то ходенемъ заходили!.. Экъ она какую рысь-то оказала!.. Сгоню, злодѣйку, безпремѣнно сгоню, какъ вотъ только, Богъ дастъ, капусту уберемъ!.. Нѣтъ, ужь полно терпѣть-то: не по годамъ!.. Дай ей волю, такъ она, разбойница, меня и послѣдняго-то здоровья лишитъ, совсѣмъ въ постель уложитъ!.. Ахъ, ты, Господи!..

Она принимается снова за тѣсто; беретъ скалку и разсучиваетъ лепешку для пирога... У окна кухни появляется какая-то широкорожая баба въ лохмотьяхъ и съ корзинкою на рукѣ...

— Матушка, Палагея Петровна, милостинку Христа ра-а-а-ди!.. выводитъ она звонкимъ дискантомъ.

— Богъ подастъ, Богъ подастъ, голубушка! раздражительно и скороговоркою отказываетъ хозяйка, продолжая заниматься своимъ дѣломъ: — много васъ тутъ шатается!.. Эй, тетка, гляди-ка, прибавляетъ она: — чѣмъ по міру-то шататься, не пойдешь ли ко мнѣ въ работницы? я свою-то согнать хочу.

— Ахъ, голубушка ты моя, Палагея Петровна, какая ужь я тебѣ работница: хворости совсѣмъ одолѣли меня, отвѣчаетъ та какимъ-то ужь дряблымъ голосомъ и поспѣшно удаляется отъ окошка.

— Ну, вотъ, вотъ, всѣ онѣ такъ! У всѣхъ у нихъ хворости въ запасѣ, говоритъ Палагея Петровна, какъ будто кто ее слушаетъ, и при этомъ заглядываетъ въ печку... Ахъ, ты, Господи! вѣдь ужь совсѣмъ протопилась: загребать надо, а моя-то красавица все еще на колодцѣ сидитъ!.. Ну, ужь золотая ступень, нечего сказать!.. Не по воду, а по смерть ее посылать хорошо!..

— Палага, раздается мужской голосъ изъ смежной съ кухней комнаты:—Палага, ступай чай пить: перестоялся ужь!..

— Поспѣешь! вскрикиваетъ хозяйка: — у тебя только и есть на умѣ-то, что чай, а у меня вонъ еще свое дѣло не кончено!..

Слышны шаги; входитъ кухарка съ водою. Она по прежнему пыхтитъ и отдувается.

— Загребай скорѣе въ печи-то, обращается къ ней Палагея Петровна: изъ-за тебя, сударыня, я еще чаю до сихъ поръ не пила; въ горлѣ совсѣмъ пересохло у грѣшницы!..

Кухарка загребаетъ... Ахъ, Царица небесная! отчаянно вскрикиваетъ хозяйка, вѣдь начинка-то въ пирогъ еще не готова!.. Вонъ припасенъ кочень капусты, да не изрубленъ!.. Что тутъ дѣлать-то?.. Надо ужь безъ начинки загнуть: пущай въ родѣ калача будетъ... А капусту рубить некогда; нѣтъ, нѣтъ, не успѣешь!..

— Палага! кричитъ опять тотъ же голосъ:—да пойдешь ли ты сегодня?..

Но на этотъ разъ Палагея Петровна ужь и отвѣчать не считаетъ

за нужное. — Давай лопату да листъ бумаги, приказываетъ она работницѣ; та подастъ ей то и другое... Да откуда ты взяла бумагу-то?.. съ полу?.. вѣдь на этой бумагѣ-то давича кошка лежала, поганка!.. Достань вонъ другой листъ... съ полки-то, съ полки достань!.. Тебя что поучишь, то и поживешь!..

Наконецъ пирогъ отправляется въ печь; Палагея Петровна умываетъ руки и идетъ въ комнату, откуда ей кричали; кухарка что-то ворчитъ про себя...

II.

Комната, въ которую вошла Палагея Петровна, имѣла два окна съ широкимъ между ними простѣнкомъ; стѣны ея были окрашены зеленоватою краскою, такъ называемою сибиркою, а полъ находился въ состояніи au naturel, — сосновыя доски являлись во всей природной красотѣ своей. Въ переднемъ углу, направо отъ входа находилась двухмѣстная кіота съ двумя образами въ серебряныхъ ризахъ, передъ кіотою лампадка на блокѣ, надъ кіотою—двѣ вербы съ закоптѣлыми бумажными цвѣтами; по сторонамъ кіоты, направо и налѣво, еще по два образа тоже въ серебряномъ украшеніи. Затѣмъ слѣдовалъ диванъ и надъ нимъ зеркало, потомъ изразцовая лежанка, прислоненная къ стѣнѣ, находившейся противъ оконъ. Подлѣ лежанки висѣли часы, но не съ кукушкою, а съ однимъ только боемъ; тутъ же была и дверь, въ которую вошла хозяйка. У третьей стѣны, противъ образовъ, стояла кровать съ ситцевымъ пологомъ, потомъ была опять дверь—въ другую комнату. Подлѣ этой двери находился шкафъ съ столовою и чайною посудою; въ немъ же помѣщалось и «печиво», то есть пироги и проч. По другую сторону первой двери, приколоченъ былъ желѣзный спичникъ; на немъ висѣли синій суконный армякъ на зеленой фланели, казинетовая сибирка, дубленый полушубокъ и засаленный картузъ. На простѣнкѣ, между окнами, помѣщались портретъ Филарета, видъ какого-то монастыря и росписаніе—у какого святаго должно просить исцѣленія въ такой-то болѣзни. Всѣ эти вещи были въ рамкахъ, но безъ стеколъ и весьма запачканы мухами. Тутъ же стоялъ раздвинутый складной столъ безъ скатерти, на которомъ находился самоваръ, чайникъ, прикрытый не совсѣмъ чистою тряпкою, три чайныя чашки, сахарница и кринка съ топленымъ молокомъ; на ней лежала деревянная ложка. На окнахъ, на диванѣ и даже на лежанкѣ валялась разная мелочь: платки и т. п.; постель была не оправлена... Вообще комната смотрѣла какъ-то непріятно, неряшливо; слышался даже въ ней какой-то нехорошій запахъ... Словомъ, замѣтно было, что никто не заботился о томъ, чтобы придать ей видъ помилѣе...

У стола, съ той стороны, гдѣ была кровать, сидѣлъ на стулѣ полный, краснощекій и чернобровый мужчина лѣтъ около пятидесяти, въ ситцевой рубашкѣ дикаго цвѣта, въ суконномъ жилетѣ съ стеклянными пуговками и въ зеленоватыхъ триковыхъ штанахъ, надѣтыхъ подъ рубашку и заправленныхъ въ сапоги съ буракообразными голенищами. Это былъ мужъ Палагеи Петровны, Иванъ Степанычъ. У окна около образовъ, помѣщалась дѣвушка лѣтъ девятнадцати, дочь Ивана Степаныча и Палагеи Петровны, Маша или Марья Ивановна,—особа тощенькая, весноватая и бѣлобрысая, но съ темными плутоватыми глазенками. Одѣта она была въ желтое, ситцевое платье, довольно позатасканное; отъ плохо причесанныхъ волосъ ея слышался непріятный запахъ коровьяго масла. Она шила или, вѣрнѣе, зашивала, какую-то бурую шумящую вещь, по видимому накрахмаленную... кажется, собственную свою юбку. У стола былъ еще одинъ не занятый стулъ: на него сѣла сама хозяйка, когда вошла въ комнату.

О наружности Палагеи Петровны мы еще не сказали ни слова. Матушка была такая же бѣлобрысая, какъ и дочка, только глаза имѣла не темные, а какіе-то водянисто-голубоватые. Общее выраженіе лица ея было весьма кислое, одѣяніе неопрятное; на головѣ былъ клѣтчатый, бумажный платокъ, повязанный напередъ кончики. Синій, набойчатый фартукъ, въ которомъ стряпала въ кухнѣ, она не потрудилась снять и въ комнатѣ.

— Наливай, Маша! скомандовалъ Иванъ Степанычъ, какъ только супруга его появилась въ комнатѣ. Маша бросила юбку на диванъ, придвинулась къ столу и принялась за чайникъ. — А мы ужь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Палагеѣ Петровнѣ, ждали, ждали тебя, ласточку: чай-то ужь ждавши совсѣмъ перепарили; наспуй-то пожаловала!.. Вѣдь по настоящему-то мнѣ бы теперь надо у лавки быть!..

— Успѣешь еще, батюшка, успѣешь, отвѣчаетъ Палагея Петровна; нынѣче день-то вѣдь не торговый!

— Знаю, что не торговый, перехватываетъ ее Иванъ Степанычъ:—что ты мнѣ тутъ разсказываешь? Да оно, по настоящему-то, и всегда надо уходить пораньше, чѣмъ крикъ-то твой слушать.

— Охъ, Господи Ты мой, Царь небесный! уныло и нараспѣвъ говоритъ Палагея Петровна: — никогда-то я не услышу отъ него ни одного добраго слова!.. Только онъ крикомъ-то и попрекаетъ меня ежечасно!.. Да побудь-ка ты на моемъ-то мѣстѣ, муженекъ любезный, такъ и отвѣдаешь, каково мнѣ все это приходится!.. Вѣдь ты что? ты вотъ только и знаешь, что чайку напиться, да съ товарищами у

лавочки перегудать; а не то, такъ въ трактиръ пойдешь, да налижешься тамъ, прости Господи!..

Иванъ Степанычъ покрякиваетъ.—Маменька, да уймись, не раздражай тятеньку! вступается Маша.

— Ужь не раздражай ты, сорока, своего-то муженька, какъ самато хозяйкою будешь, обращается къ ней скороговоркою Палагея Петровна: — а мать-то тебѣ учить не приходится... Ты еще молодозелено: не знаешь, на чемъ свинья хвостъ носитъ!.. Покуда будетъ съ тебя и того, что съ карнолиномъ-то своимъ возишься!..

Маша молчитъ, молчитъ и Иванъ Степанычъ, но заступничество дочери ему видимо пріятно... Онъ торопливо пьетъ чай; Палагея Петровна тянетъ весьма медленно. Не дожидаясь ея, Маша наливаетъ отцу чашку за чашкою, прибавляя къ каждую большую порцію молока. Иванъ Степанычъ любитъ топленое молоко; Палагея же Петровна съ чаемъ его не употребляетъ; себѣ Маша кладетъ понемногу... Наконецъ желудокъ Ивана Степаныча наполняется; онъ опрокидываетъ чашку и говоритъ: — шабашъ, будетъ! утираетъ лицо лежащимъ на окнѣ полотенцемъ съ красными концами и идетъ къ спичнику. Тамъ онъ надѣваетъ сибирку, армякъ и беретъ картузъ. Подлѣ кровати, на гвоздикѣ, виситъ нѣсколько штукъ ключей; Иванъ Степанычъ снимаетъ два изъ нихъ, связанные ремешкомъ — это ключи отъ лавки, и кладетъ въ карманъ. Затѣмъ онъ крестится нѣсколько разъ передъ образомъ, говоритъ: — прощайте! и выходитъ изъ комнаты.

На прощанье отца Маша отвѣчаетъ: — прощайте, тятенька! Палагея Петровна ничего не отвѣчаетъ. Она тоже допиваетъ послѣднюю чашку, похрустывая сахаромъ, задумываясь и грустно покачивая головою. Маша покончила съ чаемъ еще прежде отца и ждетъ: скоро ли напьется маменька, — ждетъ, задумчиво посматривая въ окно... По улицѣ бредутъ туда и сюда разныя существа; небо сѣро, какъ будто сбирается дождикъ, а можетъ, Богъ дастъ, и не будетъ: очень ужь надоѣло непастье-то... Наконецъ и Палагея Петровна опрокидываетъ свою чашку. — Послушай-ка, сударыня, говоритъ она дочери, ты той, кухонной-то озорницѣ, не давай чаю-то...

— Ладно, ладно, не дамъ! отвѣчаетъ Маша.

— Да то-то ладно! чтобы оно ладно и было. А то вѣдь, ты того, пожалуй... не углядишь за тобой. Мнѣ вотъ нужно теперь въ погребъ сходить, шайки осмотрѣть... Не давай же, говорятъ тебѣ, не стоитъ она этого!..

— Да ужъ не сто разъ толковать-то, полно!..

Съ матерью Маша обращается иначе, нежели съ отцомъ — грубовато... Палагея Петровна беретъ съ дивана полинялую шаль, по-

вязываетъ ее поверхъ платка, стаскиваетъ съ лежанки какую-то дрянь на заячьемъ мѣху, напяливаетъ ее въ рукава, тоже беретъ ключъ съ гвоздика подлѣ кровати и направляется къ двери. Маша встаетъ со стула. — Ахъ, ты, Господи! вскрикиваетъ вдругъ Палагея Петровна у самаго порога: — въ погребъ иду, а про картофель-то вѣдь совсѣмъ и забыла! Надо зажарить еще и картофелю, а то самъ-то, пожалуй, ругаться будетъ, какъ не изжарить. Ужарится ли только, не знаю: опоздала ужь! Ну, да ничего, суну; да и пирогъ-то чай лора вынимать... Такъ вотъ все и помни, такъ и вертись, какъ собака какая!..

Она поспѣшно сбрасываетъ съ себя мѣховую дрянь опять на лежанку, туда же кидаетъ и ключъ и бѣжитъ въ кухню. Шаль ужь снимать некогда... Маша доливаетъ чайникъ изъ самовара, беретъ изъ сахарницы два куска сахару, кладетъ и ставитъ все это на окошко, прикрываетъ тѣмъ же самымъ полотенцемъ, которымъ утирался Иванъ Степанычъ, и начинаетъ мыть чашки. Она моетъ ихъ прямо изъ самовара, употребляя въ дѣло тряпку, лежавшую на чайникѣ. Перемывши, сбираетъ ихъ въ грудку и относитъ въ шкафъ; туда же прячетъ и прочія принадлежности совершившагося чаепитія, убираетъ самоваръ и опять принимается за прежнюю свою работу.

Въ кухнѣ между тѣмъ слышатся голоса Палагеи Петровны и кухарки: кажется, тамъ опять происходитъ что-то въ родѣ прежней сцены. Но вотъ раскраснѣвшаяся хозяйка появляется опять въ комнатѣ; въ рукахъ у нея пирогъ «въ родѣ калача». Она сердито суетъ его въ шкафъ, принимается опять за свою зайчину, ищетъ нѣсколько времени ключа... находитъ наконецъ, и на этотъ разъ уже окончательно отправляется въ погребъ.

По уходѣ ея, Маша оставляетъ свое занятіе, беретъ чайникъ и сахаръ и несетъ ихъ въ кухню. Она, какъ видите, не исполнила приказа своей маменьки—не давать чаю «кухонной озорницѣ»,— не исполнила впрочемъ не по добротѣ, но и не сдуру. Маша весьма понимала значеніе кухарки въ семьѣ того сословія, къ которому принадлежала сама. Она знала, что кухарка могла «пропустить» о ней и добрую и худую славу, смотря по ея къ ней отношеніямъ; а ей, какъ дѣвушкѣ-невѣстѣ, не хотѣлось худой славы. Вотъ поэтому-то она и находила нужнымъ лебезить передъ кухаркою, заискивать въ ней словомъ и дѣломъ, то есть приласкать ее, пожалуй посудачить вмѣстѣ съ нею свою маменьку, дать ей украдкою чайку, когда маменька запрещала это, какъ напримѣръ въ настоящій разъ, или, при случаѣ, тоже украдкою, поднести ей рюмочку водки и проч. За то и кухарка не оставалась въ долгу передъ Машею... Видали ли вы, читатели, встрѣчу двухъ-трехъ кухарокъ, разумѣется, гдѣ-нибудь въ про-

винціи? Слыхали ли вы, что онѣ говорятъ при этомъ между собою? А слышать ихъ разговоры весьма не трудно, потому что онѣ говорятъ громко. Онѣ говорятъ въ такомъ родѣ:

— Здорово, Матрёха!... Я ужь тебя давно не видала. Ты все у тѣхъ же хозяевъ живешь, али у новыхъ?

— У новыхъ, родная; вотъ здѣсь недалечко: у Павла Иваныча Засыпкина; да сойти думаю: сама-то ужь больно неугомонна,—вотъ такъ и пилитъ, такъ и пилитъ безперестани!..

— Нако, вотъ поди ты!.. Рѣдко, дѣвонька, рѣдко попадешь на путную хозяйку!.. Такъ что же ты, дурочка, чего глядишь?—сойди! Мѣстовъ-то, слава Богу, не занимать стать!..

— Сойду, безпремѣнно сойду! Вотъ только до хозяйкиныхъ-то имянинъ дотяну,—она этта скоро будетъ... Бранится, бранится, а ужь все подаритъ чѣмъ нибудь... Ну, а ты гдѣ?..

— Да все тамъ же: у Платониды Степановны. Тоже не ахти—какъ хорошо!... Безпутная какая-то, шва-то настоящаго нѣтъ въ ней! Сойду тоже скоро, надо быть.

— Эхъ, вы, непосѣды! звенитъ третья, какая нибудь разбитная бабенка.—Вамъ бы все мѣста мѣнять!..А я такъ у моего хозяина вотъ ужь третій годъ живу, да и жить думаю!..

— Ну, да вѣдь хорошо тебѣ безъ хозяйки-то, гладкорожая, отвѣчаютъ тѣ.—Чай всѣмъ домомъ ворочаешь! Ха ха! Ха ха! и т. под.

Вотъ при такихъ-то встрѣчахъ и дружескихъ бесѣдахъ, кухарка Палагеи Петровны, ругнувъ какъ слѣдуетъ свою хозяйку, всегда прибавляла въ заключеніе:—вѣдь только и живу у нея, что по дочькѣ-то. Вотъ ужь, можно сказать, что не въ маменьку свою уродилась... Добрая, умная, рукодѣльная; ну, просто золото, а не дѣвушка!..

Такимъ образомъ политика Маши достигала своей цѣли. Впрочемъ Маша нисколько не была исключеніемъ въ этомъ случаѣ. Большая часть дѣвушекъ извѣстнаго круга поступаютъ такимъ же образомъ. Онѣ подлещиваются иногда даже и къ чужимъ работницамъ. Такъ въ свое время поступали и ихъ маменьки, отъ которыхъ онѣ и получаютъ при случаѣ наставленія касательно этого пункта. Старые обычаи наслѣдуются и поддерживаются здѣсь очень усердно. Кажется, всѣ знаютъ или, по крайней мѣрѣ, должны знать подобную штуку; всѣ могутъ оцѣнить такія похвалы по достоинству, а между тѣмъ онѣ все-таки дѣйствуютъ. Случается и нерѣдко, что какая нибудь маменька, убѣждая своего сынка жениться на такой-то дѣвушкѣ, приводитъ между прочимъ въ пользу ея и слѣдующій аргументъ: ты послушай-ка, что говоритъ о ней работница-то ихняя: вѣдь чести не можетъ приписать ей!.. Скромница, говоритъ, смиренница - дѣвушка!...

На кухнѣ Маша пробыла долгонько. Кухарка задержала ее сначала изъявленіями своего неудовольствія на Палагею Петровну, а потомъ патетическимъ разсказомъ о смерти своего мужа, съ которымъ она жила «невступно» два года. Какъ-то къ слову пришелся этотъ разсказъ... Маша впрочемъ слышала его уже разъ десять, но имѣла терпѣніе выслушать и въ одиннадцатый, иначе кухарка могла бы обидѣться невниманіемъ. Теперь же она осталась совершенно довольна и, явясь почти вслѣдъ за Машей въ комнату, съ опорожненнымъ чайникомъ въ рукахъ, ласково поблагодарила свою молодую хозяйку за чай, фамильярно потрепала ее по загривку, назвала молодцомъ-дѣвкой, обѣщала высватать ей жениха разлюли какого и, поставивши чайникъ въ шкафъ, отправилась обратно въ кухню.

III.

Оставшись одна, Маша опять начала возиться надъ юбкою, но однакожь вниманіе ея не все было отдано этой работѣ. По временамъ она оставляла ее и какъ-то нетерпѣливо поглядывала въ окно, какъ будто ожидая кого-то. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени мимо окошекъ мелькнула женская фигура и въ комнатѣ явилось новое лицо. Это была тоже дѣвушка, сосѣдка и подруга Маши, почти однихъ лѣтъ съ нею, но гораздо красивѣе ея, — Таня. На ней было точно такое же желтое платье, какъ и на Машѣ; покрыта она была шерстянымъ платкомъ дикаго цвѣта. Платокъ этотъ былъ огромный, а Таня небольшаго роста, поэтому конецъ его и доставалъ ей почти до пятъ.

Маша очень обрадовалась своей гостьѣ.

— А я думала, что ты ужь и не придешь совсѣмъ, обманешь. Ждала, ждала... встрѣтила она ее.

— Какъ это возможно, чтобы обмануть, заговорила она бойко.— Здорово, Маша!.. Я какъ встала, такъ и побѣжала къ тебѣ... Вѣдь все спала, дѣвушка!.. Съ вечеринки-то пришла ужь почесть въ заутреню... Вѣдь и теперь еще неумывкой! Ха-ха! Ха-ха!..

Таня была очень живая и вертлявая...

— Ну, что, какъ? Хорошо ли было у Рогозихи-то?

— Ужь и не говори!.. Таня сѣла. — Вѣдь стекла выбили!..

— Врешь?!..

— Ей-Богу, правда!.. Такой аблимантъ (*) вышелъ, что еще али полно!.. И все изъ-за Любки Калачовой; Ѳедька Охлопинъ выбилъ!..

— Славно!.. Ай-да Любка!.. Ну, ну, да какъ же это было? говори

(*) Скандалъ.

скорѣе!.. Въ голосѣ Маши слышалось нетерпѣніе въ высшемъ градусѣ; плутоватые глазенки ея сверкали удвоеннымъ блескомъ.

— Какъ было?.. Это ты юбку зашиваешь?.. Таня вскочила съ мѣста. — А вотъ какъ было, сударыня моя... Вѣдь ты, чай, знаешь, что всю прошлую зиму Любка-то Калачова была занятницей Охлопина (*)?.. Говорили тогда, что онъ весною-то ужь и свататься къ ней будетъ. Оно бы, можетъ, и точно сталъ свататься: Калачова-то ему больно люба была, — это надо дѣло сказать; да только все оно не такъ повернулось, какъ онъ думалъ. Весна-то, знаешь, нынче стала рано: хозяинъ-то, у котораго онъ служитъ, вскорѣ послѣ Пасхи и послалъ его куда-то на все лѣто, — тамъ за барками что ли наблюдать, ужь не знаю, право, — только послалъ. Такъ онъ и уѣхалъ тогда, не успѣвши ничего сдѣлать... Уѣхалъ, сударыня моя, Ѳедька-то, а на самый на Троицынъ день, — знаешь? — и прикатилъ сюда изъ Питера Сергѣй Закопинъ, гостить къ матери. Она, чу, ужь ему давно писала: пріѣзжай да пріѣзжай, — все боялась, чтобы какъ не умереть безъ него: старуха хворая, извѣстно... Ну, пріѣхалъ онъ, гоститъ у ней, по улицамъ тамъ похаживаетъ... А Любка-то въ ту пору, — чай, помнишь и ты? — житьма жила у Дятловыхъ, а Дятловъ-то парень еще до Питера былъ знакомъ съ Сергѣемъ-то. Вотъ онъ, какъ-то въ праздникъ, и позвалъ его къ себѣ, такъ, знаешь, по товарищески: чайку напиться. Пришелъ Сергѣй и увидѣлъ у нихъ Любку-то. Увидѣвши, сударыня моя, Любку-то,— это мнѣ все вчера разсказывали, — и спрашиваетъ потихоньку Дятлова-то: «чья это, говоритъ, такая барышня-то у васъ находится?..» Ну, вѣдь давно не бывалъ здѣсь, такъ самъ-то не знаетъ. Тотъ и сказалъ, чья. «Какая, говоритъ, она хорошенькая собой-то!» — да и подсѣлъ къ ней. Ну, тамъ слово за слово: познакомились... И на словахъ-то она, видишь, ему понравилась: вѣдь Любка-то говоритъ мастерица,—все какъ-то эдакъ съ вывертомъ, не по здѣшнему говоритъ. Ну, и онъ ей понравился... Да вѣдь и дѣло сказать: Сергѣй-то ужь не Охлопину чета, сама знаешь, — питерякъ, одно слово; да вонъ, говорятъ еще, что будто бы своихъ собственныхъ тысячу рублей имѣетъ. А у Ѳедьки-то, извѣстно: въ одномъ карманѣ — вошь на арканѣ, а въ другомъ — блоха на цѣпи; только тѣмъ и живетъ, что съ хозяина-то получаетъ, да и тотъ, говорятъ, ужь прогнать его хочетъ, — больно пить сталъ, мерзавецъ... Да что ты какъ зашиваешь?.. Ты бы тутъ черезъ край шила: лучше!.. Таня опять сѣла...—Ну, такъ вотъ, су-

(*) Занятница, занятникъ — мѣстное выраженіе, означаетъ дѣвицу или мужчину, съ которою или съ которымъ занимаются преимущественно, любезничаютъ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что такія отношенія почти всегда бываютъ безупречны. Исключенія рѣдки.

дарьюшка моя, понравились они такимъ манеромъ другъ дружкѣ и пошло у нихъ — не разберп квартальный! По всѣмъ гуляньямъ, по всѣмъ вечеринкамъ, — вездѣ такъ и хороводятся, какъ связанные. Ужь гдѣ только Любовь Калачова присутствуетъ, тамъ и Сергѣй Законинъ отличается. Молодцы-то все и смѣялись надъ ними: «законъ съ любовью—два сапога пара!..» И къ окошку къ Любашкину-то онъ похаживалъ, какъ водится, и у острога-то съ ней по праздникамъ сходился... Только возжаются они эдакимъ манеромъ, а на прошлой недѣлѣ, никакъ во вторникъ, Ѳедька-то и пріѣхалъ!..

— Нѣтъ, не во вторникъ, а надо быть въ середу, сказала Маша: — помнишь, мы тогда съ тобой у воротъ стояли, а отъ нихъ телѣга проѣхала?

— Да, да, помню, помню; можетъ, что и въ середу. Да это наплевать, — когда бы онъ тамъ ни пріѣхалъ: ты слушай дальше-то. Законинъ-то, вишь ты, будто бы и вѣдать не вѣдалъ, что у Любки-то есть занятникъ; а она-то сама, чай, вѣстимо ужь въ ту же минуту узнала, что Ѳедька-то пріѣхалъ, да только, чу, и вниманія на это не обратила: какъ будто бы совсѣмъ и не ея дѣло. А Охлопинъ-то, какъ, говорятъ, пріѣхалъ, такъ въ тотъ же день и услыхалъ про всѣ ея казусы: надо быть, вотъ эта переметная-то сумка, Гавриліха, Любкина-то сусѣдка, ему все разъявила, а вѣдь, можетъ быть, и другой кто постарался, — кто ихъ тамъ знаетъ! Ну, только Ѳедька-то, на другой ли на третій ли день, ужь будто бы тамъ и говорилъ кому-то: «Я, говоритъ, чужимъ рѣчамъ покудова и вѣрю, и нѣтъ: можетъ, говоритъ, оно и неправда... Я, говоритъ, самъ подыщу такой случай да подгляжу за ними, да какъ увижу, что правда — и отколю штуку: при капитанѣ, говоритъ, гдѣ нибудь Любку-то окануфужу!..»

— Однако и Ѳедька-то же не промахъ! сказала Маша.

— Какой тебѣ промахъ!.. Ну, только случай-то, какого ему хотѣлось, и вышелъ вчера у Рогозихи. Тутъ ужь и Любка-то больно скверно повела себя,—это надо правду сказать... Племянница-то Рогозихи, видишь, давно ужь просила у ней вечеринки: «сдѣлай да сдѣлай, тетенька!..» Ну, вотъ Рогозиха-то и удумала, чтобы вчерашній день собрать вечеринку. И было-то всего только пять барышенъ: я, Шаня Собакина, Сима Зарѣцкая, Мпнодора Травина, да Любка. Тебя тоже, я слышала, хотѣли позвать, да отдумали: «она, говоритъ, у насъ ужь два раза загостила, а къ себѣ-то еще ни однажды не звала: видно, говоритъ, знаться съ нами не хочетъ». Молодцовъ прямо не приглашали, а только такъ дали знать, «что, молъ, у Рогозихи вечеринка будетъ: приходите». Ну, и пришли молодцы: Сергѣй Законинъ первый, — безъ него ужь нельзя; двое Сапожнико-

выхъ, Дятловъ парень былъ, — онъ на скрипкѣ игралъ, да еще вотъ этотъ, что тамъ на полѣ-то живетъ... прахъ его знаетъ, какъ прозывается... ну, горбатинькой такой, — знаешь? — вотъ онъ тоже притащился. Ну, и глядѣльщиковъ довольно было. Стали танцовать — ничего, все какъ слѣдуетъ. Только, сударыня моя, часовъ, надо быть, эдакъ въ одиннадцать, — мы ужь никакъ пятую кадрель пошли, — глядимъ: а въ дверяхъ-то и стоитъ Ѳедька Охлопинъ, да съ нимъ какой-то еще другой парень, незнакомый; оба въ армякахъ, закрывшись вотъ эдакъ... Стоятъ, поглядываютъ. Только вотъ, сударыня моя, какъ кадрель-то у насъ окончилась, Ѳедька-то опустилъ вотъ эдакъ воротникъ-то, да и подходитъ къ Любкѣ... А до этого времени они не видались...

— «Здравствуйте, говоритъ, Любовь Кондратьевна! Я ужь, говоритъ, васъ давно не имѣлъ удовольствія видѣть... Здоровы ли вы, говоритъ, какъ поживаете? весело ли время проводите?..»

— «Здравствуйте, говоритъ, Ѳедоръ Петровичъ; слава Богу, говоритъ, здорова, благодарю васъ; и время провожу не скучно. Съ пріѣздомъ, говоритъ, васъ проздравляю!»

— «Покорно васъ благодарю, говоритъ. Не соблаговолите ли, говоритъ, со мной пройти вотъ эту кадрельку, что будетъ?..»

— «Не могу, говоритъ, Ѳедоръ Петровичъ: съ другимъ кавалеромъ должна танцовать. Отанжирована ужь», говоритъ, а сама такъ эдакѣ и улыбается, какъ будто на смѣхъ.

— «Это очень сожалительно, говоритъ... А позвольте, говоритъ, узнать: не съ тѣмъ ли же кавалеромъ будете танцовать, съ которымъ танцовали прежде?..» А танцовала она ту кадрель съ Законнымъ.

— «Съ тѣмъ же самымъ», говоритъ, а сама все такъ и улыбается, такъ и улыбается...

— «Ну-съ, такъ мы, значитъ, теперь должны отойти къ сторонкѣ да подождать, что будетъ дальше», говоритъ Ѳедька — и отошелъ.

— А той порой и насъ стали кавалеры приглашать. Дятловъ заигралъ: «танцуйте, говоритъ, барышни, танцуйте, а то мнѣ скучно, говоритъ, я и задремлю, пожалуй», — вѣдь онъ такой смѣшной, лѣшій. Стали мы танцовать; Любка съ Законнымъ, какъ сказала. Ѳедька стоитъ, ничего, и товарищъ его тоже; папиросы закурили; оба ужь подъ шефе: сначала-то оно непримѣтно было, а тутъ, въ теплѣ-то, раскисли... Отошла кадрель — онъ опять къ Любкѣ...

— «Не соблаговолите ли, говоритъ, хоть теперь по крайней мѣрѣ?..» Ну, ужь тутъ, что бы тамъ ни было, хоть она и откинула его, а все бы надо честь свести, все бы слѣдовало пойти съ нимъ. Вѣдь не все же она танцовала съ Законнымъ: до Ѳедьки-то брали ее и Сапожниковы, и горбатинькой бралъ, — она со всѣми ходила;

ну, стало быть, и Ѳедьку нужно бы было уважить: и его-то бы такъ-то не раздражила, и для себя-то бы приличіе соблюла, — по моему такъ. А она-то дура... да нѣтъ, какая она дура: она все это нарочно, для Законина, надо быть, дѣлала... возьми да и тутъ откажи ему, да еще какъ?.. «Отанжирована, говоритъ, и все тѣмъ же кавалеромъ!..» Ну, не насмѣшка ли это?..

— И сказала-то вѣдь таково громко... Молодцы-то всѣ и оборотились на Ѳедьку-то: видятъ, что его Любка-то съ носомъ отправляетъ, — смѣются промежь собой; ну, и барышни тоже перешептываются. А Законинъ-то, такъ тотъ и захохоталъ во все горло: любо, значитъ, ему... Только Ѳедька-то крякнулъ эдакъ, да и говоритъ опять Любкѣ-то:

— «А позвольте, говоритъ, спросить, Любовь Кондратьевна, не кантрахтъ ли вы, говоритъ, какой заключили съ этимъ самымъ кавалеромъ-то?.. Не платитъ ли, говоритъ, онъ вамъ почемъ, чтобы вы танцовали только съ нимъ?.. Либо вы, говоритъ, не даете ли ему какого жалованья?..»

— Молодцы-то всѣ такъ и покатились со смѣху, какъ онъ сказалъ это; ну, и глядѣльщики тоже засмѣялись. Любкѣ-то ужь и совѣстно стало: — «Я, говоритъ, не понимаю, что вы говорите...»

— «То-то, говоритъ, не понимаю; безпонятны вы, говоритъ, ужь больно стали нынѣче...» да какъ повернется вдругъ эдакъ, да закричитъ, что есть силы-мочи: «Оставайтесь вы, говоритъ, какъ желаете! Повѣсь, говоритъ, ты, Любка Калачова, себѣ на шею Сережку Законина, а ты, говоритъ, Сережка, будь Ѳадей, да моей-то Малашкой и владѣй!..»

— Тутъ опять всѣ такъ и грохнули... Законинъ-то было къ Ѳедькѣ, —вытолкать никакъ хотѣлъ его, да увидѣвши, что тотъ ужь и самъ къ двери правится и на него больше никакого вниманія не обращаетъ, — махнулъ только рукой да и отошелъ прочь; можетъ подумалъ: больше, дескать, шуму,—больше и стыда; несъ, молъ, его побери и совсѣмъ!... А Ѳедька-то остановился въ дверяхъ да и сталъ намъ кланяться: «Прощайте, говоритъ, милыя барышни! До пріятнаго, говоритъ, свиданія, господа-кавалеры!... Пойдемъ, говоритъ, Петруха!»—Это онъ товарищу-то своему, съ которымъ пришелъ... А тотъ, до этой поры все молчалъ, а тутъ такимъ сиплымъ голосомъ, къ его тоже слову:—«Заведемъ, говоритъ, Ѳедя, свою музыку, да не простую, говоритъ, а съ барабаннымъ боемъ!»... да тутъ еще такое словечко приклеплъ, что ужь весь народъ, и молодцы, и глядѣльщики,— всѣ такъ въ лоскъ и легли, а мы ужь и глаза-то не знали куда дѣвать...

— А что онъ такое сказалъ? спросила Маша.

— А вотъ что... Таня подвинулась къ ней поближе и передала

что-то по секрету. Обѣ захохотали во все горло... Таня продолжала: — Ну, и ушли они, сударыня моя, ушли; только — не знаю, прошла ли и минута-то?—да нѣтъ, гдѣ, чай, пройти,—развѣ полминуты, не больше,—вдругъ: бацъ! въ первое уличное окошко,—стекла-то такъ и посыпались!... Бацъ! въ другое, — опять только звонъ пошелъ!... Третье окошко не тронули... Мы всѣ такъ и обезумѣли: не знаемъ, что тутъ и дѣлать!... Пошелъ такой крикъ, гамъ... Глядѣльщики-то всѣ изъ сѣней-то такъ и хлынули въ горницу, — тотъ говоритъ то, другой — другое и не разберешь!... Законникъ-то было сталъ звать парней: «Побѣжимте, говоритъ, господа, на улицу; что это, говоритъ, за разбой за такой?... Мы, говоритъ, ихъ теперь еще догонимъ!» — такъ парни-то пейдутъ. — «Гдѣ, говоритъ, ужь теперь догнать?... Они, чай, говоритъ, и нивѣсь куда удрали»... Ну, боятся, знаешь, и сами-то: побѣги-де тамъ съ нимъ, да какъ наткнешься на десятерыхъ, такъ и узнаешь-де, каково бокамъ-то будетъ; можетъ-де тамъ, у Ѳедьки-то, и шайка ужь какая собрана на этотъ случай. Да опять же и то еще: Ѳедька-то, молъ, тамъ каковъ бы онъ ни былъ, а все-таки настоящій здѣшній, свой братъ, значитъ; ну, а Законникъ-то — залетная птица: сегодня здѣсь, а завтра ужь и нѣтъ его... Опять же и за Любку-то заступаться никому большой охоты не было: больно ужь она дерзко поступила съ Ѳедькой-то...

— Да. Ну, а что она-то какъ, какъ стекла-то выбили?...

— Да что?... вѣдь ужь, вѣстимо, видитъ, что дѣло-то скверное... А тутъ еще Рогозиха-то на нее напустила:—«Ты бы, говоритъ, сударыня, ужь одного кобеля-то знала; а то ты, говоритъ, прости Господи, какъ сука,—цѣлой пятокъ завести рада: одинъ, говоритъ, хорошъ, а другой-то еще лучше того... Ты, говоритъ, только домъ-то мой обезчестила, у меня, вонъ, говоритъ, племянница-то тоже невѣста, и для нея, говоритъ, не хорошо это!»... А Пашутка-то, племянница ея, ревѣть стала: — «Теперь, говоритъ, скажутъ, пожалуй, что изъ-за меня такой-то аблимантъ вышелъ!»... А тутъ глядѣла Александриха, жена того приказнюхи-то,—знаешь?—что подлѣ Рогозихи-то живетъ,—такъ она ей свое стала говорить:—«Ты, говоритъ, Степанида Михайловна, не оставляй этого дѣла такъ: ты, говоритъ, судъ подыми; мой мужъ, говоритъ, тебѣ и бумагу-то напишетъ. Мы всѣ, говоритъ, въ свидѣтели пойдемъ»... Да, толкуй, молъ, тутъ большой съ подлекаремъ!... Судъ да дѣло — собака съѣла. Не на отличку у Рогозихи-то стекла-то выбили: бывало это и у прочихъ, да дѣло-то безъ суда обходилось.

— Вѣстимо. Поди-ка, сунься, такъ еще самое завинятъ, пожалуй... Ну, ужь при-зна-юсь!... Не сладко Любкѣ-то!... Что, чай, она ушла ужь скоро послѣ этого?...

— Скоро; та же Александриха ее и домой-то проводила. И Сергѣй тоже скоро ушелъ. Ему ужь Рогозиха-то ничего не говорила: побоялась, видно, — разсерди-де его, такъ и онъ, молъ, пожалуй, на Ѳедьку-то глядя, остальныя стекла высчитаетъ. Да только нѣтъ: Сергѣй бы не сдѣлалъ этого. Ну, и прочіе-то молодцы, человѣкъ по человѣку, тоже расходиться стали. Остались только мы. Рогозиха вставила зимнія рамы,—тамъ съ подволоки что ли то стащила,—ну, вѣдь нельзя же такъ; не въ ту же минуту бѣжать за стеклами-то. Да ужь и рамы-то,—изъ которыхъ выбили стекла-то,—пожалуй, новыя придется дѣлать: перекрестья тутъ, я видѣла, мѣстахъ въ трехъ переломаны,—полѣньями вѣдь катали! Поутру-то тутъ и нашли два полѣна; надо быть изъ Рогозихиной же полѣнницы они и взяли ихъ... Ха-ха! Ха-ха!... Ну, сударыня моя, какъ все это поутишилось, — вотъ и пошли у насъ тутъ разные разговоры: та барышня разсказываетъ свое, другая — свое, и все про Сергѣя, да про Любку, да про Ѳедьку-то. Вотъ тутъ ужь я и узнала порядкомъ про всѣ ихнія дѣла, — и какъ Ѳедька-то похвалялся пріѣхавши. А раньше хоть и знала, да все не эдакъ.

— Ну, ужь дѣла, нечего сказать, что дѣла!... А мнѣ, Таня, что же нынѣшней ночью снилось?... Будто я у тебя въ гостяхъ, а ты и угощаешь меня пивомъ; да такое-то будто бы пиво-то хорошее: что пей, то хочется. Я проснулась, да и думаю: что же, молъ, это за диво за такое будетъ сегодня?...

— А вотъ оно диво-то и вышло!... Ужь это, братъ, пиво никогда даромъ не пригрезится: безпремѣнно жди какого нибудь дива... Что пиво, что чай... И чай тоже не проходитъ такъ: все какая нибудь бываетъ печаль...

— Ахъ, матушка Таня! да вѣдь мнѣ и чай-то никакъ грезился... Грезился, грезился, только я было совсѣмъ и забыла.

— Ну, такъ и печаль будетъ какая нибудь... Однако ужь мнѣ пора: у насъ, чай, скоро обѣдать будутъ. Пообѣдаю, да опять спать. Вѣдь такъ до самыхъ, почитай, заутреней мы все тамъ и хвастали. Рогозиха-то, спасибо, меня ужь и домой-то проводила, да и Шаня Собакина съ нами же шла,—вѣдь и ей тоже по дорогѣ... А Сима-то съ Минодорой такъ у Рогозихи и ночевали: имъ далеко идти... Прощай, Маша!

— Прощай, Таня-голубушка!... Спасибо, что побывала. Не услышишь ли тамъ еще чего, такъ приди да скажи.

— Какъ же, какъ же: безпремѣнно... Таня убѣжала.

У крыльца она встрѣтилась съ Палагеей Петровной; слышно было, какъ онѣ здоровались. Палагея Петровна ввалилась въ комнату съ мокрыми рукавами и съ сильнымъ запахомъ кислой капусты. У

нея, тамъ на погребѣ, оказалась поврежденною шайка съ этимъ продуктомъ и она часть его должна была переложить въ другое вмѣстилище. При этой работѣ Палагея Петровна перезябла, по собственному ея выраженію, какъ собака,—что достаточно свидѣтельствовали и самая ея физіономія, принявшая еще болѣе кислое выраженіе, покраснѣвшій носъ и окоченѣвшія руки. Она подошла къ лежанкѣ и все, что было на ней лишняго, сбросила на диванъ, потомъ стащила съ себя свою заячью хламиду, положила ее вмѣсто подушки на приголовошекъ лежанки и, не снимая шали, повалилась отогрѣваться... Лежанка однакожь была топлена наканунѣ, а потому и процессъ отогрѣванья совершался не слишкомъ быстро. Но поотогрѣвшись Палагея Петровна сейчасъ же и вспомнила, что она позабыла запереть погребъ...

— Замокъ-то такъ на шайкѣ и здравствуетъ, сказала она. Маша! пошли кухонную-то засѣдательницу, чтобы она заперла погребъ-то; да ключъ-то принесла бы сюда... Забыла, головой забыла!...

— Ладно, пошлю, говоритъ Маша... Она ужь, кажется, заканчиваетъ свою работу надъ юбкою; въ мозгу у нея продолжаетъ вертѣться разсказанная Таней исторія... Она не дала замѣтить своей подругѣ, но ей обидно, что Рогозиха не позвала ее къ себѣ на вечеринку, и потому весьма довольна тѣмъ, что вечеринка эта окончилась скандаломъ. Но, Маша, вѣдь такой скандалъ могъ бы случиться и при тебѣ?...

— Да пошли же, теперь же пошли, настаиваетъ Палагея Петровна: а то у тебя все ладно!...

— Пошлю, пошлю. Теперь, слава Богу, день, а не ночь: никто не влѣзетъ къ тебѣ въ погребъ-то, да не слижетъ капусту-то. Успокойся!..

Палагея Петровна и дѣйствительно успокоивается, но только, кажется, не отъ словъ Маши, а скорѣе всего отъ благодѣтельнаго вліянія своего ложа. Тепло, какое это ложе могло доставить подержанному ея организму, достигаетъ наконецъ такого результата, о какомъ, можетъ быть, не думала и сама Палагея Петровна: оно усыпляетъ ее.

Маша свертываетъ свою юбку, кладетъ ее на диванъ и идетъ запирать погребъ,—идетъ сама, кухарку она не тревожитъ... Возвратившись, вѣшаетъ ключъ на прежнее мѣсто и опять садится къ окну и опять задумчиво начинаетъ смотрѣть на улицу. Улица на этотъ разъ имѣетъ гораздо болѣе оживленный видъ, чѣмъ прежде: по ней съ говоромъ проходитъ, должно быть съ ученья, цѣлая рота солдатъ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Двѣ собачонки откуда-то хрипло лаютъ на храбрыхъ защитниковъ отечества. Усатый офицеръ, съ гороховымъ башлыкомъ на спинѣ, шагая по тротуару мимо самыхъ оконъ, быс-

тро взглядываетъ на Машу... Она отворачивается... Палагея Петровна продолжаетъ всхрапывать сильнѣе и сильнѣе...

IV.

Время однакожь подходитъ къ обѣду. Калитка во дворъ хлопаетъ, въ сѣняхъ раздаются мужскіе шаги и Иванъ Степанычъ входитъ въ комнату. — Эво какъ! спитъ ужь: видно укричалась больно! — говоритъ онъ, увидѣвъ на лежанкѣ свою супругу, вѣшаетъ ключи на гвоздикъ и начинаетъ раздѣваться, съ топотомъ расхаживая по комнатѣ. Палагея Петровна просыпается.

— Экія медвѣжьи лапы, сердито произноситъ она:—полъ-то такъ и трясется, какъ онъ расхаживаетъ, родимый!...

— А по твоему бы, небось, мнѣ на головѣ ходить, покуда ты почивать изволишь? возражаетъ ей Иванъ Степанычъ, находящійся что-то не въ духѣ.—Неумѣю, матушка!... Да другое дѣло, вѣдь ужь надо же и честь знать: спятъ ночью да послѣ обѣда, а не теперь... Вѣдь эдакъ, пожалуй, и обѣдъ проспишь!

— А хоть бы и проспала,—вѣдь ты бы, чай, не заплакалъ?

— Эво!... еще бы заплакать!... Спасибо бы сказалъ,—все бы кусокъ другой въ барышахъ остался!... Сбирай-ка, Маша!

Маша отодвигаетъ отъ стѣны столъ, лѣзетъ въ шкафъ—и на столъ являются: знакомый пирогъ «въ родѣ калача», на оловянномъ блюдѣ, оловянныя же тарелки, ложки, вилки, ножикъ и солоница. Наконецъ Маша уходитъ на кухню; Палагея Петровна, обиженная послѣдними словами своего мужа, измѣняетъ между тѣмъ сердитый голосъ на жалобный и произноситъ, разставивъ руки:—Дождалась, сударыня, Палагея Петровна, отъ своего муженька хорошаго слова!... «Спасибо бы, говоритъ, сказалъ, какъ бы проспала обѣдъ-то: все бы, говоритъ, кусокъ другой въ барышахъ остался!»... Не далеко бы ты, мой батюшка, на эдакихъ-то барышахъ уѣхалъ бы!... О-охъ, какъ не далеко бы!... Она сдергиваетъ съ головы шаль и сердито бросаетъ ее на диванъ, какъ будто бы и шаль была соучастницею въ нанесенной ей мужемъ обидѣ.

— Да я и на другихъ-то недалеко уѣзжаю, сердится Иванъ Степанычъ.—Вотъ сидѣлъ, сидѣлъ въ лавкѣ-то цѣлое утро, а много ли выручилъ?... Знаешь ли?... Цѣлковый съ двугривеннымъ только, да еще обругали вдобавокъ... Сочти-ка, много ли барыша-то будетъ?...

Маша возвращается въ это время въ комнату съ кружкою квасу въ рукахъ, которую ставитъ тоже на столъ; вслѣдъ за нею кухарка приноситъ три ломтя хлѣба. Входя въ комнату, Маша слышала ска-

занное отцомъ, что его обругали, а потому и спрашиваетъ:—Какъ же это вышло, тятенька?... Кто это такой обругалъ васъ?...

— Кто обругалъ?... Худые люди обругали, дочка! отвѣчаетъ Иванъ Степанычъ. — Однако у тебя никакъ ужь все готово?... Давайте обѣдать, да тамъ я и разскажу пожалуй...

Всѣ, одинъ за другимъ, идутъ въ сѣни, къ рукомойнику, мыть руки; потомъ начинаютъ молиться. Глава семейства, закончивъ молитву, идетъ къ шкафу. Въ этой хозяйственной сокровищницѣ имѣется также и водка,—а безъ водки Иванъ Степанычъ не можетъ ни обѣдать, ни ужинать. Онъ наливаетъ и проглатываетъ рюмку этого сердце-веселящаго питія, покрякивая бѣжитъ къ столу, быстро садится на стулъ и начинаетъ заѣдать пирогомъ. Палагея Петровна тоже, какъ говорится, любитъ «пропустить маленькую» передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, и обыкновенно, безъ всякихъ особенныхъ церемоній, подражаетъ своему супругу въ дѣлѣ путешествія его къ шкафу. Но на этотъ однакожь разъ она считаетъ нужнымъ обратиться предварительно къ нему за разрѣшеніемъ. Смиренно и не безъ горечи въ тонѣ, она спрашиваетъ его: прикажешь ли?.. и указываетъ рукою на шкафъ. Но эта роль такъ несвойственна Палагеѣ Петровнѣ, а желаніе ея «пропустить маленькую» такъ очевидно, что комическая сторона всего этого сейчасъ же бросается въ глаза Ивану Степанычу и Машѣ. Отецъ и дочь улыбаются въ одно время, и Иванъ Степанычъ издаетъ какое-то неопредѣленное междометіе, которое впрочемъ можно истолковать такъ: ну, вотъ, молъ, еще спрашиваетъ,—пей да и баста! что, молъ, тутъ за приказъ?.. Запрети-ка, молъ, тебѣ, — думаетъ, можетъ быть, въ это же самое время Иванъ Степанычъ, — такъ ты, молъ, напоешь съ три короба... Обѣдъ пошелъ своимъ порядкомъ.

Отъ пирога остается ровно столько, сколько нужно на ужинъ — и Маша поднимается съ мѣста, чтобы идти на кухню за щами; но Палагея Петровна запрещаетъ ей это подъ тѣмъ предлогомъ, что она, пожалуй, еще замараетъ носъ сажею, — сама беретъ блюдо изъ шкафа, уходитъ на кухню и возвращается, наполнивъ его тамъ щами. Потомъ опять уходитъ и приноситъ кусокъ говядины въ глиняной плошкѣ съ вышибеннымъ краемъ и деревянный лоточекъ, въ родѣ тарелки, съ двумя ручками. Она разрѣзываетъ этотъ кусокъ пополамъ, кладетъ одну половину на лоточекъ и начинаетъ крошить ее мелко на мелко, придерживая вилкою,—всыпаетъ это крошиво во щи и всѣ принимаются за ложки. Хлебнувши раза два-три, Маша напоминаетъ отцу, что онъ обѣщалъ разсказать о томъ, кто и какъ обругалъ его...

Люди въ родѣ Ивана Степаныча любятъ разсказывать такія

исторіи: они какъ будто тѣшатся собственнымъ своимъ униженіемъ...—Да чего? начинаетъ онъ, на прошлой недѣлѣ, никакъ въ пятницу, пришли ко мнѣ въ лавку два мужика — деревенскіе. Откуда? — прахъ ихъ знаетъ: въ первый разъ только и увидѣлъ; прежде никогда не бывали:—«Покажи, говоритъ, хозяинъ ситчику не дорогаго, да только понадежнѣе, не линючаго, а за узоромъ-то мы, говоритъ, пожалуй, не погонимся». — «А въ какую, молъ, именно цѣну, пріятели?»—«Да хоть, говоритъ, въ полтинку (*), либо около того».— Вѣдь вотъ мужланы-то: «въ полтинку!..» По нынѣшнему ли времени искать путнаго ситцу въ полтинку?.. Ну, показалъ я имъ три штуки; выбрали, сторговались, отрѣзалъ по пятіалтынному двѣнадцать аршинъ,—на рубль на восемь гривенъ серебромъ значитъ, а ассигнаціями—на шесть рублей на тридцать копѣекъ. Получилъ деньги,—а они опять свое:—«да смотри же, говоритъ, не линючій ли?..»—«Нѣту, молъ, нѣту; хоть въ щелоку парь — не полиняетъ!..» Извѣстно: вѣдь ужь я не стану свой товаръ хулить; самъ молъ знай, — какова цѣна, такова и плена; на грошъ, молъ, пятаковъ ужь не купишь!.. Ушли. Только сегодня, выхожу я къ лавкѣ-то, помолился на церковь Ѳедоровской Божіей матери, гляжу: а они опять и подходятъ. Я отперъ поскорѣе лавку-то, да имъ:—«здравствуйте, молъ, други любезные! что вамъ угодно? что покупаете?..» А они: — Нѣтъ ли, говорятъ, у тебя еще такого же ситчику, какой продалъ намъ ономедни?.. Ты, говорятъ, увѣрялъ, что хоть въ щелоку парь его, такъ не полиняетъ, а у насъ, говорятъ, бабы отдернули отъ него лоскуточикъ, да въ водѣ замыли, такъ облѣзъ какъ береста, — безстыжая, говоритъ, твоя рожа, мошенникъ, говорятъ, ты эдакой, надувало!..» да и пошли костить такъ, что и псы-то въ корытѣ не лочутъ!.. Я было имъ и то и се...—«Вѣдь мы, молъ, братцы, не сами ситцы-то дѣлаемъ, а тоже у людей покупаемъ; такъ вѣдь, молъ, не влѣзешь въ него: линючій онъ, али нѣтъ?..» Куда тебѣ! и слушать не хотятъ!.. Такъ вотъ, то есть, самыми-то скверными словами и пушатъ!.. А Мишка Пафнутьевъ отъ себя изъ лавки еще подкрикиваетъ:—«Хорошенько, говоритъ, прошивайте его, парни: онъ, говоритъ, всегда такъ торгуетъ!..»

Иванъ Степанычъ останавливается; Маша произноситъ: ахъ, Ты Господи!.. Въ блюдѣ показывается дно, потому что щи всѣ уже перемѣстились въ желудки обѣдающихъ. Палагея Петровна опять отправляется на кухню и приноситъ на деревянномъ подонкѣ сковороду съ крошенымъ картофелемъ. Картофель точно «не ужарился», какъ опасалась она утромъ,—сыроватъ немножко; но Иванъ Степанычъ,

(*) Въ провинціи крестьяне считаютъ еще большею частію на ассигнаціи,

кажется, не замѣчаетъ этого. Онъ, какъ и утромъ послѣ чаю, беретъ съ окна полотенце, утирается, вѣшаетъ его къ себѣ на шею, жуетъ картофель и опять начинаетъ говорить: — Былъ у меня прошлымъ годомъ похожій на это случай съ покойнымъ исправникомъ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ Свинокопытинымъ. Поступило къ нему отъ меня суконцо, тоже не больно надежное. Скореиъ его, знаешь, эдакъ немножко тронулъ... Ну, тутъ дырка, тамъ скважинка... А шилъ-то на него вотъ этотъ цыичуга-то... что на торгу-то надъ кабакомъ-то живетъ... Арсютка Ильинъ. Только передъ тѣмъ, какъ взять исправнику сукна, и приди ко мнѣ этотъ Арсютка: — «Дай, говоритъ, Степанычъ на шкаликъ». А я ему: — «Убирайся, молъ, къ чорту; ты, молъ, ко мнѣ и покупателей-то никогда не присылаешь, да еще: «дай на шкаликъ!..» Вотъ онъ мнѣ и припомнилъ. Какъ исправникъ-то его призвалъ, — онъ, шельма, и разглядѣлъ эти самыя дырки-то, да и сказалъ ему. Тотъ и пришелъ ко мнѣ, къ лавкѣ-то, и сукно принесъ, да меня сверткомъ-то эдакъ раза четыре по рожѣ-то... да и бросилъ его за прилавокъ... Ну, такъ вѣдь то, по крайней мѣрѣ, ужь баринъ; да и товаръ-то опять же не тотъ: сукно, а не ситецъ... А теперь вѣдь то досадно, что мужланы, сиволапы, сѣрокафтанники тебя обляли... Плутъ нынѣче сталъ народъ!.. Охъ, какой плутъ, что и сказать нельзя!.. такъ и наровитъ тебѣ глаза выцарапать!..

Иванъ Степанычъ опять утирается полотенцемъ: онъ вспотѣлъ очень, отъ щей, да и оттого, что говорилъ много и мѣстами съ жаромъ. Маша слушала его повидимому съ участіемъ, но вообще говоря, разсказъ Тани былъ для нея интереснѣе, потому что касался того міра, къ которому принадлежала она сама — міра вечеринокъ и тому подобнаго. Что же касается собственно того, что вотъ, молъ, сегодня тятеньку обругали, а прошлымъ годомъ выхлестали сукномъ по рожѣ, — то если ужь и самъ Иванъ Степанычъ признавалъ за бариномъ нѣкоторое право и поводъ прибить его и въ сегоднишнемъ случаѣ и обижался болѣе всего только тѣмъ, что получилъ ругань отъ мужлановъ, сиволаповъ и сѣрокафтанниковъ, — стало быть, Маша и подавно уже смотрѣла на подобныя вещи, какъ на что-то такое, чего уже не обойдешь и не объѣдешь при торговомъ дѣлѣ. Но за то Палагея Петровна, не обращавшая пока никакого вниманія на разсказы мужа, теперь вдругъ подъискала свою причину въ объясненіе ругани, обрушившейся на голову Ивана Степаныча...

— Бога-то ты позабылъ въ конецъ,—вотъ тебя и обругали мужланы-то, сказала она ему весьма торжественно. — Ты когда подалъ къ себѣ въ приходѣ на годовой-то молебенъ, — помнишь ли?.. Вѣдь ужь полторы недѣли за срокомъ-то вышло. То-то!.. Самъ пить-ѣсть хочешь, а Бога-то забываешь: вотъ и Онъ забылъ тебя!..

Молотомъ ударили слова Палагеи Петровны по совѣсти ея мужа... — Какъ? спохватился онъ, неужли ужь полторы недѣли, какъ срокъ-то вышелъ?.. Ахъ, Ты, Господи!.. Забылъ, забылъ совсѣмъ!.. Завтра же за обѣдню снесу... И что бы тебѣ напоминать во время?— вѣдь дѣло-то общее! Блекочетъ тутъ пустяки, сердится, а о нужномъ-то не скажетъ!.. Ахъ, Ты, Господи!..

И кажется, не удовлетворивши еще вполнѣ требованію своего желудка, Иванъ Степанычъ отрывается отъ картофеля, сбрасываетъ полотенце на окно, молится передъ образомъ, можетъ быть съ особеннымъ усердіемъ, чутко повторяя: слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!.. Потомъ топчется нѣсколько минутъ по комнатѣ безъ всякой видимой цѣли, наконецъ снимаетъ съ себя жилетъ, стаскиваетъ съ шеи какую-то косынку и какъ-то нерѣшительно направляется къ кровати—отдыхать послѣ обѣда.

Палагея Петровна и Маша тоже встаютъ, молятся... И, вѣроятно съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія, что вотъ, молъ, удалось же таки донять муженька-то, — маменька ложится опять на лежанку, а дочка начинаетъ сбирать со стола.

Прежнимъ порядкомъ и туда же, откуда были вынуты, то есть въ шкафъ, скрываются принадлежности обѣда... Затѣмъ Маша снимаетъ со стола салфетку, самый столъ складываетъ, подвигаетъ къ стѣнѣ и идетъ въ другую комнату, дверь въ которую, какъ мы уже видѣли, находится подлѣ кровати, гдѣ ворочается теперь ея тятенька, еще неуспѣвшій забыться послѣобѣденнымъ сномъ.

V.

Комната эта гораздо меньше первой, съ однимъ окномъ; она можетъ назваться спальнею Маши, хотя кровати въ ней и не имѣется, потому что Маша спитъ на полу, который, замѣтимъ кстати, точно такой же, какъ и въ первой комнатѣ, то есть голый; но за то стѣны здѣсь уже не зеленоватыя, а желтыя. Въ переднемъ углу тоже стоитъ образъ; изъ мебели же здѣсь находятся только сундукъ, комодъ и два стула. Надъ комодомъ, который стоитъ противъ дверей, не большое зеркальцо и подлѣ него, на гвоздикѣ, стальные обручи для кринолина; на окнѣ лежитъ колода картъ.

Маша беретъ карты, тасуетъ ихъ, шепчетъ надъ ними что-то, потомъ вынимаетъ изъ колоды трефоваго короля и начинаетъ гадать на сундукѣ, подалѣе отъ окна. Результатъ гаданья, кажется, хорошъ, потому что Маша улыбается; гадаетъ во второй и въ третій разъ и опять улыбается; сбираетъ карты въ колоду, кладетъ ихъ опять на

окно, подходитъ къ зеркалу, оправляется, дѣлаетъ какое-то антраша, потомъ быстро оборачивается къ окну и запѣваетъ тихонько:

Что такъ жадно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?..
Аль забило сердечко тревогу,
Что лицо твое вспыхнуло вдругъ?..

— «Что лицо твое вспыхнуло вдругъ!..» повторяетъ она съ большимъ одушевленіемъ и громче, и сама вспыхиваетъ до самыхъ волосъ, отчего они кажутся еще бѣлѣе: у окна появляется юноша лѣтъ двадцати-двухъ.

Маша проворно отворяетъ до половины окно и ласково привѣтствуетъ юношу. — Здравствуйте, говоритъ она, Семенъ Гаврилычъ! Здоровы ли вы?.. Лицо у нея все еще красненько немного...

— Мое почтеніе-съ, Марья Ивановна!.. Слава Богу, здоровъ-съ: благодарю васъ!.. Вы какъ поживаете-съ?.. Какъ время проводите?.. отвѣчаетъ и спрашиваетъ тотъ, раскланиваясь и показывая прямой, какъ будто по линейкѣ проведенный проборъ, раздѣляющій на двѣ равныя половины его темные, курчавые волосы, издающіе рѣзкій запахъ помады серполетъ, фабрики сыновей почетнаго гражданина Александра Борисова Мусатова, въ Москвѣ.

— Ничего-съ, живу какъ обыкновенно; скучаю больше, — увѣдомляетъ его Маша: — а вы, Семенъ Гаврилычъ, весело ли проводите время?

— Нѣтъ-съ; тоже обнакновеннымъ образомъ... Какое особенное веселье быть можетъ-съ?.. Лицо юноши, весьма маленькое и смугловатое, выражаетъ нѣкотораго рода смущеніе; ему какъ будто неловко... У него только что начинаютъ просѣдать усики; одѣтъ онъ въ суконный сюртучекъ четверть аршина за колѣно; поверхъ сюртучка надѣтъ драповый армячекъ на люстринѣ; на шеѣ юноши повязанъ шелковый пестренькій галстучекъ. — Какое особенное веселье быть можетъ-съ, продолжаетъ онъ; вотъ теперь пообѣдалъ, да иду къ лавкѣ по обнакновенію-съ... А давича я, Марья Ивановна, у обѣдни былъ-съ въ своемъ приходѣ, у ранней-съ...

— Вы ужь оченно богомольны стали. Вѣдь нынче не праздникъ: что это вамъ разсудилось?

— Да я не для богомольства-съ... Меня тятенька послалъ, молебенъ велѣлъ отслужить Спасителю да Пресвятой Богородицѣ: баранину этта хорошо продали-съ... А вы, Марья Ивановна, что же вчера не были на вечеринкѣ-то, у Степаниды-то Михайловны Рогозиной?

— А вы какъ знаете, что я не была?

— Знаю-съ... юноша улыбается. — Я къ окошку туда приходилъ-съ, да увидѣлъ, что васъ нѣтъ, такъ ужь и не пошелъ въ горницу-то; что мнѣ тамъ дѣлать безъ васъ?..

Маша тоже улыбается. Ей пріятно, что юношѣ нечего было дѣлать безъ нея у Степаниды Михайловны. — Да, я точно не была, говорила она, меня приглашали, да я не разсудила... Опять же и тятенька, не то, что запретилъ, а такъ, сталъ отговаривать: «полно, говоритъ, Маша, чего, говоритъ, ты тамъ не видала? Рогозиха-то чай, говоритъ, созоветъ шваль какую нибудь!..»

Юноша разумѣется вѣритъ. — Да, говоритъ онъ, это пожалуй что и такъ... Сказываютъ, продолжаетъ онъ, что будто бы, подъ конецъ-то вечеринки, у Степаниды-то Михайловны стекла выбили. Ѳедоръ Охлопинъ, чу, изъ-за Любови Кондратьевны сдѣлалъ это... Вы слышали, Марья Ивановна?..

— Слышала мелькомъ, только не знала, кто, и изъ-за чего это вышло, говоритъ Маша и опять лжетъ, какъ намъ извѣстно. Если бы юноша не зналъ этого, она сама сообщила бы ему какъ нибудь къ слову; но онъ знаетъ, и Маша считаетъ за лучшее показать, что ее нисколько не интересуетъ сотворившійся у Рогозихи скандалъ: на то ужь, молъ, и Рогозиха! — А развѣ ужь говорятъ объ этомъ, Семенъ Гаврилычъ? любопытствуетъ она однако жь.

— Какъ же-съ, шибко говорятъ!.. У насъ въ ряду ужь всѣ молодцы знаютъ про это... А что, Марья Ивановна, спрашиваетъ юноша, помолчавши нѣсколько времени и поковырявши пальцемъ на подоконникѣ: — у васъ, у самихъ, не будетъ ли этта когда вечеринки?..

— Нѣтъ-съ, не будетъ... Что развѣ тамъ, передъ заговѣньемъ... А вотъ на капусту, такъ я хочу барышенъ позвать. Маменька-то, она не любитъ этого, да я ужь не погляжу на нее, попрошу тятеньку, такъ онъ прикажетъ.

— А скоро ли у васъ будутъ капусту-то убирать?

— Да на той недѣлѣ; съ середы, надо быть, эдакъ...

— Такъ ужь я тогда приду къ вамъ, Марья Ивановна...

— Милости просимъ!

— Приду-съ, вечеркомъ, съ молодцами... Только вы ужь тятеньку-то вашего упросите, чтобы онъ вамъ барышенъ-то пригласить не воспрепятствовалъ.

— Попрошу. Не воспрепятствуетъ, надо быть...

— Ну, а маменька-то ваша пущай хоть и поворчитъ немножко— ничего-съ! юноша опять улыбается... У васъ, Марья Ивановна, продолжаетъ онъ, снова поковырявши пальцемъ на подоконникѣ: — тятенька-то, я знаю, добръ больно-съ... У меня такъ вотъ совсѣмъ не

такой... Я ужь, поэтому, все больше къ маменькѣ, она ничего-таки... Все ужь черезъ нее эдакъ... Вотъ этта брючки потребовались почище, маменька-то, съ моихъ словъ, знаете, и стала было говорить тятенькѣ... Такъ онъ, — повѣрите ли, Марья Ивановна? такъ топнулъ ногой, что инда всѣ стекла у насъ задрожали... У тебя, говоритъ, все обновы да обновы, потатчица!.. Ходитъ, говоритъ, и въ старыхъ штанахъ-то!.. Я, говоритъ, какъ Богъ грѣхамъ потерпитъ, доживу до ростовской, такъ обнову-то, говоритъ, такую куплю, что всѣмъ намъ будетъ на пользу и при жизни и по смерти... Колоколъ, говоритъ, въ свой приходъ я пожертвовать вознамѣрился, такъ ты, говоритъ, не лѣзь теперь ко мнѣ съ этими пустяками-то!..» Такъ маменька-то и сшила мнѣ на свой счетъ... У нея вѣдь приданая лавка есть, въ наймахъ ходитъ, такъ доходъ-то съ нея она ужь сама получаетъ, тятенька тутъ не касается... Да и много эдакъ она мнѣ шьетъ кое-чего отъ себя-то, особенно же изъ мелочей что нибудь. Вѣдь ужь съ нимъ къ тятенькѣ-то и лѣзти не смѣемъ: скупъ больно, да и сердитъ опять же... юноша замолчалъ и задумался. — Однако же до свиданья, Марья Ивановна, спохватился онъ черезъ минуту и началъ раскланиваться: — у насъ вѣдь у лавки-то никого нѣту: идти надо... Такъ сдѣлайте же капусту-то, прибавилъ онъ просительнымъ голосомъ:—не обманите... Прощайте-съ, будьте здоровы!..

— Прощайте, Семенъ Гавриловичъ!.. Я ужь постараюсь, постараюсь, увѣряетъ его Маша: — мнѣ ужь и самой хочется, чтобы у насъ на капустѣ-то повеселѣе было... Прощайте!.. Она слѣдитъ глазами за юношею; тотъ, уходя, еще разъ поклонился ей, утираясь бѣлымъ платочкомъ. Маша улыбнулась, закрыла окно и пошла въ прежнюю комнату.

VI.

Тамъ Палагея Петровна все еще продолжала спать на лежанкѣ. Чтожъ касается до Ивана Степаныча, то Маша застала его уже на ногахъ, съ косынкою на шеѣ и въ извѣстномъ намъ, суконномъ жилетѣ съ стеклянными пуговками. Тятенька, позѣвывая, сбирался опять къ лавкѣ... По прежнему, облекся онъ въ сибирку и армякъ, снялъ съ гвоздика ключи, помолился передъ образомъ, надѣлъ картузъ и пошелъ вонъ изъ комнаты, немилосердно топая ногами, но на этотъ разъ не разбудивъ однако же своей супруги. Послѣ обѣда, Палагея Петровна спала гораздо крѣпче, нежели до обѣда; впрочемъ до обѣда она и спала-то не каждый день, а такъ, когда подходило, какъ напримѣръ сегодня.

По уходѣ тятеньки, Маша опять сѣла на старое мѣсто, у окна, и

задумалась... Очевидно, что она находилась подъ вліяніемъ только что совершившагося свиданія. Юноша этотъ былъ ея «занятникъ», о чемъ уже конечно догадались наши читатели. Маша и онъ были уже знакомы давненько; познакомились гдѣ-то на вечеринкѣ... Но здѣсь слѣдуетъ нѣкоторое отступленіе. Извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что у насъ, во всѣхъ слояхъ нашего общества, есть своего рода аристократы и своего рода плебеи. Аристократомъ можно считать того, кто представляетъ силу извѣстнаго рода и имѣетъ возможность привести эту силу въ движеніе, заставить ее дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Чтобъ не сбиться съ толку, мы не будемъ распространяться здѣсь о силѣ, что касается до возможности привести ее въ движеніе, то такая возможность заключается между прочимъ въ деньгахъ. Представляющій отсутствіе и силы и денегъ почитается плебеемъ. Между этой нижней ступенью лѣстницы и верхнею есть много оттѣнковъ и подраздѣленій. Одинъ, напримѣръ, имѣетъ денегъ болѣе, другой менѣе. Имѣющій денегъ менѣе, — все-таки аристократъ сравнительно съ тѣмъ, кто не имѣетъ ихъ вовсе; но, въ свою очередь, онъ и самъ можетъ отойти къ разряду плебеевъ, будучи поставленъ на одну доску съ тѣмъ, кто имѣетъ ихъ еще больше. Тоже самое должно разумѣть и о силѣ. Слѣдовательно, чаще всего и аристократъ и плебей должны быть признаваемы таковыми только въ очень относительномъ смыслѣ... Денежный аристократизмъ рѣзче всего проявляется со всѣми своими претензіями въ тѣхъ классахъ, къ которымъ принадлежатъ Иваны Степанычи, Палагеи Петровны, Семены Гавриловичи, Маши и проч. На счетъ всякихъ оттѣнковъ и подраздѣленій чутье тутъ весьма тонкое,—и если люди солидные считаютъ болѣе приличнымъ держать свое денежное превосходство про себя, не вводя впрочемъ такою уловкою никого въ заблужденіе, то личности жидкія, дряблыя, не прочь иногда и прихвастнуть. Между женщинами это замѣчается въ особенности. Маша, въ разговорѣ съ Семеномъ Гавриловичемъ, тоже имѣла въ виду прихвастнуть немного денежнымъ превосходствомъ своего тятеньки передъ Рогозихою, намекая на это превосходство косвеннымъ заявленіемъ того, что общество, собравшееся у Рогозихи, ниже ея, Маши, а слѣдовательно ниже ея и сама Рогозиха, имѣющая дѣло съ такимъ обществомъ. Но Маша однакожь бывала у Рогозихи, — это мы знаемъ изъ разсказа Тани; обижалась, что та вчера не позвала ее, а потому-то собственно и относилась о ней съ такимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ и, слѣдовательно, относилась не совсѣмъ безпристрастно. По этому самому мы и не можемъ рѣшить основательно: дѣйствительно ли Иванъ Степанычъ былъ достаточнѣе Степаниды Михайловны и могъ ли считаться аристократомъ сравнительно

съ нею? Но если и могъ, — то этотъ же самый Иванъ Степанычъ, взятый по отношенію къ Гаврилѣ Власычу, отцу Машина занятника, неминуемо причислялся къ категоріи плебеевъ. Это понятно изъ того, что отецъ Маши подавалъ, какъ намъ уже извѣстно, въ свой приходъ только на годовой молебенъ, а отецъ Семена Гаврилыча въ свой — намѣревался пожертвовать колоколъ, до чего Иванъ Степанычъ дотянуться не могъ. Да и самыя внѣшнія отношенія этихъ господъ, — низкопоклонство Ивана Степаныча при встрѣчахъ его съ Гаврилой Васильичемъ, заискивающій взглядъ и почтительный тонъ въ разговорѣ, когда онъ случался между ними, — все это доказывало какъ нельзя лучше существующую между ними большую разницу. Поэтому и Семенъ Гаврилычъ, какъ сынокъ тятеньки-капиталиста, тоже могъ бы напустить на себя важности и мѣтить гораздо повыше Маши (такъ какъ у подобныхъ людей направленіе сердечныхъ привязанностей чаще всего зависитъ отъ разсчета,—и Таня, говоря о Закопинѣ и Охлопинѣ, отдала преимущество первому главнѣйшимъ образомъ на основаніи имѣющейся у него тысячи рублей своихъ собственныхъ денегъ); но какъ сынокъ тятеньки-деспота, онъ не имѣлъ способности повести себя такимъ образомъ, не имѣлъ способности задать форсу, потому что былъ сильно застращенъ, а оттого робокъ и не развязенъ. Притомъ же въ характерѣ у него было много наивности. Весьма радъ былъ Семенъ Гаврилычъ, когда на одной какой-то вечеринкѣ, куда онъ ушелъ тайкомъ, при содѣйствіи своей маменьки, у него достало смѣлости ровно на столько, чтобы заговорить съ Машею нѣсколько свободнѣе того, какъ онъ говорилъ съ другими «барышнями». Весноватая и бѣлобрысенькая Маша, не слишкомъ избалованная вниманіемъ «кавалеровъ», тоже рада была этому случаю,—и вотъ составилось знакомство, отъ котораго не отказалась бы «барышня» и побогаче Маши. Знакомство это, не подвергаясь пока дѣйствію никакой враждебной силы, достаточно окрѣпло и приняло нѣжный оттѣнокъ. Юноша, въ качествѣ зрителя, который впрочемъ можетъ и танцовать, усерднѣе сталъ посѣщать тѣ вечеринки, на которыхъ, по его предположенію, могла находиться Маша; сталъ похаживать къ окошку Машиной комнаты и бесѣдовать съ Машею въ болѣе или менѣе интимномъ духѣ, какъ-то, напримѣръ, о строгости своего тятеньки, о брючкахъ и тому подобномъ, — всѣ разговоры были на одну стать, — и, уходя, неизмѣнно совершалъ извѣстную намъ эволюцію платочкомъ. Словомъ, онъ сталъ, что называется, занятникомъ Маши по всей формѣ и возбудилъ не мало завистливыхъ пересудовъ во всемъ околоткѣ. Семенъ Гаврилычъ однакожь никогда не говорилъ Машѣ чего нибудь въ родѣ того, что она ему нравится, что онъ ее любитъ. Онъ какъ-то совѣстился ска-

зать это, да и не считалъ нужнымъ, потому что оно, по его мнѣнію, уже само собою явствовало изъ его ухаживанья за Машею. Маша точно также смотрѣла на все это и была совершенно довольна такимъ положеніемъ дѣла.

Въ описываемомъ быту эти привязанности бываютъ въ подобномъ поверхностномъ родѣ; рѣдко, рѣдко и то въ видѣ исключенія вырвется чувство поглубже. Оттого-то здѣсь и случается обыкновенно, что одна привязанность легко оставляется для другой и прежній предметъ замѣняется новымъ. Слова: любовь и любить не совпадаютъ здѣсь съ представляемыми ими понятіями. Выраженія: занятіе, заниматься, отъ которыхъ произведены самодѣльныя названія занятникъ и занятница, всего ближе опредѣляютъ эти понятія.

Семенъ Гаврилычъ однако же дорожилъ своими отношеніями къ Машѣ, дорожилъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ сталъ бы дорожить другой на его мѣстѣ, если бы этотъ другой былъ даже и одного разбора съ Машею, лишь бы только имѣлъ поменьше робости и поболѣе развязности настоящаго ея занятника. Дорожилъ же Семенъ Гаврилычъ потому, что въ случаѣ прекращенія означенныхъ отношеній, онъ, по характеру своему, не легко бы могъ замѣнить ихъ другими подобными же. А между тѣмъ юноша чувствовалъ, что эти отношенія имѣли въ себѣ что-то праздничное, придающее какой-то розовый отливъ сѣренькой его жизни, — чувствовалъ однимъ словомъ находящуюся въ нихъ крупицу поэзіи, хотя и не могъ опредѣлить этого сознательно. Въ будущее онъ не заглядывалъ и никогда не задавалъ себѣ вопроса о томъ: благословилъ ли бы его тятенька жениться на Машѣ, если бы онъ, Семенъ Гаврилычъ, пожелалъ этого. Маша была дальновиднѣе: она думала объ этомъ; но имѣя понятіе о характерѣ тятеньки своего занятника, и притомъ хорошо понимая извѣстное неравенство между Гавриломъ Власьичемъ и Иваномъ Степанычемъ, всегда болѣе или менѣе приходила къ тому заключенію, что если бы маменька Семена Гаврилыча вздумала, «со словъ его», предложить своему супругу нѣкоторыя соображенія въ пользу Маши, какъ будущей ихъ невѣстки, то благовѣрный ея, по всей вѣроятности, опять такъ же бы сильно топнулъ ногою, какъ и по поводу брючекъ... Но за всѣмъ тѣмъ, Маша была дѣвушка молодая, а потому, обернувшись иногда спиною къ такому заключенію, позволяла себѣ мечтать и на тему совершенно противоположную. Правду сказать, ей хотѣлось бы выдти за Семена Гаврилыча, какъ потому, что онъ ея занятникъ, такъ и для того, чтобы повыситься чиномъ, то есть сдѣлаться женою сынка богатаго тятеньки... Вотъ и теперь, когда она, послѣ свиданія съ Семеномъ Гаврилычемъ, сѣла у окна и задумалась, въ воображеніи ея, подъ мѣрный храпъ Палагеи Не-

тровны, начинаютъ проходить болѣе или менѣе знакомыя ей, пріятныя картины...

Вотъ, представляется Машѣ, появляется въ этой самой комнатѣ, гдѣ она сидитъ, томная, разряженная старуха, съ краснымъ носомъ, двоюродная, положимъ, сестра Гаврилы Власьича... Маша угадываетъ цѣль посѣщенія этой женщины, убѣгаетъ при входѣ ея въ свою комнату и подслушиваетъ у дверей... Толстая старуха истово раскланивается съ Палагеей Петровной и хриплымъ голосомъ держитъ къ ней рѣчь такого рода: — Братецъ, Гаврила Власьичъ и супруга его, Настасья Семеновна, приказали вамъ кланяться и приказали узнать: не пожелаете ли породниться съ ними?.. У нихъ есть сынокъ, а у васъ дочка,—такъ не будетъ ли вашего расположенія на счетъ этого дѣла?.. Палагея Петровна усаживаетъ гостью и приказываетъ работницѣ бѣжать за Иваномъ Степанычемъ къ лавкѣ. Иванъ Степанычъ приходитъ живо—и толстуха стереотипно повторяетъ ему то же предложеніе...—Благодаримъ васъ, очень благодаримъ, говоритъ Иванъ Степанычъ и сейчасъ же дѣлаетъ распоряженіе на счетъ самовара. — Чувствуемъ, продолжаетъ онъ, всю честь, все это понимаемъ вполнѣ; но вдругъ рѣшиться не можемъ: подумать, посовѣтоваться надо, сами знаете, — и приноситъ откуда-то бутылку какого-то, не совсѣмъ обыкновеннаго пойла, а Палагея Петровна ставитъ на столъ тарелку съ бѣлыми пряничками... Начинается угощеніе — и долго приходится Машѣ оставаться въ своей комнатѣ, потому что долго еще тамъ, за дверью, хрипитъ голосъ толстухи и долго, еще болѣе раскраснѣвшійся отъ не совсѣмъ обыкновеннаго пойла, носъ ея торчитъ передъ самоваромъ. Наконецъ она уходитъ, повторяя: — Такъ подумайте же, Палагея Петровна!.. Да буде, какъ одумаете, такъ ужь и роспись припасите: дѣло-то затягивать нечего; а я у васъ опять побываю... Когда прикажете побывать-то?..—Подумаемъ, подумаемъ, отвѣчаютъ Иванъ Степанычъ и Палагея Петровна, провожая сваху; милости просимъ пожаловать послѣ завтра: тогда ужь и скажемъ рѣшительно и роспись приготовимъ, какъ одумаемъ!..

И думаютъ Иванъ Степанычъ и Палагея Петровна, устроившая на это время свою физіономію такъ, что на ней почти уже и не замѣтно обыкновеннаго ея кислаго выраженія, — и сводится всѣ думы ихъ къ одному знаменателю, именно къ тому, что Маша «родилась въ сорочкѣ» и что опускать такой «случай» не слѣдуетъ. Тоже самое говоритъ своей подругѣ и Таня, прибѣжавшая повидаться съ нею сейчасъ же по полученіи вѣсти о сватовствѣ... Но все это бросалось въ глаза и съ самаго начала, а потому собственно говоря, Ивану Степанычу и Палагеѣ Петровнѣ тутъ и думать-то было не о чемъ.

Но родители Маши поступаютъ по обычаю и по обычаю же потомъ обращаются къ ней самой съ вопросомъ: что, молъ, и какъ, Маша?.. вѣдь не намъ, молъ, жить-то съ Семеномъ Гаврилычемъ, а тебѣ?.. И она, Маша, отвѣчаетъ имъ:—какъ вамъ угодно, тятенька и маменька: я изъ вашей воли не выступаю, — значитъ дѣло въ шляпѣ. Согласіе и даже удовольствіе невѣсты не можетъ выразиться въ другой, болѣе опредѣленной формѣ, — это тоже по обычаю. На утро Иванъ Степанычъ, возвращаясь отъ лавки обѣдать, приноситъ съ собою чернилицу и два листа бумаги,—дома этихъ снадобій не имѣется. Отдохнувши послѣ обѣда, онъ садится къ столу вмѣстѣ съ Палагеей Петровной и выводитъ въ заголовкѣ одного листа крупными буквами: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». За тѣмъ онъ обращается къ своей супругѣ и, указывая на два образа, находящіеся по правую сторону кіоты, спрашиваетъ ее:—а что, Палага, чай вотъ эти образа и надо писать за Машей-то?.. — Вѣстимо эти, отвѣчаетъ Палагея Петровна: Богородицей-то ее крёстная благословила, а это Машинъ ангелъ,—ихъ и надо... Иванъ Степанычъ скрипитъ перомъ и на бумагѣ являются еще слова такого рода: «вначалѣ Божіе милосердіе,—образъ казанской пресвятой Богородицы, въ серебряномъ оплечьи и съ жемчужнымъ возглавіемъ; образъ преподобной Маріи египетской, въ серебряномъ окладѣ и съ серебряными, вызолоченными вѣнцами»... Иванъ Степанычъ останавливается.—Теперь пиши жемчугъ, говоритъ Палагея Петровна—и Иванъ Степанычъ опять пишетъ, соображаясь съ ея наставленіями, и исписываетъ первый полулистъ кругомъ, переходитъ на другой и оканчиваетъ роспись приданому рубашками и чулками... Почеркъ у Ивана Степаныча какой-то готическій; на бумагѣ кое-гдѣ перепачкано и похерено; роспись переписывается на бѣло, на другомъ листѣ и, на другой день, вручается свахѣ, которая угощается при этомъ такимъ же порядкомъ и сидитъ также долго, какъ и въ первый разъ.

И вотъ, еще представляется Машѣ, что эта же самая комната вдругъ приняла какой-то необычайный для нея видъ: она вымыта, вычищена и прибрана такъ, что и пройти по ней страшно; самая кровать разобрана и вынесена куда-то. Вслѣдствіе всего этого комната и смотритъ какимъ-то солдатомъ, стоящимъ подъ ружьемъ по всѣмъ правиламъ прежней военной школы. Лампада передъ образами горитъ необыкновенно ярко. Иванъ Степанычъ въ праздничной сибиркѣ и Палагея Петровна въ новомъ платьѣ и новой косынкѣ на головѣ, чинно сидятъ въ уголку и по временамъ посматриваютъ то на окно, то на дверь, а Маша скрывается въ своей комнатѣ. Дверь наконецъ быстро отворяется; какъ привидѣніе, показывается и опять исчезаетъ кухарка, закричавши: ѣдутъ!... По этому крику, Иванъ

Степанычъ и Палагея Петровна стремятся на крыльцо... Машѣ слышно изъ ея комнаты, что у воротъ останавливается нѣсколько дрожекъ, фыркаютъ лошади, и видно, какъ бѣгутъ по улицѣ бабенки «глядѣльщицы», иныя даже босикомъ... Черезъ минуту въ сѣняхъ раздается топотъ многихъ ногъ, говоръ многихъ голосовъ и въ комнату вваливается цѣлая ватага гостей. Тутъ находится и толстая, красноносая сваха и худощавая, чуть ли не чахоточная, Настасья Самсоновна, супруга Гаврила Власьича, и самъ Гаврила Власьичъ, съ какой-то сѣрою на подобіе вилъ бородою, сѣрыми же глазами и ястребинымъ носомъ, и много другихъ личностей такого же свойства, болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ, между которыми почти совершенно изчезаетъ не слишкомъ-то представительная фигурка Семена Гаврилыча, съ его смугленькимъ миньятюрнымъ личикомъ, одѣтаго въ новыя брючки, сшитыя на счетъ маменьки, и въ новый сюртучекъ, полученный ради такого важнаго случая уже отъ щедротъ тятеньки. Но Семена Гаврилыча выдвигаютъ однакожъ на первый планъ, а Машу, блестящую и шумящую, выводятъ изъ ея комнаты, ставятъ рядомъ съ женихомъ, и всѣ начинаютъ молиться передъ образами. За тѣмъ слѣдуютъ лобызанія, взаимныя поздравленія, подарки—и рюмочки начинаютъ обычное свое путешествіе. Умилившись душою и разогрѣвшись нѣсколько отъ возліяній, Гаврила Власьичъ треплетъ по плечу Ивана Степаныча и говоритъ ему:—Ну, сватъ, теперь ужь дѣло кончено, назадъ пятиться нельзя, а только скажу тебѣ по дружески: я вѣдь не туда мѣтилъ, не у тебя хотѣлъ взять за Семена-то, право слово не у тебя; да такъ случилось,—ну, баста!... А я тебя, сватъ, люблю, за твою почтительность люблю тебя!... Иванъ Степанычъ кланяется и лѣзетъ цаловаться, а худощавая Настасья Самсоновна въ тоже время напѣваетъ Палагеѣ Петровнѣ протяжнымъ голосомъ:—нами, свашенька, и въ другомъ мѣстѣ, и повыше бы гдѣ нибудь не побрезговали; да только Сенюшкѣ-то ужь больно дочка-то ваша понравилась,—ну, и пущай его женится на любой; для него лучше, да и для дочки-то вашей тоже... Вѣдь и она, можетъ статься, прибавляетъ Настасья Самсоновна съ замысловатою улыбкою, идетъ тоже за любова!..

— Не выдешь за любова, не выдешь за любова! — раздается съ улицы чей-то писклиро-кастратскій голосъ. Маша вздрагиваетъ, Палагея Петровна просыпается... У окна припрыгиваетъ какое-то рыжее существо, въ длинномъ холщевомъ балахонѣ и огромныхъ сапожищахъ...

— Кто это закричалъ, Маша?... зѣвая, спрашиваетъ съ лежанки Палагея Петровна.

— Орефьюшка-простенькой, отвѣчаетъ Маша, у которой всѣ кар-

тины ея воображенія мгновенно превратились въ туманъ, вслѣдствіе нечаяннаго появленія и непріятнаго предсказанія этого Орефьюшки,—необыкновеннаго прозорливца и чуть-чуть не святаго человѣка, по мнѣнію всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло...

— Подай ему копѣечку, говоритъ Палагея Петровна.

Маша хочетъ идти за копѣечкою, но «простенькій» бѣжитъ прочь отъ окна; встрѣчается съ отцомъ дьякономъ изъ прихода Ивана Степаныча и начинаетъ ему говорить что-то. Можетъ быть, тоже предсказываетъ или поучаетъ—разобрать нельзя; но слышно, какъ отецъ-дьяконъ баснисто отвѣчаетъ ему: — такъ, такъ, рабъ Христовъ!...

Палагея Петровна встаетъ съ лежанки.

VII.

Смеркалось и вечерѣло, а Иванъ Степанычъ не приходилъ отъ лавки; не было его и тогда, когда уже совсѣмъ стало темно, когда вездѣ засвѣтили огни, въ томъ числѣ и у него въ домѣ. Палагеѣ Петровнѣ и Машѣ хотѣлось чайку, въ особенности же послѣдней; но онѣ все еще поджидали главу семейства. Дѣло въ томъ, что у нихъ въ домѣ не было заведенія пить чай два раза въ день всенепремѣнно. Вечернее чаепитіе зависѣло оттого, рано или поздно приходилъ Иванъ Степанычъ отъ лавки, а главнѣйше оттого, желалъ или нѣтъ онъ самъ чаю. Вообще не будучи деспотомъ въ семьѣ, Иванъ Степанычъ все-таки любилъ немножко, чтобы то или другое у него въ домѣ дѣлалось «по его». Палагея Петровна часто сопротивлялась своему супругу, но на оппозицію ея обращалось не много вниманія. Обращалось же не много вниманія потому, что Палагея Петровна, не смотря на ея охоту повздорить, а можетъ быть и именно по случаю этой самой охоты, не имѣла настоящаго значенія въ своемъ семействѣ. Дѣльнѣе бы могла быть оппозиція Маши, въ силу того, что Иванъ Степанычъ любилъ ее и слушалъ гораздо болѣе своей супружницы; но Маша и по отношенію къ отцу придерживалась той же самой политики, на основаніи которой поступала по отношенію къ работницѣ. Тамъ и здѣсь она старалась казаться какъ можно болѣе доброю дѣвушкою, тамъ и здѣсь старалась заискать и расположить къ себѣ; но тамъ и здѣсь съ цѣлію своихъ собственныхъ выгодъ. Какія выгоды она получала чрезъ то отъ работницы, — это уже намъ извѣстно; что же касается до Ивана Степаныча, то подчиняясь ему, дѣлая «по его» въ извѣстныхъ случаяхъ и заручаясь такимъ образомъ благоволеніемъ своего тятеньки, Маша, безъ особеннаго труда, умѣла заставить его самого сдѣлать «по ея» тамъ, гдѣ она считала это наиболѣе нужнымъ. Такимъ образомъ, желая напиться вечеромъ

чаю, она однакожь и не заикнулась бы объ этомъ, если бы самъ Иванъ Степанычъ, пришедши изъ лавки, не издалъ повелѣнія: грѣть самоваръ. И не только не заикнулась бы сама,—она начала бы унимать и Палагею Петровну, если бы та вздумала просить чаю. За то, не смотря на нежеланіе послѣдней, Маша, конечно, склонила бы своего тятеньку дать ей разрѣшеніе—созвать «барышенъ» на капусту, какъ обѣщала это Семену Гаврилычу, или что было для нея еще важнѣе, съумѣла бы выпросить у Ивана Степаныча какую нибудь обновку. Конечно, все это уловки, слѣдственно отсутствіе прямоты и искренности въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, слѣдственно ложь и лицемѣріе; но такого рода уловки, отсутствіе прямоты и искренности въ подобныхъ отношеніяхъ, ложь и лицемѣріе въ различныхъ размѣрахъ встрѣчаются и не въ такомъ кругу... Самъ же Иванъ Степанычъ поступалъ относительно вечерняго чаепитія по очень простымъ основаніямъ. Когда онъ былъ сытъ самъ, онъ весьма простодушно считалъ и всѣхъ другихъ сытыми. Напившись чаемъ у лавки или въ трактирѣ, а иногда и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, — онъ уже и не воображалъ, что семейство его, можетъ быть, хочетъ чаю... Впрочемъ Палагея Петровна и Маша пили иногда и безъ него, но рѣдко, и послѣ ему о томъ не объявляли.

Иванъ Степанычъ наконецъ пришелъ почти передъ самымъ ужиномъ. Ужинали у нихъ рано...

— Здравствуйте, благовѣрная супружница моя, Пелагея, и возлюбленная дщерь Марія, воскликнулъ онъ, вѣшая лавочные ключи на обыкновенное ихъ мѣсто и начиная раздѣваться.—А я уже сытъ, продолжалъ онъ: чаю не надо—и у лавки пилъ, и въ трактирѣ попилъ..

И не одного чаю, прибавимъ мы: въ трактирѣ попилъ Иванъ Степанычъ и изъ рюмочки. Это доказывали его раскрасивѣвшіяся щеки и шутливо-славянская фраза, которою онъ привѣтствовалъ свое семейство и на которую Маша отвѣтила: — здравствуйте, тятенька! а Палагея Петровна промычала что-то не совсѣмъ вразумительное, но вообще имѣющее такой смыслъ: экъ, молъ, въ тебѣ винцо-то поговариваетъ: не знаешь ужь, что и выдумать-то!...

Палагея Петровна и Маша сидѣли у стола и общими силами распутывали мотокъ сѣрыхъ нитокъ... Иванъ Степанычъ сѣлъ насупротивъ дочери и, подпершн голову рукою, сталъ смотрѣть на нее съ такимъ вниманіемъ, какъ будто Маша успѣла къ его приходу уничтожить всѣ свои веснушки, или бѣловатые волосы ухитрилась превратить въ черные. Но такъ какъ она ничего подобнаго не сдѣлала, а Иванъ Степанычъ прежде никогда не разсматривалъ ее съ такимъ вниманіемъ, то и мать и дочь, — обѣ онѣ замѣтили это какъ что-то необыкновенное; но Маша промолчала, весьма понимая, что тятенька

ся находится немножко навеселѣ; Палагея же Петровна иронически спросила своего супруга:—Узнаешь ли, батюшка, дочьку-то?...

— Какъ время-то идетъ, какъ время-то идетъ! не отвѣчая прямо на этотъ вопросъ, элегически началъ Иванъ Степанычъ. Давно ли, кажется, Маша-то была маленькая?... Да чего: маленькая, — давно ли, кажется, и родилась-то?... Ровно вчера все это случилось!... Какъ теперь гляжу: ночь была такая темная, а грязь-то, грязь-то, Господи!... Я самъ и за бабушкой-то, съ фонаремъ, побѣжалъ...— «Поди, молъ, на повой!»... дома-то работница сидѣла... Ну, тамъ и пошло дѣло.—«Что, молъ, Богъ далъ?»... — «Дѣвушку», говоритъ. Четвертая, значитъ; три были, да умерли: въ материнъ да въ свой родъ имена-то давалъ... Дай, молъ, теперь окрещу изъ роду вонъ: авось либо оживется!... Пришелъ попъ молитвовать:—«Какъ, говоритъ, нарекать-то произволишь?» — «Нарекай, молъ, батюшка, Маріей»... Такихъ имянъ у насъ никогда не было... Ну, вотъ и ожилась, слава Богу, и выросла, и невѣста ужь стала... Маша, вскрикнулъ вдругъ Иванъ Степанычъ, вѣдь къ тебѣ женихъ сватается!...

Что-то въ родѣ укола иглою почувствовало Машино сердце и отъ этого укола быстро пробѣжали по всему ея организму какіе-то сотрясающіеся токи. Кровь бросилась ей въ лицо, и Маша спросила довольно неровнымъ голосомъ: — Кто же это такой, тятенька?... Подобный же вопросъ сдѣлала и Палагея Петровна, оживившаяся въ эту минуту, а до того весьма апатично и съ обычнымъ ей кислымъ выраженіемъ лица выслушивая воспоминанія своего мужа о рожденіи Маши.

— Кто?... сынъ Максима Игнатьича Затурыкина, Митрофанъ Максимычъ... Вѣдь вы, чай, знаете его?... спросилъ Иванъ Степанычъ, обращаясь въ одно время и къ женѣ, и къ дочери.

Палагея Петровна знала Митрофана Максимыча. — Ахъ, какой онъ дряпной на рожу-то!... отпустила она безцеремонно. Маша тоже знала его, то есть видала; слѣдовательно, тоже имѣла понятіе объ его наружности. Но она однакожь сочла за лучшее скрыть это, а потому и отвѣчала отцу:—Нѣтъ, я его не знаю, тятенька!...

— Ну, врешь: какъ не знать? сказалъ Иванъ Степанычъ.—Вонъ и онъ, чу, видалъ тебя гдѣ-то,—въ церкви, что ли, не знаю,—а ты, чай, и подавно его знаешь, — какъ не знать?... На то и парень, чтобы дѣвки знали!... Сегодня вотъ зять-то Максима Игнатьича подошелъ ко мнѣ, къ лавкѣ-то, въ ту пору, какъ я запираться-то сталъ, да и зазвалъ въ трактиръ... Ну, тамъ чайку попили и тово... Я думалъ такъ; а онъ и сталъ говорить мнѣ... сперва эдакъ шутливо:— «У тебя, говоритъ, Иванъ Степанычъ, есть товарецъ, а у насъ покупатель, такъ нельзя ли, говоритъ, эдакъ сдѣлочку учинить?»... А я

ему эдакъ тоже:—«приводи, говорю, завтрешній день покупателя-то своего ко мнѣ въ лавку: пущай посмотритъ, какой ему тамъ надобенъ товаръ-то...»—«Нѣтъ, говоритъ, что въ лавку?—Этотъ товарецъ-то, говоритъ, у тебя не въ лавкѣ, а дома... Дочка, говоритъ, у тебя есть, дочка!»... Да и сталъ ужь тутъ говорить прямо. Я его спрашиваю: что же, молъ, это ты: отъ себя что ли говоришь, али по приказу? — «Нѣтъ, говоритъ, не отъ себя: меня, говоритъ, батюшка-тесть и матушка-теща просили переговорить съ тобой объ этомъ дѣлѣ»... Ну, вотъ мы и посидѣли съ нимъ; оттого-то я и пришелъ поздно... «Батюшкѣ-то, говоритъ, тестю ужь больно захотѣлось этта женить Митрошу-то, а матушка-то, говоритъ, теща ужь оченно расположена къ вашей-то дочкѣ»... Ей, вишь ты, кто-то ужь больно нахвалилъ Машу-то, пояснилъ отъ себя Иванъ Степанычъ.

— Да что же это онъ, родимой, сказала Палагея Петровна, хватаясь прежде всего за внѣшнюю сторону дѣла, за форму: — въ трактирѣ-то переговаривать вздумалъ?... Чай, умѣлъ бы къ намъ и на домъ придти, зятенекъ-то ихъ, — не отвалились бы ноги-то!... Либо сожительницу-то свою прислалъ бы... Думно свататься, такъ сватайся чередомъ; пусть и добрые люди знаютъ, что вотъ, молъ, женихи есть... А то въ трактирѣ!...

— Ну, вотъ еще то не говорено! перебилъ ее съ сердитымъ нетерпѣніемъ Иванъ Степанычъ. — Въ трактирѣ!... въ трактирахъ-то стотысячныя дѣла дѣлаются, а не то, что эдакія-то!... Опять же тутъ такой резонъ: парень-то, вишь ты, немножко попивать сталъ,—такъ Максиму-то Игнатычу потому и женить-то его захотѣлось больно, чтобы онъ не зашалился этакъ по настоящему, а велъ бы себя какъ слѣдуетъ... Вотъ по этой-то причинѣ они всѣ, тамъ зять и другіе сродственники, думали, чтобы и дѣло-то завести эдакъ безъ огласки, поскромнѣе: а то пожалуй-де сбивокъ много будетъ... По тому самому и засватали-то не на дому... Да это что,—пустяки!... Главное о дѣлѣ-то надобно толковать... По моему, тутъ статья подходящая: отворачивать рожу-то нечего... Такъ что ли, Маша?...

«Не выдешь за любова, не выдешь за любова!»... пронеслось въ головѣ Маши. Мы уже знаемъ, что и сама она считала едвали возможнымъ выдти замужъ за Семена Гавриловича, хотя и увлекалась иногда игрою своего воображенія. По этому, а еще болѣе по объясненному нами выше отсутствію настоящей любви къ виновнику этихъ картинъ, Маша, конечно, не пришла бы въ отчаяніе, если бы дѣйствительность осуществила ихъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, то есть на мѣсто Семена Гавриловича, поставила бы, наприм., какого нибудь другаго парня, лишь бы только парень подходилъ сколько нибудь къ ея вкусу. Оказывалось же, что дѣйствительность хватила уже

черезъ край: безобразный и начавшій попивать немножко Митрофанъ Максимычъ былъ положительно непріятенъ Машѣ и она отвѣтила своему родителю: — я не пойду за этого жениха, тятенька.

— «Не пойду за этого жениха, тятенька!» передразнилъ ее Иванъ Степанычъ и притомъ довольно сердито. — А отчего же ты не пойдешь за него?...чѣмъ онъ не женихъ для тебя?... Отецъ-то его, слава Богу, торгуетъ не хуже другихъ и капиталецъ имѣетъ... А что парень-то попиваетъ, — это пустяки: женится — перемѣнится!... я и самъ попивалъ въ молодцахъ-то, да и теперь, пожалуй, не прочь съ пріятелемъ... Нынче ужъ непьющихъ-то не водится: всѣ пьютъ, да еще буянятъ другіе... Вотъ, говорятъ, вчера,—да ты, чай, ужъ слышала и сама, — у Степаниды-то Рогозиной, на вечеринкѣ, окошки выбили; такъ вотъ нынче парни-то какіе!... Митроха-то еще что противъ нихъ!... Во хмѣлю-то онъ, говорятъ, теленокъ-теленкомъ: что хочешь, то и дѣлай съ нимъ!... А на счетъ красы-то, что тамъ на рожу-то не хорошъ, — такъ вѣдь рожей-то его не пряники печатать!... Вѣдь ты и сама, сказать по правдѣ, красавица-то—изъ лохани помеломъ написаная!... Какъ выдешь за него замужъ-то, такъ-такъ полюбится, что лучше-то его и на свѣтѣ не будетъ!... А что люди-то тамъ зубоскалить станутъ, — такъ на людей-то тутъ глядѣть нечего!...

— Для кого будетъ сазанья рожа, а для тебя — созданье Божье! приправила Палагея Петровна, не склоняясь впрочемъ ни на ту, ни на другую сторону.

Замысловатый афоризмъ маменьки кольнулъ однакожъ Машу, и она повторила прежній отказъ. Иванъ Степанычъ окончательно вошелъ въ сердце.—Вотъ бывало, заговоритъ онъ опять, но уже весьма сильно поднявшимся тономъ:—у Якова Лукича дочка... когда Кокинъ сватался... тоже эдакъ: «не пойду да не пойду!..» Такъ Яковъ-то Лукичъ ее за косу... Она было въ кухню, на печь, — такъ онъ ее съ печи-то да о-полъ:—«вотъ тебѣ, говоритъ, не пойду, вотъ тебѣ не пойду!..» Она было вырвалась, да въ баню побѣжала: тамъ хотѣла схорониться,—онъ за ней, да такъ ее въ банѣ-то отвалялъ, что послѣ цѣлую недѣлю въ постели лежала, а за Кокина-то все-таки вышла... Такъ Яковъ-то Лукичъ не намъ чета былъ,—старикъ почтенный, умный, двѣ золотыя медали имѣлъ, да капиталу съ полмилліона!.. А дочь-то у него была — просто картина: ужъ точно что не Кокину пара!.. Кокинъ-то былъ и малъ, и худъ, и шадровитъ, да и въ карманѣ-то — шишъ!.. Ужъ послѣ поразжился... Только тѣмъ старику и понравился, что ужъ больно къ нему почтителенъ былъ, — да... Такъ вотъ какъ умные-то люди поступаютъ съ вашимъ братомъ!..

Маша молчала.

— У меня, вѣстимо, продолжалъ Иванъ Степанычъ:—нѣтъ и охоты поступить съ тобой такимъ манеромъ: ты и сама знаешь это... Да ты должна, по крайней мѣрѣ, подумать то, что я вѣдь, молъ, дочь, а не сынъ!.. Сына-то поишь, кормишь, обуваешь, одѣваешь,—по крайней мѣрѣ, знаешь за что: онъ самъ отцу пользу приноситъ; не пустокормомъ живетъ. Да опять же и тотъ разсчетъ: тому сошьешь сибирочку тамъ, али сертучекъ какой, да армячокъ,—онъ три года и носитъ. А дочь-то?... Ты вонъ, что весна, что лѣто придетъ—и начнешь скулить: «Тятенька, драповое пальтецо сшейте; тятенька, накидочку надо, тятенька, на платьецо принесите!..» А всѣ эти пальтецы, да накидочки,—пущай, что они и изъ своей лавки,—въ годъ-то сколько составятъ: знаешь ли?.. То-то!.. У отца-то они вотъ гдѣ сидятъ — и Иванъ Степанычъ энергически указалъ на собственный свой затылокъ, вскочилъ со стула и началъ ходить по комнатѣ, встряхивая по временамъ рубашку, — должно полагать — для прохлады.

Маша заплакала... Сонъ прошедшей ночи, представлявшій ей пиво и чай и напророчившій тѣмъ самымъ диво, а также, по объясненію Тани, и печаль,—сонъ, оправдавшійся на половину утромъ, теперь оправдался вполнѣ. Машу дѣйствительно постигла печаль и слезы ея были искренни...

Слезы Маши произвели однакожь свое дѣйствіе на Ивана Степаныча; онъ началъ покрякивать и потомъ, пониженнымъ тономъ, совершилъ дѣло такъ:—Ну, да объ этомъ еще и завтра можно наговориться вдоволь: утро вечера мудренѣе, кобыла мерина удалѣе,—а теперь ужь пора и на боковую... Убирайте-ка эту дрянь, да давайте ужинать. Сбирай, Маша!..

«Дрянь», то есть перепутанныя нитки, Палагея Петровна бережно перенесла на окно и Маша, утирая слезы, стала раскрывать столъ... — Охъ, дѣла, дѣла!.. произнесла маменька, направляясь къ шкафу,—произнесла очевидно по поводу предъидущей сцены, но что хотѣла сказать этимъ — неизвѣстно. Думаемъ впрочемъ, что ничего особеннаго, такъ какъ въ головѣ ея не образовалось опредѣленнаго мнѣнія на счетъ того: дѣйствительно ли слѣдуетъ отдать Машу за Митрофана Максимыча, или не слѣдуетъ?.. Не образовалось же такого мнѣнія, во первыхъ, потому, что постоянно хватаясь за мелочи и вздоря изъ пустяковъ, Палагея Петровна не имѣла способности обсуживать дѣла поважнѣе, и, во вторыхъ, потому, что она какъ-то мало и занималась судьбой Маши. Сознавая, что дочь ея гораздо больше расположена къ отцу, нежели къ ней, она и сама не имѣла особенной привязанности къ Машѣ и всегда смотрѣла на нее, какъ на батюшкину дочку. Поэтому Палагея Петровна даже была отчасти довольн-

на тѣмъ, что самъ же батюшка и поставилъ свою любимицу въ непріятное положеніе...

Однакожь довольно... Имѣвши удовольствіе присутствовать при обѣдѣ Ивана Степаныча и его семейства, мы не будемъ присутствовать при ихъ ужинѣ, и теперь мы дошли до той точки, на которой предположили остановиться. А развязка?.. Но какая же можетъ быть развязка тамъ, гдѣ не было и завязки?.. Принимая однако въ соображеніе, что сама Маша считала почти невозможнымъ сдѣлаться женою своего «занятника» и что такой взглядъ на это дѣло долженъ былъ окончательно укрѣпиться въ ней вслѣдствіе предсказанія Орефьюшки-простенькаго, принимая въ соображеніе и будущія, не менѣе деликатныя настоянія Ивана Степаныча, мы готовы сказать съ нимъ, что утро, если не слѣдующее, то одно изъ слѣдующихъ, дѣйствительно окажется мудренѣе вечера, — Маша примирится, какъ съ невыгодною наружностью Митрофана Максимыча, такъ и съ замашкою его «попивать немножко», и изъявитъ покорство волѣ своего родителя. Въ перспективѣ такимъ образомъ представляется свадьба... На эту-то предполагаемую свадьбу и можетъ обратить вниманіе читатель, желающій развязки...

ПРИВОЛЖСКІЙ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(ИЗЪ ГЕРВЕГА.)

Спи, Германія родная,
Безмятежно, какъ въ раю,
Ни о чемъ не помышляя...
Баю-баюшки-баю!

Пусть другіе люди смѣло
Пеленаютъ мысль твою, —
Не вступайся въ это дѣло...
Баю-баюшки-баю!

Не сердись, что все въ запретѣ
Въ нашемъ добренькомъ краю, —
У тебя есть Шиллеръ, Гёте...
Баю-баюшки-баю!

Рой газетъ твоихъ народу
Каждый день даетъ статью
Про гулянья и погоду...
Баю-баюшки-баю!

Отъ восторга просто тая,
Надъ тобою я пою:
Спи, Германія родная,
Баю-баюшки-баю!

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

ЗАВѢЩАНІЕ МОИМЪ ДѢТЯМЪ.

Не вдругъ!

Бабушка Татьяна Юрьевна недаромъ говаривала: «другъ ты мой сердешный, свѣтъ-Николашенька (говорила покойница все слогомъ госпожи Кохановской, почему даже лейбъ-кампанцы, и тѣ ее, какъ огня, боялись), попомни ты, свѣтъ, рѣчь мою великую: не молви ты слова, языка твоего напередъ не прикусивши».

Съ этой поговоркой я весь вѣкъ пзжилъ и не только ни въ чемъ не прошграфился, но даже пришелъ къ уразумѣнію многихъ другихъ прекраснѣйшихъ поговорокъ. Бывали случаи: смерть хочется нагрубить, такъ бы, кажется, и отрапортовалъ, да вспомнишь Татьяну Юрьевну, укусишь языкъ и смолчишь. Много—много, что заплачешь. Начальники знали это, и всегда меня жалѣли. Нѣтъ, нѣтъ, да что нибудь и простятъ. Въ тридцатыхъ годахъ строгій всѣмъ приказъ былъ: картофель, вмѣсто хлѣба, на поляхъ сѣять,—я не сѣялъ, простили. Въ 1849 г. велѣно было бочки съ водой на домахъ держать,—я не держалъ, простили. Сосѣдъ у меня былъ, капитанъ Пафнутьевъ, такъ тотъ, бывало, такъ и вскипитъ. Полѣзетъ это къ самому начальству: «мое ли, говоритъ, или ваше дѣло знать, какой хлѣбъ мнѣ на поляхъ сѣять?» А я, напротивъ того, приду, тихимъ манеромъ доложу и, если начальство сердито—замолчу. Потомъ опять приду, опять тихимъ манеромъ доложу, и ежели опять начальство сердито — заплачу. И что же вышло? Пафнутьевъ—капитанъ и картофель сѣялъ, и бочку съ водой на домѣ своемъ держалъ, а я сѣялъ хлѣбъ, заправскій, государи мои, хлѣбъ, а бочки съ водой и въ глаза не видалъ.

Слабомысловъ исправникъ у насъ былъ: «проси, говоритъ, у меня милости,—отца роднаго съѣмъ; а будешь, говоритъ, по закону требовать, а тѣмъ паче по естеству—шабашъ». Пото-

му, естество—оно глупо. По естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ того не написано, — ну и попался. А ты проси милости,—и дастся.

Говорилъ я тоже, и не разъ, этому капитану Пафнутьеву: «Пафнутій Пафнутьичъ! говорю: а вы бы простить попросили!»—такъ онъ даже зашипѣлъ на меня... за что же этакихъ-то и любить!

Бабушка Татьяна Юрьева такъ въ этихъ случаяхъ поступала. Придетъ, бывало, къ ней мужикъ хлѣба или лѣсу просить,—она на него: «да ты, свѣтъ, бѣлены никакъ объѣлся, что меня, государыню, въ боярскомъ моемъ дѣлѣ нудить изволишь?» И не только прогонитъ ни съ чѣмъ, а временемъ даже и высѣчь изволитъ. Напротивъ того, который мужикъ молчитъ—тому дастъ. И хлѣба, и лошадь, и лѣсу на избу—всего, даже чего не нужно, и того дастъ. Почему?—а потому, что боярское сердце ея этимъ веселится, а веселится оно, когда ей, государынѣ, самой того хочется!

И такъ она этой своей политикой всю вотчину устроила, что когда вступилъ въ управленіе имѣніемъ папенька Иванъ Матвѣичъ, и по обычаю спросилъ мужиковъ, довольны ли они и не нужно ли чего, то они не отвѣчали, и только лапу сосали.

Я знаю, что нынѣшніе капитаны Пафнутьевы (много ихъ нынче развелось, да вѣдь и бабушка Татьяна Юрьевна не промахъ была, тоже немалое потомство послѣ себя оставила) скажутъ: бабушка-то ваша, видно, набитая дура была, да и грозы надъ собой не видала, а потому по дурьи надъ всѣмъ и чудила. Однако не будетъ ли, господа Пафнутьевы, такое сужденіе ваше слишкомъ рѣзко?! Побесѣдуемъ, господа, побесѣдуемъ.

Начнемъ съ того, что сужденіе это основано на какихъ-то якобы правахъ. Всякій человѣкъ, утверждаютъ Пафнутьевы, имѣетъ нѣкоторыя права, удовлетвореніе которыхъ есть каждаго священный долгъ и обязанность. На семъ основаніи, продолжаютъ они, будто бы такъ должно быть: ежели я чего хочу, то чрезъ минуту чтобъ было исполнено, а ежели исполненія нѣтъ, сейчасъ недовольство! И вотъ такой премудрый ихній кодексъ называютъ они свободой.

Полно такъ ли, господа Пафнутьевы, такъ ли?

Скажи мнѣ, во первыхъ, высокоумный господинъ Пафнутьевъ, въ какомъ ты видѣ отъ утробы матерней на свѣтъ

произошелъ? — Ты произошелъ нагъ и безпомощенъ! Какія имѣлъ ты при этомъ права?—Никакихъ кромѣ тѣхъ, чтобы заявлять слезами о твоей наготѣ и безпомощности! Согласись, что права не великія, но и сіи кто тебѣ далъ?

Ихъ дала тебѣ почтеннѣйшая твоя родительница, которая, по добротѣ своего сердца, не всегда для усмиренія твоего къ помощи розги прибѣгала, но по временамъ простирала тебѣ и руку помощи... тебѣ, нагому и безпомощному! Могъ ли ты вынудить къ тому твою родительницу?—Нѣтъ, не могъ, ибо, какъ сказано выше, былъ нагъ и безпомощенъ, а вынудило ее къ тому собственное ея материнское благоизволеніе!

Итакъ, вотъ твои «якобы права» при рожденіи... поистинѣ *якобы* права!

Пойдемъ далѣе. Ты взросъ, Пафнутьевъ, достигъ тѣхъ лѣтъ, когда подобныхъ тебѣ отдаютъ въ кадетскіе корпуса и гимназіи. Спрашиваю я тебя: имѣлъ ли ты *право* требовать, чтобы тебя приняли въ одно изъ сихъ заведеній? — Нѣтъ, не имѣлъ, да и на умъ бы тебѣ такое право никогда не взошло, ибо ты тѣмъ временемъ въ бабки на улицѣ съ мальчишками игралъ, а не объ образованіи ума и сердца думалъ! Однако ты отданъ былъ въ заведеніе... почему? не по праву ли? — Нѣтъ, не по праву, а потому, что заведенія тѣ, по благоизволенію начальства, въ потребномъ количествѣ устроены, и по благоизволенію же начальства, Пафнутьевыхъ принимать въ нихъ велѣно. Не будь сихъ заведеній... скажи, не остался ли бы ты свинопасомъ? И кичился ли бы ты тогда симъ завиднымъ твоимъ *правомъ*?

Итакъ, вотъ твои «якобы права» по воспитанію и образованію. Тверже ли онѣ тѣхъ, которыя якобы пріобрѣтены тобой при рожденіи?

Пойдемъ еще далѣе. Ты вышелъ изъ заведенія и поступилъ на службу. Ты скажешь, что имѣлъ на то право, ибо получилъ при окончаніи наукъ чинъ. Но этотъ чинъ... кто наградилъ имъ тебя? Настоятельно спрашиваю: кто тебя наградилъ?—Не знаешь?—ну, такъ я тебѣ скажу: тебя наградило имъ начальство! Самъ ты посуди: развѣ можетъ существовать естественное отношеніе между твоимъ чиномъ и науками? — Нѣтъ, не можетъ! А такъ какъ тѣмъ не менѣе нѣкоторое отношеніе (хотя и не естественное) тутъ существуетъ, то спрашивается, кто кромѣ начальства установить его могъ?

Итакъ, вотъ твои «якобы права» при вступленіи на поприще государственной дѣятельности.... Тверже ли они тѣхъ, которыя приведены въ двухъ первыхъ примѣрахъ?

Пойдемъ ли еще далѣе? Поведемъ ли бесѣду о твоихъ взрослыхъ лѣтахъ, о старости? О, Пафнутьевъ, поживи съ мое и увидишь, чего стоятъ знаменитыя твои права...

Знаю я: положеніе твое нелегкое. Съ одной стороны, смущаемый врагами внѣшними — другими подобными тебѣ Пафнутьевыми, — съ другой стороны, нося въ самомъ себѣ врага внутренняго, высокоумный твой разумъ, — ты ежечасно волнуешься призраками, ежечасно мечтаешь: а что, ежели я попробую!?

Не пробуй.

Пробы твои приведутъ лишь къ тому, что прочіе Пафнутьевы надъ тобою же насмѣются, что они же, предварительно смутивши тебя, будутъ, при видѣ твоего пораженія, восклицать: фигу съѣлъ! фигу съѣлъ! А высокоумный твой разумъ... куда дѣнется онъ тогда съ своими мечтами? какія еще новыя выдумки предложитъ къ твоему утѣшенію?

Но что же мнѣ дѣлать? спрашиваешь ты: куда дѣваться отъ враговъ и недруговъ! какъ устроить колеблющуюся судьбу свою? На это отвѣчаю тебѣ: умудрись.

Изъ предыдущаго ты убѣдился, что правъ никакихъ нѣтъ, а существуютъ лишь «якобы права» (вижу, что на устахъ твоихъ блуждаетъ недовѣрчивая улыбка, но нимало не боюсь ея); это самое должно указать тебѣ путь.

Правъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе не могу отказать тебѣ въ томъ, что въ сердцѣ твоемъ по временамъ совершаются нѣкоторыя движенія, что движенія сіи заставляютъ тебя устремляться, простирать руки и т. д. Движенія сіи, другъ мой, на языкѣ психологовъ, называются желаніями, или иначе: желанія суть такія предъявленія твоего естества, которыя, образуя совокупность личныхъ твоихъ вожделѣній, при осуществленіи ихъ въ натурѣ, необходимо должны быть приведены въ надлежащее соотвѣтствіе. Или еще иначе: желанія суть натуральныя вожделѣнія, представляемыя на благоусмотрѣніе. Посмотримъ, Пафнутьевъ, каковы-то твои желанія?

Если бы ты, напримѣръ, пожелалъ слона проглотить, то какъ думаешь, могло ли бы такое твое желаніе быть приведено въ соотвѣтствіе? или если бы ты, будучи младенцемъ, поже-

лалъ натянуть на себя панталоны твоего родителя, то и этому твоему желанію, по твоему, преградъ ставить не слѣдуетъ? или, еслибъ будучи отъ рожденія слабоумнымъ, пожелалъ ты имѣть разсужденіе о предметахъ возвышенныхъ... и тутъ, стало быть, остановить тебя нельзя?

Но нѣтъ, ты не на столько неразуменъ, чтобъ утверждать что нибудь подобное. Ты соглашаешься со мной, что ни слона проглотить, ни малолѣтнему сыну въ родительскіе панталоны облекаться, ни слабоумному о возвышенныхъ предметахъ разсуждать—невозможно. Дитя прикасается ручкой къ раскаленному металлу и обжигается — что было бы, еслибъ надъ нимъ не бодрствовала тайно другая рука, которая отъ обжиганій его оберегаетъ и предохраняетъ? Была бы погибель, была бы смерть... ты это понимаешь.

Но ежели ты это понимаешь, то долженъ понимать и то, что желанія у тебя могутъ быть всякія: такія, которыя приносятъ честь твоему уму и сердцу, и такія, которыя не только чести тебѣ не приносятъ, но которыхъ исполненіе можетъ быть сопряжено для тебя даже съ опасностію жизни; такія, коихъ осуществленіе благовременно, и такія, которыя могутъ быть удовлетворены лишь завтра или черезъ мѣсяцъ, или черезъ годъ, или даже чрезъ сто и тысячу лѣтъ. Кто судья въ этомъ дѣлѣ? Кто можетъ раздѣлить твои желанія на категоріи, а сіи послѣднія на роды и виды? Не ты ли? Но вѣдь ты только можешь желать, а не анализировать... Кто же? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ опредѣленіи, которое дано мною желаніямъ вообще. *Желанія*, сказалъ я выше, *суть натуральныя вожделѣнія, представляемыя на благоусмотрѣніе...* ужели этого не достаточно, чтобъ вразумить тебя?

Не думай, однако же, чтобы я предлагалъ устройство особенной какой либо канцеляріи для разбора твоихъ желаній — нѣтъ, я далекъ отъ такой мысли, хотя, сама по себѣ взятая, она весьма почтенна. Но пускай канцелярія на этотъ случай замѣнится однимъ общимъ представленіемъ о начальствѣ.

Ежели нѣтъ у тебя правъ, а есть одни желанія, ежели сіи послѣднія разнообразны, и ежели притомъ канцеляріи нѣтъ, то ясно, что разборъ твоихъ вожделѣній можетъ принадлежать лишь начальству.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, предъ умственнымъ нашимъ окомъ образуются два предмета: съ одной стороны —

ты, Пафнутьевъ, предъявляющій желаніе, съ другой стороны—начальство, могущее дать или не дать. Въ сихъ обстоятельствахъ какъ долженъ ты поступить?

Долженъ ли ты послѣдовать примѣру столько разъ упомянутаго мною капитана Пафнутьева, который, бывало, какъ дорвется до начальства, такъ сейчасъ: фф... жж... зз..? или же обязываешься докладывать начальству тихо и просить себѣ милости?

Предлагаю тебѣ эти вопросы, и внутренно самому себѣ удивляюсь. Ужели, говорю я себѣ, можетъ найтись въ мірѣ человѣкъ, который бы давно сихъ истинъ для себя не рѣшилъ? Или тебя въ школахъ ничему не учили? или ты позабылъ все выученное, и надо тебѣ оное повторить?.. Не долгіе же плоды твоего ученія!!

Займемся повтореніемъ.

Вначалѣ, земля наша была пуста—кто ее заселилъ? Звѣри свободно ходили изъ края въ край—кто имъ надлежащія мѣста опредѣлилъ? Приходили печенѣги, приходили татары, мужей побивали, а женъ уводили въ плѣнъ—кто ихъ побѣдилъ? Фабрикъ и заводовъ не было—кто ихъ основалъ? Просвѣщенія не было—кто его учредилъ? Люди питались злаками, самые цари изволили лакомиться уткой съ шафраномъ—кто надлежащія къ питанію средства преподалъ и указалъ? Не было ни земскихъ, ни уѣздныхъ судовъ, а тѣмъ паче магистратовъ и ратушъ — откуда восприяли они начало? Не было ни общественнаго здравія, ни общественнаго благоустройства, ни общественнаго спокойствія, не было ни мостовыхъ, ни начпортовъ, ни таксъ на хлѣбъ печеный и въ мукѣ, ни раздѣленія говядины на сорта—откуда все это явилось?

Откуда? Кто?

Вотъ то-то, мой другъ! Когда тебѣ разсуждать не слѣдуетъ—ты разсуждаешь; когда же, напротивъ того, остротѣ твоего ума ни что не мѣшаетъ — ты оставляешь оную втунѣ! Не означаетъ ли это, что умъ твой развращенъ и пресыщенъ? что онъ, подобно желудку гастронома, требуетъ не здоровой пищи, а пораженной тлѣніемъ и разлагающейся?

Мало тебѣ напоминаній древне-историческихъ — укажу нѣчто изъ недавней, хотя и минувшей практической твоей жизни.

Когда служитель твой оказывалъ тебѣ неповиновеніе и гру-

бость — не въ часть ли ты его отсылалъ? Когда крестьянинъ твой не платилъ даней — съ чьею помощію ты его къ исполненію обязанностей обращалъ? и т. д., и т. д.

Вотъ о чемъ всечасно надлежитъ тебѣ вспоминать, Пафнутьевъ! а не смущать себя указаніями, которыя предлагаетъ высокоумный твой разумъ! Подумай: вѣдь разумъ разсуждаетъ помимо критики, помимо исторіи, а куда же дѣнешься съ практикой? куда спрячешь исторію?

Ты говоришь: сова усматриваетъ лежащаго въ кустахъ зайца, мгновенно налетаетъ, и, впиваясь въ него одной лапой, другую держитъ на отмашь. Она напередъ знаетъ, что испуганный заяцъ понесется съ быстротой молніи, и разсчитываетъ, что не можетъ остановить его непстовый скокъ иначе, какъ ухватившись простертою лапой за какой либо встрѣченный предметъ (для того-то она и простираетъ ее). Но увы! (это все ты говоришь) разсчетъ ея не всегда вѣренъ. Случается часто, что ухватившись за древесный сукъ, она не только не удерживаетъ разскакавшагося зайца, но оставляетъ на сукѣ свою лапу, и впослѣдствіи истекаетъ кровью. Тѣмъ не менѣе (ты же продолжаешь), не смотря на подобныя гибельныя послѣдствія и несомнѣнныя свидѣтельства о томъ исторіи, ни одна сова въ мірѣ до сихъ поръ не останавливается подобными соображеніями, но всѣ онѣ продолжаютъ производить нападенія на зайцевъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какой указываетъ инстинктъ.

Другой примѣръ: волкъ забирается ночью въ овчарню. Производя это въ ночное время и потаеннымъ образомъ, онъ тѣмъ самымъ явно доказываетъ, что предвидитъ въ будущемъ нѣчто не вполнѣ для себя благопріятное. А предвидитъ онъ вотъ что: проснется овчаръ, и не только помѣшаетъ волку исполнить задуманное, но еще намнетъ бока, а быть можетъ лишитъ и жизни. Такъ оно и бываетъ. Тѣмъ не менѣе, говоришь ты, ни предвидѣніе, ни даже твердая увѣренность не могутъ удержать волка въ его стремленіи; не смотря на очевидную опасность, онъ лѣзетъ въ овчарню... и погибаетъ!

Подобно сему, продолжаешь ты, и я, Пафнутьевъ, не знаю, что ждетъ меня впереди, но правъ своихъ не отстаивать не могу...

Прекрасно!

Стало быть, ты волкъ? стало быть, ты хищная сова? Ты

самъ сознаешь, стало быть, что идешь въ овчарню не открыто и при свѣтѣ дня, но прокрадываешься ночью и потаеннымъ манеромъ? Въ такомъ случаѣ, напрасно же оговариваешься невѣдѣніемъ объ ожидающей тебя участи: я могу предсказать ее тебѣ. Ты оставишь свою руку на томъ самомъ сукѣ, который думаешь ухватить, и получишь казнь въ той самой овчарнѣ, въ которой мечтаешь быть властелиномъ!

Того ли ты хочешь?

Любя размышленіе, я иногда думаю: Господи, что дѣлается, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ! кто скажетъ навѣрное, съ кѣмъ идти, куда стремиться, кого слушаться? Не слушаться—не могу; но кого, Господи! кого? Кто разберетъ, гдѣ похвальное, гдѣ непохвальное, что на пользу, что во вредъ, чему радоваться и чѣмъ печалиться? И долженъ сознаться, что результатъ моихъ размышленій таковъ: ничего не понимаю.

. . . . . .

Заговорилъ ты, Пафнутьевъ, о правахъ—это такъ! Но подумалъ ли ты о томъ, какую матерію шевелишь? Или ты обольщаешь себя мыслію: только бы мнѣ свое получить, а насчетъ прочихъ поревную особо... Легковѣрный!

Бабушка Татьяна Юрьевна такъ на этотъ счетъ выражалась: «положи ты мнѣ, свѣтъ Николашенька, только одинъ пальчикъ въ ротъ, а тамъ ужь я сама всю твою ручку скушаю!» Незабвенная бабушка; сколько разъ на дню я тебя вспоминаю, глядя на пышѣющихъ Пафнутьевыхъ! Несчастные, они полагаютъ, что какъ они легко покумились, такъ же легко впослѣдствіи и раскумиться могутъ... Какая глупая самонадѣянность!

И вѣдь еслибъ доподлинно жить тебѣ худо было, а то вспомни, какъ ты проводилъ время, какими пользовался пріятностями? Встанешь ты утромъ — умываться тебѣ подаетъ меньшій братъ твой! захотѣлъ чаю — чай подаетъ меньшій братъ твой! пожелалъ кушать — завтракъ, обѣдъ и ужинъ готовитъ меньшій братъ твой! пришло время спать — постелю стелетъ меньшій братъ твой! одѣваетъ и раздѣваетъ—меньшій братъ твой. Твоего собственнаго труда было только—ѣсть, пить, спать да протягивать руки и ноги. Какихъ еще тебѣ правъ нужно? или ты подлинно захотѣлъ тѣхъ, которыми пользовался меньшій твой братъ?

Дѣти! нѣтъ гнуснѣе поступка, какъ отрекаться отъ самого себя. Одинъ Пафнутьевъ говоритъ: я лыкомъ шитъ; но ежели это и подлинно такъ, то слѣдуетъ ли объявлять объ томъ всенародно? Не лучше ли было бы, еслибы ты это скрылъ? а если скрыть нельзя, то не умнѣе ли, если бы ты, не выставляя себя срамцомъ, напротивъ того всѣмъ и каждому говорилъ: блаженно и лыко, которымъ я сшитъ... твори, Господи, волю твою! Другой Пафнутьевъ повѣствуетъ: предки мои въ крестовыхъ походахъ не были, а все тарелки подавали! Но что же дѣлать, мой другъ, ежели крестовыхъ походовъ не было, а были тарелки? и слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ ставить тарелки въ укоръ?— Отнюдь. Предки твои дѣйствительно подавали тарелки, но они дѣлали это любя, и не рѣдко получали за то лакомые куски. Зачѣмъ же ты забываешь о лакомыхъ кускахъ, и помнишь лишь о тарелкахъ? Наконецъ третій Пафнутьевъ продолжаетъ: чортъ ли въ томъ, что я Пафнутьевъ, коль скоро никакихъ дѣлъ мнѣ рѣшать не предоставлено! Такъ, мой другъ, такъ! А проэкзаменовать тебя, такъ вѣдь ты и дѣлъ-то никакихъ, пожалуй, назвать не умѣешь... рѣшитель! И куда тебя, подъ стекло что ли посадить дѣла-то рѣшать! вотъ удивленье-то будетъ! вотъ утѣха! Рѣшитель!..

И всякій секретно про себя думаетъ: отрекусь я отъ самого себя, можетъ, никто не замѣтитъ!.. Права!..

Горько. Была одна доблесть: смиреніе, но и та досталась какъ бы исключительно въ удѣлъ господину Аксакову, который хотя и старается, но успѣетъ... врядъ ли!.

И еще говаривала бабушка: «обманывать, свѣтъ Николашенька, точно что грѣхъ, а потихоньку можно. Я отъ покойницы маменьки сколько разъ потихоньку дѣлывала — ничего, сходило! Конечно, не безъ того, чтобы изрѣдка и не потрепать, да вѣдь въ нашемъ дѣлѣ, свѣтъ Николашенька, за тычкомъ и не угоняешься!»

Часто задумываюсь я надъ этими словами незабвенной бабушки, и спрашиваю себя: ужели добрая хранительница моей юности, весь вѣкъ свой бывшая образцомъ добродѣтелей, не только оправдывала, но и внушала ложь?.. Не можетъ этого быть!

Такъ оно и выходитъ.

Если я захочу съ чѣмъ нибудь сравнить человѣческую

жизнь, то конечно, лучшаго примѣра не найду, какъ домашнее наше хозяйство. И та и другое до крайности разнообразны; и та и другое поглощаютъ множество предметовъ самаго противоположнаго свойства. Предметы эти, скучиваясь въ одну массу, ограничиваются другими сосѣдними предметами, утрачиваютъ часть своихъ первопачальныхъ свойствъ, занимаютъ каждый свое мѣсто, и въ концѣ концовъ, образуютъ такъ называемую гармонію. Валяется, напримѣръ, на полу негодный лоскутокъ бумажки, добрая хозяйка подниметъ его, и мыслитъ: въ хозяйствѣ онъ пригодится. И дѣйствительно, не проходитъ минуты, какъ бѣжитъ старшій сынъ, и спрашиваетъ: мамаса! бумазки! Попадается подъ руки дряпная тряпица, сальный огарокъ, обрывокъ стараго мужнина носка — добрая хозяйка ничѣмъ не пренебрегаетъ, все прибираетъ въ особое мѣсто, ибо все это въ хозяйствѣ можетъ понадобиться. Маленькой Лёлѣ захотѣлось устроить куклу—старую тряпку и обрывокъ носка можно употребить на набивку ея; у маленькаго Пети насморкъ сдѣлался—сальнымъ огаркомъ можно носикъ ему помазать! И вотъ какимъ образомъ въ старыя времена составлялись значительныя состоянія! Не то же ли самое замѣчаемъ мы и въ жизни?—Рѣшительно то же. Есть средства, которыя строгими моралистами хотя и осуждаются, но которыя въ жизненной экономіи бываютъ не только пригодны, но даже необходимы. Почему? а потому просто, что средства эти, будучи употреблены во благовременіи и обставлены цѣлою совокупностію другихъ соотвѣтствующихъ условій, не только утрачиваютъ свой огорчительный для моралиста характеръ, но даже дѣлаются какъ бы вовсе не предосудительными. Такъ, напримѣръ, обманъ превращается въ «потихоньку», присвоеніе чужой собственности—въ «благопріобрѣтеніе», обольщеніе чужой жены или дочери въ модное занятіе ферлакурствомъ!

Вотъ первое основаніе неизбѣжности того, что добрая моя бабушка разумѣла подъ словомъ «потихоньку». Но есть еще второе и третье основаніе.

Одинъ господинъ, мужественной наружности, въ минуту откровенности говорилъ мнѣ:—въ 18** году, когда я состоялъ... (пропускаю: гдѣ и чѣмъ), то изрядно также мошну свою поправилъ!

— Стало быть, вашество, это изъ казеннаго ящика-съ? спросилъ я его.

— А ты, можетъ быть, думалъ, изъ носу? отвѣчалъ онъ и, оставивъ вопросъ безъ дальнѣйшаго разъясненія, разразился веселымъ, громкимъ смѣхомъ.

— Стало быть, вашество, секретно изволили? продолжалъ я, все еще не понимая причины его смѣха.

Но на это онъ даже и не отвѣтилъ, а только тоненькимъ голосомъ передразнилъ: «стало быть, вашество, секретно изволили?»

Въ то время я не понялъ этого изреченія, и долго, по простотѣ своей, думалъ: если этотъ господинъ секретно лазилъ въ казенный ящикъ, то, стало быть, онъ дѣлалъ недозволенное, а ежели дѣлалъ недозволенное, то, стало быть, обманывалъ! Теперь я все это понимаю: онъ просто дѣйствовалъ «потихоньку»— и больше ничего. Ибо что такое обманывать? Обманывать значитъ отрицать: говорить: «не знаю», когда знаешь, утверждать, что ты видѣлъ человѣка съ двумя головами, когда таковаго отнюдь не видалъ,—и вообще вводить въ заблужденіе. Спрашиваю: вводилъ ли кого нибудь въ заблужденіе этотъ господинъ?—формально никого не вводилъ. Отрицалъ ли что? — ничего не отрицалъ, ибо никто у него ничего не спрашивалъ! Онъ просто говорилъ себѣ: «я теперь въ такомъ положеніи, что могу соблюдать права, но такъ какъ меня могутъ изловить, то буду соблюдать ихъ потихоньку!» Вотъ и все.

Одинъ извѣстнѣйшій либералъ, когда я отправлялся въ губернскій городъ Семіозерскъ по дѣлу о прекаціяхъ, далъ мнѣ такого рода инструкцію:

— Вы, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ: — дѣйствуйте больше посредствомъ обѣщаній! Обѣщайте и то, и другое, и третье... и когда приведете ихъ къ одному знаменателю, тогда...

— Стало быть, вашество, обмануть приказывать изволите? спросилъ я.

Такъ либералъ мой даже побагровѣлъ весь отъ негодованія.

— Кто вамъ приказываетъ обманывать? Кто вамъ рекомендуетъ «обманывать?» наскочилъ онъ на меня:—ему говорятъ: дѣйствуйте потихоньку, а онъ «обманывать!» Обманывать? а? обманывать? Извольте, сударь, отправляться и дѣйствовать, какъ вамъ приказано!? Обманывать!?

Это второе основаніе.

А вотъ и третье. Почему обманъ вреденъ? потому что онъ производитъ соблазнъ. Я отрицаю, изобрѣтаю вымышленныя

повѣствованія, словомъ сказать, ввожу ближняго въ заблужденіе; лакей мой слышитъ это и разсуждаетъ: ежели баринъ такъ вретъ, то почему же не начать врать и мнѣ? И начинаетъ. Съ этой минуты жизнь моя окончательно отравлена. Онъ будетъ утверждать, что я обѣдалъ, тогда какъ я не обѣдалъ; будетъ съ испуганнымъ видомъ восклицать, что въ домѣ пожаръ, тогда какъ пожара никакого нѣтъ; — наконецъ, прибѣжитъ и скажетъ, что барыня разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, тогда какъ никакого разрѣшенія совсѣмъ не послѣдовало. Кончится это, разумѣется, тѣмъ, что я сокрушу ему зубы, или переломлю ребро, и за это, по строгимъ нынѣшнимъ порядкамъ, попаду подъ судъ. Судъ съ своей стороны приговоритъ меня на поселеніе... вотъ плоды!! Но этого мало: глядя на меня и на моего лакея, и другіе примутся за то же ремесло, и произойдетъ тогда нѣчто необыкновенное: всѣ мы, сколько насъ ни есть, будемъ другъ друга обманывать. «Ты, братъ, солгалъ!» буду говорить я своему сосѣду: «да вѣдь и ты, братъ, солгалъ!» будетъ отвѣчать онъ мнѣ... какая же польза отъ этого? Какое поученіе? Напротивъ того, ежели я дѣлаю «потихоньку», то никто ничего не знаетъ, а всякій думаетъ, что я ничего не дѣлаю. Между тѣмъ я своего таки добиваюсь, и соблазна никакого не произвожу. Вижу я, напримѣръ, что нѣкто за мной примѣчаетъ — я погожу; вижу, что онъ отвернулся — я опять за свое дѣло. И ежели тогда лакей мой вздумаетъ облыжно обрадовать меня рожденіемъ неродившагося сына, то я съ полнымъ достоинствомъ ему возражу: «опомнись, мой другъ! развѣ ты слышалъ, чтобы я кого обманулъ? бери, братецъ, примѣръ съ меня!»

Пафнутьевъ! ты, который мнишь себя высокоумнымъ, — размысли объ этомъ!

Сего числа, пришелъ ко мнѣ старшій сынъ мой, Петинька, съ обыкновенною своею просьбой: пàпа! дай лялькн! Я съ своей стороны, по обыкновенію, началъ доказывать маленькому шалуну, что отъ ляльки у него животикъ заболитъ и зубки испортятся. Но неопытный младенецъ на сей разъ перехитрилъ опытнаго старца. «Мнѣ бы, папаса, эту ляльку только въ ручкахъ подержать!» сказалъ онъ мнѣ, и едва лишь я успѣлъ удовлетворить его невинному желанію, какъ маленькій хитрецъ эту самую «ляльку» мгновенно въ монхъ глазахъ проглотилъ!..

Подивись, о Пафнутьевъ! практической мудрости невиннаго младенца!

Въ прежнія времена жили мы между собой очень дружно. Никакихъ этихъ «яко бы правъ» не знали, а знали только, кому что принадлежитъ. И сообразно съ этимъ обстанвали.

Въ то время всѣ бѣды отъ нашей неукротимости на насъ насылались. Виноваты мы были. Не то, чтобы словомъ или ласкою, а больше все кулачищемъ этимъ да арапникомъ... Однако, и за всѣмъ тѣмъ средства изыскивали.

Начать съ того, что всѣ мы другъ дружкѣ либо родня, либо кумовья были. Хлобыстовскіе родня Дракинымъ, Дракины въ свойствѣ съ Расплюевыми, а Расплюевы чуть ли не приходятся внучатными самому Гвоздилову. Вотъ они стѣна стѣной и стоятъ. Проштрафится, бывало, Дракинъ, — сейчасъ къ Расплюеву.

— Такъ и такъ, — бѣда!

— Опять изувѣчилъ?

— И всего-то одну плюху... не понимаю даже, что съ нимъ случилось: какъ закатился!

— Ладно.

Ѣдетъ Расплюевъ къ Хлобыстовскому, отъ Хлобыстовскаго къ другому Дракину, отъ другаго Дракина къ Гвоздилову, всѣмъ говоритъ: такъ и такъ. Посудятъ, порядятъ между собой, и опредѣлятъ: — стоять.

Пойдетъ бомбардировка — стоятъ! На все, про все одинъ отвѣтъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, а должно полагать, случилось съ нимъ это отъ нетрезвой жизни... Ну, попалятъ, попалятъ, увидятъ, что втунѣ — и разойдутся.

А правъ не было!

Вторымъ обстоятельствомъ, скрѣплявшимъ насъ, было родство, такъ сказать, духовное. Всѣ мы были люди, всѣ человѣки, всѣ чувствовали свои слабости. Если виноватъ Хлобыстовскій, виноватъ Расплюевъ, виноватъ Гвоздиловъ — могутъ ли они другъ передъ другомъ носъ задирать? Ну, и выходила у насъ тутъ дисциплина, настоящая, естественная, такъ сказать, дисциплина. Потому какъ мы всѣ во грѣсѣхъ равны, то если бы кто и пикнулъ — сейчасъ ему зеркало: смотрись! А такъ какъ смотрѣть нечего, то большею частію тѣмъ и оканчивалось, что пошумятъ, пошумятъ между собой, а потомъ и

опредѣлятъ: стоять! А почему стоять? а потому, государи мои, что тронь изъ насъ одного, куда жь бы дѣвались всѣ прочіе?

Ну, опять наводятъ пушки, опять напускаютъ шавокъ—не шелохнемся, всѣ какъ одинъ! Что жь бомбардиры-то наши? а вотъ что: попалятъ, попалятъ, увидятъ, что втунѣ, и разойдутся.

А правъ не было!

Третье: не было въ насъ строптивости никакой. Какъ чувствовали мы себя виноватыми, такъ моды-то эти надобно было бросить. Ну, и начальство видѣло: люди, дескать, грѣшные, виноватые, что съ нихъ возьмешь! А мы между тѣмъ, кто съ барашкомъ въ бумажкѣ, кто съ поклонцемъ, кто со слезами... И такъ, государи мои, наплачемъ, что не бывало, кажется, дѣла такого, котораго бы мы на свой ладъ во всѣхъ статьяхъ не обдѣлали!

А правъ не было!..

Такъ бывало въ старое время. Посмотримъ, каковы-то порядки завелись нынче.

Для сего стоитъ только оглянуться кругомъ. Оглядываюсь, и что же вижу? вижу раздоръ, вижу распри, вижу розни!

На дняхъ иду по улицѣ, встрѣчаю Пафнутьеву дочь. Идетъ это стриженная, словно въ старину наказанныя дѣвки хаживали, идетъ и подъ мышкой книгу — Бокля держитъ. Досадно мнѣ, знаете, сдѣлалось, потому что все-таки своя... Пафнутьева!!

— Ну-съ, говорю, сударыня — гуляете-съ?

— Гуляю-съ, говоритъ.

— Мамашенька съ папашенькой какъ-съ?

— Да что, говоритъ, мамаша съ папашей! Вотъ крѣпостное право ужь упразднили, — можетъ быть, и ихъ скоро упразднятъ!

Какова-съ?

Иду далѣе, встрѣчаю Пафнутьева сына; этотъ, напротивъ того, совсѣмъ лохматый. Еще досаднѣе мнѣ стало.

— Ну-съ, говорю: гуляете-съ?

— Гуляю-съ, говоритъ, а самъ дерзко-предерзко въ глаза мнѣ смотритъ.

— Какъ, говорю, папаша въ своемъ здоровьи? какъ либеральничаетъ?

— Нынче, говоритъ, этакими-то либералами заборы подпираютъ, а не то, чтобы что...

Каково-съ?

Это по части родственныхъ узъ.

А вотъ и по части сословной.

Завелась у насъ эта эмансипація. Начальство ее придумало, оно же и приказать изволило—не спорю! Надо, стало быть, исполнять. Кто исполнители? — Пафнутьевы. Каковы исполнители???

Не могу продолжать.

Изъ-за чего ты бьешься, Пафнутьевъ? изъ-за чего цаловаться лѣзешь? — По истинѣ, это сюжетъ для меня отмѣнно любопытный!

Поди сюда и давай бесѣдовать.

Станешь ли ты служительскія должности исполнять? нѣтъ, не станешь. Для чего же ты говоришь, что служительскія должности не суть постыдны? — ты молчишь!

Станешь ли ты съ служителями обѣдать, примешь ли участіе въ служительскихъ удовольствіяхъ, посадишь ли служителя съ собой рядомъ въ карету? — нѣтъ, не станешь, не примешь и не посадишь. Для чего же ты говоришь, что сообщество служительское не есть гнусно? — ты молчишь!

Согласишься ли ты охотой идти въ солдаты?— нѣтъ, не согласишься. Для чего же ты твердишь, что это есть всякаго прямой долгъ и обязанность? — ты молчишь.

Отъ дальнѣйшихъ вопросовъ воздержусь.

Но быть можетъ, ты скажешь: я все сіе буду не исполнять, а направлять?.. такъ тебя и пустили!!

Да, дѣти! вы не знаете, какое время, какое ужасное время переживаютъ ваши отцы! Вы даже не повѣрите, чтобы могло когда нибудь такое время существовать:

Чтобы дѣти не уважали своихъ родителей.

Чтобы служители не слушались господъ, а напротивъ того, грубили имъ, и даже дразнились.

Чтобы члены одной и той же семьи, вмѣсто того, чтобы подать руку помощи, высовывали другъ другу языки.

Чтобы мелкихъ денегъ не было.

Чтобы крупныхъ денегъ не было.

Чтобы вдругъ цѣлая масса людей оказалась ни на что не годною, кромѣ раскладыванья гранъ-пасьянса?

Спите, милыя! И пусть ангелъ-хранитель оградитъ даже сны ваши отъ представленія тѣхъ горестей, которыя, подобно ядовитѣйшимъ насѣкомымъ, изъязвляютъ и поядаютъ отцовъ вашихъ.

А все ты, Пафнутьевъ! ты, ты, ты!

Ты началъ съ того, что не хотѣлъ бочки съ водой на домѣ твоемъ поставить — смотри же теперь, любуйся на дѣла рукъ твоихъ! И если бы ты еще доподлинно эту бочку не поставилъ, а то вѣдь только накричалъ, нашумѣлъ!.. Что жь вышло? А вотъ что. Первое, служители твои слышали, какъ ты кричалъ и шумѣлъ, и заключили, что, стало быть, шумѣть и кричать можно. Второе, слышавши твои крики, они въ то же время видѣли, что на тебя все-таки никто не посмотрѣлъ, а изъ этого заключили, что ты сѣчешь и рубишь, и въ полонъ берешь, а впередъ, братъ, не подвигаешься! Что малый-то ты, стало быть, братъ, дрянь! И первое взяли себѣ къ руководству, а второе къ соображенію.

Другіе-то, другіе-то, покорные-то за что тутъ страдаютъ?

Вѣрь, Пафнутьевъ, мнѣ самому тяжело обращаться къ тебѣ съ упрекомъ. Я знаю, что ты все-таки Пафнутьевъ, и что твоя бабушка моему дѣдушкѣ кумой была. Но я вынужденъ къ тому, и вынужденъ слѣдующимъ совершенно несноснымъ обстоятельствомъ.

На дняхъ мы съ женой обѣдаемъ. Подаютъ супъ (стерляжьей ухи, братъ, мы нынче ужь не ѣдимъ: достатки не тѣ), въ супѣ волосъ. — Это что? спрашиваю я своего Лпчарду. — Волосъ-съ, отвѣчаетъ Лпчарда, да такъ вѣдь каналья любезно, какъ будто бы этому дѣлу такъ и быть надлежитъ. Стерпѣлъ.

Подаютъ жаркое, къ жаркому салатъ (только сію роскошь себѣ и позволяемъ, да и то потому, что свои оранжереи есть), въ салатѣ червякъ ползетъ.

— Это что? спрашиваю я опять. — Червякъ-съ, отвѣчаетъ Лпчарда.

— Червякъ-то червякъ, да зачѣмъ онъ сюда попалъ? — Попалъ-съ, отвѣчаетъ Лпчарда. Опять стерпѣлъ.

Подаютъ пирожное, въ пирожномъ мочалка. — Это что? —

Мочалка-съ. — Зачѣмъ мочалка? — Да что вы ко мнѣ пристали!.. Не стерпѣлъ...

На другой день слѣдствіе.

И такимъ образомъ каждый день. Скажи, Пафнутьевъ, статочное ли дѣло такъ жить?

Я добръ; но ежели мнѣ не даютъ ѣсть, — я свирѣпѣю.

Я добръ; но ежели встрѣчаю въ своей постелѣ битое стекло, — я свирѣпѣю.

Я добръ; но ежели на мое приказаніе истопить печку отвѣчаютъ: «поспѣешь!» — я свирѣпѣю.

Статочное ли дѣло такъ жить? вновь спрашиваю я тебя.

А мы живемъ. Мы всѣ, потомки бабушки Татьяны Юрьевны, такъ живемъ!

Не далѣе, какъ вчера, читалъ я повѣсть о многострадальномъ Іовѣ... ахъ, какая это книга! прочти ты ее, Пафнутьевъ!

Былъ вечеръ, на дворѣ гудѣла вьюга; сторожа разбѣжались (да врядъ ли, впрочемъ, и приходили). Я крикнулъ «чаю!» но отвѣта не получилъ, ибо лакейская была пуста. Мы ходили съ женой по опустѣлымъ комнатамъ нашего стараго дома, и разсуждали о томъ, сколько нужно имѣть въ наше время терпѣнія, снисхожденія и кротости; вдали раздавались голоса дѣтей, укладывавшихся спать, и между ними голосъ старухи-няньки, которая, безъ всякой робости, кричала: «цыцте вы, пострѣлята! и то ужь изъ милости паскудникамъ вашимъ служу!» Въ это время взоры наши упали на книгу объ Іовѣ.

Результатомъ этого чтенія было то, что мы вдругъ какъ бы помолодѣли. Откуда взялась бодрость, надежда, увѣренность: даже объ чаѣ забыли!

— Ты видишь, мой другъ, говорила жена:—если стада отнимаются, то они же и опять посылаются; если рабы разбѣгаются, то они же и опять возвращаются! Стоитъ только подождать...

— Стоитъ только подождать, повторилъ я въ сладкой задумчивости.

И затѣмъ остальной весь вечеръ были веселы, а за ужиномъ даже вспомнили одного веселаго сосѣда, который всякій разъ, какъ что нибудь ѣстъ, предлагаетъ себѣ вопросъ:—а ну, Петръ Петровъ, отвѣчай: подлинно ли ты галантиръ или битое мясо ѣшь? И самъ же отвѣчаетъ: нѣтъ, не галантиръ и не битое мя-

со ѣшь, а ѣшь ты, Петръ Петровъ, послѣднее свое выкупное свидѣтельство!

И еще утѣшило насъ съ женою вотъ что: Пафнутьевъ нашъ хоть о правахъ и толкуетъ, однако, коли есть въ надеждѣ рубль серебра стибрить, такъ онъ тоже малый не промахъ. Вотъ хоть бы онамѣднись: собрались милые люди вкупѣ (все для тѣхъ же «яко бы правъ» своихъ), а объ чемъ же сперва-наперво рѣчь повели? А вотъ объ чемъ: ты, говоритъ, получи тысячу рублевъ, и мнѣ предоставь тысячу рублевъ, и ему тысячу рублевъ... И такъ это занятно у нихъ вышло, что даже прохожіе, и тѣ удивлялись: какіе это такіе политики собрались? Сказываютъ, инымъ по пятнадцати цѣлковенькихъ отсчитали — и тѣми не погнушались, взяли... Хвалю!

За что хвалю? за то и хвалю, что, значитъ, молодцы; — значитъ, не все еще пропало... Не смотри дескать, милый человѣкъ, что я о правахъ болтаю, а покажи мнѣ десяти-рублевенькую...

Хвалю!

Н. ЩЕДРИНЪ.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО СОВРЕМЕННЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ.

Мы изобразили литературу XVIII столѣтія такими непривлекательными красками, что всякій вправѣ спросить насъ: что же такое на самомъ дѣлѣ была эта литература? Имѣла ли она какое нибудь значеніе для современнаго ей общества? Какой былъ внутренній смыслъ ея? Имѣетъ ли она, — и такое ли имѣетъ отношеніе къ послѣдующей литературѣ, чтобы стоило заниматься ею? И если—да, то въ чемъ должна состоять задача исторіи литературы при разсмотрѣніи литературы XVIII столѣтія?

Чтобы выяснить себѣ болѣе наглядно положеніе литературы въ нашемъ обществѣ XVIII столѣтія, представимъ себѣ, что въ настоящее время готовая литература разныхъ европейскихъ народовъ передается на языкъ какого нибудь грубаго, въ умственномъ отношеніи нисколько не развитаго народа, который принялъ однакожь внѣшнія формы европейскаго быта и жизни и который всѣми силами стремится стать въ уровень съ цивилизованными народами. Само собою разумѣется, что дѣло происходитъ исключительно въ верхнихъ слояхъ народа, въ такъ называемомъ передовомъ обществѣ. Какія произойдутъ при этомъ явленія?

1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что книга займетъ собою дикаря, займетъ потому, что онъ хочетъ сдѣлаться европейски-цивилизованнымъ,—а онъ знаетъ или по крайнѣй мѣрѣ вѣритъ, что книга создала цивилизацію Европы, — и онъ будетъ стараться о пріобрѣтеніи для себя, о передачѣ на свой родной языкъ твореній всѣхъ литературныхъ европейскихъ знаменитостей, — не соображая того, нужны ли онѣ ему въ данное время, сообразны ли съ его развитіемъ; ибо этого

онъ и соображать не можетъ, — напротивъ при переводѣ каждой новой книги онъ, по своему младенческому разумѣнію, будетъ предполагать, что именно въ этой книгѣ онъ и найдетъ искомое имъ, что въ ней именно онъ получитъ ключъ къ европейской цивилизаціи, ключъ, при помощи котораго онъ легко уразумѣетъ ея сущность и успѣетъ быстро поравняться съ другими цивилизованными народами. Все это въ сущности принесетъ ему не много пользы, — но не останется и совсѣмъ безъ пользы для него. Занятіе книгой будетъ полезно для него не только потому, что оно будетъ отвлекать его отъ буйныхъ привычекъ и наслажденій и пріучать къ удовольствіямъ умственнымъ,—но и потому, что оно познакомитъ его съ міромъ новыхъ идей, понятій, воззрѣній, дотолѣ ему совершенно непзвѣстныхъ.

2) Онъ не пойметъ этихъ идей, понятій, воззрѣній вполнѣ, ибо для того, чтобы попять ихъ вполнѣ, надобно изучить ихъ въ ихъ корнѣ, надобно узнать тѣ начала, ту философію, которыя составляютъ ихъ основаніе. Тѣмъ не менѣе они понравятся ему не только своею новизною, но даже и своимъ контрастомъ съ принятыми и существующими въ его обществѣ идеями, понятіями, воззрѣніями. И онъ будетъ стараться, на сколько умѣетъ, *самодѣльно* изобразить ихъ въ своемъ родномъ словѣ. Внутреннее отношеніе мысли къ предмету мыслимому будетъ въ этомъ случаѣ совершенно неправильное. Ибо говорящій будетъ представлять собою нѣчто похожее на мальчика, повторяющаго мысли и чувства взрослыхъ, имъ самимъ не продуманныя, не прожитыя, не прочувствованныя. По этому самому и самое выраженіе окажется неестественнымъ, надутымъ, натянутымъ, реторическимъ. Это будетъ ни что иное, какъ школьное, ученическое упражненіе на заданную тему, и притомъ выбранную не по силамъ ученика.

3) Но и для ученика есть однакожъ темы по силамъ, темы о предметахъ, хорошо ему знакомыхъ. Напавши на такую тему мысль его станетъ въ правильное отношеніе къ предмету, т. е. онъ скажетъ о предметѣ то, что онъ дѣйствительно думаетъ о немъ, и выразитъ такъ, какъ думаетъ. Такъ точно и дикарь, занявшійся литературою, — когда мысль его попадетъ на предметы, извѣстные ему, предметы, дѣйствительно его интересующіе, онъ будетъ мыслить о нихъ дѣльно и выражать свою мысль просто и ясно. Чѣмъ чаще онъ будетъ нападать на такіе предметы, тѣмъ болѣе будетъ развиваться его истинное понятіе о литературѣ. Онъ пойметъ наконецъ, что литература не есть наборъ формъ, или наборъ фразъ, или даже наборъ чужихъ мыслей и чувствъ, а что она есть выраженіе собственной мысли и чувства. Сначала такое пониманіе литературы явится въ немногихъ, потомъ мало по малу оно будетъ распро-

страняться въ обществѣ, пока наконецъ примется всѣмъ обществомъ, т. е. все общество признаетъ извѣстное серьезное значеніе за литературой. Съ этого времени и начнется дѣйствительная литература: такъ какъ съ этого времени возникнутъ съ одной стороны извѣстныя опредѣленныя требованія относительно литературы со стороны общества, а съ другой—писатели будутъ смотрѣть на литературу, какъ на дѣло общественное.

Вотъ краткая исторія нашей литературы XVIII столѣтія, въ которой заключается полный отвѣтъ почти на всѣ предложенные выше вопросы. Намъ остается только пояснить его историческими фактами.

1) Такая ничтожная литература, какою мы изобразили литературу XVIII столѣтія, могла ли имѣть какое нибудь значеніе въ современномъ ей обществѣ?—Въ обществѣ, не знавшемъ другихъ удовольствій, кромѣ кулачныхъ боевъ, псовой охоты, гоняній голубей, пьянства и т. п., конечно, могла. Литература приносила обществу неисчислимую пользу уже тѣмъ однимъ, что давала ему книгу въ руки. Начиная только знакомиться съ книгою изъ любопытства ли то, изъ моды, или по другимъ какимъ причинамъ, человѣкъ естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для самого себя, долженъ былъ отвлекаться болѣе или менѣе отъ прежнихъ грубыхъ, буйныхъ удовольствій, а потомъ мало по малу и совсѣмъ оставлять ихъ, по мѣрѣ того какъ онъ привыкалъ къ книгѣ, начиналъ находить въ ней хотя какой нибудь вкусъ. Этому, если можно такъ выразиться, отрицательно-полезному дѣйствію книги въ обществѣ весьма много помогалъ театръ. Театръ былъ тогда забавою новою и любопытною для всѣхъ, и благодаря вліянію императрицы Екатерины, даже забавой модною. Эта новая забава понравилась очень многимъ, и театръ очень скоро принялся не только въ столицѣ, но и въ провинціи, даже въ городахъ отдаленныхъ отъ столицы. А театръ безъ книги былъ немыслимъ. Послушаемъ, какъ оцѣниваетъ именно съ этой точки зрѣнія значеніе литературы XVIII столѣтія одинъ изъ ея современниковъ:

«Благородное россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, пользуясь просвѣщеніемъ нынѣшняго времени... пріохотившись къ наукамъ, ищущее полезнаго съ пріятнымъ, находитъ свою забаву вмѣсто отдохновенія въ чтеніи книгъ, музыкѣ, въ зрѣніи театра и въ прочихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. —Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ? Они дрались со звѣрьми, боролись сами между собою до убивства, почитая то геройствомъ; кулачные бои бывали лучшимъ позорищемъ, важивали дѣтей своихъ оными забавляться; и какъ ручаться, чтобы въ ребячьемъ возрастѣ человѣкъ не пріучилъ сердце свое къ ожесточенію; даже благородныя женщины въ недавнемъ времени были зрительницами сихъ

позорищей.—Къ щастію нашему время оное перемѣнилось; просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ невѣжества не видно, — каждый знаетъ, что въ десятилѣтнеее время и меньше, начальники, управляющіе отдаленными отъ столицъ Россіи городами, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы, вездѣ слышимъ театры, построенные и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія; и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей, и даже разночинцовъ, восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели гоняніемъ голубей, конскими рысканіями или травлею зайцевъ и входятъ въ разсужденія о пѣсахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель».

Но литература дѣйствовала не однимъ только этимъ отрицательнымъ путемъ; она имѣла и положительное благотворное вліяніе на умы. Какъ ни ничтожна она была сама въ себѣ съ нашей точки зрѣнія на литературу, но она не учила намѣренно ничему дурному, сообщала болѣе или менѣе правильныя и человѣчныя идеи, понятія, воззрѣнія, преслѣдовала, на сколько умѣла и могла, общественные пороки и злоупотребленія. Все это забрасывало въ общество сѣмена новой жизни, другихъ нравовъ и обычаевъ. Разсматриваемыя съ нашей точки зрѣнія произведенія, положимъ, Сумарокова стоятъ ниже всякой критики. Но въ свое время они читались съ жадностію и,—мало того, — ни одинъ изъ писателей прошедшаго столѣтія не пользовался такою популярностью, какъ Сумароковъ. Послушаемъ того же современника, какъ онъ оцѣниваетъ пользу произведеній Сумарокова для тогдашняго общества: «я почитаю за пристойное при-«помнить, что воспитаніе много обязано покойному г. Сумарокову. «Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи «умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно отъ его пера исправ-«ленъ. До него представленія почитали одними только театральными «игрищами, а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувство-«вать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ Мольера и прочихъ, подражая «онымъ. Басни его поставить можно нравоучительной азбукой, слу-«жащей для каждаго. Паче всего заслуживаетъ безсмертіе омерзѣніе «къ ябедѣ, чему конечно ліющійся складъ стиховъ его причина; не «пощеголяетъ никто нынѣ, какъ прежде, десятилѣтней тяжбой, кото-«рую помощію стряпчаго могъ продолжать; а до его ополченія на «подъячихъ, ставили въ старину дворяне честію, будучи добрые «люди, что проворствомъ повѣреннаго тянется виноватое дѣло чет-

верть «вѣка, хвалясь притомъ, что ему секретари въ судахъ знакомы» (43).

И такъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и литература XVIII столѣтія принесла огромную пользу своему обществу, можетъ быть, количественно даже гораздо большую, чѣмъ какую приноситъ она теперь: ибо литература въ то время, при отсутствіи училищъ, была почти единственнымъ средствомъ для развитія; но въ качественномъ отношеніи польза отъ литературы можетъ быть весьма различна смотря по ея собственному внутреннему развитію и по ея собственному внутреннему смыслу. Потому, чтобы имѣть возможность приблизительно опредѣлить для себя, какую качественную пользу могла приносить литература XVIII столѣтія, намъ надобно понять внутренній смыслъ ея и степень ея внутренняго развитія.

2. Всѣ грубые и необразованные народы, пріобщаясь къ цивилизаціи, усвояютъ ее себѣ первоначально однимъ и тѣмъ же путемъ, именно ея внѣшнею стороною. Не понимая ни духа, ни смысла истиннаго образованія, дикарь усиливается уловить его въ его внѣшнихъ проявленіяхъ. Онъ наблюдаетъ обстановку людей образованныхъ, ихъ образъ дѣйствій и отношеній къ другимъ, ихъ условныя привычки и приличія, и все это цѣликомъ переноситъ въ практику своей жизни. Является цѣлый кодексъ условныхъ правилъ, стѣсняющихъ на каждомъ шагу каждое свободное дѣйствіе человѣка, даже до извѣстной степени каждое свободное движеніе души,—и въ соблюденіи этого кодекса поставляется вся сущность образованія. Люди превращаются въ безсмѣнныхъ актеровъ въ своей ежедневной жизни, — вмѣсто прежней дикости и грубой простоты нравовъ и отношеній, является изысканность, натянутость, чопорность, галантерейность и т. под.

Въ такомъ именно видѣ начинается цивилизація во всѣхъ необразованныхъ обществахъ. Фрейтагъ говоритъ о нѣмцахъ первой половины прошедшаго столѣтія:

«Стереотипныя, слишкомъ искусственныя формы принятаго въ обществѣ обращенія и реторическіе комплименты превращали каждое общественное собраніе въ сцену, а нѣмцевъ 1750 г. въ актеровъ; неискусно игравшій свою роль дѣлался смѣшнымъ. Кто хотѣлъ явиться къ какому нибудь патрону, тотъ долженъ былъ тщательно обдумать каждое свое движеніе. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы походка его была не слишкомъ скора, не слишкомъ смѣла и не слишкомъ робка, чтобы голосъ его былъ въ мѣру смягченъ; долженъ былъ держать шляпу въ лѣвой рукѣ такимъ образомъ, чтобы рука образовала собою извѣстный приличный уголъ; онъ долженъ былъ предварительно приготовить привѣтствіе такимъ образомъ, чтобы

оно было не слишкомъ длинно и не слишкомъ обрывочно, вообще настолько почтительно, чтобы могло возбудить благоволеніе, долженъ былъ обращать вниманіе даже на паденіе своего голоса, чтобы предварительно обдуманная имъ рѣчь не производила такого впечатлѣнія, а казалась рѣчью льющеюся непосредственно изъ души. Кто цаловалъ руку дамѣ или какому нибудь знатному лицу, тотъ даже и въ этомъ актѣ старался выразить точно свое душевное настроеніе и степень своего чувства; какъ приложиться къ рукѣ, приложиться ли только устами, или въ знакъ искреннѣйшаго уваженія приложиться къ ней не только устами, но и глазами и челомъ, затѣмъ какъ долго держать руку, какъ медленно освобождать ее, — все это было весьма важно и все это надобно было предварительно обдумать самымъ тщательнѣйшимъ образомъ. Сдѣланная въ этомъ случаѣ неловкость причиняла впослѣдствіи провинившемуся множество огорченій. Кто долженъ былъ предстать передъ большимъ собраніемъ, тотъ тщательнѣйшимъ образомъ обдумывалъ каждую свою позу, каждый жестъ, чтобы произвесть впечатлѣніе. У дамъ тщательно было заучено не только каждое движеніе вѣеромъ, но даже каждое поднятіе и опущеніе глазъ, каждая улыбка. Между тѣмъ требовалось, чтобы онѣ дѣлали это непринужденно, съ приличіемъ и тактомъ».

Но не только внѣшнія дѣйствія, — самыя чувства располагались по извѣстному кодексу условныхъ правилъ. «Какъ теперь, — говоритъ Фрейтагъ, — всячески избѣгаютъ чувствительныхъ сценъ, такъ тогда напротивъ искали ихъ и наслаждались ими. Еще въ школѣ начиналось возбужденіе къ подобнымъ сценамъ. Когда почтенный учитель имѣлъ какую нибудь грусть, — онъ заставлялъ учениковъ пѣть стихи, гармонирующіе съ его настроеніемъ, — само собою разумѣется, что онъ легко приходилъ при этомъ въ печальное расположеніе, — и ему пріятно было видѣть, когда мальчики понимали его и почтительно показывали ему свое участіе. Точно также проповѣдникъ на каѳедрѣ любилъ повѣрять своей паствѣ исторію своей жизни, — и его признанія, его скорби и радости, раскаяніе и внутреннее довольство выслушивались со вниманіемъ и освящались молитвою. Если еще и донынѣ можно находить людей, которые о мелочахъ говорятъ съ великою чувствительностію и патетически и нѣжно рисуются своимъ дурнымъ настроеніемъ и особенностію своей натуры, то на такія личности можно смотрѣть, какъ на запоздавшіе цвѣтки прежней нѣмецкой жизни. Благосклонному читателю конечно не рѣдко уже приходило на мысль, что душевныя склонности и характеристическія черты многихъ людей, которые толпятся вмѣстѣ съ нами, ведутъ свое начало иногда изъ очень отдаленныхъ временъ нашего прошедшаго и что жизнь настоящаго вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ

собою такую историческую картинную галлерею, въ которой дѣйствуютъ другъ подлѣ друга типы образованія и формы характеровъ, собранные изъ самыхъ различныхъ столѣтій нашей народной жизни. Въ особенности о трогательности всякаго рода и о возвышенныхъ чувствахъ хлопотали поколѣнія, жившія въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Быстро тогда производились въ *великіе* и чувства, и поступки, и люди; самые блестящіе предикаты были всегда наготовѣ во множествѣ, чтобы сдѣлать характеристику другу. Съ другой стороны какъ собственнымъ страданіемъ, такъ и несчастіемъ другихъ какъ будто наслаждались, хотя удовольствіе это и имѣло примрачный характеръ. Плакалось легко, — плакали обо всемъ — о собственныхъ и чужихъ страданіяхъ, плакали отъ радости, изъ благодарности, изъ почтительности, отъ удивленія»(44).

Все, что говоритъ Фрейтагъ о Германіи первой половины прошедшаго столѣтія, до того намъ знакомо, что представляется, какъ будто бы все это было снято съ нашихъ нравовъ, съ нашей жизни. Разница только въ томъ, что то, что въ Германіи процвѣтало въ полной силѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія и начало тамъ уже отцвѣтать съ этого времени, — у насъ только начиналось въ это именно время и затѣмъ тянулось очень долго, чуть ли не до Пушкина, а по захолустьямъ провинціальной жизни не отжило совсѣмъ и досель.

Любовь къ помпѣ, къ эффектности, къ церемоніямъ, исканіе трогательныхъ и чувствительныхъ сценъ, сценическое блистаніе благородствомъ и возвышенностью чувствъ, не смотря иногда на совершенное ихъ отсутствіе, составляютъ характеръ нравовъ вѣка Екатерины. Люди, встрѣчаясь другъ съ другомъ, разыгрывали другъ передъ другомъ комедію и чѣмъ эффектнѣе каждый игралъ въ ней свою роль, тѣмъ оставался довольнѣе. Эффектная выходка, эффектная фраза замѣняли дѣло и исторгали слезы; объ искренности чувствъ и отношеній, объ истинѣ дѣла не только не заботились, а напротивъ почиталось высшимъ признакомъ образованности блистать тѣми чувствами, которыхъ вовсе не было въ сердцѣ, или тѣми качествами, которыхъ и тѣни не имѣлось въ наличности. Взаимное мороченье другъ друга высокими чувствами, благородствомъ и выраженіемъ тому подобныхъ душевныхъ деликатесовъ не только доведено было до высшей степени совершенства на практикѣ, но и возведено въ основу и принципъ взаимныхъ отношеній.

Представимъ нѣкоторые примѣры въ подтвержденіе сказаннаго нами изъ автобіографіи Державина.

Во время пугачевскаго бунта, Державинъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе главнокомандующаго графа Панина. Онъ

навлекъ его тѣмъ, что послалъ извѣстіе о поимкѣ самозванца по командѣ своимъ ближайшимъ начальникамъ, именно князю Голицыну и завѣдывавшему секретными дѣлами по пугачевскому бунту въ Казани Потемкину, не донесши объ этомъ въ то же время Панину. Послѣдній, думая, что это сдѣлано Державинымъ изъ угожденія Потемкину, какъ родственнику тогдашняго временщика, съ цѣлью предоставить ему честь доставленія перваго извѣстія о поимкѣ самозванца въ Петербургъ,—сильно озлобился на Державина. Державинъ почувствовалъ собравшуюся надъ нимъ грозу по ордерамъ, которыми затребованы были отъ него объясненія по нѣкоторымъ самовольнымъ его дѣйствіямъ при защитѣ Саратова противъ Пугачева — и рѣшился ѣхать для личныхъ объясненій съ Панинымъ, находившимся въ Симбирскѣ. Здѣсь дѣло принимало для Державина очень серьезный оборотъ. Придравшись къ самовольной отлучкѣ Державина изъ Саратова во время нападенія на него мятежниковъ и къ взбалмошнымъ его выходкамъ противъ Саратовскаго коменданта Бошняка при укрѣпленіи Саратова, Панинъ чуть ли не хотѣлъ обвинить его въ измѣнѣ. По крайней мѣрѣ по пріѣздѣ въ Симбирскъ Державина, князь Голицынъ, убѣждая его не являться къ Панину, между прочимъ передавалъ ему, что «Панинъ, недѣли съ двѣ, публично за столомъ болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидается отъ государыни повелѣнія повѣсить его вмѣстѣ съ Пугачевымъ». Это не смутило однакожъ Державина, онъ рѣшился на объясненіе и вотъ какая между нимъ и Панинымъ разыгралась сцена.

«На другой день,—такъ разсказываетъ Державинъ,—до разсвѣту Державинъ пришелъ въ квартиру главнокомандующаго, просилъ камердинера доложить о приходѣ своемъ его сіятельству, сказавъ, что онъ имѣетъ нужду. Отвѣтствовано, чтобъ подождалъ. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, около обѣденъ, графъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную галлерею, гдѣ уже было нѣсколько штабъ и оберъ офицеровъ, и онъ былъ въ сѣроватомъ, атласномъ, широкомъ шлафоркѣ, французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами. Прошедъ нѣсколько разъ вдоль галлереи, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не удостоилъ и взгляда дожидавшагося его гвардіи офицера (т. е. Державина). Сей, когда полководецъ проходилъ мимо, подошедши къ нему, съ почтеніемъ взялъ его за руку и остановя сказалъ: «я имѣлъ нещастіе получить вашего сіятельства неудовольственный ордеръ, беру смѣлость объясниться». Таковая смѣлая поступь графа удивила. Онъ остановился и велѣлъ идти за собою. Проходя черезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ и вошедши въ оный, гнѣвно дѣлалъ ему выговоръ, и между прочимъ, что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей

городъ злодѣевъ обходился неуважительно и даже въ одинъ разъ выгналъ его отъ себя, сказавъ, чтобы онъ во исполненіе общественнаго и собственнаго его приговора, не препятствовалъ дѣлать гражданамъ предположеннаго укрѣпленія, и шелъ бы туда, гдѣ ему долгъ и честь быть повелѣваютъ. Офицеръ, выслушавъ съ подобострастіемъ окрикъ генерала, сказалъ, что «это все правда, ваше сіятельство, я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностною службою. Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, и изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей особѣ всемилостивѣйшей государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни. Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, вступалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города». Сіе или сему подобное, когда съ чувствительностію выговорено было, то у сего надменнаго и вмѣстѣ великодушнаго генерала вдругъ покатились ручьемъ изъ глазъ слезы. Онъ сказалъ: «садись, мой другъ; я твой покровитель!» и проч.

Читатель нашего времени, конечно, не мало удивится этой внезапной перемѣнѣ расположенія генерала, этимъ обильно, ручьемъ потекшимъ слезамъ изъ его глазъ по поводу фразъ, на нашъ взглядъ совершенно незначущихъ; — но еще болѣе удивится, если мы скажемъ ему, что эти слезы были не болѣе, какъ комедія, разыгранная изъ моды, которая и отъ боеваго генерала требовала заявленія нѣжной чувствительности на чувствительно сказанную фразу, что внутреннее расположеніе Панина къ Державину отъ этого нисколько не перемѣнилось, напротивъ, по словамъ Державина, онъ остался страшнымъ врагомъ его навсегда.

Другой примѣръ.

Служа у генералъ-прокурора князя Вяземскаго, Державинъ своею рѣзкостію навлекъ на себя разъ такое сильное неудовольствіе князя, что послѣдній послалъ чиновника Васильева объявить Державину, «что онъ имъ недоволенъ, служить съ нимъ не хочетъ и приказываетъ ему подать прошеніе объ отставкѣ». По нашимъ понятіямъ дѣло поставлено было такъ ясно и просто, что Державину не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ написать прошеніе объ отставкѣ и вручить его по принадлежности, не входя ни въ какія дальнѣйшія объясненія съ княземъ Вяземскимъ. Между тѣмъ у Державина съ княземъ Вяземскимъ по этому поводу разыгрывается рядъ слѣдующихъ сценъ:

«Сіе (т. е. приказъ черезъ Васильева — подать прошеніе объ отставкѣ), — говоритъ Державинъ, — было въ августѣ 1783 года, въ субботу. Князь обыкновенно ѣздилъ съ докладами къ императрицѣ

въ Царское Село по воскресеньямъ и возвращался по понедѣльникамъ ввечеру на свою дачу въ Александровскѣ (гдѣ онъ жилъ лѣтомъ). Державинъ дожидался его на Мурзинкѣ у Васильева; то коль скоро онъ пріѣхалъ и сѣлъ въ кресло, окруженный его семействомъ и многими его прихлебателями, впадшій въ немилость совѣтникъ (т. е. Державинъ) вошелъ и съ благородною твердостью духа сказалъ: «ваше сіятельство чрезъ г. Васильева изволили мнѣ приказать подать челобитную въ отставку: вотъ она; а что изъявили свое неудовольствіе на мою службу, то какъ вы сами недавно одобрили меня передъ ея величествомъ и исходатайствовали мнѣ чинъ статскаго совѣтника за мои труды и способности, то представляю вамъ въ нынѣшней обидѣ моей дать отчетъ тому, передъ кѣмъ открыты будутъ нѣкогда совѣсти наши». — Сказавъ сіе, не дождавшись отвѣта, вышелъ вонъ. Глубокая тишина сдѣлалась въ комнатѣ между множествомъ людей. Княгиня зачала первая говорить: «онъ правъ передъ тобою, князь»... Державинъ между тѣмъ шелъ со двора передъ окошками дома, то князь, увидя его, сказалъ: «конечно, онъ пѣшъ!», приказалъ скорѣе подать ему чью нибудь карету. Но сей, поблагодари, не принялъ оную, пошелъ на Мурзинку, лежащую отъ Александровска въ двухъ верстахъ, гдѣ его дожидалась жена; а какъ Васильевъ, будучи у князя, тогда же прислалъ человѣка съ тѣмъ, чтобы они дождались и не ѣздили въ городъ, а потому и остались они до 12 часа ночи, обыкновеннаго, когда всякій день пріятели, родня или лучше ласкатели сего вельможи отъ него разъѣзжались. Васильевъ, пріѣхавъ, разсказалъ все вышеписанное, примолвя, что князь раскаивается въ своемъ противъ него несправедливомъ поступкѣ и желаетъ, чтобъ онъ у него остался по прежнему; но только съ тѣмъ, чтобы онъ Державинъ сдѣлалъ на другой день видъ, якобы у него хочетъ просить прощенія въ своей горячности и позвалъ бы его при случившихся посѣтителяхъ въ кабинетъ будто для объясненія, дабы скрыть отъ публики, что былъ начальникъ виноватъ, а не подчиненный, въ сей исторіи. Обиженный, подумавъ и вспомня пословицу, чтобъ съ сильнымъ не бороться, а съ богатымъ не тягаться, согласился исполнить волю пославшаго г. Васильева...На другой день, поѣхавъ въ Александровское и приноровивъ такъ послѣ обѣда, что много еще было у генерала гостей, Державинъ, подошедъ къ нему, просилъ, чтобы онъ позволилъ съ нимъ ему въ кабинетѣ объясниться. Онъ, улыбнувшись, сказалъ: «пожалуй, мой другъ, изволь». Въ кабинетѣ поговоривъ совсѣмъ о другомъ, ничего не значущемъ, вышли по добру и по здорову, и пока благосклонное обхожденіе начальника съ подчиненнымъ возобновилось, но не долго продолжалось».

Всѣ эти сцены, по нашимъ понятіямъ, не только забавная коме-

дія, но и неприличнѣйшій скандалъ, какой только могъ придумать для собственнаго посрамленія прославившійся уже тогда своею «Фелицею» Державинъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе назвать это внезапное, неблаговременное, разсчитанное именно на многочисленную публику вторженіе его къ князю Вяземскому съ прошеніемъ объ отставкѣ, эту торжественную рѣчь его съ указаніемъ на неумытнаго судію, это не менѣе торжественное, разсчитанное на эффектъ, пѣшеходное отправленіе съ дачи князя Вяземскаго, этотъ, если можно такъ выразиться, чувствительный отказъ Державина сѣсть въ предложенную ему карету?—Подобный скандалъ, учиненный въ наше время, могъ бы окончательно убить чью угодно репутацію. Но мы видимъ, что Державинъ не только ничего не проигрываетъ ни въ глазахъ князя, ни въ глазахъ собравшейся у него публики, а напротивъ быстро поворачиваетъ дѣло въ свою пользу. Его эффектное появленіе, его трогательная рѣчь съ указаніемъ на неумытнаго судію, его пѣшествіе съ дачи князя обвораживаютъ всѣхъ. И князь Вяземскій, чтобы не дать поэту восторжествовать надъ собою трогательностію чувствъ, немедленно начинаетъ блистать самъ возвышенностію чувствъ. Онъ велитъ пѣшеходящему поэту подать карету, предлагаетъ ему примиреніе по особо придуманному, по видимому безобидному для обѣихъ сторонъ способу, секретному, но по всей вѣроятности предварительно обсужденному всею собравшеюся у князя публикою. Такимъ образомъ и князь отличается насчетъ нѣжности и благородства сантиментовъ. Поэтъ чувствуетъ свое пораженіе и ему не остается ничего болѣе, какъ согласиться на предложенный княземъ Вяземскимъ способъ примиренія, хотя онъ и видитъ въ немъ явное для себя униженіе и торжество врага. Такимъ образомъ комедія кончена. Такъ на нее не болѣе, какъ на комедію, смотрятъ и обѣ враждующія стороны. Державинъ продолжаетъ по прежнему смотрѣть на князя Вяземскаго, какъ на злѣйшаго своего врага, и князь Вяземскій дѣйствительно остается, какъ и былъ, злѣйшимъ врагомъ его.

Приведемъ и еще одинъ замѣчательный примѣръ страсти людей прошедшаго вѣка къ сантиментамъ, эффектамъ, церемоніальности всякаго рода.

Въ 1786 году, въ бытность Державина тамбовскимъ губернаторомъ, въ августѣ послѣдовалъ именной указъ, которымъ непремѣнно велѣно было открыть народное училище 22 сентября, т. е. въ день коронаціи императрицы. «Надобно было, говоритъ Державинъ, по обыкновенію при открытіи училища говорить рѣчь или проповѣдь». Державинъ сталъ заблаговременно заботиться, чтобы торжество не осталось безъ рѣчи или проповѣди. Но преосвященный, человѣкъ неученый и больной, положительно отъ этого отказался. Державинъ

просилъ преосвященнаго, чтобы приказалъ написать проповѣдь хотя своему проповѣднику; но проповѣдникъ-дьяконъ былъ человѣкъ невоздержный и пилъ въ это время запоемъ. Державинъ, не находя въ Тамбовѣ болѣе никого, кто бы могъ сочинить проповѣдь, нашелся вынужденнымъ обратиться съ просьбою о томъ къ архимандриту въ Ломовѣ, городѣ, который по духовному вѣдомству принадлежалъ къ тамбовской епархіи, а по гражданскому управленію къ пензенской губерніи. Ломовскій архимандритъ былъ человѣкъ ученый и обѣщалъ сочинить проповѣдь къ назначенному дню. Но за три дня до этого срока прислалъ курьера съ отказомъ, такъ какъ для той же надобности, по требованію пензенскаго губернатора, онъ ѣхалъ въ Пензу. Получа это извѣстіе, Державинъ сначала рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, — но потомъ нашелся. Ходилъ къ Державину одинъ однодворецъ изъ Козлова, Захарьинъ, самоучкою выучившійсяописывать стишки и приносившій ихъ на показъ Державину. Державинъ говоритъ, что въ этихъ стихахъ не было «ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познанія, — но видѣнъ былъ нарочитый природный даръ». Поэтому Державинъ протежировалъ ему и хотѣлъ опредѣлить его даже на службу. Этотъ-то однодворецъ, видя губернатора въ опасности остаться безъ рѣчи при наступающемъ торжествѣ, вызвался выручить его—написать рѣчь. Сначала Державинъ только посмѣялся этому предложенію, зная неспособность однодворца къ подобному дѣлу, но потомъ велѣлъ ему для пробы написать рѣчь, разсказавъ, что въ ней надо писать. Однодворецъ написалъ и принесъ свое сочиненіе. Но «сіе было сущій вздоръ,—говоритъ Державинъ,—ни складу, ни ладу не имѣющій». Державинъ, сдѣлавъ свои замѣчанія, велѣлъ ему передѣлать и снова принести. Но и въ исправленномъ видѣ вышла «та же самая нелѣпица». Не оставалось ничего болѣе дѣлать Державину, какъ написать рѣчь самому. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но когда рѣчь была написана, явилось другое затрудненіе: гдѣ ее говорить?— Въ церкви было нельзя, потому что однодворецъ былъ лицо не духовное; «въ школѣ также было невмѣстно, говоритъ Державинъ, ибо однодворецъ не былъ ни учитель и ни по чему не принадлежалъ къ чиновникамъ сего заведенія». А потому Державинъ выдумалъ... Но пусть разсказываетъ онъ самъ, что выдумалъ:

«А для того выдумалъ, чтобы онъ на такомъ мѣстѣ сказалъ ее, которое можетъ принадлежать всему народу. Вслѣдствіе чего приказалъ ему, чтобы, когда процессія духовная будетъ возвращаться послѣ освященія училища въ соборъ, то, чтобы онъ, остановя ее, начиналъ свою рѣчь, которая начиналась такимъ образомъ: «Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего» и проч. Сіе въ точности было исполнено. Когда преосвященный со всѣмъ

своимъ духовнымъ причетомъ, отслужа молебенъ и окропя святою водою классы, хотѣлъ съ собраніемъ всѣхъ чиновъ выдти изъ училища, то однодворецъ остановилъ его вышеписаннымъ началомъ рѣчи: и губернаторъ тотчасъ подвинулъ ихъ въ училище, гдѣ уже и говорена была рѣчь передъ портретомъ императрицы порядочно. Но при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ передавалъ въ покровительство государынѣ своего сына, жена его, стоявшая за нимъ съ малолѣтнымъ его младенцомъ, отдала ему онаго,—а онъ положилъ его передъ портретомъ, говоря со слезами тѣ слова, которыя тамъ написаны. Сіе трогательное дѣйствіе такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа проліянныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабака, ибо также любилъ куликать. Рѣчь сія послана была къ намѣстнику и оттоль натурально въ Петербургъ къ императрицѣ, гдѣ привела государыню столько въ умиленіе, что она отъ удовольствія пролила слезы и вообще такое произвела во всѣхъ удивленіе, что присланъ былъ отъ графа Безбородко курьеръ и именемъ императрицы приказано было привезти однодворца въ Петербургъ; ибо тотчасъ усумнились, какимъ образомъ простому мужику можно было имѣть такія чувства и свѣдѣнія, каковыя въ той рѣчи оказались и каковыхъ отъ лучшихъ риторовъ ожидать только можно» ([45]).

Не правда ли, читатель, что разсказъ Державина для нашего времени точно сказка изъ «Тысячи одной ночи»? Какъ! спрашиваете вы въ изумленіи. Неужели все это было въ дѣйствительности — и губернаторъ, встревоженный неимѣніемъ оратора для торжества точно такъ, какъ будто въ его губернію ворвалась тысяча нигилистовъ, угрожающихъ разрушить благосостояніе и миръ всей губерніи, и этотъ импровизированный ораторъ изъ однодворцевъ, сочиняющій вмѣстѣ съ губернаторомъ рѣчь для торжества, и это громоносное: «дерзаю остановить» и проч., останавливающее священную процессію и вдвигающее оратора на приличное ему мѣсто, и этотъ младенецъ, лежащій при портретѣ императрицы? — Да, все это дѣйствительно было,—и было придумано нисколько не глупо, какъ иной бы могъ подумать, приписывая всю помпу торжества единственно личному вкусу губернатора. Напротивъ губернаторъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ въ духѣ своего времени, слѣдовательно умно и резонно. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что плакали не только въ Тамбовѣ, но плакали и въ Петербургѣ. Эффектное торжество вездѣ произвело желанный эффектъ. Таковъ ужь былъ нашъ XVIII вѣкъ.

Какъ вообще воспринимается дикаремъ цивилизація въ жизни, такъ точно воспринимается она имъ и въ литературѣ. Онъ ищетъ

здѣсь не вѣрнаго изображенія мысли, чувства, дѣйствія, страсти, вообще жизни, а эффектнаго, поражающаго, производящаго шумъ. Всякая блестящая, бросающаяся въ глаза мысль, чувство, фраза равно занимаютъ его. Мѣриломъ для оцѣнки достоинства какихъ бы то ни было поэтическихъ изображеній становится не ихъ истинность, а та эффектность, которую они производятъ, чѣмъ бы эта эффектность ни производилась, мыслію ли, чувствомъ ли, словомъ ли. Вслѣдствіе этого мысль становится въ неправильное отношеніе къ предмету мыслимому. Она старается не о томъ, чтобы найти въ предметѣ то, что въ немъ есть, и изобразить это найденное, какъ оно есть, а о томъ, чтобы поставить предметъ въ эффектномъ освѣщеніи для другихъ. Она отыскиваетъ въ немъ свойствъ исключительно эффектныхъ въ какомъ бы ни было отношеніи; для этого или имѣющимся въ предметѣ свойствамъ дастъ внѣшнюю, случайную эффектность, пользуясь разными средствами и пріемами словеснаго искусства, или преувеличиваетъ имѣющіяся въ предметѣ свойства до желаемой сю эффектности, или наконецъ приписываетъ предметамъ такія свойствамъ, которыхъ въ нихъ не только нѣтъ, но которыхъ они вовсе имѣть не могутъ.

Первымъ необходимымъ послѣдствіемъ такого неправильнаго отношенія мысли къ предмету мыслимому бываетъ реторизмъ мысли, чувства, слова, или, точнѣе сказать, ложь поэтическихъ изображеній. Въ драмѣ дѣйствующія лица не имѣютъ не только никакого сходства съ дѣйствительными людьми, но часто даже не имѣютъ внутренняго правдоподобія; они дѣйствуютъ и говорятъ такъ, какъ не только не должны, но какъ вовсе и не могутъ дѣйствовать и говорить. Въ лирикѣ поэтъ выдаетъ за свои убѣжденія то, что вовсе никогда не было его живымъ убѣжденіемъ, и за свои чувства то, чего онъ вовсе не чувствовалъ. Изъ этого конечно никакъ не слѣдуетъ, чтобы все, что говорится въ сочиненіяхъ лирическихъ поэтовъ, напримѣръ, хоть Державина, было ложью. Напротивъ, большею частію онъ проповѣдуетъ въ своихъ одахъ самыя святыя истины. Но эти истины были ложью по отношенію къ самому Державину. Потому что они не имѣли никакой внутренней связи съ его мыслію, были чужды его живому убѣжденію, такъ точно, какъ чужды были чувству тѣ ощущенія или впечатлѣнія, которыя онъ выдавалъ за прочувствованныя имъ самимъ и ему принадлежащія. Возьмемъ, напримѣръ, хоть извѣстную оду Державина: *Богъ*. Въ богословскомъ отношеніи эта ода безукоризненно истинна; потому что она содержитъ истины, совершенно также излагаемыя и въ православномъ катихизисѣ. Но въ поэтическомъ отношеніи она безусловно ложна, потому что къ тѣмъ абстрактнымъ мыслямъ, которыя излагаются въ ней,

никакимъ образомъ не могло приразиться лирическое чувство. Подобная ода по самому предмету своему могла быть произведеніемъ холоднаго созерцательнаго ума, но никакъ не мысли, руководимой чувствомъ. Что же, спрашивается, заставило Державина избрать для лирическаго изображенія такой предметъ, который впечатлѣнію чувства вовсе недоступенъ? Намъ кажется, ничто другое, какъ желаніе поблистать богатыми антитезами, представлявшимися въ предметѣ, и произвести эффектъ. И дѣйствительно, Державинъ достигалъ своей цѣли: въ свое время такіе антитезы, какъ духъ безконечный и дѣйствующій въ пространствѣ, духъ вѣчный и дѣйствующій во времени, единый и въ трехъ лицахъ, и т. п., антитезы, выраженные кратко, сильно, въ стихѣ съ рѳмами, производили фуроръ. Намъ скажутъ, что мы для доказательства нашего положенія беремъ одно исключительное у Державина. Нѣтъ; въ цѣломъ мы можемъ взять почти какое угодно произведеніе Державина, — и вездѣ найдемъ, что произведеніе ложно по отношенію къ чувству, что погоня за эффектомъ вездѣ убиваетъ мысль чувства. Возьмемъ, напримѣръ, одно изъ образцовыхъ произведеній Державина: оду *на смерть Мещерскаго*. Оду эту признаютъ истиннымъ лирическимъ произведеніемъ даже тѣ, напримѣръ Бѣлинскій, — которые не относятся къ числу безусловныхъ поклонниковъ поэзіи Державина. Признаемся, что перечитавъ всѣ рецензіи, написанныя о стихотвореніяхъ Державина и въ томъ числѣ объ этой одѣ, мы убѣдились не въ ея достоинствѣ, а въ недостаточномъ пониманіи самими рецензентами существа истинной лирики. Въ одѣ на смерть Мещерскаго поражаетъ и приводитъ въ восторгъ всѣхъ рецензентовъ богатство образовъ, въ особенности колоссально страшный, по выраженію Бѣлинскаго, образъ смерти, отъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь. Приведемъ нѣсколько строфъ, содержащихъ лучшіе изъ этихъ образовъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И близко смерть на всѣхъ глядитъ!

Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и въ сребрѣ кумиры,

Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И — точитъ лезвіе косы!

Выписавъ эти стихи, Полевой говоритъ: «стихи дурны, нѣтъ со-

мнѣнія, но *мысль, образы...*» (46). Намъ же кажется, что если въ приведенныхъ строфахъ и есть что нибудь, такъ это именно стихи, по своему времени очень недурные. Но *мысль, образы...* говоритъ Полевой; какая же тутъ мысль? Мысль о скоротечности человѣческой жизни? Кому же неизвѣстна и для кого нова эта мысль? — Что касается до образовъ, то этотъ предметъ требуетъ нѣкотораго разсмотрѣнія.

Изъ всѣхъ теоретическихъ требованій относительно поэзіи ни одно такъ твердо не сохраняется въ памяти у нашихъ рецензентовъ или, точнѣе сказать, у многихъ одно оно только и сохраняется — это именно требованіе, чтобы поэтъ говорилъ образами. Говоритъ лирикъ образами? — Значитъ, произведеніе его удовлетворяетъ требованіямъ истиннаго лиризма. Однакожь такъ ли это? Дѣйствительно ли образъ составляетъ существеннѣйшую часть лирическаго произведенія? Нѣтъ, мы знаемъ множество лирическихъ произведеній, которыя признаются всѣми за лирическія и которыхъ дѣйствительно нельзя не признать истинно лирическими, въ которыхъ вовсе почти нѣтъ образовъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть «Идеалы» Шиллера, «Молитву» Лермонтова («Въ минуту жизни трудную»). Значитъ, не образы, а что-то другое составляетъ истинное существо лирическаго произведенія. И значитъ, одними образами, какіе бы они ни были, не можетъ быть доказанъ лиризмъ произведенія. Что же именно это другое, что составляетъ существо лирическаго произведенія? Это вѣрность изображаемаго чувства въ приближеніи его къ тому или другому явленію, взятому поэтомъ. Лермонтовъ въ своей «Молитвѣ» передастъ намъ внутреннее движеніе его чувства въ приближеніи къ внутреннему же дѣйствію его души, слѣдовательно въ приближеніи къ такому предмету, который не имѣетъ внѣшнихъ образовъ. Однакожь это движеніе чувства вполнѣ понятно вамъ; вы вѣрите,— мало того — вѣрите, вы чувствуете, что оно совершилось въ поэтѣ и совершилось именно такъ, какъ онъ описываетъ. Такъ оно близко и естественно каждому. Вотъ къ этой именно цѣли должны вести и всѣ образы въ каждомъ лирическомъ произведеніи. Самъ по себѣ образъ, какъ бы онъ блестящъ ни былъ, не имѣетъ здѣсь ровно никакого значенія; онъ можетъ быть важенъ только какъ отраженіе чувства поэта, и важенъ именно настолько, насколько онъ отражаетъ на себѣ внутреннее движеніе этого чувства. Каждый образъ долженъ намъ давать чувствовать, понимать, по крайней мѣрѣ дѣлать для насъ вѣроятнымъ, что извѣстное движеніе чувства, изображаемое поэтомъ, не есть произведеніе его абстрактной мысли, но что оно дѣйствительно происходило въ немъ и происходило именно такъ, какъ онъ описываетъ. Намъ конечно нѣтъ дѣла до того, прожилъ ли поэтъ на самомъ дѣлѣ тѣ состоянія, которыя онъ описываетъ, или

онъ только умѣлъ воспроизвести ихъ въ себѣ, — въ томъ и другомъ случаѣ мы требуемъ, чтобы образы его давали намъ полную иллюзію дѣйствительности, чтобы послѣдняя ничѣмъ не отличалась отъ первой. Присмотритесь теперь къ образамъ въ стихотвореніи Державина. Чувствуете ли вы въ нихъ нервъ этой живой дѣйствительности, видите ли въ нихъ даже простую естественность? Представились ли бы когда нибудь эти самые образы вамъ самимъ въ томъ состояніи души, которое изображаетъ поэтъ? Вы поражены внезапною, неожиданною смертію знакомаго или близкаго вамъ человѣка; вами овладѣли и сильная скорбь объ умершемъ, и не менѣе сильный страхъ за свою собственную жизнь. Вѣроятно ли, чтобы въ этомъ состояніи, подъ вліяніемъ событія, которое охватило всю душу, которое вызвало въ васъ столько воспоминаній недавняго прошедшаго, возбудило столько сильныхъ впечатлѣній въ настоящемъ, которое порождаетъ въ васъ тысячи разнообразнѣйшихъ, жизненнѣйшихъ мыслей на разныя темы, въ томъ числѣ и на тему о скоротечности человѣческой жизни,—вѣроятно ли, говорю я, чтобы въ этомъ состояніи ваши мысль и чувство, даже при всемъ вашемъ желаніи и усиліи, могли обратиться къ отвлеченному понятію смерти, олицетворить его въ видѣ какого-то блѣднаго пугала съ косою, и стали представлять, какъ оно страшно глядитъ на всѣхъ и какъ коситъ своею косою и царей, и богачей, и красы младыя? Не правда ли, что подобные образы могутъ быть только *сочинены* абстрактною мыслію, но никакъ не могутъ быть представлены и почувствованы человѣкомъ въ томъ состояніи, которое изображаетъ поэтъ? И на нашъ взглядъ образъ смерти, колоссальностію котораго увлекся Бѣлинскій, всѣхъ нелѣпѣе, потому что на немъ всего яснѣе лежитъ слѣдъ неестественности, сочинительства. Смерть, какъ конкретъ, нигдѣ не существуетъ; понятіе смерти есть понятіе чисто абстрактное, къ которому непосредственно чувство приразиться не можетъ. Что же дѣлаетъ поэтъ, чтобы заставить чувство чувствовать то, чего оно не можетъ чувствовать по законамъ естества непосредственно?—Онъ изъ смерти дѣлаетъ страшную куклу и изъ созерцанія этой куклы заставляетъ чувство извлекать свои ощущенія. Судите сами, сколько тутъ и поэтическаго пониманія, и поэтической истины.

Что же однако сгубило стихотвореніе Державина? Что помѣшало правильному развитію въ немъ чувства? — Опять погоня за эффектомъ. Державину казалось, что ничѣмъ онъ такъ не поразитъ своихъ читателей и ничѣмъ не произведетъ такого эффекта, какъ колоссальнымъ образомъ смерти, все подкашивающей своею косою. Эффектъ дѣйствительно былъ рѣдкій. Одою восхищались не только современники, но восхищались и восхищаются доселѣ, въ продолженіи слиш-

комъ восьмидесяти лѣтъ. Можно не мало и теперь еще найти людей, которые не безъ гордости и нѣкотораго внутренняго волненія произносятъ разные сильные стихи изъ этой оды, въ родѣ слѣдующихъ:

И звѣзды сю (смертью) сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Мы подобными бездѣлицами не обольщаемся и въ дополненіе къ сказанному нами, ради безпристрастія, можемъ прибавить развѣ еще только то, что погоня за эффектомъ обезобразила самый мотивъ оды. Кто внимательно прочтетъ оду на смерть князя Мещерскаго, тотъ увидитъ, что это произведеніе правильнѣе было бы назвать похвальною или побѣдоносною одою смерти. По тону своему и строю она очень похожа на оду: *На переходъ Альпійскихъ горъ*. На сколько подобный мотивъ, въ такомъ своемъ видѣ, страненъ, чтобы не сказать болѣе, при размышленіи о скоротечности человѣческой жизни, читатель можетъ судить, сличивъ оду Державина съ стихотвореніемъ Пушкина: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», написаннымъ на подобную же тему.

Но неужели, — спросятъ насъ, — вся литература XVIII столѣтія въ цѣломъ составѣ всѣхъ своихъ поэтическихъ произведеній представляетъ одну только чистую ложь въ поэтическомъ отношеніи?— Да, въ цѣломъ едвали можно назвать хотя одно произведеніе, гдѣ эффектъ и ходульность не стояли бы въ ущербъ истинѣ на первомъ планѣ и не обезображивали такъ или иначе всего произведенія. Но среди этой безконечной пустыни реторики всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ попадаются по мѣстамъ небольшіе оазисы, гдѣ мысль отрезвляется отъ того постояннаго реторическаго опьяненія, которое на языкѣ XVIII столѣтія называлось *парѣніемъ*, и становится въ болѣе или менѣе правильное отношеніе къ предмету мыслимому. Это случается обыкновенно тамъ, гдѣ поэтъ начинаетъ говорить о предметахъ слишкомъ знакомыхъ, впечатлѣнія отъ которыхъ онъ дѣйствительно прожилъ, продумалъ, прочувствовалъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Истина невольно проторгается тогда сквозь реторическое парѣніе поэта и являются строфы съ вѣрными картинами мѣстной природы, съ мѣткими наблюденіями, съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Такъ и въ одѣ на смерть князя Мещерскаго, есть двѣ строфы, которымъ нельзя отказать въ искренности чувства. Это именно тѣ двѣ строфы, въ которыхъ Державинъ предается грустному раздумью о своихъ ослабѣвающихъ съ лѣтами силахъ. Но такіе оазисы составляютъ вообще рѣдкость въ лирикѣ, драмѣ, эпосѣ, гораздо чаще онѣ встрѣчаются въ сатирѣ и комедіи. Здѣсь

предметы изображеній брались изъ обыденной общеизвѣстной всѣмъ жизни; иначе было невозможно по самому свойству предметовъ и не полагалось по роду поэзіи, интересъ дѣйствительности здѣсь иногда близко затрогивалъ самого поэта и давалъ ему чувствовать, что онъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе будетъ къ дѣйствительности; въ этомъ же поддерживало его одобреніе читавшей и театральной публики. Такимъ образомъ въ сатирѣ и комедіи мысль очень нерѣдко наталкивается на болѣе или менѣе правильное отношеніе къ предмету мыслимому; оттого въ сатирѣ и комедіи самый языкъ совершенно другой, чѣмъ въ драмѣ и лирикѣ. Онъ болѣе естественъ, болѣе близокъ къ языку разговорному. Даже одинъ и тотъ же авторъ, напр. Сумароковъ, по языку является совершенно инымъ въ своихъ трагедіяхъ и инымъ въ «обличеніяхъ вещей презрительныхъ». Прежде наши критики и историки говаривали обыкновенно, что сатира и комедія въ нашемъ обществѣ привилась скорѣе, а сатирическая и комическая поэзія развивались лучше всѣхъ другихъ родовъ до послѣдняго времени потому, что русскій умъ по самому складу своему умъ по преимуществу сатирическій, насмѣшливый. Это, на нашъ взглядъ, чистые пустяки. Что сатира и комедія привилась тогда у насъ гораздо скорѣе, чѣмъ другіе роды поэзіи, то это было единственно потому, что въ нихъ однихъ если не всегда былъ нѣкоторый смыслъ живой дѣйствительности, то по крайней мѣрѣ была нѣкоторая естественность въ языкѣ, въ изображеніи, — и ихъ могла понимать публика. Тоже преимущество сатира и комедія удержали надъ другими родами поэзіи и впослѣдствіи, и даже доселѣ, опять потому, что въ комедіи и сатирѣ былъ всегда нервъ болѣе или менѣе живыхъ интересовъ дѣйствительности, чего не было ни въ драмѣ, ни въ лирикѣ. Почему наши лучшіе таланты, способные понимать животрепещущіе интересы дѣйствительности, привлекались къ комедіи, къ сатирѣ, а не къ драмѣ, не къ роману, причинъ этого надобно искать сколько въ свойствахъ ихъ дарованій, столько же, намъ кажется, въ общемъ состояніи нашего образованія. Для драмы,—мы разумѣемъ драму возвышенную, т. е. трагедію,—для романа требуется гораздо больше научной подготовки вообще и предварительнаго изученія для каждаго новаго произведенія, нежели для сатиры, комедіи. Судя по высокому трагизму, лежащему въ основаніи повѣсти Гоголя: *Тарасъ Бульба* и проникающему всю ее, трагизму, открытому тамъ, гдѣ всего менѣе онъ доселѣ подозрѣвался нашими поэтами (которые, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, истрепали Самозванца и Бориса Годунова и кромѣ этого не находятъ никакихъ сюжетовъ для драмы въ нашей исторіи) и не смотря на отдаленность времени, когда совершается дѣйствіе,—имѣющему мотивы, полные современнаго интереса, можно думать,

что Гоголь былъ способенъ по своему таланту къ созданію трагедіи не менѣе, чѣмъ къ созданію комедіи. Въ его талантѣ, какъ показываютъ многія мѣста не только въ «Тарасѣ Бульбѣ», но и лирическія «отступленія» въ «Мертвыхъ душахъ», не было недостатка въ томъ высокомъ лирическомъ воодушевленіи или полетѣ, паѳосѣ, который составляетъ необходимый элементъ трагедіи. Въ умѣніи развитія драматическаго дѣйствія, драматическихъ характеровъ, равно какъ въ умѣньи его распорядиться внѣшнимъ ходомъ дѣйствія и приспособить его къ сценѣ мы еще менѣе можемъ сомнѣваться. Спрашивается: почему же Гоголь сюжетъ высокаго трагическаго интереса предпочелъ стиснуть въ форму небольшаго разсказа, чѣмъ развить въ трагедіи? Мы думаемъ, единственно потому, что для полнаго развитія сюжета въ трагедіи требовалось слишкомъ много предварительной, конечно, очень скучной подготовки. Правы ли мы въ этомъ случаѣ или нѣтъ, — но во всякомъ случаѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые въ самомъ складѣ русскаго ума видятъ предрасположеніе къ сатирѣ и комизму и не допускаютъ въ немъ такого же предрасположенія къ драмѣ. Если бы допустить, что въ умѣ того или другаго народа можетъ быть предрасположеніе къ извѣстному роду поэзіи и не-предрасположеніе ко всѣмъ другимъ, то Германія представила бы намъ блестящій примѣръ предрасположенія народнаго ума къ драмѣ. Первые ея лучшіе писатели, положившіе основаніе ея истинной поэзіи, были всѣ драматурги: Лессингъ, Шиллеръ, Гёте. Однако жь когда послѣдователи ихъ, держась неуклонно ихъ классическихъ образцовъ, стали пренебрегать современными интересами и низвели драму на степень художественной декламаціи, то Германія, не смотря на свое предрасположеніе къ драмѣ, отхлынула отъ нея,—и драма на театрѣ стала въ то же убогое положеніе, въ какомъ находится у насъ. Но Гутцковъ вдохнулъ въ драму духъ и жизнь современныхъ интересовъ, — и Германія снова почувствовала потерянное предрасположеніе къ драмѣ. Понятно ли теперь, почему у насъ не оказывается доселѣ предрасположенія къ драмѣ? — Потому что у насъ нѣтъ не только драмы современнаго интереса, а нѣтъ почти вовсе драмы. Единственную попытку въ исторической драмѣ, достойную упоминанія, представляетъ собою «Борисъ Годуновъ» Пушкина,—а въ современной драмѣ «Гроза» Островскаго. И кто жь можетъ сказать, чтобы обѣ эти драмы не находили къ себѣ сочувствія въ публикѣ, на нашъ взглядъ несомнѣнно доказывающаго ея предрасположеніе къ драмѣ точно также, какъ къ комедіи и сатирѣ?— Обращаемся къ прерванной нами рѣчи.

Хотя наша комедія и сатира XVIII столѣтія содержатъ въ себѣ и болѣе такихъ оазисовъ, — гдѣ мысль находится не въ та-

комъ сильномъ разладѣ съ дѣйствительностію, — чѣмъ лирика и драма; тѣмъ не менѣе въ цѣломъ они представляютъ такую же ученическую работу, какъ и послѣднія. Сатира очень недалека и гоняется болѣе за мухой съ обухомъ, — и не потому только, что для нея нѣтъ надлежащаго простора,—а часто потому, что сама не глубока въ принципѣ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже. Въ комедіи комическое переходитъ обыкновенно въ каррикатуру и сверхъ того разбавляется резонерствомъ. Въ этомъ случаѣ комедіи также вредитъ погоня за эффектомъ, какъ и драмѣ и лирикѣ, — только съ другой стороны. Здѣсь, т. е. въ драмѣ и лирикѣ преувеличеніе вообще свойствъ предмета ради эффекта до размѣровъ чудовищныхъ, невозможныхъ, тамъ преувеличеніе пошлыхъ свойствъ предмета до размѣровъ также чудовищныхъ, до каррикатуры въ сущности нелѣпой. Нелѣпости по пріему совершенно одинаковыя, но первая намъ рѣзко бросается въ глаза,—а вторая часто не только не примѣчается нами, а даже принимается за достоинство, — и въ этомъ между прочимъ заключается причина, почему нашу комическую поэзію прошедшаго столѣтія мы представляемъ себѣ гораздо зрѣлѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Пояснимъ это примѣромъ. Сумароковъ въ своей извѣстной трагедіи «Дмитрій Самозванецъ» заставляетъ Самозванца открыться своему наперснику Пармену, что онъ намѣренъ отравить свою жену ядомъ. Парменъ приходитъ въ ужасъ отъ такого намѣренія.

«Объемлетъ трепетъ... говоритъ онъ Самозванцу, — о дѣйствіи такомъ помыслити ужасно». На это Самозванецъ отвѣчаетъ ему хладнокровно:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Отвѣтъ нелѣпый въ устахъ Самозванца и нелѣпость его всякій видитъ съ перваго раза. Но ничуть не умнѣе сумароковскаго Самозванца въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина объясняется на каждомъ шагу и со всѣми въ любви своей къ свиньямъ Тарасъ Скотининъ, объявляя между прочимъ Софьѣ, что когда онъ женится на ней, то онъ на ея приданое «всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкупитъ и сдѣлаетъ то, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ де околоткѣ и житье однимъ свиньямъ». Однако же подобныхъ нелѣпостей Тараса Скотинина, которыя онъ говоритъ почти на каждомъ шагу, и вообще каррикатурной до нелѣпости постройки его типа никто не замѣчаетъ. Отчего это?—Оттого, что типъ Тараса Скотинина, не смотря на доведеніе каррикатуры въ изображеніи его до нелѣпости, все-таки сохраняетъ на себѣ нѣкоторый замѣтный для насъ слѣдъ дѣйствительности и потому не только

понятенъ намъ, но даже интересуетъ насъ именно своею карикатурностію. Мы не видали, конечно, ни одного Тараса Скотинина, но пошляковъ въ родѣ Тараса Скотинина, оскотинившихся на разные манеры, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу и они надоѣдаютъ намъ, какъ мошки въ лѣтнее время. Въ карикатурѣ ихъ мы видимъ ихъ бичеваніе, — а потому не только не замѣчаемъ, а нѣкоторымъ образомъ бываемъ рады, когда поэтъ карикатуру ихъ доводитъ до безобразія. Нельзя сказать того же о карикатурахъ злодѣевъ. Мы не только не видимъ около себя злодѣевъ кровожадныхъ, но не видимъ вовсе и никакихъ злодѣевъ. Мы знаемъ о злодѣяхъ только по наслышкѣ. Злодѣйство въ нашихъ понятіяхъ есть явленіе исключительное, ненормальное въ человѣческой природѣ, явленіе, къ которому не можетъ быть страсти въ людяхъ, къ которому человѣкъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, привлекается особенными обстоятельствами и условіями своей жизни. Потому при каждомъ новомъ слухѣ о злодѣйствѣ въ насъ является желаніе узнать: какъ дошелъ до него человѣкъ, и въ случайныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни мы ищемъ объясненія тому, что для насъ немыслимо въ самой природѣ человѣка. Вотъ почему преувеличеніе страсти къ злодѣйству до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что человѣкъ начинаетъ хвалиться своею кровожадностію, какъ Дмитрій Самозванецъ у Сумарокова, съ перваго взгляда поражаетъ насъ своею невѣроятностію, невозможностію, нелѣпостію.

Кромѣ преувеличенія карикатуры до нелѣпости, погоня за эффектомъ въ комедіи XVIII столѣтія обнаруживается въ резонерствѣ. Поэтъ въ лицѣ *Стародумовъ*, *Правдиныхъ*, *Нельстецовыхъ* самъ протирается въ число дѣйствующихъ лицъ своей комедіи, совершенно безъ всякой нужды для самой комедіи и слѣдовательно въ ущербъ ея достоинству, единственно для того, чтобы поблистать своею мудростію и быть «полезнымъ совѣтователемъ государю», какъ наивно выражается Фонъ-Визинъ.

Вторымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неправильнаго отношенія мысли къ предмету мыслимому была *безцѣльность* поэтическихъ изображеній, ихъ полное *ничтожество* не только въ ихъ существѣ, но и въ глазахъ самихъ пишущихъ, въ глазахъ ихъ авторовъ. Если бы мысль отнеслась сколько нибудь серьезно къ предметамъ, ею изображаемымъ, — она непремѣнно нашла бы какой нибудь интересъ въ предметахъ, достойный изученія и изображенія, и это самое пробудило бы въ ней уваженіе къ себѣ самой и своему труду и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудило бы извѣстный серьезный интересъ въ литературѣ. Положимъ, мысль заняло первое, что ее могло занять при первомъ знакомствѣ съ предметами, это — вѣрное изображеніе созерцаемыхъ ею

предметовъ. Такое стремленіе ея непремѣнно пробудило бы *художественный* интересъ въ литературѣ. Положимъ далѣе, мысль заняли бы взаимныя отношенія предметовъ, способъ ихъ такого, а не другаго существованія и т. п., это пробудило бы уже высшіе интересы въ литературѣ, философскіе, нравственные, соціальные, экономическіе и т. д., смотря по тому роду предметовъ, на которыхъ остановилось бы вниманіе мысли. Фонъ-Визинъ едва коснулся вопроса о воспитаніи, — и въ немъ тотчасъ является гордое сознаніе достоинства своего труда и вмѣстѣ съ тѣмъ тенденція быть «полезнымъ совѣтователемъ государю». Но подобнаго сколько нибудь серьезнаго отношенія мысли къ предметамъ, ею изображаемымъ, не было и слѣда въ литературѣ XVIII столѣтія. Вся область мыслимаго для младенчествующихъ поэтовъ представлялась не болѣе, какъ резервуаромъ, годнымъ только на то, чтобы брать изъ него разные эффектные орнаменты для украшенія своихъ произведеній. Поэтъ рыщетъ всюду, чтобы какъ можно болѣе нахватать этихъ орнаментовъ; онъ бросается и въ религію, и въ философію, и въ мораль, и въ политику, и т. д., но внутренній смыслъ всего, что онъ говоритъ, остается запечатлѣнъ для него самого семью печатями. Поэтому напрасно бы мы во всей литературѣ XVIII столѣтія стали искать не только какихъ нибудь тенденціозныхъ направленій, но даже какихъ бы то ни было серьезныхъ убѣжденій, добытыхъ путемъ науки, вообще принциповъ. Поэты XVIII столѣтія были самые простые, обыкновенные русскіе люди, учившіеся сочинять стихами и прозой, — и больше ничего. У нихъ не было въ запасѣ никакихъ теорій, никакихъ системъ и воззрѣній. Когда они говорили о предметахъ *возвышенныхъ*, т. е. не имѣющихъ никакого касательства къ существующему порядку вещей, то они сами смотрѣли на свою мысль, какъ на сочинительство, какъ на пустяки, какъ на чистое ничто, какъ мы уже видѣли въ прошедшей нашей статьѣ; когда же имъ случалось касаться существующаго порядка вещей, то они смотрѣли на него не трезвѣе и не умнѣе самаго послѣдняго человѣка изъ современнаго имъ образованнаго общества. Это мы увидимъ ниже.

Итакъ, по нашему мнѣнію, наша литература XVIII столѣтія была вполнѣ первоначальная, младенческая, гдѣ не было и не могло быть не только никакихъ направленій и убѣжденій, выработанныхъ на основаніи принциповъ, но гдѣ мысль не доросла еще до сознанія необходимости своего серьезнаго отношенія къ предметамъ мыслимымъ.

Намъ говорятъ на это, что мы сильно ошибаемся, что литература XVIII столѣтія не только была зрѣлою по мысли, но что въ ней были зачатки гражданскихъ стремленій, и мало того, что были

зачатки гражданскихъ стремленій, а были будто бы выработаны такіе политическіе взгляды, которые шли въ разрѣзъ существующему порядку, которые высказывать было невозможно и только нѣкоторое выраженіе которыхъ сопровождалось немилостію къ Фонъ-Визину, преслѣдованіемъ Княжнина, заточеніемъ Новикова, ссылкою въ Сибирь Радищева.

Возможное ли это,—спрашиваемъ мы,—дѣло? Возможно ли, чтобы литература, едва явившись на свѣтъ въ обществѣ, чуждомъ не только всякихъ политическихъ тенденцій, но даже науки, вдругъ принялась за политику и создала какіе-то грандіозные политическіе идеалы?— Не говоря уже о томъ, что развитіе тѣхъ или другихъ идей вообще въ литературѣ зависитъ отъ того или другаго развитія самого общества, сама литература дѣлается способною къ пониманію и развитію въ себѣ политическихъ идей только послѣ того, какъ она совершитъ длинный процессъ своей формальной и художественной обработки. Какъ дерево не принесетъ плода прежде, чѣмъ покроется зеленью и пройдетъ періодъ цвѣтенія; какъ человѣкъ не можетъ сдѣлаться зрѣлымъ мужемъ, не прошедши черезъ періоды дѣтства и юности; такъ точно для литературы своего рода дѣтство и юность составляютъ періоды *реторическаго* и *художественнаго* развитія.

Каждая литература, подвергаясь искусственной обработкѣ, начинаетъ тѣмъ же младенческимъ состояніемъ, въ какомъ находилась наша литература XVIII столѣтія. Мысль сначала, такъ сказать, любуется своими собственными движеніями, своей формальной выправкой, не заботясь ни мало о томъ содержаніи, на которое употребляется ея работа. Внѣшній механизмъ сочиненій, версификація, языкъ и т. п. сосредоточиваютъ на себѣ въ это время все вниманіе поэтовъ. Въ такомъ состояніи младенчества литература можетъ оставаться болѣе или менѣе длинное время, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе благопріятствующимъ ея росту. Русская литература была поставлена въ этомъ отношеніи въ обстоятельствахъ особенно неблагопріятныхъ. Изъ всѣхъ ихъ самымъ тяжелымъ гнетомъ лежало на ней покровительство, ложно направлявшее ея лучшія силы въ продолженіи всего XVIII столѣтія.

За младенческимъ періодомъ развитія литературы слѣдуетъ второй періодъ ея развитія — *художественный*, когда мысль, сознавъ свою внутреннюю, необходимую связь съ предметами мыслимыми, заботится единственно о правильномъ воспроизведеніи ихъ въ себѣ и художественномъ изображеніи въ словѣ, иначе сказать, заботится единственно о художественной правдѣ изображенія, не имѣя при этомъ ни малѣйшей заботы о воплощеніи мыслимаго сю въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ состояніи искусство восходитъ иногда на

высокую степень совершенства; но чѣмъ выше оно стоитъ, тѣмъ считаетъ недостойнѣйшимъ для себя служить интересамъ текущей жизни. Девизъ его: «цѣль искусства въ самомъ искусствѣ, а не внѣ его». Въ такомъ олимпійскомъ величіи по отношенію къ дѣйствительной жизни находился величайшій изъ поэтовъ Германіи Гёте. — У насъ періодъ чисто художественной литературы продолжался отъ Карамзина до Пушкина включительно. Начавшись съ слабыхъ опытовъ Карамзина и ближайшихъ его преемниковъ, прошедши подъ вліяніемъ псевдо-романтическаго направленія фантастическія области мечтательнаго міра, наша чисто-художественная литература достигла высшей степени своего развитія въ твореніяхъ Пушкина. Пушкинъ былъ нашимъ Гёте въ миніатюрномъ размѣрѣ; поэтъ съ тѣмъ же чисто художественнымъ созерцаніемъ и съ тѣмъ же олимпійскимъ отношеніемъ къ вопросамъ дѣйствительной жизни.

Чтобы не ввести читателя въ недоумѣніе нашимъ воззрѣніемъ на необходимость особеннаго художественнаго періода въ историческомъ развитіи каждой литературы, мы должны здѣсь сдѣлать небольшую оговорку. Наши мысли о ходѣ постепеннаго развитія литературъ разныхъ народовъ не имѣютъ вовсе значенія абсолютной теоріи, обязательной для литературъ всѣхъ временъ и народовъ. Напротивъ, онѣ имѣютъ всю свою силу только относительно литературъ современныхъ европейскихъ народовъ, которыя во время своего развитія всѣ находились подъ болѣе или менѣе одинаковыми условіями. Всѣ онѣ прежде, нежели достигли свободнаго развитія, въ національномъ духѣ, должны были перескакивать черезъ классическій барьеръ, который вполнѣ не разрушенъ еще и доселѣ. Со времени возрожденія наукъ и искусствъ въ Европѣ утвердилось общее заблужденіе, что искусство у грековъ достигло апогея своего развитія, что новому искусству не остается ничего болѣе дѣлать, какъ только подражать ему. Корнель, неправильно истолковавъ Аристотеля и подтвердивъ это лжетолкованіе свое блестящими поэтическими произведеніями, положилъ основаніе псевдо-классической поэзіи, которая изъ Франціи распространилась по всей Европѣ. Лессингъ указалъ ошибки Корнеля, возстановилъ истинный смыслъ Аристотеля и объяснилъ истинныя красоты греческаго искусства. Это освободило конечно европейское искусство и поэзію отъ ложнаго пониманія греческихъ образцовъ, но не освободило изъ греческаго плѣна. Эллинское міросозерцаніе, также впрочемъ не правильно протолкованное, въ силу котораго единственною цѣлью искусства была поставлена красота и за искусствомъ признано только образовательное служеніе человѣчеству, а не дѣловое, легло въ основаніе новой европейской поэзіи. На этой точкѣ зрѣнія на искусство стоялъ Гёте и силою своего таланта на долго

далъ санкцію такому взгляду на искусство. Подъ вліяніемъ этого взгляда на искусство развивалась и русская литература и не могла миновать особаго, довольно длиннаго періода въ своемъ развитіи—*художественнаго*. Мы однако замѣтили выше, что классическій барьеръ, тормозившій доселѣ ходъ развитія европейскихъ литературъ, теперь значительно уже разрушенъ. Даровитѣйшіе изъ новыхъ европейскихъ поэтовъ, сдѣлавшись бойцами за современныя идеи, доказали, что поэзія, служа дѣлу, можетъ быть, если не болѣе, то точно также прекрасна, какъ и поэзія искусства для искусства, а теорія современнаго искусства говоритъ, что разработка общечеловѣческихъ идей каждымъ народомъ на своей національной почвѣ дастъ имъ только большую красу, и чѣмъ болѣе захватитъ ихъ струя современныхъ интересовъ, тѣмъ большую они получатъ силу, и что только то искусство вполнѣ совпадаетъ съ истинно-эллинскимъ міросозерцаніемъ искусства, которое ищетъ себѣ вдохновенія на аренѣ современной жизни, а не отыскиваетъ свои идеалы въ архивахъ миѳологіи или въ гробницахъ средневѣковыхъ величій. Ибо древнее греческое искусство, не смотря на то, что оно не играло значительной дѣловой роли въ общественной жизни грековъ, а служило только украшеніемъ ихъ жизни, было тѣмъ и сильно, что оно въ свое время было вполнѣ современно и вполнѣ національно. Такимъ образомъ, если бы мы представили себѣ, что какой нибудь необразованный народъ въ наше время пріобщился къ европейской цивилизаціи и сталъ создавать подъ ея вліяніемъ собственную литературу, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ быстро прошелъ бы періоды формальнаго реторическаго и художественнаго развитія литературы и рано понялъ бы ея жизненное значеніе.

За періодомъ чисто-художественной литературы начинается періодъ зрѣлаго возраста литературы, который мы можемъ назвать *національнымъ*, когда литература, научившись совмѣщать требованія искусства съ цѣлями дѣйствительной жизни, выходитъ изъ сферы чистаго искусства на арену дѣйствительной жизни, принимаетъ участіе во всѣхъ высшихъ національныхъ интересахъ и получаетъ вполнѣ жизненное значеніе.

Каждый новый высшій періодъ изъ означенныхъ нами трехъ періодовъ постепеннаго развитія литературы, принося съ собою новое преобладающее направленіе извѣстныхъ понятій и воззрѣній, не исключаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ de facto понятій и воззрѣній предшествовавшаго періода, такъ что тѣ и другія продолжаютъ жить рядомъ, другъ подлѣ друга иногда очень долго, и литература каждаго *настоящаго* представляетъ собою такую же пеструю смѣсь разновременныхъ типовъ, какую, по выраженію Фрейтага, представляетъ и жизнь

какого бы то ни было *настоящаго*. Какъ ни далеко ушла, напримѣръ, современная литература по своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ даже отъ ближайшей къ намъ литературы сороковыхъ годовъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ цѣломъ составѣ представителей современной литературы есть люди съ воззрѣніями и понятіями не только сороковыхъ годовъ, но и пушкинской и карамзинской эпохи,—а можетъ быть даже и временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.

Но если каждый новый періодъ литературы содержитъ въ себѣ рядомъ съ новымъ, принесеннымъ имъ направленіемъ и типы направленія прошедшихъ временъ, то съ другой стороны почти немыслимо, чтобы воззрѣнія и понятія, возможныя въ періоды позднѣйшаго развитія литературы, появлялись и даже могли появляться въ періодѣ ея ранняго развитія. Талантливѣйшіе и даже геніальнѣйшіе представители литературы бываютъ обыкновенно только полными типами развитія тѣхъ періодовъ литературы, въ которыхъ они живутъ, показывая совершенную неспособность къ воспринятію воззрѣній и идей послѣдующихъ періодовъ. Державинъ, поэтъ періода реторизма, остался поэтомъ словъ, не достигши во всю свою жизнь до сознанія той простой истины, что слово должно быть не потѣхою мысли, а изображеніемъ предмета мыслимаго. Пушкинъ, поэтъ художественнаго періода литературы, понималъ, что только истинная мысль, мысль соотвѣтствующая предмету мыслимому, достойна быть содержаніемъ художественнаго слова. Разсматривая стихотвореніе Державина, въ которомъ послѣдній проситъ, чтобы объ немъ судили не по сочиненіямъ его, а по дѣламъ, Пушкинъ справедливо замѣчалъ, что «слова поэта — его дѣла». Но самъ Пушкинъ во всю жизнь также не дорось до того представленія, что только тѣ слова поэта могутъ быть названы достойными его дѣлами, которыя имѣютъ цѣлію дѣйствительное дѣло жизни.

Еще разительнѣйшій примѣръ непониманія отношенія слова къ жизни представляютъ два величайшіе поэта художественнаго періода германской литературы Шиллеръ и Гёте. Творенія ихъ имѣли огромное вліяніе на возрожденіе умовъ Германіи, на пробужденіе въ ней національныхъ чувствъ,—и однакожъ сами они меньше всего думали о томъ дѣятельномъ пробужденіи и возрожденіи, которыя начались въ ней, въ силу внѣшнихъ событій и дали ихъ твореніямъ смыслъ, какого они сами не подозрѣвали въ нихъ. На твореніяхъ Шиллера—этого неумолкаемаго пѣвца свободы, воспитались поколѣнія, сдѣлавшіяся свидѣтелями великихъ событій. Почти всѣ его драмы, начиная отъ «Разбойниковъ», въ которыхъ бродитъ дикость революціоннаго движенія, до «Дѣвы» Орлеанской и Вильгельма Телля, въ которыхъ

отражается и полетъ войнъ освобожденія, были чѣмъ-то въ родѣ великихъ пророчествъ и комментаріевъ къ разнымъ фазисамъ французской революціи. «Разбойники» произвели такой фуроръ въ революціонной Франціи, что Шиллеру былъ присланъ отъ конвента почетный титулъ гражданина. И однакожъ Шиллеръ менѣе всего понималъ принципы, во имя которыхъ совершается движеніе во Франціи и, какъ увидимъ ниже, смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ. Шиллеръ былъ гуманистъ; онъ понималъ свободу не какъ гарантированный политическій институтъ, а какъ право каждой частной человѣческой личности на человѣческія отношенія къ ней другихъ въ предѣлахъ существующаго закона. Нарушеніе этого права, конечно, возможно, равно какъ не предосудительно его защищеніе; но только важностію правонарушенія опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ и право на защиту. Вообще же свобода не добывается внѣшними средствами; она, какъ пышный цвѣтъ всеобщей гуманности, можетъ выростать только изъ образованія. Напрасно бы мы стали искать въ жизни поэта комментарія къ его твореніямъ или въ многочисленныхъ письмахъ, въ настоящее время обнародованныхъ, ключа къ тому политическому одушевленію, печать котораго такъ ярко блеститъ на его твореніяхъ. Исключая кой-какихъ незначительныхъ замѣтокъ о Бонапартѣ, котораго Шиллеръ вообще не жаловалъ, и о вандальскомъ расхищеніи произведеній искусства французами, мы не найдемъ ничего въ богатой перепискѣ Шиллера, никакихъ признаковъ того, чтобы онъ принималъ горячее участіе въ современныхъ ему историческихъ событіяхъ. Мало того: даже того высокаго національнаго патріотизма, который ключемъ бьетъ въ «Дѣвѣ Орлеанской» и «Вильгельмѣ Теллѣ», нѣтъ никакого слѣда въ перепискѣ Шиллера. Напротивъ онъ здѣсь является чистымъ космополитомъ. «Мы, — говоритъ онъ, — въ письмѣ своемъ къ Якоби, — по *тълу* — граждане нашего времени и останемся такими, но по *духу* долгъ и преимущество каждаго философа и поэта въ томъ именно и состоитъ, чтобы не принадлежать никакому народу и никакому времени, но быть въ собственномъ смыслѣ этого слова современникомъ всѣхъ временъ». И такъ творенія поэта совершенно расходились съ его теоретическими воззрѣніями на искусство. Отчего жь это происходило? — Не отъ чего другаго, какъ отъ того, что поэтъ былъ такъ близокъ къ народу, такъ живо чувствовалъ его скорби и страданія, такъ наэлектризованъ былъ любовью къ нему, что онъ безсознательно для самого себя являлся въ своихъ твореніяхъ лучшимъ выразителемъ его нуждъ и желаній,—а между тѣмъ литература его времени, находившаяся еще въ періодѣ художественнаго развитія, поставлявшая главную цѣль искусства въ воплощеніи гуманическихъ идей въ прекрасныхъ фор-

махъ,—почитала всякое отношеніе къ живымъ интересамъ дѣйствительной жизни оскверненіемъ для искусства.

Но если Шиллеръ, по своей огненной, порывистой, чутко-симпатической натурѣ не могъ, не смотря на запретъ теоріи, устоять противъ воплей дѣйствительности, то Гёте, натура болѣе спокойная, болѣе ровная, артистически остался вѣренъ чисто художественному созерцанію. Гёте прожилъ почти сто лѣтъ германской исторіи, — и пережилъ замѣчательнѣйшія эпохи новой исторіи, и ни одно изъ этихъ громадныхъ движеній не могло измѣнить его олимпійскаго отношенія къ дѣйствительной жизни и художественнаго направленія его умственной дѣятельности.

Движеніе XVIII-го вѣка было ему просто противно. Въ своихъ эпиграммахъ онъ возстаетъ рѣшительно противъ дѣятелей этого движенія, изъ которыхъ каждый, по его мнѣнію, въ концѣ концовъ ищетъ только произвола для самого себя. Онъ обвиняетъ французскій общественный переворотъ за то, что онъ, подобно лютерантству, нарушилъ спокойный ходъ образованія, столь же рѣшительно протестуетъ онъ противъ новыхъ общественныхъ принциповъ. Да не подумаетъ кто нибудь, чтобы эти протесты происходили у Гёте изъ привязанности къ противной сторонѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ точно также не показываетъ никакихъ симпатій и къ роялистской партіи и ея интригамъ. Напротивъ онъ прямо говоритъ, что чернь дѣлается дикою именно потому, что ее *обманываютъ;* что великая революція была виною не народа, а правительства, а въ одной ксеніи отдаетъ даже предпочтеніе демагогамъ предъ «эмигрантами».

«Мнѣ они также, говоритъ онъ, кажутся глупыми, но глупый, владѣя свободой, говоритъ мудрыя рѣчи, тогда какъ увы! самая мудрость дѣлается глупою въ устахъ рабовъ». Читатель видитъ, что протесты Гёте противъ общественныхъ волненій были чисто протесты художника, котораго внѣшнія движенія обезпокоили въ его артистическомъ, самодовольномъ наслажденіи красотою.

Какъ вооружался Гёте противъ революціи, такъ точно онъ вооружался противъ войнъ за освобожденіе. Наполеонъ, имѣвшій случай три раза разговаривать съ Гёте и высказавшій при этомъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній объ искусствѣ, лично очаровалъ Гёте. Въ 1813 году, когда началось время патріотическаго воодушевленія, Гёте сказалъ отцу поэта Кёрнера: «да, тряхните только вашими цѣпями. Человѣкъ этотъ слишкомъ великъ для васъ! Вы не разрушите вашихъ цѣпей, а сдѣлаете только то, что они еще глубже вопьются въ ваше тѣло!» Гёте не могъ хорошо выяснить для себя даже политическаго значенія войнъ освобожденія. «Чего же достигли наконецъ и что выиграли! Вы говорите—свободы,—а можетъ быть, правильнѣе

будетъ сказать освобожденія: освобожденія не отъ ига иноземцевъ вообще, а освобожденія отъ одного иноземнаго ига. Правда, нѣтъ болѣе ни французовъ, ни итальянцевъ—за то я вижу казаковъ, башкировъ, кроатовъ, мадьяровъ, кашубовъ».

Во время іюльской революціи Гёте былъ уже 81 годъ отъ роду. Само собою разумѣется, что онъ въ это время сдѣлался еще замкнутѣе для всѣхъ внѣшнихъ политическихъ движеній, погрузившись исключительно въ міръ науки и искусствъ. Разсказываютъ слѣдующій анекдотъ объ отношеніи Гёте къ этой революціи. Въ 1830 году Гёте принималъ самое живое участіе въ учено-натуралистическомъ спорѣ, возгорѣвшемся въ Парижѣ по вопросу о единствѣ органическаго образованія въ животномъ царствѣ между Кювье и Жофруа-Сентъ-Илеромъ. Въ одно время съ извѣстіемъ объ этомъ академическомъ спорѣ пришло въ Веймаръ и извѣстіе объ іюльской революціи. Соретъ посѣтилъ въ это время старика поэта. «Ну, — сказалъ Гёте, встрѣчая его, — что вы скажете объ этомъ великомъ происшествіи? Вулканъ вспыхнулъ теперь, все объято пламенемъ — теперь нельзя болѣе вести разсужденій при закрытыхъ дверяхъ!» Соретъ, нимало не сомнѣвался, что рѣчь идетъ о революціи, какъ вдругъ оказалось, что поэтъ говорилъ вовсе не объ этихъ событіяхъ, а объ академическомъ спорѣ.

Во все время жизни великаго Гёте только разъ былъ случай, когда его художническое чувство вышло изъ границъ равновѣсія и уступило патріотическому увлеченію. Это было въ 1806 году, когда театръ военныхъ дѣйствій очутился слишкомъ близко отъ него, и войска цезаря одержали рѣшительную побѣду подлѣ самой столицы музъ, Іены. Угрозы герцогу, его личному другу, несправедливость завоевателей, которые обвиняли герцога за то, что онъ помогалъ прежнимъ своимъ союзникамъ по оружію, все это вызвало въ его груди человѣческія чувства и онъ воспылалъ благороднымъ негодованіемъ противъ враговъ отечества. Онъ защищалъ образъ дѣйствій герцога, объявлялъ, что раздѣлитъ съ нимъ его несчастіе и судьбу, что онъ съ посохомъ въ рукахъ пойдетъ за своимъ государемъ въ ссылку и изгнаніе. «Я сдѣлаюсь,—говоритъ Гёте, уличнымъ пѣвцомъ, буду добывать себѣ хлѣбъ пѣніемъ и переложу въ пѣсни повѣсть о нашемъ несчастіи. Я пойду во всѣ деревни и школы, гдѣ только сколько нибудь извѣстно имя Гёте; я воспою позоръ нѣмцевъ и заставлю дѣтей учить наизусть эту пѣсню позора, пока они, сдѣлавшись мужами и одушевляемые ею, возведутъ снова на тронъ моего государя и низвергнутъ вашего. Да, вы посмѣвастесь надъ закономъ; придетъ время, когда и онъ посмѣется надъ вами. Иди же, французъ! Или нигдѣ или только здѣсь возможна борьба съ тобою. Если ты захочешь отнять

это чувство у нѣмцевъ или попрать его ногами, что одно и то же, то скоро самъ ты попадешь подъ ноги этому народу». Это сильное негодованіе поэта противъ враговъ мало вяжется однакожъ со всѣмъ, что мы знаемъ о жизни и дѣятельности поэта въ то время. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было только минутною вспышкою съ его стороны. 8 января 1807 года, спустя не долго послѣ сраженія при Іенѣ, Кнебель писалъ между прочимъ Жанъ-Полю о Гёте слѣдующее: «Гёте прислалъ мнѣ въ моемъ горѣ пару бутылокъ капвейну,—это было очень кстати для человѣка, котораго французы очистили до суха. Самъ Гёте все это время занимался оптикой. Мы изучаемъ здѣсь подъ его руководствомъ остеологію; для такого занятія настоящее время очень удобное, такъ какъ всѣ поля усѣяны препаратами. Насъ много, и мы не скучаемъ, не бѣдствуемъ, напротивъ живемъ очень весело!» Такимъ образомъ величайшій изъ художественныхъ поэтовъ Германіи недостатокъ въ себѣ симпатіи къ живымъ бойцамъ за свободу съ лихвой вознаграждалъ горячимъ сочувствіемъ къ костямъ ихъ.

Таковъ былъ Гёте! Въ свое время такое постыдное равнодушіе его къ судьбѣ своего отечества и народа сильно скандализировало его имя въ Германіи. Но теперь нѣмцы помирились вполнѣ съ великимъ поэтомъ, и имя его вмѣстѣ съ именемъ Шиллера сдѣлалось предметомъ всеобщаго благоговѣнія. Теперь поняли, что отдѣльную личность Гёте нельзя обвинять въ равнодушіи къ общественному благу, что такимъ же равнодушіемъ къ общественному благу отличалась и вся Германія, съ которой онъ вмѣстѣ воспитался и выросъ. Гёте въ пятьдесятъ и пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ (во время войнъ освобожденія) было трудно отстать отъ воззрѣній и привычекъ того артистическаго, самодовольнаго образованія, которое горячо проповѣдывало гуманизмъ, съ распростертыми объятіями принимало всѣхъ меньшихъ братьевъ, которые имѣли возможность пріобщиться къ наслажденіямъ гуманной жизни, но за то совершенно забывало о тѣхъ меньшихъ братьяхъ, которые не имѣли возможности не только участвовать въ благахъ гуманизма, но которые не были гарантированы закономъ даже въ благѣ насущнаго пропитанія, даже въ благѣ жизни. Всякій народъ, пріобщающійся цивилизаціи, неизбѣжно проходитъ ту степень умственнаго развитія, когда мысль самодовольно вращается только въ своей собственной сферѣ, когда она считаетъ дѣломъ совершенно чуждымъ, не свойственнымъ для себя принимать непосредственное участіе въ интересахъ жизни дѣйствительной. Когда Шиллеръ говоритъ, что «легко другъ подлѣ друга уживаются мысли, но страшно сталкиваются между собою вещи въ пространствѣ», то этимъ вполнѣ характеризуетъ главное различіе между французскими и нѣмецкими обществен-

ными стремленіями въ XVIII вѣкѣ. Въ нѣмецкихъ умахъ легко и мирно уживались самыя несогласныя мысли и идеи другъ подлѣ друга, — тогда какъ во Франціи и то, что на первый взглядъ казалось сроднымъ между собою, вступало во взаимную уничтожающую борьбу.

Говоря все это, мы, конечно, не то хотимъ сказать, зачѣмъ Гёте во время революціи не сдѣлался революціонеромъ или зачѣмъ онъ во время войнъ освобожденія не поступилъ въ солдаты? Мы находимъ странность только въ томъ, что такой громадный талантъ, какъ талантъ Гёте, поэтическое міросозерцаніе котораго съ одинаковою ясностію охватывало весь міръ — и міръ природы, и міръ исторіи, и міръ страстей человѣческихъ—намѣренно отвращался отъ основательнаго изученія замѣчательныхъ событій, передъ нимъ происходившихъ, событій, двигавшихъ весь тогдашній міръ. Какъ Гёте не понималъ войнъ за освобожденіе, такъ точно онъ во всю жизнь свою не понялъ великаго движенія умовъ, происходившаго передъ его глазами. Всюду, гдѣ ему приходится говорить объ общественномъ переворотѣ XVIII-го вѣка, онъ разсматриваетъ его только съ точки зрѣнія частнаго права.

Какъ это удивительно въ Гёте, читатель можетъ судить потому, что именно на этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и нашъ Державинъ. Въ одѣ «На переходъ альпійскихъ горъ», обращаясь къ французамъ, Державинъ говоритъ между прочимъ:

Ищай себѣ въ народѣ власти,
Попри свои всѣхъ прежде страсти,
А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
Но гдѣ жь, гдѣ ваши Цинцинната?
Вы мните только быть богаты:
Корысти чуждъ прямой герой!

Эти стихи Державинъ украсилъ слѣдующимъ, поясняющимъ ихъ, примѣчаніемъ:

«Извѣстно, что Цинцинната, полководецъ римскій, съ поля битвы и отъ военной славы, не находя наслажденія въ знатности, возвращался къ сохѣ своей. Авторъ спрашиваетъ, гдѣ Цинцинната у французовъ, когда революція и безпрерывныя войны были начаты ими и продолжались по своекорыстнымъ видамъ дѣйствующихъ лицъ?»

Но еще замѣчательнѣе, чѣмъ въ Гёте, такая точка зрѣнія въ Шиллерѣ. Все это ничѣмъ другимъ объяснить нельзя, какъ той художественной точкой зрѣнія, которую имѣли Гёте и Шиллеръ на поэзію. Они смотрѣли на поэзію какъ на искусство, которое воспитываетъ въ людяхъ идеи красоты, нравственности, свободы (умозри-

тельной) и т. д., но не мѣшается въ дѣла дѣйствительнаго текущаго міра, почитая такое вмѣшательство низкимъ, недостойнымъ искусства ([47]).

Не на этой ли же самой точкѣ зрѣнія на поэзію стоялъ и нашъ Пушкинъ, который въ нашей литературѣ представляетъ точно тотъ же самый моментъ развитія, который представляютъ собою Гёте и Шиллеръ въ нѣмецкой?

Итакъ возможно ли, — спрашиваемъ мы снова, — повѣрить, чтобы въ періодъ своего реторическаго состоянія наша литература была выше по своимъ воззрѣніямъ, чѣмъ въ періодъ художественнаго своего развитія? Возможно ли, чтобы въ ней во время ея младенчества были не только зрѣлые политическіе идеалы, какъ увѣряютъ насъ, а даже зачатки гражданскихъ стремленій?

Послѣ всего, что мы сказали выше, мы могли бы вполнѣ спокойно отвѣтить отрицательно на эти вопросы, не входя ни въ какое дальнѣйшее разбирательство политическихъ идей нашихъ политиковъ въ литературѣ XVIII столѣтія. Но намъ указываютъ имена страдальцевъ за политическія идеи — Фонъ-Визина, Новикова, Княжнина, Радищева. И мы поставляемся въ необходимость обратить наше вниманіе на отношеніе нашей литературы XVIII столѣтія къ политическимъ вопросамъ, — чѣмъ мы и займемся въ слѣдующей статьѣ.

ГРЫЦЬКО.

НОРМАНСКІЙ БАРОНЪ.

(изъ лонгфелло.)

Dans les moments de la vie où la réflexion devient plus calme et plus profonde, où l'intérêt et l'avarice parlent moins haut que la raison, dans les instants de chagrin domestique, de maladie, et de péril de mort, les nobles se repentirent de posséder des serfs, comme d'une chose peu agréable à Dieu, qui avait créé tous les hommes à son image.

THIERRY: Conquête de l'Angleterre.

Ночью, въ спальнѣ удаленной,
Злымъ недугомъ истощенный,
Умиралъ баронъ.
Буря бѣшено ревѣла,
Точно замокъ снесть хотѣла,
Гдѣ томился онъ.

Ужь его минуты малы...
Не спасутъ его вассалы,
Ни толпа рабовъ,
Ни наслѣдье родовое —
Плодъ насилья и разбоя
Дѣдовъ и отцовъ.

Смерть идетъ — и нѣтъ пощады...
Робко онъ кидаетъ взгляды
На духовника:
Тотъ сидитъ, чело склонивши,
Взоры въ требникъ опустивши,
Возлѣ старика.

Вѣтеръ вылъ, свистѣлъ и злился,
Чуть-чуть внятно доносился

Колокольный звонъ
Съ ближней церкви, возвѣщая,
Что настала ночь святая,
Что Христосъ рожденъ.

Въ эту ночь средь старой залы
Собрались рабы, вассалы,
И, въ усладу ихъ,
Кочевые минестрели
Много пѣсенъ тамъ пропѣли
Старыхъ и святыхъ.

Угнетенному народу
Пѣли гимны про свободу,
Данную Христомъ;
Громко гимны ихъ звучали,
Такъ что бурю заглушали,
Рвавшуюся въ домъ.

И достигли эти звуки
До одра предсмертной муки,
Гдѣ баронъ лежалъ
И монахъ въ благоговѣньи
Старику слова спасенья
На ухо шепталъ.

Услыхавши пѣснь святую,
Тихо голову сѣдую
Повернулъ баронъ;
И недвижно, съ замираньемъ,
Весь окованный вниманьемъ,
Вслушивался онъ.

Тучи молнія пронзила
И внезапно озарила
Въ нишѣ рядъ иконъ...
Громъ ударилъ съ страшной силой —
И вскричалъ: «Творецъ, помилуй!»
Вздрогнувши, баронъ.

Въ этотъ часъ тоски сердечной,
На порогѣ жизни вѣчной,

Онъ прозрѣлъ душой:
Онъ увидѣлъ правду Божью
Сквозь туманъ, разлитый ложью
Суеты мірской.

Всѣ земныя обольщенья, —
Чѣмъ отъ самаго рожденья
Онъ опутанъ былъ, —
Вдругъ надъ нимъ лишились власти,
И разсудокъ громче страсти
Въ немъ заговорилъ.

Тѣмъ, кто въ жизни безполезной
Подъ рукой его желѣзной
Слезы проливалъ,
Всѣмъ рабамъ, ему подвластнымъ,
Угнетеннымъ и несчастнымъ
Онъ свободу далъ.

И когда онъ въ томъ поклялся —
Съ тѣломъ духъ его разстался,
Разлилàсь въ чертахъ
Неподвижность гробовая...
И «аминь», благословляя,
Произнесъ монахъ.

И прошло вѣковъ не мало
Съ той поры, какъ у портала
Церкви спитъ баронъ;
Прахъ его истлѣлъ въ могилѣ,
И ужь всѣ давно забыли —
Кто тамъ погребенъ.

Но его благое дѣло
Въ книгѣ жизни уцѣлѣло, —
Плодъ его святой
Все пышнѣе созрѣваетъ
И въ вѣкахъ оно сіяетъ
Яркою звѣздой.

Д. МИХАЛОВСКІЙ.

ИЗЪ „ПИСЕМЪ ОБЪ АНГЛІИ"

ЛУИ БЛАНА.

I.

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ АНГЛІЯ ВЪ СУЩНОСТИ ЕСТЬ АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Тацитъ говоритъ гдѣ-то, что было опасно даже хвалить Тиберія. Боже меня упаси сравнивать нашихъ друзей *Daily-Telegraph* съ этимъ подозрительнымъ римскимъ императоромъ, ничѣмъ не удовлетворявшимся! Но откровенно говоря, я начинаю думать, что если не опасно, то по крайней мѣрѣ не удобно хвалить свободныхъ людей этой страны; мысли эти приходятъ ко мнѣ всякій разъ, какъ я вижу, что *Daily-Telegraph* нападаетъ на *Temps*, за то, что послѣдняя увѣряетъ, будто монархическая Англія существуетъ только по названію. Что Англія есть республика и притомъ республика аристократическая —это правда; но правда также и то, что она въ состояніи доставить демократіи — благодаря своей подвижности — всевозможныя уступки, требуемыя духомъ новѣйшаго времени.

Господинъ Шереръ, авторъ прекрасной статьи, содержаніе которой я резюмировалъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, будетъ, полагаю, весьма удивленъ, узнавъ, что одна изъ самыхъ лучшихъ похвалъ конституціи возмутила политическія фибры нашихъ друзей изъ *Daily-Telegraph*; и что въ ней нашли даже оскорбленіе «граціозной дамѣ, дамѣ ихъ колѣнъ и сердецъ. «The gracious lady who is mistress,—такъ буквально пишутъ они,—of our knees and hearts». Они обвиняютъ васъ или по крайней мѣрѣ стараются обвинить за то, что вы усумнились въ искренности ихъ монархическаго преклоненія и столь часто обнаруживаемой привязанности къ королевѣ, обвиняютъ васъ въ вы-

раженномъ будто вами сомнѣніи относительно искренности уваженія, которое они оказываютъ ея добродѣтели, въ способѣ сочувствія къ ея горести, въ траурѣ, который они носятъ по умершемъ принцѣ Альбертѣ, и въ нѣжной заботливости пожеланій, напутствующихъ будущаго короля Англіи въ его путешествіяхъ.

Тутъ положительно ничего не поймешь.

Мнѣ кажется, что *Temps* говоритъ всегда о королевѣ Англіи не иначе, какъ въ самомъ серьезномъ и почтительномъ тонѣ; комментаріи его по поводу смерти принца Альберта болѣе походили на надгробныя рѣчи, нежели на историческую критику; ни одна газета не придавала столько значенія тому чувству, которое изъ траура королевы сдѣлало общественный трауръ. Кромѣ того, такъ какъ *Temps*, слава Богу, редактируется не куртизанами и издается вовсе не для дворовъ, то она могла надѣяться, что ея желаніе быть прежде всего справедливымъ ко всѣмъ и не подастъ повода къ сомнѣнію никому, а тѣмъ менѣе *Daily-Telegraph*.

Но ожиданія его, какъ видите, не оправдались. Но не объ одномъ этомъ хотѣлъ я упомянуть по поводу означенной статьи. Если существуетъ въ Англіи газета, питающая нелицемѣрную искреннюю дружбу къ Англіи, газета, прежде всѣхъ предлагавшая союзъ съ Англіей, газета, хвалившая учрежденія этой страны, газета, противопоставлявшая тамошнюю свободу гнету прочихъ странъ, газета, при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигавшая великія качества англійскаго народа,—то эта газета и есть *Temps*. Но за то, что она поступала относительно Англіи такъ, какъ поступила бы относительно самой Франціи, за то, что она не льстила Англіи, хотя и любила ее, за то наконецъ, что она осмѣливалась критиковать то, что достойно было критики, — за все это она и заклеймена печатью позора и ей запрещается даже хвалить то, что достойно похвалы! Не говорилъ ли я вамъ, что трудно угодить нѣкоторымъ людямъ. Но пусть не безпокоятся наши монархическіе друзья изъ *Daily-Telegraph*. Увѣряя, что монархія въ Англіи есть монархія только по названію, *Temps* вовсе не хотѣла сказать ничего такого, на что могли бы основательно жаловаться самые восторженные обожатели королевы Викторіи и лица, носящія самый продолжительный трауръ по принцѣ Альбертѣ. Слава королевы Викторіи и состоитъ въ томъ, что она лучше

чѣмъ *Daily-Telegraph* понимаетъ, что между *монархіей*, представительницей которой она служитъ, и монархіей по этимологическому значенію слова — правленіемъ одного, — нѣтъ ничего общаго кромѣ названія. Да, за то именно, что она поняла это, за то, что ограничилась только своею ролью, и за то, что она буквально была конституціонной королевой — какъ объ этомъ недавно заявилъ *Times*—за все это королева Викторія и пріобрѣла себѣ популярность въ этой странѣ. Что же касается до принца Альберта, чѣмъ особенно важна его заслуга въ глазахъ тѣхъ, которые тотчасъ же при извѣстіи о его смерти обвязывали крепомъ свои шляпы? Тѣмъ, что онъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ на королеву и не заставлялъ ее переступать тѣхъ границъ, которыя конституція обвела вокругъ ея трона.

Я напомню здѣсь анекдотъ, разсказанный въ палатѣ лордовъ графомъ Росселемъ по поводу принца Альберта, и разсказанный притомъ съ цѣлью внушить англійскому народу добрую память о принцѣ.

«Разсуждая однажды съ графомъ Росселемъ о томъ, какъ должна себя держать королевская власть при смѣненіи министерства, принцъ Альбертъ сказалъ ему: — Какой бы партіи ни придерживался по моему новый министръ, государь обязанъ выказать самое большое довѣріе къ человѣку, выбранному парламентомъ въ качествѣ лучшаго хранителя власти:—Whether he belonged to one party or another, the utmost confidence should prevail between the sovereign and the minister who came forward in parliament as the ostensible possessor of power».

Или это не имѣетъ никакого смысла, или это означаетъ, что передъ выборомъ парламента и даже передъ всѣмъ, что касается чисто исполнительной власти, англійскій король долженъ совершенно отречься отъ своихъ особенныхъ мнѣній, отъ своихъ чувствъ и даже отъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Что можетъ быть общаго кромѣ имени, спрашиваю васъ, между только что охарактеризованной формой правленія и той, которая въ знаменитой классификаціи Аристотеля опредѣляется словами *monos* и *arché* (господство одного)? И какъ не видѣть республики (*res publica*) тамъ, гдѣ воля одного должна совершенно подчиняться волѣ людей, представляющихъ или долженствующихъ представлять цѣлый народъ?

Очень жаль, если наши друзья въ *Daily Telegraph* недоволь-

ны этимъ. Мы же, за одно съ графомъ Росселемъ, не можемъ не быть благодарны принцу Альберту за высказанное имъ мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ не считаемъ себя вправѣ порицать Англію за ея учрежденія, принципъ которыхъ основанъ на томъ, что идея объ*общественномъ дѣлѣ* должна быть господствующею. Странно только, что именно англійскій журналъ — и притомъ либеральный — ставитъ это намъ въ вину; оно было бы весьма пикантно, еслибъ не было такъ грустно.

Но что особенно странно, — это то, что на слова *Temps*: «Англія есть въ сущности республика», *Daily Telegraph* съ особеннымъ торжествомъ, въ видѣ опроверженія, замѣчаетъ: «пусть узнаетъ *Temps*, что мы—commonwealth». Это равняется тому, что колпаку бѣлому противоставлять бѣлый колпакъ. Разумѣется, вы — *commonwealth*; съ этимъ-то мы васъ и поздравляемъ; и мы крайне удивляемся только тому, что вы возстаете противъ насъ за это.

Есть, правда, въ этой странѣ люди, питающіе, такъ сказать, платоническую любовь къ такъ называемому уравновѣшенію власти, и они сочли бы политическую репутацію Англіи совершенно скомпрометированною передъ остальнымъ міромъ, еслибъ возникло малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что королевская власть, власть палаты лордовъ и палаты общинъ совершенно равны. Хотя имъ это и не по вкусу, но тѣмъ не менѣе равенство это, легко проводимое въ теоріи, не такъ-то легко осуществляется въ дѣйствительности. Делольмъ дѣлаетъ замѣчаніе, совершенно уничтожающее этотъ вопросъ: «*Англійская монархія есть хорошо снаряженный корабль, но у котораго парламентъ можетъ по своему произволу отнять воду*». Право вотировать государственные расходы дѣйствительно въ рукахъ палаты общинъ,—право, рѣшительно превышающее всѣ остальныя.

Король Англіи облеченъ властью заключать миръ и войну; но что значитъ это право, когда воля короля противна палатѣ общинъ? Вѣдь она одна только и можетъ располагать ходомъ войны и средствами управленія во время мира. Право вотировать государственные расходы заключаетъ въ себѣ неимовѣрную силу. Карлъ II испыталъ это на дѣлѣ: палата общинъ своимъ отказомъ довела его до того, что онъ вынужденъ былъ заключить тайный постыдный договоръ съ Людовикомъ XIV, за ежегодную сумму въ 200,000 фунтовъ стерлинговъ,

и снизойти такимъ образомъ до роли пансіонера французскаго двора.

Англійскій король имѣетъ право избирать министровъ, но только въ теоріи; потому что въ сущности министры избираются палатой общинъ, такъ какъ безъ согласія этого большинства не можетъ удержаться ни одинъ кабинетъ.

Англійскій король можетъ распустить парламентъ, но съ тѣмъ, что тотъ же парламентъ можетъ явиться съизнова и отнестись еще враждебнѣе къ волѣ короля, если она противорѣчитъ съ волей избирателей. Уилькзъ, три раза отсылаемый, былъ трижды выбранъ ими съизнова, и вы знаете, до чего былъ доведенъ Карлъ I, часто распускавшій парламентъ.

Англійскій король имѣетъ право veto; но такъ какъ палата общинъ владѣетъ болѣе дѣйствительнымъ правомъ, правомъ сдергивать шнурки кошелька когда угодно, то veto становится совершенно безсильно. «Оно только возбуждаетъ собраніе, но не обезоруживаетъ его», какъ выражается Бенжаменъ Констанъ.

Англійскій король есть глава церкви; но онъ не можетъ ни затрогивать установленной религіи, ни исповѣдывать религіи, запрещенной государствомъ.

Англійскій король пользуется *правомъ помилованія* и это самая лучшая изъ его прерогативъ. Но такъ какъ право это дѣйствительно только относительно отдѣльныхъ личностей и притомъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, то оно не можетъ, собственно говоря, составить дѣйствительной силы.

Англійскій король неприкосновенъ; но неприкосновенность эта подлежитъ опять волѣ господствующей націи...

Англійскій король опирается на право престолонаслѣдія; но и это право можетъ быть устранено по благоусмотрѣнію парода. Развѣ Іаковъ II не былъ устраненъ не только лично, но и вмѣстѣ съ сыномъ его, законнымъ наслѣдникомъ престола?

Словомъ, изъ всѣхъ королевскихъ преимуществъ въ Англіи нѣтъ ни одного, которое бы не заключало въ себѣ характера подчиненія всему, что носитъ на себѣ печать народной воли.

Даже мало этого: англичане потому и признаютъ пользу монархіи, что по ихъ понятію она должна постоянно занимать во главѣ общества мѣсто, которое они считаютъ опаснымъ упразднить. Это необыкновенно вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ жест-

ко выражено въ ученой критикѣ сочиненія Леки о британскомъ правленіи, напечатанномъ въ *Эдинбургскомъ обозрѣніи*. «Заявляя о томъ, что королевская власть въ Англіи находится въ полной невозможности сдѣлать свою волю преобладающею надъ волею народа, мы нисколько не хотимъ набросить тѣни на англійскія учрежденія. Напротивъ того, въ этомъ-то безсиліи монархіи кроются самыя лучшія гарантіи той свободы, которою такъ гордится Англія. Къ несчастію, случай не всегда возводитъ на престолъ такихъ королевъ, какъ Викторія, и мнѣ кажется не слѣдуетъ забывать Георга III».

Но чѣмъ англійское правленіе вызываетъ критику,—и въ этомъ отношеніи мы надѣемся сойтись съ *Daily-Telegraph*— это тѣмъ, что въ составѣ палаты общинъ слишкомъ ничтоженъ демократическій элементъ. Покуда не будетъ въ ней представителей рабочаго сословія—до тѣхъ поръ многаго еще останется желать для нея. Но, какъ объ этомъ вѣрно замѣтилъ нашъ сотрудникъ Шереръ, эластичность здѣшнихъ учрежденій такова, что они еще подлежатъ развитію и всевозможнымъ успѣхамъ. Англія съумѣетъ, когда придетъ время, доставить демократіи принадлежащее ей мѣсто.

Предоставляю нашему сотруднику подробнѣе обсудить этотъ вопросъ и надѣюсь, что онъ лучше моего разъяснитъ его. Не зная навѣрное, замѣтилъ ли онъ статью *Daily-Telegraph*, дошла ли она до него, я не считалъ себя въ правѣ умолчать о нападеніи, казавшемся мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ несправедливымъ, а особливо относительно непріязни къ Англіи. *Daily-Telegraph*, какъ я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, очень хорошая газета, очень распространенная, вліятельная и подобно намъ преданная служенію либеральнымъ идеямъ — тѣмъ побудительнѣе должна быть слѣдовательно причина пригласить ее быть справедливой. Что хочетъ она сказать, говоря о враждебности *Temps* къ Англіи? Если то, что наши чувства относительно Англіи не доходятъ до настоящаго фетишизма, что мы усматриваемъ нѣсколько пятенъ на ея небосклонѣ, что наше удивленіе къ ея великимъ и хорошимъ сторонамъ не ослѣпляетъ насъ до того, что мы ужь не видимъ дурныхъ, что мы не считаемъ ее непогрѣшимой и не претендуемъ въ этомъ отношеніи быть болѣе англичанами, нежели сами англичане? Въ такомъ случаѣ *Daily-Telegraph* правъ. Но въ такомъ случаѣ насъ могутъ точно также упрекать и въ непріязненныхъ

чувствахъ къ Франціи, потому что мы уважаемъ ее на столько, что не хотимъ льстить ей, и потому что, любя ее больше самихъ себя, мы все-таки еще больше любимъ истину.

II.

КОРОЛЕВА.

Между событіями сентября (1861) можно упомянуть о посѣщеніи королевой Ирландіи, рядомъ съ утвержденіемъ лорда Пальмерстона въ качествѣ губернатора пяти портовъ. Обстоятельное описаніе путешествія королевы Викторіи въ отечество О'Коннеля увлекло бы меня слишкомъ далеко.

Я всегда считалъ недостойнымъ гордой души вести дневникъ тысячи мелкихъ случаевъ, доказывающихъ только, что вы, я и смертные боги въ сущности одной и той же породы. Если же и есть любопытные, желающіе бѣжать за каретами, бродить около королевскихъ кухонь, чтобъ нюхать запахъ кушаньевъ — тѣмъ хуже для нихъ! Историки ихъ не заслуживаютъ выплачиваемаго имъ жалованья, если придаютъ особеную важность тому, какимъ образомъ играетъ королева платкомъ или вѣеромъ. Признаюсь, я не чувствую этой важности и не признаю даже того, чтобъ самые могущественные люди могли потрясать землю, чихая. Въ этой привычкѣ воскуривать ѳиміамъ всякимъ мельчайшимъ подробностямъ, касающимся жизни такихъ-то и такихъ личностей, я всегда вижу циническое приниженіе характеровъ и я увѣряю себя, что все, что идетъ на обоготвореніе нѣкоторыхъ, отнимается отъ достоинства всѣхъ.

Но что я охотно могу привести о путешествіи королевы Викторіи, это то, что по дорогѣ ее всюду принимали съ самымъ живѣйшимъ энтузіазмомъ; и я долженъ прибавить къ этому, что въ Англіи энтузіастическія демонстраціи всегда искренни вслѣдствіе господствующей тамъ свободы. Если васъ хвалятъ тамъ, гдѣ можно свободно порицать васъ — то можете ли вы сомнѣваться въ цѣнности похвалы? Только одна свобода можетъ придать народнымъ манифестаціямъ характеръ полезный для изученія; только она придаетъ имъ глубокій смыслъ; только она можетъ представить вѣрные факты историческимъ изысканіямъ и суду потомства.

Королеву Викторію любятъ въ этой странѣ за ея несомнѣнныя добродѣтели. Всѣмъ извѣстно, что она привязана къ своему мужу, хорошая мать семейства и умно управляетъ своимъ домомъ—качества, весьма цѣнимыя англичанами. Монтэнь говоритъ гдѣ-то: «Я убѣдился на опытѣ, что въ замужней женщинѣ нужно прежде всего цѣнить экономію. Мнѣ всегда бываетъ досадно, когда во многихъ хозяйствахъ приходится видѣть мужа возвратившагося со службы въ полдень съ пасмурнымъ и озабоченнымъ дѣлами лицомъ, а жену еще причесывающуюся и убирающуюся въ своемъ кабинетѣ, — это даже неприлично и королевамъ!» Англичане въ этомъ сходятся со мнѣніемъ Монтэня; только тамъ, гдѣ онъ еще сомнѣвается, говоря «даже», они положительно утверждаютъ, что королева не только должна обладать всѣми домашними добродѣтелями, свойственными ея полу, но и подавать собою примѣръ. За это-то они именно любятъ и уважаютъ королеву Викторію.

Я часто задавалъ себѣ вопросъ, что бы случилось, еслибъ на мѣсто Викторіи, которая, говорятъ, старается быть какъ можно менѣе замѣченной — на тронѣ очутилась женщина генія Елизаветы или характера Екатерины II. Или я ошибаюсь, или учрежденіямъ Англіи—въ томъ видѣ, какъ ихъ понимаетъ и желаетъ теперь Викторія — пришлось бы вынести жестокое испытаніе. Умѣренность ума и умѣренность желаній главы государства составляютъ два необходимыхъ условія, безъ которыхъ конституціонная система ведетъ къ безпрестаннымъ спорамъ и существованіе ея становится весьма проблематично. Къ счастію для Англіи, Викторія соединяетъ въ себѣ эти оба условія. Скипетръ ея не тяжеле веретена. Ни о чемъ не заботясь, она занимаетъ тронъ, который конституціонная система обыкновенно всячески старается ограждать отъ честолюбивыхъ притязаній и борьбы честолюбія. Бездѣйствіемъ своимъ она уничтожаетъ самую условную сторону знаменитой поговорки: «королевская власть не можетъ поступать худо». Словомъ, она честно заработываетъ свое право быть королевой, съ условіемъ не захватывать управленія.

Впрочемъ, она обладаетъ всѣми необходимыми качествами, нужными для той небольшой роли, которую ей дозволяютъ играть въ публикѣ. Она какъ никто читаетъ королевскія рѣчи, и газеты всегда упоминаютъ о ясности выговора, чистотѣ голоса и правильности ударенія. Чего же желать больше?

Нельзя сказать, чтобъ принцъ-супругъ охотно покорялся чести августѣйшаго *far niente*. Я уже приводилъ слова одного философа восьмнадцатаго столѣтія: «Человѣкъ отличается отъ остальныхъ животныхъ тѣмъ, что у него постоянный зудъ вмѣшиваться въ то, что до него не касается». Въ этомъ отношеніи принцъ Альбертъ довольно хорошо понимаетъ преимущество человѣка передъ другими животными: его постоянно упрекаютъ въ слишкомъ большомъ вмѣшательствѣ въ дѣла до него не касающіяся и въ стремленіи быть чѣмъ-то больше, нежели мужемъ королевы. Но такъ какъ эти попытки къ вліянію происходятъ за кулисами, то объ нихъ больше разсуждаютъ въ гостиныхъ, чѣмъ въ газетахъ. Да и королева не можетъ отвѣчать за то, что ея лично не касается. Можно ее пожалуй упрекнуть за нѣкоторую терпимость; но и тутъ нѣжность супруги оправдываетъ эту терпимость королевы.

Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ позабывать, что королевское семейство весьма многочисленно, даже и для такой страны, гдѣ плодородіе женщинъ составляетъ предметъ національной гордости. Обезпечивать девять принцевъ или принцессъ на счетъ государства таки тяжеленько! Да еще на этомъ ли остановится дѣло? объ этомъ Богъ вѣдаетъ.

Вотъ объ чемъ задумываются добрые буржуа у народа matter-of-facts (практическаго); и такъ какъ свободная Англія, благодаря Бога, можетъ говорить откровенно, то помнится мнѣ, что при однихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не очень-то затруднились спрашивать кандидатовъ о ихъ мнѣніи относительно приданаго невѣстѣ наслѣднаго принца Пруссіи, приданаго, о которомъ собиралось просить галантерейное министерство новый парламентъ. Скажу вамъ даже по секрету, что распоряженія «Royal Mariage act», осуждающія членовъ королевской фамиліи заключать матримоніальную связь только съ чрезвычайно знаменитыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно небогатыми нѣмецкими домами, не очень приходятся по вкусу платящей публикѣ, особенно когда наступаетъ роковой часъ. Поменьше знатности и побольше денегъ — было бы для нея гораздо желательнѣе.

Это дастъ вамъ понятіе о настоящихъ монархическихъ чувствахъ нашихъ саксовъ. Какъ послушаешь ихъ — такъ и подумаешь, что они не только готовы принять монархическую систему, но даже обоготворяютъ ея олицетвореніе. Не

вздумайте усомниться въ ихъ *loyalty* вслѣдствіе этого — вы нанесете имъ смертельную обиду. Съ какой покорной услужливостью говорятъ они *объ арміи королевы, о скамьѣ королевы, о спокойствіи королевы!* Все принадлежитъ королевѣ—но только на бумагѣ. Наши саксы находятъ даже таинственную прелесть не иначе выговаривать слово свобода, какъ соединяя его съ понятіемъ подданства, и говорятъ: *свобода подданнаго,* вмѣсто того, чтобы просто сказать свобода и только. Доходитъ даже до того, что когда королева сидитъ на тронѣ и ея министры подаютъ ей рѣчь для прочтенія передъ *вѣрными общинами,* то они положительно преклоняютъ передъ ней колѣно. — Вотъ что удивительно, не правда ли? Еще постойте! передъ королемъ или королевой преклоняются вовсе не какъ передъ мужчиной или передъ женщиной; но какъ передъ оживленной статуей. Это ежеминутное высказываніе почитанія, эти внѣшніе знаки безграничнаго уваженія,—вся эта униженная терминологія только для того и служитъ, чтобъ скрыть отъ королевской власти ея безсиліе. Въ сущности же, только своею нейтральностью королева пріобрѣла себѣ популярность.

Слова: *армія королевы, скамья королевы, спокойствіе королевы, свобода подданнаго* самымъ дешевымъ способомъ вознаграждаютъ королевскую власть. Монархія въ Англіи такая же вещь, какъ и всѣ остальныя. Что приноситъ она? Чего стоитъ она? Балансъ прибыли и потери—замѣтьте, что я только описываю это и не думаю подвергать своей критикѣ, скажу вамъ даже смыслъ моей мысли, я вовсе не нахожу, чтобъ этотъ способъ быть монархическимъ былъ лишенъ здраваго смысла, хотя повидимому и лишенъ поэзіи. Англичане были бы слишкомъ добры, еслибъ позабыли вчерашнее прошлое. Они хорошо помнятъ—и можно ли ихъ осудить за это — какъ постыдны были для націи безпутства Георга IV и Дюка Іоркскаго, его брата; они помнятъ, во что обошлись имъ его огромные долги; и репну-парег (газета въ пенни), весьма распространенная, не побоялась недавно пробудить воспоминаніе о Георгѣ IV, разсказывая, какъ онъ отправился на вакаціи въ Брайтонъ съ мистриссъ Фицгербертъ, своей любовницей, и вынужденъ былъ прибѣгнуть къ великодушію своего лакея, чтобъ пообѣдать — до того поторопился этотъ первый изъ джентльменовъ опростать свой кошелекъ, то есть, кошелекъ общественный! Но вѣроятно

еще не одними займами ограничился бы онъ, еслибъ жилъ въ ту эпоху, когда по разсказамъ Шекспира — «Принцъ Гальскій—впослѣдствіи Генрихъ V — бѣгалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ негодяевъ прятаться при поворотахъ большихъ дорогъ, чтобы грабить проходящихъ». Джонъ Булль правъ, принимая за правило всегда и во всѣхъ случаяхъ прежде всего придерживать карманъ.

Въ сущности же онъ цѣнитъ въ королевѣ ея стараніе никогда не выходить изъ конституціонной роли; ея покорность принципамъ, ограничивающимъ ея власть; ея уваженіе къ учрежденіямъ страны. Вотъ это все и дѣлаетъ честь чувствамъ, внушаемымъ ея присутствіемъ. Кланяясь ей, когда она приходитъ, англичане какъ будто награждаютъ ее за ея служеніе волѣ народа и снимаютъ такимъ образомъ шапки передъ свободой.

III.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ РОЛИ КАССАЦІОННАГО СУДА.

Въ Англіи происходитъ одна вещь весьма необыкновенная для Франціи, тогда какъ здѣсь къ ней относятся очень просто—до того велико различіе между этими двумя великими странами. Я предоставлю однако рѣшить вамъ самимъ, въ чью пользу говоритъ это различіе въ настоящемъ случаѣ. Я разсказывалъ вамъ однажды, что въ Лондонѣ въ Northumberland street, Strand, былъ остановленъ однажды офицеръ по имени Мюррэй, выпрыгнувшій изъ окна и раненный въ затылокъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Войдя въ комнату, изъ которой выпрыгнулъ этотъ человѣкъ, полиція нашла другаго, почти мертваго. Онъ лежалъ на подъ-оконникѣ весь истерзанный, израненный, изуродованный до ужаса и омерзѣнія. Очевидно происходила страшная борьба; доказательствъ было много: вымокшій въ крови коверъ, стѣны, обрызганныя кровью, кровавыя пятна на дверяхъ; страшный безпорядокъ въ комнатѣ, опрокинутая мебель; куски изломанныхъ щипцовъ между разбитыми бутылками; разряженные пистолеты на столѣ; еще другіе на полу; револьверъ... здѣсь было совершено убійство.

Было двѣ жертвы на лицо: которая изъ двухъ была убійцею? Трудно себѣ представить что либо таинственнѣе этихъ слѣдовъ трагедіи и что либо темнѣе этихъ уликъ. Дверь квар-

тиры была заперта и притомъ весьма крѣпко. Изъ двухъ комнатъ, ее составлявшихъ, одна была наполнена различными любопытными предметами, весьма запыленными, и бумагами разбросанными въ крови. Вокругъ печи было видно нѣсколько слѣдовъ отъ пуль, какъ будто кто-то давно упражнялся въ стрѣльбѣ, и дѣйствительно сосѣди объявили, что они часто слыхали пистолетные выстрѣлы въ этомъ странномъ мѣстѣ, похожемъ и на берлогу ростовщика и на притонъ убійцъ.

Что происходило между офицеромъ Мюррэемъ и ростовщикомъ Робертсомъ, что привело ихъ къ такой ожесточенной звѣрской борьбѣ? Послѣдній былъ на краю смерти и едва могъ говорить. Первый, не такъ опасно раненный, говорилъ; но что говорилъ онъ? Что этотъ Робертсъ подошелъ къ нему на улицѣ подъ именемъ Грея, говорилъ ему объ займѣ, пригласилъ на домъ, на что Мюррэй тотчасъ же согласился, хотя не зналъ ни по имени, ни въ лицо Робертса, и что, войдя въ квартиру незнакомца, онъ былъ раненъ имъ изъ пистолета и въ свою очередь убилъ его щипцами, защищаясь. О кражѣ ни слова; и все это произошло днемъ, въ оживленномъ кварталѣ! Трудно себѣ представить болѣе невѣроятный романъ!

«Вы вовсе не знаете Робертса», спросили у офицера. Отвѣтъ былъ отрицательный.—«Знаете вы по крайней мѣрѣ, за что хотѣлъ онъ васъ убить?—Не знаю. Что касается до ростовщика, ему тоже было предложено нѣсколько вопросовъ, на которые онъ почти ничего не отвѣчалъ: онъ умиралъ, и его болѣе не спросятъ,—онъ умеръ.

Однако между бумагами, захваченными на полѣ битвы, полицейскій поднялъ листокъ черновой бумаги, на которой при свѣтѣ было можно разобрать: «Мистриссъ Мюррэй, Ульмъ-Лоджъ, Тоттенгэмъ». Этотъ лоскутокъ бумаги послужилъ источникомъ для слѣдствія коронера. Мистриссъ Мюррэй, призванная передъ присяжныхъ, должна была сдѣлать свои показанія, и вотъ каковы факты, извлеченные изъ этихъ показаній.

Мистриссъ Мюррэй называется въ дѣйствительности миссъ Моди. Она была любовница майора и жила съ нимъ по вышеозначенному адресу. Хотя майоръ былъ весьма щедръ относительно ея, тѣмъ не менѣе ей однажды весьма понадобились деньги; боясь злоупотребить щедростью своего любовника, она вздумала обратиться къ ростовщику Робертсу, о которомъ слышала. Онъ далъ ей взаймы сколько ей было нужно, влю-

бился въ нее, признался ей въ этомъ и между ними завязались весьма тѣсныя и вмѣстѣ съ тѣмъ опасныя отношенія... Любовная связь? Она запирается въ этомъ; за то не отказывается отъ найденной переписки. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой переписки: «Не знаю, какъ и выразить вамъ мою признательность за удовольствіе, которое доставило мнѣ ваше письмо. Нѣсколько листовъ бумаги могла бы я наполнить моею любовью къ вамъ; но что-то такое будто задерживаетъ мои мысли. Все, что я желаю, это пойти отдохнуть у васъ на плечѣ и наплакаться отъ радости (не безъ примѣси грусти) при воспоминаніи столькихъ счастливыхъ дней, проведенныхъ нами вмѣстѣ».

Въ другомъ письмѣ, написанномъ взволнованнымъ слогомъ, она съ жаромъ благодаритъ его за милые подарки, присланные имъ ея сыну, и кончаетъ словами: «Пошли вамъ Богъ счастья и столько лѣтъ жизни, сколько дней мы прожили вмѣстѣ!»

На вопросъ о смыслѣ этихъ изліяній, она объяснила, что вовсе не питала тѣхъ чувствъ, о которыхъ писала въ этихъ письмахъ; что это была только хитрость съ ея стороны для избѣжанія страшныхъ послѣдствій тиранническаго покровительства; что она любила Мюррэя и ненавидѣла Робертса; но что она вынуждена была щадить послѣдняго, хранителя тайны, которую она во что бы то ни стало хотѣла скрыть отъ другаго.

Любовь, ревность, необузданное желаніе отдѣлаться отъ соперника—вотъ что можетъ дать ключъ къ тайнѣ, возбудившей такое любопытство публики. Особенно, если справедливо, какъ говоритъ миссъ Моди, что ростовщикъ, будучи совершенно незнакомъ съ офицеромъ, зналъ его, зналъ, что онъ любовникъ любимой женщины, и постоянно съ какимъ-то хищнымъ любопытствомъ подстерегалъ ихъ прогулки, ихъ походку, ихъ движенія.

Присяжные вывели изъ всего этого одно заключеніе — въ пользу майора Мюррэя, былъ составленъ оправдательный приговоръ къ величайшему удовольствію присутствовавшихъ, повидимому весьма растроганныхъ положеніемъ и показаніями его любовницы.

Случись этотъ процессъ во Франціи, мнѣ нечего и говорить, что пресса не стала бы комментировать его. Res judicata pro veritate habetur. Здѣсь же напротивъ. Всѣ принимаются пересуживать уже судившееся дѣло. Пробѣгаю нѣсколько журна-

ловъ. Несмотря на то, что Робертсъ умеръ не выслушанный и не защищенный, несмотря на то, что живы его жена и сынъ, я читаю въ этихъ журналахъ вопіющія обличенія низости покойнаго; это была душа ростовщика въ тѣлѣ хищнаго звѣря съ человѣческимъ лицомъ, то было чудовище.

Въ то же время другіе журналы, становясь противъ присяжныхъ, обвиняютъ ихъ въ тупоуміи, упрекаютъ ихъ въ поспѣшности, смѣются надъ ними, обвиняютъ майора и тащатъ къ себѣ на судъ освобожденнаго. Сколько вопросовъ! Сколько комментаріевъ... Чуть было не сказалъ посмертныхъ; но къ счастію для себя Мюррэй живъ! Зачѣмъ, очутившись съ глазу на глазъ съ убійцею, онъ ни разу не кричалъ о помощи? Голосу чтоль у него не хватило, у него, съумѣвшаго съ пулею въ затылкѣ такъ смертоносно распорядиться своими руками? Когда же врагъ его лежалъ уже мертвый, какая была ему нужда броситься во дворъ, рискуя жизнью, вмѣсто того, чтобы открыть окно, если не могъ отворить дверь и просто крикнуть караулъ? Хоть бы не бѣжалъ онъ по крайней мѣрѣ точно разбойникъ, бросающійся со стѣны изъ страха быть захваченнымъ! Что касается до показаній его любовницы, будто они ужь до такой степени правдоподобны? Пусть симпатизируютъ ей; но зачѣмъ же вѣрить безусловно всему, что говоритъ женщина, которая по собственному же сознанію, обманывала заразъ и своего любовника, и его соперника: перваго тѣмъ, что скрывала отъ него то, что должно бы было быть ему извѣстно; втораго тѣмъ, что писала ему нѣжности, которыхъ вовсе не чувствовала.

Я бы никогда не кончилъ, еслибъ мнѣ пришлось разсказывать вамъ, на сколько ладовъ пресса начинала съизнова вести процессы, которымъ бы во Франціи былъ положенъ конецъ приговоромъ присяжныхъ. Даже точность отвѣтовъ Мюррэя возбуждала сомнѣнія, и газеты чуть не готовы были приговорить его на томъ весьма важномъ основаніи, что онъ методически захватилъ свой дождевой зонтъ, прыгая изъ окошка;—это послѣднее составляетъ впрочемъ весьма характеристическую черту англійскихъ правовъ.

Видите ли, англичане вовсе не такъ понимаютъ уваженіе къ сужденной вещи, какъ мы. Я не хочу этимъ сказать, что они уважаютъ ее меньше насъ; но уваженіе, ими оказываемое, есть уваженіе народа свободнаго, у котораго ничто не можетъ превышать силу разсудка. Признавая погрѣшимость судей и при-

сяжныхъ, Англія не признаетъ за ними привилегіи непогрѣшимости, той самой непогрѣшимости, которую признаютъ націи, желающія ходить на помочахъ. Зная, какъ погрѣшима человѣческая справедливость, англичане считаютъ недостойнымъ себя дѣлать изъ нея тайну.

Я читалъ гдѣ-то въ путешествіяхъ Бургоина, если не ошибаюсь, такого рода анекдотъ:

Во времена Петра III жилъ въ Севильѣ каноникъ, котораго было весьма трудно удовлетворить въ дѣлѣ одежды и обуви и который кромѣ того былъ чрезвычайно строптивъ. Однажды, когда ему были принесены башмаки не по вкусу, онъ до того разсердился на башмачника, что ударилъ его такъ, что тотъ умеръ. Судъ вмѣсто всякаго наказанія запретилъ только убійцѣ *отправлять священнослуженіе въ теченіе одного года*. Нѣсколько времени спустя, сынъ жертвы, встрѣтивъ его, ударилъ его кинжаломъ, и духовный трибуналъ приговорилъ этого сына, желавшаго отомстить за смерть отца, къ смерти. Петръ III, извѣщенный объ этомъ рѣшеніи, изорвалъ приговоръ духовенства, и призвавъ къ себѣ виновнаго, спросилъ, какой онъ профессіи.—«Я башмачникъ, какъ и отецъ», отвѣтилъ несчастный.—«*Ну такъ*, сказалъ король, *я запрещаю тебѣ шить башмаки въ теченіе цѣлаго года*».

Англичане, предоставляя коронѣ великую привилегію—право миловать, оставили за собой право выяснять и направлять его путемъ прессы. Я безъ колебанія говорю, что это одна изъ великихъ сторонъ ихъ національнаго характера и ихъ исторіи. Ихъ кассаціонный трибуналъ есть общественное мнѣніе, разсуждающее вслухъ. Всякій зрѣлый умъ поздравитъ ихъ съ этимъ.

Нужно все-таки сознаться, что когда возстаютъ противъ освобожденія, то это абсолютное право контроля заключаетъ въ себѣ нѣчто весьма жесткое и нечеловѣчное; потому что нѣтъ еще большой бѣды для общества, если убѣжитъ одинъ виновный; но за то весьма опасно приговаривать невиннаго, потому что подобный ударъ будетъ положительно угрожать безопасности всякаго честнаго человѣка. Желательно было бы поэтому, чтобы право общественнаго контроля надъ сужденной вещью имѣло мѣсто только въ случаяхъ осужденія. Но даже самое злоупотребленіе этого права въ странѣ,—гдѣ впрочемъ виновному предоставлены всевозможныя гарантіи, обез-

печивающія ему его неприкосновенность — самое это злоупотребленіе достаточно доказываетъ, что англичане считаютъ себя совершеннолѣтней націей и что для нихъ нѣтъ ничего болѣе уважительнаго и болѣе священнаго, чѣмъ это право, дорогое имъ всѣмъ: свобода быть правымъ.

IV.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И СТАЧКИ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И ХОЗЯЕВАМИ.

Однажды, проходя около Palace-Gardens, я встрѣтилъ знакомаго каменьщика по имени Джона ***. Я зналъ его два года тому назадъ и открылъ въ немъ великія качества ума и сердца. Я подхожу къ нему и у насъ съ нимъ завязался слѣдующаго рода разговоръ:

Я. — Ну, Джонъ, каково вамъ отъ стачки?

Джонъ. — Признаюсь, такому бѣдняку, какъ я, нѣсколько тяжеленько; но по нашей англійской пословицѣ, *тотъ трижды вооруженъ, кто ведетъ справедливый споръ*. Я, слава Богу, здоровъ, бодръ и совѣсть моя чиста.

Я. — Такъ не призывалъ еще васъ «workhouse»?

Джонъ. — Что вы хотите сказать?

Я вынулъ изъ кармана одинъ номеръ *Панча* и показалъ ему картинку. Она представляла работника-*уніониста*, прижавшагося къ стѣнѣ рабочаго дома, этого особаго притона нашей нищеты. Что за раздирающая исторія была написана въ этомъ пристальномъ неподвижномъ взглядѣ, въ этихъ щекахъ, впалыхъ отъ голода и въ складкахъ этого лысаго лба! Несчастный былъ покрытъ лохмотьями, и другой работникъ подавалъ ему монету, которую тотъ бралъ машинально, не поворачивая головы, ни на что не глядя и ничего не видя, словно потерянный въ мірѣ своихъ мыслей или скорѣе несчастій. Поразителенъ былъ контрастъ между получающимъ милостыню и подающимъ. У послѣдняго былъ оживленный взглядъ и физіономія его выражала обыкновенное состояніе довольства. На его шапкѣ читалось слово—*не-уніонистъ*. Одѣтый прилично, онъ, казалось, ни въ чемъ не нуждался и очевидно могъ дозволить себѣ роскошь подаянія. Не безъ упрека поэтому подавалъ онъ помощь своему другу: *А, Билль, я былъ увѣренъ, что унія доведетъ тебя до этого!*

Собесѣдникъ мой молча посмотрѣлъ на картинку, съ горечью улыбнулся, отдалъ ее мнѣ съ презрительнымъ жестомъ и разговоръ продолжался такимъ образомъ:

Джонъ. — Эти господа въ *Пончѣ*, разумѣется, очень умные люди; не хватаетъ у нихъ ума только на то, чтобы молчать о вещахъ, которыхъ они не понимаютъ. Было бы весьма странно, еслибъ самый лучшій способъ избѣгнуть нищеты состоялъ для работниковъ въ томъ, чтобы становиться съ ней лицомъ къ лицу по одиночкѣ! Это все равно, что предположить, что солдаты, атакуя врага по одиночкѣ, легче всего избѣгнуть смерти! Тѣ изъ насъ, которые почувствовали необходимость дѣйствовать за одно, повиновались тому же закону всеобщей безопасности, который образуетъ арміи. Развѣ наша вина, что бѣдность, караулящая и захватывающая насъ съ самой колыбели, подвергаетъ нашу судьбу всякимъ случайнымъ ударамъ. Развѣ наша вина, что наша заработная плата зависитъ отъ «спроса и предложенія», этого слѣпаго, колеблющагося закона, такъ легко ускользающаго отъ нашего контроля, вслѣдствіе котораго мы должны жаться другъ къ другу для того, чтобы лучше противодѣйствовать деспотизму обстоятельствъ. Да, организація и дисциплина необходимы для бѣдняка, потому что для него работа—борьба. Одиночество, эта привилегія сильныхъ, не можетъ быть умѣстно у слабыхъ. Мы не только должны заработывать свою жизнь, но еще и завоевывать ее. Рабочій домъ! спросите его изможденныхъ обитателей, принципъ ли ассоціаціи привелъ ихъ туда, или что другое.

Я.—Позвольте вамъ однако замѣтить, что не всѣ ваши товарищи согласны съ вами; касательно этихъ вопросовъ вѣдь далеко не всѣ работники связаны «Trades-unions».

Джонъ.—Это доказываетъ только, что еще не всѣ ясно сознаютъ свои интересы. Но терпѣніе! Впрочемъ *Пончъ* весьма странно ошибается, предполагая, что между *уніонистами* и *неуніонистами* существуетъ то различіе взглядовъ, которое онъ изобразилъ карандашемъ. Знаете ли, что въ настоящей стачкѣ, напримѣръ, большинство работниковъ, отказывающихся держаться системы платы по часамъ и находящіеся вслѣдствіе этого въ стачкѣ, получаютъ денежное вспоможеніе, поддерживающее стачку—отъ работниковъ не принадлежащихъ ассоціаціи, «non society men»? Дѣло въ томъ, что работники, принадлежащіе къ «Trades-unions» и не принадле-

жащіе, отлично понимаютъ другъ друга. И тѣ и другіе думаютъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ за одно въ этомъ случаѣ; и тѣ и другіе сносятся черезъ своихъ депутатовъ, собираются на однихъ и тѣхъ же митингахъ, собираютъ фонды и вотируютъ ихъ на одно и тоже употребленіе. Еслибъ рабочій домъ поглотилъ однихъ, то неизбѣжно бы поглотилъ и другихъ, и тогда *не-уніонистъ* «Пенча» не могъ бы помогать Биллю ни деньгами, ни совѣтами.

Я.—Но я слыхивалъ отъ многихъ и читалъ въ нѣсколькихъ газетахъ, что настоящая стачка возникла вслѣдствіе злоумышленнаго возбужденія остальныхъ нѣсколькими зачинщиками.

Джонъ. — Это всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ. Я помню, еще въ Брадфордѣ, когда лордъ Брумъ очень сильно сталъ возставать противъ комитета, управлявшаго знаменитою Престонскою стачкою, Коуэлль всталъ и сказалъ: «Комитетъ, о которомъ вы говорите, состоялъ изъ одиннадцати лицъ и меня въ томъ числѣ. Стачка продолжалась тридцать шесть недѣль. Мы должны были прокормить семнадцать тысячъ человѣкъ. Мы роздали имъ 96,000 фунтовъ стерлинговъ. Ужасны были страданія, выдержанныя въ это время испытанія, но несмотря на все неслышно было ни жалобы, ни ропота противъ насъ. Мы отдали отчетъ объ нашемъ управленіи до послѣдняго фарсинга; мы требовали, чтобъ наши счеты были подвергнуты самому строгому пересмотру и мы до сихъ поръ еще пользуемся безграничнымъ довѣріемъ нашихъ товарищей. Пусть теперь объяснитъ лордъ Брумъ, по какому праву обличаетъ онъ насъ какъ безчестныхъ агитаторовъ!»

Нынѣче держатся той же системы, и на Поттера нападаютъ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по которымъ нападали на Коуэлля. Еслибъ вы знали Поттера, то я увѣренъ, что вы убѣдились бы, что онъ человѣкъ искренній, умный и твердый. Кромѣ того онъ работникъ, и притомъ весьма ловкій работникъ, и, защищая наши права, онъ защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свои.

Я. — Такъ вы полагаете, что всѣ работники противъ введенія системы платы по часамъ вмѣсто поденной платы?

Джонъ. — Разумѣется; понадобятся ли вамъ еще доказательства послѣ того, какъ я вамъ скажу, что всѣ каменьщики

королевства изъявили готовность платить нѣкоторымъ образомъ жалованье стачкѣ посредствомъ еженедѣльной, добровольной складчины? Развѣ можно было бы видѣть сцены, подобныя видѣннымъ нами, еслибъ большинство работниковъ не было съ нами заодно. Хоть бы работники Майерса напримѣръ, стали бы они жить подобно узникамъ, ѣсть на мѣстѣ работы, спать въ стойлахъ, боясь показаться на улицу, рѣшаясь выходить только ночью и то въ закрытыхъ экипажахъ?

Я. — Признаюсь, мнѣ далеко не нравится этотъ способъ дѣйствія «Trades-unions»; я нахожу, что несправедливо, недостойно, нечеловѣчно доводить несчастнаго до невозможности пользоваться своимъ личнымъ правомъ заработывать себѣ хлѣбъ безъ того, чтобъ не подвернуться шпіонству, оскорбленіямъ и даже побоямъ.

Джонъ.—Могу вамъ поручиться, что тамъ, гдѣ существуетъ солидарность интересовъ, должна необходимо существовать и солидарность усилій и что рѣшимость соблюдать свою личную выгоду къ ущербу общаго дѣла смахиваетъ на измѣну. Сознаюсь конечно, что можно многое возразить противъ системы, о которой идетъ рѣчь. Но сознайтесь и вы, что дѣйствительность этого средства служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, на которой сторонѣ большинство, ибо невозможно предположить, чтобы масса работниковъ боялась какой нибудь горсти мутителей? Возьмемъ даже цифры. На шесть тысячъ постоянныхъ каменьщиковъ, находящихся въ метрополіи, число работающихъ по системѣ часовой платы не превышаетъ пяти сотъ. Тотчасъ же по введеніи этой системы послѣдовало немедленно и общее оставленіе работы. Могу навѣрное сказать вамъ, что многія изъ заведеній, принявшихъ систему платы по часамъ, теперь совершенно пусты и что болѣе тридцати заведеній, занимающихъ всѣ вмѣстѣ болѣе двухъ сотъ работниковъ, уже подчинились прежней системѣ.

Я.—Такъ для васъ весьма важенъ этотъ вопросъ о системѣ платы по часамъ?

Джонъ. — Разумѣется. И что тутъ удивительнаго? При прежней системѣ поденной платы мы пользовались множествомъ маленькихъ преимуществъ, которыхъ должны будемъ лишиться съ нововведеніями, предложенными предпринимателями, какъ то: 1) намъ давалось два часа ходьбы за нашими инструментами и эти два часа считались за работу; 2) Если насъ отсылали до

конца дня, то платили все равно, что за день; и этотъ обычай былъ множество разъ подтвержденъ судебными рѣшеніями; 3) когда начинались ливни, а они бываютъ часто въ Англіи—то наша поденная плата нисколько не уменьшалась оттого, что мы должны были тотчасъ же бросать работу и бѣжать укрываться; 4) когда работа была спѣшная и намъ приходилось работать сверхъ ежедневно положенныхъ десяти часовъ, то за излишніе часы работы (overtime) намъ платили по 50% болѣе обыкновеннаго. Со всѣмъ этимъ придется распроститься, какъ скоро станетъ преобладать плата по часамъ.

Я.—Но мнѣ помнится, я читалъ манифесты работниковъ, гдѣ добавочная работа за особую плату обзывалась омерзительнымъ злоупотребленіемъ и гдѣ работники, рѣшающіеся работать сверхъ десяти часовъ, выдавались за эгоистовъ, забирающихъ себѣ работу, за измѣнниковъ. По какому же странному противорѣчію выдаете вы теперь за привилегію — желательную для сохраненія—то, что вы такъ часто представляли злоупотребленіемъ, требующимъ уничтоженія.

Джонъ. — Виноватъ, вы смѣшиваете здѣсь двѣ совершенно различныя вещи: случайный *overtime* и систематическій *overtime*. Когда въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ при крайней необходимости одинъ изъ нашихъ товарищей согласится на добавочную работу,—тутъ мы не находимъ ничего дурнаго, и на этотъ случай мы по справедливости желаемъ поддержать болѣе высокое вознагражденіе. Но что намъ противно и что мы всегда осуждаемъ, это постоянную и правильную работу сверхъ положеннаго для всѣхъ срока. И это вотъ отчего: оттого, что мы всѣ считаемся братьями, что трудъ есть общее владѣніе, захватывать которое не подобаетъ нѣсколькимъ; ибо излишекъ работы, набранной однимъ, подготовляетъ нѣчто въ родѣ западни другому, однимъ словомъ, мы хотимъ, чтобъ солнце свѣтило понемногу для всѣхъ!

Я.—Отлично, но вѣдь смотрѣть за этимъ дѣло работниковъ, предпринимателямъ до этого дѣла нѣтъ. Что можетъ быть справедливѣе предложенія, которое они вамъ дѣлаютъ: «работайте столько часовъ, сколько угодно, и по числу часовъ получите и плату?»

Джонъ.—Оно справедливо на видъ, но взгляните глубже и вы увидите, что плата по часамъ прямо ведетъ къ систематическому введенію *overtime*. Развѣ вы въ самомъ дѣлѣ не ви-

дите, что какъ скоро будетъ уничтожено положенное количество времени, какъ скоро работники потеряютъ знамя этого обычая, перешедшаго въ общій законъ, какъ скоро каждый изъ нихъ будетъ поставленъ въ необходимость имѣть дѣло съ предпринимателемъ по одиночкѣ внѣ принятыхъ правилъ, внѣ общихъ принциповъ, — тогда наша судьба совершенно уйдетъ изъ нашихъ рукъ и наши хозяева сдѣлаются хозяевами больше, чѣмъ когда либо. Что станешь отвѣчать тому, кто тебѣ говоритъ: «ты будешь работать двѣнадцать часовъ, а нѣтъ, убирайся», въ то время, какъ у тебя нѣтъ хлѣба, а дѣтей куча.

Я.—Я не вижу ничего смертоноснаго въ этой альтернативѣ, разъ, если работы требуется больше, нежели предлагается.

Джонъ. — Согласенъ, но когда работы предлагается болѣе, нежели требуется, какъ часто случается? Вы, господа экономисты, вѣчно разсуждаете, какъ будто работникъ можетъ *ждать*. Если, говорятъ намъ, предложеніе превышаетъ нынѣче спросъ, то придетъ время, когда и спросъ будетъ превышать предложеніе. Къ несчастію, пока вырастетъ трава, лошадь умираетъ съ голоду. Хотите, я вамъ скажу, чему бы мы подверглись, еслибъ уступили или были вынуждены уступить въ этомъ случаѣ. Это привело бы къ тому, что насъ стали бы нанимать только на нѣсколько часовъ, когда работа не спѣшная, съ тѣмъ, чтобы въ противномъ случаѣ заставить насъ работать черезъ мѣру. Я говорю: черезъ мѣру, потому что, если принять въ разсчетъ, что въ Лондонѣ намъ среднимъ числомъ приходится идти по крайней мѣрѣ часъ до мѣста работы и часъ возвращаться домой, то десять часовъ работы въ день—все, чего только можно благоразумно требовать отъ человѣческой силы. Перешагнувши разъ эти границы, работникъ истомляется и дѣлается совершенно неспособнымъ къ работѣ на другой день: такъ что въ этомъ случаѣ интересъ предпринимателя даже связанъ съ интересомъ работника.

Я.—Но если вы такъ хорошо это понимаете, то зачѣмъ же предполагать непониманіе въ хозяевахъ?

Джонъ. — Многіе изъ нихъ повидимому поняли это наконецъ, слава Богу, и доказательствомъ можетъ служить то, что изъ пяти сотъ заведеній, существующихъ въ Лондонѣ, только двадцать четыре приняли плату по часамъ и, какъ кажется, намѣреваются выдержать. Какъ долго это продолжится? мы увидимъ. А этимъ временемъ пусть просвѣщается общественное

мнѣніе. Уже нѣсколько дней тому назадъ правота нашихъ стремленій была публично признана гг. Томасомъ Гюгсомъ, Людловомъ, Гюттономъ, Бисли, Личфильдомъ, Годфри, Люшингтономъ, Гаррисономъ. Ужъ ихъ-то конечно признаютъ *джентльменами* и не скажутъ, что они люди *не-респектабельные;* вы знаете ихъ?

Я.—Лично знакомъ только съ двумя первыми, и признаюсь, горжусь своей дружбой съ ними. Оба замѣчательны своимъ умомъ и литературный кругъ долго не позабудетъ того впечатлѣнія, которое было произведено въ Англіи послѣднею книгою Гюгса. Въ книгѣ этой такъ правдоподобно, граціозно и прелестно представлены воспоминанія дѣтства.

Джонъ. — Вы читали, полагаю, два письма, написанныя этими господами сообща касательно нашего спора, и вы знаете вѣрно, какое впечатлѣніе произвели они на общественное мнѣніе?

Я.—Не только читалъ оба письма; но еще преклонялся передъ тѣмъ чувствомъ, которое ихъ внушило. Пріятно видѣть, когда литераторы, адвокаты, свѣтскіе люди—лица, нисколько не связанныя съ рабочимъ сословіемъ ни по своимъ привычкамъ, ни по своему воспитанію, ни по роду работы, а еще менѣе по своему общественному положенію, посвящаютъ свое время на трудолюбивое изслѣдованіе дѣла и притомъ безъ всякаго другаго побужденія, кромѣ желанія содѣйствовать торжеству справедливости и затѣмъ обнародываютъ то, что открыло имъ это изслѣдованіе. Это воззваніе къ общественному разуму дѣлаетъ честь и странѣ, къ которой обращено оно. Такія вещи возможны только у свободнаго народа и великаго народа!

Патріотическимъ огнемъ радости сверкнули глаза англійскаго работника и, помолчавъ въ волненіи нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ:

— Дѣйствительно, большое счастіе, что общественный разумъ всегда можетъ препятствовать нашему правительству поступать по его собственному произволу; посмотрите напримѣръ, какъ поступало оно съ нами относительно казармъ Челъзи. Подрядчикъ взялся окончить эти казармы въ извѣстный срокъ, обязываясь въ противномъ случаѣ уплатить положенную неустойку. Къ концу срока онъ вдругъ объявляетъ каменьщикамъ плату по часамъ. Тѣ бросаютъ его. Работы пріостанавливаются и нашъ молодецъ долженъ бы былъ платить неустойку.

Но какъ вы думаете, что сдѣлало правительство? проштрафившемуся подрядчику оно выслало на подмогу своихъ саперовъ и инженерныхъ солдатъ. Можно ли было поступить пристрастнѣе и несправедливѣе этого? Весьма ошибаются, если полагаютъ донять насъ подобными средствами. Наши братья въ провинціи поддержутъ насъ. Въ Манчестерѣ готовятся митинги на чистомъ воздухѣ. Волненіе, увеличивающееся ежеминутно, тѣмъ опаснѣе, что распространяется слухъ о томъ, какъ мы стѣснены; мы же съ своей стороны станемъ противиться до самой смерти.

Собесѣдникъ мой говорилъ съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и лицо его выражало самое глубочайшее негодованіе. Я пробовалъ было успокоить его и настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ дѣйствовать въ болѣе миролюбивомъ духѣ. «Развѣ вы не знаете, воскликнулъ онъ рѣзко, — что мы предлагали подчиниться третейскому рѣшенію архитектурнаго совѣта и что это предложеніе было отвергнуто съ презрѣніемъ?» Разговоръ продолжался долго; я закончилъ его, замѣтивъ своему собесѣднику, что всѣ подобные періодическіе кризисы только еще больше ухудшаютъ положеніе работниковъ, что стачка есть только лишнее зло, что облегченія слѣдуетъ искать внѣ этого, что успѣхъ кооперативной системы въ Лидсѣ, Рочдэлѣ, Дерби готовитъ труду мирную будущность и что будущность эта гораздо предпочтительнѣе той, которая далась бы труду путемъ безумной борьбы, кроющей въ себѣ столько ненависти и въ которой побѣда такъ похожа на самоубійство. Онъ пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

Черезъ день я узналъ, что сэръ Джоржъ Льюисъ, военный государственный секретарь, принималъ въ Палатѣ Общинъ депутацію, по крайней мѣрѣ отъ пяти тысячъ работниковъ. Послѣ того какъ Поттеръ изложилъ всю несправедливость вмѣшательства правительства въ дѣло казармъ Чельзи, сэръ Джонъ Льюисъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Весьма жалѣю, если правительство, помимо своего желанія, нарушило законъ желаемаго нейтралитета». Онъ обѣщалъ тщательно разсмотрѣть вопросъ и разсудить всѣхъ. Этого только и желала депутація. Она удалилась, искренно благодаря министра, и весьма вѣроятно, что правительство вернется назадъ, ужь если разъ высказалось общественное мнѣніе.

Такіе факты весьма поучительны. Здѣсь разумъ всегда

имѣетъ шансъ побѣды, потому что всегда имѣетъ возможность свободно приводить доказательства.

V.

ГАРОТТЕРЫ.

2 декабря (1862).

Какъ выдти вечеромъ? Вотъ странный вопросъ, который однако здѣсь дѣлаетъ каждый—до того усилились ночные грабежи! Когда я говорю «каждый», я подразумѣваю тѣхъ, которые не имѣютъ собственной кареты и лакея, я говорю о злополучныхъ пѣшеходахъ, злополучныхъ вдвойнѣ, если они одѣты въ приличное платье, по которому можно заподозрить, что у нихъ есть и часы.

Дѣйствительно, зло дошло въ настоящее время до такихъ размѣровъ, которые сдѣлали изъ случаевъ уличнаго воровства (street robberies) вопросъ государственной важности. Не невѣроятная ли это вещь, что Лондонъ въ серединѣ девятнадцатаго вѣка становится тѣмъ, чѣмъ пересталъ быть даже Бондійскій лѣсъ,—и однако же это правда. Въ этомъ городѣ, такомъ многолюдномъ и полномъ движенія, въ этомъ городѣ, гдѣ больше чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ собраны орудія и средства защиты, созданныя цивилизаціей, въ этомъ городѣ, гдѣ до настоящаго времени, благодаря ловкой и превосходно организованной полиціи, привыкли считать рѣшеннымъ вопросъ объ общественной безопасности, въ этомъ городѣ каждый долженъ подумать, при наступленіи ночи, — а въ такое время, какъ теперь, она не запаздываетъ:—можетъ ли онъ пуститься въ такое великое предпріятіе — выйти вечеромъ? Прощай театръ! прощай клубъ! прощайте удовольствія! прощайте дѣла! какъ скоро на улицахъ нѣтъ дневнаго свѣта.

Еще!... Повѣрите ли вы, что недавно въ два часа дня, женщина, шедшая въ одномъ изъ самымъ многолюдныхъ и фешенебельныхъ кварталовъ Лондона, была остановлена мошенникомъ, который, не смотря на пронзительные крики своей жертвы, затащилъ ее за уголъ, гдѣ его ждали двое другихъ мошенниковъ, мужчина и женщина. Они уже готовились сорвать съ бѣдной женщины серьги и, за неимѣніемъ ничего лучшаго, обрѣзать ей волосы, чтобы потомъ продать ихъ,—когда

подбѣжало нѣсколько прохожихъ. И это, повторяю, въ самомъ центрѣ Лондона, въ два часа дня! Какъ вамъ нравится этотъ случай? Не хотите ли вы новаго примѣра дерзости? Одинъ французъ шелъ около четырехъ часовъ вечера въ Гайдъ-Паркѣ. Четверо этихъ любезныхъ джентльменовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *гароттеровъ*, бросились на него. Но вотъ что значитъ побывать въ зуавахъ! нашъ молодецъ къ счастью былъ нѣкогда зуавомъ, и зналъ въ совершенствѣ la savate. Въ одно мгновеніе двое нападающихъ, оглушенные и помятые, были сбиты съ ногъ, остальные двое обратились въ бѣгство. Прекрасно! Но вѣдь не всѣ же служили въ зуавахъ! Любопытно то, что когда, при выходѣ изъ парка, побѣдитель разсказалъ первому попавшемуся полисмену о своемъ приключеніи, тотъ воскликнулъ: «ну, какъ же можно ходить черезъ паркъ въ четыре часа вечера!» Все равно какъ могли бы сказать ограбленному путешественнику въ Германіи: «ну, благоразумно ли проѣзжать черезъ Шварцвальдъ въ полночь!»

Вы начинаете думать послѣ этого, что газовые рожки — безполезная роскошь. Старое изреченіе, что «злодѣи боятся свѣта», въ Лондонѣ рѣшительно перестало быть справедливымъ. Не знаю, мѣтятъ ли господа гароттеры въ герои, считаютъ ли они молодечествомъ пренебрегать висѣлицей,—знаю только навѣрное, что въ войнѣ съ проходящими они какъ будто нарочно избираютъ полемъ сраженія самыя бойкія мѣста. Имъ бояться газа? Стоитъ того! Если понадобится, они покажутъ вамъ свое искусство даже на Оксфордъ-стритѣ или Реджентъ-стритѣ, вытаскивая наши кошельки, предварительно разбивши намъ головы.

Надо замѣтить къ этому, что они всегда дѣйствуютъ такимъ предвосхищающимъ образомъ. Въ прежнія времена вамъ говорили: «кошелекъ или жизнь!» и это было еще хорошо, потому что, отдавая одно, вы могли спасти другое. А тутъ Сганарель, если бы говорилъ объ этихъ господахъ, опять могъ бы сказать: «мы перемѣшили все это». Они разсуждаютъ такъ: «попробуемъ взять жизнь, а кошелекъ явится самъ». И чтобы овладѣть и тѣмъ и другимъ, эти дурные шутники употребляютъ оружіе, которое называется по англійски life preserver, т. е. оружіе, предназначенное *сохранять жизнь!* Преданія о вѣжливости, о которыхъ напоминаютъ имена Картуша и Хозе-Маріа, какъ видите, или потеряны, или признаны несогласс-

ными съ прогрессомъ новѣйшихъ идей. Теперь начинаютъ съ того, что васъ убьютъ, а потомъ уже васъ ограбятъ.

Не думайте, что эти преступленія совершаются только по отдѣльнымъ, личнымъ вдохновеніямъ. Нисколько. Дѣла, ежедневно представляемыя полицейскимъ трибуналамъ, доказываютъ, что убійцы и воры, въ эту минуту приводящіе Лондонъ въ отчаяніе и ужасъ, составляютъ правильно организованную силу, повинуются дисциплинарнымъ правиламъ, дѣйствуютъ шайками, по тонкому разсчету. Принципъ ассоціаціи замѣшивается и здѣсь!

Безполезно прибавлять, что это производитъ всеобщее глубокое впечатлѣніе. Безпрестанно повторяющіяся преступленія составляютъ предметомъ всѣхъ разговоровъ; газеты принимаютъ мрачный видъ отъ повѣствованій о числѣ этихъ преступленій и объ ихъ ужасномъ характерѣ; журналисты пишутъ объ этомъ мрачномъ вопросѣ безконечныя тирады; каждое утро правительству задаютъ вопросы: приняло ли оно и намѣрено ли принять какія нибудь мѣры, и, такъ какъ оно не дастъ отвѣта, то безпокойство возрастаетъ все больше и больше.

Съ другой стороны негодяи нисколько не пугаются шуму, который производятъ подвиги ихъ звѣрскаго удальства, и напротивъ, ихъ дерзость какъ будто удвоивается отъ этого. Чѣмъ больше о нихъ говорятъ, тѣмъ чаще дѣлаются покушенія на убійство. И этого мало. Въ городѣ какъ будто распространяется какая-то страшная зараза. Преступленіе обращается въ манію. Однажды остановили двухъ маленькихъ дѣвочекъ лѣтъ по одиннадцати, которыя собирались попробовать гароттерское искусство на одной старухѣ,—по поводу чего «Times» восклицаетъ съ горечью: «ребенокъ Росціи можетъ быть весьма интереснымъ сюжетомъ на сценѣ; но въ криминальныхъ дѣлахъ это явленіе такого рода, которое вовсе не полезно поощрять».

Гдѣ остановится развитіе этой нравственной заразы? Журналы безъ всякихъ околичностей совѣтуютъ горожанамъ самимъ позаботиться о собственной безопасности, совѣтуютъ запасаться хорошимъ оружіемъ и принять твердое рѣшеніе пустить это оружіе при случаѣ въ ходъ; они съ большими похвалами записываютъ всѣ случаи, гдѣ энергически выполнялось право законной защиты; они поощряютъ каждаго защищать свое право самому, пока общество не найдетъ средствъ защи-

щать себя какъ общество. У нѣкоторыхъ людей страхъ превратился наконецъ въ ярость; вчера одинъ мой знакомый англичанинъ, человѣкъ очень храбрый и очень эксцентрическій, признавался мнѣ, что его мучило болѣзненное нетерпѣніе доказать этимъ дерзкимъ негодяямъ, что честные люди не боятся ихъ; съ этой цѣлью онъ купилъ себѣ револьверъ и отправился бродить съ нимъ ночью по улицамъ, которыя считаются наиболѣе опасными, въ надеждѣ, что на него нападутъ и что ему будетъ случай показать примѣръ. Вотъ до чего дошло дѣло.

Что касается до причинъ, общественное мнѣніе указываетъ ихъ двѣ, а именно: пріятное существованіе, какое доставляютъ преступникамъ въ тюрьмѣ, и затѣмъ подаваемая имъ надежда выйти изъ тюрьмы, послѣ извѣстнаго испытанія, раньше срока, назначеннаго въ приговорѣ, если только дисциплинарное управленіе тюрьмы найдетъ ихъ достаточно покорными и способными къ раскаянію.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь осужденныхъ преступниковъ въ Дартмурѣ или въ Портландѣ такова, что объ ней могъ бы вздыхать всякій парія свободнаго труда. И такъ дѣло идетъ не со вчерашняго дня. Въ книгѣ Э. Бульвера, подъ названіемъ England and the English, мы читаемъ:

«Свободный поденщикъ можетъ получить на свое жалованье только 122 унціи пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 13 унцій мяса.

«Бѣднякъ, находящійся на попеченіи прихода, получаетъ 151 унцію пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 21 унція мяса.

«Преступникъ получаетъ 239 унцій пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 38 унцій мяса».

Такимъ образомъ въ то время, когда Бульверъ писалъ свою книгу, матеріальное положеніе преступника въ Англіи было лучше положенія бѣдняка, получающаго свое содержаніе отъ прихода, а положеніе бѣдняка, получающаго свое содержаніе отъ прихода, было лучше содержанія честнаго, работающаго человѣка.

Говоритъ ли статистика иначе въ настоящее время? Нѣтъ. Лѣтъ пять тому назадъ, когда тюремная система подверглась сильнымъ нападеніямъ прессы, также какъ и теперь, и почти по такимъ же обстоятельствамъ, Робертъ Госкингъ, начальникъ Пентонвильской тюрьмы, обнародовалъ слѣдующія любопытныя цифры о содержаніи своихъ кліентовъ.

Завтракъ на человѣка въ день: какао—$^3/_4$ пинты; хлѣба—10 унцій.

Обѣдъ: вареная говядина—4 унціи; супъ—$^1/_2$ унціи; картофель — 2 фунта; хлѣбъ — 5 унцій.

Ужинъ: крупа — 1 пинта; хлѣбъ — 5 унцій.

Надобно замѣтить, что когда Робертъ Госкингъ посвящалъ такимъ образомъ публику въ секреты Пентонвильской кухни, цѣлью его было дать этой капризной публикѣ побѣдоносное доказательство, что преступники, порученные его заботамъ, получали только необходимое. Конечно, Аниній вѣроятно не совсѣмъ бы одобрилъ обѣденной карты пентонвильскихъ заключенныхъ. Но сколько есть честныхъ отцовъ семействъ, зарабатывающихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, которые считали бы себя счастливыми, если бы судьба ихъ обезпечена была такъ же, какъ положеніе этихъ преступниковъ, описанное приведенными выше оффиціальными цифрами.

Прибавьте къ этому перспективу получить свободу цѣною нѣсколько приличнаго поведенія или хорошо разыгранаго раскаянія, не смотря на приговоръ суда. Очевидно, что въ глазахъ преступниковъ, съ которыми поступаютъ такимъ образомъ, законъ сильно рискуетъ потерять долю своего устрашающаго значенія и слѣдовательно долю своей предупреждающей силы. Дѣйствительно, здѣсь вообще распространено мнѣніе, что безпорядки, наводящіе теперь страхъ на Лондонъ, должны быть приписаны *ticket of leave men*, выраженіе, обозначающее освобожденнаго преступника. Напрасно Джошуа Джеббъ, директоръ уголовныхъ тюремъ въ Англіи, клянется всѣми богами, что публика несправедлива въ отношеніи *ticket of leave men*, что отдѣленные отъ своего класса преступники раскаиваются, и что напрасно обвинять въ жестокостяхъ, сдѣланныхъ другими, людей подвѣдомственныхъ ему, сэру Джошуа Джеббу... публика не хочетъ ничего слышать, и вопль, поднятый противъ *ticket of leave men*, дѣлается все болѣе и болѣе грознымъ; до такой степени грознымъ, что уже начинаютъ поговаривать о томъ, чтобы просто сдѣлать облаву на людей этой категоріи, хотя бы отъ этого и пострадалъ на нѣкоторое время столь дорогой англичанамъ принципъ личной свободы. Можно ли найти болѣе поразительныя краски, чтобы изобразить вамъ и великость зла, и степень тревоги?

Это зло требуетъ лекарства. Какого же?

Я думаю, что люди, которые ищутъ этого лекарства единственно въ болѣе строгомъ примѣненіи карательныхъ законовъ, въ увеличеніи времени тюремнаго заключенія или въ отмѣнѣ системы, которая за раскаяніе обѣщаетъ помилованіе, я думаю, что эти люди берутъ дѣло слишкомъ поверхностно. Язва идетъ гораздо глубже, чѣмъ они предполагаютъ, или показываютъ, что полагаютъ. Для преступленія оставалось бы меньше мѣста, если бы было больше мѣста для труда; обществу меньше было бы нужды защищать то, чему оно покровительствуетъ, если бы оно больше думало о томъ, чему оно пренебрегаетъ покровительствовать; ему не представлялся бы неизбѣжный выборъ—или лишать карательные законы ихъ предупреждающей силы, или торговаться съ виновнымъ о цѣнѣ его раскаянія, если бы оно не позволяло дѣтямъ бѣдняковъ всасывать въ нищетѣ ядъ порока, — въ двухъ шагахъ отъ той тюрьмы, гдѣ капелланъ читаетъ поученія сѣдоволосымъ злодѣямъ!

VI.

ЕЩЕ ГАРОТТЕРЫ.

9 декабря (1862).

Я говорилъ вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, какъ опасно стало выходить вечеромъ на лондонскія улицы. Опасность не только не уменьшилась, но возросла еще больше. Напрасно журналы распространяются въ гнѣвныхъ возгласахъ; напрасно они приглашаютъ удвоить бдительность противъ разбойниковъ, свирѣпствующихъ въ городѣ; напрасно совѣтуютъ удвоить строгость противъ тѣхъ, которыхъ удалось бы захватить; напрасно увеличено было число полисменовъ; напрасно судьи постановляютъ все болѣе и болѣе строгія рѣшенія; ропотъ журналовъ, старанія правительства, ревность полиціи, непреклонность судебной власти, ничто не помогаетъ. Законъ какъ будто потерялъ свою силу; ночныя преступленія все увеличиваются; теперь почти также опасно проѣзжать въ сумерки по самымъ центральнымъ кварталамъ Лондона, какъ было когда-то опасно проѣзжать ночью черезъ Сьерру-Морену. Сначала останавливали пѣшеходовъ, но теперь начинаютъ останавливать экипажи, — по крайней мѣрѣ я могъ бы привести примѣръ: это царство террора, основанное уличными тиранами; злые

какъ будто говорятъ добрымъ: «теперь ваша очередь трепетать, господа!».

Было время, когда Парижъ переживалъ подобные же ужасы. И въ то время, о которомъ я говорю, преступленіе точно также приняло экономическій принципъ раздѣленія труда! Тогда существовала, сколько я могу вспомнить, шайка *Шарпантье*, объявившая войну среднему классу; шайка *Курвуазье*, систематически грабившая сенъ-жерменское предмѣстье; шайка *Готье Переза*, грабившая работниковъ; затѣмъ шайка *Оверньятовъ*, *Усыпителей*, *Душителей* и т. д. Чтобы быть справедливымъ, я долженъ признаться, что здѣшніе грабители еще не довели своего ремесла до такой степени совершенства. Но за исключеніемъ этого, образъ ихъ дѣйствій мало оставляетъ желать лучшаго.

Но что всего ужаснѣе, это то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ родъ какого-то оффиціальнаго положенія. Полиція ихъ знаетъ; ей извѣстны ихъ имена и адресы; она записываетъ ихъ безнравственные поступки; она слѣдитъ ихъ шагъ за шагомъ, нетерпѣливо выжидая случая захватить ихъ на мѣстѣ преступленія. Они же расхаживаютъ, поднявши голову, пока противъ нихъ еще нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, и при случаѣ держатъ себя съ наглой самоувѣренностью. Вотъ это и есть *ticket of leave men*. Но ихъ ли только надо опасаться? Увы, нѣтъ. Сэръ Джошуа Джеббъ, директоръ уголовныхъ тюремъ въ Англіи, кромѣ этихъ *ticket of leave men*, насчитываетъ еще 23,000 разбойниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ полиціи. Судите же послѣ этого, до какой ужасной цифры должна доходить темная армія негодяевъ всякаго рода, которые остаются неизвѣстными: цѣлая армія воровъ по профессіи, воровъ случайныхъ, укрывателей, фальшивыхъ монетчиковъ, низкихъ и жестокихъ любовниковъ развратныхъ женщинъ кишитъ въ этихъ подонкахъ общества.

Я опасаюсь, что новѣйшая цивилизація, которую такъ превозносятъ, подлежала бы страшному отчету, если бы ей пришлось объяснять существованіе такого порядка вещей передъ судіей, имѣющимъ право призвать ее передъ судилище. Но въ настоящее время я не коснусь этой стороны вопроса. Я хочу только показать вамъ въ этомъ письмѣ одинъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ подобнаго положенія.

Когда общество въ Англіи оказалось безсильнымъ доста-

вить защиту отдѣльнымъ личностямъ, изъ этого необходимо слѣдовало, что эти личности стали сами заботиться о своей защитѣ. Теорія о правѣ законной защиты получила такимъ образомъ, въ теченіе только одного мѣсяца, такое развитіе, какого никто не осмѣливался себѣ представить. Каждаго поощряли вооружаться и каждый вооружался или готовъ вооружаться. Одинъ выходитъ вечеромъ только вооружившись толстой, окованной желѣзомъ палкой; другой носитъ за поясомъ заряженный пистолетъ; третій выставляетъ изъ кармана пальто конецъ кистеня. *Каждый за себя и Богъ за всѣхъ*,—вотъ въ чемъ надо было искать гарантіи своей безопасности.

Возражать что нибудь противъ этого было бы излишне, потому что здѣсь идетъ дѣло о крайней необходимости; но невозможно освободиться отъ чувства живѣйшаго безпокойства при мысли о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести подобное направленіе умовъ.

Если что нибудь отличаетъ цивилизованное общество отъ дикаго, это именно замѣна господства индивидуальной силы принципомъ общественнаго покровительства. Чѣмъ меньше остается мѣста для примѣненія личнаго права законной защиты, тѣмъ болѣе выигрываетъ цивилизація. Но какъ скоро каждый начинаетъ разсчитывать для своей безопасности только на собственную ловкость, на вышину своего роста, крѣпость рукъ, или на оружіе, цивилизація возвращается къ варварству. И между тѣмъ именно эту самую методу и восхваляютъ теперь подъ вліяніемъ паническаго страха, и — замѣтьте — восхваляютъ не только съ точки зрѣнія временной необходимости, но какъ постоянную гарантію, и восхваляютъ писатели, которые хвалятся тонкостью своихъ идей, изяществомъ нравовъ и утонченностью чувствъ. Во всякомъ случаѣ стоитъ замѣтить этотъ странный симптомъ зла, глубину котораго большинство вообще мало понимаетъ, и любопытно видѣть фактъ, по случаю котораго этотъ симптомъ обнаружился. Но я слишкомъ долго останавливаюсь на этомъ предметѣ. Я скажу объ этомъ еще въ слѣдующемъ письмѣ.

VII.

МОДА НА КУЛАЧНЫЕ БОИ.

12 декабря (1862).

Со времени моего послѣдняго письма нападенія гароттеровъ еще больше усилились, и на этотъ разъ, къ несчастью, уже нельзя сказать, чтобы эти нападенія и покушенія были шуточныя и фиктивныя.

Третьяго дня въ восемь часовъ вечера произошелъ большой шумъ въ той улицѣ, гдѣ я живу. Всѣ бросились къ окнамъ. Два человѣка бѣжали во всю прыть, а за ними гнался третій, кричавшій что было силы: «полиція, полиція, полиція!» Но такъ какъ полиція не явилась, то очень естественно, что двое бѣглецовъ скрылись. Оказалось, что они собирались ограбить домъ почти напротивъ моего. Во время замѣченные въ саду хозяиномъ дома, они таки успѣли утащить, вмѣсто всякой другой добычи, зайца. Дѣло на этотъ разъ не имѣло трагическаго конца, но пустой результатъ нисколько не уменьшаетъ смѣлости попытки.

Второй случай произошелъ съ однимъ моимъ знакомымъ. Недавно онъ возвращался домой въ каретѣ. Недалеко отъ дома, гдѣ онъ провелъ вечеръ, онъ увидѣлъ, что трое гароттеровъ бросились на его лошадей и схватили ихъ за поводья, точь въ точь какъ бандиты дѣлаютъ съ какимъ нибудь дилижансомъ на большой дорогѣ черезъ лѣсъ. Къ счастью, было еще не очень поздно, и приключеніе произошло въ части города, въ которой немножко больше людей, чѣмъ въ Шварцвальдѣ. Скоро явилась помощь и нашъ *путешественникъ* отдѣлался однимъ страхомъ.

О третьемъ случаѣ я не имѣлъ нужды читать въ газетахъ. Одинъ французскій эмигрантъ, Журденъ, получилъ на этихъ дняхъ на улицѣ такой ударъ въ спину *life preserver*'омъ, что упалъ безъ чувствъ на мостовую. Разумѣется его карманы были очищены въ минуту. Онъ два или три дня не могъ встать съ постели, и еще считаетъ себя счастливымъ, что не былъ убитъ на мѣстѣ.

Четвертый случай... Но я никогда бы не кончилъ, если бы даже мнѣ пришлось только перечислять такіе случаи; ихъ во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы оправдать жалобы, раздаю-

щіяся во всей англійской прессѣ уже цѣлый мѣсяцъ. Не дальше какъ вчера *Times* обнародовалъ письмо, въ которомъ одинъ отецъ съ сокрушеніемъ разсказываетъ, какимъ образомъ былъ ограбленъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, «дворцовомъ кварталѣ», его сынъ, почти ребенокъ, котораго при этомъ предварительно сшибли съ ногъ кистенемъ. Общественное безпокойство, какъ видите, имѣетъ слишкомъ достаточное основаніе. Герои двусмысленныхъ приключеній пусть пользуются предлогомъ выдумывать разсказы о небывалыхъ нападеніяхъ, пусть случаются жертвы довольно смѣшныя, и бываютъ убійцы, о которыхъ справедливо можно бы сказать:

Les gens qu'ils ont tué, se portent assez bien.

Страхъ тысячи вообще бываетъ сильнѣе, чѣмъ страхъ сотни, но когда начинаетъ трусить населеніе почти въ три милліона, очень естественно, что эта трусость превращается въ паническій страхъ, и очень естественно, что этимъ паническимъ страхомъ пользуются люди похитрѣе. Не подлежитъ только сомнѣнію, что въ настоящее время лондонскія улицы ночью вовсе не безопасны; что общественное спокойствіе сильно поколеблено; что первымъ вопросомъ во всѣхъ газетахъ страны становится вопросъ, какимъ образомъ поступитъ Англія, чтобы избавиться на будущее время отъ преступниковъ, не убивая ихъ и не принимая на себя заботы о ихъ прокормленіи; вѣрно то, что правительство взволновалось наконецъ и само и что организована полиція, одѣтая въ партикулярное платье; наконецъ, что ношеніе оружія, если продолжится такое положеніе вещей, угрожаетъ войти въ привычку и оказать печальное вліяніе на нравы.

Это приводитъ меня опять къ тому предмету, о которомъ я не успѣлъ сказать въ моемъ послѣднемъ письмѣ, за недостаткомъ мѣста.

Я говорилъ вамъ въ этомъ письмѣ, если не ошибаюсь, что теорія: *всякій за себя и Богъ за всѣхъ*, подъ владычествомъ паническаго страха угрожала сдѣлать большіе успѣхи; что примѣненіе права личной законной защиты многимъ стало казаться наилучшей гарантіей общественной безопасности, и что это расположеніе умовъ извѣстнаго класса людей было причиной одного любопытнаго явленія. Позвольте мнѣ возвратиться къ этому сюжету.

Вы знаете, что битвы боксеровъ издавна были для Англіи тѣмъ же, что для римскаго народа были битвы гладіаторовъ, или что теперь въ Испаніи бои быковъ. Благодаря успѣхамъ образованности и постепенному смягченію нравовъ, эта жажда крови значительно уменьшилась. Нынѣшняя Англія уже не поняла бы Георга IV, который посадилъ въ собственную королевскую коляску и привезъ въ назначенное для боя мѣсто боксера Тома Спринга, одѣтаго въ шелковые чулки тѣлеснаго цвѣта и въ панталоны изъ желтаго казимира.

Правда, что недавно между двумя боксерами, Сайерсомъ и Гинаномъ, происходила битва, которой придавалась почти такая же важность, какъ будто войнѣ между двумя народами. Съ какимъ страстнымъ интересомъ слѣдила толпа при этомъ случаѣ за всѣми перипетіями борьбы! Съ какимъ глубокимъ волненіемъ она по этимъ перипетіямъ судила о возможномъ исходѣ! Съ какой силой высказывались общественныя симпатіи въ пользу одного изъ сражающихся! Нельзя не согласиться, что эта битва была чѣмъ-то въ родѣ національнаго событія. Между зрителями были разные знатные люди, члены палаты общинъ, мало этого, даже служители Евангелія. Тома Сайерса за сомнительную побѣду привѣтствовали почти также, какъ привѣтствовали какого нибудь тріумфатора въ древнемъ Римѣ. Въ Ливерпулѣ, кажется его родинѣ, ему сдѣлали такой пріемъ, какъ будто онъ былъ спасителемъ отечества. Городскія власти вышли ему на встрѣчу съ музыкой впереди, и на пути его бросали цвѣты. Слава его заключалась въ томъ, что онъ подбилъ своему противнику глаза такъ, что тотъ почти ослѣпъ, и, въ свою очередь, самъ остался съ размозженнымъ носомъ!

Да, все это къ несчастію справедливо; но не надо забывать, что эти унизительные восторги если и не извиняются, то по крайней мѣрѣ объясняются національнымъ соперничествомъ. Сайерсъ былъ англичанинъ, Гинанъ — американецъ, и этотъ послѣдній, съ оскорбленіемъ во взглядѣ и съ вызовомъ на лицѣ, переѣхалъ моря, чтобы оспаривать у *бойца Англіи*, въ самой Англіи, поясъ, который служитъ здѣсь между боксерами знакомъ первенства. Какъ ни смѣшно было связывать честь двухъ великихъ націй съ результатомъ борьбы между двумя людьми, общественное положеніе которыхъ равняется положенію парижскаго рыночнаго дрягиля, но обстоятельства времени дѣлали до извѣстной степени понятнымъ увлеченіе публики.

Этотъ случай не могъ бы впрочемъ служить доказательствомъ продолжающагося поклоненія англичанъ тому, что они называютъ *the prize ring*. Это поклоненіе, хотя еще не угасло, конечно сдѣлалось менѣе пылкимъ.

Но подвиги гароттеровъ грозятъ опять ввести его въ моду. Слѣдующія строки, выписываемыя нами изъ *Saturday Review*, заслуживаютъ вниманія:

«Самымъ лучшимъ средствомъ справиться съ гароттерами для жителей Лондона было бы выучиться защищаться самимъ. Если кто нибудь носитъ палку или какое нибудь другое оружіе, то нужно, чтобы онъ умѣлъ дѣйствовать ими; если же онъ не вооруженъ, нужно, чтобы онъ умѣлъ употреблять въ дѣло свои кулаки... Предположимъ, что боксеръ Томъ Кингъ, вышедшій побѣдителемъ въ послѣдней битвѣ, возвращался бы съ нея ночью, съ наградой за побѣду въ карманѣ, развѣ эта могучая рука,такъ жестоко изуродовавшая лицо бѣднаго Маса, не удержала бы гароттеровъ въ почтительномъ разстояніи? Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся опыты относительно дѣйствительности нарѣзныхъ пушекъ и силы сопротивленія желѣзныхъ щитовъ, развѣ нельзя тамъ отвести мѣста еще для одного рода опытовъ, имѣющихъ цѣлью показать степень силы, какой обладаетъ человѣческій кулакъ, и степень сопротивленія, представляемую человѣческой щекой? Кажется, гароттеры доставляютъ полиціи не мало занятія, и она могла бы оставить въ покоѣ боксеровъ. Съ ея стороны слишкомъ жестоко заставлять покровителей этого развлеченія не спать по ночамъ, когда на другой день готовится битва, а съ наступленіемъ утра чуть свѣтъ прокрадываться сквозь туманъ, точно какимъ нибудь ворамъ, до того скрытнаго мѣста, гдѣ должна происходить битва и гдѣ имъ все-таки однако предстоитъ опасность черезъ часъ или два встрѣтиться съ полиціей».

Если бы все это было напечатано въ *Bells'life*, или въ *Sport*, или въ какомъ нибудь другомъ журнальцѣ того же рода, и если бы это было написано для того страннаго міра, который составляется изъ ничего не дѣлающихъ молодыхъ аристократовъ и обычныхъ посѣтителей тавернъ, объ этомъ конечно нечего бы было безпокоиться. Но *Saturday Review* есть журналъ, который хвастается тѣмъ, что даетъ тонъ аристократическимъ салонамъ и литературнымъ клубамъ; это, если не одинъ изъ лучшихъ, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ значитель-

ныхъ и распространенныхъ журналовъ. Эта статья имѣла, кромѣ того, честь быть перепечатанной цѣликомъ въ *Times*, и такимъ образомъ получила освященіе отъ очень вліятельнаго и чрезвычайно распространеннаго органа.

Слѣдуетъ также замѣтить это восхваленіе кулачнаго боя по профессіи и «покровителей этого развлеченія». *Spectator*, который между еженедѣльными журналами занимаетъ такое же высокое мѣсто, какъ и *Saturday Review*, помѣстилъ краснорѣчивое и рѣзкое возраженіе, авторъ котораго, Томасъ Гюгсъ, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, благороднымъ характеромъ и всѣми качествами истиннаго джентльмена, владѣетъ не совсѣмъ обыкновенною ловкостью въ боксерствѣ, которой онъ пользуется по всѣмъ правиламъ, избавляющимъ его отъ всякой опасности, какъ чисто гимнастическимъ упражненіемъ. Никто конечно не могъ съ бо́льшимъ авторитетомъ выставить звѣрскій, гнусный, кровожадный характеръ кулачнаго боя по профессіи и за опредѣленную плату.

Дѣло въ томъ, что зрѣлище битвы боксеровъ есть конечно одно изъ самыхъ унизительныхъ, какими только можетъ услаждаться испорченное любопытство. Здѣсь нѣтъ, какъ въ дуэли, борьбы двухъ человѣкъ, имѣющихъ причины ненавидѣть другъ друга, рискующихъ своею жизнью только для защиты того, что они считаютъ своей честью, и увлекаемыхъ чувствомъ, самое преувеличеніе котораго можетъ находить себѣ извѣстное оправданіе; здѣсь другое: двое людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода считать другъ друга врагами, надѣляютъ одинъ другаго страшными, иногда смертельными ударами только для того, чтобы доставить выигрышъ безчеловѣчнымъ господамъ, держащимъ на нихъ пари, только для того, чтобы получить деньги самимъ, при аплодисментахъ цирка. И какого цирка! Въ первыхъ рядахъ его красуются, небрежно развалившись въ мягкихъ креслахъ, съ сигарой въ зубахъ и съ книжкой для записыванья пари въ рукахъ, привилегированные зрители, герои будуаровъ и конторъ, купившіе за двѣ гинеи право быть защищенными отъ мошенниковъ и отдѣленными отъ всякой сволочи вторымъ рядомъ, который занятъ различными мастеровыми и боксерами съ разбитыми носами; уже позади послѣднихъ шумно тѣснятся всѣ тѣ существа, которыя составляютъ подонки большихъ городовъ. И надо видѣть, какъ зажигаются взгляды этихъ людей, какъ разгораются ихъ лица, когда сра-

жающіеся, нѣсколько времени угрожая и намѣчиваясь другъ на друга, наконецъ начинаютъ драку; когда заструится кровь и когда лица борцовъ, вспухнувшія, размозженныя и разбитыя, не имѣютъ уже больше ничего человѣческаго! Надо видѣть, съ какимъ свирѣпымъ интересомъ эта смѣшанная толпа зрителей слѣдитъ за всѣми движеніями слабѣйшаго изъ борцовъ, какъ онъ покачнется, какъ онъ упадетъ, какъ, поднявши его на руки, друзья вытираютъ ему лицо губкой, освѣжаютъ его, ставятъ его на ноги и снова подстрекаютъ его идти растратить остатки своей силы въ послѣдней попыткѣ.

Всѣ эти характеристическія черты *развлеченія*, рекомендуемаго *Saturday Review*, повторились недавно и въ борьбѣ между боксерами Джемсомъ Масомъ и Томасомъ Кингомъ, которые захотѣли узнать, кому достанется титулъ *Бойца Англіи*, принадлежавшій первому изъ нихъ, и оспариваемый вторымъ. Масъ—великій мастеръ своего дѣла. Небольшой ростомъ, но крѣпкій и ловкій, онъ наноситъ противнику удары, которые рѣдко не производятъ своего дѣйствія, и съ удивительной ловкостью увертывается отъ ударовъ, предназначаемыхъ ему самому. Кингъ, менѣе опытный въ своемъ искусствѣ, гораздо выше ростомъ, а его атлетическое сложеніе, геркулесовская сила, длина его желѣзныхъ рукъ, дѣлаютъ его страшнымъ противникомъ. Двое бойцовъ уже мѣрялись силами и наука восторжествовала въ лицѣ Маса. Кингъ требовалъ удовлетворенія. Они отправились со станціи въ Фенчорчъ-стритѣ, гдѣ произошли тогда различныя сцены безпорядковъ и грабежа, показывающія, какой сортъ людей примѣшивается въ подобныхъ случаяхъ къ фешенебельному міру. Особенный поѣздъ отвезъ двухъ бойцовъ, и ихъ покровителей и друзей, въ Тилури, гдѣ уже былъ готовъ пароходъ, чтобы отвезти ихъ въ Тэмзъ-гавенъ. Тамъ, въ безопасности отъ глазъ полиціи, долженъ былъ произойти поединокъ. Пари за Маса доходили до 6 и 7 противъ 4. Послѣ первыхъ ударовъ знатоки уже не сомнѣвались въ его побѣдѣ. Глаза Кинга, его носъ и губы служили самымъ отвратительнымъ свидѣтельствомъ губительной силы *Бойца Англіи*, и этотъ послѣдній уже готовился съ самоувѣренностью довершить свою побѣду, когда правая рука Кинга вдругъ нанесла ему ударъ съ такой быстротой, которую сравнивали съ быстрой ядра, вылетѣвшаго изъ армстронговой пушки. Масъ упалъ какъ пораженный громомъ. Ударъ пришелся

прямо въ лицо, и оно послѣ этого представляло только безобразную массу, на которую невозможно было смотрѣть безъ ужаса. Его друзья столпились около него, окружили его всѣми заботами, расточаемыми въ подобныхъ случаяхъ, подняли его, и онъ, едва держась на ногахъ, хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе—настоящій героизмъ бульдога. Но при такомъ положеніи вещей борьба грозила превратиться въ настоящее убійство. Масъ почти не нуждался въ новомъ ударѣ, чтобы опять свалиться съ ногъ. Его друзья бросили на воздухъ губку, что означаетъ признаніе пораженія. Державшіе пари свели свои счеты. Тѣ, которые держали за Кинга, теперь весело собирались засунуть въ карманы свои выигрыши. Масъ, получившій ударъ, который безъ сомнѣнія убилъ бы на повалъ обыкновеннаго смертнаго, унесенъ былъ въ жалкомъ, наводящемъ ужасъ состояніи. Зрители отправились по домамъ, очень довольные потрясеніемъ, доставленнымъ ихъ нервамъ. Драма была сыграна.

Вотъ то «развлеченіе», которое ревностно желаютъ ввести въ общество свѣтскіе люди, модные литераторы, писатели, имѣющіе претензію руководить общественнымъ мнѣніемъ; и причина, на которую они при этомъ ссылаются, — та, что такое увеселеніе поддерживаетъ священную традицію искусства истребленія людей, искусства, которое нужно, говорятъ они, распространять, какъ скоро гароттеры стремятся къ славѣ быть властителями улицы.

Не въ укоръ будь сказано этимъ господамъ, мы, благодаря Бога, еще не дошли до такого состоянія; но если это случится, то надо будетъ признаться, что цивилизація девятнадцатаго вѣка должна забыть многое и должна многому научиться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

БАЙРОНА.

ПѢСНЯ ДЕВЯТАЯ.

I.

О, Веллингтонъ! (иль даже «Vilainton», (*)
Два имени носилъ герой нашъ славный
И, Франціей не бывъ униженъ, онъ
Далъ тему ей для остроты забавной, —
Всегда, вездѣ привыкъ смѣяться Галлъ)
Вы стоите всѣхъ пенсій и похвалъ!
Когда бъ другой сталъ рядомъ съ вами смѣло,
То слово «нѣтъ!» (**) вездѣ бы прогремѣло.

II.

Но съ Кинердомъ (***) дѣянья ваши—стыдъ;
За вашъ поступокъ въ дѣлѣ Маринета

(*) Какъ его называетъ Беранже:

Faut qu'lord Vilainton ait tout pris,
N'y a plus d'argent dans c'gueux d'Paris etc.

(**) Игра словъ. Въ текстѣ стоитъ слово «пау» (нѣтъ); въ выноскѣ же Байронъ замѣчаетъ: «Не должно ли читать Ней?» Это намекъ на убійство маршала Нея по приговору палаты пэровъ, несмотря на то, что капитуляція была подписана Веллингтономъ и Даву.

(***) Лордъ Кинердъ былъ большимъ поклонникомъ Наполеона и получилъ въ 1816 году приказаніе выѣхать изъ Франціи. Впослѣдствіи онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ на жизнь герцога, вмѣстѣ съ нѣкоимъ Маринетомъ, который былъ однако оправданъ судомъ присяжныхъ.

Могилу вашу грязью осквернитъ
Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ мнѣнье свѣта,
Что жь до другихъ разсказовъ—не хочу
Ихъ вспоминать и лучше умолчу,
Но какъ ни стары вы,—того не скроемъ,—
А и донынѣ смотрите героемъ.

III.

Вся Англія лишь вами спасена,
(За это вамъ она и платитъ много)
Вамъ и Европа всѣмъ одолжена:
Законность въ ней вы водрузили строго;
Испанія и Франція нашли
Въ васъ сильную опору ихъ земли;
За Ватерло для васъ наградъ всѣхъ мало...
(Жаль, что пѣвцы воспѣли васъ такъ вяло).

IV.

«Изъ всѣхъ кровопускателей»—(Шекспиръ
Придумалъ фразу эту очень кстати)
Вы—лучшій... Что жь, война приходитъ въ міръ,
Чтобъ истреблять голодныхъ, меньшихъ братій —
Безъ мысли и заботы о странѣ...
Да, очень бы хотѣлось слышать мнѣ,
Что Ватерло,—лишь кромѣ васъ, понятно,—
Полезно было людямъ и пріятно.

V.

Я здѣсь не льщу, хотя вамъ лесть мила
И часто доставляла наслажденье.
Тому подъ часъ пріятна похвала,
Кому наскучитъ вѣчный громъ сраженья.
Героя войнъ не мало тѣшитъ лесть,
Готовъ принять за должную онъ честь
Названіе «спасителя народа»,—
Хотя не спасена его свобода.

VI.

Я все сказалъ, а вамъ пора теперь
Садиться за роскошнѣйшія блюда.

Изъ этихъ блюдъ кусочка два за дверь
Для вашей стражи выслать бы не худо:
Тѣ бѣдняки голодные стоятъ;
Да и въ народѣ голодъ, говорятъ...
За дѣло вамъ назначена награда,
Но и народъ вѣдь забывать не надо...

VII.

Роль цензора мнѣ вовсе не съ руки,
Къ тому жь, лордъ герцогъ, нынѣче времена-то
Совсѣмъ не тѣ,—мы очень далеки
Отъ чуждой намъ эпохи Цинцинната.
Вы, какъ Ирландецъ, можете любить
Картофель,—пусть! Но можно ли платить
За вашу форму, если взглянемъ строго,
Полмилліона фунтовъ?—Право, много!..

VIII.

Герои всѣ чуждалися наградъ:
Эпаминондъ спасъ Ѳивы и скончался,
Джоржъ Вашингтонъ былъ славой лишь богатъ
И родины спасителемъ остался.
Не меньше могъ гордиться старый Питтъ:
Онъ, какъ министръ, съ душой великой Бриттъ,
Въ великое повергнулъ раззоренье
Всю Англію и — стоитъ уваженья.

IX.

А вы — какъ много сдѣлать вы могли!..
Вы въ состояньи были безъ сомнѣнья
Прогнать Европы деспотовъ съ земли,
Услышавъ націй всѣхъ благословенья...
А что жъ теперь? гдѣ вашей славы блескъ?
Съ войной умолкъ народа крикъ и плескъ!
Теперь странѣ голодной вы внимайте
И всѣ свои побѣды проклинайте!..

X.

Заговоривши въ пѣсняхъ о войнѣ,
Къ *вамъ* обращаюсь съ музой откровенной,

Съ той истиной, что вамъ и всей странѣ
Нельзя прочесть въ газетѣ ежедневной:
Свершали вы *великія* дѣла,
Но безъ души *великой* въ морѣ зла
Вы цѣли *величайшей* не свершили:
Въ войнѣ о человѣчествѣ забыли.

XI.

Смѣется смерть. Вотъ онъ, ея скелетъ,
Въ немъ тайна непонятная сокрыта
И къ ней ключа еще доныне нѣтъ...
Смѣется смерть надъ жизнію открыто...
Смотрите: то чудовище глядитъ
И все живое ужасомъ мертвитъ,
А ротъ его недвижимъ, какъ могила,
И въ немъ улыбка мертвая застыла.

XII.

Замѣтьте, какъ смѣется тотъ скелетъ,
Хотя и въ немъ когда-то жизнь играла,
Но слуха у него ужь больше нѣтъ —
Чудовище ту силу потеряло;
Но все жь оно смѣется и не разъ
Своей рукой сдираетъ кожу съ насъ,
И дѣлаютъ, какъ жертвы лютой злости,
Зловѣщія гримасы наши кости.

XIII.

Да, смерть смѣется!.. Грустный очень смѣхъ,
Но отчего жь и жизни не смѣяться?
И отъ своихъ земныхъ кумировъ всѣхъ
Зачѣмъ она не хочетъ оторваться?
Зачѣмъ, смѣясь, не топчетъ въ грязь она
Ничтожныя, пустыя имена,
Ничтожныя, какъ капли въ океанѣ,
Забвенью обреченныя заранѣ?

XIV.

«Быть иль не быть? таковъ вопросъ». Шекспиръ
Сказалъ о томъ намъ въ драмѣ пятиактной.

Я не герой и, выступая въ міръ,
Я не гонюсь за славою абстрактной;
Я предпочту хорошій аппетитъ
Болѣзни Бонапарта (*)... Не прельститъ
Меня тріумфъ и пышный лавръ твой, воинъ,
Когда желудокъ мой совсѣмъ разстроенъ.

XV.

«O, dura ilia messorum!» Вы,
Жнецы полей и жители селенья!
Для васъ недуги адскіе новы:
У васъ дурнаго нѣтъ пищеваренья...
Не даромъ льется онъ, крестьянскій потъ:
Жнецъ трудится, живетъ роскошно мотъ,
Но тотъ изъ нихъ счастливѣе, кто ночи
Спокойно спитъ, не раскрывая очи.

XVI.

«Быть иль не быть?» Рѣшу я тотъ вопросъ,
Когда я тайну жизни разгадаю;
Хоть много мнѣній слышать мнѣ пришлось,
Но эти мнѣнья всѣ я отвергаю.
Для всѣхъ людей загадкой жизнь дана,
А я привыкъ такъ думать издавна,
Что бытіе людей на смерть похоже,
Что жизнь и смерть — почти одно и тоже.

XVII.

Что жъ? «Que sçais-je?» девизъ Монтэня былъ.
Во всемъ привыкли люди сомнѣваться,
До истины ихъ умъ не доходилъ,
Ихъ «достовѣрность» можетъ измѣняться.
Такъ мало знанья людямъ всѣмъ дано,
Такъ въ знаньяхъ тѣхъ все спутано, темно,
Что даже можно думать въ заключенье:
Сомнѣнье въ насъ не есть процессъ сомнѣнья.

XVIII.

Быть можетъ, какъ Пиронъ, пріятно плыть
Среди догадокъ въ вихрѣ непогоды,

(*) Наполеонъ умеръ отъ рака.

Но вѣтеръ лодку можетъ утопить,—
Всѣ мудрецы плохіе мореходы.
Надъ бездной мысли—плавать надоѣстъ...
У береговъ попщемъ мелкихъ мѣстъ,
И тамъ въ тиши, не зная бурь опасныхъ,
Найдемъ мы много раковинъ прекрасныхъ.

XIX.

«Намъ всѣмъ на небо нужно», такъ сказалъ
Намъ Кассіо. Спасать себя должны мы,
Съ тѣхъ поръ, какъ смерть Адамъ намъ завѣщалъ.
Но «воробьи — и тѣ судьбой хранимы
И не падутъ безъ воли неба» (*). Я
Не постигалъ пороковъ воробья:
Быть можетъ, онъ сидѣлъ на вѣткѣ древа,
Гдѣ отъ плода въ раю погибла Ева.

XX.

О, люди? Что такое филантропъ?
Теогонія и космогонія?..
Людьми я обвиненъ какъ мизантропъ,
Чего постичь не могъ и въ наши дни я.
Но мнѣ понятна въ васъ *ликантропія* (**),
И не понять то слово мнѣ смѣшно бъ,
Съ тѣхъ поръ какъ вы при каждой новой ссорѣ
Готовы выть волками на просторѣ.

XXI.

Но я всегда былъ скроменъ и смиренъ,
За мною нѣтъ большаго преступленья,
И хоть, порой, я духомъ былъ смущенъ,
Но послѣ доходилъ до снисхожденья.
Какой же мизантропъ я? Вѣдь не я
Людей такъ ненавидѣлъ, а меня

(*) «We defy augury: there is a special
Providence in the fall of a sparrow» (Hamlet).
(Мы не вѣримъ предвѣщаніямъ: даже паденіе воробья есть дѣло провидѣнія).

(**) Извѣстнаго рода помѣшательство, превращающее людей въ бѣшеныхъ животныхъ.

Они встрѣчали ненавистью всюду...
Но здѣсь я продолжать разсказъ свой буду.

XXII.

Впередъ, впередъ, прекрасный мой разсказъ!..
Да, мой разсказъ дѣйствительно прекрасенъ,
Хоть, можетъ быть, читатели, для васъ
Онъ не совсѣмъ вездѣ казался ясенъ,
Но твердо я теперь увѣренъ въ томъ,
Что истина оцѣнится потомъ,
Что мой романъ найдутъ вполнѣ блестящимъ,
А я пока доволенъ настоящимъ.

XXIII.

Герой нашъ былъ оставленъ на пути
Къ Петрополю, къ тѣмъ доблестнымъ славянамъ,
Въ которыхъ храбрость можемъ мы найти
Скорѣй чѣмъ умъ. Тотъ край съ его туманомъ
Сталъ нынѣче общей темой для похвалъ,
И самъ Вольтеръ на этотъ край взиралъ, —
Чего, однако, я не одобряю...
Теперь однимъ желаньемъ я сгараю —

XXIV.

Вести войну, хоть на словахъ пока,
Бой противъ тѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ!
Тираны и льстецы! Моя рука
Мишенью для себя васъ избираетъ.
Кто побѣдитъ? Не знаю, но всегда,
Не уставая долгіе года,
Я ненавидѣть буду безконечно,
Всѣхъ, кто народомъ правитъ безсердечно.

XXV.

Но я не льстить хочу тебѣ, народъ!..
И безъ меня найдутся демагоги
Чтобъ всѣ кумиры свергнуть съ ихъ высотъ
И новые поставить на дорогѣ.
Не знаю я, чего они хотятъ,
О чемъ хлопочутъ, спорятъ и шумятъ,

Но я хочу, чтобъ дали же народу
Свободу, настоящую свободу...

XXVI.

Врагъ партій всѣхъ, я заслужить могу
Вражду всѣхъ партій, гнѣвъ и озлобленье,
За то я не лукавлю и не лгу.
Тотъ, кто не хочетъ выиграть сраженья,
Не угнетать, не угнетеннымъ быть,
Тотъ можетъ все свободно говорить, —
Пусть выть начнутъ шакалы рабства всюду,
Но съ воемъ ихъ сливаться я не буду.

XXVII.

Названіе шакаловъ къ нимъ идетъ, —
Я слышалъ ихъ въ развалинахъ Эфеса.
Такъ точно воетъ ночи напролетъ
Вся эта сволочь, выродокъ прогресса,
И ловитъ дичь по прихоти господъ...
Подлѣй самихъ шакаловъ тотъ народъ,
Букашки тѣ, продажными полками
Водимыя на битву науками.

XXVIII.

Лишь взмахъ руки — и паутины нѣтъ.
Всѣ пауки безъ паутины хилы...
О, націи! услышьте мой совѣтъ
И ройте паукамъ своимъ могилы.
Ихъ сѣть теперь густѣетъ съ каждымъ днемъ,
Тарантулы плетутъ ее кругомъ...
Лишь Аттика съ Испаніей вставала,
Чтобы вонзить въ своихъ тирановъ жало.

XXIX.

И такъ, Жуанъ съ депешею скакалъ,
Гдѣ о пролитой крови говорилось,
Какъ о водѣ... Громъ битвы замолчалъ
И лишь стѣна изъ труповъ появилась,
И этотъ бой, гдѣ бились двѣ страны,
Умолкъ среди зловѣщей тишины.

. . . . . .
. . . . . .

XXX.

Жуанъ летѣлъ въ кибиткѣ безъ рессоръ,
Въ проклятой, отвратительной телѣгѣ,
Дорогою мечталъ про разный вздоръ —
О почестяхъ, о славѣ, о почлегѣ,
Жалѣлъ, что не Пегасъ его несетъ,
И проклиналъ, сложивъ въ гримасу ротъ,
Разбитыя, ужасныя дороги
И безъ рессоръ устроенныя дроги.

XXXI.

При каждомъ неожиданномъ толчкѣ, —
А тѣхъ толчковъ онъ получалъ не мало, —
Жуанъ смотрѣлъ на спутницу въ тоскѣ
И сожалѣлъ, что такъ она страдала
На томъ пути, гдѣ только высшій рокъ
Поставленъ наблюдателемъ дорогъ,
Гдѣ каждый шагъ брать просто нужно съ бою
И молча преклониться предъ судьбою.

XXXII.

. . . . . .

XXXIII.

Съ ребенка глазъ не сводитъ мой Жуанъ.
Она была — трофей его военный...
О, деспоты кровавые всѣхъ странъ,
Ты, Надиръ - Шахъ (*), чудовище вселенной,
Въ пустыню обратившій Индустанъ,
Какъ грѣшникъ ты погибъ отъ тяжкихъ ранъ
Лишь потому, что злой недугъ извѣдавъ,
Желудокъ твой не принималъ обѣдовъ (**).

(*) Персидскій царь.

(**) Онъ былъ убитъ заговорщиками за свои деспотическія дѣйствія, происходившія отъ несваренія желудка, что приводило его въ ярость, близкую къ сумасшествію.

XXXIV.

Поймите всѣ: спасеніе одной,
Одной лишь жизни юной и прекрасной
Дороже лавровъ, купленныхъ войной,
Облитыхъ кровью націи несчастной...
Пусть вашихъ славныхъ подвиговъ дѣла
Кругомъ встрѣчаютъ лесть и похвала,
Но ваша слава... что такое слава?
Минутный шумъ, минутная забава!

XXXV.

Вы, авторы брошюръ блестящихъ, книгъ,
Вы, двадцать милліоновъ публицистовъ,
Которымъ міръ внимать давно привыкъ, —
Наемщики ли вы изъ журналистовъ,
Кричащіе, что весь вашъ край богатъ,
Иль ты, неукротимый демократъ,
Ты, нещадящій бѣшеныхъ проклятій
За голодъ и позоръ своихъ собратій, —

XXXVI.

Вы, авторы!.. Но, à propos de bottes, —
Мысль главную я позабылъ здѣсь, право
(И мудрецы теряютъ мысли ходъ),
Но убѣдить хотѣлъ я очень здраво
И успокоить множество головъ
Отъ разныхъ громкихъ, но невинныхъ словъ;
А такъ какъ мнѣ не всѣ повѣрятъ въ этомъ,
То мысль свою я скрою передъ свѣтомъ.

XXXVII.

Со временемъ отыщется она,
Когда нашъ вѣкъ ужь явится *прошедшимъ*,
Открытымъ снова, будто старина,
Въ глубь древности затертымъ и ушедшимъ,
Исторгнутымъ изъ хаоса опять,
Чтобы его страницы прочитать,
Дать волю любопытству, удивленью,
И вновь предать, какъ всѣ вѣка, забвенью.

XXXVIII.

Такъ говорилъ Кювье; — и въ міръ тогда
Вновь явятся отъ древности обломки,
Пропавшіе изъ міра безъ слѣда;
Такъ точно мы, отцовъ своихъ потомки,
Гигантовъ отрываемъ изъ гробницъ
Почти что въ милю ростомъ, дивныхъ птицъ,
И на показъ выходятъ изъ могилы
Громадные слоны и крокодилы.

XXXIX.

Представьте — вдругъ отроется потомъ
Георгъ Четвертый. Будутъ удивляться —
Чѣмъ это существо съ громаднымъ ртомъ,
При жизни, на землѣ могло питаться?..
(Извѣстно, міръ мельчаетъ съ каждымъ днемъ:
Онъ слишкомъ часто началъ разрѣшаться
Отъ бремени; въ грядущіе вѣка
Всѣ люди будутъ съ червяка.)

XL.

Какъ назовутъ насъ въ будущее время,
Когда, быть можетъ, путь земной пачнетъ
Опять сначала выросшее племя,
Узнаетъ трудъ, неволю, тяжкій гнетъ,
Пока войны искусство не пойметъ
И не оцѣнитъ податей народъ, —
Какъ назовутъ тогда насъ люди эти? —
Чудовищами, рѣдкими на свѣтѣ.

XLI.

Болтливъ, какъ метафизикъ, я, порой,
Не скрою, — «время съ петель соскочило»... (*)
Къ тому жъ еще, моей поэмы строй —
Комическій, а я пишу уныло.
По прихоти болтливъ я, скученъ, хмуръ.
И планъ мой поэтиченъ черезчуръ:

(*) Слова Гамлета.

Впередъ я за двѣ строчки не ручаюсь:
Начну одно — и тотчасъ увлекаюсь.

XLII.

Я странствую, какъ вѣтеръ, безъ заботъ...
Но возвратимся къ нашему роману
И поспѣшимъ съ Жуаномъ мы впередъ...
Описывать подробно я не стану
Героя путь, — начать я прямо радъ
Съ того, какъ онъ явился въ Петроградъ,
Какъ принесла почтовая телѣга
Его въ столицу «крашенаго снѣга».

XLIII.

Представьте, что въ мундирѣ Донъ-Жуанъ
Стоитъ среди придворныхъ въ пышной залѣ;
Надъ шляпою качается султанъ;
Его чулки, какъ первый снѣгъ, блистали,
Показывая икры стройныхъ ногъ,
Одинъ топазъ шотландскій блескомъ могъ
Съ рейтузами Жуана поравняться...
Имъ всякій могъ тогда залюбоваться:

XLIV.

Со шляпою и шпагой у бедра,
Облагороженъ юностью и славой,
А также и портнымъ (есть мастера
Придать покроемъ образъ величавый
И вдвое увеличить красоту),
Красивый Донъ-Жуанъ въ минуту ту
Могъ смѣло показаться въ мнѣньи свѣта
Амуромъ, переряженнымъ въ корнета.

XLV.

Амуромъ сталъ прекрасный Донъ-Жуанъ:
Вдругъ крылья обратились въ эполеты,
Сталъ шпагою—со стрѣлами колчанъ,
Лукъ шляпой сталъ... Амура всѣ примѣты...
Когда бъ передъ Психеей онъ предсталъ,
То и она (я женщинъ многихъ зналъ

Въ ошибку впавшихъ,—женщины вѣдь слабы)
Его за Купидона приняла бы.

XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LII.

. . . . . .
. . . . . .

LIII.

Жуанъ былъ молодъ, статенъ и плѣнялъ
Париса красотой,—того героя,
Изъ-за котораго,—что̀ каждый зналъ,—
Разрушена была когда-то Троя
И былъ потомъ устроенъ новый судъ,
Гдѣ для мужей и женъ разводъ даютъ (*).
И Иліонъ,—я въ этомъ убѣдился—
Тамъ первый за убытки поплатился.

LIV.

. . . . . .
. . . . . .

LV.

О, ты «источникъ гибельный войны» (**)!
Я никогда не въ силахъ былъ дознаться,
Зачѣмъ людскія души всѣ должны
Въ источникъ этотъ вѣчный погружаться.
Съ тѣхъ поръ, какъ сорванъ былъ запретный плодъ,
Палъ человѣкъ; какъ падаетъ народъ
Съ тѣхъ поръ, чтобъ подыматься снова,
Одинъ лишь *ты* отвѣтить могъ сурово.

LVI.

Тебя дурнымъ источникомъ зовутъ,
Но ты вѣрнѣе *лучшимъ* могъ назваться,
Всѣ люди изъ тебя, къ тебѣ идутъ,
Передъ тобою въ прахъ міры дробятся,

(*) «Doctor's Commons», консисторіальный судъ, въ которомъ совершаются разводы.

(**) «Teterrima causa belli». (Сатиры Горація, книга I, сат. 3).

И вновь опять, богатый на дары,
Ты населяешь новые міры...
Жизнь безъ тебя была бъ бездонной чашей,—
Ты океанъ на сушѣ жизни нашей.

LVII.

Когда къ Екатеринѣ подошелъ
Красивый вѣстникъ славы Петрограда,
Суворова торжественный посолъ —
Она его была увидѣть рада,
Когда же ей депешу онъ вручилъ
И передъ ней колѣна преклонилъ,
Екатерина вдругъ остановилась
И надломить печать не торопилась.

LVIII.

Но вотъ депеша вскрыта. Цѣлый дворъ
Слѣдитъ съ невольнымъ страхомъ за царицей,
И наконецъ Екатерины взоръ
Сверкнулъ для всѣхъ ласкающей денницей.
Царица улыбнулась... Красоты
Исполнены лица ея черты,
Очерчены уста ея красиво
И ясные глаза смотрѣли живо.

LIX.

Екатерины радость велика:
Взятъ Измаилъ и тридцать тысячъ пало
Подъ натискомъ могучаго штыка...
Чело царицы славой засіяло, —
Такъ озаряетъ солнечный восходъ
Просторъ морей, пустыню ясныхъ водъ,
Когда все море кажется румяно,
Подъ благодатнымъ небомъ Индустана.

LX.

Къ тому же въ ней улыбку возбудилъ
Докладъ въ стихахъ (стихи-то чудны были),
Гдѣ полководецъ въ рѳмы уложилъ
Реляцію о битвѣ въ Измаилѣ.

Куплетъ о человѣческой рѣзнѣ,
Гдѣ много тысячъ пало на войнѣ
Въ защитѣ благородной и безумной,
Сложилъ тогда Суворовъ страннодумный (*).

LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXV, LXVI, LXVII, LXVIII, LXIX, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXIV, LXV, LXXVI, LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI.

. . . . . .

LXXXII.

Аудіенція окончилась. Вся знать,
Посланники различныхъ націй стали
Счастливаго Жуана поздравлять...
Красавицы двора кругомъ мелькали
И до него касались платья дамъ...
О женщины! всегда пріятно вамъ
Смущать людей улыбками, очами,
Намеками и томными рѣчами!..

LXXXIII.

Жуана дворъ блестящій окружалъ
Какъ человѣка, выросшаго быстро.
Онъ граціозно голову склонялъ,
Съ свободою давнишняго министра.
Не даромъ былъ «джентльменомъ» онъ рожденъ,
Умѣлъ хранить покойный, строгій тонъ,
И грацію и тактъ въ его манерахъ
Нашли бы всѣ и въ самыхъ высшихъ сферахъ.

LXXXIV.

Царица поручила, чтобъ весь дворъ
Вниманіе оказывалъ Жуану.
Съ нимъ заводить спѣшили разговоръ
И вѣжливы съ нимъ были не по сану.

. . . . . .

(*) Извѣстное донесеніе Суворова:

«Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ и я тамъ».

LXXXV.

Но здѣсь остановись пока, Пегасъ!
Мы далеко ужь слишкомъ залетѣли...
Кружится голова и мимо глазъ,
Какъ крылья мельницъ, мысли запестрѣли.
И такъ, чтобъ мысли съ первами сберечь,
Умѣрю я порывистую рѣчь...
Спущусь теперь, о, муза дорогая, —
Куда нибудь въ зеленые луга я...

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

DE PROFUNDIS.

ПОВѢСТЬ

ВИЛЬЯМА ДЖИЛЬБЕРТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА I.

ГЕРОЙ, БЕЗЪ ИМЕНИ И МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА, ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВЛЯЕТСЯ НА НѢСКОЛЬКИХЪ СЦЕНАХЪ.

Однажды въ субботу вечеромъ, въ ноябрѣ 1835 года, мистеръ Джемсъ Спарксъ, рядовой полка ея величества шотландскихъ гвардейскихъ фузелеровъ, вышелъ изъ дому своей жены, во дворѣ Синяго Якоря, по улицѣ Іоркъ въ Вестминстерскомъ кварталѣ, чтобъ отвезти бѣлье, отданное мистриссъ Спарксъ въ мытье однимъ семействомъ, проживавшимъ во дворѣ Дина, близъ аббатства. Обязанность Джемса состояла въ томъ, чтобы катить телѣжку, на которой были поставлены двѣ корзины для бѣлья, между тѣмъ какъ жена его шла рядомъ съ нимъ, наблюдая, чтобы кто нибудь изъ прохожихъ по улицамъ Броадвей и Тотхильсъ, не совсѣмъ чистыхъ на руку, не осмѣлился прикоснуться къ ввѣренному ей бѣлью, — предосторожность совершенно лишняя, что охотно допуститъ всякій, кто мало мальски знакомъ съ этой мѣстностью. Но дорогѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего такого не случилось, что могло бы встревожить мистриссъ Спарксъ: благовѣрная чета благополучно добралась до дома. Мистриссъ Спарксъ пригладила передникъ, поправила ленты на шлянкѣ, обтянула платокъ на плечахъ, и скромно постучалась въ дверь, которую сейчасъ же отворила опрятно одѣтая служанка.

Мистриссъ Спарксъ вошла въ домъ, приказавъ мужу слѣдовать за ней съ корзинами. Джемсъ, имѣя привычку повиноваться приказаніямъ своей жены также безмолвно и безпрекословно, какъ повиновался приказаніямъ своего полковника, немедленно взялъ одну изъ

корзинъ и притащилъ ее въ отдаленный конецъ коридора. Тамъ онъ засталъ свою жену и служанку занимающимися обычнымъ споромъ о какихъ-то вещахъ изъ бѣлья, не доставленныхъ будто бы на прошлой недѣлѣ. Мистриссъ Спаркъ, истощивъ весь запасъ своихъ доводовъ, обратилась за помощью къ мужу, прося подтвердить ея показанія. Почтенный вопиъ всегда исполнялъ это, нисколько не колеблясь и нисколько не думая о томъ, какую оказывалъ въ подобномъ случаѣ услугу; онъ дѣлалъ это не изъ неуваженія къ правдѣ, но въ полномъ убѣжденіи, что все сказанное женой его была совершенная истина. Служанка, однако, продолжала стоять на своемъ; ее не могли поколебать ни доводы мистриссъ Спаркъ, ни отрывистое подтвержденіе ея мужа. Споръ продолжался еще нѣсколько минутъ безъ особенной пользы для той и другой стороны, когда служанка замѣтила, что такъ какъ вечеръ довольно холодный и дверь на улицу оставалась открытою, то для мистриссъ Спаркъ было бы гораздо лучше внести въ корридоръ и другую корзину, и уже послѣ того поговорить о дѣлѣ.

Джемсъ, повинуясь взгляду жены, бросился на улицу, но такъ долго замедлилъ своимъ возвращеніемъ, что отсутствіе его встревожило и мистриссъ Спаркъ и служанку, и объ онѣ отправились къ дверямъ узнать, что случилось. Выглянувъ на улицу, онѣ крайне изумились, не видя нигдѣ Джемса. Въ первую минуту изумленія мистриссъ Спаркъ обдало ужасомъ при мысли, что вѣрно пропало бѣлье, но вслѣдъ за тѣмъ ужасъ этотъ прошелъ, когда она увидѣла, что не только телѣжка съ корзиной стояла на мѣстѣ, но и въ корзинѣ все было цѣло.

Какъ бы то ни было, хотя увѣренность въ цѣлости бѣлья и уничтожила ужасъ, но все-таки отсутствіе мужа изумляло ее, тѣмъ болѣе, что такому странному съ его стороны поведенію не представлялось никакой благовидной причины. Послѣ непродолжительнаго ожиданія, изумленію мистриссъ Спаркъ не было границъ, когда она увидѣла мужа, возвращающагося къ дому съ здоровымъ трехмѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ, который ревѣлъ изъ всѣхъ силъ.

Джемсъ, не ожидая вопросовъ, въ двухъ словахъ объяснилъ причину своего изчезновенія. По выходѣ на улицу за другой корзиной, его вниманіе было привлечено дѣтскимъ крикомъ, и вдругъ, въ стоявшей передъ нимъ корзинѣ, онъ къ величайшему своему удивленію увидѣлъ младенца; какимъ образомъ попалъ онъ туда, это поставило его въ совершенный тупикъ. Онъ торопливо оглянулся вокругъ, въ надеждѣ увидѣть живое существо, которое по всей вѣроятности могло оставить бѣдное маленькое созданіе въ такомъ жалкомъ положеніи; но не увидѣлъ ни души. А такъ какъ ребенокъ не могъ самъ со-

бою упасть съ неба на подобіе снѣга, и кто нибудь да положилъ же его въ корзину, то въ силу такого предположенія Джемсъ рѣшился отыскать виновнаго. Съ этимъ намѣреніемъ онъ взялъ ребенка на руки, вмѣстѣ съ нимъ выбѣжалъ на прилегавшую улицу, и все-таки не увидѣлъ ни одного человѣка, котораго, даже по самому малѣйшему поводу, можно было бы заподозрить въ безсердечной шуткѣ, сыгранной надъ несчастнымъ младенцемъ.

Въ корридорѣ, само собою разумѣется, сейчасъ же образовался военный совѣтъ изъ Спаркса, его жены и служанки. Прежде всего былъ произведенъ самый тщательнѣйшій осмотръ ребенка, — не только молоденькой служанкой, но и обладавшей большею опытностію и материнскимъ тактомъ мистриссъ Спарксъ; и все-таки не открылось ни одной тончайшей нити, по которой можно было бы добраться до его исторіи. Это было тѣмъ болѣе досадно, что всякій найденышъ, герой какой нибудь повѣсти, по преданію бываетъ одѣтъ въ такое бѣлье, которое должно показывать, что его родители занимаютъ въ обществѣ довольно значительное положеніе; а тутъ какъ нарочно представилось какое-то необыкновенное исключеніе изъ общаго правила; ребенокъ имѣлъ на себѣ одну рубашонку, да и та была не только груба по своему качеству, но и крайне ветха по своему состоянію. Потомъ,—не знаю, нужно ли говорить объ этомъ,—въ бѣльѣ романическаго найденыша, по обыкновенію, долженъ лежать кошелекъ съ золотомъ и къ одеждѣ младенца долженъ быть приколотъ лоскутокъ бумаги съ означеніемъ имени, которое дано было младенцу при крещеніи,—но тутъ не было ни кошелька, ни лоскутка бумаги. Тутъ было также еще другое замѣчательное обстоятельство,—ребенокъ не имѣлъ того нѣжнаго сложенія, того прекраснаго выраженія лица, которыми въ легкой литературѣ обыкновенно характеризуются младенцы въ ихъ несчастномъ положеніи. Напротивъ, это было замѣчательно простое, крѣпкаго тѣлосложенія, грязное, непривлекательное маленькое созданіе, съ здоровыми и сильными легкими, которыя, для доказательства, что обладатель ихъ и сильно озябъ, и сильно былъ голоденъ, дѣйствовали съ такой энергіей, что мистриссъ Спарксъ не замедлила укутать его въ свой теплый платокъ и этимъ самымъ успѣла предотвратить нарушеніе спокойствія въ почтенномъ семействѣ. Результатомъ совѣщанія оказалось то, что это было весьма серьезное дѣло, и что безъ лучшаго легальнаго совѣта никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ предпринимать не слѣдуетъ; а такъ какъ въ этомъ приключеніи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ мистеръ Спарксъ, то онъ, не ожидая рѣшенія вопроса о недоставленномъ на прошлой недѣлѣ бѣльѣ, втащилъ въ корридоръ другую корзину и вмѣстѣ съ женой и телѣжкой пустился отыскивать полисмена.

*

Мужъ и жена зорко глядѣли во всѣ стороны, но не усмотрѣли ни одного полисмена до тѣхъ поръ, пока не выбрались на улицу Броадвей, да и тотъ, котораго они нашли, нисколько не могъ помочь имъ въ настоящемъ дѣлѣ. Онъ откровенно объяснилъ, что ему мало извѣстны законы по дѣламъ такого рода, но все же сказалъ, что, по крайнему его разумѣнію, слѣдовало бы немедленно обратиться въ домъ призрѣнія на улицѣ Іоркъ и передать младенца на попеченіе приходскихъ властей; — по крайней мѣрѣ онъ поступилъ бы непремѣнно такимъ образомъ, если бы съ нимъ повстрѣчалось подобное обстоятельство.

Спаркъ и его жена, поблагодаривъ полисмена за добрый совѣтъ, въ ту же минуту отправились въ домъ призрѣнія. По приходѣ туда, имъ нужно было обождать выхода служащихъ при домѣ особъ. Это было въ то самое время, когда бѣдныхъ просителей и просительницъ размѣщали по временнымъ комнатамъ; такъ что, до окончанія этой операціи, благовѣрная чета ничего не могла сдѣлать; мистриссъ Спаркъ принуждена была ждать, когда разведутъ по мѣстамъ всю эту праздношатавшуюся толпу. Такое обстоятельство въ особенности было непріятно этой доброй женщинѣ, какъ потому, что она по врожденному вкусу дорожила чистотой и опрятностью, такъ и потому, что по профессіи она была прачкой, а тутъ какъ будто нарочно, всѣ окружавшіе ее, по ея соображенію, сильно нуждались не только въ мытьѣ надѣтаго на нихъ платья, но и ихъ физіономій. Мистриссъ Спаркъ старалась держаться поодаль отъ нихъ, но сохранить за собой такое положеніе оказывалось не только труднымъ, но даже невозможнымъ, потому во первыхъ, что пріемная, въ которой столпились пришедшіе, была очень мала, а во вторыхъ потому, что крикъ ребенка, который какъ будто настаивалъ на томъ, чтобы его услышали, притягивалъ къ себѣ изъ толпы всѣхъ женщинъ, которыя обнаруживали сильное любопытство взглянуть на малютку и съ тѣмъ вмѣстѣ узнать его исторію. Наконецъ распредѣленіе просителей и просительницъ по временнымъ комнатамъ кончилось и мистриссъ Спаркъ очутилась лицомъ къ лицу съ начальникомъ заведенія; во все это время мужъ ея стоялъ на улицѣ, охраняя телѣжку.

Несмотря на всю сжатость объясненій мистриссъ Спаркъ, начальникъ заведенія слушалъ ее съ весьма замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— Добрая моя женщина, сказалъ онъ, когда мистриссъ Спаркъ замолчала: — очень жаль, что этихъ полисменовъ не учатъ исполненію своихъ обязанностей какъ слѣдуетъ. Вы не имѣете никакого права на призрѣніе ребенка отъ здѣшняго прихода. Почему я могу знать, что вы говорите правду? Быть можетъ, это и правда, я даже не сомнѣваюсь въ томъ; но сами согласитесь, если бы я удовлетворилъ ва-

ше домогательство на одномъ только вашемъ голословномъ показаніи, то намъ пришлось бы принять на свое попеченіе половину дѣтей изъ всего прихода. Вы должны представить этого ребенка въ полицейское управленіе и настоять на томъ, чтобы оно приняло его на свое попеченіе; на вашемъ мѣстѣ я бы не вышелъ оттуда, пока этого не сдѣлаютъ. Въ настоящую же минуту, я покорнѣйше прошу васъ оставить это мѣсто, потому что у меня есть другія дѣла, которыми я долженъ заняться безотлагательно.

Мистриссъ Спаркъ, не имѣя никакихъ возраженій, отправилась къ мужу и конечно послѣдовала совѣту начальствующаго лица. По прибытіи въ мѣстное полицейское управленіе мужъ и жена вызвали полицейскаго инспектора, который со вниманіемъ и участіемъ выслушалъ показанія бѣдной женщины.

— Безсмысленно, сказалъ онъ:—и даже безчестно, что начальникъ благотворительнаго заведенія препроводилъ васъ сюда. Ему бы, кажется, должно быть извѣстно, что мы ничего не можемъ сдѣлать для дѣтей подобнаго рода. Пожалуйста вы снесите этого ребенка назадъ и настойте на томъ, чтобы его приняли.

— Да какъ же это сдѣлать, сэръ, когда онъ сказалъ мнѣ, что я должна настоятельно требовать отъ васъ и не уходить, пока *вы* этого не сдѣлаете.

— Онъ сказалъ это? произнесъ инспекторъ: — ну, такъ я же докажу ему, что на этотъ разъ онъ ошибается; я пошлю съ вами сержанта, который развяжетъ вамъ руки отъ всякихъ хлопотъ, и совѣтую вамъ отправляться сейчасъ же, потому что ребенокъ повидимому не здоровъ.

— Бѣдняжка! не удивительно, сказала мистриссъ Спаркъ: — я думаю, онъ только что не умираетъ съ голоду.

Мистриссъ Спаркъ и ея мужъ въ сопровожденіи сержанта снова двинулись въ домъ призрѣнія. По прибытіи въ домъ, мистриссъ Спаркъ и сержантъ немедленно были представлены начальнику; Джемсъ, по обыкновенію, остался на улицѣ. Сержантъ при этомъ случаѣ былъ краснорѣчивъ. Онъ ясно доказалъ начальнику заведенія, что въ домѣ полицейскаго управленія нѣтъ мѣста для удобнаго помѣщенія ребенка такого возраста, что законъ и чувство человѣколюбія требуютъ, чтобы власти, пекущіяся о призрѣніи бѣдныхъ, приняли участіе въ этомъ дѣлѣ, и наконецъ было бы жестоко навязать ребенка бѣдной прачкѣ.

Начальникъ отвѣчалъ, что ему очень хорошо извѣстны британскіе законы о призрѣніи бѣдныхъ, что онъ строго соблюдаетъ ихъ и вовсе не нуждается въ замѣчаніяхъ (это, мимоходомъ сказать, было справедливо до нѣкоторой степени); что онъ принимаетъ такое же уча-

стіе въ этомъ дѣлѣ, какъ и инспекторъ, и даже гораздо больше; пусть инспекторъ самъ поучится законамъ.

При такомъ нападеніи на инспектора, сержантъ вспыхнулъ и отвѣчалъ, что не хочетъ говорить объ этомъ предметѣ, но что начальникъ долженъ принять ребенка и мало того, долженъ отвѣчать за хорошее о немъ попеченіе.

Начальникъ въ свою очередь предложилъ сержанту принять ребенка на свое попеченіе, и затѣмъ они обмѣнялись крупными словами. Во все это время мистриссъ Спаркъ стояла и слушала. Нѣтъ надобности приводить здѣсь разговора двухъ оффиціальныхъ лицъ. Достаточно сказать, что онъ принялъ крайне саркастическій тонъ; это показывала упорная уклончивость сержанта принять ребенка на свое попеченіе; у него, говорилъ онъ, не было лица, способнаго кормить ребенка грудью, а какъ скоро явится такое лицо, то онъ обѣщалъ дать знать начальнику. Не обошлось дѣло и безъ личностей; это доказывается тѣмъ, что начальникъ прямо въ глаза сержанта назвалъ его инспектора осломъ, который вовсе не знаетъ законовъ, и что онъ, начальникъ, выучитъ его. Онъ просилъ сержанта передать все это инспектору вмѣстѣ съ его почтеніемъ. Сержантъ убѣдился наконецъ, что въ знаніи законовъ онъ далеко не пара начальнику дома призрѣнія, а потерявъ хладнокровіе, сталъ неизмѣримо ниже своего соперника; увидя, что его доводы ни къ чему не ведутъ, онъ счелъ за лучшее пробить ретираду, что и сдѣлалъ подъ прикрытіемъ множества угрозъ и обѣщаній отъ имени инспектора отквитать начальнику заведенія; все это разумѣется начальникомъ было принято съ величайшимъ презрѣніемъ.

Лишь только сержантъ удалился, начальникъ заведенія объявилъ мистриссъ Спаркъ, что и она должна уйти; при этомъ однако жь посовѣтовалъ ей снова обратиться въ полицейское управленіе и не выходить оттуда, пока не получитъ удовлетворенія.

Мистриссъ Спаркъ вышла на улицу и присоединилась къ мужу; здѣсь благовѣрная чета рѣшительно не знала, какія принять дальнѣйшія мѣры. Они начали обсуживать вопросъ о вторичномъ обращеніи въ полицейское управленіе, но оставались въ какой-то нерѣшительности; за то ребенокъ дѣйствовалъ чрезвычайно рѣшительно; не получая ужина, онъ ревѣлъ и барахтался такъ сильно, что какой-то проходившій мимо дерзкій мальчишка посовѣтовалъ ей, если у ней подъ платкомъ былъ краденый поросенокъ, убираться какъ можно скорѣе домой, а то пожалуй еще встрѣтится съ полисменомъ и наживетъ хлопотъ. На эту насмѣшку мистриссъ Спаркъ ничего не отвѣтила, а Джемсъ удовольствовался тѣмъ, что бросилъ на негодяя взглядъ, полный глубокаго презрѣнія. Слово «домой», произнесенное

мальчикомъ, даромъ не пропало; они рѣшились дать несчастному маленькому созданію пріютъ въ своемъ домѣ, и уже утромъ разобрать надлежащимъ образомъ, кто вѣрнѣе толковалъ законъ о водвореніи: начальникъ ли благотворительнаго заведенія или полицейскій инспекторъ. Безъ дальнѣйшаго промедленія, они направили свой путь ко двору Спящаго Якоря, гдѣ по возвращеніи взятой на прокатъ телѣжки благополучно и спокойно вошли въ свой болѣе привѣтливый домъ.

ГЛАВА II.

МИСТРИССЪ СПАРКСЪ ДОМА. — НАШЪ ГЕРОЙ СТАНОВИТСЯ ЖЕРТВОЙ БЛИСТАТЕЛЬНАГО НЕВѢДѢНІЯ ЗАКОНА.

Когда мистеръ и мистриссъ Спаркъ вошли въ свой домъ, они увидѣли, что родная ихъ дочь Джемима ждала ихъ прибытія съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Джемима, единственное дитя этой достойной четы, около восьми лѣтъ отъ роду, была весьма некрасива, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, и волосами чисто огненнаго цвѣта. Станомъ она была очень сухощава, неуклюжа, угловата и по лѣтамъ чрезвычайно высокаго роста. Ноша матери подъ теплымъ шейнымъ платкомъ не мало изумила ее; любопытство ея увидѣть ребенка было такъ велико, что она повидимому забыла о голодномъ состояніи, въ которомъ находилась до прихода родителей. Мистриссъ Спаркъ вывернула изъ платка своего protégé и вмѣстѣ съ Джемимой въ теченіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣли на ребенка съ большимъ участіемъ. Восторгъ Джемимы былъ безпредѣльный; не смотря на вопли и барахтанье маленькаго дикаря, она чуть не задушила его поцалуями. Наконецъ мистриссъ Спаркъ тономъ величайшей рѣшимости сказала, что если это маленькое созданіе понравилось ей, то оно, оставаясь подъ ея кровлей, ни въ чемъ не должно нуждаться, и вслѣдъ затѣмъ отправила Джемиму купить на полпенни молока, а сама принялась мыть ребенка теплой водой, которую Джемсъ подавалъ ей, и которая предназначалась для вечерняго чая. Окончивъ эту операцію, она на скорую руку приготовила для ребенка бѣлье, такъ что когда Джемима воротилась, въ наружности ребенка было столько перемѣнъ къ лучшему, что если бы она не была убѣждена въ его тождественности, то едва ли бы узнала его.

Ребенокъ послѣ этого былъ отданъ на руки Джемимы, между тѣмъ какъ мистриссъ Спаркъ занялась приготовленіемъ ужина не только для него, но и для всего семейства. Мистеръ Спаркъ немедленно засѣлъ за столъ и вскорѣ началъ уничтожать поданный ужинъ, съ угрюмымъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и самодовольнымъ видомъ, наблюдая

за кормленіемъ или, вѣрнѣе сказать, пичканьемъ ребенка, глотавшаго пищу съ такимъ аппетитомъ и жадностью, которые доказывали, что крикомъ своимъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей попытки обмануть кого нибудь въ дѣйствительности своего голода. Благосклонное обращеніе мистриссъ Спаркъ и Джемимы не было оставлено имъ безъ вниманія; сейчасъ же послѣ накормленія онъ выразилъ благодарность своимъ благодѣтелямъ тѣмъ, что заснулъ крѣпкимъ сномъ. Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, гдѣ уложить ребенка на ночь, — рѣшено было, къ величайшему удовольствію Джемимы, что онъ ляжетъ съ ней на одной и той же постели. Наконецъ настало время, когда мистеръ Спаркъ долженъ былъ оставить жену и отправиться въ свои казармы; уходя, однако, изъ дому, онъ бросилъ еще взглядъ на маленькаго незнакомца. Джемима была уже въ постели; подлѣ нея покойно пріютился ребенокъ; она бережно приподняла одѣяло, чтобы дать отцу своему возможность взглянуть на малютку. Старый воинъ задумчиво посмотрѣлъ на спящаго младенца, какъ будто въ этотъ моментъ ему пришло на память что-то давно прошедшее, но полное глубокаго интереса; потомъ онъ нагнулся, поцаловалъ дочь и ребенка и послѣ того немедленно вышелъ изъ дому.

На другое утро, послѣ завтрака, мистриссъ Спаркъ надѣла шляпку, шерстяной платокъ и съ ребенкомъ на рукахъ отправилась въ домъ призрѣнія. Джемима, успѣвшая отъ души полюбить его, горько заплакала и, не смотря на строгую воинскую дисциплину, соблюдаемую, по принятому обыкновенію, въ заведеніи мистриссъ Спаркъ, громко заворчала, когда получила отъ матери отказъ сопровождать ее. Печаль Джемимы была однако непродолжительна; по случаю праздничнаго дня,—было воскресенье,—въ домѣ призрѣнія не было ни одного начальствующаго лица, а потому вопросъ о принятіи ребенка остался нерѣшеннымъ. Мистриссъ Спаркъ обращалась и въ полицейское управленіе, но нашла, что инспекторъ по этому вопросу оставался въ своихъ убѣжденіяхъ такимъ же непоколебимымъ, какъ и наканунѣ, и даже, можетъ быть, еще непоколебимѣе, вслѣдствіе донесенія о разговорѣ сержанта съ начальникомъ благотворительнаго заведенія. Бѣдная женщина, увидѣвъ себя въ безпомощномъ состояніи, направила шаги свои къ дому, безъ малѣйшаго впрочемъ огорченія, потому что начала принимать живѣйшее участіе въ судьбѣ ребенка, который былъ принятъ Джемимой съ глубокой радостью и удовольствіемъ.

Въ теченіе всего воскресенья ребенокъ велъ себя примѣрнѣйшимъ образомъ, и вслѣдствіе этого составилъ о себѣ хорошее мнѣніе со стороны мистриссъ Спаркъ, которая, не имѣя стирки на рукахъ, занималась преимущественно няньчаньемъ малютки, изрѣдка, и то въ

видѣ особой милости, для доставленія удовольствія, передавая его Джемимѣ. Послѣ полудня, когда ребенокъ заснулъ, а Джемима отправилась въ воскресную школу, она, мистриссъ Спаркъ, безъ всякаго умысла, совершенно механически начала рѣзать ножницами старое бѣлье и потомъ изъ отрѣзанныхъ лоскутковъ составлять ту форму рубашки, которая, на взглядъ опытныхъ матерей, должна годиться для всякаго возраста.

Мистеръ Спаркъ въ обычное время объявилъ начальству своему, что на вечеръ отправляется къ женѣ, которая, съ чѣмъ-то похожимъ на материнскую гордость въ лицѣ, поднесла къ нему ребенка въ сдѣланномъ на скорую руку одѣяньи и шопотомъ сказала ему нѣсколько словъ, которыя, очевидно, не должны были коснуться ушей Джемимы и на которыя Спаркъ отвѣчалъ перемѣной своего чугуннаго взгляда на что-то блпзкое къ улыбкѣ, которую могло принять на себя его угрюмое отъ природы лицо. Вечеръ прошелъ довольно пріятно; Спаркъ передъ уходомъ въ казармы посмотрѣлъ сначала, какъ раздѣли ребенка и снова уложили на ночь подлѣ Джемимы.

Въ понедѣльникъ утромъ первѣйшею обязанностью мистриссъ Спаркъ было принять бѣлье отъ трехъ домовъ, на которые она стирала, и получить разсчетъ за прошлую недѣлю. Все это было кончено не ранѣе двѣнадцати часовъ, тогда она надѣла на ребенка новый нарядъ и пустилась въ благотворительное заведеніе, рѣшившись, на этотъ разъ, употребляя ея собственное выраженіе, не слушать больше пустяковъ. Въ одномъ отношеніи она была счастливѣе прежняго тѣмъ, что успѣла получить свиданіе съ чиновникомъ опекунскаго совѣта, который весьма внимательно и любезно выслушалъ ея повѣсть. Когда она кончила, чиновникъ спросилъ: вѣрно ли онъ понялъ ее, что она нашла ребенка во дворѣ Дина.—Мнѣ кажется, вы ошиблись, прибавилъ онъ. Мистриссъ Спаркъ увѣряла его честнымъ словомъ, что это была истина.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ очень жаль васъ, сказалъ чиновникъ: — потому что приходъ этого двора состоитъ на особыхъ правахъ; онъ не платитъ пошлинъ въ пользу бѣдныхъ, и слѣдовательно ребенокъ этого прихода не можетъ разсчитывать на благотворительность здѣшняго заведенія.

— Но что же я буду дѣлать съ нимъ, сэръ? спросила мистриссъ Спаркъ. — Мы не можемъ взять его на свое попеченіе, — мы для этого слишкомъ бѣдны. Вы только представьте себѣ, какіе потребуются расходы на воспитаніе такого крошки, не говоря уже о времени и безпокойствѣ, которыя будутъ стоить тѣхъ же расходовъ.

— Обстоятельство тяжелое, даже жестокое, — я допускаю это; но я не могу дѣйствовать въ качествѣ вашего законнаго адвоката или

опекуна этого ребенка. Все же не могу не сказать вамъ, что если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то отправился бы въ полицейское управленіе и настоялъ бы на томъ, чтобы тамъ приняли ребенка подъ свое покровительство. И повѣрьте, они сдѣлаютъ это, если вы будете рѣшительны и въ то же время любезны.

Мистриссъ Спаркъ, безъ особенной надежды на успѣхъ, снова потянулась въ полицейское управленіе. На этотъ разъ она увидѣла только одного сержанта, ибо инспекторъ отправился по какому-то дѣлу въ главное управленіе, въ Шотландскомъ Подворьѣ. Она пыталась въ своемъ поведеніи выказать твердость воли и достоинство, но попытка ей не удавалась. Твердость воли, кромѣ отношеній къ Джемсу, ни подъ какимъ видомъ не составляла отличительной черты ея характера, а достоинство какъ-то не вязалось съ личностью простой обыкновенной прачки. На ласково, но рѣшительнымъ образомъ выраженное заявленіе сержанта, что полицейское управленіе ни подъ какимъ видомъ не можетъ взять ребенка на свое попеченіе, мистриссъ Спаркъ кротко высказала свою надежду, что сержантъ по крайней мѣрѣ посовѣтуетъ, что ей должно дѣлать?

Сержантъ и готовъ бы былъ сдѣлать это, говорилъ онъ,—и сдѣлать съ большимъ удовольствіемъ, но онъ не адвокатъ. Во всякомъ случаѣ, для нея была открыта еще одна дорога, и дорога не только безвредная, но такая, которая могла бы принести пользу, если бы она пошла по ней; на ея мѣстѣ онъ бы сдѣлалъ это, не теряя ни минуты времени; ей стоило бы только обратиться къ судьѣ Вестминстерскаго полицейскаго суда. Это былъ весьма добрый человѣкъ; онъ терпѣливо бы выслушалъ ее и помогъ бы ей, на сколько отъ него зависѣло,—сержантъ былъ увѣренъ въ этомъ. Если бы она сейчасъ же отправилась къ нему, то онъ, по всей вѣроятности, принялъ бы ее безъ всякаго замедленія, потому что допросы ночныхъ арестантовъ уже кончились, а сношенія съ другими присутственными мѣстами еще не начались. Мистриссъ Спаркъ, убѣжденная, что сержантъ говорилъ въ ея пользу отъ чистаго сердца, послушалась его совѣта и тотчасъ же направила свой путь въ полицейскій судъ.

По прибытіи въ судъ, она увидѣла, что доступъ къ полицейскому судьѣ былъ не такъ легокъ, какъ обѣщалъ ей полицейскій сержантъ. Не потому, что не кончился еще допросъ ночныхъ арестантовъ, и не потому, что дѣлались еще сношенія съ другими судебными мѣстами, но собственно потому, что господинъ судья изволили засѣдать въ своемъ кабинетѣ за бараньей котлетой. Такое поведеніе со стороны судьи было совершенно извинительно въ глазахъ всякаго благороднаго и добропорядочнаго человѣка. Правда, что отъ господина судьи требовалось, чтобы изъ цѣлыхъ сутокъ онъ удѣлялъ только семь ча-

совъ на отправленіе возложенныхъ на него обязанностей, которыя онъ сокращалъ, пріѣзжая въ присутствіе спустя часъ послѣ его открытія; — правда также, чтобы не допустить его умъ до утомленія, благодѣтельное законодательство опредѣлило ему двѣсти двадцать вакантныхъ дней изъ трехсотъ шестидесяти пяти, составляющихъ цѣлый годъ, съ щедрымъ вознагражденіемъ въ полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ за дни, въ которые онъ долженъ находиться при отправленіи своихъ обязанностей, — оно опредѣлило такое щедрое вознагражденіе собственно съ тою цѣлію, чтобы устранить взяточничество и неизбѣжно сопряженный съ нимъ безсовѣстный образъ дѣйствій — жаль, очень жаль, что подобная теорія не распространена и на другія профессіи и другія занятія, кромѣ судебныхъ,— не смотря на то, вотъ и еще часъ времени урѣзывается у службы въ самую драгоцѣнную часть дня и урѣзывается собственно для сбереженія его натуры отъ совершеннаго истощенія.

Мистриссъ Спаркъ ждала терпѣливо, когда кончится судейскій завтракъ; но не такъ былъ терпѣливъ ребенокъ. Повидимому, его сильно тревожила инстинктивная идея, что голодъ въ его положеніи былъ одинаково достоинъ сочувствія, какъ и голодъ господина судьи, и онъ выражалъ свое мнѣніе по этому предмету, если не внятно, то по крайней мѣрѣ громко, и притомъ съ такой энергіей, что экзекуторъ, опасаясь нарушенія спокойствія судьи за его завтракомъ, довольно грубо объявилъ мистриссъ Спаркъ, что она или должна угомонить ребенка, или удалиться. Къ счастію, въ этотъ самый моментъ господинъ судья изволили явиться въ присутствіе и, изумленные дѣтскимъ воплемъ, приказали представить мистриссъ Спаркъ своей особѣ.

Судья выслушалъ показанія мистриссъ Спаркъ съ терпѣніемъ и вниманіемъ.

— Если, возразилъ онъ: — все сказанное вами — правда, то конечно, нельзя не согласиться, что на вашу долю выпалъ случай, въ которомъ вы, принявъ на себя самую гуманную роль, должны при ея исполненіи подвергнуть себя стѣсненію. Въ тоже время образъ дѣйствія служащихъ при благотворительномъ заведеніи представляется до такой степени противорѣчащимъ тому, что я обыкновенно слышу о нихъ, что настоящій вопросъ по необходимости должно разсматривать съ двухъ сторонъ. Я сейчасъ же пошлю курьера за подсмѣшнымъ чиновникомъ, и выслушавъ его объясненія, рѣшу, что вамъ нужно дѣлать.

Дѣйствительно, въ извѣстное намъ благотворительное заведеніе сейчасъ же былъ посланъ курьеръ. Ему, однакожь, не удалось отыскать не только подсмѣшнаго чиновника, но и никого изъ началь-

ствующихъ лицъ,—и онъ, послѣ значительнаго промежутка времени, воротился съ помощникомъ швейцара и чиновникомъ изъ конторы приходскаго стряпчаго. Судья попросилъ мистриссъ Спаркъ повторить свои показанія, что и было ею сдѣлано довольно отчетливо.

— Милордъ, сказалъ присяжный чиновникъ:—мнѣ нѣтъ надобности въ свидѣтеляхъ, которые бы дѣлали возраженія или опроверженія; напротивъ, я допускаю, что все сказанное — неопровержимая истина. Но вмѣстѣ съ симъ, я долженъ доложить вамъ, что Подворье Дина пользуется исключительнымъ положеніемъ, — оно изъято отъ налога въ пользу благотворительныхъ учрежденій, и слѣдовательно обязать приходъ принять на себя попеченіе объ этомъ ребенкѣ не зависитъ отъ вашей власти и не подлежитъ вашему вѣдѣнію.

— Если вы можете доказать мнѣ это, сказалъ судья:—то я не въ состояніи оказать бѣдной просительницѣ какое либо удовлетвореніе; если же нѣтъ, то я долженъ приказать приходу принять этого ребенка. Было бы несправедливо и даже жестоко навязать его на шею бѣдной женщинѣ.

— Совершенная правда, милордъ; но согласитесь также, что мы на столько же имѣемъ права отступать отъ закона, на сколько и вы; случай весьма непріятный,но мы никакимъ способомъ не можемъ помочь ему.

— Надѣюсь, сэръ, сказала мистриссъ Спаркъ судьѣ:—вы по крайней мѣрѣ посовѣтуете, что намъ дѣлать. Мы слишкомъ бѣдны, чтобы воспитать постороннаго ребенка, да при томъ же, Богъ вѣсть, представится ли намъ возможность обходиться съ нимъ по человѣчески.

— Одинъ только совѣтъ могу я вамъ дать, сказалъ судья: — это обратиться къ адвокату.

— Но въ такомъ случаѣ, за совѣты я должна платить ему, — не правда ли, сэръ?

— Само собою разумѣется, отвѣчалъ судья.—Ни подъ какимъ видомъ нельзя ожидать, что онъ будетъ оказывать вамъ свои услуги безвозмездно.

— А если вы заплатите одному, сказалъ чиновникъ изъ конторы стряпчаго: — это все равно, что даромъ броситe деньги. Могу васъ увѣрить, что въ настоящемъ дѣлѣ наши убѣжденія останутся непоколебимыми.

— Скажите же мнѣ, сэръ, что я должна дѣлать, спросила мистриссъ Спаркъ. —Мы не въ состояніи воспитать этого ребенка. Я ни болѣе ни менѣе, какъ бѣдная прачка,—а мужъ мой—рядовой гвардейскаго полка; бываетъ время, что мы, какъ говорится, не въ состояніи отогнать отъ дверей голоднаго волка.

— Что вы должны дѣлать, добрая женщина, это совершенно зависитъ отъ вашего усмотрѣнія. Я могу только посовѣтовать вамъ обратиться къ адвокату, и больше ничего. Позовите слѣдующаго просителя.

Чиновникъ адвокатской конторы, увидѣвъ, что онъ болѣе не нуженъ, оставилъ судъ, а вслѣдъ за нимъ и мистриссъ Спаркъ въ сильномъ негодованіи вышла изъ присутствія и отправилась прямо домой, потому что въ это время ребенокъ началъ обнаруживать всѣ признаки голоднаго состоянія. Погода была чрезвычайно холодная и дождливая, поэтому бѣдная женщина возвращалась домой почти бѣгомъ. Но какъ ни были быстры ея шаги, на углу Іоркской улицы ее догналъ швейцаръ благотворительнаго заведенія. Онъ дотронулся до ея плеча и сказалъ, что намѣренъ съ ней поговорить, или вѣрнѣе сказать, это намѣреніе предугадала сама мистриссъ Спаркъ, ибо швейцаръ былъ толстый мужчина и отъ усиленнаго движенія едва переводилъ духъ; свойство занимаемой имъ должности лишало его возможности дѣлать моціонъ. Лишь только прошла одышка, какъ онъ обратился къ мистриссъ Спаркъ съ слѣдующими словами:

— Я вполнѣ увѣренъ, что навязать рабочей женщинѣ воспитаніе чужаго ребенка—обстоятельство весьма неподходящее; но все-таки, если бы вы дѣйствовали путемъ закона, ребенокъ былъ бы принятъ на попеченіе прихода. Такъ какъ я говорю собственно для вашей пользы, то надѣюсь, вы никому не передадите моихъ словъ, въ противномъ случаѣ я буду поставленъ въ затруднительное положеніе. Для васъ нѣтъ никакой надобности нанимать адвоката, и чиновникъ, говорившій судьѣ, что присяжные опекуны не обязаны принимать ребенка, болталъ чистѣйшій вздоръ. Я знаю законъ не хуже его; даже можетъ быть лучше. Я вамъ вотъ что посовѣтую сдѣлать. Останьтесь здѣсь на нѣсколько минутъ, а я перейду на другой уголъ. Какъ только я завижу полисмена, то сейчасъ же подниму руку. Въ этотъ моментъ вы положите ребенка на землю подъ аркой, — но смотрите, такъ, чтобы никто не видѣлъ — а потомъ подойдите къ полисмену и скажите, что видѣли ребенка на тротуарѣ; вѣроятно его кто нибудь бросилъ, и если онъ останется въ такомъ положеніи, то непремѣнно умретъ отъ холода. Полисмену ничего больше не останется дѣлать, какъ только подойти и взять его. Опекуны должны будутъ принять его, какъ ребенка, найденнаго въ чертѣ прихода; и ничего не могутъ вамъ сдѣлать, если бы впослѣдствіи и узнали, что его подкинули вы,— потому что ребенокъ не вашъ, и притомъ же имъ не найти такого закона, который бы обязывалъ васъ воспитать чужое дитя.

— Вы совѣтуете мнѣ положить ребенка на холодный тротуаръ? сказала мистриссъ Спаркъ.

— Чѣмъ холоднѣе и сырѣе, тѣмъ лучше, отвѣчалъ швейцаръ.— Это послужитъ къ обвиненію полисмена въ безчеловѣчіи, если бы онъ не поднялъ ребенка.

Мистриссъ Спаркъ вмѣсто отвѣта бросила на швейцара взглядъ глубокаго негодованія. Она еще крѣпче укутала ребенка въ платокъ и противъ вѣтра и дождя направилась къ дому съ какимъ-то рѣшительнымъ и до нѣкоторой степени суровымъ выраженіемъ въ лицѣ. Всѣ недоумѣнія относительно того, что ей дѣлать съ несчастнымъ ребенкомъ, теперь совершенно изчезли. Предложеніе швейцара разомъ положило конецъ всему дѣлу. Мысль о безчеловѣчномъ поступкѣ съ безпомощнымъ маленькимъ созданіемъ и въ добавокъ препятствія, какъ будто нарочно поставляемыя для нея приходскими властями, до такой степени потрясли ея женскія чувства, что она рѣшилась оставить ребенка у себя и воспитать его.—Гдѣ трое бываютъ сыты, размышляла она: тамъ будетъ сытъ и четвертый; Богъ не для того создалъ человѣка, чтобы умирать ему съ голоду. — Джемима будетъ нянчить его, а что касается до Спаркса, то она знала, что ей нечего было бояться оппозиціи съ его стороны. Да, она рѣшилась вскормить и вырастить ребенка, какъ своего роднаго сына. Во всякомъ случаѣ, если она возьметъ его на свое попеченіе, то ея совѣсть будетъ чиста и спокойна; можетъ статься еще, Богъ нарочно послалъ его — кто знаетъ? И не такія вещи случаются на свѣтѣ.

Этими и другими подобнаго рода размышленіями мистриссъ Спаркъ занимала свой умъ по дорогѣ къ дому.

ГЛАВА III.

ЧРЕЗЪ ПОТЕРЮ СВОЕГО ПРОЦЕССА ПЕРЕДЪ ЗАКОНОМЪ, НАШЪ ГЕРОЙ ВОДВОРЯЕТСЯ НА ЖИТЕЛЬСТВѢ И ПОЛУЧАЕТЪ ИМЯ.

Было уже сказано, что мѣсто жительства мистриссъ Спаркъ находилось во дворѣ Синяго Якоря, на Іоркской улицѣ, въ Вестминстерскомъ кварталѣ. Судя по входу во дворъ съ улицы, такую непріятную резиденцію для человѣка, любящаго живописную мѣстность, едвали можно себѣ представить. Узкіе ворота, служившіе входомъ, имѣли, по своей нечистотѣ, отвратительную наружность; дома внутри двора, густо населенные, сообщали идею о страшной грязи, далеко не соотвѣтствующей той репутаціи, которую мистриссъ Спаркъ пріобрѣла своею личной опрятностью и тѣмъ, что слыла за аккуратную и искусную прачку. Она едва ли бы наняла здѣсь квартиру, если бы выборъ зависѣлъ отъ одного вкуса; но въ Вестминстерскомъ кварталѣ чрезвычайно трудно было найти помѣщеніе для

прачешнаго заведенія; а такъ какъ домъ, въ которомъ жила мистриссъ Спаркъ, имѣлъ для этого всѣ удобства, то въ настоящемъ случаѣ она оставила въ сторонѣ свои собственныя частныя чувства и была, можно сказать, счастлива, когда ей удалось нанять себѣ домикъ за умѣренную плату.

Домъ былъ расположенъ по правую сторону отъ входа и считался во дворѣ послѣднимъ. Примыкая къ переулку Гарднеръ, онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ—двухъ вверху и двухъ внизу, — съ небольшимъ позади навѣсомъ и узенькимъ дворикомъ въ тридцать ярдовъ длины, для сушки бѣлья. Дворикъ этотъ былъ окруженъ глухими задними стѣнами сосѣднихъ домовъ съ сѣверной, восточной и западной сторонъ, а южную сторону замыкалъ высокій заборъ, усыпанный на верху битыми бутылками, такъ что служилъ надежной преградой для незваныхъ, нечистыхъ на руку гостей; но впрочемъ онъ не былъ такъ высокъ, чтобы заслонять собою солнце, когда мистриссъ Спаркъ, желая воспользоваться его лучами, вывѣшивала для просушки ввѣренное ей бѣлье.

Внутренность дома была раздѣлена слѣдующимъ образомъ. Мистриссъ Спаркъ была главнымъ жильцомъ. Двѣ верхнія комнаты она отдавала въ наемъ другимъ двумъ жильцамъ, брату и сестрѣ. Этотъ братъ былъ артельщикомъ въ торговомъ домѣ въ Пикадилли. Такъ какъ онъ не будетъ участвовать въ нашей драмѣ, то нѣтъ надобности отнимать у читателя время описаніемъ его личности; достаточно сказать, что это былъ честный, трезвый, спокойный человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, обладавшій тѣмъ, что въ глазахъ мистриссъ Спаркъ служило лучшею рекомендаціей,—искреннею привязанностью къ жившей съ нимъ хромоногой сестрѣ, которая снискивала себѣ пропитаніе, работая въ улицѣ Страндъ на фабрикѣ армейскаго сукна. Болѣе этого не считаемъ за нужное распространяться и объ ея особѣ, потому что она явится на нашей сценѣ раза два, и то во второстепенной роли,—послѣ того мы ничего о ней не услышимъ.

Все нижнее помѣщеніе мистриссъ Спаркъ занимала для своего собственнаго употребленія. Лицевая комната служила пріемной или гостиной и была прибрана съ особеннымъ разсчетомъ на эффектъ. Мебель была старая, но не ломаная, — бѣдная, но очень приличная; сверхъ того размѣры ея были скромные; она не загромождала комнаты, не отнимала у нея удобства. Стѣны комнаты не лишены были украшеній. На одной изъ нихъ, противоположной окну, висѣлъ портретъ обожаемаго рядовымъ Спаркомъ идола—герцога Веллингтона. На другихъ стѣнахъ красовались стѣнные часы, зеркало, нѣсколько гипсовыхъ статуэтокъ,—не особенно изящной отдѣлки, напротивъ всѣ они отличались аляповатостью, которая значительно уменьшила

бы ихъ достоинство въ глазахъ знатока изящныхъ искусствъ, если бы такая личность вздумала когда нибудь посѣтить эту мѣстность— предположеніе несбыточное. Но главнымъ украшеніемъ всей комнаты служилъ рядъ утюговъ, стройно поставленныхъ во фронтъ на каминной полкѣ, шлифованными сторонами къ зрителю. Эти утюги составляли для мистриссъ Спаркъ сердечную усладу. Она любила и уважала ихъ. Это были ея домашніе пенаты; въ затруднительныхъ обстоятельствахъ она постоянно обращала къ нимъ свои взоры, какъ бы прося у нихъ утѣшенія и совѣта; и судя по довольному выраженію лица, съ которымъ она часто на нихъ взглядывала, надо заключить, что она не напрасно обращалась къ нимъ и за утѣшеніемъ, и за совѣтомъ. Если бы они были ея дѣтьми, то едвали бы она больше гордилась ихъ наружностью; расточаемая на нихъ заботливость, чтобы гладкія ихъ поверхности всегда блистали какъ зеркало, достойна всякой похвалы.

Заднюю комнату смѣло можно назвать лабораторіей мистриссъ Спаркъ, потому что, хотя мѣдные котлы и лоханки стояли подъ вышепомянутымъ навѣсомъ, но крючки и вилки для провѣтриванія бѣлья и сушки его, когда погода принуждала производить эту операцію внутри дома, гладильныя доски и платяныя корзины находились въ этой комнатѣ. Полъ былъ выстланъ досками, что составляло одно изъ важнѣйшихъ удобствъ помѣщенія: — онѣ спасали ноги отъ ревматизма. Тутъ находилась также хорошая печка, въ которой не только нагрѣвались одни утюги, но и производилась стряпня. Эти предметы вмѣстѣ со столомъ, задвинутымъ для большаго простора въ уголъ, парой стульевъ и фальшивымъ комодомъ, который каждый вечеръ превращался въ кровать со всѣми на ней принадлежностями, — составляли мебель задней комнаты.

По приходѣ домой, мистриссъ Спаркъ застала Джемиму, одаренную отъ природы хорошимъ аппетитомъ, такою же голодною, какимъ былъ на ея рукахъ ребенокъ. Не за что впрочемъ и осуждать Джемиму: полдень считался обыкновеннымъ часомъ обѣда, а когда мистриссъ Спаркъ воротилась изъ полицейскаго суда, то было уже три часа. Какъ ни былъ силенъ голодъ этой бѣдной дѣвочки, онъ изчезъ въ тотъ самый моментъ, когда она услышала крикъ ребенка. Она схватила маленькое созданіе на руки, почти вырвала его у матери, прежде чѣмъ изнеможенная отъ усталости женщина успѣла опуститься на стулъ, и съ полнымъ восторгомъ начала его убаюкивать. Всѣ попытки успокоить его оказались однако безполезными, и бѣдная мистриссъ Спаркъ принуждена была встать съ мѣста, надѣть шляпку, накинуть теплый платокъ и отправиться за пищей для ребенка, утѣшая себя мыслью, что холодная и отварная баранина, для ея соб-

ственнаго обѣда и обѣда Джемимы, не успѣетъ простынуть еще больше въ этотъ короткій промежутокъ, не смотря даже на морозный день. Въ короткое время ребенокъ былъ накормленъ, — черезъ пять минутъ онъ заснулъ и вслѣдъ за тѣмъ мистриссъ Спаркъсъ и Джемима спокойно усѣлись за столъ и принялись за свой обѣдъ.

По окончаніи трапезы, мистриссъ Спаркъсъ занялась въ задней комнатѣ сортировкой бѣлья, которое принесла домой поутру. Она исполняла этотъ трудъ не только систематическимъ, но и артистическимъ образомъ. Она раскладывала бѣлье на полу небольшими грудками, въ ровномъ одна отъ другой разстояніи, провѣряя названія вещей и ихъ числа по списку, который былъ выданъ ей вмѣстѣ съ бѣльемъ. Окончивъ это, она принялась провѣрять свои счеты, но занятіе это на самой его серединѣ было прервано. Ребенокъ проснулся и Джемима при всемъ своемъ стараніи снова убаюкать его, принуждена была передать этотъ трудъ своей матери. Мистриссъ Спаркъсъ, хотя и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, успѣла, однако, лучше своей дочери, угомонить неугомоннаго. Подвигъ этотъ не заслуживалъ бы и повѣствованія, если бы, при его выполненіи, она не обнаружила психологическаго явленія. Нѣкоторые сомнѣвались, что умъ человѣческій не въ состояніи въ одно и то же время дѣлать соображенія по двумъ или нѣсколькимъ предметамъ, но мистриссъ Спаркъсъ при этомъ случаѣ зашла гораздо дальше. Взявъ ребенка въ заднюю комнату, она начала напѣвать ему колыбельныя пѣсенки такимъ тономъ, который до нѣкоторой степени оправдывалъ расположеніе малютки къ безсонницѣ и слезамъ,—и въ то же самое время думала, въ какомъ видѣ представитъ она все это дѣло Спарксу, когда онъ придетъ домой. Что она нисколько его не боялась, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; напротивъ, какъ самый главный его начальникъ, она знала, что такое чувство съ ея стороны не дѣлало бы ей чести; но будучи искренно къ нему привязана, она понимала, что заботы и вниманіе, которыхъ потребуетъ себѣ ребенокъ въ ихъ домѣ, послужатъ для этого человѣка источникомъ хлопотъ и огорченій въ его пору жизни. Опасенія ея значительно уменьшились, когда она вспомнила, что Джемсъ приходилъ домой только вечеромъ, когда ребенокъ,—болѣе чѣмъ вѣроятно,—будетъ спать. Но, кромѣ колыбельныхъ пѣсенокъ и соображеній о чувствахъ мужа, умъ мистриссъ Спаркъсъ былъ занятъ въ то же время еще и другими предметами: она размышляла о томъ, какъ она одѣнетъ ребенка, какъ изъ нѣкоторыхъ старыхъ платьевъ Джемимы она сдѣластъ для него новыя, — дѣло само по себѣ не очень легкое, напротивъ того, требовавшее самой глубокой обдуманности, потому что Джемима имѣла привычку зана-

шивать свои платья не только до тѣхъ поръ, пока на нихъ изчезнетъ всякій глянецъ, но и гораздо дальше. Она думала также о томъ, какимъ образомъ удастся ей съэкономить время, необходимое для надлежащаго ухода за ребенкомъ, и о многихъ другихъ предметахъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы упоминать о нихъ, но которые легко понятны для читателя, особливо для читательницы, если она сама мать семейства. Но самый необыкновенный фактъ, съ научной точки зрѣнія, заключался въ удивительномъ контролѣ ума надъ движеніемъ мускуловъ, въ теченіи этого разнообразнаго ряда размышленій. Укачивая и убаюкивая на рукахъ ребенка подъ тактъ колыбельной пѣсенки, мистриссъ Спаркъ продолжала ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, то по ея длинѣ, то по ширинѣ, то по діагонали, ни разу не задѣвъ при этихъ маневрахъ ни одной грудки бѣлья разложеннаго на полу; она, при всей дѣятельности своего ума, могла быть соперницей знаменитаго танцора, мистера барона Натана, который въ грэвзандскомъ рошервильскомъ саду выплясывалъ матлотъ на полу, усыпанномъ яицами.

Ребенокъ наконецъ уснулъ, бѣлье изчезло и на столѣ стоялъ вечерній чай въ ожиданіи прибытія мистера Спаркса къ своему семейному кружку. Послѣ обычныхъ горячихъ привѣтствій, онъ, какъ всегда, подсѣлъ къ огоньку. Мистриссъ Спаркъ пододвинула къ нему столъ съ чайными принадлежностями. Спаркъ окинулъ его взглядомъ и въ одинъ моментъ обнаружилъ отсутствіе хлѣба и масла. Онъ, однако же, не сдѣлалъ никакого замѣчанія, доказывая такимъ молчаніемъ свой отъ природы кроткій нравъ и превосходную дисциплину своей жены. Терпѣніе его не долго оставалось безъ вознагражденія; черезъ нѣсколько минутъ жена его вышла изъ задней комнаты съ тарелкой сдобныхъ пышекъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что кромѣ желудка голоднаго гвардейца, и притомъ довольно рѣшительнаго, никто не отважился бы учинить на нихъ аттаку безъ твердой надежды на ихъ уничтоженіе.

Говоря сущую правду, вся эта продѣлка была ни болѣе, ни менѣе, какъ театральная выходка со стороны мистриссъ Спаркъ. Она знала, что главною слабостью ея мужа были сдобныя пышки, — хорошо пропитанныя масломъ и пересыпанныя самой мелкой солью, и она, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ объясненія на счетъ ребенка, рѣшилась очаровать его. Съ этою цѣлью и чтобы произвесть большій эффектъ, она развела огонь въ задней комнатѣ, — хотя, по случаю понедѣльника, въ этомъ не представлялось ни малѣйшей надобности, и приготовивъ тамъ пышки, принесла ихъ совсѣмъ неожиданно и поставила передъ мужемъ. Прошла какая нибудь минута, и она была уже довольна эффектомъ, который произвели ея пышки,

такъ что въ спокойствіи и благополучіи дальнѣйшихъ объясненій она нисколько не сомнѣвалась.

Съ появленіемъ пышекъ, въ глазахъ Спаркса засверкало удовольствіе, да еще такое, что послѣ двухъ-трехъ усилій на его лицѣ появилась улыбка. Для мистриссъ Спаркъ этого было совершенно довольно, но увѣренность ея была вдвойнѣ увеличена взглядомъ признательности, брошеннымъ на нее послѣ первой уничтоженной пышки. Такъ артистически она приготовила ихъ и такъ аккуратно положила всѣ снадобья, что невозможно было сказать: преобладало ли въ пышкахъ масло или тѣсто, по качеству или по количеству.

Послѣ чаю, мистриссъ Спаркъ начала полный, справедливый и подробный отчетъ о своихъ похожденіяхъ, ничего не утаивая и, для заглушенія своей досады, ничего не прибавляя. Спаркъ слушалъ внимательно, и не будучи отъ природы сварливымъ, оставался спокойнымъ до того эпизода въ разсказѣ, гдѣ описывался пріемъ въ полицейскомъ судѣ и затѣмъ напутственный совѣтъ швейцара благотворительнаго заведенія. При этомъ на лицѣ доблестнаго воина обнаружились всѣ признаки глубокаго душевнаго волненія. На этомъ лицѣ показывались какія-то странныя, судорожныя сжатія мускуловъ; брови супились; въ глазахъ сверкалъ какой-то грозный огонь. Мало того, ручные мускулы сжимались до такой степени, что принимали плотность и твердость дерева. Не смотря на то, онъ не вымолвилъ не только ни одного слова, но его гортань не произвела даже ни малѣйшаго звука. Сильное душевное волненіе продолжалось и видимо порывалось разразиться словами, но на нѣкоторое время безъ всякаго успѣха: — до такой степени окоченѣли въ немъ всѣ личные мускулы и голосные органы.

Наконецъ человѣческая натура не могла больше вынести этой пытки, и Спаркъ разразился такой громадиѣйшей бранью, что отъ нея треснуло оконное стекло и на камииной полкѣ задрожали всѣ утюги. По крайней мѣрѣ мистриссъ Спаркъ утверждала, что это онъ разбилъ стекло, но Джемсъ отпирался и говорилъ, что это было сдѣлано недѣлю тому назадъ мальчикомъ, который бросилъ камень въ окно; мистриссъ Спаркъ возразила на это шутливымъ тономъ, что онъ приплелъ тутъ мальчика собственно для оправданія своего дурнаго поступка.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, Джемсъ снова выпустилъ залпъ анаѳемъ на приходскихъ чиновниковъ и полицейскія власти. Онъ продолжалъ ихъ бранить на чемъ свѣтъ стоитъ почти цѣлый часъ; мистриссъ Спаркъ не обращала на это ни малѣйшаго вниманія, не смотря на ея отвращеніе ко всякаго рода ругательствамъ;— она предвидѣла, что все это кончится его расположеніемъ принять

ребенка въ кругъ своей семьи — и не ошиблась. Когда онъ успокоился, почтенная чета тихо, чинно и разсудительно приступила къ щекотливому разговору, результатомъ котораго было то, что бѣдное маленькое созданіе не должно было болѣе служить игрушкой для приходскихъ и полицейскихъ властей, но что оно будетъ воспитываться въ ихъ домѣ, какъ родное дѣтище во всѣхъ отношеніяхъ.

На другое утро, Джемима, формально произведенная теперь въ няньки, отправилась съ ребенкомъ на Іоркскую улицу подышать чистымъ воздухомъ. Она не мало гордилась возложеннымъ на нее довѣріемъ, но ни подъ какимъ видомъ не хотѣла показывать своей гордости; на этомъ основаніи она рѣшилась не избѣгать своихъ подругъ, съ которыми могла бы встрѣтиться, но, слѣдуя совѣту матери, должна была оставаться никѣмъ не замѣченною. Если бы она и дѣйствительно желала чего нибудь въ родѣ уединенной прогулки, то желаніе ея оказалось бы несбыточнымъ, ибо черезъ нѣсколько минутъ вокругъ нея собралось безчисленное множество дѣвчонокъ отъ десяти лѣтъ и моложе. Что ни говорите, а со стороны мистрисъ Спаркъ въ высшей степени было безразсудно совѣтовать Джеминѣ избѣгать по возможности своихъ подругъ, по тому самому, что одинъ уже видъ малютки, и притомъ совершенно свѣженькаго, служилъ величайшей приманкой, которой въ мѣстности подобнаго рода и при такомъ густомъ населеніи юнаго женскаго пола, невозможно было миновать, не обративъ на нее должнаго вниманія.

Собравшіяся вокругъ Джемимы подруги имѣли въ своемъ характерѣ нѣсколько общихъ чертъ, которыя придавали имъ такой видъ, что онѣ какъ будто бы принадлежали къ одному и тому же семейству. Во первыхъ, тутъ было замѣтное удаленіе отъ всего похожаго на кокетство, въ особенности большое удаленіе отъ опрятности. Вообще всѣ платья, за исключеніемъ только самыхъ маленькихъ созданій, были слишкомъ коротки и узки, а эти исключенія въ свою очередь бросались въ глаза тѣмъ, что впадали въ противоположную крайность: платья на маленькихъ созданіяхъ были не только слишкомъ длинны, но и слишкомъ широки. Но самою замѣчательною особенностью, по крайней мѣрѣ у старшихъ, служили ихъ шляпки. Въ тѣ времена этотъ женскій нарядъ отличался огромными размѣрами, и подруги Джеминны, судя по величинѣ ихъ шляпокъ, всѣ имѣли въ высшей степени модные головные наряды,—безобразіе ихъ тѣмъ болѣе казалось рѣзкимъ, чѣмъ меньше былъ ростъ дѣвочки. Въ тоже время надобно замѣтить, наружность и форма всѣхъ этихъ шляпокъ не только находилась въ плачевномъ состояніи, но судя по ихъ искалѣченному и полинялому виду, онѣ, до поступленія во владѣніе на-

шихъ маленькихъ особъ, очевидно уже были украшеніемъ множества другихъ женскихъ головъ.

Джемиму въ нѣсколько секундъ забросали такимъ обиліемъ вопросовъ относительно ребенка, что всякая попытка съ ея стороны соблюсти скромность оказалась совершенно безполезной. Она была принуждена — быть можетъ не совсѣмъ противъ желанія—передать краткую исторію предшествовавшихъ событій, на сколько они были ей извѣстны, между тѣмъ какъ выпученные глазенки, безмолвіе и затаенное дыханіе маленькихъ слушательницъ ясно говорили, до какой степени интересовало ихъ повѣствованіе. Исторія кончилась и вслѣдъ за ней началось самое подробное разсмотрѣніе личности ребенка, въ особенности его рукъ и ногъ, а за тѣмъ платье его подвергнуто было такому тщательному осмотру, что таможенный французскій обыскъ на границѣ Швейцаріи, въ худшія времена Бурбоновъ, когда строжайше воспрещался привозъ швейцарскихъ брильянтовъ и часовыхъ колесъ, былъ, по своей строгости, ничто въ сравненіи съ настоящимъ обыскомъ.

Кончился наконецъ и этотъ личный осмотръ; тогда каждая маленькая особа, къ величайшему ужасу Джемимы, въ свою очередь потребовала себѣ права поняньчить ребенка; тѣмъ болѣе Джемимѣ казалось это ужаснымъ, что едва ли одна изъ ея подругъ имѣла даже самыя первоначальныя понятія въ трудной наукѣ обращенія съ дѣтьми. Не смотря на то, будучи дѣвочкой добродушной и не желая навлечь на себя неудовольствіе подругъ, она позволила каждой изъ нихъ подержать на рукахъ ребенка, бдительно наблюдая при этомъ за каждымъ движеніемъ новой няньки. Все шло нѣкоторое время довольно гладко;—какъ вдругъ Джемиму начали обвинять въ грубомъ фаворитствѣ на томъ основаніи, что она позволяла ребенку оставаться дольше на рукахъ тѣхъ, кого больше любила, и этимъ самымъ возбуждала досаду въ тѣхъ, которыя были не очень милы ея сердцу. Неудовольствіе усиливалось и принимало размѣры, грозившіе разрывомъ миролюбивыхъ отношеній; — однѣ покушались вырвать ребенка изъ рукъ, другія громко обвиняли Джемиму въ гордости, изъза того только, что ея матери привелось разъ найти ребенка, между тѣмъ какъ ихъ матерямъ случалось находить дѣтей по нѣскольку разъ, а если и не случалось, то онѣ получали ихъ отъ доктора; — по всему этому ей нечего было вздергивать носъ. Наконецъ одна изъ агитаторшъ, въ огромнѣйшей шляпкѣ необыкновеннаго фасона, имѣя свои собственныя темныя и неопредѣленныя понятія о законѣ относительно «найденнаго клада», предложила митингу слѣдующій вопросъ:—если ребенокъ былъ найденъ въ приходѣ Дина, то почему онъ долженъ принадлежать мистрисъ Спаркъ больше, чѣмъ всякому

другому?—и не дожидаясь разсужденій по этому предмету, дополнила свое предложеніе мыслью, что найденный ребенокъ долженъ быть общимъ достояніемъ собравшейся компаніи. Это предложеніе, при всей его неблаговидности, было принято митингомъ съ такимъ энтузіазмомъ, что Джемима не на шутку испугалась, и, крѣпко сжавъ ребенка въ рукахъ, изо всѣхъ силъ бросилась бѣжать къ двору Синяго Якоря, куда и прибыла благополучно; ея длинныя ноги давали ей огромное преимущество передъ ея преслѣдователями.

Лишь только Джемима вошла въ домъ, какъ сейчасъ же бросилась къ матери, которая занималась у лохани, и объявила ей объ опасностяхъ, какимъ подвергался ребенокъ. Къ крайнему изумленію дѣвочки, ея мать, повидимому, не обратила ни малѣйшаго вниманія на это обстоятельство, но спокойно сбросила съ рукъ мыльную пѣну, отерла ихъ передникомъ, потомъ подошла къ шкафу, вынула шляпку, платокъ и, расправивъ ихъ на своей особѣ къ полному своему удовольствію, сказала Джемимѣ, чтобы она уложила ребенка спать, если можно, и ни подъ какимъ видомъ не выходила изъ дому до ея возвращенія. Мистриссъ Спаркъ полагала, что пробудетъ въ отсутствіи не больше полчаса.

Причина такого внезапнаго ухода мистриссъ Спаркъ была слѣдующая. Во время стирки бѣлья, ея мысли были сосредоточены на ребенкѣ, котораго она приняла въ свой домъ. Она размышляла, что не исполнила еще ни одной изъ добровольно принятыхъ на себя материнскихъ обязанностей. Правда, она дала пріютъ ребенку, но ему нужно еще было не только имя, но и принятіе въ лоно христіанской церкви. Упущеніе было очевидно и она рѣшилась исправить его; но нужно было еще рѣшить, какое дать ребенку имя при крещеніи. Надъ этимъ, однакожь, она думала не долго. Она рѣшилась назвать его Джемсомъ, въ честь имени своего мужа. Къ этому побуждала ее еще и другая причина. Въ началѣ супружеской жизни своей она лишилась сына такого же возраста, какъ и этотъ ребенокъ,—несчастіе, отъ котораго одинаково болѣло сердце какъ ея, такъ и мужа; воспоминаніе объ этой утратѣ и вызвало тотъ патетическій взглядъ, который мистеръ Спаркъ бросилъ на безпомощное маленькое созданіе передъ отправленіемъ въ казармы въ тотъ вечеръ, когда оно было найдено. Поэтому, отбросивъ въ сторону общее предубѣжденіе противъ названія втораго ребенка именемъ ребенка умершаго, она рѣшила назвать его при крещеніи Джемсомъ.

Нужно было наконецъ къ новому имени присоединить и фамилію, но рѣшеніе этого вопроса оказалось гораздо труднѣе. Она не могла, или вѣрнѣе сказать, не хотѣла передать своей фамиліи, по причинамъ, которыя для всѣхъ, кромѣ нея, остаются тайной; но какую же дать

ему другую фамилію? Этотъ вопросъ ставилъ добрую женщину въ совершенный тупикъ. Она перевертывала его въ своихъ размышленіяхъ въ теченіи всего времени, употребленнаго на стирку шести паръ чулокъ, и наконецъ рѣшила, что ребенокъ долженъ называться Дюкомъ, въ честь, какъ она говорила, Дюка Веллингтона, этого существа, которое она, какъ жена солдата, считала главнѣйшею своею обязанностью уважать и имъ восхищаться. Въ этотъ-то самый моментъ, когда она только что разрѣшила такой трудный вопросъ, Джемима вошла въ домъ, а такъ какъ мистриссъ Спаркъ была женщина энергическая, привыкшая дѣйствовать рѣшительно въ какихъ бы то ни было случаяхъ, она положила въ ту же минуту отправиться въ Броадвейскую церковь и узнать, въ которомъ часу въ будущее воскресенье ребенокъ можетъ быть окрещенъ; разузнавъ къ полному своему удовольствію всѣ подробности, она воротилась домой и вечеромъ разсказала мужу и Джемимѣ о предпринятыхъ ею мѣрахъ.

Въ слѣдующее воскресенье, въ назначенное время, образовалась процессія и, въ буквальномъ смыслѣ, церемоніальнымъ маршемъ отправилась въ церковь. Обрядъ крещенія совершенъ былъ надлежащимъ и приличнымъ образомъ. Воспріемницей была мистриссъ Спаркъ, а однимъ изъ воспріемниковъ ея мужъ, другимъ же полковой флейтщикъ, который изъ дружбы къ Джемсу, соединенной съ обѣщаніемъ на вечеръ трубки табаку и стакана грога, принялъ на себя серьезныя и тяжелыя обязанности крестнаго отца. Какъ только кончился обрядъ и окрещенный занесенъ былъ въ метрику подъ именемъ Джемса Дюка, процессія тѣмъ же церемоніальнымъ маршемъ отправилась обратно къ Синему Якорю, съ цѣлью провести тамъ пріятнымъ образомъ вечеръ.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ этой церемоніи, утверждавшей фактъ, что ребенокъ сдѣлался неразрывнымъ звеномъ въ родственной четѣ фамиліи Спарксовъ, мистеръ и мистриссъ Спаркъ почувствовали, что на душѣ ихъ сдѣлалось легче. Но событіе это доставило Джемимѣ несравненно большее удовольствіе, чѣмъ ея родителямъ. По какимъ-то темнымъ соображеніямъ, она пришла къ заключенію, что по занесеніи ребенка въ приходскія метрическія книги, давалось ея родителямъ полное и неоспоримое право держать его у себя какъ родное дѣтище, и что теперь въ случаѣ, если какая нибудь изъ назойливыхъ дѣвочекъ, съ которыми она привыкла встрѣчаться на Іоркской улицѣ, вздумаетъ вырвать ребенка изъ ея рукъ, то ей для доказательства, что ея знакомые дѣйствуютъ незаконнымъ, ничѣмъ неоправдываемымъ образомъ, стоитъ только обратить вниманіе полиціи на приходскую метрическую книгу, и тогда по крайней мѣрѣ пожизненное заточеніе въ тюрьму будетъ служить наказаніемъ, если онѣ позво-

лятъ себѣ еще разъ таковую дерзость. Послѣ этого она приняла на себя обязанности няньки съ полной энергіей и сознательно, хотя и безъ всякой надежды на вознагражденіе своихъ услугъ, потому что ей родителями было обѣщано, что если она выростить ребенка до той поры, когда онъ начнетъ говорить, то первѣе всего его научатъ называть ее *тетей*.

ГЛАВА IV.

НАШЪ ГЕРОЙ СТАНОВИТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ОСОБОЙ, И ВЪ РОЛЯХЪ ДРУГИХЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ ПРОИСХОДЯТЪ ПЕРЕМѢНЫ.

Между спускомъ занавѣси нашей драмы и ея подъемомъ при открытіи сцены въ настоящую минуту прошелъ промежутокъ времени въ тринадцать лѣтъ. Въ теченіе этого періода въ судьбѣ человѣческой должны были произойти различныя превратности. Во первыхъ, время не только сдѣлало свой отпечатокъ на наружной формѣ и чертахъ лица мистриссъ Спаркъ, но въ послѣднихъ ясно были видны оттѣнки болѣзни. Она сдѣлалась сухощавѣе и значительно сгорбилась; перемѣна тѣмъ болѣе замѣчательная, что она всегда подражала осанкѣ и походкѣ, которыя свойственны женѣ гвардейскаго солдата. Большая была также перемѣна въ одеждѣ. Она любила опрятность и спокойные цвѣта, но теперь постоянно была одѣта въ черномъ. Кромѣ того въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ она носила вдовій чепецъ, — ея мужъ отправился къ предкамъ спустя девять мѣсяцевъ, послѣ перваго представленія его читателю. Умереть на полѣ битвы было постояннымъ его желаніемъ, но судьба отказала ему въ этомъ. Впрочемъ его смерть, или вѣрнѣе сказать, постигшее его роковое несчастіе имѣло нѣкоторую связь со славой націи и стирало въ душѣ его жены всякое пятно, которое могло бы лечь на его память вслѣдствіе скоропостижной смерти.

Въ первую послѣ открытія нашей сцены годовщину Ватерлосской битвы, онъ разсказывалъ о событіи этого знаменитаго дня своимъ товарищамъ, которые подобно ему участвовали въ этой битвѣ съ честью для самихъ себя и славой для отечества. Разговоръ былъ длинный и интересный; онъ происходилъ въ тавернѣ подъ вывѣской «Британскій гренадеръ»; въ теченіе его старымъ ветеранамъ не однократно представлялся случай выпить за здоровье Веллингтона, въ доказательство, что они еще не забыли его. Когда собесѣдники оставили таверну, то ни одинъ изъ нихъ не былъ пьянѣе вина, и бѣдная мистриссъ Спаркъ всегда выставляла на видъ этотъ фактъ, какъ разсказанный самимъ несчастнымъ Спарксомъ на смертномъ одрѣ; день

былъ знойный, солнце такъ и лѣзло въ глаза, ватерлосская битва не выходила изъ головы, одно воспоминаніе смѣнялось другимъ, словомъ, Спарксъ возвращался домой погруженный въ глубокія думы, въ этомъ-то состояніи онъ на что-то споткнулся и упалъ; его подняли съ сложнымъ переломомъ бедра и сейчасъ же отправили въ госпиталь, откуда онъ уже болѣе не выходилъ. Его смерть была для семейства жестокой утратой. При всѣхъ его небольшихъ недостаткахъ, онъ былъ добрымъ мужемъ для жены, ласковымъ и нѣжнымъ родителемъ не только для Джемимы, но и для маленькаго Джемса, котораго никогда не переставалъ считать своимъ роднымъ сыномъ. Бѣдный Спарксъ имѣлъ въ своемъ темпераментѣ замѣчательное соединеніе принадлежностей льва и ягненка. Такого храбраго человѣка и такъ преданнаго своему отечеству воина никогда еще не существовало. Страхъ былъ ему неизвѣстенъ. При исполненіи долга онъ во всякую минуту готовъ былъ положить свою жизнь также спокойно и не колеблясь, какъ опускалъ, ложась спать, свою голову на подушку. Дома онъ былъ кротокъ и послушенъ, какъ дитя, и часто помогалъ женѣ своей въ домашнихъ обязанностяхъ, совершенно противоположныхъ той профессіи, которой онъ былъ такимъ достойнѣйшимъ членомъ. Видѣть его послѣ обѣда дѣятельно занимающимся за лоханкой, стирающимъ своими желѣзными кулаками крупныя бѣлевыя вещи, порученныя его женѣ, было обстоятельствомъ весьма обыкновеннымъ. Но въ особенности онъ былъ драгоцѣненъ для жены, когда ей приходилось выжимать одѣяла, занавѣси, простыни и т. п., и мистриссъ Спаркъ часто благодарила Небо за то, что Оно наградило ее такимъ превосходнымъ мужемъ.

Послѣ его смерти, вдовѣ пришлось бороться съ жизнью одной, и надо отдать ей полную справедливость, она не только успѣвала содержать себя и семейство свое съ комфортомъ и респектабельно, но, съ помощію строгой экономіи, съумѣла внести въ сберегательную кассу небольшую (весьма небольшую) сумму денегъ. Нельзя также не отдать справедливости Джемимѣ. Она была доброю и почтительною дочерью и помощницей матери, но только за лоханью. Не ея была вина, если она не могла сдѣлаться полезною и за гладильной доской, — этому служилъ помѣхой ея физическій недостатокъ. Надо замѣтить, что ростъ туловища Джемимы остановился на четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, между тѣмъ какъ ноги продолжали расти въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ. Результатомъ этого было то, что онѣ сдѣлались для туловища несоразмѣрно длинными.

Онѣ поднимали ее до такой вышины надъ гладильной доской и потому, во время работы за ней, заставляли ее такъ низко нагибаться, что одинъ продавецъ москотильныхъ товаровъ, дѣйствовавшій въ

отношеніи къ семейству мистриссъ Спаркъ въ качествѣ медицинскаго совѣтника, находилъ, что подобное положеніе породитъ болѣзнь въ легкихъ, и крѣпко совѣтовалъ пріискать ей какое нибудь другое занятіе. Джемима, теперь уже ей болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, была любезнымъ, трудолюбивымъ, добрымъ и чрезвычайно простодушнымъ созданіемъ. По наружности она была очень высока, съ непривлекательнымъ и испещреннымъ веснушками лицомъ, съ свѣтловато-зелеными глазами и ярко-рыжими волосами; но такъ какъ у нея вовсе не было тщеславія, которымъ отличается большая часть прекраснаго пола, то такіе недостатки въ красотѣ нисколько ее не огорчали.

Джемсъ Дюкъ выросъ и изъ ребенка сдѣлался здоровымъ, коренастымъ мальчикомъ, средняго роста, съ простымъ, но не безобразнымъ лицомъ. Онъ тоже былъ добрый, трудолюбивый мальчикъ, усердно работавшій надъ платяными корзинами, надъ этимъ единственнымъ наслѣдствомъ, которое онъ получилъ отъ мистера Спаркса. Вдова держала его при себѣ въ своемъ домѣ по разнымъ причинамъ; — во первыхъ (что, впрочемъ, она считала дѣломъ послѣднимъ) изъ привязанности, которую питала къ нему, во вторыхъ, она не хотѣла, чтобы онъ попалъ въ дурное общество, — случайность, которая легко могла съ нимъ встрѣтиться въ такой мѣстности, какъ Іоркская улица и Тотгильскія Поля, — въ третьихъ, она хотѣла лично наблюдать за его воспитаніемъ, на сколько это касалось хожденія его въ школу и платы за ученіе, и наконецъ, онъ избавлялъ ее отъ найма человѣка, который помогалъ бы ей отправлять внѣ дома обязанности ея профессіи. По характеру молодой Джемсъ былъ немного своенравенъ и любилъ дѣлать возраженія, но вообще онъ былъ привязанный къ вдовѣ и покорный мальчикъ, а для своей псевдо-тетки Джемимы былъ превосходнымъ другомъ. Въ его нравственномъ отношеніи только одно обстоятельство безпокоило вдову,—она отъ времени до времени замѣчала, что онъ выражалъ крайнія радикальныя мнѣнія относительно установленныхъ властей; а такъ какъ сама она питала въ высшей степени глубокое уваженіе ко всему, касавшемуся церкви и государства, то не трудно вообразить себѣ, что такія выраженія приводили вдову въ значительное огорченіе. За однимъ только этимъ исключеніемъ, она, однакоже, имѣла всѣ поводы быть совершенно довольной его поведеніемъ.

Не многое можно сказать о перемѣнахъ въ декораціяхъ и аксессуарахъ нашей сцены. Главная изъ нихъ состояла въ томъ, что когда Джемсъ достигъ одиннадцатилѣтняго возраста, нѣсколько шиллинговъ, которые мистриссъ Спаркъ пріобщила къ фонду на покупку катка, употреблены были на покупку желѣзной кровати, которую и поставили въ гладильной комнатѣ, между тѣмъ какъ фальшивый ка-

модъ перенесенъ былъ въ гостиную, и тамъ, въ его ящикахъ, легко принимавшихъ форму постели, проводили каждую ночь Джемима и ея мать.

Нить нашего повѣствованія снова начинаетъ тянуться около полудня одного прекраснаго іюльскаго дня. Джемима и Джемсъ занимались развѣшиваньемъ на маленькомъ дворикѣ бѣлья, когда въ домъ вошла мистриссъ Спаркъ, оставившая его около десяти часовъ утра. Было уже говорено, что ея здоровье съ нѣкотораго времени замѣтно слабѣло, и что въ описываемое утро эта перемѣна въ ней была замѣтнѣе чѣмъ когда нибудь. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, и носило какое-то странное выраженіе. Это бросалось въ глаза еще сильнѣе, когда она скинула шляпку и сѣла на стулъ. Описать выраженіе лица, о которомъ мы сейчасъ говорили, — трудно. Въ немъ было что-то особенно серьезное, но ничего такого, что обнаруживало бы досаду, гнѣвъ, огорченіе или заботу. Напротивъ, въ немъ много выражалось спокойствія и кротости. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ она сидѣла, углубясь въ какія-то думы, когда до ея слуха долетѣлъ изъ прачешной голосъ Джемимы, передававшей что-то на дворикъ Джемсу. Ея глаза постепенно наливались слезами, но она на столько умѣла владѣть своими чувствами, что не позволила упасть ни одной слезинкѣ, потомъ мистриссъ Спаркъ, съ быстрымъ усиліемъ, встала съ мѣста, и уложивъ въ шкафъ шляпку и платокъ, спокойно принялась за отправленіе своихъ обязанностей.

Хотя изъ разсказаннаго здѣсь не многое можно почерпнуть о состояніи души этой бѣдной женщины, но все-таки чувство, управлявшее ея поведеніемъ, само по себѣ было довольно серьезно. Мистриссъ Спаркъ въ промежутокъ времени, въ теченіе котораго находилась за дверями дома, услышала смертный приговоръ, къ смягченію котораго въ этомъ мірѣ не могъ подать ни малѣйшей надежды даже и тотъ судья, который его произнесъ.

Мистриссъ Спаркъ, несмотря на то, что здоровье ея съ нѣкотораго времени слабѣло все болѣе и болѣе, не обращала на это особеннаго вниманія, полагая, быть можетъ, что въ ея лѣта она не имѣла права сѣтовать на одолѣвавшіе ее недуги, и потому довольствовалась тѣми простыми средствами, которыя прописывалъ ей продавецъ москотильныхъ товаровъ. Къ несчастію, надо сказать, что во время посѣщенія москотильной лавки, она высказывала своему консультанту только половину тѣхъ недуговъ, которыми была одержима, а тѣмъ еще къ большему несчастію, скрывала тѣ, которыя требовали самаго тщательнаго изслѣдованія, и за тѣмъ—радикальнаго леченія. Слѣдствіемъ этого было то, что болѣзнь развилась до такой степени, что сама мистриссъ Спаркъ должна была согласиться съ

опаснымъ ея свойствомъ, и потому рѣшилась обратиться за совѣтомъ къ врачу, болѣе опытному и пользующемуся по своей части авторитетомъ.

Въ утро, о которомъ идетъ рѣчь, мистриссъ Спаркъ вышла изъ дому вскорѣ послѣ завтрака, не сказавъ ни Джемимѣ, ни Джемсу о цѣли своего отсутствія, и возвратилась передъ самымъ обѣдомъ. Она отправилась посовѣтоваться съ извѣстнымъ врачемъ, занимавшимъ одно время должность акушера солдатскихъ женъ при трехъ гвардейскихъ полкахъ. Явившись къ нему, она со всѣми подробностями объяснила свои страданія, которыя до этой поры упорно скрывала даже отъ Джемимы. Докторъ выслушалъ ее внимательно, и потомъ осмотрѣвъ ее сказалъ:

— Добрая моя женщина,—ваша болѣзнь очень серьезна.

— Значитъ, я опасно больна?

— Да,—какъ я вамъ сказалъ,—вы больны серьезно. Какого рода ваши занятія?

— Я прачка, сэръ.

— Вы должны оставить это ремесло. Для васъ это слишкомъ тяжелая работа. Конечно, надобно оставить ее въ такомъ случаѣ, если вамъ позволятъ это ваши обстоятельства.

— Кажется, сэръ, я могу это устроить. У меня есть дочь, которая хорошо понимаетъ мое дѣло,—къ тому же она очень трудолюбивая дѣвушка, и есть сынъ (Джемса она всегда называла своимъ сыномъ), который также помогаетъ внѣ дома.

— Пріятно слышать, сказалъ докторъ, приготовляясь прописывать рецептъ: — при вашей болѣзни, всякаго рода работа для васъ будетъ гибельна.

— Неужели вы находите меня въ опасномъ положеніи?

— Не могу сказать вамъ болѣе того, что было уже сказано. Прибавлю только, что вы должны беречь себя какъ можно больше; и онъ приступилъ къ рецепту.

Мистриссъ Спаркъ на нѣсколько секундъ оставалась безмолвною; но потомъ, собравшись съ духомъ, снова обратилась къ доктору.

— Извините, сэръ, но я была бы очень вамъ признательна, если бы вы прямо сказали: опасна ли моя болѣзнь, или нѣтъ. Я прошу объ этомъ не для себя, а для дѣтей;—безъ меня они не въ состояніи будутъ продолжать моего дѣла, а потому мнѣ бы хотѣлось пристроить ихъ при жизни.

— Такія болѣзни, какъ ракъ, всегда бываютъ опасны, сказалъ докторъ.

— Благодарю васъ, сэръ; нѣкоторое время я сама думала, что у меня ракъ, и выходитъ, что правда.

— Я радъ, что вы такъ твердо принимаете мое объявленіе, сказалъ докторъ, подавая ей рецептъ.

— О, сэръ, — вѣдь я вдова солдата, который сражался за свое отечество при Ватерлоо! сказала мистриссъ Спаркъ и, поблагодаривъ доктора, отправилась домой.

Быть можетъ, читатель, вамъ никогда не приводилось встрѣчать и имѣть близкаго дѣла съ такимъ въ своемъ родѣ замѣчательнымъ классомъ созданій, какъ солдатскія жены. Вмѣстѣ взятыя, онѣ представляютъ удивительнѣйшіе контрасты, — между ними вы найдете крайности добра и зла. Въ тоже время, надо замѣтить, что все хорошее — это ихъ собственность; все дурное поселяется въ нихъ позорнымъ пренебреженіемъ военныхъ властей къ ихъ благосостоянію, властей, дѣйствующихъ на нихъ, какъ на созданія въ большей или меньшей степени подверженныя человѣческимъ слабостямъ. Всѣ онѣ чрезвычайно мужественны. Наши соотечественники превозносятъ храбрость британскаго солдата! Безспорно, — она велика; но приведите какой нибудь геройскій подвигъ храбрѣйшаго изъ нихъ, и повѣрьте, что вамъ противопоставитъ другой подвигъ, совершенный солдатской женой, который не только что будетъ равенъ первому, но и превзойдетъ его. Ихъ храбрость—есть храбрость особеннаго рода. Онѣ не презираютъ смерть. Онѣ вовсе не имѣютъ той храбрости, которая проистекаетъ изъ равнодушія къ опасности; напротивъ, онѣ избѣгаютъ ее, спокойно и молчаливо, это правда, а иногда и не безъ большаго достоинства. Если случайно имъ придется попасть въ какую нибудь большую опасность, и если предвидѣніе этой опасности не было такъ внезапно, что могло потрясти тонкую чувствительность женской нервной системы, онѣ ни на волосъ не потеряютъ ни спокойствія, ни хладнокровія. Этихъ женщинъ часто видали даже на полѣ битвы, гдѣ онѣ выдерживали непріятельскій огонь съ невозмутимымъ спокойствіемъ обстрѣленнаго ветерана. Въ перенесеніи страданій героизмъ ихъ удивителенъ. Можно привести примѣры столь изумительные, что хотя они были бы и совершенно вѣрные, но авторъ, вздумавшій бы описывать ихъ, по всей вѣроятности, навлекъ бы на себя нареканіе въ грубомъ преувеличеніи, даже и въ такомъ случаѣ, если бы такое описаніе было предметомъ годнымъ только для сочиненія, относящагося до области легкой литературы. Но самой величественной чертой въ ихъ храбрости служитъ поразительная рѣшимость, которую онѣ обнаруживаютъ при встрѣчѣ неизбѣжной смерти отъ какого либо недуга. Ихъ часто можно видѣть спокойно стоящими передъ этой царицей всѣхъ ужасовъ лицомъ къ лицу, безъ содроганія, безъ малѣйшей тѣни умоляющаго вида о помилованіи или сожалѣніи.

Къ числу такихъ характеровъ принадлежала мистриссъ Спарксъ. По выходѣ отъ доктора, она знала очень хорошо, что ей произнесенъ былъ смертный приговоръ. Надо замѣтить, что всѣ женщины имѣютъ понятіе, хотя и инстинктивное, о медицинѣ, и потому она такъ хорошо знала значеніе слова «ракъ», что мысль объ избавленіи отъ него въ ея лѣта становилась несбыточною. Увѣренность въ такомъ результатѣ нисколько ее не тревожила. Богъ повелѣвалъ ей оставить этотъ міръ, и она со всею покорностію готова была покориться такому велѣнію. Ее тяготила одна только мысль, что она уже болѣе не будетъ въ состояніи оказывать помощь ни Джемимѣ, ни Джемсу. Мистриссъ Спарксъ, опустившись на стулъ, по возвращеніи отъ доктора, оставалась нѣсколько минутъ безмолвною не отъ усталости. Нѣтъ. Въ эти минуты она на простомъ своемъ языкѣ приносила молитву Всевышнему, такъ тихо, что только Онъ одинъ и слышалъ ее. Она молила не объ избѣжаніи отъ ожидавшей ее горькой участи:—«Не такъ, какъ я хочу,—но какъ будетъ Твоя воля!»—вотъ слова, которыя служили основой ея молитвы. Она вполнѣ покорилась своей судьбѣ, и просила Бога только о благомъ внушеніи и помощи къ устройству двухъ своихъ дѣтей, мысль о безпомощности которыхъ наполнила глаза ея слезами, прежде чѣмъ она встала съ мѣста.

Приготовивъ все къ обѣду, мистриссъ Спаркъ, передъ тѣмъ какъ садиться за столъ, почувствовала, что молитва ея была услышана,—и по внушенію свыше составила планъ своихъ дѣйствій. Во время обѣда она была всѣмъ довольна и весела, но не сказала ни слова о своемъ посѣщеніи доктора и о составленномъ ею планѣ. Въ ея поведеніи если и была замѣтна нѣкоторая перемѣна, то развѣ только та, что она была въ лучшемъ противъ обыкновеннаго расположеніи духа. Обѣдъ кончился; Джемима и Джемсъ отправились къ своимъ занятіямъ, а мистриссъ Спаркъ, убравъ все со стола, тихонько, не сказавъ даже дѣтямъ, вышла изъ дома.

Первый ея визитъ былъ въ казармы Сентъ-Джемскаго парка, гдѣ стоило ей нѣкотораго труда получить аудіенцію отъ адъютанта полка, въ которомъ служилъ ея мужъ. Она сказала ему просто, что Спаркъ въ этомъ полку много лѣтъ служилъ рядовымъ, что онъ былъ подъ Ватерлоо, а это всегда доставляло ей болѣе свободный доступъ куда бы то ни было. Ея мужъ, продолжала она, умеръ и она сама чувствуетъ, что ея смерть быстро приближается; но до того она считала бы за величайшее счастіе, если бы могла увидѣть своего сына, или вѣрнѣе мальчика, котораго она и мужъ воспитали, какъ своего роднаго, принятымъ въ полкъ барабанщикомъ. Адъютантъ выслушалъ ее весьма любезно; сказалъ, что помнилъ ея мужа очень

хорошо и называлъ его весьма степеннымъ человѣкомъ и хорошимъ солдатомъ. Въ дѣлѣ, которое она имѣла въ виду, онъ обѣщался помочь ей съ большимъ удовольствіемъ, если не встрѣтится какихъ нибудь непредвидимыхъ обстоятельствъ, — чего онъ съ своей стороны не ожидалъ,—если не будетъ медицинскихъ или другихъ препятствій, устранить которыя совершенно не въ его власти, то не было никакого сомнѣнія, что онъ въ непродолжительномъ времени будетъ имѣть возможность подарить ея сыну пару барабанныхъ палокъ, и сдѣлать его барабанщикомъ знаменитаго гвардейскаго полка шотландскихъ фузелеровъ.

Мистриссъ Спаркъ вышла изъ казармъ съ сердцемъ полнымъ глубокой признательности; половина ея желаній уже исполнилась; если бы она была такъ счастлива, что исполнилась бы и другая, тогда въ этомъ мірѣ ничего болѣе не оставалось бы желать. Она направила свои шаги къ одной особѣ, содержавшей въ Пимлико меблированныя квартиры и табль-д'отъ, — особѣ, для которой мистриссъ Спаркъ стирала бѣлье, и на благоразуміе и респектабельность которой она могла вполнѣ положиться. Къ счастію, она не только застала ее дома, что рѣдко случается съ подобными особами, но и ничѣмъ не занятою, — обстоятельство, случающееся еще рѣже, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто приходитъ не для найма квартиры. Мистриссъ Спаркъ сказала ей, что желала бы найти для Джемимы мѣсто служанки, но такъ какъ этой дѣвушкѣ никогда еще не случалось жить въ услуженіи, то она боится встрѣтить затрудненіе въ пріисканіи для нея хорошей госпожи. Не могла ли милэди помочь ей въ этомъ дѣлѣ? Если бы могла, то оказала бы ей великую милость.

Довольно замѣчательно, что содержательница табль-д'ота только что по утру предложила своей служанкѣ пріискивать себѣ другое мѣсто, подъ тѣмъ предлогомъ, что для этой служанки при ея больной ногѣ, работа съ шести часовъ утра до двѣнадцати ночи была слишкомъ утомительна.—О послѣднемъ обстоятельствѣ содержательница не нашла за нужное говорить мистриссъ Спаркъ, но обѣщала, что какъ только пройдетъ мѣсячная отсрочка, данная настоящей служанкѣ, то она приметъ Джемиму на ея мѣсто и испытаетъ ее.

Мистриссъ Спаркъ искренно поблагодарила за это обѣщаніе и воротилась домой совершенно счастливая. Передъ тѣмъ какъ склонить на подушку утомленную голову, она принесла Всемогущему горячую молитву за милосердіе и благость, которыя Онъ оказалъ ей въ этотъ день.

Болѣзнь между тѣмъ развивалась, и мистриссъ Спаркъ начала бояться, что смерть постигнетъ ее прежде, чѣмъ приведутся въ исполненіе ея планы относительно устройства будущности Джемимы и

Джемса; но, къ счастію, она въ этомъ ошиблась, потому что прожила еще столько, что дочь ея при ней получила мѣсто служанки, а Джемсъ поступилъ въ гвардейскій полкъ шотландскихъ фузелеровъ. Со времени этого поступленія она не видѣла Джемса, — полкъ стоялъ въ Виндзорѣ; впрочемъ возвращенія полка въ Лондонъ ожидали въ скоромъ времени; ему назначено было расположиться въ Вестминстерскихъ казармахъ, а вслѣдствіе этого Джемсъ долженъ былъ находиться очень близко отъ мистриссъ Спаркъ.

Пристроивъ такимъ образомъ дѣтей, мистриссъ Спаркъ начала чувствовать, что ея здоровье ослабѣвало съ чрезвычайной быстротой. До этой поры она еще могла бороться съ своимъ недугомъ, и хотя эта борьба не останавливала его развитія, но по крайней мѣрѣ она замедляла его; теперь же, когда разсѣялись всѣ ея сомнѣнія относительно благоденствія дѣтей, она прекратила эту борьбу и спокойно рѣшилась разглаживать подушку для приближавшейся къ ней смерти. Не думайте однако, что вслѣдствіе отсутствія Джемимы и Джемса, она нуждалась въ какой нибудь помощи или ухаживаньи за ней. Кто придетъ къ подобному заключенію, тотъ, смѣло можно сказать, имѣетъ весьма ограниченное понятіе о бѣдномъ, респектабельномъ существѣ. Всѣ сосѣди не только уважали ее и помогали, чѣмъ могли, но двѣ ея квартирантки, обѣ швеи, ухаживали за ней съ вниманіемъ и непритворнымъ расположеніемъ. Одна изъ нихъ, мистриссъ Морфи, жила въ одномъ съ нею домѣ съ самаго начала нашего повѣствованія; другая замѣнила мѣсто брата мистриссъ Морфи, который умеръ спустя шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Спаркса. Правда, для мистриссъ Спаркъ было бы выгоднѣе принять одинокаго постояльца, но страшась малѣйшей тѣни всякаго скандала, она воздержалась отъ такого искушенія, и приняла швею, хотя нельзя не сказать, что подобная щекотливость съ ея стороны едва ли была необходима, съ чѣмъ согласится всякій, мало мальски знакомый съ ея наружностью и манерами. Къ счастію, небольшія трудовыя деньги, находившіяся въ сберегательной кассѣ, доставляли ей возможность удовлетворять ея потребности; вообще она во всѣхъ отношеніяхъ находилась даже въ полномъ довольствѣ, на сколько допускали обстоятельства въ ея положеніи.

Вполнѣ понимая это положеніе, она рѣшилась заглянуть въ глубину своей души и приготовить себя къ переходу въ вѣчность, который долженъ былъ состояться въ непродолжительномъ времени. Относительно этого предмета, она прежде всего переговорила съ мистриссъ Морфи, съ своей хромоногой квартиранткой, которая, мимоходомъ сказать, была чрезвычайно набожная женщина. Мистриссъ Морфи, не откладывая такого важнаго дѣла въ дальній ящикъ, пред-

ложила мистриссъ Спаркъ обратиться за совѣтомъ и духовною помощью къ служителю алтаря и рекомендовала пригласить того, богослуженіе котораго посѣщала въ теченіи многихъ лѣтъ. Но мистриссъ Морфи была диссидентка, и названный ею пасторъ принадлежалъ къ той же сектѣ; при этомъ сильно поразило мистриссъ Спаркъ то обстоятельство, что ужь если ея мужъ былъ въ арміи хорошимъ помощникомъ пастора англиканской церкви,—то зачѣмъ же ей пренебрегать диссидентскимъ пасторомъ. Мистриссъ Морфи была женщина съ либеральными наклонностями; она немедленно отправилась къ одному изъ приходскихъ куратовъ, и объявила ему, съ какимъ нетерпѣніемъ ея знакомка мистриссъ Спаркъ желаетъ видѣть его, и выразила полную надежду на его посѣщеніе. Пасторъ далъ слово и сдержалъ его на другой же день.

Это былъ добрый, любезный человѣкъ, знакомый по опыту съ бѣднымъ классомъ своего прихода. Онъ пробылъ у больной довольно значительное время, и оставилъ ее въ болѣе спокойномъ состояніи души, потому что, какъ выразилась мистриссъ Спаркъ, бесѣдовалъ съ ней весьма комфортабельно. Дѣйствительно онъ былъ очень близко знакомъ съ рабочимъ сословіемъ этой части города и очень хорошо зналъ, какъ много въ немъ существовало чистаго христіанскаго духа, не смотря на множество пороковъ; онъ скоро убѣдился, что кающаяся грѣшница принадлежала къ числу лучшихъ изъ этого сословія. Уходя, онъ посовѣтовалъ ей какъ можно тщательнѣе разсмотрѣть состояніе своей совѣсти: — не была ли она къ кому нибудь несправедлива, и если была, то молить Бога о прощеніи и употребить всевозможныя средства, чтобы загладить это прегрѣшеніе; — надо простить врагамъ, если сама желала быть прощенною, и если она поступила съ кѣмъ нибудь немилостиво, не въ духѣ человѣколюбія,— оскорбила кого нибудь словомъ или дѣломъ, то, если возможно, испросить прощеніе лица оскорбленнаго. Онъ далъ ей дальнѣйшія наставленія относительно ея грѣховъ вообще, и оставивъ нѣсколько печатныхъ молитвъ, примѣнимыхъ къ ея положенію, для ежедневнаго чтенія, удалился съ обѣщаніемъ, къ великому удовольствію больной, повидаться съ ней еще разъ.

Какъ скоро пасторъ ушелъ, мистриссъ Спаркъ приступила къ разсмотрѣнію своей совѣсти. Въ обидахъ и оскорбленіяхъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, — одного довольно пустаго, а другаго болѣе серьезнаго, она не могла обвинять себя много. Безъ всякаго сомнѣнія, она случайно получала обиды, которыя раздражали ее, но скоро вспомнила, что часто сама обижала другихъ,—и слѣдовательно разсчетъ былъ вѣренъ.

Первый исключительный случай, о которомъ мы упомянули,

былъ слѣдующій: она долгое время не могла простить и даже питала злобу къ мистриссъ Сабертонъ, которой она позволила взять на домъ для стирки бѣлье, отданное мистриссъ Спаркесъ. Она сдѣлала это потому, что у мистриссъ Сабертонъ былъ въ то время боленъ ребенокъ, и она не могла взять его съ собой и произвесть стирку въ домѣ мистриссъ Спаркесъ. Мистриссъ Сабертонъ, превосходно знавшая свое дѣло,—въ этомъ надо ей отдать справедливость, — получивъ бѣлье, вмѣсто того, чтобы честнымъ образомъ доставить его мистриссъ Спаркесъ, самымъ безчестнымъ образомъ заложила его. Потомъ, вмѣсто того, чтобы признаться въ своей винѣ и возвратить списки, она позволила своимъ дѣтямъ (надо замѣтить, она всегда была неряшливой и безпечной женщиной) играть ими, а дѣти или сожгли ихъ, или потеряли; вслѣдствіе этого мистриссъ Спаркесъ не только лишилась превосходнаго дома, на который стирала бѣлье, но въ добавокъ получила нѣсколько непріятныхъ замѣчаній относительно своей честности. Услышавъ эти замѣчанія, мистриссъ Спаркесъ вызвалась сейчасъ же заплатить деньги, но ей объявили, что пара потерянныхъ рукавчиковъ и воротничокъ были вышиты замужней дочерью, находившейся теперь въ Индіи, и что такая потеря неоплатима никакими деньгами. Какъ бы то ни было, хотя мистриссъ Спаркесъ долго питала гнѣвъ на мистриссъ Сабертонъ, но уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ она простила ее, тѣмъ болѣе, что эта бѣдная женщина имѣла большое семейство и пьяницу мужа, а потому была достойна сожалѣнія.

Другой случай, какъ мы уже сказали, былъ гораздо серьезнѣе. Тутъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, она питала ненависть и злобу въ теченіи многихъ лѣтъ; и хотя со времени смерти Спаркса это чувство оставалось усыпленнымъ, но первоначальная обида никогда не была прощена. Это была грустная исторія,—но съ тѣмъ вмѣстѣ и самая вѣрная, а потому ее должно передать безъ всякой утайки.

Читатель вѣроятно припомнитъ, какъ мистриссъ Спаркесъ гордилась длинной шеренгой утюговъ, вытянутой на каминной полкѣ въ ея гостиной. Ихъ было вдвое больше, чѣмъ требовалось для ея занятій. Но кромѣ гордости, которую мистриссъ Спаркесъ находила въ нихъ, какъ въ аттрибутахъ своего ремесла, они въ теченіе многихъ лѣтъ служили символами мстительнаго торжества надъ одной соперницей прачкой. Года за четыре до смерти Спаркса, нѣкая мистриссъ Джаксонъ открыла прачешную въ переулкѣ Гарднера. Это была видная красивая женщина, вдова лѣтъ тридцати пяти. Она умѣла красно говорить, скоро познакомилась съ сосѣдями, между прочимъ и съ мистриссъ Спаркесъ, которая спустя нѣсколько времени начала чувствовать къ новой знакомкѣ нѣкоторую дружбу. Какъ прачка,

мистриссъ Спаркъ не питала ни малѣйшей ревности, — въ такой части города, какъ вестминстерская, говорила она, для нихъ обѣихъ хватитъ мѣста. Она сдѣлала больше. Узнавъ, что мистриссъ Джаксонъ имѣла мало работы, мистриссъ Спаркъ отрекомендовала ее нѣсколькимъ семействамъ. Оказалось, что мистриссъ Джаксонъ была двуличное созданіе: она стала мѣшаться въ дѣла мистриссъ Спаркъ, а въ нѣсколькихъ случаяхъ даже успѣла ей повредить; это обстоятельство послужило поводомъ къ разрыву дружбы, существовавшей между ней и мистриссъ Спаркъ; при встрѣчахъ соперницы уже болѣе не вступали въ разговоръ. Поведеніе этихъ женщинъ во время ихъ размолвки представляло замѣчательный контрастъ. Мистриссъ Спаркъ была хладнокровна и во всѣхъ отношеніяхъ держала себя съ достоинствомъ,—мистриссъ Джаксонъ наряжалась, кокетничала и позволяла себѣ дерзости. Наконецъ мистриссъ Спаркъ сдѣлала одно открытіе, которое послужило поводомъ къ величайшему огорченію и безпокойству. Если мистриссъ Джаксонъ никогда не думала начинать разговора съ мистриссъ Спаркъ, за то она не только при всякомъ удобномъ случаѣ заводила разговоръ съ самимъ Спарксомъ, но даже нарочно выходила на Іоркскую улицу, чтобы встрѣтиться съ нимъ, когда онъ изъ казармъ направлялся домой. Какъ ни было ужасно такое оскорбленіе, но оно было ничто въ сравненіи съ другимъ, безконечно тяжелѣйшимъ. Мистриссъ Спаркъ однажды привелось услышать отъ своей соперницы слѣдующія слова, которыя не могли пролетѣть мимо ушей Спаркса, находившагося въ недальнемъ разстояніи:—какая жалость, что такому красивому мужчинѣ, какъ этотъ солдатъ, выпала на долю такая безобразная и сварливая жена,—звѣрь, а не женщина,—тогда какъ ему стоило только сказать, и за него вышла бы замужъ самая хорошенькая дѣвушка изъ всего вестминстерскаго околодка!

Не искажая настоящаго факта, нельзя не сказать, что это замѣчаніе породило въ душѣ мистриссъ Спаркъ глубочайшую ненависть къ своей соперницѣ. Въ обвиненіе мужа она ничего не могла сказать. Спаркъ очевидно принялъ это замѣчаніе съ полнымъ равнодушіемъ, но рана, нанесенная чувствамъ его жены — была неизлечима. Мистриссъ Спаркъ молча рѣшила, что если ей когда нибудь представится случай отмстить, то она непремѣнно имъ воспользуется. Случай этотъ представился въ то время, когда рѣшимость мистриссъ Спаркъ нисколько еще не была поколеблена.

Мистриссъ Джаксонъ, благодаря своей безпечности, скоро лишилась работы отъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ приняла на себя стирку бѣлья. Она задолжала за мыло и за квартиру. Въ ея домѣ была назначена экзекуція, но въ самый день такого назначенія она скрылась

и послѣ того о ней не было ни слуху, ни духу. Вотъ тутъ-то и представилась для мистриссъ Спаркъ самая удобная минута мщенія. Она отправилась въ домъ мистриссъ Джаксонъ, прежде чѣмъ имущество было взято маклеромъ подъ секвестръ. Между прочими вещами, находилось шесть утюговъ, и мистриссъ Спаркъ рѣшилась сдѣлаться ихъ владѣтельницей и хранить ихъ, какъ добычу, выхваченную изъ рукъ побѣжденнаго врага. Она отправилась къ продавцу желѣзныхъ вещей и освѣдомилась о цѣнѣ этихъ утюговъ, если бы они были новые. Послѣ того она предложила за нихъ оцѣнщику полную сумму, зная въ тоже время, что ихъ можно бы купить гораздо дешевле; но она сказала разъ и навсегда, что не поддастся ей ни на пенни. Она принесла утюги домой, вычистила ихъ, поставила рядомъ съ своими, и любовалась ими съ чувствомъ удовлетвореннаго мщенія, чувствомъ, котораго не довѣряла даже Спаркеу и не повѣдала ему до самой его смерти. Послѣ того она уже смотрѣла на нихъ просто, какъ на орнаментальные аттрибуты своего ремесла.

Сознаніе въ такомъ нерасположеніи и ненависти къ мистриссъ Джаксонъ тяготило совѣсть мистриссъ Спаркъ. Она часто и часто молилась о прощеніи сего прегрѣшенія. Сначала она думала попросить Джеминy убрать долой съ глазъ чужіе утюги;—но тутъ встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе въ томъ, какимъ образомъ отличить утюги мистриссъ Джаксонъ отъ утюговъ, составлявшихъ ея собственность. Вслѣдствіе этого, мистриссъ Спаркъ рѣшила, что они должны оставаться на своемъ мѣстѣ собственно для того, чтобы напоминать о коварствѣ мистриссъ Джаксонъ. Такимъ образомъ прегрѣшеніе падало на ея собственную голову. Утюги, въ теченіи многихъ лѣтъ служившіе не только предметомъ ея гордости, но и символомъ ея успѣшнаго мщенія, сдѣлались теперь будильниками ея затронутой совѣсти.

Послѣ этого она исповѣдывала себя относительно своего поведенія какъ жены и матери. Исповѣдь эту она дѣлала съ величайшей строгостью, и ничего возмущающаго душевнаго ея спокойствія не нашла; напротивъ, въ настоящемъ случаѣ ничто не могло набросить пятна на ея совѣсть, и она оставила этотъ предметъ въ сторонѣ, какъ самый безопасный.

О всемъ, что касалось честности и праводушія, мистриссъ Спаркъ размышляла не долго. Самая добросовѣстная, когда либо существовавшая прачка едвали поступала такъ честно и въ отношеніи къ лицамъ, довѣрявшимъ ей свое бѣлье, и вообще ко всей публикѣ. Она постоянно и вѣрно разсчитывалась со всѣми, такъ что никто не могъ бы обвинить ее въ томъ, что она у кого нибудь была въ долгу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при сдачѣ вымытаго бѣлья, не оказывалось ворот-

ничка, нарукавничка, или чулка, она непремѣнно возвращала или ту, или другую вещь при слѣдующей сдачѣ, или же платила за каждую утраченную вещь, по ея стоимости. Никогда не случалось ей утверждать, что какая нибудь изъ потерянныхъ вещей не была положена въ ея мѣшокъ, или что потерянной вещи она никогда не видывала. Чтобы поберечь свои руки и избавиться отъ лишняго труда, она ни разу въ жизни не употребляла какой нибудь жидкости или химическаго средства, вредно дѣйствующаго на качество бѣлья. Никогда сама не носила и не позволяла носить Джемимѣ какое либо изъ полученныхъ въ стирку платьевъ, хотя Джемима, достигнувъ зрѣлаго возраста, желала бы иногда прикрасить молодыя свои прелести тѣмъ или другимъ изъ находившихся во временномъ ея обладаніи нарядомъ; она твердо сопротивлялась такому искушенію и оно оставляло ее.

Балансъ суетъ здѣшняго нечестиваго міра подводится не слишкомъ легко. Все шло весьма удовлетворительно до статьи, касающейся джина, который отнялъ у нея значительный промежутокъ времени. Мистриссъ Спаркъ слегка придерживалась джину, — какъ большая часть прачекъ, особливо вестминстерскаго происхожденія и воспитанія,—но надо отдать справедливость, она была самою воздержною между своими сподвижницами. Она старалась убѣдить себя, что употребленіе этого возбуждающаго средства было необходимо для поддержанія силъ во время работы; но она испытывала здѣсь большія затрудненія, ибо ей припоминались нѣкоторые случаи, когда требовалась въ домѣ самая строгая экономія, и она могла бы обойтись безъ этого средства не въ ущербъ своему здоровью и бѣлью, находившемуся въ стиркѣ. Она начала потомъ разсчитывать, что хотя собственно на джинъ тратились весьма небольшія деньги, но въ сложности изъ нихъ образовалась бы сумма, достаточная на покупку катка, и она могла бы вывести Джемиму на дорогу жизни, доставивъ ей довѣріе и уваженіе, вмѣсто того чтобы занимать мѣсто служанки въ чужомъ домѣ. Кромѣ того, еще одинъ строгій, суровый фактъ, котораго невозможно было избѣжать, смотрѣлъ ей прямо въ глаза. Однажды, послѣ полудня она положительно «выпила лишнее», но такъ какъ это было выпито на тощій желудокъ и изъ дѣтей никто ее не видѣлъ, то она надѣялась, что это ей простится.

Во многихъ частяхъ своей исповѣди мистриссъ Спаркъ была не совсѣмъ справедлива къ самой себѣ, но это скорѣе надо приписать смиренію, нежели равнодушію къ предмету, — она скрывала отъ себя такія добродѣтели, какими другіе бы гордились. Напримѣръ, чувство человѣческой любви, покрывающее множество грѣховъ, было развито въ ней въ высшей степени. Она часто давала какой нибудь бездомной отверженной женщинѣ пріютъ на ночь (когда это можно

было сдѣлать такъ, чтобы не замѣтили другіе, потому что въ вопросѣ о женской респектабельности она держалась самыхъ строгихъ правилъ) и на другое утро послѣ завтрака отпускала ее, напутствовавъ добрыми совѣтами. Изъ вдовьяго запаса своего она часто удѣляла провизію голоднымъ нищимъ. Она часто совершала самые благороднѣйшіе подвиги человѣколюбія, находя приличныя занятія для праздныхъ молодыхъ людей обоего пола, которыми дворъ Синяго Якоря былъ набитъ биткомъ; но за это она не приписывала себѣ особенной чести; по ея связямъ съ хорошими домами, на которыхъ она стирала бѣлье, ей представлялось больше возможности дѣлать такое добро, нежели ея сосѣдямъ. Она передавала безчисленное множество чашекъ воды безчисленному множеству малютокъ, и безчисленное число разъ отирала имъ слезы своимъ грубымъ передникомъ. О совершеномъ ею самомъ благородномъ подвигѣ человѣколюбія она совсѣмъ позабыла, хотя подвигъ этотъ со всею подробностью записанъ въ ея пользу въ книгахъ небесной канцеляріи. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, она въ одну холодную ночь нашла на улицѣ несчастнаго нагаго, полуголоднаго ребенка. Она отогрѣла его на своей груди, и когда исполнители закона отказали ему въ помощи, она приняла его въ свой домъ, кормила его и одѣвала. Она воспитала его, какъ свое родное дѣтище, безъ всякой надежды на возмездіе или вознагражденіе. Она научила его складывать свои пухленькія ручонки и повторять вслѣдъ за ней дѣтскія молитвы, изъ которыхъ онъ не понималъ ни слова; но въ свое время, ребенокъ отъ нея же узналъ о существованіи Божества и мудраго и благодѣтельнаго вмѣстѣ, — Божества, которое имѣло власть наказывать, но котораго величайшимъ качествомъ было миловать и благословлять; которое берегло и спящаго и бодрствующаго, и котораго всякій законъ служилъ для ихъ пользы. По мѣрѣ того, какъ разсудокъ ребенка становился зрѣлѣе, она безъ всякаго затрудненія научила его устранять его благоговѣніе отъ своей смиренной особы и оказывать его тому божеству, мѣсто котораго въ воображеніи ребенка она до той поры, безъ всякаго съ ея стороны вѣдома, занимала. Послѣ смерти мужа, когда нищета чаще и чаще стала угрожать ей, она ни подъ какимъ видомъ не уменьшала ни вниманія своего, ни расположенія къ этому пріемышу. Изъ своихъ скудныхъ заработковъ, она продолжала кормить и одѣвать его, и кромѣ того изъ своего тощаго кошелька еженедѣльно платила необходимые на его воспитаніе пенсы. Она пріучила мальчика къ трудолюбію, и въ самой ранней порѣ дѣтства внушила ему правила совершеннѣйшаго прямодушія и честности, такъ что, когда костлявая смерть заглянула ей въ глаза, будущее благосостояніе мальчика было уже въ половину опредѣлено; эта женщина,

при своихъ ограниченныхъ понятіяхъ о благородствѣ и чести, не могла устранить отъ себя заботы о мальчикѣ и заняться разсмотрѣніемъ, очищеніемъ и успокоеніемъ своей души раньше устройства карьеры своего питомца.

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ распоряженія въ этомъ мірѣ къ полному своему удовольствію, пристроивъ къ мѣсту дочь и пріемнаго сына, и наконецъ разсмотрѣвъ свою совѣсть относительно содѣянныхъ прегрѣшеній, она рѣшилась со всею точностію послѣдовать совѣтамъ своего пастора, приступивъ къ чтенію библіи, къ изученію и повторенію молитвъ, которыя онъ ей оставилъ. Въ настоящемъ случаѣ ей усердно помогала хромоногая швея. Эти двѣ бѣдныя женщины читали и молились съ чувствомъ и отъ чистаго сердца; странные комментаріи, которыя онѣ выражали на различные предметы, въ томъ видѣ, какъ эти предметы представлялись ихъ воображенію, нисколько и ни подъ какимъ видомъ не могли отнять отъ ихъ благоговѣнія какой нибудь частицы прекраснѣйшаго смиренія и чистосердечія. Хотя чтеніе тѣхъ мѣстъ изъ библіи, которыя были рекомендованы пасторомъ, было исполняемо съ полной тщательностію и вниманіемъ, но эпизоды изъ священной исторіи, въ особенности гдѣ рѣчь шла о дѣтяхъ, имѣли для бѣдной прачки болѣе прелестей, нежели всѣ другія мѣста. Разсказъ объ Іосифѣ и его братьяхъ чрезвычайно занималъ ее, и по какимъ-то темнымъ своимъ соображеніямъ, она уподобляла «разноцвѣтную одежду Іосифа» форменной одеждѣ барабанщика, въ которой въ непродолжительномъ времени надѣялась увидѣть Джемса. Самуилъ въ его юношествѣ и судъ Соломона были одинаково и въ высшей степени для нея привлекательны; но за всѣмъ тѣмъ самое высокое удовольствіе и утѣшеніе она почерпала изъ Новаго Завѣта. Оставляя въ сторонѣ теологическій взглядъ, нельзя не сказать, что божественная красота личности Спасителя должна быть очевидна для всякаго; но нигдѣ и ни для кого она не выступаетъ такъ рельефно, какъ для респектабельныхъ женщинъ рабочаго класса. Спокойное самоотверженіе, мужество, кротость и любовь, которыя Онъ оказывалъ своимъ родителямъ, его исполненная достоинства покорность своей участи, все, все это было понято и вполнѣ оцѣнено этими добрыми женщинами.

Хромоногая швея прочитывала главу, замолкала и обѣ женщины пускались въ разсужденія; не допуская въ этомъ отношеніи даже ни малѣйшей тѣни непочтительности къ святынѣ, нельзя однакоже не сказать, что эксцентричность ихъ замѣчаній часто доходила до смѣшнаго. Онѣ съ глубокимъ интересомъ разсуждали о диспутахъ Спасителя съ учеными Іудеями въ храмѣ, принимали ихъ не только за людей ученыхъ, но преимущественно за докторовъ высшихъ

степеней, и потомъ углублялись въ размышленія о Его смиреніи, когда Онъ не смотря на свою способность и свои силы выдержать борьбу съ такими знаменитостями, безъ малѣйшаго сопротивленія или колебанія покорился требованіямъ своей божественной матери оставить диспутъ и воротиться домой. Другой случай въ особенности усиливалъ ихъ восхищеніе и обожаніе богочеловѣка, исцѣлившаго женщину, двѣнадцать лѣтъ одержимую недугомъ. Описаніе этого случая изумляло ихъ и приводило въ восторгъ не столько чуднымъ исцѣленіемъ, сколько способомъ, посредствомъ котораго совершилось это исцѣленіе. Онѣ представляли себѣ бѣдную женщину, которая искала случая встрѣтиться съ Спасителемъ, и встрѣтилась съ нимъ, но при многочисленномъ стеченіи народа, и, по свойственной женщинѣ скромности, не рѣшилась объяснить состоянія своей болѣзни, а только дотронулась до края его одежды, въ надеждѣ получить черезъ это исцѣленіе. Онѣ живо представляли себѣ, какъ Спаситель повернулся къ ней, и совершенно понимая ея болѣзнь и желаніе, сказалъ ей: «ободрись дочь моя, вѣра твоя спасла тебя». Этими божественными словами онъ, не допустивъ, чтобы окружавшіе его узнали о дѣйствительномъ свойствѣ болѣзни несчастной женщины, ясно выразилъ, что молитва ея была услышана. Наша больная женщина и хромоногая швея были какъ-то особенно поражены такой божественной снисходительностью со стороны Спасителя. Я часто замѣчалъ, что способность пониманія недуга, безъ подробныхъ распрашиваній и объясненій придавала медикамъ въ глазахъ респектабельныхъ женщинъ особенное достоинство.

Глава, въ которой описывалась сцена душевныхъ страданій въ саду геѳсиманскомъ, сильнѣе всѣхъ другихъ возбуждала благоговѣніе. Изложенный въ ней весь потокъ чувствъ какъ нельзя лучше согласовался съ понятіями этихъ двухъ бѣдныхъ безпомощныхъ женщинъ. Тонкое предчувствіе опасности и готовившагося позора, желаніе, если возможно, избѣгнуть его, кроткая покорность страшной участи, которая ожидала его, это были такіе предметы, силу значенія и важность которыхъ онѣ вполнѣ понимали. Часто и часто онѣ повторяли эту главу и углублялись въ размышленія; удивленіе ихъ и благоговѣніе предъ заключавшимся въ ней величественнымъ эпизодомъ усиливалось при каждомъ послѣдующемъ чтеніи.

Однажды въ воскресенье, спустя недѣли двѣ послѣ того, какъ Джемсъ и Джемима поступили на мѣсто, мистрисъ Спаркъ получила повелѣніе явиться передъ престолъ своего Создателя. Она смиренно преклонила голову передъ этимъ повелѣніемъ, но съ мольбою просила даровать ей еще нѣсколько часовъ, дабы имѣть возможность взглянуть передъ смертью на своихъ дѣтей. Молитва ея была услышана. Сосѣдка, узнавъ ея желаніе, отправилась за Джемсомъ и

Джемимой, которые къ счастію могли сейчасъ же отвѣтить на этотъ призывъ. Джемима явилась первою, и сердце умирающей вдовы забилось радостію, когда она увидѣла ее. Вскорѣ послѣ Джемимы пришелъ и Джемсъ въ полной парадной формѣ. Выраженіе самодовольства и нѣкоторой гордости промелькнуло по лицу доброй старушки, когда она увидѣла его въ такомъ роскошномъ нарядѣ. Масса воспоминаній о дняхъ давноминувшихъ моментально столпилась въ ея головѣ, въ то время, когда она бросила на него быстро-потухавшій взглядъ. Она подала ему руку; Джемсъ взялъ ее и залился горькими дѣтскими слезами. Хромоногая швея, присутствовавшая въ комнатѣ умирающей, сочувствуя юношѣ, подошла къ нему и хотѣла было снять съ его головы огромный гренадерскій киверъ. Джемсъ сердито повернулся къ ней, опустилъ руку вдовы, поправилъ киверъ и сквозь слезы сказалъ.

— Пожалуйста, оставьте. Развѣ вы не знаете, что солдатъ никогда не скидываетъ кивера? Кажется, слѣдовало бы знать объ этомъ.

Умирающая бросила на него взглядъ полнаго удовольствія; это былъ послѣдній признакъ здраваго ума, которымъ она отличалась въ здѣшнемъ мірѣ.

И такимъ образомъ кончилось земное странствованіе мистриссъ Спаркъ. Ничего не принесла она въ этотъ міръ, но за то оставила его не безъ ничего. Она унесла съ собой лѣтопись жизни, въ которой безропотная покорность судьбѣ, безукоризненная честность, неутомимые труды, любовь къ ближнему, долготерпѣніе, многостраданіе и смиреніе были главными отличительными чертами; и бѣдная прачка, взоры которой за минуту передъ тѣмъ обращены были на неуклюжую дочь, на пестрый мундиръ юнаго барабанщика, на добросердечную хромоногую швею, на простую мебель въ комнатѣ, стояла теперь передъ лицемъ Всемогущаго Бога, въ видѣ свѣтлаго и прекраснаго духа, какъ одинъ изъ серафимовъ, окружающихъ Его предвѣчный престолъ. Сомнѣваться въ этомъ—значило бы сомнѣваться въ существованіи Господняго милосердія и справедливости.

На погребеніе бѣдной прачки былъ истраченъ остатокъ небольшихъ денегъ, хранившихся въ сберегательной кассѣ, а отъ продажи мебели, утюговъ и лоханокъ образовалась сумма, которой едва едва достало на покупку траура. Несмотря на то, трудно было бы найти существо въ здѣшнемъ мірѣ, столь любимое и уважаемое тѣми, которые окружали ея могилу.

ГЛАВА V,

въ которой нашъ герой является въ новой роли.

Со времени окончанія предшествовавшей главы прошло въ нашемъ повѣствованіи еще два года. Въ этотъ промежутокъ Джемима

находилась на прежнемъ мѣстѣ и пользовалась особеннымъ расположеніемъ своей госпожи;—въ ея обязанностяхъ, впрочемъ, произошла небольшая перемѣна. Изъ горничной ее произвели въ кухарки того же заведенія, потому что она при нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ оказала большое знаніе дѣла въ кулинарномъ искусствѣ, но главнѣе всего потому, что ея некрасивая наружность служила поводомъ къ частымъ и непріятнымъ замѣчаніямъ какъ со стороны квартирантовъ, такъ и наглыхъ извозчиковъ, которые говорили, когда Джемимѣ, въ качествѣ служанки, приходилось отворять уличныя двери, что они помнятъ ее, еще когда она находилась въ зоологическомъ саду.

Джемсъ продолжалъ служить въ томъ же полку, но и въ его положеніи произошла нѣкоторая перемѣна. Роскошный мундиръ, обшитый шерстяными басонами, о которомъ онъ прежде такъ много мечталъ,—теперь въ его глазахъ потерялъ всю свою прелесть. Все-таки онъ зналъ, что этотъ мундиръ возбуждалъ зависть и восхищеніе въ уличныхъ мальчишкахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, но въ тоже время, непріятная увѣренность, что еслибы онъ осмѣлился считать его своею собственностью и дѣлать съ ней, что ему угодно, онъ былъ бы жестоко наказанъ,—понижала его цѣну до *нуля*. Съ другой стороны, какъ было уже сказано, радикальные принципы, которыми онъ одаренъ былъ отъ природы, и непреодолимое желаніе спорить съ своими старшими о безполезности различныхъ приказаній, которыя онъ получалъ, весьма часто становили его въ затруднительное положеніе. Такъ какъ каждое послѣдующее наказаніе, которому онъ подвергался, оказывалось сильнѣе перваго, то соразмѣрно съ этимъ увеличивались и ненависть къ службѣ, и желаніе какъ можно скорѣе ее бросить. Это чувство сдѣлалось наконецъ столь тягостнымъ, что онъ уже началъ разработывать вопросъ о побѣгѣ. Конечно, онъ не позволилъ бы себѣ долго оставаться въ недоумѣніи, если бы не питалъ искренней привязанности къ своей *тетѣ*, какъ онъ продолжалъ называть Джемиму. Еслибы онъ бѣжалъ изъ полка, то само собою разумѣется, онъ былъ бы обязанъ оставить Вестминстерскій кварталъ, и такимъ образомъ они были бы разлучены.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ рѣшился посовѣтоваться объ этомъ предметѣ съ самой Джемимой. Она выслушала его съ нетерпѣніемъ и даже съ гнѣвомъ. Она доказывала ему, до какой степени безчестно бѣгство, и какъ долго будетъ преслѣдовать его позоръ, если онъ оставитъ свои барабанныя палки; доказывала также, что онъ сдѣлался слугой королевы, и оставить ея службу безъ формальнаго увольненія было бы поступкомъ, показывающимъ величайшую трусость. Джемсъ слушалъ доводы Джемимы съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, и наконецъ рѣшился потерпѣть еще нѣсколько

времени. И дѣйствительно онъ сдѣлалъ эту попытку, но безъ всякаго успѣха, такъ что даже Джемима, при ея строгихъ понятіяхъ о долгѣ, должна была смягчиться, но въ тоже время совѣтовала ему еще подождать, пока она не придумаетъ какого нибудь плана, по которому онъ могъ бы оставить полкъ законнымъ и честнымъ образомъ. Поговоривъ объ этомъ предметѣ нѣсколько времени, она простилась съ Джемсомъ, обѣщавъ ему придумать къ будущему свиданію что нибудь въ его пользу, до той же поры, онъ долженъ былъ какъ можно тщательнѣе исполнять свои обязанности.

Джемима была не такова, чтобы дать обѣщаніе и не исполнить его. Она составляла планъ дѣйствія, не торопясь и сознательно; днемъ приведенія его въ исполненіе былъ назначенъ первый предстоящій праздникъ.

День этотъ наступилъ, и Джемсъ въ полной парадной формѣ встрѣтился съ Джемимой послѣ обѣда въ Сентъ-джемскомъ паркѣ. Они долго ходили по главной аллеѣ взадъ и впередъ, углубленные въ серьезный разговоръ; Джемима, повидимому, старалась убѣдить своего племянника принять ея совѣтъ, которому Джемсъ сильно противился. Наконецъ на вершинѣ холма, къ которому они приближались, поднялся столбъ пыли и въ публикѣ началась толкотня. По отлогому скату холма быстро мчалась коляска, отдаваемыя ей почести показывали, что она не только принадлежала королевѣ, но что въ ней сидѣла сама королева. Когда коляска приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ стояли тетка и племянникъ, Джемима заставила Джемса сдѣлать шагъ впередъ, сказавъ ему:—помни, Джемсъ, ты слуга ея величества и долженъ вести себя честно. Джемсъ вытянулся въ струнку, и когда коляска поравнялась съ нимъ, сдѣлалъ воинскій салютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожащимъ голосомъ воскликнулъ:

— Ваше величество, всеподданнѣйше прошу васъ къ этому дню черезъ мѣсяцъ пріискать себѣ другаго барабанщика.

Ея величество, по всей вѣроятности, не только не слышала его словъ, но даже не замѣтила, что онъ произносилъ ихъ; она милостиво поклонилась ему, и коляска скоро скрылась изъ виду.

— Теперь, Джемсъ, сказала Джемима:—ты надлежащимъ образомъ заявилъ королевѣ объ оставленіи службы; законъ на твоей сторонѣ, въ выполненіи его я свидѣтельница. Никому не говори, что ты сдѣлалъ это предупрежденіе, а я послѣ научу, что нужно дѣлать.

Послѣ этихъ словъ они направились къ Вестминстерскому мосту; Джемима обѣщала угостить Джемса театромъ.

Мѣсяцъ прошелъ довольно спокойно; Джемсъ, слѣдуя совѣту Джемимы, дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы угодить своимъ старшимъ, и, судя по ихъ молчанію, успѣлъ въ этомъ. Передъ истеченіемъ срочнаго мѣсяца, Джемима наняла для своего племянника

квартиру въ Соутваркѣ и приготовила у себя на кухнѣ пару подержаннаго платья, башмаки и рубашку; относительно честности она была такихъ строгихъ правилъ, что рѣшила не оставлять на Джемсѣ ни одной нитки, на требованіе которой королева имѣла бы самое малѣйшее право.

Когда все было устроено, Джемсъ въ день истекшаго срока пришелъ вечеромъ къ Джемимѣ, которая отправила его въ заднюю кухню, гдѣ на скамейкѣ разложено было партикулярное платье, и черезъ нѣсколько минутъ Джемсъ воротился къ своей теткѣ. Перемѣна, происшедшая въ его наружности, была удивительная. Это было превращеніе, едва ли не чудеснѣе превращенія куколки въ бабочку, хотя въ настоящемъ случаѣ дѣйствіе было прямо обратное, ибо Джемсъ изъ пестрой бабочки сдѣлался куклой. Его форменная одежда противъ обыкновенія казалась на немъ въ тотъ вечеръ блистательнѣе, вѣроятно вслѣдствіе излишней полировки пуговицъ, чтобы возвратить ихъ въ хорошемъ состояніи. Онъ вышелъ изъ задней кухни въ сброшенномъ съ плечъ и значительно поношенномъ платьѣ прикащика зеленной или угольной лавки. Джемима сама сознавалась, что перемѣна въ его наружности была довольно плачевная; но смотря на то, его счастіе было для нея дороже его наружности и она подавила досаду при видѣ его забавной фигуры въ прикащичьемъ платьѣ. Какъ скоро достаточно стемнѣло, чтобы избѣгнуть открытія, она обвязала платкомъ нижнюю часть его лица, какъ будто для того, чтобы защитить его отъ холода, хотя ночь была чрезвычайно теплая, положила ему въ руку восемь пенсовъ, и приказавъ идти прямо на новую квартиру, пожелала ему доброй ночи.

Лишь только Джемсъ вышелъ изъ дому, какъ Джемима начала придумывать средства къ возвращенію его платья въ казармы. Она рѣшила наконецъ отправиться за вестминстерскій мостъ и оттуда отослать съ наемнымъ носильщикомъ. Но во что уложить это платье — это была трудная задача. Всѣ аппараты для упаковки, находившіеся въ ея распоряженіи, заключались въ одной старой картонкѣ. Въ нее можно было уложить платье, башмаки и пр.,—но куда дѣвать саблю и киверъ? это обстоятельство приводило Джемиму въ крайнее недоумѣніе въ теченіе долгаго времени. Она старалась завернуть ихъ въ старый передникъ, зашпилить булавками и обвязать шнурками, но эти два предмета, сабля и киверъ, были такого непрактическаго свойства, что никакимъ образомъ невозможно было приспособить ихъ къ спокойному съ ними путешествію.

Наконецъ она рѣшилась на одинъ планъ, который передъ всѣми другими казался болѣе практичнымъ. Однажды ночью, около одиннадцати часовъ, когда хозяйка дома ложилась спать, Джемима объявила ей, что въ домѣ нѣтъ ваксы, прибавивъ, что жилецъ, занимав-

шій лицевую комнату и всегда обращавшій особенное вниманіе на сапоги, долженъ завтра утромъ выйти изъ дому до восьми часовъ. Госпожа Джемимы не только разбранила ее за то, что она не подумала объ этомъ раньше, но выразила также сомнѣніе насчетъ правдивости этого показанія, сказавъ въ добавокъ, что это былъ одинъ только низкій предлогъ отлучиться изъ дому. Джемима, разумѣется, вспыхнула, съ негодованіемъ приглашала госпожу спуститься внизъ и осмотрѣть бутылку, говорила, что не хочетъ служить въ домѣ, гдѣ ей не вѣрятъ, — словомъ, превосходнѣйшимъ образомъ разыграла роль оскорбленной невинности. Наконецъ госпожа, которой надоѣлъ этотъ диспутъ, приказала ей идти сію же минуту за ваксой и воротиться какъ можно скорѣе; но такъ какъ Джемима была убѣждена, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ всѣ лавки были уже заперты, и что за предметомъ, въ которомъ оказывалась надобность, необходимо отправиться въ улицу Тотгиль, то не сдѣлала на приказаніе госпожи никакого замѣчанія и тотчасъ же юркнула въ свою кухню. Здѣсь, надѣвъ шляпку и большой платокъ, она припрятала подъ послѣдній, какъ только могла лучше, саблю и киверъ и спокойно вышла изъ дома. Никогда еще бѣдная дѣвушка не бывала въ такомъ смущеніи, въ какомъ находилась Джемима во время своихъ усилій скрыть отъ людскихъ глазъ двѣ вещи, которыя она несла. Хотя становилось уже поздно, но народу все еще было много, и всѣ проходившіе, казалось ей, смотрѣли на нее подозрительно. Въ это время ничто не могло заставить ее пройти мимо полисмена. Завидѣвъ одного изъ нихъ, она поворачивала назадъ и обходила его глухими переулками.

Наконецъ она добралась до аллеи Бэрдкэджъ; отъ сильнаго душевнаго волненія сердце ея билось болѣзненно. Она держалась стороны, ближайшей къ парку, такъ чтобы быть какъ можно дальше отъ газовыхъ фонарей и избѣгнуть наблюденій. Но вотъ она уменьшила скорость шаговъ, выбрала моментъ, когда вблизи не было ни души, потомъ перешла черезъ дорогу, приблизилась къ рѣшетчатому забору, окружавшему казармы, и черезъ него перебросила на дворъ саблю и киверъ. Совершивъ этотъ подвигъ, она вдругъ почувствовала непріятный страхъ: она направилась къ дому съ быстротою испуганнаго страуса, не убавляя шагу до самаго дома.

Войдя въ домъ, она встрѣтила госпожу, которая, замѣтивъ ея взволнованное и разгорѣченное состояніе, потребовала въ этомъ объясненія, но Джемима не могла его дать. Затѣмъ отъ нея потребовали ваксу, но она совсѣмъ забыла о ней. Джемима съ минуту рѣшительно не знала, что отвѣтить; но, какъ говоритъ Шиллеръ, «дьяволъ не такъ золъ, чтобы допустить кого либо изъ своихъ слугъ до погибели изъ-за нужды во лжи», — онъ немедленно внушилъ Джеминѣ одинъ изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые всегда держитъ наготовѣ для горнич-

ныхъ, служанокъ и кухарокъ, когда онѣ бываютъ поставлены своими госпожами въ затруднительное положеніе. Джемима отвѣчала, что обошла всѣ лавки до Вестминстерскаго аббатства,—по крайней мѣрѣ лавокъ двадцать,—но всѣ онѣ заперты; она обѣщала встать поутру очень рано и взять ваксу у продавца, отъ котораго постоянно ее получала. Разумѣется, госпожа поняла, что все сказанное была ложь, и промолчала. Джемима была прекрасная, усердная служанка, и если поссориться съ ней изъ-за такой пустой исторіи, то по всей вѣроятности, другая поступившая на ея мѣсто слуга была бы одинаково неправдива и въ добавокъ безъ хорошихъ качествъ Джемимы.

Два дня спустя, Джемима была уволена на цѣлый день. Она взяла старую картонку, въ которую была уложена форменная одежда Джемса, отправилась за Вестминстерскій мостъ и передала ее разнощику, приложивъ записочку убійственнаго правописанія, адресованную на имя полковаго командира; въ запискѣ этой говорилось, что препровождаемая одежда принадлежала мистеру Джемсу Дюку, и что киверъ и сабля отправлены еще раньше.

Хотя Джемима считала теперь это дѣло совершенно конченнымъ, но ея величество, или ея представители въ полку, находили, что мѣсячное предувѣдомленіе объ оставленіи службы было сдѣлано не согласно съ правилами военнаго закона, и потому поднятъ былъ крикъ отыскать мистера Джемса Дюка. Полиція распорядилась осмотрѣть домъ, въ которомъ жила Джемима, но тамъ относительно его пребыванія не было ни малѣйшихъ признаковъ. Джемимѣ сдѣлано было по этому предмету нѣсколько вопросовъ, и она отъ всѣхъ увернулась очень искусно; но она сильно обидѣлась, когда пожилой барабанщикъ, сопровождавшій полисмена, обозвалъ Джемса трусомъ-щенкомъ. Въ этотъ моментъ она не сдѣлала никакого замѣчанія, но въ душѣ рѣшила на другое же утро сходить въ казармы, и тамъ, какъ она выражалась, «обстоятельно изложить все дѣло».

Составивъ планъ дѣйствія, къ полному своему удовольствію, она отправилась къ полковому адъютанту, потому что этотъ офицеръ, какъ она слышала, былъ облеченъ верховною властію въ дѣлахъ подобнаго рода. По прибытіи къ воротамъ казармъ, она произвела удивленіе, смѣшанное съ удовольствіемъ, въ груди караульнаго сержанта, которому показалось, что въ особѣ Джемимы онъ открылъ переодѣтаго въ женское платье высокаго рекрута съ сѣвера Ирландіи, бѣжавшаго изъ полка, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Увидѣвъ свою ошибку, онъ ругнулся и назвалъ ее дрянью. (Джемима говорила впослѣдствіи, что онъ назвалъ ее не дрянью, а употребилъ совершенно другое выраженіе, которое такъ часто срывается съ языка гвардейскаго солдата, когда зайдетъ рѣчь о лэди, слишкомъ респектабельныхъ, чтобы слышать ихъ разговоръ) и велѣлъ ей уда-

литься. Исполнить его приказаніе Джемима, однакоже, отказалась. Она пришла, — сказала она, — повидаться съ адъютантомъ, и не уйдетъ, не объяснившись съ нимъ.

Если бы она употребила какое нибудь грубое выраженіе, или даже прибѣгнула къ брани, то сержантъ нисколько бы не удивился; но заносчивость женщины такого положенія въ обществѣ, какое она занимала, — заносчивость, обнаруживаемая въ дерзкомъ желаніи объясняться съ адъютантомъ, превышала все то, что могли вынести его понятія о приличіи, и сержантъ сейчасъ скомандовалъ ей убираться со двора, грозя въ противномъ случаѣ отдать ее полисмену. Джемима однако была солдатская дочь, и запугать ее подобной угрозой было очень трудно. Она не только отказалась убираться, но оказала положительное сопротивленіе сержантской власти, и дѣло начинало уже принимать воинственный видъ, когда, къ счастію, въ это самое время проходилъ какой-то старшій офицеръ и освѣдомился о причинѣ нарушенія тишины и порядка. Узнавъ, хотя съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, вслѣдствіе взволнованнаго состоянія Джемимы, что визитъ ея относился до побѣга мистера Джемса Дюка, онъ приказалъ отвести ее къ адъютанту, что и было немедленно исполнено, къ крайнему негодованію сержанта.

Джемима вовсе не думала представлять адъютанту какихъ либо доводовъ въ оправданіе Джемса,—напротивъ, она утверждала, что принятыя имъ мѣры были совершенно законныя. Онъ, чему она была сама свидѣтельницей, за мѣсяцъ заявилъ о желаніи своемъ оставить военную службу, и ожидать или требовать болѣе этого ни сама королева, ни всякая другая «миссусъ», не имѣли права. Джемима прибавила, что форменное платье, со всѣми его принадлежностями, было честнымъ образомъ возвращено. Мало того, чтобы не быть безсовѣстной передъ ея величествомъ, она охотно оставляла въ рукахъ ея величества слѣдующее Джемсу жалованье, и ничего больше не хотѣла говорить объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, объясните мнѣ пожалуста, сказалъ адъютантъ: — чего же вы хотите отъ меня? По всему видно, что вы очень ловко умѣли воспользоваться закономъ. Чего же еще вамъ желательно?

— Я не намѣрена уйти отсюда, пока мнѣ не будетъ оказана надлежащая справедливость.

— Пока вамъ не будетъ оказана надлежащая справедливость? — сказалъ адъютантъ: — скажите пожалуста, чѣмъ вы еще не довольны?

— А вотъ чѣмъ: одинъ изъ вашихъ барабанщиковъ имѣлъ дерзость назвать мистера Джемса Дюка трусомъ-щенкомъ. Я хочу, чтобы этотъ барабанщикъ былъ наказанъ.

Услышавъ подобное требованіе Джемимы, адъютантъ съ трудомъ удержалъ свой гнѣвъ въ границахъ умѣренности. Онъ не только подтвердилъ слова барабанщика, но приказалъ ей немедленно оставить казармы, обѣщая въ противномъ случаѣ передать ее въ руки полиціи.

Джемима должна была оставить казармы и оставила, но ни подъ какимъ видомъ не считала себя побѣжденною, напротивъ, она рѣшилась искать правосудія у самого герцога Веллингтона, и даже зашла такъ далеко, что приготовила маленькую рѣчь, которую слѣдовало произнесть при такомъ случаѣ, и которая доказывала, что герцогъ долженъ былъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ потому, что Джемсу дана была фамилія въ честь имени его свѣтлости. Мало того, если бы не удалось добиться правосудія отъ герцога, Джемима предстала бы предъ тронъ ея величества; но эти мѣры, къ счастію, оказались ненужными, потому что Джемима черезъ нѣсколько времени получила косвеннымъ путемъ, черезъ одну знакомую ей молодую женщину, которая была знакома съ однимъ молодымъ барабанщикомъ, извѣстіе, что военное управленіе не намѣрено утруждать себя дальнѣйшими розысками Джемса, — то есть, что оно не станетъ и думать о немъ, если онъ будетъ скрываться нѣсколько времени и позаботится о томъ, чтобы не показываться въ Вестминстерскомъ кварталѣ. Если онъ покажется, то непремѣнно будетъ арестованъ и затѣмъ наказанъ или по крайней мѣрѣ отосланъ въ исправительное заведеніе. Джемима рѣшилась пріостановиться отыскиваніемъ правосудія, и воспользовавшись однимъ вечеромъ, навѣстила Джемса и сообщила ему пріятныя новости и предостереженіе ни подъ какимъ видомъ не показываться вблизи казармъ. Она положила ему въ руку нѣсколько денегъ, взятыхъ ею изъ своихъ скудныхъ сбереженій, потомъ надѣлила цѣлымъ томомъ добрыхъ совѣтовъ, говоря ему, чтобы онъ искалъ себѣ мѣсто прикащика на другой сторонѣ Темзы, простилась съ нимъ и удалилась съ молитвою въ душѣ, да не будетъ онъ введенъ во искушеніе.

Не должно однако полагать, что такое послабленіе дисциплины со стороны полковыхъ властей было допущено изъ сожалѣнія къ мистеру Джемсу Дюку, ибо подобное понятіе было бы совершенно ошибочно. Это въ сущности, произошло отъ двухъ причинъ. Первая заключалась въ томъ, что Джемима произвела въ адъютантѣ новое для него ощущеніе. До этой поры онъ воображалъ, что его ничто не можетъ испугать, но она дала ему понять, что при случаѣ и онъ покажетъ бѣлое перо. Въ памятный день посѣщенія казармъ, она торжественно грозила ему, что когда бы и гдѣ бы ни встрѣтила его на улицахъ, она не только непремѣнно напомнитъ ему о себѣ, но сверхъ того сообщитъ всѣмъ окружающимъ, какой онъ жестокосердый ти-

ранъ. Эта угроза подѣйствовала на него такъ необычайно, что жизнь для него становилась отравой. Прогуливаясь по улицѣ Сентъ-Джемсъ или Полъ-Молъ, онъ находился въ безпрерывной боязни встрѣтиться съ своимъ уродливымъ противникомъ. Послѣ смѣны съ караула въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, когда игралъ хоръ музыкантовъ, адъютантъ обыкновенно стоялъ потупивъ голову, страшась мысли, что Джемима находилась въ числѣ зрителей; а при одномъ ужасномъ случаѣ, находясь близъ Букингемскаго дворца и въ полной формѣ, во время разговора съ какими-то дамами онъ внезапно такъ поблѣднѣлъ, что онѣ спросили его о здоровьи. Адъютантъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ, но позабылъ объ одномъ приказаніи, которое слѣдовало оставить въ казармахъ. Выразивъ надежду, что онѣ извинятъ его, адъютантъ повернулся и пошелъ такъ быстро, какъ только могло быть совмѣстно съ достоинствомъ его положенія. Причиной такого чрезвычайно страннаго поведенія съ его стороны было дѣйствительное появленіе приближавшейся къ нему Джемимы, которая однакожь, къ благополучію адъютанта, не замѣтила его.

Впрочемъ, отдавая справедливость адъютанту, его нельзя было обвинять въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей; въ настоящемъ случаѣ его сильно поддерживалъ полковой докторъ, который въ послѣднее время замѣчалъ какую-то особенность въ физическомъ организмѣ мистера Джемса Дюка, особенность, совершенно противоположную той, которая была главнымъ недостаткомъ въ Джемимѣ. Ея нижніе члены, какъ было уже сказано, продолжали расти еще долго послѣ того, какъ прекратился ростъ туловища; между тѣмъ какъ у мистера Джемса Дюка, совсѣмъ напротивъ, — ноги вдругъ перестали расти, а туловище развивалось такъ быстро, что обѣщало, по достиженіи полнаго роста, принять всѣ формы стараго гренадера. Надо замѣтить еще одно обстоятельство, что хотя ростъ ногъ въ длину и остановился, но онѣ продолжали увеличиваться въ ширину, и въ послѣднемъ случаѣ грозили образовать изъ своего контура правильныя выпуклыя кривыя линіи, — угрозу, эту, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, онѣ привели въ полное исполненіе.

Джемима, убѣдясь теперь, что оставленіе Джемсомъ военной службы было дѣломъ рѣшеннымъ, обратила свои мысли на его будущее благополучіе. Это ее сильно безпокоило, она очень хорошо помнила слова, которыя часто повторялъ ея отецъ въ послѣднее время,—что, когда дьяволъ находитъ человѣка праздным, то сейчасъ же даетъ ему въ руки свою работу, — и потому она рѣшила, что надо какъ можно скорѣе отстранить отъ племянника своего искушеніе подобнаго рода. Но какъ и гдѣ найти ему мѣсто, представлялось ей весьма трудной задачей. Маленькое покровительство, которымъ она пользо-

валась, ограничивалось единственно мѣстностью, въ которой она жила, а туда Джемсъ не смѣлъ показаться. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ она успѣла однако же, чрезъ вліяніе своей госпожи, достать для него за дешевую плату мѣсто пажа въ домѣ одного второстепеннаго чиновника, жена котораго была помѣшана на модѣ и джентильности. Отсюда его скоро уволили; услуги его были ничтожны, а аппетитъ огромный. Послѣ этого, въ теченіи нѣкотораго времени онъ жилъ на небольшія сбереженія Джемимы, хотя надо отдать ему справедливость, онъ дѣлалъ это совершенно противъ воли. Много и много было попытокъ съ его стороны достать какое нибудь мѣсто, но безъ успѣха; надо впрочемъ и то сказать, до сихъ поръ было еще загадкой, къ какому занятію онъ способенъ. Аттестатовъ онъ не имѣлъ никакихъ, а если бы и имѣлъ, то сомнительно, чтобы они имѣли успѣхъ; умѣнье хорошо барабанить было полезно только для весьма немногихъ занятій, а всего меньше оно годилось для службы въ спокойныхъ частныхъ семействахъ,—службы, которую Джемимѣ такъ хотѣлось предоставить ему.

Джемсъ нашелъ однакоже возможность дѣлать нѣкоторыя прибавленія къ получаемымъ отъ Джемимы деньгамъ. Онъ ходилъ по улицамъ въ надеждѣ найти лошадей, которыхъ бы попросили его подержать, толкался у вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ и у пароходныхъ пристаней, при случаѣ услуживая пассажирамъ. Кромѣ того, онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ по Линденгольмскому рынку, въ ожиданіи случая отнести на станціи различныхъ желѣзныхъ дорогъ дичь или другую купленную провизію. Этими способами онъ часто не дотрогивался до фондовъ Джемимы. Доходы Джемса не были однакоже велики, и иногда въ мокрую погоду онъ не заработывалъ даже шести пенсовъ, а между тѣмъ башмаки его видимо приходили въ разрушеніе, ткань на платьѣ замѣтно рѣдѣла и слѣдовательно принимала наружность менѣе и менѣе респектабельную.

Ветхое состояніе одежды молодаго человѣка начинало имѣть самое вредное дѣйствіе на его фортуну. Небольшая респектабельность ея прежней наружности теперь совершенно утратилась, и онъ пересталъ получать порученія прежняго свойства. Всѣ джентльмены, покупки которыхъ Джемсъ вызывался отнести, обходились съ нимъ сурово, и вмѣсто того, чтобы довѣрить ему свою ношу, они крѣпче держали ее, какъ будто боясь, что если передадутъ ее изъ своихъ рукъ въ руки Джемса, то она по всей вѣроятности исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ до прихода на станцію. На пароходныхъ пристаняхъ та же несчастная судьба преслѣдовала его; дежурный констабль прогонялъ его съ пристани,—и это было ежедневнымъ событіемъ. Полиція теперь такъ часто называла его «молодымъ бродягой», что онъ началъ признавать

это достоинствоза свое собственное и отзываться на него безъ всякой боли для своихъ чувствъ; а между тѣмъ не было еще ни одного случая, въ которомъ бы онъ въ поступкахъ своихъ показалъ хотя малѣйшую тѣнь безчестія. Линденгольмскій рынокъ, до наступленія дня, сдѣлался теперь единственнымъ мѣстомъ, которое было для него открыто. Тамъ во мракѣ онъ заработывалъ иногда бездѣлицу, но такъ рѣдко и въ такіе долгіе промежутки времени, что этихъ пріобрѣтеній едва едва доставало только на сохраненіе себя отъ голодной смерти, а о покупкѣ на нихъ новаго платья было бы смѣшно и помышлять.

Въ это время онъ такъ тяжело налегалъ на ресурсы Джемимы, что она сдѣлалась такою же нищею, какъ и онъ; словомъ, положеніе дѣлъ начинало принимать самый отчаянный видъ. — Что дѣлать съ нимъ, она рѣшительно не знала, а между тѣмъ мысль покинуть его никогда не приходила ей въ голову. Остававшаяся у него бездѣлица, — всего нѣсколько шиллинговъ, — и та должна была скоро истощиться,—и тогда какая же будетъ его судьба? Если отъ времени до времени ей приходила мысль о благотворительности прихода, то она сейчасъ же прогоняла ее,—и дѣйствительно, если бы онъ обратился за помощью къ приходскимъ властямъ, то какого слѣдовало ожидать результата? Онѣ распросили бы его о прежней его жизни, узнали бы, что онъ дезертиръ, и какъ дезертира, передали бы его въ руки военныхъ властей, которыя хотя и смотрѣли на побѣгъ сквозь пальцы, допуская существованіе въ области военныхъ законовъ обыкновенія заявлять объ оставленіи военной службы, какъ онъ и Джемима заявили объ этомъ ея величеству, но теперь онѣ уцѣпились бы за этотъ фактъ, и такъ какъ розги и палки въ то время употреблялись въ военной службѣ чаще, чѣмъ нынѣче, то Джемсъ былъ бы подвергнутъ жестокому наказанію, прежде чѣмъ ему удалось бы совершить новый побѣгъ.

Однажды зимнимъ вечеромъ, послѣ безуспѣшной попытки заработать какую нибудь бездѣлицу, Джемсъ зашелъ къ Джемимѣ. Бѣдная пришла въ крайнее уныніе, увидѣвъ утомленный его видъ, ветхую и грязную одежду. Въ это время она занималась для одного изъ квартирантовъ приготовленіемъ къ обѣду пары куръ, но печаль, сжавшая сердце дѣвушки при видѣ его наружности, заставила ее на минуту тавить росаботу, хотя она и то уже немного опоздала. Кромѣ того, Джемимѣ въ тотъ день нездоровилось, она была не въ духѣ и до появленія Джемса, которое еще болѣе усилило ея непріятное настроеніе. Она на нѣсколько минутъ присѣла на стулъ у огня; ея глаза наполнились слезами, когда она стала размышлять о плачевномъ положеніи Джемса и о своемъ безсиліи помочь ему. Казалось, онъ ни

къ чему не былъ способенъ. Теперь уже было ясно, что его ноги отказались отъ дальнѣйшаго роста, между тѣмъ какъ его туловище энергически исполняло свою обязанность, увеличиваясь все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Это обстоятельство отнимало у него всякую возможность поступить куда нибудь въ домашнее услуженіе, а небольшое покровительство, которымъ обладала Джемима, только и ограничивалось этой стороной рабочей жизни. Съ глубокой грустью размышляла она объ этомъ предметѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потомъ вдругъ печальное выраженіе ея лица измѣнилось,—на немъ отразилось сначала изумленіе, которое черезъ моментъ замѣнилось глубокимъ удовольствіемъ. Причиной этихъ быстрыхъ перемѣнъ было слѣдующее: въ то время какъ она сидѣла углубленная въ печальныя размышленія, Джемсъ, чтобы помочь ей, началъ приготовленіе другой курицы и обнаружилъ столько ловкости и знанія дѣла, что Джемима пришла наконецъ въ невыразимый восторгъ. Она открыла занятіе, для котораго Джемсъ былъ подготовленъ самой природой. Она встала съ мѣста и молча начала наблюдать за своимъ племянникомъ; въ modus operandi онъ не сдѣлалъ ни одной ошибки. Проворство и тактъ, съ которыми онъ ощипывалъ птицу, быстрота и опрятность, съ которыми потрошилъ ее, показывали, что онъ гордился обладаніемъ природнаго генія для этой операціи. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, природный геній былъ только способностью легко изучать, соединенной съ любовію къ той наукѣ, которую предстояло изучить. Джемсъ дѣйствительно отъ природы любилъ изученіе битой дичи, и въ теченіе длинныхъ часовъ, которыя онъ проводилъ безъ всякаго дѣла на Лиденгольмскомъ рынкѣ, онъ наблюдалъ различныхъ работниковъ, когда они приготовляли птицу для рынка, и теперь при первой попыткѣ, обнаружилъ свои способности наблюденія и подражанія. Странно сказать, даже его ранняя опытность въ качествѣ барабанщика въ настоящемъ случаѣ оказывала ему нѣкоторую помощь; она сообщила необыкновенную гибкость и силу ручной кисти, которыя онъ въ будущемъ и хотѣлъ употребить въ дѣло при отправленіи обязанностей курятнаго торговца, если бы фортунѣ удалось доставить ему такое высокое положеніе. И она доставила ему это положеніе. Джемима на другой же день обратилась къ торговцу, доставлявшему провизію въ ихъ домъ, и онъ, чтобы сдѣлать ей одолженіе, въ свою очередь попросилъ оптовый домъ въ Ньюпортскомъ рынкѣ, отъ котораго получалъ всѣ предметы своей торговли:—конецъ концовъ былъ тотъ, что Джемсъ получилъ мѣсто прикащика и разсыльнаго въ весьма почтенномъ заведеніи, съ жалованьемъ по десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ, безъ стола и квартиры.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГДѢ ИСКАТЬ НАСТОЯЩАГО СРЕДСТВА
ДЛЯ ПОПРАВЛЕНІЯ НАШИХЪ ФИНАНСОВЪ?

Наши финансы составляютъ давно предметъ усердныхъ заботъ и толковъ въ литературѣ и публикѣ. Прочтя это заглавіе, читатель навѣрное съ любопытствомъ станетъ искать въ нашей статьѣ этого обѣщаемаго средства для поправленія дѣла, надъ которымъ вотъ уже десять лѣтъ сряду трудятся наши финансисты, напутствуемые совѣтами науки и литературы, поучаемые ошибками и опытами предшественниковъ, и все-таки не успѣвающіе сдѣлать того, что желаютъ. Читатель ждетъ и недоумѣваетъ, какое можетъ быть придумано средство, какая найдена комбинація для болѣе или менѣе быстраго погашенія долговъ, поднятія курса, обогащенія затрудненной казны. И недоумѣніе его совершенно основательно, потому что никакая финансовая выдумка тутъ невозможна, долги не могутъ быть погашены быстро, если нечѣмъ ихъ погасить; курсъ не можетъ быть поднятъ, если нечѣмъ поднять его, и казна останется затруднена болѣе или менѣе долго, если наполнить ее нечѣмъ. Въ этомъ отношеніи всѣ финансовыя хитрости и волшебства сводятся къ временному наполненію кармана посредствомъ займовъ, и никакихъ другихъ средствъ поправлять стѣсненное положеніе не изобрѣла финансовая практика. Долги наши дѣлались съ различными цѣлями и на различныхъ условіяхъ: на покрытіе военныхъ тратъ, на поправленіе курса, на постройку желѣзныхъ дорогъ, на покрытіе дефицитовъ и выкупную опе-

рацію. Они будутъ продолжать дѣлаться и впредь, и въ этомъ отношеніи фискъ могъ бы назвать себя счастливымъ, еслибъ онъ могъ сказать, что будетъ вынужденъ дѣлать долги только умѣренные. Кромѣ долговъ, есть еще одно средство, также отчасти испробованное, это — сокращеніе расходовъ; но если взвѣсить результаты, которые могли получиться изъ этого средства, то мы должны будемъ придти къ тому грустному заключенію, что всякая прогрессивная попытка къ сокращенію копѣекъ совпадала съ быстрымъ приращеніемъ новыхъ милліонныхъ долговъ. Оба названные источника, и долги, и сокращеніе расходовъ, не представляются поэтому сами по себѣ удовлетворяющими цѣли. Мы не будемъ поэтому ни искать, ни предлагать какихъ либо плановъ, почерпнутыхъ у того или другаго источника. Напротивъ того, если мы останавливаемся на настоящемъ вопросѣ, то потому только, что эти планы продолжаютъ отыскиваться по прежнему въ долговомъ способѣ поправленія обстоятельствъ, и наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы поставить читателя на настоящую точку зрѣнія относительно вопроса. Впрочемъ, да не подумаютъ, что все, что мы хотимъ сказать, будетъ состоять въ однихъ общихъ возгласахъ противъ долговъ; то, что мы называемъ теперь настоящей точкой зрѣнія относительно вопроса о поправленіи финансовъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе простаго порицанія долговъ; читатель увидитъ съ той точки зрѣнія, на которую мы его поставимъ, и настоящую причину разстройства, и настоящій выходъ изъ положенія, или по крайней мѣрѣ настоящій и нормальный путь, ведущій къ этому выходу,—мы укажемъ ему слѣдовательно, какъ обѣщали, тотъ путь, на которомъ слѣдуетъ искать настоящаго средства для поправленія финансоваго положенія. Затѣмъ ему останется самому рѣшать только, какъ лучше идти по этому пути.

Но что читатель пока не стоитъ на настоящей точкѣ зрѣнія къ вопросу, въ этомъ-то насъ и удостовѣряетъ на столько же продолжающееся искательство средствъ къ поправленію положенія въ прогрессивныхъ по процентности долгахъ, насколько и самый взглядъ публики и литературныхъ органовъ на коренныя причины всего разстройства.

Одного небольшаго замѣчанія будетъ достаточно для того, чтобы показать всю сомнительность и ложность обыденнаго взгляда не только на средства, но и на самыя причины раз-

стройства. Когда мы смотримъ на наши финансовые счеты, гдѣ мы ищемъ въ нихъ настоящаго больнаго мѣста? Не правда ли, что привыкнувъ видѣть обыкновенно въ процентныхъ долгахъ желанное средство для поправленія финансовъ, мы разсуждаемъ какъ будто такъ, что долги эти составляютъ средство для поправленія зла, а потому въ нихъ какъ будто и не можетъ заключаться вовсе причины разстройства. Наше вниманіе поэтому скользитъ надъ итогами разнообразныхъ процентныхъ бумагъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ, и само собою какъ-то централизуется на двухъ статьяхъ: на суммѣ размѣннаго фонда и кредитныхъ рубляхъ, т. е. на долгѣ безпроцентномъ. Отношеніе между размѣннымъ фондомъ и кредитными рублями служитъ для насъ какъ бы всѣмъ термометромъ финансоваго положенія. Возрастаніе или упадокъ цифры въ графѣ металлическаго фонда или безпроцентныхъ кредитныхъ рублей возбуждаетъ въ насъ безпокойство или спокойствіе, и мы не только мѣримъ финансовое положеніе вексельнымъ курсомъ, но и видимъ всю причину его удовлетворительности или запутанности спеціально въ положеніи безпроцентнаго долга, т. е. кредитныхъ рублей.

Если бы у насъ спросили, закрывъ отъ насъ всѣ государственные счеты, какіе долги по нашимъ частнымъ понятіямъ, выведеннымъ изъ житейской практики, считаемъ мы опаснѣе, тяжелѣе для нашего личнаго бюджета — процентные или безпроцентные, и какіе, слѣдовательно, скорѣе должны служить мѣрой нашего запутаннаго положенія, то мы не затруднились бы отвѣтить, что настоящее больное мѣсто скорѣе заключается въ долгахъ процентныхъ, чѣмъ безпроцентныхъ. Итакъ, пока рѣчь идетъ о частной сферѣ, мы можемъ очень хорошо понимать вещи, а разъ рѣчь зашла о государствѣ — мы сбиты съ толку, какъ школьникъ, который знаетъ урокъ только сначала, и неспособны понимать того, что собственно очень хорошо понимаемъ.

Десять лѣтъ такимъ образомъ мы спимъ и видимъ, что нашъ финансовый кошмаръ заключается въ 300 милл. излишнихъ бумажекъ, что если эти бумажки какъ нибудь изъять, то все пойдетъ блистательно, и все придумываемъ средства, какъ бы изъять эти бумажки, и все думаемъ, что найдемъ такое средство; между тѣмъ какъ съ другой стороны у насъ наростаютъ процентные долги, о которыхъ мы вовсе не заботимся. Заключали заемъ съ спеціальной цѣлью такого изъятія, и только

на нѣсколько мѣсяцевъ умѣрили общее безпокойство, а затѣмъ оно возобновилось снова, и замѣтьте, возобновилось не потому, что оказался въ дебетѣ новый англо-голландскій заемъ въ 90 милл., а потому только, что курсъ упалъ снова.

Вотъ точно также разсуждаютъ до сихъ поръ и тѣ изъ нашихъ немногихъ публицистовъ, которые, вообще говоря, лучше другихъ умѣютъ разсуждать о финансовыхъ вопросахъ, но только на столько, на сколько захотятъ.

Государственный банкъ опубликовалъ напримѣръ недавно сводную таблицу своихъ счетовъ за послѣдніе мѣсяцы. «Московскія Вѣдомости» занялись этой таблицей съ этой именно грубой точки зрѣнія, занялись разборомъ ея со стороны размѣннаго фонда и кредитныхъ рублей. Точно и взаправду состояніе размѣнной кассы служитъ главной и исключительной мѣркой финансоваго положенія, и изъ этого состоянія, строго говоря, могутъ быть выведены какія либо надежды или опасенія, и притомъ только отсюда. Эти двѣ статьи въ отчетахъ государственнаго банка — состояніе размѣннаго фонда и кредитныхъ рублей—они комментируютъ съ классической отчетливостью и даютъ все, что нужно читателю для критическаго взгляда на эти цифры. Мы приведемъ эти разъясненія московскихъ публицистовъ потому, что они могутъ послужить намъ удобнымъ началомъ для дальнѣйшаго развитія вопроса. Но только именно началомъ, не болѣе; какъ мы сказали, весь вопросъ сосредоточивается для московскихъ публицистовъ въ положеніи размѣнной кассы, и на анализѣ положенія этой-то кассы сосредоточивается все ихъ вниманіе.

«Уже не разъ случалось намъ, пишутъ «Московскія Вѣдомости», вести рѣчь о томъ, что размѣнный фондъ состоитъ у насъ не изъ однихъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ, но также изъ публичныхъ фондовъ, которые хотя и числятся въ размѣнномъ фондѣ, но для размѣна употребляемы быть не могутъ. Эта послѣдняя, такъ сказать, номинальная часть фонда, должна быть отличаема отъ его металлической части. Затѣмъ и въ фондѣ собственно металлическомъ слѣдуетъ различать двѣ составныя части: государственный металлическій фондъ, составляющій обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, и металлическій фондъ, принадлежащій государственному банку и поступающій по его оборотамъ. Первую изъ этихъ двухъ частей можно назвать металлическимъ размѣннымъ фондомъ, такъ какъ она

предназначена для размѣна кредитныхъ билетовъ, вторую — металлическимъ банковыхъ фондомъ.

«Законный порядокъ по отношенію къ металлическому фонду состоитъ въ слѣдующемъ. Банковый металлическій фондъ есть основаніе для производимой государственнымъ банкомъ торговли драгоцѣнными металлами; онъ можетъ уменьшаться или увеличиваться, смотря по оборотамъ банка и сообразно усмотрѣнію его правленія, которое имѣетъ тутъ полную свободу; оно можетъ держать въ своихъ кладовыхъ значительныя массы золота и серебра, но можетъ и не держать ни одного золотника. Другое дѣло — металлическій размѣнный фондъ: онъ предназначенъ исключительно для размѣна кредитныхъ билетовъ, а потому при закрытіи размѣна долженъ оставаться неприкосновеннымъ: съ другой стороны, по прекращеніи выпуска кредитныхъ билетовъ на покрытіе расходовъ восточной войны, кредитные билеты уже не должны быть выпускаемы въ обращеніе иначе, какъ по внесеніи соотвѣтственнаго количества звонкой монеты въ размѣнный металлическій фондъ. Таковъ законный порядокъ, но отъ него возможны разныя отступленія. Въ чемъ же состояли и въ чемъ могли состоять эти отступленія?

«Они могли имѣть слѣдующіе четыре вида:

«1. Хотя размѣнъ прекращенъ для публики, но кредитные билеты могутъ быть представляемы къ размѣну отъ государственной казны. Банкъ выдаетъ подъ нихъ звонкую монету, а ихъ предаетъ уничтоженію. Въ этомъ случаѣ размѣнный металлическій фондъ уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и количество обращающихся кредитныхъ билетовъ, а потому этотъ видъ отступленій отъ правильнаго порядка можетъ быть названъ наименѣе неправильнымъ. Онъ не только не сопряженъ съ новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, но напротивъ, ведетъ къ сокращенію ихъ количества.

«2. Хотя размѣнный металлическій фондъ предназначенъ исключительно для размѣна кредитныхъ билетовъ, но онъ можетъ быть отвлекаемъ отъ этого назначенія, и государственное казначейство можетъ брать изъ него звонкую монету взаймы, то есть платя за нее не какъ сказано выше — кредитными билетами (подлежащими въ этомъ случаѣ уничтоженію), а обязательствами, или росписками. При этомъ способѣ размѣнный металлическій фондъ уменьшается безъ соотвѣтственнаго умень-

шенія въ количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ, но уменьшеніе размѣннаго фонда не сопряжено по крайней мѣрѣ съ новыми выпусками кредитныхъ билетовъ.

«3. Возможенъ еще слѣдующій случай: по строгому закону, для выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ необходимо внести въ металлическій размѣнный фондъ соотвѣтствующую сумму звонкой монеты, но какъ скоро входитъ въ обычай замѣнять звонкую монету размѣннаго фонда расписками или обязательствами, числящимися за звонкую монету, то этимъ обычаемъ можно воспользоваться для того, чтобы выпускать новые кредитные билеты не подъ звонкую монету, а подъ обязательства или расписки, ее замѣняющія. Положимъ, что предполагается выпустить 12 милліоновъ кредитныхъ билетовъ; по строгому закону необходимо внести въ размѣнный металлическій фондъ 12 милліоновъ звонкой монеты, но при изложенномъ сейчасъ льготномъ взглядѣ, можно внести въ размѣнный фондъ не звонкую монету, а обязательство, и подъ это обязательство выпустить 12 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Въ этомъ случаѣ размѣнный *металлическій* фондъ не увеличился бы ни однимъ золотникомъ металла, а къ денежному обращенію прибавилось бы 12 милл. кредитныхъ билетовъ.

«4. Вмѣсто обязательства, упомянутаго въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, могутъ быть внесены въ размѣнный фондъ бумаги, имѣющія обращеніе на биржѣ, съ тѣмъ, чтобы подъ эти бумаги либо взять изъ размѣннаго фонда золото, какъ въ пунктѣ 2, либо выпустить новые кредитные билеты, какъ въ пунктѣ 3.

«При каждомъ изъ этихъ четырехъ способовъ уменьшается процентное отношеніе размѣннаго металлическаго къ количеству обращающихся въ публикѣ кредитныхъ билетовъ, и каждый разъ, когда это процентное отношеніе у насъ уменьшалось, причиной тому бывало допущеніе одного изъ этихъ четырехъ способовъ».

Сравнивая затѣмъ между собою цифры размѣннаго фонда и кредитныхъ билетовъ, «Московскія Вѣдомости» приходятъ къ слѣдующимъ утѣшительнымъ результатамъ: 1) съ перваго января по первое ноября текущаго года, металлическій размѣнный фондъ возросъ на 1 милл. съ лишнимъ. Количество кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, уменьшилось на 1,893,611 руб. И количество билетовъ этихъ, не покры-

тыхъ металлическою частью размѣннаго фонда, убавилось на 3,973,000 руб., т. е. между тѣмъ, какъ въ началѣ года на 1 руб. размѣннаго фонда приходилось 10 руб. 74 к. непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ, теперь ихъ приходится только 10 руб. 47 к., т. е. на 27 к. менѣе. Все это улучшеніе произошло, какъ объясняютъ «Московскія Вѣдомости», вслѣдствіе новаго выпуска серій и лотерейнаго займа, ибо «государственное казначейство имѣло возможность предоставить государственному банку нѣкоторую свободу движенія, не обращая его операцій въ свои финансовые способы».

Итакъ, если смотрѣть на процентные долги, какъ на средство, служащее къ поправленію финансовъ, а на положеніе размѣннаго фонда и безпроцентныхъ долговъ, какъ на критеріумъ финансоваго положенія, то нужно будетъ придти къ тому грустному результату, что долгъ въ 116 милл., изъ коего 100 милл. заняты по $7^1/_2\%$, въ состояніи поправить финансовое положеніе только на отношеніе 27 коп. къ 10 руб. 47 коп.

Но и эта еще поправка, по объясненію «Московскихъ Вѣдомостей», оказывается только кажущейся, такъ какъ количество билетовъ должно измѣряться не общей суммой всѣхъ выпущенныхъ билетовъ, изъ коихъ часть можетъ лежать въ кассахъ банка и не находиться въ дѣйствительномъ народномъ обращеніи, а суммой, остающейся за вычетомъ этой части билетовъ, лежащей въ банкѣ. Если же взять въ разсчетъ это обстоятельство, то окажется, что число вообще выпущенныхъ билетовъ хотя и уменьшилось противъ прошлаго года, но за то отношеніе между дѣйствительно находящимися въ обращеніи билетами измѣнилось къ худшему противъ прошлаго года, а слѣдовательно и заемъ въ 116 милл. въ результатѣ ничѣмъ не облегчилъ безпроцентнаго долга; и дѣйствительно, курсъ, болѣе твердый въ началѣ года, сталъ все болѣе и болѣе колебаться къ его концу, какъ объясняютъ «Московскія Вѣдомости».

Отсюда, какъ и изъ предъидущихъ примѣровъ и преимущественно англо-голландскаго займа, сдѣланнаго съ спеціальной цѣлью поднять курсъ, мы можемъ, стало быть, только заключить, что или положеніе кредитныхъ знаковъ безпроцентныхъ не составляетъ настоящаго критеріума финансоваго положенія, или займы процентные мало помогаютъ вообще улучшенію финансовъ.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ изслѣдованію вопроса о

томъ, въ чемъ заключается настоящій критеріумъ финансоваго положенія, и вопросъ этотъ самъ собою приводится къ разъясненію настоящаго смысла кредитныхъ знаковъ вообще, и отношенія между знаками процентными и безпроцентными. Рѣшеніе этихъ вопросовъ откроетъ намъ истинную точку зрѣнія, ставъ на которую, мы и узнаемъ, почему наши финансы не поправляются, не смотря на спеціальные займы съ этой цѣлью.

Для того, чтобы рѣшить эти вопросы, забудемъ на минуту различіе процентнаго и безпроцентнаго долговъ, и будемъ разсуждать о деньгахъ вообще. Въ этомъ смыслѣ выпускъ бумажныхъ денегъ есть такой же долгъ фиска обществу, какъ и всякій внутренній заемъ, т. е. выпускъ серій, облигацій и билетовъ 5%, металлическихъ и 5½ процентныхъ рентъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. всякій долгъ предполагаетъ сосредоточеніе общественныхъ капиталовъ въ руки фиска,— только въ одномъ случаѣ капиталы сосредоточиваются за извѣстный процентъ, въ другомъ безпроцентно. Какой изъ этихъ видовъ займа выгоднѣе, въ этомъ кажется не можетъ быть, разсуждая отвлеченно, никакого сомнѣнія. Безпроцентный долгъ выгоднѣе, а потому и выпускъ кредитныхъ билетовъ выгоднѣе выпуска облигацій. Но говорятъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ имѣетъ свои границы и не можетъ простираться безпредѣльно, не сопровождаясь упадкомъ курса этихъ билетовъ, а потому тамъ, гдѣ кончается возможность безпроцентнаго займа, тамъ начинается и дѣлается возможнымъ одинъ процентный заемъ.

Но вѣдь и процентный заемъ сопровождается точно также упадкомъ курса своихъ облигацій и также имѣетъ свои предѣлы. Собственно говоря, онъ начинается тамъ, гдѣ безпроцентный заемъ переступилъ извѣстную мѣру, и состоитъ въ возвращеніи въ руки казны излишне выпущенныхъ безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ съ цѣлью — не увеличивая общей суммы обращающихся знаковъ, имѣть возможность пустить ихъ вновь въ обращеніе. Процентные займы, заключаемые поэтому послѣдовательно изъ года въ годъ, служатъ лишь свидѣтельствомъ того, что казна возвращала въ свои руки по нѣскольку разъ выпущенные ею кредитные знаки, съ цѣлью пустить ихъ снова въ обращеніе, и возвращала уже подъ условіемъ—платить по нимъ извѣстный процентъ. Процентные дол-

ги служатъ такимъ образомъ лишь косвеннымъ средствомъ обращенія первоначальнаго безпроцентнаго долга въ процентный и мы только обманываемся при этомъ формой разнообразнаго числа процентныхъ долговъ, считая каждый изъ нихъ какъ бы за новый, особый разрядъ бумажныхъ цѣнностей и капиталовъ; тогда какъ въ сущности всѣ долги, взятые вмѣстѣ, представляютъ одинъ и тотъ же вещественный капиталъ страны, который не можетъ быть ни уменьшенъ, ни увеличенъ черезъ выпускъ бумажныхъ знаковъ какого бы то ни было новаго разряда, а остается одинъ и тотъ же и выражается нормальнымъ числомъ безпроцентныхъ знаковъ, и процентные долги, взятые во всей своей суммѣ, выражаютъ суммой своихъ процентовъ лишь величину того процента, который обязанъ въ данную минуту платить фискъ за долгъ, первоначально безпроцентный. Т. е., если мы имѣемъ 600 милл. кредитныхъ знаковъ, которые могли бы обращаться безпроцентно и безъ упадка курса, да имѣемъ при этомъ 600 милл. 6% долга, то это значитъ, по меньшей мѣрѣ, то же самое въ разсужденіи фиска, какъ если бы каждый кредитный рубль его изъ 600 милл. составлялъ шестипроцентную рублевую облигацію. Поэтому государство, имѣющее процентные долги, въ сущности не имѣетъ уже безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ и всѣ его знаки превращаются въ процентные. И чѣмъ больше оно имѣетъ долговъ, тѣмъ выше процентъ, который оно обязуется платить по первоначальному безпроцентному долгу.

Кредитный рубль, ставъ такимъ образомъ процентнымъ знакомъ, приноситъ уже неизбѣжную премію и, проходя черезъ эти знаки, приноситъ уже извѣстный процентъ въ извѣстныя руки и за тѣмъ пускается вновь казной въ обращеніе безпроцентно. Такъ было бы однако еще только въ томъ лишь случаѣ, если бы процентныя бумаги не имѣли никакого самостоятельнаго обращенія; но несомнѣнно, что на ряду съ безпроцентными знаками и они имѣютъ такое же обращеніе, а потому въ суммѣ вмѣстѣ съ процентными долгами возрастаетъ не только процентъ на обращающіеся рубли, но возрастаетъ и самая сумма этихъ обращающихся рублей или количество основнаго безпроцентнаго долга, т. е. денежныхъ знаковъ, и слѣдовательно падаетъ оборотная цѣнность рубля.

Въ суммѣ, стало быть, вся операція долговъ приходитъ къ повторенному займу все тѣхъ же и тѣхъ же капиталовъ, толь-

ко на все болѣе отяготительныхъ условіяхъ. Но вѣдь дѣйствительно занимаемые казною капиталы еще не всегда соотвѣтствуютъ номинальному количеству занятыхъ рублей. Кредитные безпроцентные рубли имѣютъ свой курсъ и свое отношеніе къ реальнымъ цѣнностямъ, вещамъ или тому труду, который они выражаютъ, а потому величина реально занимаемаго капитала зависитъ еще отъ отношенія цѣнности бумажнаго рубля къ реальному капиталу или цѣнности вещей, и это отношеніе зависитъ въ свою очередь отъ количества выпущенныхъ въ обращеніе рублей, такъ что дѣйствительная процентность рубля возрастаетъ еще пропорціонально упадку курса кредитныхъ рублей.

Все это вмѣстѣ приводитъ къ тому заключенію, что дѣйствительно положеніе кредитнаго рубля служитъ критеріумомъ финансоваго положенія, но не положеніе кредитнаго рубля просто и исключительно, а на сколько оно находится въ связи съ прочими процентными долгами, т. е. другими словами, положеніе финансовъ зависитъ не отъ одного безпроцентнаго долга исключительно, а отъ всей суммы долговъ, какъ процентныхъ, такъ и безпроцентныхъ. Слѣдовательно въ конечномъ результатѣ это положеніе зависитъ, во первыхъ, отъ количества обращающихся кредитныхъ рублей, а во вторыхъ, отъ процента, который причитается на эти рубли вслѣдствіе процентныхъ долговъ.

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что финансы могутъ быть разстроены въ томъ случаѣ, когда государство не имѣетъ вовсе процентныхъ долговъ, если оно замѣняетъ заключеніе прямыхъ займовъ неограниченнымъ выпускомъ безпроцентныхъ знаковъ; точно также государство можетъ быть въ лучшемъ финансовомъ положеніи, имѣя незначительный процентный долгъ, но за то ограничивая выпускъ безпроцентныхъ знаковъ. Все зависитъ отъ размѣра кредитныхъ знаковъ процентныхъ долговъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, и выпуская черезъ мѣру кредитные рубли, и заключая займы процентные, оно приводитъ общество къ одному и тому же обязательству уплачивать извѣстный лишній процентъ, въ первомъ случаѣ въ видѣ лажа, который является на кредитные рубли, во второмъ—въ видѣ прямаго процента, который уплачивается изъ налоговъ, т. е. уплачивается тѣмъ же обществомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, цѣль, которой достигаетъ государство, одна и та же—

оно стягиваетъ въ свои руки извѣстную долю обращающихся въ обществѣ вещественныхъ капиталовъ.

А если это такъ, если и выпускъ новыхъ рублей и заключеніе новыхъ займовъ процентныхъ приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, говоря отвлеченно, т. е. съ одной стороны обязываетъ общество извѣстнымъ процентомъ, съ другой—стягиваютъ въ руки фиска часть народныхъ капиталовъ; то не открывается ли самъ собою законъ, опредѣляющій предѣлы и разумность, какъ выпуска новыхъ рублей, такъ и новыхъ займовъ или новыхъ долговъ вообще? Законъ этотъ, кажется, указывается при такой постановкѣ самъ собою. Это общій экономическій законъ. Если мы привлекаемъ въ свои руки чужіе капиталы и обязуемся платить за это извѣстный процентъ, то для того, чтобы наши дѣла не разстроились отъ такой операціи и еще выиграли, чтобы наше положеніе стало не хуже, а лучше, то безусловно необходимо, чтобы привлеченные капиталы были употреблены на такое дѣло и производство, которое бы покрыло своей прибылью условленный процентъ и дало излишекъ; т. е. въ случаѣ, если капиталы привлечены казною, необходимо, чтобы они были употреблены ею на такое производство, которое увеличило бы народную производительность и народное богатство на столько, чтобы это богатство могло вынести условленный процентъ, а не были употреблены убыточно. Всякій долгъ представляется поэтому антиципаціей будущаго дохода и оправдывается только въ томъ случаѣ, когда доходъ или увеличеніе народнаго производства, которое должно произойти вслѣдствіе этого долга, покроетъ проценты предварительно условленные,—иначе эти проценты придется уплачивать изъ народнаго капитала и занятые капиталы составятъ чистую убыль изъ народнаго достатка. Это условіе или законъ увеличенія дохода, достаточнаго на покрытіе условленнаго процента, выражается въ случаѣ не прямаго займа, а черезъ выпускъ новыхъ кредитныхъ рублей, — это условіе, говорю я, выражается въ этомъ случаѣ увеличеніемъ народнаго производства на столько, чтобы выпущенные въ обращеніе рубли не оказались чрезмѣрными на рынкѣ и стали необходимымъ орудіемъ обмѣна соотвѣтственно увеличившемуся производству. Иначе, если выпускъ кредитныхъ рублей увеличится, а производство останется то же или не увеличится на столько, чтобы вызвать соразмѣрную потребность въ знакахъ обмѣ-

на, то рубли эти упадутъ въ курсѣ, ибо та же сумма вещей будетъ принуждена обмѣниваться теперь на большее противъ прежняго количество знаковъ. Мало того, тотъ же результатъ долженъ быть и въ томъ случаѣ, если мы не только увеличимъ, а оставимъ тотъ же долгъ, или даже уменьшимъ количество кредитныхъ рублей, но въ то же время еще болѣе понизимъ народное производство.

Отсюда мы узнаемъ двѣ важныя вещи. Во первыхъ, мы выучиваемся тому соображенію, что долги долгамъ розь, точно также, какъ и различны по своимъ послѣдствіямъ выпуски бумажныхъ рублей. Одни могутъ служить средствомъ къ увеличенію производства, другіе нѣтъ. Въ одномъ случаѣ, стягивая капиталы страны въ свои руки, затрачивая народный трудъ, казна образуетъ въ странѣ такія новыя учрежденія и устройства, которыя увеличиваютъ народную производительность, сумму народнаго производства и потребленія, и вслѣдствіе этого нужду въ знакахъ обмѣна; въ другомъ она этого ничего не дѣлаетъ, а только истрачиваетъ непроизводительно занятые капиталы. Во вторыхъ, мы узнаемъ, что если долги казны и количество кредитныхъ знаковъ вмѣстѣ взятые и могутъ служить вообще признакомъ финансоваго положенія, то мѣра эта или критеріумъ заключается не въ безусловномъ количествѣ кредитныхъ рублей, а въ отношеніи этого количества къ дѣйствительно потребному количеству для обращенія и обмѣна. Это же количество возрастаетъ и падаетъ сообразно количеству оборотовъ, слѣдовательно зависитъ отъ суммы производства и потребленія и выражается произведеніемъ стоимости вещей на количество покупокъ, совершаемыхъ каждымъ знакомъ. А если это такъ, то возникаютъ два вопроса:

1) Почему мы такъ много заботимся объ отношеніи количества кредитныхъ рублей къ металлическому фонду, и такъ мало заботимся объ ихъ *отношеніи къ народной производительности*, и столь же мало объ ихъ отношеніи къ суммѣ процентныхъ долговъ? Вѣдь всякій процентный долгъ есть новая прибавка къ кредитному безпроцентному рублю, которую должно покрыть народное производство. Почему же, разсуждая постоянно о металлическомъ фондѣ, мы не потрудимся узнать, въ какомъ отношеніи находится наше народное производство за послѣдніе годы,—а не то, какъ относится металлическій фондъ къ суммѣ процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ?

2) Почему мы такъ сильно хлопочемъ о сокращеніи числа кредитныхъ билетовъ и ради этого готовы на какія угодно процентныя обязательства, тогда какъ вопросъ очевидно вовсе не въ количествѣ кредитныхъ рублей, а въ отношеніи къ нему народной производительности, и вслѣдствіе этого въ доведеніи народной производительности до соотвѣтствія съ количествомъ выпущенныхъ знаковъ?

Знаютъ ли въ самомъ дѣлѣ наши ученые и публицисты, что сталось съ нашей производительностью со времени начала кризиса: увеличилась она, или уменьшилась, или осталась таже за послѣднія десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ они разсуждаютъ о поправленіи нашихъ финансовъ? Знаютъ ли они насколько нибудь приблизительную цифру этого производства вообще или даже капиталовъ, которыми владѣетъ наше общество? Есть ли у нихъ какія нибудь точныя статистическія данныя о нашей промышленности, нашемъ имуществѣ, есть ли у нихъ въ рукахъ готовый матеріалъ для нашей хозяйственной статистики? Нѣтъ, имъ неизвѣстно даже, сколько у насъ обработанной земли и сколько необработанной, сколько лѣсовъ, а о нашей промышленности они не знаютъ ничего ровно.

Неизвѣстно имъ наконецъ даже и то, что во всякомъ случаѣ поправленіе курса, которое они понимаютъ, какъ выемку изъ обращенія лишнихъ рублей, т. е. уплата долга, возможна только на счетъ того же увеличенія народнаго дохода или производительности и невозможна черезъ замѣну одного долга другимъ. Какъ же они хотятъ послѣ этого поправлять финансы? И вотъ стоятъ наши журналисты до сихъ поръ надъ кредитными рублями, какъ надъ кошмаромъ, и ждутъ, не растаютъ ли эти рубли какъ нибудь сами до желаннаго размѣра, или не удастся ли вновь поправить дѣло новой пробой какого либо займа, простой замѣной долговъ менѣе крупныхъ болѣе крупными. А о средствѣ дѣйствительномъ и единственномъ, о поднятіи народнаго производства, кто же думаетъ? и куда идетъ это производство, впередъ или назадъ, объ этомъ мало разсуждаетъ литература и ученые люди, много разсуждающіе о металлическомъ фондѣ. Десять лѣтъ времени должны же были произвести какую либо перемѣну въ этомъ производствѣ и если 700 милл. кредитныхъ рублей было слишкомъ много для нашихъ дѣлъ десять лѣтъ тому назадъ, то въ теченіи десяти лѣтъ народное производство могло сдѣлать какой нибудь успѣхъ.

Что же, сдѣлало оно этотъ успѣхъ, или нѣтъ: объ этомъ ниче го не знаютъ наши финансисты. Знаемъ мы только вмѣстѣ съ ними, что въ теченіи этого времени къ этимъ 700 милліоновъ прибавилось нѣсколько сотъ милліоновъ процентныхъ долговъ. Это значитъ, что значительная часть нашихъ оборотныхъ капиталовъ прошла за это время черезъ руки фиска. И если такая громадная сила проскользнула черезъ руки фиска безъ прямой выгоды для улучшенія финансовъ, то все это потому, что народное производство и его увеличеніе, какъ главное средство поправленія положенія, всего менѣе обращало на себя вниманія. Какой значительный переворотъ въ народномъ производствѣ могъ быть совершенъ при помощи этой денежной силы, то есть этихъ капиталовъ и личныхъ услугъ, которыя стягивались при посредствѣ займовъ, между тѣмъ какъ въ этомъ производствѣ едва ли не ощущался застой, а при такихъ условіяхъ самое сокращеніе кредитныхъ знаковъ еще не исправитъ финансовъ.

Какіе же у насъ есть признаки или основанія для того, чтобы подозрѣвать застой, и о какомъ направленіи капиталовъ говоримъ мы, которое привело бы къ увеличенію народной производительности?

Признаки застоя слѣдующіе. Во первыхъ, если фискъ своими займами и выпусками кредитныхъ знаковъ стягивалъ значительные капиталы въ свои руки, то эти капиталы пропадали для частной производительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадала для производительности вообще та часть этихъ капиталовъ, которая была употреблена на покрытіе военныхъ и другихъ дефицитовъ, и другихъ по сущности непроизводительныхъ издержекъ. Такимъ образомъ силою чисто внѣшнихъ обстоятельствъ эти капиталы пропадали для производительности.

Во вторыхъ, другое основаніе застоя вытекало само собою изъ положенія частныхъ дѣлъ. Среди крѣпостнаго порядка вся производительность была разсчитана на доходы исключительныхъ покупателей, на болѣе или менѣе крупныхъ потребителей. Народный трудъ уходилъ на посредственное или непосредственное потребленіе крупныхъ потребителей; чисто народной промышленности и производства, приноровленнаго къ потребленію народа, почти не существовало, потому что народу не на что было покупать. Въ эту систему производства, разсчитанную на исключительныхъ потребителей, естественно была втя-

нута и торговля. Между тѣмъ состоянія богатыхъ потребителей были уже истощены прежней роскошью. Крестьянская реформа должна была затѣмъ сократить земледѣльческое производство землевладѣльцевъ, и слѣдовательно произвести застой въ прежней коммерческой и промышленной системѣ и сократить, сообразно сокращенію доходовъ владѣтельныхъ классовъ, и самое промышленное производство предметовъ роскоши.

Но въ результатѣ такого кризиса прежней системы должны были оказаться въ избыткѣ, во первыхъ, свободный трудъ, во вторыхъ, свободные промышленные капиталы, которыхъ не могла болѣе поглощать прежняя промышленность. Этимъ капиталамъ естественно было направиться въ другую сторону, на развитіе промышленности и производства, разсчитанныя болѣе не на исключительныхъ потребителей, а на потребленіе массы общества, и положить такимъ образомъ начало чисто крестьянской промышленности. Но въ это самое время, эти капиталы были отвлечены фискальными займами. Въ самомъ этомъ отвлеченіи не было съ нашей точки зрѣнія ничего такого, что бы мы считали въ существѣ дѣла ненормальнымъ или неправильнымъ, потому уже, что само общество въ то же время не слишкомъ блистательно распорядилось значительной также частью своихъ капиталовъ, какъ доказала исторія *акціонерной горячки*. Государство, какъ главный хозяинъ экономическихъ интересовъ цѣлаго народа, можетъ отвлекать капиталы отъ того направленія, которое оно считаетъ невыгоднымъ для этихъ интересовъ, и можетъ извлекать капиталы для того, чтобы дать имъ болѣе выгодное направленіе для богатѣнія цѣлой націи. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать того, что только подъ этимъ условіемъ и при его выполненіи такое отвлеченіе капиталовъ имѣетъ справедливое основаніе. Сущность вопроса стало быть вовсе не въ металлическомъ фондѣ, ни въ долгахъ, а въ томъ употребленіи, которое дѣлаетъ страна изъ капиталовъ, и въ томъ примѣненіи, которое дѣлаетъ фискъ изъ этихъ капиталовъ въ томъ случаѣ, когда онъ извлекаетъ эти капиталы. Наша казна поэтому не только имѣла право на этомъ основаніи извлекать существующіе капиталы посредствомъ выпуска кредитныхъ знаковъ, но имѣетъ это основаніе всегда—подъ условіемъ обращенія этихъ капиталовъ на устройства, поднимающія народное производство. Пока это условіе соблюдается, до тѣхъ поръ всякій заемъ, всякое извлеченіе капи-

таловъ признается полезнымъ и выгоднымъ, и не можетъ имѣть существеннаго и продолжительнаго вліянія на курсъ. Послѣдній можетъ колебаться временно вслѣдствіе успѣшныхъ кредитовъ, принимаемыхъ на себя фискомъ, но если эти кредиты употребляются производительно, если за ними слѣдуетъ возвышеніе народнаго богатства, то это повышеніе народнаго богатства и производительности не замедлитъ дать себя почувствовать и успокоить курсъ. Точно также случается въ частной жизни относительно каждаго предпринимателя. Когда предприниматель выдастъ на себя слишкомъ значительное число кредитовъ или векселей, и рынокъ наводнится сразу векселями этого лица, то векселя эти могутъ упасть въ курсѣ, и кредитъ этого лица заколеблется, но это колебаніе кредита можетъ въ такомъ только случаѣ оказаться серьезнымъ и опаснымъ для предпринимателя, если займы, которые онъ сдѣлалъ подъ эти векселя, будутъ имъ употреблены или вовсе неудачно, или не на столько удачно, сколько требовали условія, на которыхъ заключены эти займы. Если же предпріятія его пойдутъ успѣшно, то онъ будетъ исправно расплачиваться по своимъ векселямъ и кредитъ его не замедлитъ не только возстановиться, но даже возвыситься. То же самое и относительно фиска.

Отсюда продолжительный упадокъ курса служитъ въ окончательномъ счетѣ вовсе не признакомъ нарушеннаго отношенія между металлическимъ запасомъ и кредитными знаками, а признакомъ неудачнаго употребленія капиталовъ страны и вслѣдствіе этого *прямымъ признакомъ упадка народнаго богатства*. Черезъ это самое уже дается и настоящій ключъ для поправленія курса, и мы видимъ, что ключъ этотъ долженъ заключаться вовсе не въ пополненіи размѣннаго фонда, который можетъ пополняться только на счетъ прилива иностранной монеты, а долженъ заключаться этотъ ключъ въ усиленіи народной производительности вообще, которая равняется возвышенію потребленія, возвышенію суммы покупокъ, возвышенію, стало быть, суммы реальныхъ цѣнностей, представляемыхъ выпущенными кредитными знаками, и слѣдовательно возведеніемъ выпущенныхъ кредитныхъ знаковъ на степень представителей реальныхъ цѣнностей и потому знаковъ, дѣйствительно потребныхъ въ обращеніи въ томъ количествѣ, въ какомъ они выпущены.

Вся философія курса, вся философія, можно сказать, всего

нашего финансоваго положенія приводится послѣ всего сказаннаго вовсе не къ вниманію и заботѣ о металлическомъ фондѣ. Послѣдній можетъ самъ собою пополниться вслѣдствіе расширенія экономическихъ средствъ страны и внѣшняго сбыта. Вся философія курса сводится къ вниманію и заботѣ объ усиленіи народной производительности. Можетъ быть, что такое усиленіе потребуетъ еще выпуска новыхъ кредитовъ, а не сокращенія старыхъ, извлеченія изъ общества остающихся капиталовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается при этомъ само собою и то направленіе, которое должны получить эти капиталы для того, чтобы дѣла могли поправиться къ лучшему. Направленіе это, при явномъ упадкѣ промышленности, разсчитанной на исключительные классы, при упадкѣ средствъ этихъ классовъ, указывается само собою въ развитіи промышленности, разсчитанной на массу населенія и народную промышленность, которая, увеличивая средства и удобства жизни простаго народа, тѣмъ самымъ увеличиваетъ и тѣ главные источники, изъ которыхъ черпаются всѣ фискальныя средства въ видѣ налоговъ и повинностей и состояніемъ которыхъ опредѣляется всегда финансовое положеніе государства. Въ развитіи этой-то крестьянской промышленности, — промышленности, приспособленной къ потребностямъ народа, и группировкѣ съ этой цѣлью крестьянскаго труда и существующихъ вещественныхъ капиталовъ — видимъ мы настоящую разгадку нашего финансоваго вопроса. И такъ какъ это направленіе труда и капиталовъ прежде всего зависитъ и относительно своего начала и дальнѣйшаго успѣха отъ воли правительства, то мы находимъ въ самой особенности нашихъ бытовыхъ и государственныхъ условій вмѣстѣ съ тѣмъ много данныхъ, облегчающихъ для фиска прямой путь рѣшенія вопроса несомнѣнно первѣйшей важности какъ для внѣшняго, такъ и для внутренняго положенія страны.

Мы высказали пока только одну общую мысль. Но если обстоятельства позволятъ, мы не откажемся войти въ ея частности и разсмотрѣть самые пути и формы ея практическаго осуществленія.

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

II.

Парижъ, 20 января н. ст. 1866.

I. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО НАНСІЙСКАГО КОМИТЕТА. — II. МЫСЛЬ НОВОЙ КНИГИ ЭДГАРА КИНЕ.—III. ПОЛЕМИКА ОБЪ «РЕВОЛЮЦІИ». — IV. ПРОГРАММА ЛУИ БЛАНА И ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ ДВИЖЕНІЕМЪ КООПЕРАТИВНЫМЪ. — V. ПРЕССА, МЕЖДУ АДМИНИСТРАЦІЕЙ И ДЕНЕЖНЫМЪ АНТРЕПРЕНЕРСТВОМЪ.—VI. ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ ЛЮКСАНБУРГСКАГО САДА И ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЛЮБЛЕННАГО ЛЬВА. (*)

I.

Нансійскій комитетъ недавно сказалъ свое *Послѣднее Слово*, въ формѣ новой брошюры. Онъ изъявляетъ свою радость по поводу успѣха, какой имѣлъ «Проэктъ децентрализаціи», и объявляетъ, что собравшись послѣ лѣта въ послѣдній разъ, члены его снова воспользуются своимъ правомъ начать разсужденія, «если только имъ можно будетъ воспользоваться этимъ правомъ». Но они не хотятъ расходиться, не выразивши благодарности своимъ знаменитымъ союзникамъ (illustres adhérentes), которымъ они обязаны успѣхомъ своего послѣдняго коллективнаго произведенія; не объяснивши, что эта *коалиція*, въ которой ихъ обвиняютъ, именно доказываетъ справед-

(*) Печатая это письмо нашего корреспондента, передающее любопытныя подробности о настроеніи умовъ во французскомъ обществѣ, мы оставляемъ за собой право высказаться о нѣкоторыхъ предметахъ, затронутыхъ въ этомъ письмѣ. *Ред.*

ливость выставленнаго имп положенія и признанную всѣми необходимость реакціи противъ правительственнаго поглощенія. Наша кампанія, восклицаютъ они, не предпринималась ни *противъ* кого, а предпринималась только *за* свободу... Извѣстно, и мы вовсе этого не скрываемъ, что авторы Нансійскаго проэкта и ихъ союзники не имѣютъ всѣ однихъ и тѣхъ же чувствъ, тенденцій, мнѣній о различныхъ предметахъ соціальной и политической организаціи, которая бы всего лучше шла для Франціи. Но они всѣ согласны въ одномъ пунктѣ, — именно, что Франціи, какъ и новѣйшей Европѣ, нужна свобода, вся свобода, совмѣстная съ порядкомъ, для котораго эта свобода, хорошо понятая и хорошо выполняемая, составляетъ одно изъ существенныхъ условій... Коалиція составляется тогда, когда, не сходясь относительно цѣли, люди сходятся только относительно средствъ. А для насъ, каковы бы ни были наши частныя мнѣнія, свобода не есть средство; она—цѣль; ея хотимъ достигнуть мы всѣ, и при этомъ намъ не зачѣмъ дѣлать никакихъ индивидуальныхъ отреченій отъ нашихъ принциповъ и мнѣній».

Это *Послѣднее Слово* немножко тщеславно, потому что пропаганда децентрализаціи не имѣла къ сожалѣнію никакого успѣха у правительства и не пріобрѣла большаго числа прозелитовъ внѣ образованныхъ классовъ, которые уже давно чувствуютъ тягость императорскаго всемогущества. Съ другой стороны, оно немножко наивно, потому что говорить объ обожаніи свободы для свободы, безъ любви и ненависти къ какимъ нибудь учрежденіямъ, которыя могутъ или обезпечить пользованіе этой свободой для каждаго гражданина и для различныхъ общественныхъ группъ, или могутъ обезпечить ея возрожденіе, когда она перестала существовать и для группъ и для гражданъ,—это значитъ подниматься въ теоретическія высоты «искусства для искусства», и наконецъ изчезать изъ виду живой и дѣйствующей толпы. Никому, кажется, не вздумалось послѣдовать за нансійскимъ комитетомъ, изчезавшимъ въ облакахъ, и многіе съ улыбкой посмотрѣли на его предосторожность — забрать впередъ значительную долю результатовъ, которые, быть можетъ, рано или поздно, произведетъ всеобще утомленіе слишкомъ имперіализованныхъ французовъ. Что касается до меня, я сожалѣю, что противники этой орлеанско-легитимно-клерикально-либеральной конфессіи не воспользовались случаемъ опредѣлить хоть разъ, что они понимаютъ подъ настоящей демократической свободой, и доказать, что нападая на фальшивую привиллегированную свободу старыхъ режимовъ, они вовсе не защищаютъ анти-демократіи и анти-свободы настоящаго.

Я не знаю, начнется ли и когда начнется опять новое препирательство между римской централизаціей и нансійской децентрализа-

ціей. Я даже позволяю себѣ желать, чтобы оно не начиналось слишкомъ скоро; оно начато было фальшиво и не могло бы пока привести ни къ чему. Впрочемъ, уже два мѣсяца полемика перешла на почву огромнаго объема и могла бы сдѣлаться гораздо серьезнѣе, чѣмъ эта маленькая муниципальная и департаментская борозда, проведенная нансійскимъ комитетомъ,—если бы только французская пресса могла высказать безъ покрывала и безъ умолчаній то, что думаютъ во Франціи о вчера, сегодня и завтра.

Книга Эдгара Кине имѣетъ громадный успѣхъ, гораздо болѣе обширный, чѣмъ тотъ, уже очень значительный успѣхъ, какой имѣло послѣднее произведеніе Токвилля, «L'ancien Régime et la Révolution»; этотъ успѣхъ равнялся бы успѣху «Жирондистовъ» Ламартина въ 1847, если бы пятнадцать лѣтъ имперіи не пріучили публику обходиться безъ исторіи и политической философіи и не деморализовали читающую массу націи. Несмотря на истощающую литературу «Маленькаго журнала» (le Petit Journal) и «l'Evenement», которые одни поглощаютъ почти всю массу людей, умѣющихъ читать, въ странѣ Вольтера, — вотъ три изданія самой серьезной книги, расхватанныя въ нѣсколько недѣль. Нѣтъ человѣка или политическаго общества, нѣтъ журнала и газеты, которыя бы не были заняты, не занимались или не собирались заниматься книгой Кине, и по тому увлеченію, которое всякій вноситъ въ свое удивленіе, въ свои возраженія и оговорки, можно видѣть, что послѣднее произведеніе знаменитаго декабрьскаго изгнанника уже принимаетъ и будетъ принимать больше и больше размѣры событія, съ котораго начнется возобновленіе нашей демократической традиціи. Поэтому я долженъ внимательно разсмотрѣть и мысль, внушившую это произведеніе, и произведенное имъ дѣйствіе.

II.

«Когда совѣсть погибаетъ даже въ исторіи, тогда погибаетъ все.

«Историкъ, среди драмы событій, долженъ исполнить роль античнаго хора, который долженъ поддерживать, провозглашать справедливость, несмотря на счастье или несчастье. Но, если вмѣсто того, чтобы быть хранителемъ нравственныхъ законовъ, историкъ самъ довершаетъ ихъ уничтоженіе, разрушая совѣсть, онъ разрушаетъ нить справедливости въ будущемъ еще больше, чѣмъ въ прошедшемъ».

Эти серьезныя и благородныя слова, которыя говоритъ Эдгаръ Кине, опровергая академическія повѣствованія о восьмнадцатомъ

брюмера, могли бы служить эпиграфомъ и для его новой книги и для его знаменитаго произведенія: «Philosophie de l'Histoire de France».

Десять лѣтъ тому назадъ, стараясь только бросить свѣтъ здраваго смысла на старыя лѣтописи своего отечества и взвѣсить на вѣсахъ строгой честности самые восхваленные подвиги стараго времени, онъ разрушилъ до основанія историческую школу, которая съ 1815 года извращала національный духъ французовъ. Доказывая всю безнравственность доктринерства, видѣвшаго въ удачномъ преступленіи фатальную или логическую силу прогресса, онъ разбивалъ ту цѣпь предразсудка, которая связывала наше демократическое будущее съ нашими роялистскими преданьями, и въ тоже время онъ ставилъ въ основу исторіи человѣческую совѣсть, отвѣтственность индивидуумовъ и націй, нравственность и справедливость.

Эти опасные софизмы о необходимости такъ называемыхъ faits accomplis, прославленіе успѣха, апотеозу сильнаго и презрѣніе къ слабому, онъ преслѣдуетъ теперь въ бурныхъ временахъ революціи, которую онъ обнимаетъ съ созванія сословій до имперіи, съ 1789 до 1800, т. е. въ полномъ составѣ ея перваго періода. Онъ нападаетъ сначала на извѣстныя ученыя нелѣпости относительно мнимаго легитимнаго и исключительно католическаго развитія Франціи, и считаетъ своимъ долгомъ подвергнуть критикѣ наши иллюзіи о томъ, что мы съ смѣшнымъ тщеславіемъ называемъ нашимъ демократическимъ и республиканскимъ возрожденіемъ.

Безъ сомнѣнія, дать намъ самимъ вѣрный отчетъ о нашемъ прошедшемъ было дѣло полезное. Но мы, очевидно, еще больше заинтересовались въ томъ, чтобы не заблуждаться въ истолкованіи замѣчательнѣйшаго событія новѣйшей исторіи, событія, которое совершенно измѣнило формы жизни, и послѣ котораго мы однако сдѣлались, или вѣрнѣе, опять стали тѣмъ... что мы есть.

То ли мы теперь, чѣмъ были мы въ мечтахъ нашихъ дѣдовъ восьмидесятыхъ годовъ?.. И не кажется ли, напротивъ, что мы потеряли старое наслѣдіе и даже потеряли точное и ясное понятіе о той программѣ, которую стремилось осуществить XVIII столѣтіе? И не справедливо ли, быть можетъ, что отъ громадныхъ усилій, сдѣланныхъ послѣднимъ поколѣніемъ прошлаго столѣтія, намъ остается только «идеалъ, знамя, нѣсколько словъ справедливости, плавающихъ надъ пропастью и привлекающихъ взгляды человѣчества»?

Эдгаръ Кине не скрываетъ отъ себя и не скрываетъ отъ своихъ согражданъ «глубокое нравственное паденіе Франціи, ея отчаянныя усилія, ея безмѣрное честолюбіе, ея безконечныя униженія». Самые печальные часы изгнанія, сначала вынужденнаго, потомъ добровольнаго, — изъ презрѣнія къ изгнавшимъ и изъ уваженія къ праву, —

эти часы онъ употребилъ на то, чтобы «изслѣдовать: какъ происхо-
«дили наши перевороты, какъ понимали ихъ современники въ минуту
«ихъ взрыва, какое значеніе получили они на другой день, почему за
«такими широкими надеждами слѣдовали такія чрезвычайныя неуда-
«чи, наконецъ, есть ли средство отъ такихъ бѣдствій и что надо сдѣ-
«лать, чтобы найти эти средства».

Было время, когда французской демократіи достаточно было огромныхъ, но неопредѣленныхъ надеждъ, когда энтузіастическое удивленіе передъ подвигами восьмнадцатаго вѣка заставляло думать, что ей ничего не стоитъ довершить то, что провозгласили и запечатлѣли своей кровью дѣятели того времени; когда, поэтому, презирая настоящее,—которое, казалось ей, должно было продолжаться только одинъ день, одинъ часъ, — она не хотѣла размышлять ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Съ Олимпа, пылавшаго молніями, она бросалась, закрывъ глаза, къ Олимпу, освѣщенному всѣми огнями солнца справедливости.

Увы! новѣйшія событія доказали ей слишкомъ безцеремонно и чувствительно, что не все еще было сдѣлано XVIII вѣкомъ, потому что она потеряла то, что считала пріобрѣтеннымъ и утвержденнымъ навсегда!.. Не отказываясь отъ своихъ отцовъ, ей, быть можетъ, позволительно спросить себя: всегда ли они были правы,—и не оттого ли, что они иногда, и можетъ быть часто, ошибались, ихъ дѣти еще не могутъ «увѣнчать зданія» свободы, которое должно было основаться на развалинахъ стараго режима?

Уваженіе къ XVIII вѣку не должно быть фетишизмомъ, совсѣмъ напротивъ. Если его принципы, провозглашенные съ такимъ увлеченіемъ, были принимаемы съ такимъ же увлеченіемъ огромными массами, то его люди, какъ и всѣ люди, не освобождаются отъ отвѣтственности за свои личныя дѣйствія, событія не становятся отъ этого чудесами или мистеріями, которыя надо принимать, не стараясь понять и обсудить ихъ. Свободное сужденіе должно точно также прилагаться ко всѣмъ событіямъ, какъ бы ни были велики значеніе и результаты этихъ событій...

Таково убѣжденіе Эдгара Кине. Трудно конечно найти болѣе ревностнаго поклонника того идеала, къ которому стремилось XVIII-е столѣтіе, — идеала человѣка, вѣрящаго только тому, истина чего доказывается разумомъ, — и никто не питаетъ болѣе серьезной привязанности къ идеямъ общественной справедливости, чѣмъ Кине; но чѣмъ больше онъ оцѣняетъ великое значеніе теоріи, тѣмъ больше онъ испытываетъ изумленія и горести, видя, какъ несовершенно еще выполненіе этой теоріи, и даже, какъ оно компрометируется. Онъ ищетъ причины ужасающаго противорѣчія между стремленіями и ре-

зультатами, между принципами и фактами, въ которомъ онъ видитъ гибель Франціи, и онъ находитъ эти причины въ самыхъ дѣйствіяхъ, которыми разрушенъ былъ старый режимъ — разрушенъ не такъ полно, какъ это намъ кажется, причемъ и новый режимъ основанъ былъ не такъ прочно, какъ мы прежде думали. Если бы въ 1793 ни одно дѣйствіе не противорѣчило духу 1789, если бы никакой ошибки не было совершено нашими отцами XVIII вѣка, конечно, ихъ дѣти не проснулись бы отъ республики въ самый разгаръ цезаризма, чтобы потомъ, не отдѣлавшись отъ него хорошенько, впасть въ него во второй разъ еще въ большей степени. Если имперія возможна была въ началѣ нынѣшняго столѣтія, то не случилось ли это именно потому, что день 18 брюмера былъ подготовленъ въ теченіе періода между появленіемъ перваго Бонапарта и паденіемъ Людовика XVI? Если та же имперія, разбитая европейской коалиціей и оставленная Франціей, могла возродиться тридцать семь лѣтъ спустя,—не случилось ли это именно потому, что французская демократія вмѣсто того, чтобы слѣдовать истинной традиціи принциповъ общественнаго переворота, послѣдовала ложной традиціи революціонныхъ дѣйствій, противорѣчившихъ принципамъ, что она увеличила первоначальныя ошибки, возводя ихъ въ добродѣтели, дала своимъ врагамъ оружіе, которымъ они поразили ее, и мало того, сдѣлали ее подозрительной для Европы?..

Прилагая къ событіямъ, слѣдовавшимъ за 1789, ту же критику, какъ и къ событіямъ предшествовавшимъ ему, Кине находитъ народныя понятія испорченными тѣмъ же старымъ предразсудкомъ, который поддерживали доктринеры реставраціи. Онъ находитъ настоятельно необходимымъ возобновить исторію пріобрѣтеній XVIII вѣка и очистить ихъ пониманіе, чтобы въ будущемъ истинно демократическая программа не имѣла уже ничего общаго съ мнимымъ демократизмомъ людей, готовыхъ на насильственные перевороты и ставящихъ страну въ постоянное осадное положеніе подъ предлогомъ организаціи и выполненія принциповъ 1789 года.

Пока борьба между старымъ и новымъ режимомъ еще не кончилась паденіемъ одного изъ противниковъ, исторія переворотовъ XVIII вѣка будетъ оставаться, въ особенности для французовъ, не столько дѣломъ исторіи, сколько дѣломъ полемики. Если эта полемика между писателями, смѣняющими настоящихъ противниковъ, кончится со стороны демократической партіи абсолютнымъ отрицаніемъ анти-демократіи, подъ всѣми ея формами и обнаруженіями, то демократамъ нечего было бы на это жаловаться. Къ сожалѣнію, историки революціи подраздѣлились на представителей партій и даже людей, которые попеременно низвергали одни другихъ съ 1789 до 1799 года;

и каждый изъ этихъ историковъ, чтобы сдѣлать пьедесталъ *своему* человѣку или оправдать *свою* партію, приносилъ въ жертву всѣхъ другихъ людей и всѣ другія партіи. Одни роялистскіе историки, книгъ которыхъ демократы не читаютъ, сохранили единство революціи единствомъ своей ненависти къ принципамъ, фактамъ и людямъ революціи. Они могли найти аргументы въ защиту знаменитаго мнѣнія Жозефа де-Местра о «сатанинствѣ» этого періода — въ книгахъ противной партіи, до сихъ поръ наиболѣе уважаемыхъ. У якобинскихъ компиляторовъ и разсказчиковъ они находятъ признанія, съ помощью которыхъ имъ совершенно легко уронить память всѣхъ враговъ стараго режима, казненныхъ якобинцами. Исключительные апологисты Мирабо, Фельяновъ, Жирондистовъ, Гебертистовъ и пр. безпрестанно доставляютъ имъ самыя жестокія обвиненія противъ другихъ историческихъ людей того времени, въ родѣ Сенъ-Жюста и пр. Такъ что въ теченіе полустолѣтія исторія революціоннаго времени, такъ сказать, предается самими поклонниками этого времени.

Если бы я вздумалъ изслѣдовать теперь, какое дѣйствіе производятъ вообще на публику единство роялистской традиціи и крайній разбродъ мнѣній въ противной партіи, мнѣ пришлось бы прежде всего поставить такой вопросъ: «неужели мы должны полагать, что событія конца XVIII вѣка могутъ считаться совершенно недѣйствительными и останутся безъ послѣдствій, и намъ нужно заботиться только о томъ, чтобы выбраться изъ грязи, въ которую мы попали?» Но пристрастіе нашихъ историковъ не ограничилось только тѣмъ, что сдѣлало идеалъ переворота XVIII вѣка невидимымъ и недѣйствительнымъ для массы, которой некогда самой доходить до источниковъ новѣйшаго права. Она возобновила въ настоящемъ страсти прошедшаго, не возобновивши однако къ сожалѣнію въ нынѣшнихъ людяхъ мужества ихъ предковъ; она возобновила посмертный раздоръ, который разсѣялъ въ прахъ группу мужественныхъ искателей будущаго и выдалъ ихъ, однихъ съ помощью другихъ, въ руки общаго врага. Благодаря единству этой старой традиціи, враждебной движенію и успѣху, каждый разъ за нашими революціями всѣ противники демократіи быстро собирались противъ нея, между тѣмъ какъ побѣждавшая демократія готовила свою собственную гибель взаимными подозрѣніями и раздоромъ, — какъ это дѣлали и наши предки. Этого мало: наиболѣе радикальные изъ нашихъ историковъ, подражая наиболѣе льстивымъ писателямъ роялизма, научили насъ высокомѣрно презирать неудачу, судить больше по внѣшности, чѣмъ по идеѣ; чтобы оправдать сентябрьскія убійства, нѣкоторые писатели представляли намъ если не похвалу, то облегчающія обстоятельства Варѳоломеевской ночи; большинство ихъ внушали намъ уваже-

ніе къ raison d'état, превращавшемуся въ «общественную безопасность», такъ что многіе изъ самихъ демократовъ пошли бы изъ радикализма въ имперіализмъ, если бы только цезарь вздумалъ надѣть красную шапку...

Эдгаръ Кине понималъ все зло, которое слѣпо революціонная исторія принесла самому значенію событій; онъ видѣлъ все вредное вліяніе такой исторіи и думаетъ, что пора уже вывести понятія съ этой ложной дороги; онъ думаетъ, что демократическія начала могутъ избѣжать окончательнаго паденія только возвратившись къ своимъ истиннымъ принципамъ.

Вотъ почему онъ не хочетъ продолжать этой преувеличенной и пристрастной исторіи; вотъ почему, напротивъ, онъ начинаетъ съ глубокой критики событій. Вотъ почему, — соединяя въ своемъ разсказѣ, портретахъ и картинахъ, размышленіяхъ и политическихъ правилахъ свойства и достоинства Ѳукидида и Тацита, Монтескье и Макіавелли, и въ своемъ стилѣ напоминая и Боссюэта, и Вольтера,— онъ, не безъ внутренняго усилія надъ самимъ собой, нападаетъ на высшую точку стараго демократическаго преданья, на 1793 годъ.

Конечно онъ понимаетъ, какимъ образомъ могли начаться событія террора у народа, который въ числѣ нравственныхъ и политическихъ наставленій, дававшихся ему, видѣлъ и крестовые походы противъ альбигойцевъ, и Варѳоломеевскую ночь, и драгонпады. Но онъ возстаетъ противъ этой теоріи роялистовъ и католиковъ, неблагоразумно принятой анти-роялизмомъ и анти-католичествомъ. Въ одной изъ главъ своей книги, принадлежащей къ числу лучшихъ вещей, какія только были написаны по французски, онъ доказываетъ, что убійство никогда не должно быть оружіемъ друзей народа и что «свобода осуждена быть человѣколюбивой». Терроръ, — когда республиканецъ доказываетъ его безуміе, его безполезность, и наконецъ его противорѣчіе принципамъ демократіи, — не долженъ уже больше служить страшилищемъ, которое будетъ удалять народы отъ свободы... Какъ природа боится пустоты, такъ истинная свобода боится крови.

Произведеніе Эдгара Кине оканчивается на государственномъ переворотѣ 18 брюмера. Вся его критика революціоннаго періода стремится къ осужденію этого, одного изъ самыхъ тяжкихъ преступленій противъ общественной свободы. Во имя истинныхъ принциповъ 1789, во имя нравственности, онъ осуждаетъ всякое нарушеніе свободно принятаго закона и всякаго, кто съ мечомъ въ рукѣ разрушаетъ учрежденія, запечатлѣнныя сознательнымъ рѣшеніемъ націи...

Не выигрываетъ ли великое дѣло прогресса и справедливости отъ того, что традиція этого дѣла очищается отъ всего, что сдѣлало ненавистной традицію стараго режима? Не въ высшей ли степени спра-

ведливо и нравственно, чтобы два высокія слова: «свобода» и «человѣколюбіе» стали наконецъ и навсегда синонимами?

III.

Если бы французская пресса пользовалась независимостью, великое произведеніе Эдгара Кине тотчасъ нашло бы безпристрастную и просвѣщенную оцѣнку. Конечно, многіе изъ политическихъ друзей знаменитаго изгнанника могли бы спорить противъ нѣкоторыхъ изъ его мнѣній, нѣкоторыхъ подробностей въ его умозаключеніяхъ, и даже, отчасти справедливо, упрекнуть его за то, что нападая на ошибки революціи, онъ слишкомъ мало говоритъ о безсмертныхъ результатахъ XVIII вѣка. Но съ другой стороны Эдгаръ Кине и не написалъ бы своей книги, если бы положеніе Франціи было иное; онъ нападаетъ на совершившіеся факты, на мертвыхъ революціонеровъ только для того, чтобы научить живыхъ людей...

Это очень хорошо понялъ бонапартистскій редакторъ «Revue Contemporaine», сказавши на другой день по выходѣ въ свѣтъ книги Эдгара Кине: «это — филиппика противъ coups d'état». Эти слова были очень вѣрны, и потому ихъ и не повторили журналы менѣе династическіе. Никто и не приводилъ этихъ словъ, и скоро «Patrie» распространилась въ похвалахъ Эдгару Кине, представляя его абсолютнымъ врагомъ насилія, безпристрастнымъ обвинителемъ демагогическихъ преступленій и слѣдовательно... противникомъ всякихъ перемѣнъ въ порядкѣ вещей и партизаномъ «увѣнчанія зданія»!

Маневръ сдѣланъ былъ очень ловко... Какъ ни груба была однако эта западня, она привлекла одинъ юный журналъ, которому хочется поднимать шумъ и разыгрывать роль ультра-революціоннаго органа, — не рискуя впрочемъ своей кассой и не ссорясь съ сильными міра сего.

Редакторъ газеты «Avenir National» вмѣшался въ споръ и набросился на Эдгара Кине съ свирѣпостью, которую довольно трудно объяснить при нынѣшнихъ личныхъ условіяхъ этого писателя. Если вѣрить газетѣ, то этотъ человѣкъ, постигнутый изгнаніемъ послѣ 2 декабря, за то что въ теченіе двадцати лѣтъ онъ былъ идоломъ французскаго юношества, этотъ человѣкъ не имѣетъ теперь ни стиля, ни метода, ни знанія, ни совѣсти! Ультрамонтаны и легитимисты были въ полномъ удовольствіи, когда увидѣли, что ихъ противники сами собираются уничтожать другъ друга. Редакторъ «Avenir» забылъ, что онъ имѣлъ дѣло съ авторомъ «Религіознаго переворота въ XIX вѣкѣ», издателемъ Маринкса де-Сентъ-Альдегонда, профес-

сором Collége de France, нанесшимъ такіе жестокіе удары іезуитству. Онъ взводитъ на Кине разныя невозможныя обвиненія и беретъ на себя защиту террора съ такимъ умѣньемъ, которое всего лучше доказываетъ необходимость истолкованій Эдгара Кине. При всей необузданности этихъ нападеній и этой защиты терроризма, «Avenir National» не получила ни предостереженія, ни communiqué.

Какой смыслъ получала эта полемика газеты, представляющей изъ себя будто бы самую передовую демократію, самый строгій и нетерпимый революціонный пуританизмъ, — можно видѣть уже изъ этого обстоятельства, особенно если мы замѣтимъ еще то, что преслѣдованіе за полемику обрушилось на «Mémorial de Deux Sévres», который сталъ защищать положеніе, противоположное тому, какое было выставлено въ «Avenir». Двѣ статьи, написанныя по поводу книги Эдгара Кине въ этомъ прекрасномъ изданіи, стоили ему двухъ процессовъ въ исправительной полиціи.

Если бы полемика уже не зашла слишкомъ далеко еще до этого случая, то книга Кине, пожалуй, была бы даже пройдена молчаніемъ въ парижской прессѣ. Но теперь, разъ уже начатая, она должна была продолжаться, потому что странно было бы налагать на себя печать молчанія, когда столько было уже сказано. Органы покойнаго пансійскаго комитета, газеты полулиберальныя и полудемократическія, выступили однѣ за другими съ отзывами о книгѣ, въ самомъ апологетическомъ тонѣ. «Temps» и «Revue moderne», его приложеніе, до сихъ поръ печатаютъ хвалебныя статейки съ цѣлью завербовать знаменитаго писателя въ коалицію обратившихся либераловъ. «Пресса» воспользовалась случаемъ, чтобы снова выдвинуть впередъ компрометированнаго Эмиля Олливье.

Въ самомъ дѣлѣ, въ журналѣ «взвѣшенной свободы», бывшій депутатъ парижской оппозиціи передалъ публикѣ свои мнѣнія о «Революціи». Первая часть этой торжественной критики, чуть не превращенной въ политическую программу, оканчивалась слѣдующей звучной, но пустой фразой: «съ тѣхъ поръ, какъ демократія откажется отъ якобинизма, во Франціи оснуется свобода». Къ великому удивленію читателя, другъ покойнаго герцога Морни защищалъ принципъ нераздѣльности свободы гражданской и политической, тотъ принципъ, противъ котораго онъ говорилъ въ законодательномъ корпусѣ, и который защищали товарищи его, не захотѣвшіе послѣдовать примѣру его эволюціи слѣва направо, ради отысканія «средней партіи», которая все еще не отыскивается, и ради портфеля, который все еще не валится къ нему съ облаковъ. Нѣсколько яснѣе Олливье говорилъ во второй статьѣ, гдѣ онъ сравниваетъ Верньо и Мирабо, въ которомъ онъ удивляется глубинѣ политическаго ума. Антипатія, которую

возбуждаетъ въ Кине безнравственность знаменитаго оратора учредительнаго собранія, кажется Олливье слишкомъ преувеличенной. Конечно Олливье не извиняетъ Мирабо за полученіе денегъ отъ двора; онъ не одобряетъ также и слишкомъ энергическихъ средствъ, предложенныхъ имъ для успокоенія революціи; но онъ старается доказать, что если Мирабо и обезчестилъ свою совѣсть, подъ вліяніемъ личныхъ страстей и обстоятельствъ, онъ не обезчестилъ своего ума (выраженіе Лафайета), жертвуя новымъ режимомъ, котораго былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ основателей, и стремясь, за деньги, къ реставраціи стараго режима. Цѣль Мирабо утвердить демократію въ учрежденіяхъ 1791, на принципахъ 1789, соединенныхъ съ прежней монархіей, кажется Олливье превосходной. И въ новѣйшее время всего лучше было бы послѣдовать именно совѣтамъ Мирабо. «Есть предпріятія,—восклицаетъ новѣйшій преемникъ Мирабо, — которыя все-таки должно пробовать несмотря на вѣроятность неуспѣха: это — lettre d'avis, которое посылаютъ даже неоплатному должнику. Когда правительство дѣйствуетъ наперекоръ волѣ націи, оно должно погибнуть рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ. Самая послушная армія точно также неспособна будетъ продолжить его существованіе, какъ толпа отборныхъ врачей будетъ неспособна сохранить жизнь больнаго, у котораго органическое поврежденіе дошло до послѣдней степени развитія. Но человѣкъ политическій не можетъ оставаться равнодушнымъ, когда или упадающая власть низвергается, или онъ самъ можетъ быть низвергнутъ: у него можетъ быть достаточно силы управлять революціей, въ которой виноваты другіе, и очень мало силы управлять той, которая вызвана имъ самимъ». Какое назиданіе для правительства, если оно не обратится тотчасъ же къ идеямъ независимаго и ясновидящаго Эмиля Олливье! Какой урокъ для семерыхъ членовъ парижской оппозиціи, если бы они вздумали исключить Эмиля Олливье изъ будущаго временнаго правительства! — Всѣ эти маневры и лавированье между правительствомъ и народомъ, при помощи Кине, довольно забавны.

Наконецъ и газета «Siècle» рѣшилась высказаться о предметѣ, который такъ странно становился во французской печати. Газета отдаетъ всю справедливость таланту Кине, и потому ей особенно не нравилось, что книгою его овладѣваютъ реакціонеры до—1851, которымъ хотѣлось бы измѣненія нынѣшняго порядка дѣлъ для какой нибудь клерикально-орлеанской монархіи. Поэтому «Siècle» старается собрать изъ книги Кине все, что могло бы быть непріятно для современнаго псевдо-либерализма. «Никто—говорится здѣсь—не доказалъ лучше Кине той двойной истины, что «гражданскіе перевороты, какъ бы ни были они радикальны, не имѣютъ ничего общаго съ сво-

бодою», и что «не надо думать, чтобы первые необходимо вели ко второй». А манифестъ бывшаго нансійскаго комитета былъ основанъ именно на противоположномъ принципѣ, который и былъ причиной неуспѣха децентрализаціоннаго движенія, начатаго въ Нанси». Не забывъ упомянуть, что самъ Эдгаръ Кине находитъ въ Мюнье, устроившемъ клятву въ Jeu de Paume, одного изъ первыхъ префектовъ имперіи и прототипъ псевдо-либерала, который необузданно бросается въ революцію и весьма практически пользуется ея усмиреніемъ, газета продолжаетъ: «Основной характеръ французской революціи состоялъ въ томъ, чтобы замѣнить привилегію правомъ. Отсюда два теоретическія послѣдствія: замѣна традиціи прогрессомъ, какъ основаніе политическаго общества; замѣна стараго режима верховнымъ правомъ народа, и два практическія слѣдствія: свобода и равенство. Въ этомъ состояло все якобинство; монтаньяры только этого и хотѣли». Ограниченіе довольно странное, потому что въ этихъ основаніяхъ нисколько не отличались отъ монтаньяровъ и жирондисты, напр. въ лицѣ самаго чистаго и глубокаго характера временъ революціи—Кондорсе, которому принадлежатъ идеи о прогрессѣ и солидарности народовъ, уничтоженіи смертной казни и т. д. Въ сущности, въ этихъ основныхъ идеяхъ даже всего меньше сдѣлано именно тѣмъ отдѣломъ людей, которому дано было имя якобинцевъ. Называть переворотъ идей и общественнаго устройства, созданный цѣлымъ XVIII столѣтіемъ, дѣломъ одной партіи, есть просто историческая невѣрность, которая понятна только у роялистскихъ историковъ, потому что для нихъ одинаковы всѣ люди, входившіе въ клубъ улицы Сентъ-Оноре (и выходившіе изъ него)—отъ Лафайета и Мирабо до Дюмурье и Бриссо, отъ Кондорсе до Дантона, отъ Гебера до Робеспьера и Сенъ-Жюста, отъ Барера до Фуше и Бонапарта. Но «Siècle» едва ли не вынужденъ былъ употребить одно пугающее названіе якобинства, потому что разъясненіе разницы въ событіяхъ и принципахъ того времени можетъ навести и на размышленіе о «принципахъ 1789 года» и ихъ новѣйшемъ примѣненіи, которое не совсѣмъ похоже на то, чего бы слѣдовало ожидать отъ настоящихъ принциповъ 1789.

«Opinion Nationale» также довольно долго молчала о книгѣ Кине. Геру высказываетъ свое живѣйшее удивленіе передъ «формой» книги, «написанной стилемъ сильнымъ, точнымъ, образнымъ безъ изысканности, полнымъ сосредоточенной ироніи» и т. д. Болѣе искренній, чѣмъ сотоварищи его мнѣній, Геру не хочетъ видѣть въ Кине врага XVIII вѣка; онъ видитъ въ немъ только отчаявшагося сына демократіи. Всѣ великіе принципы требуютъ много времени для своего созрѣванія: крестовые походы, реформація созрѣвали нѣсколько вѣ-

ковъ,—почему же отчаяваться такъ скоро и во французской демократіи, которая не живетъ еще и одного столѣтія? И не потому ли Кине такъ суровъ и къ предкамъ, и къ нынѣшнему поколѣнію, что добровольно отказывается вступить на землю, видѣвшую паденіе его желаній?—Да, конечно, если бы изъ своего уединенія въ Вейто этотъ добровольный изгнанникъ вернулся въ Парижъ, увидѣлъ прекрасныя прямыя улицы, проложенныя тѣмъ временемъ ревностью г. Гаусмана, увидѣлъ прекрасныхъ куртизанокъ, украшающихъ тротуары этихъ прекрасныхъ улицъ, если бы онъ имѣлъ привилегированный журналъ и мѣсто въ законодательномъ корпусѣ, вліятельныхъ и благосклонныхъ друзей,—онъ конечно не сталъ бы такъ раздражительно смотрѣть на демократію, которая могла бы доставить ему всѣ эти удовольствія; онъ также, какъ и тѣ, кто остался въ Парижѣ, гордился бы «этой французской землей, съ которой не можетъ сравниться ничто во всемъ обитаемомъ мірѣ».

Рѣшительно, все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, какъ полагалъ Кандидъ въ XVIII-мъ столѣтіи.

IV.

Но впрочемъ было бы долго пересчитывать всѣ нелѣпости и многія справедливыя вещи, которыя высказаны были по поводу книги Эдгара Кине. Они любопытны однако потому, что въ нихъ обнаруживается движеніе идей, еще не имѣвшее примѣра съ тѣхъ поръ, какъ началась новая имперія, и которое можетъ казаться достаточно серьезнымъ и обѣщающимъ прочные результаты. Быть можетъ, критика утомится наконецъ сражаться въ облакахъ и перейдетъ на почву дѣйствительной жизни, и нравственный вопросъ, указанный книгой Кине, окажетъ свое вліяніе. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ будущее, и стараясь найти это рѣшеніе, партіи, до сихъ поръ продолжающія темную вражду, или распадутся, или преобразуются. Наиболѣе жизненная партія конечно не распадется, но и въ ней, въ ея прежнихъ представителяхъ, уже начинается метаморфоза, которая способна снова дать ей вліяніе въ ближайшемъ будущемъ.

Изъ среды прежнихъ представителей республики слышатся уже голоса въ томъ же смыслѣ, въ какомъ написана книга Эдгара Кине. Люди, бывшіе въ 1848 членами горы, люди разныхъ поколѣній старой радикальной школы, съ увлеченіемъ встрѣтили историческій трудъ Кине, и осуждая теорію политическаго насилія, находятъ, что «теперь открыта дорога, которая должна привести новыя поколѣнія къ добру и справедливости», что его историческій трудъ «вырываетъ съ корнемъ вѣковое заблужденіе и ставитъ Францію на дорогу спра-

ведливости». Потому что: «большая часть исторій переворота XVIII вѣка были или панегирикомъ, или филиппикой, сатирой или апотеозой... Сами республиканскіе историки вносили въ исторію духъ среднихъ вѣковъ, взгляды папизма, то есть неподвижность въ любви и въ ненависти, неизмѣнное удивленіе или неизмѣнное осужденіе. Формулой ихъ было — канонизировать или сжечь». Эдгаръ Кине дастъ исторіи ея дѣйствительный философскій характеръ и «та великая животрепещущая человѣческая жизнь», которой не доставало прежнимъ историкамъ, является въ его произведеніи и дѣлаетъ изъ него нравственную и общественную программу.

Въ одно время съ Кине, этимъ старымъ якобинско-деспотическимъ иллюзіямъ извѣстной части французскаго общества наноситъ ударъ и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ возрожденія рабочихъ классовъ съ помощью государства (какова бы ни была его форма), Луи-Бланъ. Два волюма его *Писемъ объ Англіи* имѣли такой же успѣхъ у англичанъ, какъ и у французовъ, представляя чрезвычайно живую и поучительную картину публичной и частной жизни, правъ и учрежденій Великобританіи. Нѣкоторымъ критикамъ показалось, что эти «Письма» ведутъ къ заключеніямъ, весьма не похожимъ на ту исходную точку, которой держался прежде президентъ люксанбургской коммиссіи, авторъ анти-жирондистской «Исторіи революціи» и «Права на трудъ». Луи-Бланъ поспѣшилъ адресовать къ одному изъ редакторовъ «Прессы» письмо, гдѣ онъ примиряетъ стремленіе своей юности съ опытами и размышленіями позднѣйшихъ лѣтъ и высказываетъ основныя идеи, которымъ онъ былъ преданъ, когда вступалъ во временное правительство второй республики, и которыя созрѣли въ долгіе годы его пребыванія въ Англіи. Онъ желаетъ для Франціи полной свободы печати, совѣсти и ассоціаціи, такъ чтобы даже самая всеобщая подача голосовъ была ограничена признанной неприкосновенностью этихъ правъ; требуетъ затѣмъ пропорціональнаго представительства, постояннаго общественнаго контроля, надзора за администраціей, отвѣтственности депутатовъ, общиннаго самоуправленія и проч. Затѣмъ государство, по его мнѣнію, должно имѣть самую обширную и энергическую заботу о благосостояніи рабочихъ классовъ, назначеніе государства есть облегчать индивидуальное развитіе для всѣхъ, и т. д. «Если я въ послѣдніе годы больше настаивалъ на первой части этой программы,—говоритъ онъ,—это было просто потому, что зданіе надо подпирать съ той стороны, куда оно наклоняется... Изложенныя мной идеи вовсе не принадлежатъ мнѣ. Это идеи многихъ людей съ умомъ и сердцемъ, которымъ—я не желалъ бы, чтобы меня противопоставляли, и которые конечно не стали еще людьми прошедшаго, хотя и состарѣлись на службѣ праву

и свободѣ» и т. д. Эта программа могла бы дѣйствительно служить настоящимъ пунктомъ раздѣленія между истинной французской демократіей (о которой говорятъ теперь такъ много) и роялистскими либералами и имперіалистскими égalitaires.

Для того, чтобы представить себѣ, къ чему начинаетъ склоняться общественное мнѣніе мыслящихъ политическихъ людей во Франціи, любопытно оцѣнить успѣхъ книги Кине и даже книги Луи-Блана, и почти единодушное стремленіе лучшихъ умовъ отвратить общественное движеніе отъ авторитаризма, подъ какой бы формой онъ ни проявлялся. Въ этомъ смыслѣ не менѣе Кине и Луи-Блана дѣйствовалъ и Прудонъ. Его иллюзія объ «Révolution sociale, demontrée par le Coup d'État», продолжалась только одинъ день. Въ своихъ брошюрахъ «Sur la Fédération» и «Sur la capacité politique des classes ouvrières», какъ и въ изданной недавно книгѣ «Nouvelle théorie de la propriété», онъ идетъ очень далеко въ этомъ направленіи. Въ послѣдніе годы своей жизни этотъ великій критикъ занятъ былъ объясненіемъ федеративнаго принципа сначала въ приложеніи къ итальянскимъ дѣламъ, потомъ къ лучшему устройству французскихъ отношеній. Въ этомъ направленіи, прямо наперекоръ старымъ якобинскимъ и наполеоновскимъ идеямъ, онъ пошелъ гораздо дальше нансійскихъ публицистовъ, и даже можетъ быть пошелъ слишкомъ далеко,—потому что для осуществленія во Франціи свободы индивидуальной, мѣстной, корпоративной и національной нѣтъ никакой необходимости возстановлять старинныя провинціи въ томъ, что соотвѣтствуетъ имъ теперь. Въ послѣднихъ работахъ, изданныхъ послѣ его смерти, онъ является ревностнымъ защитникомъ самоуправленія, отъ котораго одного только онъ надѣется разрѣшенія проблемы бѣдности и возрожденія рабочихъ классовъ, наперекоръ мнѣніямъ, такъ долго проповѣдуемымъ предводителями соціалистской школы, которые съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ говорили о равновѣсіи властей и конституціонныхъ гарантіяхъ и надѣялись обратить правительства, какія бы то ни было, къ своимъ теоріямъ и достичь цѣли или рѣшеніемъ одного диктатора, или возстаніемъ пролетаріевъ.

Теперь никто не будетъ разсчитывать на этого диктатора или бояться этого возстанія. Теперь будетъ трудно воспользоваться народнымъ невѣжествомъ, какъ прежде пользовались буржуазной трусостью. Общество, которое спасали отъ свѣтопреставленія, объявленнаго на 1852 годъ, теперь почти все перешло если не въ оппозицію, то въ индифферентизмъ. Общественное развитіе не вѣритъ уже въ диктаторскій авторитетъ и начинаетъ надѣяться только на самого себя.

Извѣстно, какіе толки поднялись съ послѣдней сессіи законода-

тельнаго корпуса по поводу новаго закона, который подготовлялся съ спеціальной цѣлью облегчать устройство рабочихъ ассоціацій. Въ то время, какъ «газета имперіи», «Pays», открывала рабочимъ свои столбцы для восхваленія эпохи, приносящей подобный законъ, управляющіе (gérants) уже существующихъ ассоціацій, вмѣстѣ съ нѣсколькими экономистами, юрисконсультами и публицистами болѣе свѣтлыхъ понятій, чѣмъ упомянутая газета, собравшись въ «Обществѣ кредита труду» (Société du Crédit au travail), открыто заявили, что кооперативное движеніе не ищетъ никакого покровительства ни отъ законодательнаго корпуса, ни отъ администраціи. Изданные образчики статутовъ (statuts-modèles), примѣнимые къ каждой изъ трехъ формъ кооперацiи (кредитъ, потребленіе, производство), доказывали, что для рабочихъ легко соединяться въ ассоціаціи и при существующихъ торговыхъ законахъ.—Въ эту минуту оканчивается составленіе оффиціальнаго изслѣдованія о рабочихъ ассоціаціяхъ; оно докажетъ безъ сомнѣнія, съ одной стороны, что если народное экономическое движеніе, начинающееся снова послѣ своего насильственнаго перерыва въ 1851, имѣетъ въ себѣ очень мало политическаго, то въ немъ еще меньше имперіалистскаго; съ другой стороны, что если производительныя, потребительныя и кредитныя ассоціаціи гораздо менѣе многочисленны и меньше процвѣтаютъ во Франціи (гдѣ онѣ были изобрѣтены еще до 1848 и гдѣ онѣ очень развились при второй республикѣ), чѣмъ въ Германіи или въ Англіи, то причина этого заключается не въ недостаткахъ торговаго кодекса (которые конечно есть), а въ общественномъ положеніи (которое дѣлаетъ опасными личную инициативу и группированіе рабочихъ).

Законъ 1864 года, защитниками котораго были Олливье и Даримонъ, не принесъ тѣхъ сладкихъ плодовъ, какіе обѣщали отъ него наемнымъ рабочимъ. Эти рабочіе могли бороться съ своими патронами и добиваться увеличенія жалованья только въ рѣдкихъ случаяхъ и благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, а затѣмъ когда эти обстоятельства прекратились, то у побѣжденныхъ не оставалось никакой возможности выдержать борьбу. Большія коалиціи или стачки рабочихъ, возстававшія или противъ монополій, какъ напр. стачка кучеровъ противъ compagnie impériale des petites voitures, или противъ свободныхъ промысловъ, какъ стачка рабочихъ бархатныхъ издѣлій въ Сентъ-Этьенѣ, повели только зачинщиковъ въ тюрьму и оставили участниковъ въ бѣдности, на произволъ патроновъ.

Чрезвычайно характеристично осужденіе этой послѣдней коалиціи въ исправительномъ трибуналѣ Сентъ-Этьенна и въ ліонскомъ судѣ. Эти суды приговорили рабочихъ, принимавшихъ участіе въ этой коалиціи, къ 1, 2 и 3 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія: 1) по-

тому что они были уличены въ преступленіи непозволительной ассоціаціи (въ числѣ больше двадцати человѣкъ); 2) потому что они были признаны виновными въ «покушеніи на свободу труда», побуждая своихъ товарищей оставить мастерскія. При всемъ этомъ судьи въ самомъ приговорѣ объявили, что подсудимымъ предоставляется пользоваться своимъ правомъ коалиціи, но «что непозволительная ассоціація необходимо предполагаетъ организацію, тогда какъ коалиція требуетъ только случайнаго и моментальнаго соглашенія». Различеніе весьма тонкое и доказывающее, что когда дозволяется соглашаться только случайно, стараясь избѣгать даже вида солидарной организаціи, то совершенно невозможно соединяться въ коалицію иначе, какъ зажмуря глаза, á l'aveugle, т. е. способомъ наиболѣе нелѣпымъ, наиболѣе случайнымъ и наиболѣе недѣйствительнымъ.

Право стачки и право ассоціаціи есть пустая формальность и одинъ обманъ — безъ права собранія. Въ пользу этого послѣдняго права началось движеніе, которое дойдетъ до законодательнаго корпуса, засѣданія котораго начинаются 22 января; оно конечно разобьется о непоколебимую скалу извѣстнаго послушнаго большинства; пресса также не въ состояніи будетъ поддержать этого движенія, потому что въ одно прекрасное утро администрація попроситъ журналистовъ молчать и они замолчатъ.

V.

Эмфатическая газета, называемая France, увѣряетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, что никакое правительство не можетъ быть либеральнѣе того, которымъ наслаждается Франція теперь. Лагеронъеръ, устами Полена, восклицаетъ: «если имперія перемѣнитъ свое мѣсто, она подвинется впередъ, и никогда назадъ!» Либеральное движеніе начинается, и все болѣе поднимается волна интересовъ, иллюзій и стремленій страны. Но власть остается неподвижна, министры и префекты управляютъ съ той же самоувѣренностью и смѣлостью.

«Пресса», въ своемъ нумерѣ 31 декабря прошлаго года, даетъ намъ вмѣсто подарка на новый годъ пять столбцовъ статьи, пересчитывающей административныя и судебныя мѣры, постигшія наши журналы и книги въ теченіе мирнаго 1865 года.

Въ числѣ административныхъ мѣръ мы видимъ прежде всего пріостановку одного журнала и нѣсколько предостереженій, навлеченныхъ слишкомъ живыми одобреніями энциклики святаго отца католиковъ! Другіе навлекали на себя правительственныя взысканія за вещи самыя разнообразныя: одинъ не сочувствовалъ мексиканской экспедиціи; другому (самой «Opinion Nationale») объясняютъ, что не

позволительно находить правительственныхъ ораторовъ не краснорѣчивыми; третій получаетъ замѣчаніе за то, что разбиралъ (въ текстѣ: «dénaturé») рѣчь произнесенную въ главнѣйшемъ государственномъ учрежденіи; Прево Парадоля, de l'académie française, извѣщаютъ—такъ какъ онъ отрицалъ это — что всякій серьезный разборъ дѣйствій правительства не запрещается.

Изъ вещей, возбуждавшихъ судебныя преслѣдованія, одной изъ самыхъ любопытныхъ были конечно «Propos de Labienus», истинно мастерское произведеніе, судьба котораго вамъ вѣроятно извѣстна. Кромѣ того «La Rive gauche», гдѣ помѣщена была первая часть этихъ «Propos», была запрещена. Пиша былъ осужденъ на трехъ-мѣсячное заключеніе за то, что напечаталъ въ корреспонденціи газеты «Phare de la Loire» стихи одного женевскаго поэта о конвенціи 15 сентября. Бужаръ былъ посаженъ на 4 мѣсяца въ тюрьму за два тома біографіи Мара. Въ кучѣ малоизвѣстныхъ журналовъ, закрытыхъ за то, что они дали мѣсто шуточной литературѣ въ общественныхъ и политическихъ вопросахъ, можно замѣтить журналъ «le Candide», — кромѣ закрытія, издатель, типографщикъ и еще нѣсколько лицъ подверглись тюремному заключенію. Этотъ процессъ принадлежитъ къ числу довольно любопытныхъ. Подсудимые не захотѣли взять защитниковъ и одинъ изъ нихъ, баронъ Поннà, воспитанникъ іезуитовъ, возненавидѣвшій ихъ и ихъ школу послѣ тридцати лѣтъ самыхъ неутомимыхъ занятій, защищаясь самъ противъ выставленныхъ противъ него обвиненій, выказалъ столько остроумія, знаній и логики, что имѣлъ огромный успѣхъ въ аудиторіи, состоявшей почти исключительно изъ адвокатовъ. Вамъ извѣстно, что публичность запрещена для процессовъ по дѣламъ печати, и это очень непріятно для судей, рѣшенія которыхъ, не достаточно мотивированныя, всегда могутъ казаться «услугами». Но защита барона Поннà все-таки не погибла, — она была напечатана въ Бельгіи и конечно нашлась для желающихъ и въ Парижѣ. Остроуміе и богатство свѣдѣній могли бы дать мѣсто этой брошюрѣ въ «Философскомъ Словарѣ» будущаго; были бы кстати у самого Вольтера.

Въ началѣ прошлаго года преслѣдованію подвергались католики; теперь пришла очередь раціоналистовъ. Наступившій годъ обѣщаетъ также не уступать своему предшественнику. Весьма скромныя мысли Прудона о Новомъ Завѣтѣ подверглись преслѣдованію: книга была конфискована, самъ авторъ оставленъ въ покоѣ, потому что умеръ, но типографщикъ и издатели привлечены къ отвѣтственности за проступокъ, совершенный авторомъ за порогомъ могилы.

Но послѣ этой конфискаціи и этого процесса становится совершенно непонятно, почему власти, оказывающія такое покровитель-

ство католической морали, дозволили распространиться въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ знаменитому роману Эрнеста Ренана; почему эти власти дозволяютъ еженедѣльному журналу «Morale indépendante» представлять—правда, въ формѣ научной, слѣдовательно недоступной для массы—человѣческую добродѣтель, какъ нѣчто высшее и независимое отъ всѣхъ религій, часто будто бы извращающихъ ее суевѣріемъ или фанатизмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы власти не разсорились немного по поводу Италіи съ духовенствомъ, это анти-католическое движеніе, которое съ каждымъ днемъ распространяется все больше и больше, было бы энергически и универсально подавлено. Но такъ какъ теперь сами католики требуютъ себѣ свободы отъ свѣтской власти, которая не можетъ больше обезпечивать имъ исключительнаго господства, и протестуетъ противъ предостереженій или осужденій, падающихъ на ихъ противниковъ, власть преслѣдуетъ теперь не именно недостатокъ религіи, а логическій раціонализмъ, излагающій такіе принципы, которые пожалуй могутъ найти себѣ и политическое примѣненіе на почвѣ, совершенно противоположной имперіализму.

Если обнять въ цѣломъ административныя и судебныя мѣры, постигающія французскую печать, можно очень ясно замѣтить цѣль, къ которой стремятся администрація и суды. Они вооружаются только противъ откровенности, они не любятъ только опредѣленности мнѣній и языка. Вотъ почему во французской журналистикѣ, а черезъ нее и въ публикѣ, почти совершенно изчезли прямота выраженій и ясность мысли. Но дѣйствіе обращается противъ причины; когда пресса что нибудь хвалитъ, то кажется, что она повинуется данному приказанію; когда она безнаказанно порицаетъ, то кажется, что она играетъ только роль; когда ее преслѣдуютъ, всѣ постоянно находятъ ее правой, и даже тѣ, которые могли бы стать на сторонѣ преслѣдователей,—если бы эти послѣдніе отвѣчали на аргументы аргументами, а не угрозами и мѣрами взысканія, — закрывши глаза, идутъ на сторону ихъ противниковъ.

Судя по положенію нашей прессы, для нея нѣтъ середины между абсолютной независимостью и абсолютнымъ молчаніемъ. Я прибавлю даже, что власти столько же компрометируютъ себя, сколько журналистику, стараясь удерживать ее подъ своей опекой, которая дѣлаетъ журналы неотвѣтственными за ихъ нечестныя выходки или нелѣпости, между тѣмъ какъ власть всегда остается отвѣтственной передъ общественнымъ мнѣніемъ и за то хорошее или дурное, о чемъ они говорятъ, и за то, о чемъ они умалчиваютъ, потому что эта власть каждую минуту можетъ останавливать ихъ малѣйшія заблужденія, принуждать ихъ не извлекать выводовъ изъ посылокъ, публично ими

постановленныхъ, если не извлекать выводы, явно противные посылкамъ.

Арну Фреми, опытный журналистъ, имя котораго не появляется больше въ нашихъ газетахъ, только что издалъ весьма важную книгу,—хотя о ней и очень мало говорятъ — «La Révolution dans le journalisme». Этотъ томъ in 8°, къ сожалѣнію, не памфлетъ, но очень живо нарисованная картина настоящаго внутренняго положенія французской печати, которую съ одной стороны рабство, съ другой привилегіи сдѣлали такой продажной, подкупающей и такой réclamière. Единственная ошибка этого писателя, откровенно разсказывающаго наши слабости, состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ ихъ не тѣмъ причинамъ, отъ которыхъ они въ дѣйствительности происходятъ.

Потому что, если печать, вмѣсто того, чтобы принадлежать идеямъ, принадлежитъ интересамъ, то не происходитъ ли это всего больше отъ декрета 17 февраля 1852, который поставилъ ее въ ея нынѣшнее положеніе, похожее на феодальное рабство? Такъ какъ предварительное разрѣшеніе дается именно человѣку, который долженъ внушать чѣмъ нибудь довѣріе администраціи, то становится невозможнымъ, чтобы этотъ привилегированный человѣкъ внушалъ такое же довѣріе и обществу людей, имѣющему одни убѣжденія оппозиціоннаго характера и способному кромѣ того собрать 500,000 франковъ, чтобы рисковать на одно изъ самыхъ невѣрныхъ политическихъ предпріятій,—потому что администрація посредствомъ принудительныхъ средствъ, находящихся въ ея распоряженіи, всегда можетъ запретить главному редактору слѣдовать той линіи, которую онъ принялъ по соглашенію съ своими участниками, и, если линія выдерживается не смотря ни на что, остановить изданіе совсѣмъ. При такомъ въ сущности положеніи вещей, привилегія изданія газетъ переходитъ исключительно въ руки денежныхъ людей, простыхъ антрепренеровъ. Въ этомъ условномъ разрѣшеніи изданія администраціей, въ этомъ надзорѣ, въ этой зависимости журналиста и несвободѣ газеты, денежные люди именно и находятъ самыя прочныя гарантіи сохраненія огромнаго капитала, который долженъ быть затраченъ при изданіи. Подобные антрепренеры имѣютъ убѣжденій и образа мыслей именно на столько, сколько требуется для привлеченія къ новому орудію публичности новой публики. Когда эта публика пріобрѣтена, антрепренеры сохранятъ свой прежній образъ мыслей только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ привлекать слишкомъ суроваго неудовольствія администраціи и пока онъ остается необходимъ для увеличенія числа подписчиковъ, отъ числа которыхъ зависитъ увеличеніе числа и цѣны объявленій, составляющихъ осно-

ваніе операціи. Какъ только объявленія покрываютъ громадныя издержки изданія, антрепренерство, не имѣющее никакого отношенія къ нравственности, должно логически стремиться къ тому, чтобы получать выгоды болѣе осязательныя, чѣмъ одинъ нравственный отвлеченный успѣхъ. Гдѣ оно найдетъ ихъ если не въ *рекламѣ*, которая по мѣрѣ того, какъ она занимаетъ все больше и больше мѣста, по мѣрѣ того, какъ она скрываетъ свое происхожденіе и смѣшивается съ редакціей, становится все прибыльнѣе?

Вы легко поймете, къ чему приводятся издатели газетъ и какъ печать дискредитируется нравственно подъ эксплуатаціей антрепренеровъ и подъ покровительствомъ администраціи. Быть можетъ, я разскажу вамъ въ другой разъ нѣкоторыя подробности того, что выходитъ въ печати напр. отъ выпуска какого нибудь австрійскаго или турецкаго займа. Теперь я укажу вамъ только на одномъ примѣрѣ этой оффиціальной прессы внутреннее жалкое положеніе французской журналистики.

Я беру истину не въ какой нибудь скандалезной хроникѣ пошлостей нашего печальнаго времени; я заимствую ее изъ «Gazette de tribunaux», изъ отчета первой палаты императорскаго парижскаго суда, передъ которой газеты «Constitutionnel» и «Pays» требуютъ себѣ временнаго администратора на мѣсто г. Грангильо (извѣстнаго вѣроятно и въ Россіи), который недавно изчезъ, не оставивши своего адреса. Послѣ судебныхъ дебатовъ, открытія которыхъ привели въ негодованіе самаго avocat-général, называвшаго «гнусными и возмутительными» (odieux et révoltants) дѣйствія, въ которыхъ обвиняется управленіе упомянутаго господина Грангильо, изъ этихъ дебатовъ было доказано: 1) что два эти правительственные журнала были куплены на египетское золото; 2) что тысяча-франковые билеты, доставляемые объявленіями, рекламы и статьи противъ суэзской компаніи попадали въ карманахъ этого администратора; 3) что для покрытія баланса кассы, подъ видомъ прихода въ эту кассу попали 10,000 франковъ, пожертвованныхъ подписчиками газетъ для рабочихъ (на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ), умиравшихъ съ голоду; далѣе 10,902 франк., также пожертвованныхъ въ пользу жертвъ огромнаго пожара въ Лиможѣ, который оставилъ безъ крова сотни семействъ!!

VI.

На этотъ разъ у меня не остается мѣста разсказывать о другихъ парижскихъ новостяхъ и интересахъ, и я упомяну только мимоходомъ двѣ три черты нашихъ нравовъ.

Вы знаете безъ сомнѣнія о томъ, какимъ образомъ парижская администрація покушалась на спокойствіе мирныхъ обитателей окрестностей Люксанбургскаго сада, когда вслѣдствіе соображеній г. Гаусмана намѣревалась вырвать половину деревьевъ въ лучшемъ саду Парижа и на ихъ мѣстѣ выстроить — вѣроятно казарму для гг. студентовъ права, медицины и фармаціи, поставленныхъ послѣ извѣстной исторіи подъ военную дисциплину... Нравственное возстаніе всѣхъ добрыхъ парижскихъ буржуа было такое энергическое, что нужно было остановить исполненіе данныхъ приказаній и даже велѣть садовникамъ привести въ порядокъ эти деревья, которыя были уже осуждены не зеленѣть больше въ этомъ саду. Консультаціи адвокатовъ, заявленія депутатовъ о неконституціонности отчужденія Люксанбургскаго сада умножаются все больше и больше, и собираются подписи на петицію, которая обвиняетъ передъ сенатомъ покушеніе г. Гаусмана. «Боже мой! восклицалъ поэтому одинъ остроумный политикъ стараго закала,—внушай каждый мѣсяцъ нашей любимой администраціи по одной такой идеѣ; — не пройдетъ года, она будетъ уже на небѣ!» Въ сенатѣ, благодаря петиціи, и въ законодательномъ корпусѣ, благодаря иниціативѣ парижскихъ депутатовъ, вопросъ о Люксанбургѣ грозитъ надѣлать столько же шуму, сколько вопросъ о Мексикѣ, къ которому оппозиція готовитъ всѣ свои силы.

Въ заключеніе этого письма я упомяну еще о представленіи *Влюбленнаго льва* (Le Lion amoureux). Эта пьеса въ стихахъ, Понсара, дана была въ первый разъ третьяго дня съ нѣкоторымъ успѣхомъ и въ присутствіи избранной публики и ихъ величествъ. Пьеса, основаніемъ которой служитъ борьба между старымъ и новымъ режимомъ послѣ 9 термидора при директоріи, своей цѣлью имѣетъ—примиреніе новыхъ людей съ старыми женщинами, въ лицѣ двухъ главныхъ актеровъ, неизбѣжнаго Брессана и m-me la marquise Мадлены Броганъ. Поэтическое безпристрастіе автора таково, что всѣ слабости характера достаются на сторону «hommes de bronze», а все величіе приписывается героямъ и героинямъ аристократіи. Это не помѣшало однако «демократамъ», присутствовавшимъ въ театрѣ, съ азартомъ апплодировать якобинскимъ тирадамъ, не протестуя впрочемъ противъ апплодисментовъ противоположнымъ тирадамъ. Во второмъ актѣ, дѣйствіе котораго происходитъ въ салонѣ г-жи Талльянъ —салонѣ слишкомъ распущенномъ, такъ что эти сцены годились бы въ Biche au bois или въ Lanterne magique — членъ комитета общественной безопасности Гюмберъ посылаетъ проклятья щеголямъ и рискуетъ на апологію мѣръ, посредствомъ которыхъ конвентъ достигъ безопасности отечества. Всеобщій энтузіазмъ: императоръ далъ сигналъ апплодисментамъ, къ которымъ между прочимъ присо-

единились и люди, извѣстные своимъ радикализмомъ! Во всей присутствующей публикѣ, въ толпѣ 2,000 зрителей, не было пяти человѣкъ, у которыхъ бы достало здраваго смысла понять весь смыслъ происходившей сцены...

Вотъ что страшно въ настоящемъ положеніи французскаго общества—это смѣшеніе удивленія къ прошедшему и надеждъ на будущее, въ ущербъ принципамъ. Вотъ почему книга Эдгара Кине, которая заставляетъ насъ думать, заглянуть въ самихъ себя, вникать, откуда мы идемъ и куда стремимся bongré malgré,— есть очень важное явленіе, предназначенное обновить общественную совѣсть и традицію истинныхъ убѣжденій.

КЛОДЪ ФРАНКЪ.

20 января н. ст.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗНАЕТЪ ЛИ ЧТО НИБУДЬ РУССКАЯ ПУБЛИКА О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ? — КТО ВИНОВАТЪ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ОНА НИЧЕГО О НИХЪ НЕ ЗНАЕТЪ? — НАСТОЯЩАЯ РОЛЬ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ.—ВОПРОСЪ О НИЩЕНСТВѢ, РАЗРѢШАЕМЫЙ НѢКОТОРЫМИ ЗЕМСКИМИ СОБРАНІЯМИ.

Читатель столичныхъ и провинціальныхъ газетъ теперь очень часто слышитъ, что наша провинція теперь совсѣмъ не то, чѣмъ была она годъ или два назадъ. Эти печатные органы стараются въ общихъ фразахъ увѣрить своихъ читателей, что современная жизнь провинціи осмыслилась и получила содержаніе и что поэтому отзываться о ней пренебрежительно въ настоящее время не слѣдуетъ, что тѣ реформы, свидѣтелями которыхъ были два послѣдніе года, открыли широкое поприще для дѣятельности молодыхъ силъ, такъ долго не находившихъ себѣ исхода; что теперь все устроится лучшимъ образомъ и русская жизнь польется полною струею. «Лишнихъ людей, восклицали нѣкоторые изъ этихъ органовъ, скоро не будетъ у насъ на Руси! Лишними останутся только тѣ, которые сами не захотятъ работать, которые вѣчный сонъ предпочитаютъ вѣчной жизни». И нужно сознаться, что распѣвая въ этотъ тонъ, русская пресса выказала умилительное единомысліе. Тонъ этотъ слѣлался модными, и его усвоили себѣ всѣ, начиная съ любой столичной газеты и кончая какимъ нибудь убогимъ провинціальнымъ «справочнымъ листомъ», не говоря уже о губернскихъ вѣдомостяхъ. Однако читатель ко всѣмъ этимъ пѣснопѣніямъ относится весьма равнодушно; газету слушаютъ—пока держатъ ее въ рукахъ; бросили — и позабыли. Ни одна статья, касающаяся, повидимому, самыхъ серьезныхъ вопросовъ, не заставляетъ о себѣ говорить, — даже изъ тѣхъ, по поводу которыхъ даются газетамъ предостереженія. Только благодаря этимъ послѣднимъ, иной любознательный читатель добудетъ номеръ газеты, получившей предостереженіе, и внимательнѣе обыкновеннаго просмотритъ статью, подвергшуюся неодобренію министра внутреннихъ дѣлъ.

Отчего же это такъ?

Мы позволимъ себѣ предложить нашему читателю одинъ нескромный вопросъ: слыхали вы что-нибудь о земскихъ учрежденіяхъ (предполагаемъ такихъ читателей, которые не заинтересованы близко въ этомъ дѣлѣ)? Разумѣется, слыхали. Вѣдь всѣ газеты такъ давно уже говорятъ объ этомъ. Но любопытно знать, что именно вы слыхали и что́ знаете о нихъ? Знаете вы, что, согласно новымъ постановленіямъ, земству даны какія-то права, что выбираютъ какихъ-то гласныхъ, что существуютъ какія-то губернскія и уѣздныя управы, что на этихъ собраніяхъ читаются длинныя и скучныя рѣчи о различныхъ мѣстныхъ матеріяхъ — и больше ничего не знаете. И виновата въ этомъ исключительно наша газетная пресса. Получивъ возможность говорить о новыхъ учрежденіяхъ, она кинулась на нихъ съ жадностью долго голодавшаго человѣка, но, вмѣсто того, чтобы объяснить сущность дѣла, газеты начали помѣщать у себя цѣликомъ длиннѣйшіе и большею частію ни для кого не интересные отчеты о разныхъ собраніяхъ, не понявшихъ еще настоящей своей роли, отчеты, нерѣдко совершенно походившіе одинъ на другой. На ряду съ этимъ печатались восторженныя передовыя статьи, состоявшія по большей части изъ общихъ фразъ, ни на чемъ не основанныхъ. Отсюда и вышло то, что иной усердный читатель, искренно желавшій познакомиться съ земскими учрежденіями, прочелъ два-три интересныхъ отчета и, встрѣтивъ въ нихъ почти одно и тоже, считалъ лишнимъ заглядывать въ дальнѣйшіе. Возьмемъ, напримѣръ, такой фактъ: каждое земское собраніе открывалось рѣчью губернатора или предводителя дворянства. Рѣчи эти, конечно, должны были имѣть смыслъ для тѣхъ, къ кому они обращались. Но могли ли они интересовать всю массу читателей? Разумѣется нѣтъ. Познакомившись съ одною изъ нихъ, можно напередъ сказать, что встрѣтишь въ другой. Да иначе и быть не могло. Начальствующія лица, открывая собранія, должны были исполнять одни и тѣже правила, и потому рѣчи ихъ если и отличались чѣмъ нибудь одна отъ другой, то только различными выраженіями одной и той же мысли. Слѣдовательно, какая была нужда газетамъ печатать всѣ эти рѣчи? А между тѣмъ онѣ большею частію печатались цѣликомъ. Подобнымъ образомъ можно бы перебрать множество предметовъ, имѣвшихъ несомнѣнный интересъ для мѣстныхъ обществъ, но вовсе не интересныхъ для всей читающей публики. Отсюда въ свою очередь вышло то, что одна часть публики не придаетъ ровно никакого значенія новымъ учрежденіямъ, считая ихъ не болѣе, какъ новой формой чего-то стараго, существовавшаго и прежде; другая, напротивъ, умиляется при одномъ словѣ о земскихъ учрежденіяхъ и только повторяетъ фразы, вычитанныя въ передовыхъ статьяхъ газетъ. Но ни отрицаніе од-

ной, ни восторгъ другой не опираются на основательномъ знаніи. А этого легко было избѣгнуть.

Роль русской прессы относительно земскихъ учрежденій должна состоять въ постоянномъ разъясненіи читателямъ: чѣмъ должны быть эти учрежденія и что они есть въ самомъ дѣлѣ; насколько настоящая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ отступаетъ въ ту или другую сторону отъ той, которая свойственна этимъ учрежденіямъ по ихъ сущности. Пресса не должна съ рабскимъ благоговѣніемъ относиться къ каждому факту изъ дѣятельности земскихъ учрежденій, потому что такимъ способомъ дѣйствій она собьетъ съ толку читателя, который совсѣмъ перестанетъ интересоваться новыми учрежденіями. Напротивъ она должна строго преслѣдовать рутину, вносимую въ новое дѣло неудачнымъ выборомъ нѣкоторыхъ дѣятелей. Тогда передъ читателемъ отдѣлится важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго въ дѣятельности земскихъ учрежденій и онъ легко пойметъ ихъ сущность. Мы знаемъ, что засѣданія нѣкоторыхъ земскихъ собраній ничѣмъ не отличались отъ засѣданій какого угодно казеннаго присутственнаго мѣста, потому только дѣйствующаго, что машина заведена. Такъ и видишь пламенное желаніе покончить скорѣе эти засѣданія, покончить какъ нибудь, лишь бы исполнить букву закона. Мы приведемъ здѣсь для примѣра отчетъ одного изъ земскихъ собраній, который въ той же мѣрѣ можетъ быть отнесенъ и къ нѣкоторымъ другимъ. Первое засѣданіе посвящается принятію присяги, повѣркѣ правъ гласныхъ и выбору секретаря. Затѣмъ обсуждается вопросъ, изъ скольнихъ членовъ должна состоять земская управа и должно ли назначаться имъ жалованье. Этимъ первое собраніе заканчивается. На второмъ выбираются члены управы. На третьемъ разсуждаютъ о выборѣ губернскихъ гласныхъ и о назначеніи имъ прогонныхъ денегъ до губернскаго города. Четвертое ограничивается пересмотромъ и подписью составленной инструкціи. Этимъ собраніе заканчивается, а всѣ остальныя дѣла откладываются до будущаго собранія. Согласитесь, что интереснаго здѣсь очень мало, и распространяться по поводу этого собранія положительно не стоитъ. А между тѣмъ газета, напечатавшая приведенный нами отчетъ, сочла своею обязанностью произнесть цѣлую рѣчь на тэму: «и такъ, гг. гласные въ столь короткое время успѣли указать путь, по которому въ будущемъ должно пойти земское хозяйство». Какой взглядъ на земскія учрежденія вынесетъ читатель изъ этого отчета и этой рѣчи? Читатель перестаетъ вовсе интересоваться ими.

Обозрѣвая дѣятельность открывшихся по настоящее время земскихъ собраній, можно подмѣтить больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ

фактовъ. Но этимъ, разумѣется, смущаться нечего. Тѣ хорошіе факты, которые намъ попадались, заставляютъ мириться съ дурными. Они тѣмъ сильнѣе подкупаютъ безпристрастнаго наблюдателя, что въ нихъ видишь все-таки нѣчто новое, не совсѣмъ похожее на то, что мы привыкли считать нормальнымъ. Относительно же дурнаго нужно сознаться, что оно не слишкомъ бросается въ глаза; оно давно намъ знакомо, и даже было бы странно не встрѣтиться съ нимъ въ новыхъ учрежденіяхъ. Въ новыхъ формахъ подолгу живетъ старое содержаніе. Въ земскія собранія попали люди съ старыми привычками. Многіе, привыкшіе не понимать своихъ собственныхъ выгодъ, смотрятъ на земскія учрежденія какъ на что-то крайне непріятное для себя, и не только не стараются принять въ нихъ дѣятельное участіе, но силятся освободить себя отъ этого послѣдняго. Интересный фактъ подобнаго рода представила Казань. Въ тамошнемъ земскомъ собраніи недавно происходилъ выборъ предсѣдателя губернской управы. Временный предсѣдатель заявилъ, что онъ, по разстроенному здоровью, «хотя, повидимому, не подтверждаемому его наружностью, но тѣмъ не менѣе требующему серьезнаго и продолжительнаго леченія»,—баллотироваться въ предсѣдатели управы не желаетъ. Собраніе имѣло въ виду нѣсколькихъ другихъ, но каждый изъ тѣхъ, на кого собраніе разсчитывало, также отказался по разнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого отказа, рѣшили баллотировать всѣхъ назначенныхъ лицъ съ предоставленіемъ имъ права отказаться послѣ баллотировки. Выбрали одного—отказался; выбрали другаго—тоже сталъ отказываться; наконецъ послѣдняго кое-какъ упросили. «Выборъ, замѣчаетъ корреспондентъ, продолжался *весьма долго* по причинѣ отказовъ и встрѣченныхъ поэтому затрудненій». Стали потомъ выбирать членовъ управы. Здѣсь затрудненія оказались еще многочисленнѣе. Изъ числа *одиннадцати* лицъ, указанныхъ записками, никто не хотѣлъ быть членомъ управы. Тогда большинство собранія рѣшило баллотировать, не спрашивая согласія, но меньшинство протестовало противъ такого рѣшенія. Поэтому возбудился новый вопросъ: имѣетъ ли право меньшинство собранія не подчиняться большинству? Начался споръ, который вѣроятно зашелъ бы очень далеко, еслибъ его не прекратила рѣчь одного гласнаго, «сущность которой состояла въ томъ, что если не будетъ сдѣлано выбора полнаго числа членовъ управы изъ гласныхъ, то правительство должно будетъ замѣстить эти вакансіи по своему назначенію, и естественно заключитъ о неспособности общества къ дарованному ему самоуправленію, такъ какъ изъ среды его не оказалось достаточно желающихъ и способныхъ людей къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ земствомъ». Такой сильный доводъ подѣйствовалъ на собраніе, которое

рѣшило произвести выборъ безъ согласія избираемыхъ. Не смотря на это, нѣкоторые все-таки упорно продолжали отказываться отъ членства, но «потомъ начались мало по малу уступки», и шесть членовъ управы были кое-какъ собраны.—Подобнаго рода фактовъ можно бы набрать довольно много изъ дѣятельности земскихъ учрежденій, и еслибъ на ряду съ ними не было фактовъ совершенно противоположныхъ этимъ, то земскія учрежденія дѣйствительно не могли бы представлять ни малѣйшаго интереса. Можно бы было думать, что или законъ слишкомъ ограничилъ дѣйствія земства, подчинивъ ихъ строго установленнымъ формамъ, или русское общество положительно неспособно къ какой бы то ни было самодѣятельности. Но теперь нельзя жаловаться ни на то, ни на другое. Если, съ одной стороны, мы видимъ строгое подчиненіе буквѣ закона, не допускающее никакихъ проявленій личныхъ взглядовъ, то съ другой замѣчаются такія дѣйствія, которыя, не выходя изъ сферы закона, захватываютъ весьма широко и затрогиваютъ вопросы весьма серьезные. Объ этихъ послѣднихъ фактахъ мы упомянемъ нѣсколько ниже; теперь же замѣтимъ, что успѣхъ земскихъ учрежденій исключительно зависитъ отъ лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе. Положительный законъ, весьма, повидимому, строго опредѣляя границы дѣйствій земскихъ собраній, на самомъ дѣлѣ открываетъ имъ широкое поле дѣятельности. Возьмемъ, напримѣръ, статью закона, перечисляющую дѣла, подлежащія вѣдѣнію земства; къ нимъ отнесены между прочимъ: мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и *прочія* мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности и проч. Всякій согласится, что рѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ быть и очень легко, и очень трудно, смотря по тому, какъ отнестись къ дѣлу. Нѣкоторыя собранія рѣшали въ одинъ разъ такіе вопросы, съ которыми другія собранія не могли совладѣть въ теченіе всѣхъ своихъ засѣданій. Возьмемъ хоть вопросъ о пьянствѣ. Инымъ онъ казался весьма сложнымъ вопросомъ, зависящимъ отъ многихъ условій народной жизни; другіе, какъ напр. Казанское собраніе, «мѣрою къ уничтоженію пьянства предлагали общее обязательство, родъ присяги, чтобы употреблять вина только необходимое количество для здоровья, и штрафовать тѣхъ, которые *не знаютъ* мѣры употребленія». То же было съ вопросомъ о нищенствѣ и со многими другими. Очевидно, что законъ не можетъ опредѣлить, каковы именно должны быть «мѣры» для искорененія того или другаго зла русской жизни; выборъ ихъ онъ предоставляетъ самимъ собраніямъ, отъ которыхъ зависитъ такъ или иначе отнестись къ вопросу. Такимъ образомъ рѣшенія по одному и тому же вопросу

двухъ собраній, изъ которыхъ одно едва затронуло, а другое глубоко обсудило дѣло, могутъ одинаково удовлетворять требованіямъ закона. Вотъ почему, повторяемъ, успѣхъ земскихъ учрежденій главнымъ образомъ зависитъ отъ лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе.

Съ этой точки зрѣнія мы видимъ очень большую разницу въ дѣятельности открывшихся по настоящее время земскихъ собраній. Одни изъ нихъ вяло и неохотно ведутъ свое дѣло, только и заботясь о томъ, чтобы поскорѣе и какъ нибудь исполнить требованія формы; въ другихъ, напротивъ, замѣчается какая-то неестественная, лихорадочная дѣятельность, нерѣдко даже переступающая за предѣлы закона. Недавно «Сѣверная Почта», напечатавшая нѣсколько статей по земскимъ учрежденіямъ, сгруппировала не мало фактовъ изъ ихъ дѣятельности, не соотвѣтствующихъ постановленіямъ закона. Хотя нѣкоторые изъ этихъ фактовъ весьма серьезнаго свойства, но, по словамъ той же газеты, «ожиданія правительства насчетъ полнаго въ настоящемъ дѣлѣ успѣха не поколеблены». Намъ даже кажется, что было бы грустно, еслибъ земскія учрежденія вездѣ принимались одинаково вяло, спокойно и безстрастно, безъ ошибокъ и недоразумѣній. Это показывало бы, что русское общество приняло новыя учрежденія формально, приняло ихъ только потому, что они даны; можно бы было думать, что оно не чувствовало особенной въ нихъ надобности, что оно слѣпо пошло вслѣдъ за указаніями закона, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшей самодѣятельности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы упомянули, земскія учрежденія принимались обществомъ до того горячо, что «Сѣверная Почта» сочла нужнымъ напечатать у себя нѣсколько статей, спеціально посвященныхъ разъясненію роли земскихъ собраній и ихъ отношеній къ центральной власти. Такъ какъ изъ этихъ статей ясно видно, какое громадное значеніе придаетъ правительство новымъ учрежденіямъ, то мы приведемъ здѣсь нѣсколько интересныхъ выписокъ изъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ. Слѣдуетъ только помнить, что эти статьи написаны по поводу фактовъ, взятыхъ изъ дѣятельности земскихъ учрежденій.

«Государственная власть, говоритъ между прочимъ «Сѣверная Почта», видитъ въ земствѣ не соперника, а союзника... Передавая земскимъ учрежденіямъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, извѣстные предметы вѣдомства, правительство не уменьшаетъ совокупности своихъ правъ, но облегчаетъ бремя лежащихъ на немъ обязанностей, споспѣшествуя въ тоже время болѣе успѣшному теченію дѣлъ, въ которыхъ ближайшее участіе земства предпочтительнѣе исключительной дѣятельности администраціи. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ насчетъ земской реформы встрѣчается взглядъ, который, противопоставляя правительство и земство одно другому, смотритъ на всякое прикосновеніе правительственной власти къ дѣламъ земскихъ учрежденій, какъ на присвоеніе непринадлежащихъ ей правъ. Съ этой точки зрѣнія недовѣріе и подозрительность

становятся, во взаимныхъ отношеніяхъ и правительства и земства, какъ бы нормальнымъ положеніемъ того и другаго. Отсюда возникаетъ желаніе предоставить земскимъ учрежденіямъ всевозможныя гарантіи, которыя бы оградили ихъ, какъ стѣной, отъ вторженія административной власти. Но самая надобность въ этихъ гарантіяхъ, самыя опасенія насчетъ излишняго или вреднаго вмѣшательства администраціи не подкрѣпляются и не могутъ быть подкрѣплены убѣдительными доказательствами. Антагонизмъ, предполагаемый по поводу устройства земскихъ учрежденій, у насъ не можетъ обнаружиться. Мы не должны забывать, это наши земскія учрежденія возникаютъ въ силу самостоятельной, совершенно свободной инціативы правительства, и что цѣль, къ которой оно стремится, есть та самая цѣль, къ которой могутъ направлять свои усилія и представители земства, если, рядомъ съ ближайшими мѣстными интересами и потребностями, они будутъ сохранять въ виду общія условія пользы и благосостоянія государства. Для того, чтобъ доказать возможность постановленія земскихъ учрежденій внѣ всякаго вліянія административныхъ властей, и даже почти внѣ всякихъ къ нимъ отношеній, обыкновенно указываютъ на ограниченіе ихъ дѣятельности дѣлами чисто мѣстнаго интереса, до которыхъ будто бы правительству нѣтъ ни повода, ни надобности касаться. Но спрашивается: много ли есть въ числѣ земскихъ дѣлъ такихъ, которыя бы не касались, съ одной стороны, интересовъ государства, а съ другой, интересовъ частныхъ? Какой разрядъ земскихъ дѣлъ, изъ числа выработанныхъ практикой, можетъ быть отданъ безусловно не только въ ближайшее вѣдѣніе, но такъ сказать, и на произволъ мѣстныхъ учрежденій?... Прочный успѣхъ въ движеніи земскихъ дѣлъ невозможенъ безъ обоюднаго содѣйствія земскихъ учрежденій и правительственной административной власти. Возможность этого содѣйствія также не подлежитъ сомнѣнію, потому что административная власть не можетъ ожидать никакой выгоды отъ столкновеній съ земскими учрежденіями, и напротивъ того, должна стремиться въ видахъ общей пользы, къ соблюденію интересовъ земства и къ облегченію соотвѣтствующей этимъ интересамъ дѣятельности земскихъ собраній и управъ. Того же самаго надлежитъ ожидать и отъ земства. Такимъ образомъ, обѣ стороны заинтересованы въ предупрежденіи недоразумѣній. При всемъ томъ, они могутъ однакоже возникать отъ различія взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, и нельзя не предусматривать, что поводы къ тому чаще могутъ встрѣчаться со стороны земскихъ учрежденій, чѣмъ со стороны администраціи. Во первыхъ, земскія учрежденія вступаютъ на поприще новое, гдѣ опытъ не успѣлъ еще установить вспомогательныхъ указаній; во вторыхъ, имъ естественно должна принадлежать въ мѣстныхъ дѣлахъ гораздо большая доля инціативы, чѣмъ административной власти, и въ третьихъ, наоборотъ, имъ менѣе могутъ быть видны общія нужды и пользы государства, которыя правительствомъ постоянно принимаются къ соображенію и руководству... Губернскія и уѣздныя земства не составляютъ отдѣльныхъ штатовъ. Они имѣютъ права хозяйственно-распорядительныя и право представительства въ отношеніи къ своимъ интересамъ, но не имѣютъ правъ и аттрибутовъ правительственной власти... Въ наше время вошли въ болѣе или менѣе частое употребленіе такіе обороты рѣчи, которымъ какъ будто принято придавать практическое значеніе, но которые въ дѣйствительности этого значенія имѣть не могутъ. Къ такимъ оборотамъ рѣчи принадлежитъ выраженіе сомнѣній и опасеній насчетъ послѣдствій такъ называемаго административнаго произвола. Гдѣ этотъ произволъ? Гдѣ въ особенности можно указать на него въ кругу дѣятельности земскихъ учрежденій? То вѣдомство, которое съ ними поставлено въ ближайшее, непосредственное

и непрерывное соприкосновеніе, есть министерство внутреннихъ дѣлъ. Это министерство смѣло можетъ вызвать всѣхъ и каждаго указать на слѣды административнаго произвола въ его распоряженіяхъ. Не въ давнемъ времени были въ ходу толки насчетъ излишества циркуляровъ этого же самаго министерства по крестьянскому дѣлу и насчетъ вреднаго искаженія этими циркулярами Положеній 19 февраля 1861 года. Министерство внутреннихъ дѣлъ распорядилось составленіемъ и напечатаніемъ въ «Сѣверной Почтѣ» полнаго аналитическаго разбора всѣхъ заключающихся въ Сборникѣ постановленій по крестьянскому дѣлу циркулярныхъ и нециркулярныхъ его распоряженій. На это простое, но документальное опроверженіе неосновательныхъ или торопливыхъ сужденій никто не далъ отвѣта. О циркулярахъ по крестьянскому дѣлу теперь не упоминается; но неопредѣленныя опасенія насчетъ новыхъ циркуляровъ по дѣламъ земства уже были заявлены въ одномъ или двухъ земскихъ собраніяхъ. Они сопутствуютъ другимъ опасеніямъ насчетъ произвола и неудобнаго вмѣшательства административной власти. Между тѣмъ указаній на факты, оправдывающіе эти опасенія, не представляется. Могутъ случаться ошибки; но не говоря о томъ, что онѣ вообще и во всякомъ дѣлѣ неизбѣжны, слѣдуетъ сохранять въ виду, что на такихъ ошибкахъ могутъ быть построены общіе выводы только въ такомъ случаѣ, когда онѣ повторяются слишкомъ часто, или когда не принимается мѣръ къ ихъ исправленію, или когда высшая власть поддерживаетъ или неправильно прикрываетъ ошибочныя дѣйствія власти низшей... Могутъ также, и даже должны, представляться случаи, для которыхъ не дано въ законѣ положительныхъ указаній, которые имъ не предусмотрѣны, или которые по самому свойству своему не могутъ быть подводимы подъ опредѣлительныя правила. Въ такихъ случаяхъ свобода дѣйствій администраціи не есть произволъ, но есть прямое исполненіе лежащихъ на ней обязанностей въ предѣлахъ предоставленныхъ ей правъ. Въ одномъ губернскомъ собраніи недавно произнесена была рѣчь, въ которой... встрѣчаются слѣдующія слова: «наши распорядительныя дѣйствія ограничиваются ходатайствомъ, и на всѣ наши ходатайства мы до сихъ поръ слышимъ одинъ краснорѣчивый отвѣтъ — молчаніе»... То «молчаніе» администраціи, о которомъ здѣсь упоминается, заключается въ безотлагательномъ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ, которые безотлагательно могутъ быть разрѣшены; въ отзывахъ на всѣ представленія или ходатайства, на которыя могутъ быть даны отвѣты безъ предварительнаго движенія и разрѣшенія дѣла установленнымъ для него порядкомъ; въ перепискѣ по земскимъ дѣламъ, которой размѣры видны изъ того, что въ 1865 году поступило по нимъ около 1,800 бумагъ и послана около 1,400, въ томъ числѣ 133 отзыва по телеграфу... Позволительно утверждать, что все это болѣе, чѣмъ одно молчаніе».

Очевидно, что такое подробное разъясненіе, изъ котораго мы привели здѣсь лишь незначительную часть, должно быть вызвано серьезными фактами. Читатель, даже незнакомый съ этими фактами, уже по смыслу самыхъ статей можетъ безошибочно заключить, какого они рода. Если, напримѣръ, «Сѣверная Почта» заявляетъ, что «государственная власть видитъ въ земствѣ не соперника, а союзника», то значитъ нѣкоторые факты изъ дѣятельности земскихъ учрежденій давали поводъ предполагать противное. Если она говоритъ далѣе, что правительство, открывая земскія собранія, «не уменьшаетъ совокупности своихъ правъ, но облегчаетъ бремя лежащихъ на немъ обя-

занностей», то значитъ нѣкоторые высказывали иной взглядъ на дѣло и приписывали правительственную роль земскимъ учрежденіямъ, и проч.

Дѣйствительно, факты подтверждаютъ эти предположенія.

Одному изъ губернскихъ земскихъ собраній былъ представленъ критическій разборъ законоположеній о земскихъ учрежденіяхъ. «Сѣверная Почта» не отвергаетъ критики. Она только считаетъ ее преждевременною, на томъ основаніи, что «эта критика еще не подкрѣпляется и не можетъ быть подкрѣплена никакимъ свидѣтельствомъ опыта и никакимъ указаніемъ на факты. Земскія учрежденія только что вступаютъ на открытое предъ ними поприще. Каждый дальнѣйшій шагъ на этомъ поприщѣ будетъ и опытомъ, и фактомъ, и указаніемъ». Между тѣмъ въ упомянутомъ критическомъ разборѣ безусловно заявлялось, что «Положеніе крайне неудовлетворительно разработано и что его постановленія не отвѣчаютъ ни строгимъ требованіямъ разума, ни истинному знанію сущности вещей, ни экономическимъ началамъ». Многія изъ этихъ постановленій выставлялись слишкомъ стѣснительными для самостоятельности земскихъ учрежденій. Такъ напримѣръ, указывалось, что статья закона, опредѣляющая отношеніе земства къ народному образованію, общественному здоровью и проч., допускаетъ участіе земства въ этихъ дѣлахъ только въ хозяйственномъ отношеніи; будто бы земство обязано только строить дома для школъ, отоплять и освѣщать ихъ, безъ всякаго права наблюдать за образованіемъ дѣтей народа; почему признается нужнымъ ходатайствовать о разширеніи въ этомъ отношеніи правъ земства. На счетъ народнаго здравія заявлено, что о госпиталяхъ можно сказать то же самое, то есть, что земство будетъ только давать деньги на ихъ постройку. «Сѣверная Почта» замѣчаетъ, что жалобы земства на стѣснительность упомянутой статьи закона неосновательны, потому что, согласно положенію о народныхъ училищахъ, для завѣдыванія школами учреждаются губернскіе и уѣздные училищные совѣты, въ составъ которыхъ входятъ по два члена мѣстнаго земства. А такъ какъ къ числу обязанностей этихъ совѣтовъ относится и наблюденіе за преподаваніемъ, то слѣдовательно и земство принимаетъ участіе въ этомъ наблюденіи. Что же касается училищъ, устроенныхъ и содержимыхъ собственными средствами земства, то относительно ихъ ему принадлежатъ тѣ же права, какими пользуются всѣ другія юридическія лица относительно школъ, содержимыхъ на ихъ счетъ, то есть права полнаго завѣдыванія ими, избранія лицъ надзирающихъ и преподающихъ и т. д.—Далѣе, указывалось на неопредѣленность, а потому и стѣснительность той статьи закона, въ силу которой начальнику губерніи и министру внутрен-

нихъ дѣлъ предоставляется остановить исполненіе всякаго постановленія земскаго собранія, противнаго законамъ или *общимъ государственнымъ пользамъ*. Послѣднее выраженіе находили крайне неопредѣленнымъ и потому допускающимъ произволъ со стороны администраціи относительно постановленій земскихъ собраній. На этомъ основаніи ходатайствовалось объ исключеніи изъ закона словъ: «и общимъ государственнымъ пользамъ». «Сѣверная Почта» находитъ невозможнымъ исключить эти слова, потому что законодательство не пріобрѣло пока возможности предусмотрѣть всѣ случаи, въ которыхъ интересы одной какой либо мѣстности могутъ придти въ столкновеніе съ общими пользами государства. Не менѣе стѣснительной находили статью, въ которой перечислены постановленія земскихъ собраній, требующія утвержденія начальника губерніи, именно: приведеніе въ дѣйствіе земскихъ смѣтъ, раздѣленіе земскихъ путей на губернскія и уѣздныя, отнесеніе уѣздныхъ дорогъ къ разряду проселочныхъ и проч. Наконецъ, подверглись осужденію статьи: 110, по которой правила для производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ установляются первоначально министромъ внутреннихъ дѣлъ («насъ, говорили, стѣсняютъ даже въ распоряженіи простыми формальностями»), и ст. 48 и 56, по которымъ предсѣдатели управъ утверждаются, земской—губернаторомъ, а губернской — министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но «Сѣверная Почта» показала неосновательность всѣхъ этихъ жалобъ и ходатайствъ.

Факты другаго рода, также сгруппированные «Сѣверной Почтой», гораздо серьезнѣе вышеприведенныхъ. Тамъ дѣло не шло дальше *заявленій*, хотя, правда, очень рѣзкихъ; здѣсь же мы видимъ положительное желаніе *дѣйствовать*, желаніе, опирающееся на смыслъ слишкомъ широко понятаго закона; дѣйствовать въ такихъ размѣрахъ, которые не соотвѣтствуютъ новымъ законоположеніямъ. Такъ напримѣръ, одно собраніе рѣшило обложить лѣсопромышленниковъ, торгующихъ на пристаняхъ сплавной и судоходной рѣки, сборомъ на цѣнности лѣсныхъ произведеній; другое установило сборъ съ предполагаемыхъ капиталовъ первой гильдіи и между различными торговцами предположило различныя суммы капиталовъ; третье постановило обложить поголовнымъ земскимъ сборомъ почетныхъ гражданъ. Въ одномъ губернскомъ собраніи заявлена мысль о необходимости подчинить сотскихъ, то есть полицію, земскимъ учрежденіямъ. Другое собраніе положило просить о передачѣ въ его вѣдѣніе «Губернскихъ Вѣдомостей», губернской типографіи и отпускаемыхъ на нихъ суммъ, предлагая принять на себя обязанность помѣщать, въ оффиціальномъ отдѣлѣ, административныя распоряженія и объявленія... Въ двухъ губерніяхъ заявлена необходимость повѣрять, правильно

ли выдаются центральными властями открытые листы на отпускъ лошадей, а въ двухъ другихъ губерніяхъ члены управъ требовали для себя подорожныхъ по казенной надобности. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ обнаружилось стремленіе оградить себя отъ такъ называемаго вмѣшательства администраціи въ земскія дѣла. «Въ одной губерніи даже заявлена мысль объ учрежденіи центральнаго земскаго собранія, и хотя эта мысль оставлена безъ послѣдствій, но губернское собраніе формально выразило къ ней свое сочувствіе. Другое собраніе, въ свою очередь, выразило сочувствіе къ заявленію перваго».

Всѣ факты, здѣсь приведенные, весьма серьезнаго свойства, и не смотря на это, ожиданія правительства, по словамъ «Сѣверной Почты», на счетъ успѣха земскихъ учрежденій не поколеблены. Дѣйствительно, факты эти показываютъ только, что въ русскомъ обществѣ не совершенно замерла жажда дѣятельности, что оно готово обнаружить ее при удобномъ случаѣ. Разумѣется, время и опытъ направятъ дѣятельность земскихъ учрежденій на настоящую дорогу. Земскія собранія увидятъ, что область предстоящихъ имъ работъ можетъ быть весьма обширна. Въ самомъ дѣлѣ, такія дѣла, какъ «мѣры обезпеченія народнаго продовольствія», «способы прекращенія нищенства», «попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности», «участіе въ попеченіи о народномъ образованіи», «назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда» и проч., могутъ представить очень много матеріала для дѣятельности земскихъ учрежденій. Жаль, что земскія собранія упустили изъ виду тѣ вопросы, которые требуютъ настоятельнаго обсужденія, и въ рѣшеніи которыхъ земство не можетъ столкнуться съ правительствомъ.

Таковъ, между другими, вопросъ о нищенствѣ. Этотъ вопросъ съ давнихъ поръ пережевывается столичной и провинціальной прессой; и однако же практическое его разрѣшеніе не подвинулось ни на шагъ. Открывшіяся по настоящее время земскія собранія отнеслись къ нему, большею частію, крайне рутинно и небрежно; исключеніе составляютъ одна или двѣ губерніи. Между тѣмъ почти ни одинъ нумеръ губернскихъ вѣдомостей не упускаетъ случая поговорить о бѣдности народа вообще и о нищенствѣ въ особенности. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ сельскій корреспондентъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»: «Кромѣ другихъ *пороковъ*, у насъ преобладаетъ нищенство. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить здороваго двадцатилѣтняго парня, просящаго милостыню. Едва только начинается утро праздничнаго дня, какъ со всѣхъ сторонъ и всякими тонами, начиная отъ дѣтскаго дисканта и здороваго баритона до разбитаго старче-

скаго голоса, слышатся жалостные, надрывающіе сердце вопли: мучки христа-а-ради! И жалко, и досадно становится при видѣ этихъ скорченныхъ гримасъ, жалко видѣть разумное божье созданіе—человѣка въ грязи, съ сумой» и т. д. Весьма интересное письмо въ подобномъ родѣ напечатано въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»—изъ Острогожскаго уѣзда; мы считаемъ не лишнимъ привести это письмо почти цѣликомъ. «Въ послѣдніе годы,—разсказываетъ корреспондентъ,—народъ замѣтно сталъ бѣднѣть и сильно страдаетъ отъ безденежья. Противъ прежняго въ настоящее время съ особенною трудностью добываются поселянами деньги: прежніе источники крестьянскихъ денежныхъ доходовъ теперь значительно понизились. Все, что можно на домашнюю «обиходку» продать изъ дому, стало теперь малоцѣнно, да и покупается, по большей части, вяло; тогда какъ на всѣ другія жизненныя потребности цѣны высоки. Заработная плата, вслѣдствіе повсемѣстнаго безденежья, значительно сократившаго размѣры экономическихъ операцій, вездѣ понизилась, да и самое требованіе на рабочія руки противъ прежняго уменьшилось. Единственнымъ помощникомъ и подспорьемъ крестьянина былъ всегда хлѣбъ; но во всѣ послѣдніе годы не было вполнѣ удовлетворительныхъ урожаевъ и хлѣба едва доставало на собственное продовольствіе; излишекъ для продажи имѣли немногіе зажиточные. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, народъ вынужденъ во многомъ отказывать себѣ и значительно сократить противъ прежняго свои жизненные расходы. Но что болѣе всего безотрадно, такъ это то, что это безденежье и матеріальные недостатки сильно и пагубно повліяли даже на преобладающій въ нашемъ народѣ элементъ религіозности, и въ эту отличительную область своего религіознаго духа народъ внесъ значительную долю строгой разсчетливости и матеріальной бережливости. Считая исполненіе извѣстныхъ требованій своего религіознаго духа священнѣйшею, непремѣнною для себя обязанностью, онъ всегда съ полною охотою, безотлагательно удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Но теперь и здѣсь народъ во многомъ отказываетъ себѣ, и если исполняетъ нѣкоторыя, требуемыя религіею и церковью обязанности, то далеко не съ прежнею готовностью, а съ какою-то уклончивостью, какъ бы съ принужденіемъ. Придти въ церковь и не поставить передъ иконою хоть одной свѣчи — простолюдинъ считаетъ за великій для себя грѣхъ передъ Богомъ и стыдъ передъ людьми. А потому каждый всячески заботится о томъ, чтобы приготовить къ празднику «на свѣчку». Вслѣдствіе этого, продажа свѣчъ была до того значительна, что прибыльной отъ этой продажи суммы, и послѣ взноса въ казну опредѣленнаго количества ея, въ каждой церкви всегда оставалось на столько, что остаткомъ этимъ

можно было удовлетворять всѣмъ требованіямъ и нуждамъ по ремонту и содержанію церкви. Кошельковый доходъ, предназначенный закономъ на всѣ нужды и расходы церковные, въ большинствѣ церквей — доходъ сравнительно ничтожный, которымъ однимъ немногія церкви могутъ содержать и ремонтировать себя. Но въ настоящее время продажа свѣчь до того упала, что едва-едва собирается необходимая для взноса въ казну сумма. Доходы церквей сократились не менѣе какъ на двѣ трети противъ доходовъ прежнихъ лѣтъ. Отправленіе такъ называемыхъ «добровольныхъ», необязательныхъ церковныхъ требоисправленій (какъ напр. молебны, маслособорованіе, поминовеніе умершихъ) почти окончательно прекратилось. Что же касается до случающихся обязательныхъ для каждаго требъ (каковы: крещеніе младенцевъ, погребеніе умершихъ и проч.), то онѣ *большею частію* отправляются безденежно, *въ долгъ*, который, какъ не обязательный и гарантируемый одною лишь совѣстью должника, не уплачивается, зачастую, многіе годы». Разумѣется, мы привели именно это письмо единственно потому, что оно прежде другихъ попалось намъ подъ руку. Но можно бы набрать очень много подобнаго рода писемъ.

Большею частію на ряду съ подобными заявленіями предлагаются мѣры для искорененія зла. Всѣ эти мѣры, не смотря на ихъ видимое разнообразіе, всегда похожи другъ на друга, и хотя выдаются ихъ авторами за нѣчто серьезное, но отличаются очень часто крайнею наивностью и рѣшительнымъ непониманіемъ дѣла. Одни, напримѣръ, говорятъ, что «причина нищенства въ крестьянствѣ очевидна и проста—слабое развитіе нравственныхъ чувствъ и несознаніе всей гадости такого способа добыванія насущнаго хлѣба», откуда вытекаетъ извѣстная мораль, что необходимо поднять нравственный уровень народа. И при этомъ очень тонко намекаютъ на Петра I, который, «отрѣшась отъ многаго стараго, выразилъ свою антипатію къ нищенству и низвелъ его со степени братій Божіихъ до людей, могущихъ быть за свою профессію *битыми не щадя батоги*». Другіе посвящаютъ вопросу о нищенствѣ цѣлыя статьи, весьма, по видимому, серьезныя, но обыкновенно оканчивающіяся подобными совѣтами: «1) необходимо имѣть всегда вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ нищенствующихъ своего уѣзда: гдѣ они живутъ, чѣмъ кормятся, и кто даетъ имъ пріютъ; 2) постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы нищіе отнюдь не смѣли переступать для испрошенія подаяній за черту своей волости и еще менѣе за черту своего уѣзда; 3) всѣхъ тѣхъ, кто будучи способенъ къ трудамъ и не имѣетъ для своего пропитанія честныхъ занятій, дозволенныхъ закономъ, *удалять изъ общества на поселеніе*». Подобныя гуманныя и радикальныя мѣры предлагаются сплошь и рядомъ провинціальными газетами, такъ что даже многія

земскія собранія не остались свободны отъ такого непростительнаго заблужденія и публично предлагали такія же мѣры. Такъ напримѣръ Бѣлевскому земскому собранію была представлена записка одного гласнаго, касавшаяся призрѣнія бѣдныхъ и прекращенія нищенства. Вотъ каковы предлагаемыя ею «мѣры»: «1) Требовать отъ обществъ строгаго исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ; 2) просить полицію, а сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ приказать неуклонно слѣдовать существующимъ постановленіямъ о нищихъ; 3) примѣняя къ статьямъ временныхъ правилъ положеніе о земствѣ, учредить при земской управѣ вспомогательный капиталъ для бѣдныхъ, и 4) въ уѣздѣ, при каждой приходской церкви, а въ городѣ хотя при нѣсколькихъ приходахъ устроить братства для призрѣнія бѣдныхъ. Для учрежденія этихъ приходскихъ братствъ, пригласить приходскихъ священниковъ, церковныхъ старостъ и прихожанъ, желающихъ быть членами братства».

Тѣмъ рѣзче выдаются изъ подобнаго рода «мѣропріятій» благородныя усилія тѣхъ дѣятелей, которые не довольствуются рутиннымъ отношеніемъ къ дѣлу, а стараются заглянуть въ корень его, пользуясь данными, добытыми наукой и опытомъ. Съ этой стороны нельзя не придать серьезнаго значенія «Докладу одесской земской управы по вопросу о нищенствѣ». Мы считаемъ себя обязанными подробнѣе познакомить читателей съ этимъ докладомъ, который показываетъ, на какую дорогу можетъ стать дѣятельность земскихъ учрежденій, и что могутъ они сдѣлать, не выходя изъ круга правъ, предоставленнымъ имъ по закону. Управа, обсуждая мѣры къ искорененію нищенства, прежде всего обратила вниманіе на то обстоятельство, что въ Херсонской губерніи всякія руки, могущія предложить хоть какую нибудь работу, получаютъ совершенно достаточное вознагражденіе, которое не только обезпечиваетъ содержаніе, но иногда даетъ возможность составить капиталъ про черный день. При такой обстановкѣ, даже если бы и не существовало поземельныхъ надѣловъ, всякая забота о содержаніи нищихъ на счетъ обществъ оказалась бы не нужною. Исключеніе возможно только для совершенно увѣчныхъ и немощныхъ, которые требуютъ особаго попеченія. Но такого рода нищихъ очень мало, и потому самая незначительная часть всѣхъ просящихъ милостыню должна быть содержима на счетъ обществъ. Въ одесскомъ уѣздѣ до сихъ поръ не существовало никакихъ ни частныхъ, ни общественныхъ благотворительныхъ заведеній. Но такъ какъ въ составъ земства вошли, кромѣ землевладѣльцевъ-собственниковъ, и разныя сельскія сословія, какъ-то: иностранные поселенцы, крестьяне государственныхъ имуществъ, временно-обязанные крестьяне, дворовые люди, крестьяне, не пользо-

вавшіеся надѣломъ и проч., то управа сочла необходимымъ войти и въ разборъ средствъ существованія каждаго изъ этихъ сословій. Замѣчательно, что между сельскими обывателями изъ иностранныхъ поселенцевъ почти не встрѣчаются лица, просящія милостыню. И это покажется очень естественнымъ, если вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ поселялись эти иностранцы. Правительство дало имъ щедрый поземельный надѣлъ, именно 60 десятинъ на семейство, за самую малую плату, и освободило ихъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей. Вслѣдствіе такой обстановки этотъ классъ землевладѣльцевъ не только имѣлъ возможность существовать безбѣдно, но даже нашелъ средства постоянно увеличивать свое благосостояніе. Тѣ самые колонисты, которые сперва не могли обработывать данныхъ имъ земель и отдавали ихъ въ наймы другимъ сословіямъ, теперь уже находятъ ихъ недостаточными для себя, и не только арендуютъ земли землевладѣльцевъ-собственниковъ, но и скупаютъ ихъ у этихъ послѣднихъ въ огромномъ количествѣ. Въ такомъ ли же положеніи стоятъ, напримѣръ, государственные крестьяне? Нѣтъ; душевые надѣлы, полученные ими, не велики; кромѣ платы за нихъ на крестьянахъ лежитъ еще отбываніе разныхъ натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ, государственнымъ крестьянамъ не представилось никакой возможности улучшить свой экономическій бытъ. Но какъ бы то ни было, государственные крестьяне имѣютъ землю и владѣніе ею можетъ служить источникомъ къ искорененію между ними нищенства. За каждымъ изъ членовъ этого сельскаго общества считается извѣстная часть поземельнаго надѣла; и потому если онъ отъ старости, болѣзни или увѣчья, пришелъ въ такое состояніе, что не можетъ самъ извлекать изъ этого надѣла средствъ для своего существованія, то общество можетъ отдать этотъ надѣлъ въ пользованіе его родственниковъ или знакомыхъ, возложивши на нихъ обязанность содержать владѣльца переданнаго имъ надѣла. Совершенно въ такомъ же положеніи находятся временно-обязанные крестьяне, особенно теперь, когда ихъ поземельные надѣлы еще не успѣли раздробиться. А потому, относительно содержанія нищихъ, и къ нимъ можно примѣнить то, что сказано о государственныхъ крестьянахъ.—Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся бывшіе дворовые люди и безземельные мѣщане малыхъ городовъ. Какъ первые, такъ и вторые будутъ до тѣхъ поръ служить разсадникомъ нищенства, пока средства ихъ жизни не будутъ совершенно измѣнены. При освобожденіи крестьянъ, на землевладѣльцевъ возложено было улучшеніе быта самой большой части этого сословія, а именно, такъ называемыхъ временно-обязанныхъ. Правительство же взялось устроить только дворовыхъ и тѣхъ изъ крестьянъ, которые не пользовались надѣломъ. Оно предоставило имъ правъ при-

числиться къ тѣмъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, при которыхъ имѣются свободныя отъ надѣла земли; дворовымъ же, престарѣлымъ и увѣчнымъ постановило выдавать черезъ мировыхъ посредниковъ пособія на счетъ сбора по одному рублю, взимаемаго съ дворовыхъ, способныхъ къ работѣ. Если бы это постановленіе было выполнено во всемъ его объемѣ, тогда дворовые люди, и не пользовавшіеся надѣломъ, по уравненные въ правахъ съ дворовыми, размѣстились бы по казеннымъ землямъ (на что они изъявили полную готовность) и такимъ образомъ среди сельскаго сословія не было бы разсадника будущаго пролетаріата. Но когда приступлено было къ выполненію этой мѣры, и дворовые одесскаго уѣзда почти всѣ заявили мировымъ посредникамъ желаніе поселиться на казенныхъ земляхъ своего уѣзда, тогда одесскій уѣздный мировой съѣздъ обратился въ херсонскую палату государственныхъ имуществъ за собраніемъ справокъ, какія земли въ Одесскомъ уѣздѣ свободны. Палата отвѣчала, что въ Одесскомъ уѣздѣ только и есть 69 десятинъ свободныхъ земель. Между тѣмъ, спустя мѣсяцъ, она публиковала въ газетахъ о продажѣ казенной земли Одесскаго уѣзда, въ количествѣ четырехъ тысячъ десятинъ. Теперь, по наведеніи новыхъ справокъ, оказывается, что въ Одесскомъ уѣздѣ казенной земли—тринадцать тысячъ десятинъ. Мировой посредникъ потребовалъ у палаты объясненія, почему она прежде показала такое незначительное число. Палата отвѣчала, что продаваемыя казенныя земли не подлежатъ населенію. Мировой посредникъ, получивши заявленіе отъ дворовыхъ людей, что они считаютъ для себя выгоднымъ и удобнымъ селиться только на земляхъ Одесскаго уѣзда, и притомъ боясь, чтобы они, вынужденные крайностью, не обратились къ пріобрѣтенію патентовъ на право безземельныхъ мѣщанъ, или, за пропущеніемъ срока къ причисленію, не поступили въ распоряженіе правительства, заявилъ губернскому присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, что необходимо хлопотать о томъ, чтобы и оброчныя казенныя земли, предназначенныя къ продажѣ, не были изъяты отъ заселенія дворовыми людьми и неполучившими надѣла крестьянами. Но на такое представленіе посредника не было обращено вниманія. Между тѣмъ значительная часть этихъ безземельныхъ людей, не видя исхода своему желанію, устремились къ причисленію въ города и сельскія общества, *безъ права на надѣлъ* въ послѣднихъ; и большая часть изъ нихъ, ожидая еще чего-то въ будущемъ и пропустивъ срокъ къ причисленію, должна была поступить въ распоряженіе правительства. Такимъ образомъ первые увеличили собою массу безземельнаго мѣщанскаго сословія въ городахъ, массу, носящую въ себѣ зародыши пролетаріата въ будущемъ; а послѣдніе внесли съ собою зародышъ этого элемента и въ среду сельскихъ сословій, при нынѣшнемъ устройствѣ которыхъ не

слѣдовало бы допускать и мысли о развитіи въ нихъ нищенства. Такимъ образомъ, вся забота земства должна состоять: 1) въ прекращеніи нищенства въ городахъ и 2) въ подавленіи его въ селахъ, когда оно станетъ обнаруживаться среди дворовыхъ людей и крестьянъ, вошедшихъ въ составъ сельскихъ обществъ безъ права на надѣлъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, одесская земская управа твердо установила два слѣдующія положенія: 1) Только одна земля составляетъ твердую точку опоры для человѣка, общества, даже государства. Они тѣмъ больше обезпечены въ своемъ благосостояніи, чѣмъ въ большемъ количествѣ владѣютъ этимъ основнымъ капиталомъ. Хотя городскія сословія и предназначаютъ себя къ занятіямъ ремесленнымъ и промысловымъ, но почти всѣ города Россіи надѣлены въ большемъ или меньшемъ количествѣ землею. При такой профессіи городскихъ обывателей, не имѣющихъ времени и способовъ заниматься обработкою городской земли, земля эта отдается городомъ въ оброчное содержаніе, и доходы съ нея поступаютъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ. Владѣя основнымъ капиталомъ—землею, устраняющимъ нищенство, городскія общества обязаны образовать изъ полученныхъ доходовъ съ земли капиталъ, который служилъ бы источникомъ призрѣнія нищихъ. 2) Такъ какъ въ составъ сельскихъ обывателей вошли безземельные дворовые люди и крестьяне, не пользовавшіеся надѣломъ, и тѣмъ внесли съ собою зародышъ будущаго нищенства, которое иначе было бы немыслимо въ селахъ, то необходимо на первыхъ же порахъ устранить зло, угрожающее обществу. Оставленные безъ земли, эти люди, какъ было уже сказано, частью вошли въ составъ сельскихъ обществъ, безъ права на надѣлъ, а большое число ихъ ожидаетъ еще чего-то въ будущемъ и никуда не причисляется. Первымъ—сельскія ихъ общества никогда не разсчитываютъ удѣлить что нибудь изъ своихъ надѣловъ, которые служатъ для нихъ единственнымъ средствомъ существованія. Не смотря на такую обстановку, эти люди должны еще нести на себѣ общественныя повинности, отъ которыхъ принявшіе ихъ общества не освободятъ. Поэтому, какъ эти, такъ и остальные изъ нихъ, не успѣвшіе причислиться, сидятъ безъ земли. Хотя послѣдніе, поступивъ въ распоряженіе правительства, могутъ быть выселены по его усмотрѣнію; но принимая въ соображеніе всѣ тѣ невыгоды, которымъ они подвергнутся, зная, что съ выселеніемъ ихъ, край, и безъ того нуждающійся въ рабочихъ рукахъ, лишится ихъ безъ пользы для государства, и что наконецъ переселеніе всегда сопровождается увеличеніемъ смертности — необходимо хлопотать о томъ, чтобъ этимъ людямъ было дозволено причисляться не только на свободныхъ отъ заселенія казенныхъ земляхъ, но и на оброчныхъ того самаго уѣзда, гдѣ они считались въ крестьянскомъ быту. Это

тѣмъ болѣе необходимо, что изъ этихъ людей только самая небольшая часть обучена ремесламъ; остальные же всѣ земледѣльцы. Съ этимъ ходатайствомъ, по мнѣнію управы, нужно обратиться прямо къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, а не черезъ губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. При соображеніи, что правительство приняло на себя поземельное устройство быта этихъ людей, земство надѣется, что дѣло такимъ образомъ будетъ устроено безъ особенныхъ затрудненій; тѣмъ больше, что правительство, назначивъ въ продажу оброчныя земли, можетъ отдать ихъ этимъ людямъ на выкупъ на томъ же основаніи, какъ отдали помѣщики на выкупъ надѣлы бывшимъ своимъ крестьянамъ. Вотъ средство устроить безъ потери бытъ этихъ людей, населить пустопорожнія земли и сдѣлать ихъ производительными, не лишивъ въ тоже время страны необходимыхъ ей рабочихъ рукъ. Только такою мѣрою земство навсегда будетъ избавлено отъ нищенства, и если оно гдѣ нибудь проявится, то это произойдетъ только по винѣ самихъ обществъ. Если же, можетъ быть, встрѣтится препятствіе относительно тѣхъ людей, которые уже успѣли причислиться къ сельскимъ обществамъ и имъ не дозволено будетъ отчислиться отъ нихъ для перехода на казенныя земли, тогда самъ собою выступитъ на очередь вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать рублевый сборъ съ дворовыхъ, предназначаемый для вспомоществованія имъ? Такъ какъ сельскія общества приняли этихъ людей безъ права на надѣлъ, то изъ этой оговорки видно, что они желали поставить себя внѣ обязанности жертвовать даже самою малою частью своего основнаго капитала—землею, для обезпеченія принятыхъ ими людей, если въ средѣ ихъ и разовьется нищенство. Да и несправедливо было бы требовать отъ нихъ дѣлиться тѣмъ, что ими получено въ обрѣзъ, только на удовлетвореніе собственныхъ ихъ нуждъ. Послѣ этого очевидно, что рублевый сборъ съ дворовыхъ должно оставить навсегда. Поступая не въ казначейство, а въ общества, онъ долженъ служить основою капитала, служащаго обезпеченіемъ отъ нищенства въ этомъ классѣ людей. Безъ этой мѣры было бы и не юридически и не практически—возложить на сельскія общества отвѣтственность за нищенство, могущее возникнуть между дворовыми, принятыми въ ихъ среду.—Одесское уѣздное земское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ, единогласно рѣшило: по важности предлагаемыхъ предметовъ и по отчетливости доклада, представленнаго управой общему собранію, поручить особенному вниманію губернскихъ гласныхъ, чтобы они въ предстоящемъ губернскомъ собраніи ходатайствовали въ смыслѣ изложенныхъ въ докладѣ предложеній.

ГДБ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ КНИГИ.

Что такое современное старообрядчество въ Россіи? (Приложеніе). Окружное посланіе поповщины. *Николая Попова.* Москва. 1866.

Нѣсколько времени тому мы упоминали въ нашей библіографіи книжку, трактовавшую о расколѣ, именно о «Спорахъ безпоповцевъ» по предмету брака. Книжка отличалась пустотой и вмѣстѣ претензіей и наставительнымъ тономъ, въ сложности была никуда не годна и повидимому разсчитывала только на свое заглавіе... Расколъ въ послѣднее время сталъ заинтересовывать все большее количество публики и книжка ради заглавія могла найти читателей, т. е. покупщиковъ — что бы тамъ ни было дальше заглавія.

Разбираемое теперь произведеніе сочинено, кажется, по той же программѣ, между прочимъ и его заглавіе, какъ и въ первой книжкѣ, разсчитываетъ обратить на себя вниманіе и для пущаго эффекта разукрашено славянскимъ шрифтомъ, напечатаннымъ красной краской: это послѣднее должно конечно служить для привлеченія читателей изъ самихъ раскольниковъ, въ которыхъ предполагается такая простота, что ихъ поймаешь краснымп буквами. По крайней мѣрѣ мы не видимъ другой причины сихъ типографскихъ ухищреній, правильно появляющихся на обѣихъ книжкахъ, посвященныхъ расколу, хотя онѣ печатались одна въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ... Бросается также въ глаза слѣдующее обстоятельство. Книжица имѣетъ всего 111 стр. или около 7 печатныхъ листовъ очень небольшаго формата и весьма разгонисто напечатанныхъ, и при всемъ томъ она стоитъ 1 рубль сер., цѣна, по дѣйствительной стоимости вещи, несообразно высокая, что заставляетъ предположить при изданіи оной книжицы не столько литературную или гражданскую, сколько, такъ сказать, коммерческую пѣль.

Относительно содержанія мы также имѣемъ нѣсколько замѣчаній.

Начать съ того, что авторъ этой жидкой книжицы воображаетъ себя рѣшителемъ дѣла, о которомъ-де много было говорено, но все вздоръ, и полагаетъ вѣроятно, что онъ дѣйствительно объясняетъ, «*что такое* старообрядство». Можемъ увѣрить его, что онъ ровно ничего не объясняетъ сравнительно съ прежнимъ и даже не знаетъ и прежнихъ объясненій этого предмета.

«Въ нашей литературѣ много было писано о старообрядцахъ,—разсуждаетъ авторъ, — и казалось, не за чѣмъ было бы повторять написаннаго, между тѣмъ—все писанное о расколѣ *не представляетъ ясныхъ и точныхъ данныхъ*, опираясь на которыя, читатель могъ бы составить себѣ опредѣленное понятіе о вѣрованіяхъ, ученіи и обрядностяхъ каждаго изъ многочисленныхъ подраздѣленій раскола. Много писано о расколѣ, повторяю я (скажите!), но несравненно болѣе потрачено труда и бумаги на богословскіе споры, на полемику о значеніи четырехъ и восьмиконечнаго креста, о двухперстномъ или трехперстномъ крестномъ знаменіи, о сугубомъ или трегубомъ аллилуіи, нежели на историческія изысканія о расколѣ, на полное и методическое изложеніе всѣхъ оттѣнковъ раскольничьяго ученія, на опредѣленіе характеристическихъ отличій въ вѣрованіяхъ и обрядностяхъ каждаго толка и каждаго изъ согласій, или отдѣльныхъ общинъ нашего старообрядчества. У насъ три исторіи раскола: Андрея Іоаннова, Преосвященнаго Макарія и Игнатія, епископа воронежскаго и задонскаго. Собственно историческія свѣдѣнія въ этихъ трехъ книгахъ занимаютъ не много мѣста; богословская же полемика породила весьма значительное число объемистыхъ томовъ: Жезлъ правленія — «Симеона Полоцкаго», «Увѣтъ духовный»—Патріарха Іоакима, «Пращица»—епископа нижегородскаго Питирима, «Объявленіе» со увѣщаніемъ и «Отвѣты» — Ѳеофана Прокоповича, «Розыскъ»—св. Дмитрія, Ростовскаго митрополита, «Обличенія неправды раскольническія» — Ѳеофилакта Лопатинскаго, «Увѣщаніе старообрядцамъ»—іеромонаха, впослѣдствіи митрополита московскаго Платона, «Отвѣты на вопросы старообрядцевъ»—архіепископа Херсонскаго Никифора, и много другихъ сочиненій, могущихъ составить цѣлую библіотеку, посвященныхъ исключительно преніямъ о догматахъ и обрядахъ».

«Кромѣ упомянутыхъ трехъ лѣтописныхъ памятниковъ, въ нашей литературѣ есть много статей, посвященныхъ, такъ сказать, спеціальной разработкѣ отрывочныхъ историческихъ фактовъ и явленій въ жизни раскола, но не систематическому описанію какого либо согласія и его историческаго и религіознаго развитія. Бытовая сторона жизни старообрядцевъ, до сихъ поръ, *совершенно невѣдома ни нашимъ историкамъ, ни ихъ читателямъ* (!). (стр. 2—3).

«Ясныхъ и точныхъ данныхъ» не представляетъ также точно и эта книжица, потому что и въ ней происхожденіе раскола опять объясняется только двухъ-перстнымъ или трехъ-перстнымъ знаменіемъ, сугубой или трегубой аллилуіей, и въ толкованіяхъ о происхожденіи и дальнѣйшей исторіи раскола повторяются давно извѣстныя и избитыя вещи, находящіяся уже въ «Розыскѣ» Дмитрія Ростовскаго. Для «бытовой стороны жизни» старообрядцевъ, книжица также не сооб-

щаетъ ровно ничего особенно новаго, и этой «бытовой стороной» авторъ ровно ничего не объяснилъ. Въ заключеніе авторъ доказываетъ, что «собственно старообрядчества теперь нѣтъ ни въ Россіи, ни гдѣ либо въ другихъ странахъ» — выводъ, опять извѣстный уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ начались обличенія противъ «глаголемыхъ» старообрядцевъ.

Это не существованіе настоящаго старообрядчества, г. Николай Поповъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ:

. . . Если вѣрованія и обрядности поименованныхъ здѣсь согласій старообрядства такъ различны между собою, то само собою разумѣется, что ни одна изъ нихъ не сохранила вполнѣ и безъ примѣси тѣхъ вѣрованій и обрядностей, за которыя ратовали первые, отдѣлившіеся отъ православной церкви, такъ называемые старообрядцы; иначе, всѣ согласія должны бы были исповѣдывать одни общія вѣрованія, держаться однихъ общихъ обрядностей.

. . . . . .

. . . Даже наиболѣе близкое къ православію согласіе — «Поповщина», далеко отошла отъ ученія древнихъ бѣглопоповцевъ, первоначальныхъ основателей старообрядчества. Это отступничество отъ коренного ученія, исказивъ доктрины этого согласія, ослабило вѣрованія въ нихъ въ теперешнихъ поповцахъ, и мы часто видимъ примѣры, какъ теперешніе послѣдователи Павла, Аввакума, Логина, переходятъ въ согласія или секты, отвергшія святыя таинства, подчиняются доктринамъ Андрея Денисова или Ковылина, и все болѣе болѣе отдаляются отъ православной церкви. Напримѣръ, старообрядецъ поповщинскаго согласія переходитъ въ старопоморское, какъ это сдѣлалъ Елисей Савичъ Морозовъ, извѣстный поклонникъ сочиненія св. Ипполита, папы Римскаго, объ антихристѣ (по убѣжденіямъ и разглагольствіямъ Елисея Морозова, антихриста «должно разумѣть въ мундирѣ» администраціи края, т. е. съ красными обшлагами и свѣтлыми пуговицами). Другой примѣръ зыблемости убѣжденія въ расколѣ—извѣстный В. А. К—въ—(бывшій откупщикъ); онъ отъ поморскаго согласія перешелъ къ преображенскому или Ѳеодосіевскому. Словомъ—въ одно время исповѣдуютъ наши старообрядцы и Христа Спасителя, и Веліара». (стр. 86—87, 88—89).

Всѣмъ, кто сколько нибудь занимался исторіей раскола, извѣстно, что эти аргументы давнымъ давно были приведены въ обличеніе раскола; и г. Николай Поповъ напрасно воображаетъ, что это открытіе принадлежитъ ему. Эти аргументы, какъ извѣстно, оставались однако не дѣйствительны и «несуществующее» старообрядчество продолжаетъ существовать до сихъ поръ; и людямъ въ родѣ г. Николая Попова, берущимъ на себя заботу занимать публику этими вещами, вмѣсто того, чтобы повторять — довольно нескладно — давно извѣстныя вещи, было бы гораздо полезнѣе подумать серьезно объ этомъ важномъ предметѣ (если они способны серьезно думать) и самимъ постараться понять настоящія причины, почему «несуществу-

ющее» старообрядчество продолжаетъ однако существовать—въ разнообразныхъ, постоянно вновь придумываемыхъ формахъ, какъ бы ни были эти формы странны и даже нелѣпы. Странность и нелѣпость этихъ формъ, почему-то до сихъ поръ привлекающихъ къ себѣ послѣдователей, въ особенности должна была бы возбудить вниманіе благоразумныхъ изслѣдователей и заставить ихъ подумать объ этомъ, на взглядъ совершенно несообразномъ явленіи, — между тѣмъ изслѣдователи въ родѣ г. Николая Попова, похваляющіеся рѣшать: «что такое» и т. д., даже не понимаютъ существованія такого вопроса. Они только подбираютъ сильные эпитеты для обличенія этого «невѣжества», «изступленнаго фанатизма» и т. п. Всѣ эти эпитеты вовсе не объясняютъ дѣла, т. е. не объясняютъ историческаго происхожденія раскола и нисколько не помогаютъ рѣшенію этого общественнаго вопроса въ наше время.

И еще было бы простительно г. Николаю Попову разсуждать такъ, какъ онъ разсуждаетъ—если бы нигдѣ въ литературѣ по поводу раскола онъ не могъ найти никакихъ указаній на другія точки зрѣнія. Но эти указанія есть (въ исторической сторонѣ вопроса мы укажемъ хоть книгу г. Щапова, которой повидимому не знаетъ г. Николай Поповъ, между тѣмъ эта книга представляетъ взгляды на дѣло, которые было бы полезно уразумѣть г. Николаю Попову), и когда писатель, не потрудившись найти ихъ, осмѣливается утверждать, что «ясныхъ и точныхъ данныхъ» нѣтъ и за такія данныя выдаетъ старыя избитыя разсужденія, мы считаемъ достоинства такого писателя весьма сомнительными. Лучше было бы, если бы онъ не умножалъ количество литературнаго хлама.

У новѣйшихъ писателей о расколѣ, въ томъ числѣ и у г. Николая Попова, можно замѣтить еще одинъ литературный пріемъ, который способенъ возбудить любопытство. Эти писатели обнаруживаютъ особенныя свѣдѣнія о такъ называемомъ «современномъ движеніи въ расколѣ»; имъ извѣстна, повидимому, вся подноготная этого дѣла, и напр. г. Николай Поповъ въ приведенной выше выпискѣ весьма самоувѣренно говоритъ о «зыблемости убѣжденій» и даже въ примѣръ приводитъ «извѣстнаго» В. А. К—ва (мы не знаемъ, кто этотъ В. А. К—въ, но повидимому сотни людей должны узнать этого «извѣстнаго» бывшаго откупщика; отчего ужь г. Николай Поповъ не напечаталъ его фамиліи всѣми буквами?). Въ статейкѣ «Окружное посланіе» и проч. г. Николай Поповъ высказываетъ еще болѣе обширное знаніе подноготной: ему извѣстны всякія подробности того, что происходитъ на Рогожскомъ кладбищѣ и въ разныхъ раскольничьихъ совѣщаніяхъ, и всѣ эти подробности онъ смѣло предаетъ гласности, не уступая въ этомъ «литераторамъ, занимающимся *дѣлами* раско-

ла» (стр. 95), гг. Субботину, Нильскому и т. д. Распространеніе обычаевъ гласности есть конечно вещь весьма полезная для общественной жизни и литературы, и мы желаемъ ей всякаго успѣха, но въ настоящемъ случаѣ представляются нѣкоторые сомнительные пункты. Именно, если ужь г. Николай Поповъ и остальные «литераторы, занимающіеся дѣлами раскола», рѣшились предавать гласности подобныя «дѣла», то они должны во первыхъ дать читателю какую нибудь гарантію въ качествѣ сообщаемыхъ ими свѣдѣній: всякій историкъ долженъ указывать *источники* своихъ извѣстій, потому что одно только указаніе источниковъ можетъ ручаться за достовѣрность сообщаемыхъ извѣстій; иначе, читатель можетъ легко подумать, что извѣстія неосновательны, ложны и даже намѣренно искажены, — какъ это и дѣйствительно нерѣдко случается у историковъ пристрастныхъ, которые ловятъ всякія сплетни и съ удовольствіемъ сваливаютъ ихъ въ свой разсказъ. Въ настоящемъ случаѣ напр., кто поручится читателю, что свѣдѣнія о «современномъ движеніи», сообщаемыя упомянутыми литераторами, способны выдержать историческую критику: читатель совершенно не знаетъ, получаются ли эти свѣдѣнія «литераторами» изъ оффиціальныхъ источниковъ или добываются инымъ путемъ; если этотъ путь иной, читателю даже очень любопытно узнать, откуда «литераторы» и г. Николай Поповъ знаютъ все это? Сами они въ раскольничьихъ собраніяхъ вѣроятно не бывали, значитъ имѣютъ тамъ, такъ сказать, «собственныхъ корреспондентовъ», и вѣроятно выдаютъ чужіе секреты, потому что трудно представить, чтобы раскольники желали имѣть упомянутыхъ «литераторовъ» своими литературными органами. Разъясненіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, какъ видитъ читатель, весьма любопытно; оно даже очень важно для того, чтобы читатель имѣлъ возможность опредѣлить историческую цѣну и достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ у литераторовъ, занимающихся «дѣлами» раскола.

Есть возможность взглянуть на эти отношенія еще съ одной точки зрѣнія, — это точка зрѣнія обычаевъ и приличій литературной полемики. Основное правило этихъ обычаевъ и приличій: audiatur et altera pars. Полемика совершенно недѣйствительна, то есть теряетъ всякій внутренній смыслъ, когда это правило не исполняется. Служители алтаря имѣютъ конечно не только право, но и обязанность опровергать заблужденія раскола, обращать заблуждающихся на истинный путь, и при этомъ, исполняя дѣло церкви, истинный пастырь благодушно снисходитъ къ заблужденію, выслушиваетъ доводы исправляемаго, чтобы разсѣять ихъ разумнымъ опроверженіемъ и тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на исправляемаго. Но когда за дѣло берутся «литераторы» и переносятъ дѣло въ книгу или газету, гдѣ, какъ из-

вѣстно, раскольникъ не можетъ высказывать своихъ понятій (да и сами «литераторы» не считаютъ этого возможнымъ), не можетъ даже исправить ошибки, какія могли бы встрѣтиться въ новѣйшихъ изложеніяхъ «современнаго движенія», а тѣмъ менѣе привести что нибудь въ объясненіе своего «невѣжества» и «изступленнаго фанатизма»,— при этихъ обстоятельствахъ, упомянутое нами правило нарушается самымъ страннымъ образомъ. «Литераторамъ» открыта полная возможность разсказывать что имъ вздумается, и читатель, какъ мы объяснили выше, не имѣетъ отъ нихъ самихъ никакой гарантіи достовѣрности, не имѣетъ отъ другихъ никакой поправки и опроверженія, если показанія «литераторовъ» неполны, неточны или фальшивы.

Мы полагаемъ, что «литераторы» не совсѣмъ понимаютъ, что они творятъ.

Далѣе. Мы думаемъ, что не сдѣлаемъ нескромности, если упомянемъ о достаточно извѣстномъ и весьма отрадномъ фактѣ, что въ наше время власть относится къ расколу гуманно, — какъ и естественно для власти нашего времени, оставившаго далеко назади времена религіозныхъ войнъ и религіозныхъ преслѣдованій, относиться съ терпимостью къ иновѣрнымъ религіознымъ представленіямъ, которыя составляютъ дѣло внутренняго чувства, а относительно раскола слишкомъ часто составляютъ результатъ тяжелаго прошедшаго или недостаточности народнаго образованія. Наше время начинаетъ сознавать, что не насиліе, а убѣжденіе, и особенно распространеніе образованія могутъ искоренять вредныя заблужденія. Если, какъ мы уже упомянули, правительство проложило первую дорогу къ терпимости, то этотъ, повторяемъ, чрезвычайно отрадный фактъ, тѣмъ больше долженъ быть обязателенъ для частныхъ лицъ, содѣйствіе которыхъ можетъ заглушить много тяжкихъ историческихъ воспоминаній, раздѣлявшихъ народъ на враждебныя и иногда крайне ожесточенныя партіи, и открыть возможность болѣе удовлетворительнаго и болѣе соотвѣтствующаго понятіямъ нашего времени порядка общественныхъ отношеній. Г. «литераторъ» Николай Поповъ самъ говоритъ въ своей книжицѣ, что репрессивныя мѣры прежняго времени (мы не скажемъ впрочемъ, чтобы г. Николай Поповъ ясно высказывалъ несочувствіе къ этимъ мѣрамъ) вызывали въ расколѣ еще большее сопротивленіе и упрямство въ его заблужденіяхъ. Это конечно справедливо, но г. Николай Поповъ долженъ бы понять, что репрессивность бываетъ всякаго рода, что репрессивностью надо назвать и его собственный образъ дѣйствій, т. е. его отношеніе къ предмету. Каковы бы ни были прискорбныя заблужденія старообрядцевъ, онъ долженъ помнить, что масса ихъ—прежде всего его соотечественники, люди изъ низшаго класса народа, люди, не имѣвшіе правильнаго

или даже никакого образованія, слѣдовательно слишкомъ доступные для заблужденія; люди, несущіе въ себѣ старое историческое преданіе и тягости настоящаго общественнаго положенія; наконецъ люди, не имѣющіе мѣста и въ той литературѣ, въ которой можетъ дѣйствовать самъ г. «литераторъ»,—слѣдовательно въ этомъ отношеніи поставленные сравнительно съ нимъ въ слишкомъ невыгодныя условія. Чѣмъ же борется г. «литераторъ» противъ этихъ людей? Собираясь спорить противъ нихъ, онъ не нашелъ въ себѣ ни искры какой нибудь привязанности къ этимъ людямъ, т. е. къ его собственному народу, въ которомъ они составляютъ очень значительную долю, ни искры доброжелательности и прямаго отношенія къ дѣлу и къ людямъ; онъ только подбираетъ укоризненные эпитеты и издѣвательства. Предоставляемъ читателю оцѣнить подобное отношеніе къ дѣлу,—въ особенности, когда авторъ знаетъ напередъ, что его издѣвательства останутся безъ отвѣта.

Остальные «литераторы» поступаютъ такимъ же образомъ. Читатель можетъ самъ составить себѣ понятіе о томъ, на сколько подобный способъ дѣйствій можетъ быть полезенъ для окончательнаго умиренія народнаго раздора, переданнаго намъ въ расколѣ отъ XVII вѣка, умиренія, котораго должны желать всѣ истинно благомыслящіе люди.

Объ ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Сочиненіе *Эдуарда Пфейфера*. Изданіе *О. Бакста*. Спб. 1866.

Книга Пфейфера можетъ доставить занимательное чтеніе тѣмъ, кого интересуетъ вопросъ о коопераціи и тѣ попытки ассоціацій, какія—болѣе или менѣе удачно — начинаютъ появляться и у насъ. Въ этой книгѣ собрано довольно много любопытныхъ свѣдѣній, по которымъ можно составить себѣ довольно отчетливое понятіе объ исторіи кооперативнаго движенія, начавшагося въ Европѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и объ относительномъ положеніи его въ настоящую минуту въ Англіи, Франціи и Германіи, гдѣ оно всего больше пока имѣло успѣха. Въ двѣнадцати главахъ, изъ которыхъ состоитъ книжка Пфейфера, заключаются: «историческій обзоръ» экономическаго устройства европейской жизни, вступающаго теперь въ періодъ кооперативнаго труда; далѣе «критика современнаго состоянія», «средства, предлагаемыя для улучшенія нашего соціальнаго положенія»; изложеніе ученій коммунистовъ и соціалистовъ — начиная съ Томаса Мора и кончая Овеномъ, Сенъ-Симономъ, Фурье, Луи Бланомъ и проч.; «сущность кооперація»; свѣдѣнія о рабочихъ ассо-

ціаціяхъ въ Англіи, Франціи и Германіи и сравнительное обозрѣніе ихъ объема и дѣятельности; «будущая дѣятельность ассоціацій»; «участіе работниковъ въ промышленной прибыли»; «отношеніе ассоціаціоннаго движенія къ политическимъ стремленіямъ». Въ приложеніи помѣщены, какъ образчикъ, уставы прядильно-мануфактурнаго общества въ Манчестерѣ и общества каменьщиковъ въ Парижѣ.

Отсюда видно, что Пфейферъ старался обнять предметъ по возможности полнымъ образомъ. Изъ его введенія можно видѣть, что онъ понимаетъ и всю историческую важность вопроса и его значеніе въ современной экономической жизни. Вопросъ о кооперативномъ трудѣ и ассоціаціи представляется ему, — какъ и всѣмъ, кто умѣетъ широко смотрѣть на вещи,—цѣлой исторической идеей, которая была неизбѣжно выдвинута впередъ развитіемъ европейскаго общества и которой суждено имѣть великое будущее, т. е. улучшить судьбу многочисленныхъ рабочихъ классовъ, на долю которыхъ прежняя исторія оставила только экономическое и общественное рабство. Въ этомъ смыслѣ Пфейферъ разсуждаетъ во введеніи къ своей книжкѣ слѣдующимъ образомъ:

«Давно извѣстно, что мы смотримъ на обыкновенный, существующій порядокъ вещей какъ на что-то естественное, даже какъ на необходимое; мы и не думаемъ, что можетъ быть иначе. Только перемѣна въ окружающемъ наводитъ насъ на размышленіе. И въ этомъ случаѣ обыкновенно нужна слишкомъ серьезная опасность, чтобы люди подумали объ улучшеніи. Причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что перемѣны въ государственной и народной жизни совершаются постепенно, почти незамѣтно. Въ исторіи мы вездѣ видимъ, что появляются новыя идеи, которыя уже при самомъ первомъ своемъ возникновеніи, какъ Минерва, представляются передъ нами въ полномъ вооруженіи, вполнѣ законченными и готовыми на борьбу. Тогда онѣ кажутся неожиданными, т. е. появленіе ихъ считается внезапнымъ и историки записываютъ ихъ появленіе въ это время, но никто не можетъ сказать, откуда въ самомъ дѣлѣ пришли эти идеи, какому ряду событій и явленій обязаны онѣ своимъ происхожденіемъ. Великая французская революція, освятившая права человѣка, золотыми буквами начертана на страницахъ исторіи. Но кто дастъ положительный отвѣтъ, гдѣ начало этихъ новыхъ идей революціи? Кто опредѣлитъ границы, дальше которыхъ онѣ не заходятъ въ исторію?

«Прослѣдить эти тонкія, запутанныя нити интеллектуальной жизни, изслѣдовать ихъ, постепенно приблизиться къ истинной точкѣ ихъ исхода—составляетъ особенно интересную задачу историческаго изученія, къ чему стали стремиться только въ новѣйшее время и чего такъ удачно достигъ Бокль въ своей «Исторіи Цивилизаціи Англіи».

«И въ наше время являются новыя идеи, вполнѣ сформировавшіяся или еще формирующіяся, относительно способа и времени происхожденія которыхъ тоже нельзя сказать ничего положительнаго. Именно въ нашей соціальной жизни, которой спеціально посвящена наша книга, мы встрѣчаемъ много та-

кихъ новыхъ идей. Противоположность имъ представляютъ оцѣпенѣлыя неподвижныя формы стараго времени. Совершенно новая и непредвидѣнная промышленная жизнь нашего столѣтія создала новыя, различныя отъ прежнихъ отношенія, къ которымъ старыя формы должны или приноровиться, или же вовсе исчезнуть. Это—борьба, относительно исхода которой нѣтъ никакого сомнѣнія, вопросъ можетъ быть только о томъ, какимъ образомъ и скоро ли будетъ достигнута побѣда.

«Между вопросами, занимающими современную соціальную жизнь, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о такъ называемомъ рабочемъ классѣ. Даже поверхностный взглядъ на положеніе въ современномъ государствѣ этого многочисленнаго класса открываетъ такія ужасныя несообразности, такую возмутительную несправедливость нашихъ учрежденій, что рѣшительно непостижимо, какъ они еще могутъ существовать такъ долго, и мы невольно убѣждаемся, что человѣкъ не видитъ именно того, что ближе всего къ нему. Но истина, какъ только она разъ открыта и высказана, сама уже пролагаетъ себѣ путь и ведетъ къ дѣлу.

«Такъ ученіе Христа быстрыми шагами повело къ уничтоженію рабства въ Европѣ; такъ недавно исчезло въ ней крѣпостное право, послѣ того какъ увидѣли, что этимъ унижается человѣчество; точно также не долго ждать, когда съ новымъ соціальнымъ устройствомъ изчезнетъ пропасть, раздѣляющая капиталиста отъ работника, и когда трудъ будетъ получать должное вознагражденіе.

«Правда, такія смѣлыя надежды могутъ нѣсколько остыть, если мы вспомнимъ, что и по прошествіи 1800 лѣтъ рабство не совсѣмъ изгнано изъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, что по другую сторону океана слѣпой эгоизмъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы сохранить этотъ институтъ, наслѣдованный отъ древняго міра, что крѣпостное право держится еще до сихъ поръ,—впрочемъ въ настоящее время даже въ Россіи должны исчезнуть послѣдніе слѣды его,—что господа и слуги еще составляютъ два враждебныхъ лагеря. Но это не должно отнимать у насъ бодрости.

«То, что прожито человѣчествомъ, показываетъ каковы мы были и каковы успѣхи, сдѣланные нами, и заблужденія, въ которыя мы впадали. Сравненіе настоящаго съ прежнимъ даетъ намъ новую бодрость, новое побужденіе.»

Такое обширное значеніе даетъ Пфейферъ экономическому движенію, которое обнаруживается въ европейской жизни подъ формой множества разнообразныхъ рабочихъ ассоціацій, обществъ кредитныхъ и потребительныхъ, обществъ для цѣлей кооперативнаго производства, благотворительности и т. д. и т. д. Это движеніе есть слѣдовательно великая историческая идея, которой предстоитъ широкое развитіе, не смотря на всѣ препятствія, которая составляетъ результатъ, надуманный европейскимъ обществомъ послѣ вѣковаго историческаго опыта. Въ «историческомъ обзорѣ», гдѣ Пфейферъ разсматриваетъ происхожденіе общественнаго неравенства и его современное положеніе, онъ является не менѣе ревностнымъ поборникомъ новой идеи:

«Если мы постараемся, говоритъ онъ, на сколько это возможно для насъ, отрѣшиться отъ всѣхъ устарѣлыхъ мнѣній, не считать необходимымъ фактъ, потому только что онъ существуетъ, и стать на точку зрѣнія безпристрастно и логически мыслящаго человѣка, то должны будемъ признаться, что современное состояніе рабочаго сословія и его отношеніе къ такъ называемымъ владѣющимъ классамъ есть вопіющій протестъ противъ учрежденій нашего столѣтія.

«Чѣмъ болѣе подвигается впередъ экономическое развитіе современныхъ государствъ, чѣмъ полнѣе и энергичнѣе современное человѣчество научается пользоваться источниками богатствъ, тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза положительная негодность нашихъ соціальныхъ учрежденій.

«Не возмутительно ли для каждаго мыслящаго человѣка видѣть колоссальныя богатства, порожденныя нашимъ промышленнымъ вѣкомъ, и въ тоже время знать, что люди, усиленнымъ трудомъ которыхъ созданы всѣ эти сокровища, меньше всего могутъ воспользоваться ими?

«Не возмутительно ли видѣть, какъ прилежно работаетъ общество, какъ оно всегда стремится впередъ, а между тѣмъ богатства вдругъ оказываются въ рукахъ немногихъ, не имѣющихъ иныхъ заботъ, кромѣ убивать свое время въ тщеславной роскоши,—видѣть, что работящая, трудолюбивая масса есть средство для ихъ мотовства, тогда какъ сама она живетъ въ нуждѣ и съ трудомъ поддерживаетъ свое жалкое существованіе?

«Прошло то время, когда сами боги дѣлили міръ, и дали охотникамъ лѣсъ, а земледѣльцамъ поле. Теперь тотъ, чьимъ трудомъ создаются богатства, остается съ пустыми руками, подобно древнему поэту, но и Олимпъ не открытъ для него.»

Все это прекрасно, но въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ личныхъ взглядовъ на современное положеніе вопроса Пфейферъ, къ сожалѣнію, обнаруживаетъ весьма недостаточное пониманіе дѣла. Въ главѣ объ отношеніи ассоціаціоннаго движенія къ политическимъ стремленіямъ ему приходится говорить о политическомъ характерѣ рабочаго вопроса, о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства, предметахъ, о которыхъ опредѣлилось уже два различные разряда мнѣній и вмѣстѣ политическихъ тенденцій. Пфейферъ остановился на серединѣ между буржуазной и демократической теоріей, между Шульце-Деличемъ и Лассалемъ и, сознавая справедливость многихъ коренныхъ положеній послѣдняго, запутался однако въ примѣненіи государственнаго вмѣшательства къ рабочему вопросу. Впрочемъ русскій читатель, знакомый съ теоріей Лассаля, съумѣетъ исправить эти промахи, тѣмъ больше, что и самъ переводчикъ указалъ ихъ несостоятельность и несообразность съ приведенными у насъ выше мнѣніями самого Пфейфера о существенномъ смыслѣ современнаго рабочаго движенія.

За исключеніемъ этихъ теоретическихъ ошибокъ, книга Пфейфера, какъ мы сказали, представляетъ весьма много любопытныхъ свѣ-

дѣній о развитіи ассоціацій. Статистическія данныя, которыхъ довольно много приведено въ книгѣ Пфейфера, изображаютъ это развитіе очень наглядно.

Мѣсяцословъ на 1866 годъ. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб.

Академія наукъ съ нынѣшняго года, какъ извѣстно, отказалась отъ своей прежней монополіи изданія календарей, и конечно всѣ благомыслящіе люди отдадутъ справедливость ея безпристрастію въ этомъ дѣлѣ. Уже на нынѣшній годъ многіе воспользовались прекращеніемъ монополіи и на 1866 годъ явилось нѣсколько новыхъ календарей: хотя эти частные календари и не отличились на первый разъ никакими особенными достоинствами, но это не отнимаетъ надежды, что со временемъ изданія подобнаго рода выработаютъ себѣ извѣстную форму, приноровленную къ потребностямъ разныхъ классовъ читающаго люда, и календарь больше чѣмъ прежде сдѣлается популярной книгой и средствомъ для распространенія въ массѣ полезныхъ свѣдѣній.

Нынѣшній календарь самой академіи составленъ по извѣстной опредѣленной программѣ, по прежнему изобилуетъ различными справочными свѣдѣніями и т. д., такъ что намъ собственно нечего много распространяться объ его составѣ и исполненіи. Но мы не можемъ не остановиться на прибавочныхъ статьяхъ, которыя въ послѣднее время редакція календаря имѣетъ обыкновеніе помѣщать въ немъ, въ видѣ поучительнаго для публики чтенія.

На этотъ разъ назиданіе преподано въ двухъ статьяхъ: 1) «Нѣчто о рыбахъ и рыбныхъ ловляхъ», статьѣ почетнаго члена академіи К. М. Бэра, и 2) «Нѣсколько замѣчаній о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ», академика А. К. Наука. Мы должны предоставить самимъ читателямъ познакомиться съ статьей г. Бэра; мы конечно предоставимъ также читателямъ прочесть и статью г. Наука,— но относительно этой послѣдней мы присоединимъ нѣкоторыя свои замѣчанія.

Читатель, можетъ быть, обратится къ намъ съ укоромъ, что мы опять хотимъ приниматься за столько надоѣвшій всѣмъ сюжетъ, который притомъ уже не разъ изъясняемъ былъ въ самомъ «Современникѣ». Мы сами съ удовольствіемъ оставили бы въ сторонѣ этотъ вопросъ, если бы считали его достаточно разъясненнымъ для нашихъ согражданъ; но дѣло въ томъ, что онъ безъ сомнѣнія не разъясненъ и до сихъ поръ, — не дальше какъ въ прошлой книжкѣ въ нашей биб-

ліографіи указанъ былъ образчикъ классическаго вздора; а теперь опять представляется случай, совершенно особый. Новая защита pro domo sua является въ изданіи академіи, ученѣйшаго учрежденія нашего отечества; защита написана спеціалистомъ классической науки и напечатана въ изданіи, которое распространяется въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Мы сочли, что все это дастъ достаточный поводъ для нѣсколькихъ новыхъ замѣчаній съ нашей стороны.

Г. Наукъ (Nauck), — это извѣстно нѣмецкимъ читателямъ, занимающимся классической филологіей, — спеціалистъ по этому предмету, и надо слѣдовательно предположить, что ему болѣе чѣмъ кому нибудь извѣстны благодѣтельные плоды классическаго изученія. Съ этой стороны онъ долженъ имѣть особенный авторитетъ для людей, которые не составили себѣ самостоятельнаго понятія о дѣлѣ и будутъ искать себѣ поддержки или основанія въ ученомъ авторитетѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ его аргументы должны остановить особенное вниманіе критики. Имѣя передъ собой произведеніе г. Наука, представляющаго вышеупомянутыя качества и преимущества, мы можемъ предположить, что здѣсь высказаны всѣ главнѣйшія основанія, на которыхъ утверждается «педагогическое значеніе древнихъ языковъ»; что же, если степень прочности этихъ основаній окажется сомнительной, если и здѣсь мы опять увидимъ одни ребяческія разсужденія и непониманіе дѣла самими его защитниками?

Нечего конечно и предупреждать читателя, что г. Наукъ стоитъ абсолютно за великую пользу древнихъ языковъ. Онъ стоитъ за нихъ столь абсолютно, что ему, по словамъ его, даже и не хотѣлось бы вмѣшиваться въ литературныя распри по этому поводу; онъ очень занятъ, и притомъ, по его мнѣнію, идти противъ господствующаго «предразсудка» (т. е. предразсудка противъ древнихъ языковъ), — тоже, «что идти на рой раздраженныхъ осъ»: «это почти безразсудство, прибавляетъ г. Наукъ,—которое извинительно развѣ въ весьма юномъ возрастѣ». Притомъ, по мнѣнію г. Наука, для людей, *знающихъ* древніе языки, доказательство ихъ педагогической пользы даже и ненужно; а для *незнающихъ* всѣ доводы останутся безполезны, «такъ же точно, какъ для слѣпаго недоступно различіе красокъ» (!).—Хотя этотъ послѣдній аргументъ довольно страненъ, но для успокоенія г. Наука, мы, взявшіеся говорить о столь мистическомъ въ его представленіяхъ предметѣ, извѣщаемъ его: что въ свое время потратили немалое время въ среднемъ и высшемъ учебномъ заведеніи на изученіе и латинскаго и греческаго языка, были похваляемы своими наставниками, — нѣмецкими учеными классиками, говорившими только по латыни, — читывали и латинскихъ и греческихъ авторовъ, въ послѣднее время читывали и нѣмецкія книжки о педагогической поль-

зѣ древнихъ языковъ, знакомы и съ Нитгаммеромъ и съ Тиршемъ, и по всему этому, даже въ смыслѣ г. Наука, считаемъ себя довольно компетентными въ этомъ педагогическомъ вопросѣ.

Ради читателей мы постараемся быть въ своихъ замѣчаніяхъ по возможности краткими.

Въ своей аргументаціи за древніе языки г. Наукъ приводитъ сначала *внѣшнія* причины, побуждающія къ ихъ изученію.

На первомъ планѣ стоитъ тотъ фактъ, что латинскій языкъ долго былъ всеобщимъ языкомъ образованности у всѣхъ народовъ. Это явленіе онъ изображаетъ слѣдующимъ краснорѣчивымъ оборотомъ: «желѣзный скипетръ всемірнаго римскаго владычества давно уже сокрушился, а языкъ вѣчнаго города еще долго продолжалъ съ какою-то чародѣйственною силою владычествовать надъ умами» — вслѣдствіе этого латинскій языкъ занялъ первостепенное мѣсто въ школьномъ обученіи. «Нѣтъ нужды приводить здѣсь *причины* этого явленія», замѣчаетъ г. Наукъ. Напротивъ, нужда есть достаточная. Дѣло въ томъ, что судьба латыни, какъ «языка образованности», была весьма различна въ разное время, и если бы защитники его достаточно вникали въ это различіе, они бы менѣе самоувѣренно стали навязывать фактъ прошедшаго—настоящему времени. Прежде всего «языкъ вѣчнаго города», т. е. латынь, вошла въ употребленіе въ средневѣковой Европѣ, какъ языкъ *католической церкви*. (Изъ этого между прочимъ весьма просто объясняется, почему греческій языкъ, собственно главный классическій языкъ, никогда не былъ такъ распространенъ, какъ «избалованный его собратъ», по выраженію г. Наука). Въ этомъ обстоятельствѣ заключался *весь* его raison d'être: латынь распространилась тогда не потому, что она была языкомъ Горація или Тацита (ни того ни другаго тогда не знали), а потому, что она была удобнымъ средствомъ папскаго деспотизма. Если въ теченіе среднихъ вѣковъ латынь сдѣлалась также языкомъ науки, то это было опять вовсе не по вліянію классическихъ воспоминаній, а потому что первые ученые явились въ средѣ грамотнаго по церковной латыни духовенства, да и первая наука была теологическая схоластика. Въ концѣ среднихъ вѣковъ первыя научныя возбужденія шли опять не изъ литературы древняго Рима, а отъ испанскихъ арабовъ. Сама латынь находилась въ тѣ времена въ самомъ плачевномъ состояніи: предоставленная почти одному клерикальному употребленію и невѣжеству, она стала тѣмъ, что — какъ извѣстно конечно г. Науку—называется *кухонной латынью* (latinitas culinaria). Эту «кухонную» латынь, «среднюю» и «позднѣйшую» латынь (media et infima latinitas) ни одному знающему филологу не приходитъ въ голову смѣшивать съ языкомъ Цицерона и Катулла. — Вторымъ не-

ріодомъ латыни въ новомъ употребленіи была такъ называемая эпоха возрожденія (XIV—XV в.), когда въ первый разъ выдвинулось дѣйствительное изученіе настоящихъ древнихъ классиковъ. Эти столѣтія и слѣдовавшія за ними были настоящимъ періодомъ вліянія классическихъ литературъ на новыя европейскія, въ которыхъ оно обнаружилось потомъ развитіемъ такъ называемаго псевдоклассицизма. Мы увидимъ дальше, что это вліяніе древнихъ литературъ было вовсе не абсолютнаго свойства (другими словами, это вліяніе началось не ради какихъ нибудь универсальныхъ и абсолютныхъ достоинствъ классической древности, какъ исключительнаго источника развитія), а было вліяніе чисто-специфическое, реакція противъ узкой, тупой и уже совсѣмъ отжившей схоластики среднихъ вѣковъ. Поэтому возрожденіе классической древности совпадаетъ съ первымъ энергическимъ возникновеніемъ національныхъ литературъ и совпадаетъ также съ первымъ смѣлымъ изученіемъ библіи и реформаціей.— Въ третьемъ періодѣ, который заканчивается на нашихъ глазахъ, латынь оставалась уже только принадлежностью ученыхъ, которые все еще поддерживали обычай писанія по латыни, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ отчасти потому, что новые языки еще не достаточно развили научную терминологію, а въ послѣднее время по одному педантскому тупоумію.

Г. Наукъ, къ удивленію, самъ замѣчаетъ, что «чѣмъ болѣе (послѣ средневѣковаго варварства) распространялся умственный горизонтъ новаго времени, тѣмъ чувствительнѣе становилась неудовлетворительность древней формы для новаго содержанія жизни», — но онъ говоритъ здѣсь только о формѣ: допустивъ, что въ наше время можно и не писать по латыни, онъ съ тѣмъ большею ревностью высчитываетъ свои доказательства.

Онъ находитъ именно, что прежнее вліяніе латыни оставило такіе *слѣды* въ новыхъ европейскихъ языкахъ, что, по его мнѣнію, «едва ли возможно» полное знаніе какого нибудь изъ нихъ безъ изученія латыни; двумя строками дальше, онъ находитъ, что если образованный человѣкъ не долженъ «уродовать свою рѣчь искаженіями», знаніе латыни является прямо «неизбѣжнымъ» (стр. 377). Затѣмъ такіе же аргументы приводятся въ пользу греческаго языка, изъ котораго-де заимствовано множество терминовъ современной науки, и отсюда дѣлается общее заключеніе, что «отъ образованныхъ людей можно требовать, чтобы они видѣли въ ученой терминологіи не чистые іероглифы»,—«а для этого знаніе греческаго языка *чрезвычайно важно*». Г. Наукъ привелъ даже очень смѣшной примѣръ: «случилось же— говоритъ онъ—одному офицеру разсказывать, какъ онъ, участвуя въ одной изъ французскихъ кампаній, получилъ «конфузію» въ голову».

Сказать по правдѣ, эта послѣдняя защита важности древнихъ языковъ до того забавно-дѣтская, что мы могли бы избавить себя отъ необходимости возражать и на предыдущіе аргументы. Но ученый авторъ и его послѣдователи сочтутъ пожалуй наше уклоненіе одной отговоркой, и мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Конечно не лишнее знать для *ученыхъ спеціалистовъ* первоначальное коренное значеніе терминологіи, употребляемой въ ихъ наукѣ; но во 1-хъ и здѣсь даже въ очень многихъ случаяхъ это можетъ служить только предметомъ любопытства (геометру или астроному, ботанику или зоологу нѣтъ собственно никакого дѣла до филологическаго происхожденія терминовъ), потому что названія не имѣютъ здѣсь никакого существеннаго значенія; во 2-хъ, знаніе древнихъ языковъ для *этой* цѣли могло бы достаточно удовлетвориться знаніемъ двухъ трехъ правилъ грамматики (словообразованія) и нѣсколькихъ словъ изъ цѣлаго языка; потому что, въ 3-хъ, самъ г. Наукъ знаетъ и сознается, что при составленіи новыхъ терминовъ изъ греческихъ и латинскихъ словъ нынѣшніе ученые даже вовсе не стѣсняются правилами настоящаго древняго языка. Множество новыхъ техническихъ словъ, составленныхъ изъ греческихъ и латинскихъ корней, не имѣютъ никакого классическаго подобія ни по формѣ, ни по значенію, и изучать для нихъ древніе языки, значило бы только изучать, какимъ образомъ могли быть *изуродованы* древнія слова: очевидно, что слова классическихъ языковъ становятся чисто условной формальностью, какъ алгебраическіе знаки, и что требовать для ихъ пониманія изученія Гомера есть ясная нелѣпость. Иначе, если основываться на филологическихъ интересахъ и быть послѣдовательнымъ, намъ, русскимъ, пришлось бы изучать татарскій, чухонскій, голландскій и т. д. языки, *слѣды* которыхъ также есть въ рускомъ языкѣ, — потому что «можно же требовать, чтобы образованные люди» понимали составъ языка своей собственной націи.

Мы полагаемъ, что этотъ аргументъ вообще можно отложить въ сторону, потому что онъ не можетъ рѣшать вопроса.

Мы вкратцѣ только упомянемъ и о слѣдующемъ аргументѣ, который приводится г. Наукомъ и состоитъ въ томъ, что «литературы большей части новѣйшихъ образованныхъ народовъ возникли изъ изученія древнихъ классиковъ», что «греки, по всей справедливости, могутъ назваться учителями человѣчества», что они «положили первыя основы почти всѣхъ наукъ и довели нѣкоторыя знанія до изумительной высоты», что римскіе писатели «черпали въ греческихъ источникахъ и сберегали въ переводахъ многое, что пропало для насъ въ оригиналѣ». Мы не станемъ особенно останавливаться на этомъ пунктѣ, потому, что хотя г. Наукъ и здѣсь находитъ «не-

избѣжную необходимость» изученія греческаго языка, онъ самъ признается, что этимъ еще не объясняется рѣшительное превосходство древнихъ языковъ, какъ предметъ обученія юношества (стр. 380).— Разумѣется; потому что всѣхъ этихъ событій прошедшаго времени еще мало для того, чтобы заставить всѣхъ учиться по гречески и по латыни въ настоящее время; это можетъ быть необходимо только для спеціальнаго ученаго, для историка наукъ.

Затѣмъ г. Наукъ переходитъ къ главному и основному аргументу. Этотъ основной аргументъ тотъ, что одно только изученіе древнихъ языковъ удовлетворяетъ «разумной высшей цѣли школы». Ни больше, ни меньше.

Эта высшая цѣль школы, по опредѣленію г. Наука, состоитъ въ приготовленіи къ жизни,—не въ грубомъ смыслѣ приготовленія къ профессіи или ремеслу, а въ идеальномъ смыслѣ—школа должна: развить умъ ученика, облагородить сердце и укрѣпить волю.

Мы не станемъ оспаривать этого положенія, не будемъ спрашивать: почему бы школа не могла взять также на себя и приготовленія человѣка къ непосредственной дѣйствительности (извѣстно, какъ часто люди, приготовленные по идеальной мѣркѣ, совершенно не знаютъ, что имъ дѣлать въ прямой практической жизни); мы не станемъ препираться съ г. Наукомъ о достоинствѣ реальныхъ школъ, къ которымъ онъ совершенно недружелюбенъ, и перейдемъ прямо къ тѣмъ доводамъ, которыми г. Наукъ доказываетъ, что только одно классическое обученіе можетъ быть общеобразовательнымъ и достигать упомянутой выше «разумной цѣли». Пересмотримъ еще одинъ разъ доводы, которыми латынщики идеализируютъ заучиванье грамматики мертвыхъ языковъ до мнимо-универсальнаго средства развитія. Г. Наукъ—самъ жрецъ храма, посвящающій насъ въ классическую мистерію: посмотримъ, какимъ образомъ мертвые языки могутъ исполнить такую задачу, какъ развить умъ, облагородить сердце и укрѣпить волю.

Во первыхъ, г. Наукъ *слышалъ* (стр. 383), что реальныя школы гораздо хуже классическихъ гимназій, что ученики реальныхъ школъ (въ Германіи), хотя тотчасъ по вступленіи въ практическую жизнь и отличаются большей рутиной или привычкой къ дѣлу, но потомъ всегда должны бываютъ уступать гимназистамъ (т. е. обучавшимся древнимъ языкамъ) вслѣдствіе «болѣе превосходнаго и всесторонняго умственнаго развитія» этихъ послѣднихъ. На это мы замѣтимъ только, что причина превосходства—если таковое существуетъ — объясняется очень просто: не тѣмъ вовсе, чтобы классическое обученіе было абсолютнымъ педагогическимъ средствомъ, а тѣмъ, что нынѣшнія реальныя школы по своей но-

вости еще далеко не достигли того совершенства, къ какому они способны. Школа всегда отстаетъ на нѣкоторое разстояніе отъ послѣднихъ результатовъ науки: точно также и въ реальныхъ школахъ содержаніе современной реальной науки еще не находитъ своего полнаго выраженія, и школьные педагоги еще не умѣютъ дать реальному обученію такую законченность и полноту, какая собственно уже возможна и теперь. Въ высшихъ областяхъ науки относительное положеніе обѣихъ отраслей знанія опредѣлилось уже достаточно ясно, и тѣмъ, кто не потерялъ способности здраваго сужденія, не придетъ въ голову утверждать, будто бы современное научное міровоззрѣніе добыто было классическими филологами, а не точными науками и естествознаніемъ.

Отношеніе достоинства воспитанія въ реальныхъ школахъ и гимназіяхъ объясняется дальше у самого г. Наука однимъ обстоятельствомъ, которымъ онъ хочетъ доказать превосходство гимназій и которое на дѣлѣ очевидно доказываетъ совершенно другое. Онъ говоритъ: «Реальныя школы съ меньшимъ успѣхомъ выполняютъ свою задачу, чѣмъ гимназіи. Онѣ (т. е. реальныя школы) посѣщаются преимущественно такими учениками, которые *не хотятъ* проходить цѣлаго курса наукъ, а *спѣшатъ* возможно скорѣе изъ нашихъ классовъ вступить *въ практическую жизнь*.» Очевидно, что это обстоятельство доказываетъ вовсе не превосходство гимназій, а только то, что есть много учениковъ, которые *не могутъ* (а не не хотятъ) долго оставаться въ школѣ и должны искать практическихъ занятій, т. е. работы, для своего существованія. Если другіе, болѣе достаточные, могутъ оставаться въ школѣ дольше—какого бы разряда ни была школа, — ясно, что они могутъ отличаться «болѣе превосходнымъ» образованіемъ передъ тѣми, которые со школьной скамьи, не кончивши курса, должны были идти зарабатывать деньги.

«На чемъ же наконецъ зиждется образовательная и воспитательная сила древнихъ языковъ?» спрашиваетъ г. Наукъ, и затѣмъ приводитъ такіе резоны: «посредствомъ отечественнаго языка и на немъ мы учимся мыслить и наше мышленіе на столько ясно, на сколько мы въ силахъ дать ему выраженіе въ словѣ», — «а для правильнаго пониманія своего роднаго языка сдвали можно найти лучшій способъ, нежели изученіе чужихъ языковъ», — потому что изъ сознательнаго сравненія «расширяется умственный кругозоръ учащагося, такъ какъ онъ «знакомится съ *понятіями разныхъ народовъ*, сокрытыми въ ихъ языкахъ» А древніе языки для этого сравненія несравнимо лучше и полезнѣе новыхъ, потому что больше новыхъ *удалены* отъ нашего способа выраженія, отличаются «красотой», «благозвучіемъ», «прозрачностью» и т. д.

И такъ на сценѣ опять филологія, и довольно странная. Оказывается, что мы даже по русски не можемъ выучиться порядочно безъ греческаго или по крайней мѣрѣ латинскаго языка; предполагается, что въ другихъ новѣйшихъ языкахъ вовсе нѣтъ логическаго смысла. Г. Науку прискорбно, что новые языки *дѣтски легки* (буквально), и онъ радуется, что греческій и латинскій трудны, въ чемъ онъ и видитъ особое ихъ достоинство; онъ находитъ, что даже элементарный переводъ съ мертвыхъ языковъ заставляетъ ученика быть *самодѣйствующимъ* и *создающимъ* (буквально), чего не бываетъ при переводахъ съ новыхъ языковъ, — такъ что изъ этихъ *переводовъ* г. Наукъ тутъ же, черезъ двѣ строки, прямо выводитъ, что древніе языки «должны преимущественно увеличить запасъ *нравственныхъ(!)* и умственныхъ силъ учениковъ, всю ихъ *духовную мощь (!)*, какъ къ познаванію, такъ и къ *дѣлу (!)*». Для тѣхъ, кто подумаетъ пожалуй, что мы пародируемъ разсужденія г. Наука, мы указываемъ стр. 386, гдѣ находится это логическое salto mortale.

Весь вопросъ, какъ понимаетъ его г. Наукъ, заключается слѣдовательно въ логическомъ устройствѣ и въ трудности мертвыхъ языковъ. Но очевидно, что первое качество не можетъ считаться исключительнымъ свойствомъ какого нибудь языка: на логическомъ основаніи устроены всѣ возможные языки, безъ этого не возможно было бы и самое существованіе языка. Если есть тупые люди, которые видятъ эту логику только въ латинскомъ языкѣ, имъ можно только посовѣтовать, чтобы они постарались вникнуть въ дѣло, и они поняли бы, что если нужно соединять обученіе языку съ логическимъ упражненіемъ мысли, то это послѣднее совершенно возможно на всякомъ европейскомъ языкѣ безъ исключенія. Если мертвые языки нравятся и рекомендуются филологами по своей трудности, то мы замѣтимъ г. Науку, что для русскихъ учениковъ обыкновенно очень труденъ кажется и нѣмецкій языкъ (объ этомъ г. Наукъ можетъ спросить у каждаго гимназиста), такъ что съ этой стороны русскій ученикъ могъ бы уже быть обезпеченъ однимъ труднымъ языкомъ. А если этого мало, то ради трудности можно съ большей послѣдовательностью выбрать, какъ педагогическое средство, санскритскій или даже китайскій языкъ: они стали бы еще труднѣе греческаго и латинскаго. Такъ какъ по мнѣнію г. Наука «суровый трудъ» (при изученіи древнихъ языковъ) полезенъ для «развитія характера и укрѣпленія воли» (стр. 387), то человѣкъ, прошедшій черезъ китайскій языкъ, безъ сомнѣнія былъ бы закаленъ самымъ безпримѣрнымъ образомъ.

Мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно преподаванія языковъ. По мнѣнію г. Наука, повидимому мало знакомаго съ тѣмъ, что

дѣлается по этимъ предметамъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, по мнѣнію его, новѣйшіе языки изучаются въ нашихъ заведеніяхъ почти исключительно для «изустнаго объясненія на нихъ» и что главная задача состоитъ только въ пріобрѣтеніи выговора и нѣкотораго запаса словъ. Мы не скажемъ, чтобы изученіе новыхъ языковъ шло блистательно въ нашихъ заведеніяхъ, всего чаще оно плохо, но при немъ однако вовсе не имѣется въ виду такая пѣль, напр. болтовня на французскомъ языкѣ (это можно сказать только о женскихъ заведеніяхъ стараго стиля), а напротивъ порядочный ученикъ старается узнать языкъ на столько, чтобы получить возможность читать французскія, нѣмецкія или англійскія книги: по нашему мнѣнію отъ преподаванія языка больше нечего и требовать. Не во гнѣвъ будь сказано г. Науку, такое знаніе живыхъ языковъ мы считаемъ для ученика гораздо болѣе полезнымъ и возможнымъ, чѣмъ выдуманная имъ «нравственная мощь», сообщаемая грамматикой Кюнера, переводами съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій.

Дальше. Образовавши «характеръ» и «укрѣпивши волю» ученика посредствомъ грамматики Кюнера, г. Наукъ переходитъ къ новому пункту:

«Наконецъ,—говоритъ онъ—занятія по классическимъ языкамъ открываютъ доступъ къ *литературнымъ сокровищамъ* двухъ образованнѣйшихъ народовъ *древняго міра*». Эти литературныя сокровища, нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ свою важность,—хотя самъ г. Наукъ замѣчаетъ, что въ наше время ихъ мало читаютъ, потому что «наше время слишкомъ изобильно снабжено чтеніемъ всякаго другаго рода»; не читаютъ даже и въ переводахъ... Этотъ фактъ имѣетъ конечно то простое значеніе,что эти литературныя сокровища составляютъ хотя великій, но уже только исторически интересный остатокъ древности, который естественно забывается читающимъ большинствомъ для интересовъ прямой современной дѣйствительности и современной мысли. Но въ глазахъ г. Наука этотъ фактъ есть только новое побужденіе утверждать, что мы именно должны читать классическихъ писателей Греціи и Рима: самъ онъ видитъ, что никого они не занимаютъ въ наше время, но это на него не дѣйствуетъ и ему даже въ голову не приходитъ подумать о томъ, отчего наконецъ теперь предпочитаютъ «всякое другое» чтеніе.

Почему же собственно намъ бы слѣдовало однако читать классическихъ авторовъ, этого г. Наукъ самъ не объясняетъ. Онъ только расточаетъ этимъ авторамъ восхвалительные эпитеты—что это «сокровища», «свѣтила первой величины» и т. п. Только вотъ что мы могли извлечь изъ его разсужденій относительно классическихъ авторовъ:

«Дѣйствительно, неизмѣримо велико различіе между всѣми ощущеніями и представленіями новаго и древняго міра; здѣсь у себя, находимъ мы болѣзненную возбужденность, происходящую отъ внутренней *разорванности* (!) и какого-то романтическаго *печалованія* (!!); тамъ *бодрое* творчество, здоровье и сила, спокойствіе и мѣра... Если для притупленныхъ чувствъ нашихъ юношей представленія новаго міра и кажутся привлекательнѣе и интереснѣе, то античная простота все-таки возъимѣетъ свое благотворное дѣйствіе на ихъ духъ и чувства» и т. д. въ томъ же родѣ (стр. 389).

Это—все, что онъ умѣетъ сказать о значеніи и интересѣ классической литературы для нашего времени.

Мы спѣшимъ успокоить г. Наука, что это романтическое *печалованіе* и *разорванность*, размѣры которыхъ такъ пугаютъ его, уже прошли давнымъ давно со временъ романтической школы, и загонять этими пугалами въ грамматику Кюнера теперь просто забавно. Мы подозрѣваемъ впрочемъ, что эти обвиненія нашего времени въ «печалованіи» и «разорванности» просто повторены здѣсь со словъ другихъ, напр. прежнихъ нѣмецкихъ защитниковъ классицизма, которые ратовали лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ въ пользу античной древности, и притомъ ратовали на крайне отвлеченной идеальной эстетической почвѣ,—такъ что для нашего времени, которое довольно ясно опредѣлило себѣ свои общественныя, нравственныя и литературныя стремленія, эти сѣтованія г. Наука представляютъ слишкомъ странный анахронизмъ, если не совершенную нелѣпость.

Этимъ собственно и заключаются у г. Наука доводы въ пользу классическаго образованія. Онъ прибавляетъ правда еще, что «для вкушенія этого наслажденія — т. е. наслажденія классическими авторами — нужно имѣть *нѣкоторую большую дѣтскость* (съ этимъ мы совершенно согласны) и человѣчественность, если позволено такъ выразиться, нежели это возможно для большинства людей, живущихъ *подъ вліяніемъ* (!!) современной цивилизаціи» (стр. 389): но конечно люди, живущіе подъ вліяніемъ современной цивилизаціи, рѣшительно не захотятъ выходить изъ подъ этого вліянія, и слѣдовательно объ этомъ нечего и говорить, и слѣдуетъ такъ и оставить ихъ безъ «вкушенія». Г. Наукъ сообщаетъ также свои мысли о томъ, какъ бы нужно устроить въ нашихъ гимназіяхъ *концентрацію* для усиленія классическаго обученія; но объ этой концентраціи, опять вычитанной у нѣмецкихъ педагоговъ, мы также не станемъ говорить, потому что это относится къ примѣненію классическаго принципа г. Наука.

Но мы особенно укажемъ одно мнѣніе автора, изъ-за котораго выглядываютъ какія-то соображенія, могущія повидимому нѣсколь-

ко разъяснить образъ мыслей автора. Именно онъ говоритъ: «Въ учебномъ планѣ гимназій естественнымъ наукамъ можетъ быть отмѣрено *лишь немного* мѣста (этого мы и ожидали); уступать имъ болѣе времени, кажется, *неблагоразумно* уже потому, что онѣ возбуждаютъ самодѣятельность учениковъ или слишкомъ мало, или *въ нежелательномъ направленіи*» (стр. 391). Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Жаль однако, что г. Наукъ не высказалъ точнѣе своей мысли: въ чемъ же состоитъ нежелательное направленіе, которое внушаютъ естественныя науки? Что касается до насъ, то намъ странно только то, какимъ образомъ ученый (къ таковымъ причисляется конечно г. Наукъ) можетъ столь публично говорить о нежелательности того самодѣятельнаго направленія, которое возбуждается *науками*!! Мы полагаемъ, что такія странныя понятія происходятъ у него самого отъ слишкомъ усердныхъ занятій древними языками по его системѣ,—потому-то между прочимъ мы и не одобряемъ его системы, что она приводитъ къ подобнымъ дикимъ вещамъ.

Г. Наукъ намѣревается наконецъ убѣдить русскихъ педагоговъ и отцовъ семействъ историческими доводами и утверждаетъ, что мы должны предаться изученію древнихъ языковъ и потому, что «кромѣ новыхъ грековъ нѣтъ другаго народа болѣе связаннаго своими историческими судьбами съ *древними эллинами* (!!), какъ народъ русскій». Это—на томъ основаніи, что мы приняли отъ «грековъ» азбуку, христіанство, древнѣйшія литературныя произведенія и т. д. «Конечно, оговариваетъ г. Наукъ, Россія связана преимущественно съ *византійской* цивилизаціей; но чтобы понять Византію, *нужно же* прежде ознакомиться съ древней Греціей». Въ отвѣтъ на это мы укажемъ, во первыхъ, что вообще довольно странно выводить подобныя заключенія изъ фактовъ прошедшаго, которое давнымъ давно нами пережито; въ особенности потому — во вторыхъ — что за 4 страницы передъ этими словами самъ г. Наукъ оплакиваетъ «печальную судьбу, уничтожившую творенія до-александрійской эпохи и обогатившую насъ *за то пустыми* византійскими произведеніями», — эта пустота конечно не особенно способна возбуждать любопытство въ наше время. Вѣроятно и самъ г. Наукъ не найдетъ, чтобы эта византійская литература могла служить удобнымъ педагогическимъ матеріаломъ; онъ вѣроятно признается также, что разница между X—XIV вѣками и древностью слишкомъ значительна, и что собственно говоря Византія не имѣетъ ничего общаго съ античной Греціей кромѣ внѣшнихъ формъ языка. Такъ какъ г. Наукъ вѣроятно мало занимался русской исторіей, то мы прибавимъ еще для него, что древняя Русь имѣла еще меньше отношенія къ древнимъ *эллинамъ*, что единственное отношеніе, какое она имѣла къ нимъ,

было совершенное невѣдѣніе древней литературы и полнѣйшая, хотя и совершенно темная ненависть къ эллинамъ, какъ синониму язычества. Даже наконецъ и византійскіе греки—это также можетъ узнать г. Наукъ изъ русской исторіи—были весьма антипатичны для русскаго народа... Связывать насъ съ греками на подобныхъ основаніяхъ придумалъ въ новѣйшее время только г. Ламанскій; да вѣдь тотъ связывалъ насъ и съ испанцами,—хороши испанцы!

Общій выводъ конечно соотвѣтствуетъ всему предыдущему. Г. Наукъ полагаетъ, что если Россія отстала отъ другихъ народовъ, то единственное, что можетъ помочь ей, есть изученіе грамматики Кюнера. До такой замѣчательной широты взгляда не доходилъ еще ни одинъ изъ нашихъ защитниковъ классическихъ гимназій. Вотъ ipsa verba г. Наука:

«Если насъ не обманываютъ *самые очевидные* признаки, то *главная причина* запозданія Россіи на пути всемірнаго просвѣщенія заключается въ недостаточномъ развитіи даровъ природы, *другими словами*, въ поверхностномъ образованіи, или *что одно и то же*, въ нерадѣніи къ древнимъ классическимъ *языкамъ*, и въ особенности къ греческому» (стр. 394).

Этотъ изумительный выводъ покажется многимъ просто смѣшонъ и нелѣпъ; таковъ онъ кажется и для насъ, но мы видимъ въ немъ еще и примѣръ того, до какихъ уродливыхъ нелѣпостей дошло то направленіе, защитникомъ котораго является г. Наукъ. Любопытно въ самомъ дѣлѣ, до какой степени можно загородить себя отъ всякой живой дѣйствительности: люди заперли себя отъ всѣхъ интересовъ новой общественной жизни въ узенькую филологическую каморку и имъ воображается, что въ этой только каморкѣ и заключается спасеніе человѣчества.

Мы оставимъ впрочемъ г. Наука въ этой каморкѣ и скажемъ только нѣсколько словъ о томъ, какое же значеніе можетъ дѣйствительно имѣть то изученіе классической древности, которое такъ компрометируется его защитниками, и въ томъ числѣ г. Наукомъ. Это изученіе дѣйствительно имѣетъ, а особенно имѣло прежде, свой смыслъ, только этотъ смыслъ вовсе не тотъ, какой часто даютъ ему невѣжественные новѣйшіе школьные латынщики и педанты.

Исторически, начало этого изученія и энтузіазма къ античной древности принадлежитъ эпохѣ возрожденія. Съ этой поры изученіе древности стало быстро распространяться во всей западной Европѣ, и притомъ не только въ университетахъ и школахъ: знаніе греческаго и латинскаго языка и литературы было не рѣдкостью при дворахъ и даже между женщинами; въ европейской литературѣ началось то долго господствовавшее направленіе, которое извѣстно подъ име-

немъ ложнаго классицизма, т. е. преувеличеннаго перенесенія античныхъ формъ и пріемовъ въ новую литературу. Это господство древняго міра надъ умами всего образованнаго класса конечно должно было имѣть свои достаточныя основанія, и эти основанія дѣйствительно были. Они заключались вовсе не въ «благозвучности» и «прозрачности» греческаго языка, или въ какихъ нибудь подобныхъ свойствахъ латинскаго, и даже не въ эстетическихъ достоинствахъ литературныхъ произведеній древности, а въ томъ *содержаніи*, которое представилось тогда изученію въ литературныхъ памятникахъ и въ исторической жизни древняго міра. Великое значеніе этого содержанія (философскаго, нравственнаго и общественно-политическаго) для новаго времени заключалось въ томъ, что оно казалось и дѣйствительно служило спасительной реакціей противъ средневѣковой схоластики въ мышленіи и противъ тяжелаго политическаго положенія общества въ феодально-деспотическихъ государствахъ тогдашней Европы. Подавленные средневѣковой схоластикой, папствомъ и общественнымъ рабствомъ, мыслящіе и живые люди искали себѣ какого нибудь исхода и находили его именно въ древней жизни и въ ея литературѣ. Средневѣковыя школы въ искусствѣ, въ поэзіи, въ философіи и въ политикѣ отживали свое время, и появившаяся реакція произвела движеніе во всѣхъ этихъ областяхъ общественной жизни. Параллельно и часто въ самой тѣснѣйшей и непосредственной связи съ распространеніемъ классическаго изученія появилось новое направленіе въ живописи и скульптурѣ, начавшихъ слѣдовать античнымъ образцамъ; въ поэзіи и литературѣ, начавшихъ подражать литературнымъ формамъ и перенимать содержаніе древности; въ философскомъ мышленіи, которое, узнавши въ первый разъ настоящаго Аристотеля, Платона и т. д., легко отдѣлывалось отъ средневѣковой клерикальной философіи и вступало на болѣе самостоятельную дорогу; наконецъ въ общественныхъ идеалахъ, которые вмѣсто феодальнаго угнетенія и безправія могли питаться въ античномъ мірѣ представленіями о гражданской свободѣ и народномъ владычествѣ. Понятно, что общество, испытавшее на себѣ все зло, накопленное средними вѣками, могло увлекаться тѣмъ содержаніемъ, какое представлялось ему при знакомствѣ съ древностью: Платонъ былъ конечно неизмѣримо выше Ѳомы Аквината; произведенія греческой скульптуры несравненно выше уродовъ средневѣковаго ваянія; Гомеръ, трагедіи Софокла должны были поражать больше, чѣмъ привычныя произведенія національныхъ литературъ — старый средневѣковой романъ и драма, уже не дававшія идеальной пищи, которая нужна была для новаго общества. Движеніе коснулось почти и самой религіи: люди, восхищавшіеся миѳологическими образами и символами

Греціи, часто бывали плохими католиками или даже совершенно переставали быть ими; миѳологическая номенклатура не даромъ наполняетъ литературу этого времени,—рядомъ съ ней шло и философское свободомысліе. Успѣхъ классическаго содержанія надъ средневѣковымъ хламомъ былъ тѣмъ рѣшительнѣе, что этотъ хламъ въ тоже время подкапывался и съ другихъ сторонъ: папское политическое господство падало все больше и больше, средневѣковыя представленія о мірѣ и природѣ все больше разрушались научными открытіями и кругосвѣтными путешествіями.

Но, если таковы были вообще основанія, выдвинувшія античную древность на первый планъ въ литературной жизни Европы со временъ возрожденія, то примѣненіе этого изученія уже рано пошло различными путями. Движеніе, такъ широко удовлетворявшее идеальнымъ запросамъ времени, стало движеніемъ всеобщимъ и захватило въ себя даже ту среду, которая наиболѣе могла считаться представителемъ стараго порядка. Классическое движеніе захватило и клерикальную партію. Классическіе языки и литература стали, какъ извѣстно, однимъ изъ существенныхъ предметовъ и средствъ іезуитскаго воспитанія; въ іезуитскихъ школахъ они преподавались чрезвычайно усердно и съ большимъ успѣхомъ. Въ какомъ смыслѣ — это другой вопросъ. Само собою разумѣется, что когда движеніе разошлось такъ далеко, оно должно было получить совершенно разный смыслъ у разныхъ партій, которыя къ нему такимъ образомъ присоединились: дѣйствительные передовые мыслители европейскихъ литературъ извлекали изъ античной древности то идеальное содержаніе, о которомъ мы говорили выше — идеальныя стремленія свободной философской мысли, художественные идеалы не связанной догмою поэзіи, политическіе идеалы свободнаго общественнаго устройства, нравственный идеалъ свободной человѣческой личности и человѣческаго достоинства; іезуиты... (и даже не только они одни, а вмѣстѣ съ ними и много тупыхъ людей, не понимавшихъ сущности дѣла) конечно не могли искать въ античной древности подобнаго содержанія,—это было бы очень непослѣдовательно,—принимая моду и утвердившійся обычай, они съумѣли воспользоваться классической древностью по своему, сдѣлали изъ нея средство для чисто формальнаго школьнаго образованія, выучивали своихъ учениковъ отлично писать латинскіе стихи и оставляли ихъ въ полномъ невѣдѣніи объ истинномъ смыслѣ античнаго изученія; для большаго удобства кастрировали древнихъ писателей, урѣзывая все, что могло противорѣчить и мѣшать ихъ цѣлямъ, и въ концѣ концовъ, изъ этой древности, которая въ эпоху возрожденія явилась такимъ спасительнымъ убѣжищемъ отъ средневѣковаго варварства, они ухитрились сдѣлать

средство для умственнаго и нравственнаго отупленія своихъ питомцевъ, отупленія, которому они придавали самую благовидную наружность, потому что давали своему воспитанію всѣми признаваемое классическое направленіе...

На классической почвѣ образовалось такимъ образомъ два лагеря,—оба восхваляли и восхищались классической древностью и оба понимали ее каждый по своему. Эти два лагеря въ сущности уцѣлѣли и до сихъ поръ. Читатель, можетъ быть, сообразитъ, къ которому изъ нихъ ближе стоитъ г. Наукъ.

Между тѣмъ первые свѣжіе инстинкты, съ которыми приняты были прежде впечатлѣнія классическаго міра, стали наконецъ вырождаться и въ литературѣ превратились въ тотъ формальный псевдо-классицизмъ, который съ такой исключительной силой господствовалъ въ европейскихъ литературахъ особенно въ концѣ XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія. Съ другой стороны, въ научномъ изученіи древности развилось то гелертерское педантство, которое имѣетъ еще много представителей и въ нынѣшней Германіи и которое, забывая сущность дѣла, стало гоняться за формой и буквой. Изученіе античнаго міра превращалось въ мертвое буквоѣдство и филологическую схоластику, и за ними совершенно забывались тѣ положительные идеалы, которые одни давали классической литературѣ ея право и значеніе въ современномъ обществѣ. Это извращенное отношеніе къ классическому міру вызвало противодѣйствіе въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда Лессингъ рѣшительно возсталъ противъ французскаго псевдо-классицизма и открылъ настоящую древность людямъ, считавшимъ ее въ одной классической формѣ; къ Лессингу примыкаетъ цѣлое новое движеніе, результатомъ котораго было возстановленіе истиннаго смысла древности и того, что можетъ быть найдено въ ней для умственныхъ и нравственныхъ требованій современнаго человѣка: въ этомъ смыслѣ она получила новую привлекательность для современной литературы и ея идеальная сторона еще разъ могла увлекать Гёте и Шиллера, и за ними массу другихъ европейскихъ писателей.

Но это была едва ли уже не послѣдняя вспышка. Именно съ того же времени, съ конца прошлаго вѣка и особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи началось болѣе строгое историческое изученіе древняго міра, которое поставило важность его культурныхъ результатовъ въ извѣстныя границы и показало, что эти результаты имѣютъ далеко не абсолютное, какъ думали прежде, а только чисто относительное значеніе и достоинство — результаты и философскіе, и поэтическіе, и общественно-политическіе. Научное движеніе новаго времени приняло уже такіе громадные размѣры и открыло столько новыхъ точекъ

зрѣнія на природу и человѣка, что античныя воззрѣнія сравнительно съ ними должны были потерять всякую важность, и авторитетъ, господствовавшій такъ долго, былъ совершенно подорванъ: за древнимъ міромъ осталось его историческое значеніе, но всякая обязательность его содержанія для нашего времени стала дѣломъ невозможнымъ. Наконецъ классическое изученіе, въ силу прежнихъ обычаевъ господствовавшее въ школѣ безраздѣльно, въ первый разъ было ограничено и здѣсь: въ школу все больше стало входить реальное изученіе, которое безъ сомнѣнія дальше будетъ усиливаться еще болѣе и въ заключеніе сведетъ классическія преданія къ тѣмъ размѣрамъ, какія они имѣютъ въ ихъ дѣйствительномъ, фактическомъ отношеніи къ объему современныхъ воззрѣній. Каково это отношеніе, объ этомъ можетъ, мы полагаемъ, судить каждый: если XVIII-е столѣтіе еще мечтало о грекахъ и римлянахъ, мы уже не мечтаемъ о нихъ — мы имѣемъ свои философскія воззрѣнія, свои политическія стремленія и свои поэтическіе идеалы.

Если, несмотря на весь упадокъ классическихъ интересовъ въ наше время, классическое обученіе имѣетъ еще большое значеніе въ современной школѣ, это очень естественно: оно слишкомъ много столѣтій держалось въ ней, чтобы можно было ему изчезнуть изъ школы слишкомъ скоро; оно останется въ школѣ и послѣ, но только какъ спеціальный предметъ изученія,—а теперь пока еще остается много мнимыхъ классиковъ, то есть педантовъ старой моды, которые не понимаютъ, что въ школѣ съ древнимъ міромъ можетъ достаточно познакомить и преподаватель исторіи, а что школа можетъ учить чему нибудь болѣе полезному и практическому, чѣмъ грамматика Кюнера,—людей, которымъ послѣ не случится въ жизни ни разу встрѣтиться ни съ греческой, ни съ латинской книгой. Латынщики старой школы еще долго будутъ пожалуй вопіять о погибели образованія (и напр. объ отсталости Россіи) вслѣдствіе нерадѣнія къ грамматикѣ Кюнера; но этимъ людямъ больше нечего и дѣлать—имъ осталось или искренно не видѣть за буквоѣдствомъ ничего, что кругомъ ихъ дѣлается, или проводить школьную систему іезуитовъ, когда то, что они видятъ, для нихъ «не желательно».

Мы увѣрены только, что человѣкъ, дѣйствительно понимающій значеніе классическаго міра и его отношеніе къ нашему времени, никогда не былъ бы способенъ ни на то, ни на другое.

Статьѣ г. Наука не посчастливилось и въ другомъ отношеніи. Мы не предполагаемъ, чтобы достопочтенный академикъ, вызванный нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ-за границы на каѳедру классической филологіи, умѣлъ писать по-русски, и потому не думаемъ, чтобы на его винѣ лежалъ тотъ странный стиль, на которомъ передана

его статья и образчики котораго читатель видѣлъ изъ нашихъ выписокъ. Стиль очень страненъ. Въ одномъ мѣстѣ напр. г. Наукъ, въ подтвержденіе того, какъ важна для ученика самодѣятельность, приводитъ слова Лессинга—они переданы слѣдующимъ способомъ:

«Не истина, которою обладаетъ или думаетъ, что обладаетъ, человѣкъ, а искреннія усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы достигнуть истины, даютъ цѣну человѣку... Если бы Всемогущій держалъ въ *своей правой десницѣ* (!) всю истину, а въ *лѣвой* только стремленіе къ истинѣ, даже съ прибавкою непрерывныхъ заблужденій, и сказалъ бы мнѣ: выбирай! я съ смиреніемъ припалъ бы къ *лѣвой десницѣ* (!!) и воскликнулъ бы: Господи, дай мнѣ эту! чистая истина годится только для тебя одного» (стр. 387).

Эти правая и лѣвая десница изумительны, особенно въ изданіяхъ академіи, которая могла бы поучить своихъ переводчиковъ русскому языку и не смущать людей благочестивыхъ, приписывая Всемогущему двѣ десницы.

Переводчикъ, судя по умѣнью выражаться тотъ же самый, помѣшалъ намъ познакомиться съ статьей г. Бэра, по началу очень любопытной. Нѣсколько страничекъ мы уже прочли, но на стр. 348 насъ привело въ недоумѣніе слѣдующее мѣсто о каменномъ баранѣ:

«Знаменитый савойскій каменный баранъ, не смотря на то, что онъ живетъ на самыхъ неприступныхъ горахъ, близокъ къ своему уничтоженію; можетъ быть, даже онъ *болѣе не существуетъ*, ибо *уже 30 лѣтъ, какъ его встрѣчаютъ* только на южномъ склонѣ Монте-Розы и на Монбланѣ».

Таинственная судьба этого барана такъ заняла и до сихъ поръ занимаетъ насъ, что мы не могли прочесть дальше ни одной страницы: наша мысль невольно возвращалась опять къ барану и насъ тревожилъ вопросъ: несчастный! существуешь ли ты, или не существуешь? Повидимому не существуешь, ибо такъ предположено въ самой статьѣ, но вѣдь тебя *уже 30 лѣтъ* встрѣчаютъ, стало быть однако ты существуешь? Безпокойство о судьбѣ барана заставляетъ насъ окончить статью: мы не хотимъ заразить читателя той тревогой, которая не покидаетъ насъ и по сію минуту...

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Африканка, опера *Жакомо Мейербера*.

(Седьмое письмо въ глушь Петербургскаго Жителя.)

Говорятъ, московскіе фабриканты выдѣлываютъ, кромѣ обыкновенныхъ матерій, еще какія-то необыкновенныя, особенно бьющія въ глаза и особенно дрянныя, для обмѣна на чай у китайцевъ. Зовутся онѣ китайками, хотя бы собственно ихъ слѣдовало называть отчаянными. На вкусъ парижанъ тоже производятъ извѣстные мастера извѣстныя издѣлія, и также точно, какъ фунчанскіе франты и франтихи безъ ума отъ произведеній братьевъ Прохоровыхъ, парижане и парижанки не совсѣмъ въ умѣ отъ произведеній Жакомо Мейербера. Когда-то вообще большой мастеръ, а современемъ просто мастеръ на Парижъ, онъ довелъ свои музыкальныя китайки до высокой степени особенности.

— Вѣрите ли, разсказывалъ мнѣ одинъ тонкій цѣнитель византійской живописи (тоже, какъ извѣстно, очень тонкой):—это до того хорошо, до того хорошо, что даже смотрѣть страшно,—ничего человѣческаго нѣтъ!

Мастеръ Жакомо давно добивается, чтобы поменьше человѣческаго у него было. Первый опытъ сдѣланъ, и довольно удачно, въ «Сѣверной Звѣздѣ». Выводятся русскіе (для парижанина въ этомъ уже довольно мало человѣческаго), да вдобавокъ еще въ бычачьихъ шкурахъ съ хвостами(*). Отъ тромпетъ и криковъ становится страшно. Отъ криковъ восторга парижанъ дѣлается гадко. Но мастеру всего этого кажется мало, — онъ добивается бо̀льшаго, и наконецъ добился: въ «Африканкѣ» ужь такой народъ участвуетъ, въ которомъ и не парижанинъ едва ли рѣшится признать что либо человѣческое. Это уже

«Какіе-то не люди и не звѣри!»

(*) Я самъ ихъ такими видѣлъ на сценѣ Большой Оперы въ Парижѣ, лѣтъ десять назадъ.

Словомъ, отъ этого всякому сдѣлается страшно.

Предъ *Африканкой* на колѣни
Испуганный склонился свѣтъ.
Ужь смысла болѣе ни тѣни
Въ ней человѣческаго нѣтъ.
И еслибъ разомъ всѣ шарманки
Ударили по всѣмъ по тремъ —
Не испугать своимъ враньемъ
Имъ этой страшной *Африканки*.

Гг. Аверкіевъ и Сѣровъ! примите мое чистосердечное раскаяніе! Я не зналъ, что писалъ о васъ — я не имѣлъ удовольствія еще быть знакомымъ съ «Африканкою»!

Прости, прелестная *Рогнѣда!*
Предъ Африканкой встала ты,
Какъ легкій сонъ послѣ обѣда,
Какъ тихій ангелъ красоты!

Послѣдній стихъ я даже заимствую у Пушкина, не находя приличныхъ звуковъ на своей лирѣ.

«Африканка» — это засореніе желудка на мѣсяцъ, это ваниль и перецъ, лимбургскій сыръ и омары, которые сказываются живьемъ, какъ трихины, въ человѣкѣ,—это даже сами трихины! Послѣ недѣли отдыха и пребыванія каждый день на свѣжемъ воздухѣ, при употребленіи пассивной гимнастики, которая разгонятъ застарѣлые геморои, я никакъ не могу разогнать трепета отъ этихъ дикихъ, — у, какихъ дикихъ! — африканцевъ, кричавшихъ съ семи до двѣнадцати часовъ ночи, пѣвшихъ, плясавшихъ, вступавшихъ въ потасовку и непстовствовавшихъ въ такой степени, какъ будто вчера только пониженъ для Африки акцизъ на крѣпкіе напитки. Даже г. Граціани, этотъ по самому прозвищу своему граціозный пѣвецъ, оскорбилъ меня кривляньями по балетному и стремленіемъ вывихнуть во что бы то ни стало свой голосъ, созданный

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ,

а вовсе не для передачи волчьихъ воплей и хохота шакаловъ, что его заставляютъ дѣлать. Мнѣ особенно досадно, зачѣмъ г. Граціани былъ поощренъ за это вызовами. Я самъ поощряю г-жу Барбо пѣть по-африкански: ея рѣзкій, несимпатическій и уже значительно повихнутый голосъ не много пострадаетъ отъ этого. Вотъ ея прекрасное лицо лучше было бы не пачкать и на ея красивое тѣло не напяливать коричневаго трико, хотя бы и въ ущербъ географической правдѣ. Гораздо пріятнѣе видѣть передъ собою пять часовъ сряду привлека-

тельную, чѣмъ отталкивающую наружность, рискуя даже за это услышать порицанія въ одномъ изъ засѣданій географическаго общества.

Знаете, иногда видишь сонъ, въ которомъ милые сердцу люди являются въ изуродованномъ видѣ, въ обидныхъ положеніяхъ — и просыпаешься съ остановившимися въ горлѣ рыданіями... Тяжело, больно, обидно за нихъ, — и не вѣришь своему счастью, что все это было только во снѣ. То же чувство испытываешь въ *Африканкѣ*, и не прежде вздохнешь свободно, какъ очутившись на театральной площади.

— Долго понѣ что-то господъ стали по кіятрамъ держать, говоритъ *Ванька* сѣдоку; а тотъ только охаетъ да тяжело дышетъ.

— Вишь каково оно! тоже не легко вѣдь! размышляетъ мужикъ: — а нашъ братъ думаетъ, тамъ смѣхи одни.

— Какіе ужь тамъ смѣхи!

Начинается дѣло ровно въ 7 часовъ вечера, при совершенно полномъ театрѣ, въ залѣ засѣданій португальскаго государственнаго совѣта, которыя, какъ легко заключить изъ этого, происходятъ публично, и даже весьма публично. Но такъ какъ къ поднятію занавѣса португальскіе сановники почему-то не подоспѣли, то г-жа Бернарди является привѣтливою хозяйкою, такая же хорошенькая, какъ всегда, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, обшитомъ парчою, что къ ней очень идетъ. Она, конечно, безъ потери времени, принимается пѣть, и конечно о томъ, что очень ужь крѣпко любитъ г. Тамберлика (на то онъ теноръ), котораго впрочемъ называетъ Васко-де-Гамою. Поетъ она очень долго, такъ что наконецъ и слушателямъ и ей начинаетъ казаться, что она поетъ очень долго. Выручаетъ ее г. Анджелини, предсѣдатель совѣта, со спискомъ — надо полагать, предметовъ, подлежащихъ обсужденію совѣта. Жаль только, что онъ огорчаетъ хорошенькую г-жу Бернарди грубымъ извѣстіемъ о смерти г. Тамберлика.

— Какъ же пойдетъ опера-то? восклицаетъ г-жа Бернарди! Ciel! (безъ ciel, какъ извѣстно, никакое горе не обходится). И уходитъ, спотыкаясь — что тоже вѣрный признакъ горести.

Входятъ члены совѣта, и сначала ведутъ себя ничего, даже довольно сообразно съ своимъ званіемъ, покуда г. Мео, наряженный прелатомъ, съ бритою макушкою, не приводитъ за собою ватагу такого народа, который какъ подошелъ къ рампѣ, такъ-таки съ маху и заоралъ. Г. Анджелини занимаетъ предсѣдательское мѣсто и унимаетъ кое-какъ г. Мео, а прочихъ разсаживаетъ по мѣстамъ; затѣмъ объясняетъ вкратцѣ важность переживаемой господами хористами минуты. Все пошло было какъ по маслу, еслибъ г. Тамберликъ не

ворвался въ залу. За нимъ г-жа Барбо, уже выпачканная (ровно въ 7 часовъ!), и г. Граціани, уже юродствующій.

— Васко-де-Гама! кричатъ господа члены.

— Я, говоритъ г. Тамберликъ, и силится тоже кричать, но за неимѣніемъ голоса, только дребезжитъ симъ послѣднимъ.

— Корабль давайте мнѣ! говоритъ: — Ѣду, господа, въ Африку открывать ту самую землю, откуда эти милые пришельцы (указывая на г-жу Барбо и Граціани).

— Какъ не такъ! Держи карманъ! отвѣчаютъ тѣ, и между прочимъ г. Полонини, состоящій въ должности государственнаго секретаря.

Шумѣли, шумѣли; наконецъ, рѣшили пустить предложеніе на голоса. Г. Баверн машетъ палочкою въ оркестрѣ, а господа члены совѣта кладутъ подъ тактъ шары... Очень хорошій способъ балотировки, достойный подражанія.

Но здѣсь я не могу умолчать о непохвальномъ поведеніи г. Полонини, котораго я привыкъ считать за пѣвца скромнаго и благонравнаго,—и который является вдругъ ужаснымъ интриганомъ: суется между рядами, шепчетъ на ухо, куда класть шары и даже выпроваживаетъ нѣкоторыхъ изъ господъ хористовъ. Дѣло для г. Тамберлика выходитъ такимъ образомъ совсѣмъ дрянь — и его прокатываютъ на вороненькихъ. Прокаченный такъ непріятно, г. Тамберликъ остервеняется и начинаетъ говорить грубости. Грубить тенорамъ вообще свойственно, и такъ какъ публика имъ же за это рукоплещетъ, то обыкновенно все и сходитъ съ рукъ. Но г. Тамберлику, какъ тенору безъ голоса, это не сошло, и г. Мео тутъ же присудилъ его на всю жизнь въ тюрьму.

— Вотъ-тѣ разъ! (ai-me!) кричитъ г. Тамберликъ, и обращается по старой привычкѣ къ зрителямъ; но тѣ совершенно равнодушно смотрятъ, какъ два жандарма берутъ его подъ ручки и уводятъ, при усиленномъ гвалтѣ господъ членовъ государственнаго совѣта, какой мнѣ случалось слышать только въ общихъ собраніяхъ нашихъ акціонерныхъ обществъ (*).

Второе дѣйствіе, послѣ перваго, можетъ быть названо бездѣйствіемъ: не получившій экипажа путешественникъ лежитъ протянувши ноги и укрывшись краснымъ одѣяломъ. Невольница, хотя и выпачканая, но все же госпожа Барбо, помахиваетъ надъ головою опа-

---

(*) Самъ г. Ростиславъ не одобряетъ этого гвалта и не ждетъ по такому началу ничего хорошаго. Онъ даже опасается, что г. Мейерберъ вынужденъ будетъ, pour être conséquent, взорвать впослѣдствіи $^2/_3$ театра. Не ходите, господа, въ оперы этого артиллериста!

халомъ и убаюкиваетъ его презатѣйливою дикою пѣсенкою. Путешественникъ спитъ, какъ праведникъ, и очень крѣпко спитъ,—даже громогласныя изліянія госпожи Барбо въ любви къ нему, дѣлаемыя *про себя* и-зо всей мочи, его не будятъ. Время идетъ прекрасно; но г. Граціани, съ ножомъ въ рукѣ и звѣрообразнѣе прежняго, находитъ нелишнимъ произвести диверсію. Такъ какъ онъ африканецъ, и такъ какъ г-жа Барбо африканка, то онъ и влюбленъ въ нее, а такъ какъ влюбленъ, то и обязанъ убить — кого? г-на Тамберлика. Убить онъ, разумѣется, не убиваетъ, потому что Васко-де-Гама въ нѣкоторомъ родѣ причина оперы, а ей не исполнилось еще и втораго акта. Г-жа Барбо, не разбудившая г-на Тамберлика пѣніемъ, будитъ его теребя за одѣяло; онъ вскакиваетъ, и г. Граціани, пристыженный товарищами, вынужденъ пѣть съ ними тріо, а потомъ произноситъ и уже точно про себя, такъ, какъ *онъ* только умѣетъ произнести, грустную, задушевную фразу, и нелѣпо удираетъ со сцены. Оставшееся время заключенные наполняютъ полезными занятіями географіею, благо на стѣнѣ повѣшена карта изъ топографическаго депо. Г-жа Барбо и здѣсь является необходимою Васко-де-Гамѣ, указывая ему на картѣ (такая вѣдь просвѣщенная эта дикарка!) путь къ восточному берегу Африки. Въ оперѣ и географія приводитъ къ пѣнію, а пѣніе къ чему же можетъ привести, какъ не къ изліяніямъ по любовной части! Изливаются по этой части. Но такъ какъ композитору надо припасти финалъ, то онъ и вводитъ въ тюрьму г-жу Бернарди съ г. Анжелини, поженившихся вслѣдствіе недоразумѣнія—вѣдь г. Тамберликъ-то живъ! Г-жа Бернарди на радостяхъ даруетъ ему свободу, а онъ, на томъ же основаніи отдариваетъ ее африканцами, и г-жа Барбо, сверкая подрисованными глазами переходитъ въ ея собственность, за нею и г. Граціани. Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія Васко изъ Португаліи въ Африку и обратно, и отъ португалки, г-жи Бернарди, къ африканкѣ, г-жѣ Барбо, и наоборотъ.

Послѣ антракта, въ которомъ выпито много оршаду и выкурено папиросъ, изумленные взоры зрителей приглашены видѣть пучину морскую... и на ней корабль съ пушками... Но изумленіе ихъ только возрастаетъ, когда, всмотрѣвшись, они воды не находятъ!

Море видѣть захотѣлъ,
И въ Морскую полетѣлъ;
Но ни въ малой, ни въ большой
Капли нѣтъ воды морской!

И корабля нѣтъ! А есть большой садокъ, въ родѣ «живорыбнаго садка купца Елизарова», у Симеоновскаго моста. Поставленъ онъ на тѣхъ же доскахъ, на какихъ и суфлерская будка. Публика ждетъ, ка-

кимъ же манеромъ исполнится духовная Мейербера, который непремѣнно завѣщалъ ему идти. Все полно ожиданія и петерпѣнія, а садокъ полонъ пѣвцовъ и оретъ что есть мочи, не стѣсняясь присутствіемъ адмирала. Должно быть, адмиральскій часъ пришелъ. Адмираломъ — г. Анжелини (дѣйствующія лица, какъ и опера, тоже сухопутныя и морскія), г-жа Бернарди—адмиральшею, а г. Граціани—кормчимъ.

— На, сказалъ ему Анжелини: — ты лучше меня поешь, ты и корабль поведешь лучше.

И тотъ ведетъ. Но такъ какъ въ этой оперѣ онъ поклялся быть во всѣхъ отношеніяхъ гадкимъ, то и заводитъ корабль на камни. Свалившійся съ неба г. Тамберликъ предсказываетъ это, но г. Анжелини болѣе склоненъ довѣряться товарищу по голосу, басу, чѣмъ вѣроломному тенору, и не слушаетъ никакихъ резоновъ. Тихая до той минуты погода (штиль) вдругъ разыгрывается, *свѣжѣетъ*, и скоро буря свищетъ въ снастяхъ. Все приходитъ въ движеніе, кромѣ садка, который и въ усъ себѣ не дуетъ. Попробовали было театральные рабочіе повернуть его корму, и раскачали даже нѣсколько сзади, да дѣло вышло только хуже, потому что палуба, т. е. сцена, укрѣплена на диво и осталась неподвижною. Носъ предполагается продолженнымъ къ публикѣ, и надо сознаться, что если корабль остался безъ носа, то публика положительно съ носомъ.

Вообще морское вѣдомство Португаліи не отличилось, и наскочившіе откуда-то индѣйцы по дѣламъ исколотили корабельную публику дубинами и кистенями по головамъ. Балетъ морской.

Въ четвертомъ актѣ устраивается безъ потери времени балетъ сухопутный и комическая опера. Бѣдному Васко удалось наконецъ выкарабкаться изъ сквернаго садка на твердую и очень красивую землю, за которую и въ тюрьмѣ-то онъ понасидѣлся; разумѣется онъ радъ и на радостяхъ поетъ: де-скать, хорошо здѣсь, и небо что синька, и все это де-скать мое,—бацъ, откуда ни возьмись, наскакиваютъ дикари съ дубинами.

— Ага! братъ! попался! Это ты! Валяй его, ребята!

— Лі me! (опять восклицаетъ Васко).

Но тѣмъ это ни по чемъ, и если бы не та же Барбо (царица дикаго острова), то не сдобровать бы охотнику до чужихъ земель.

Этимъ однако комедія не оканчивается: г-жа Барбо женитъ на себѣ г-на Тамберлика (чтобъ спасти отъ дубинъ). Онъ бы и не прочь пожалуй—кстати же въ Африкѣ, значитъ очередь подъѣхать къ африканкѣ; вѣнчаютъ ихъ, пляшутъ передъ нимъ—онъ все ничего; но какъ только дѣло доходитъ до того, чтобы отправляться къ молодой —внезапно труситъ, и ни съ мѣста. И чего бы, кажется, трусить?

Но однако вотъ же боится человѣкъ. Стало, есть чего. Африканка вѣдь—шутка ли!

Послѣдній актъ написанъ для г-на Роллера, который такъ-таки первый и выступаетъ, по требованію публики, на сцену—во фракѣ, и въ самомъ сердцѣ Африки, подъ смертоноснымъ древомъ. И ограничься этотъ актъ г-номъ Роллеромъ, онъ былъ бы лучшимъ актомъ оперы. Дерево дѣйствительно живописно: вѣковой стволъ и раскидистыя вѣтви занимаютъ первый планъ сцены,—далѣе, въ глубинѣ, скалы и лазурь моря. Очень хорошо. Но является опять г-жа Барбо подъ дерево—умирать: въ оперѣ тѣмъ или другимъ способомъ, а непремѣнно надо это сдѣлать. И пошла опять музыка. Ну ее, право! Первый часъ ночи, и всѣмъ давно спать хочется. Наконецъ-таки уходилась, умерла г-жа Барбо по немножку, на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго здравъ и невредимъ только что сошелъ г. Роллеръ. Нужно ли прибавлять, что г. Тамберликъ тѣмъ временемъ успѣлъ совершить путешествіе къ португалкѣ—Инесѣ, и плыветъ уже на игрушечномъ кораблѣ, съ уморительно вздутыми парусами въ Европу, въ виду расходящейся публики и мертвой г-жи Барбо, которая мгновенно оживаетъ съ паденіемъ занавѣса и выходитъ принимать букеты камелій изъ партера...

Говорятъ, съ африканкою Мейерберъ няньчился 20 лѣтъ, и она была любимымъ его *дѣтищемъ*. Могу сказать, это свидѣтельствуетъ съ хорошей стороны о родительскихъ чувствахъ покойника: уродливыхъ дѣтей кому же и любить, если даже виновники ихъ дней любить ихъ не станутъ? Кому любить африканку,

Когда и расточитель славъ,
Вѣнчавшій лаврами Сѣрова,
Не могъ рѣшиться Ростиславъ
Ей бросить ласковаго слова!

PS. Кажется, поставившіе *Африканку* сами сконфузились и поспѣшили оправдаться *Робертомъ-дьяволомъ*. Я прослушалъ только что этого возобновленнаго первенца мейерберовской славы...

«Но этотъ чортъ совсѣмъ инаго сорта». Еслибъ не африканскія завыванія Изабеллы (преимущественно во второмъ актѣ), то онъ бы даже былъ первый сортъ. Самъ дьяволъ (Робертъ), правда, смахиваетъ нѣсколько на барана, и роль его не преобладаетъ въ оперѣ. Композиторъ, желая должно быть вознаградить его за это, отвелъ ему мѣсто въ балетѣ, и пока около него пляшутъ и перекидываются танцовщицы, ему поручено замѣнять одного изъ тѣхъ господъ съ обтянутыми икрами, которые подкидываютъ баллеринъ на воздухъ, а въ заключеніе и сами разставляютъ руки и крутятся мельницами.

Кстати объ этихъ потерянныхъ для человѣчества существованіяхъ. Меня всегда занимало: для кого и для чего нужно, чтобъ эти люди такъ крутились? Вѣдь нравиться это едва ли можетъ; по крайней мѣрѣ и публика большею частію смѣется. А вѣдь крутиться надо выучиться, нужно потерять многіе годы жизни, чтобъ быть выпущену мельницею, и наконецъ, каждое утро, вмѣсто завтрака, прокручиваться необходимо, чтобъ не потерять привычки. Представьте же себѣ, что это могутъ быть очень почтенные отцы семейства, носящіе халаты или пиджаки, какъ и всѣ, и въ этомъ видѣ крутящіеся мельницами. Необъяснимая загадка.

Г. Никольскій очень забавенъ (да и кто не выйдетъ забавнымъ?) въ этомъ балетѣ. Особенно мило его изумленіе, смѣшанное съ любопытствомъ, когда на него совсѣмъ опрокидывается г-жа Каммереръ и онъ на нее смотритъ сверху внизъ, точно въ колодецъ. Пѣвучая часть роли заставляетъ только жалѣть, зачѣмъ она не также велика, какъ танцовальная. Рогнѣда-Бронн (Изабелла) принуждаетъ опять скорбѣть о противномъ. Вотъ и подите, угодите тутъ на людей. Бѣсъ-Бертрамъ не дурной бѣсъ, а мѣстами и чертовски хорошій; но у г. Васильева онъ болѣе добрый чортъ (un bon diable).

Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись, говорятъ. Отъ Африканки смѣло можно ушибаться Робертомъ. Жаль только, что быть въ оперѣ Мейербера — значитъ пить вечерній чай почти утромъ... А этого часто повторять не слѣдуетъ, особенно въ виду возможности эпидеміи...

ПОЛИТИКА.

ПОЛОЖЕНІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ДѢЛЪ ПО ОКОНЧАНІИ ВОЙНЫ.

Какого бы мы ни были мнѣнія о принципахъ, побудившихъ южные штаты американскаго Союза къ отпаденію отъ Союза и къ возбужденію междоусобной войны, во всякомъ случаѣ нужно отдать имъ полную справедливость въ томъ, что они неутомимы въ стремленіи своемъ отстоять эти принципы до послѣдней возможности. Въ теченіи многихъ лѣтъ немногочисленные рабовладѣльцы Юга отстаивали любезные имъ принципы тѣмъ, что успѣвши съ удивительною ловкостью захватить въ свои руки законодательную и административную власть во всей странѣ, они благодаря этому средству, руководили долгое время всею политическою жизнью Союза и судьбами 30 милл. сѣверо-американцевъ. Въ 1860 году они потерпѣли первое пораженіе, и имъ пришлось передать высшую власть въ странѣ въ руки своихъ политическихъ противниковъ. Тогда они прибѣгнули къ другому средству для спасенія невольничества, и возбудили одну изъ самыхъ жестокихъ междоусобныхъ войнъ, о которыхъ знаетъ исторія; и опять нужно отдать имъ справедливость, они вели эту страшную войну съ энергіею, упорствомъ и искусствомъ, заслужившими всеобщее признаніе.

Въ началѣ 1865 года они потерпѣли второе жестокое пораженіе въ борьбѣ за свои принципы, и этимъ принципамъ дѣйствительно стала угрожать серьезная опасность, которая въ 1860 году была еще весьма отдаленна. Но мы и здѣсь принуждены отдать руководящему населенію южныхъ штатовъ ту справедливость, что оно съ необыкновеннымъ политическимъ тактомъ и проницательностью съумѣло найтись въ томъ повидимому дѣйствительно безотрадномъ положеніи, въ которое Югъ былъ поставленъ плачевнымъ для него исходомъ войны. Ловкая, сообразная съ обстоятельствами политика южныхъ штатовъ представляетъ одну изъ весьма любопытныхъ сторонъ настоящихъ событій въ Сѣверной Америкѣ, и ее никакъ не

слѣдуетъ упускать изъ виду при разсмотрѣніи американскихъ событій, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ войны, потому что послѣдствія этого ловкаго политическаго образа дѣйствій отчасти уже обнаружили сильное вліяніе на весь ходъ тамошнихъ событій, и безъ сомнѣнія обнаружатъ въ ближайшемъ будущемъ еще сильнѣе.

Рабовладѣльческое населеніе южныхъ штатовъ, какъ мы уже имѣли случай говорить въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обозрѣній, очень скоро оправилось отъ ужаса, охватившаго имъ вслѣдъ за капитуляціей Ли и Джонстона и послѣ другихъ ударовъ, нанесенныхъ ему оружіемъ федералистовъ. Была минута, когда рабовладѣльцы полагали, что все погибло, и что имъ не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ принять тѣ законы, которые предпишутъ имъ ихъ противники. Конечно, рабовладѣльцы Юга и въ то время не думали о томъ — какъ увѣряетъ консервативная пресса—чтобы искренне помириться съ новымъ порядкомъ вещей; они не могли вдругъ сдѣлаться восторженными приверженцами Союза; они напротивъ и тогда были до крайности ожесточены и враждебны къ Союзу. Но теперь они явились очень ловкими политиками во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, слѣдовавшихъ за окончаніемъ междоусобной войны. Храбрый, упорный, и въ то же время политически-неопытный народъ послѣдовалъ бы вѣроятно совѣту, который давали ему со всѣхъ сторонъ, и обратился бы, послѣ пораженія своихъ армій, къ войнѣ гверильясовъ, или сталъ бы проявлять свою досаду въ томъ, что онъ оказывалъ бы союзнымъ властямъ пассивное сопротивленіе. Но политики Юга поступили иначе. Какъ только армія Ли сдалась на капитуляцію, тотчасъ же прекратилось всякое сопротивленіе, и руководители юга вступили на новый путь съ тою быстротою, предусмотрительностью и съ тѣмъ единодушіемъ, которые доселѣ уже не разъ доставляли имъ побѣду, и которыя обѣщаютъ имъ еще болѣе замѣчательныя побѣды въ будущемъ. Озлобленіе и мстительность сѣверныхъ штатовъ и президента союза Джонсона тотчасъ же были обезоружены громкими увѣреніями Юга въ безграничной покорности. Ни извѣстная гордость южныхъ рабовладѣльцевъ, ни сантиментальныя воспоминанія о прежнемъ своемъ величіи, нисколько не удерживали ихъ отъ этихъ увѣреній, которыя казались своевременными и необходимыми для укрощенія побѣдителя. По увѣренію нѣкоторыхъ газетъ, эта политическая дисциплина распространялась даже на массу населенія южныхъ штатовъ: каковы бы ни были рѣшенія руководителей юга, все бѣлое населеніе его поддерживало эти рѣшенія даже безъ предварительнаго обсужденія ихъ на митингахъ и въ газетахъ. Всякая жертва, налагаемая на Югъ исходомъ войны, какъ-то отмѣна невольничества и непризнаніе конфедератскаго долга, вся-

кая уступка сѣверу въ дѣлѣ возстановленія Союза, приносилась и дѣлались съ такою готовностью, которая заставляла сѣверъ думать, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о жертвахъ, а о совершенно добровольномъ отреченіи гражданъ Юга отъ извѣстныхъ своихъ правъ. Разсчетъ былъ составленъ чрезвычайно вѣрно, и политика Юга сопровождалась замѣчательнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ, какъ въ маѣ или въ іюнѣ мѣсяцѣ дѣла его, казалось, находились въ безнадежномъ состояніи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя уже можно бы было подумать, что граждане Юга, а не Сѣвера являются побѣдителями и тріумфаторами. Когда президентъ Джонсонъ вступалъ въ должность, онъ, какъ извѣстно, только и твердилъ о томъ, что измѣнники должны быть примѣрнымъ образомъ наказаны (а измѣнниками онъ считалъ почти всѣхъ гражданъ южныхъ штатовъ). Въ то время еще онъ внесъ въ свою прокламацію объ амнистіи статью объ исключеніи изъ амнистіи владѣльцевъ 20,000 долларовъ; этою мѣрою онъ съ одного удара уничтожилъ бы на Югѣ все, что тамъ оставалось аристократіи. Но едва только президентъ побылъ мѣсяца два въ «бѣломъ домѣ», и едва только онъ далъ нѣсколько аудіенцій конфедератамъ, искавшимъ помилованія, какъ «кровожадный теннесійскій демократъ» превратился въ миролюбивѣйшаго человѣка въ свѣтѣ. Джонсонъ былъ совершенно обезоруженъ покорностью и мнимою благонамѣренностью Юга; любезности предводителей Юга и ухаживаніе ихъ за строгимъ президентомъ вполнѣ достигли своей цѣли. Рабовладѣльцы Юга въ самомъ непродолжительномъ времени достигли того, что президентъ сильно подчинился ихъ вліянію; они совершенно овладѣли имъ, руководятъ всѣми его дѣйствіями, заставляютъ его произносить самыя примирительныя рѣчи и чуть не проливать слезъ умиленія при видѣ покорности и благонамѣренности Юга. Они осыпаютъ президента самою грубою лестью, неустанно толкуютъ о его высокой государственной мудрости, о прекрасномъ зрѣлищѣ, доставляемомъ имъ всему міру великодушнымъ пользованіемъ своей побѣдой, и т. д. Сынъ народа, Джонсонъ, который не привыкъ къ такому льстивому и вкрадчивому обращенію, былъ польщенъ ухаживаніемъ гордой аристократіи Юга за нимъ, темнымъ и бѣднымъ плебсемъ, заслушивался ихъ льстивыхъ похвалъ, и старался все болѣе и болѣе отличиться своимъ великодушіемъ. Это великодушіе переходило часто въ непростительное потворство и въ достойную сожалѣнія слабость. Такъ напр. право амнистіи, право помилованія побѣжденныхъ противниковъ, есть безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ лучшихъ правъ, которыми только пользуется власть, и широкое примѣненіе этого права конечно дѣло прекрасное и заслуживающее всякаго сочувствія. Но когда этимъ правомъ

пользуются зря, когда оно служитъ къ тому, чтобы возвратить людямъ безусловно вреднымъ для общества возможность возобновить и продолжать свою дѣятельность съ новою силою, тогда фальшивое и вредное для общества примѣненіе этого права вмѣсто сочувствія вызываетъ только сожалѣніе и негодованіе. Именно это и случилось въ недавнее время въ Америкѣ въ отношеніяхъ Джонсона къ предводителямъ конфедераціи. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ со времени сдачи генерала Ли и Джонстона, какъ президентъ Джонсонъ даровалъ уже амнистію всѣмъ военноплѣннымъ конфедератамъ и даже генераламъ ихъ, съ однимъ только условіемъ — чтобы они принесли присягу на вѣрность Союзу. Это было только великодушно; это была такая грандіозная черта умѣренности въ пользованіи своею побѣдою, которую трудно найти въ исторіи, и которая дѣлаетъ честь тому, кто проявилъ ее. Но дальше великодушіе превращается уже въ слабость. Для того, чтобы сдѣлать безвреднымъ для себя статью о владѣльцахъ 20.000 долл., рабовладѣльцы Юга устроили настоящую машину для полученія декретовъ о помилованіи; машина эта съ замѣчательнымъ искусствомъ работаетъ день и ночь, и постоянно съ одинаковой пользой. Въ одну или двѣ недѣли она можетъ превратить самаго чистокровнаго конфедерата въ преданнѣйшаго и невиннѣйшаго гражданина Союза. Въ теченіи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ Джонсонъ подписывалъ среднимъ числомъ до 2,000 помилованій въ день, и при этомъ разумѣется нечего было и думать о строгомъ разсмотрѣніи тѣхъ правъ, которыя извѣстное лицо имѣетъ на помилованіе. Мѣстныя власти въ южныхъ штатахъ выдавали всякому, кто только желалъ того, свидѣтельство о томъ, что проситель не былъ членомъ комитетовъ, преслѣдовавшихъ враговъ конфедераціи, что онъ самъ не охотился и не приказывалъ охотиться съ собаками за неграми, что онъ лично никого не застрѣлилъ и не повѣсилъ—и этого свидѣтельства было достаточно. Не было даже принято никакихъ мѣръ для того, чтобы провѣрить вѣрность подобныхъ свидѣтельствъ, и всякаго, кто являлся съ такимъ сомнительнымъ документомъ, возстановляли во всѣхъ его гражданскихъ правахъ. Такимъ образомъ признаны были надежными гражданами союза вице-президентъ южной конфедераціи Стифенсъ, большая часть конфедератскихъ министровъ, и однимъ словомъ всѣ предводители возстанія за исключеніемъ одного только Джеффersона Дэвиса. Если же кто либо изъ аристократовъ считалъ слишкомъ унизительнымъ для себя просить о помилованіи и похлопотать о доставленіи въ Вашингтонъ свидѣтельства о благонадежности, то пріятели его хлопотали за него, и ему нежданно-негаданно присылали декретъ о помилованіи на домъ. Для того, чтобы получить аудіенцію у Джонсона, достаточно

было имѣть званіе гражданина Юга: немедленно давалась аудіенція, и раскаявшійся гражданинъ южныхъ штатовъ осыпался любезностями. Однимъ словомъ, Джонсонъ торопился возвратить самымъ ожесточеннымъ врагамъ Союза, сѣверныхъ штатовъ и отмѣны невольничества—всѣ ихъ политическія права, не позаботившись предварительно о разширеніи политическихъ правъ другой, угнетенной доселѣ части населенія южныхъ штатовъ. Если бы возвращеніе всѣхъ политическихъ правъ блуднымъ, но далеко не раскаявшимся сынамъ Союза сопровождалось такими мѣрами, которыя дѣлали бы безвреднымъ ихъ вліяніе на своихъ согражданъ, то, и опять повторяемъ, эта мѣра не заслуживала бы ничего кромѣ похвалы, и намъ меньше чѣмъ кому нибудь пришло бы въ голову дѣлать изъ этого упрекъ Джонсону. Но теперь случилось то, что Джонсонъ сдѣлалъ полновластными хозяевами въ южныхъ штатахъ тѣхъ самыхъ людей, которые доселѣ пользовались своею властью для поддержанія у себя дома невольничества въ самомъ безобразномъ видѣ, и которые старались все болѣе и болѣе расширить свою власть въ Союзѣ для укрѣпленія и распространенія любезнаго имъ учрежденія.

Аристократія Юга, видя такой благопріятный для себя оборотъ въ настроеніи президента Джонсона, не преминула этимъ воспользоваться. Она, какъ мы уже говорили, ухаживала за президентомъ, старалась на словахъ убѣдить его въ томъ, что она самымъ искреннимъ образомъ предана Союзу и во всемъ намѣрена слѣдовать начертанной имъ политикѣ. Видя, что неудобно выставлять открыто прежнее свое знамя, рабовладѣльцы рѣшились перемѣнить даже для виду свое знамя, разсудивши, что эта перемѣна знамени не помѣшаетъ имъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Съ этою цѣлью они принимали для виду нѣкоторыя мѣры, которыя должны были утвердить въ Джонсонѣ увѣренность въ ихъ благонадежности: такъ напр. законодательныя собранія большей части невольничьихъ штатовъ приняли поправку къ конституціи, гласившую, что невольничество отмѣняется навсегда на всемъ протяженіи Союза (въ то время, какъ даже изъ сѣверныхъ штатовъ не всѣ приняли эту поправку). Несмотря на такую поспѣшность, возбудившую неописанную радость у добродушныхъ либераловъ, очевидно было, что это былъ съ ихъ стороны только ловкій маневръ, что въ настоящемъ случаѣ ими руководило только желаніе усыпить довѣрчиваго президента, сдѣлавши видъ, будто невольничій Югъ самымъ искреннимъ образомъ отказывается отъ своихъ преданій и принциповъ. Но будучи знакомымъ съ этими преданіями и принципами, и имѣя также нѣкоторое понятіе о необыкновенной политической ловкости рабовлавладѣльцевъ, можно было даже апріористически придти къ тому заключенію, что торопливость

рабовладѣльцевъ-законодателей въ принятіи вышеупомянутой статьи конституціи и вообще въ преданности ихъ къ Джонсоновской политикѣ, неискренно и происходитъ изъ довольно нехорошихъ побужденій. Факты пришли на помощь такому взгляду на отношенія Юга къ Союзу, и доказали самымъ несомнѣннымъ образомъ, что ненависть Юга къ Сѣверу нисколько не ослабѣла, что привязанность южанъ къ своему «особому учрежденію» (peculiar institution) тоже сильнѣе, нежели когда либо, и что соглашаясь признать de jure отмѣну невольничества, они и не думаютъ признать ее de facto. Не смотря на осторожность и ловкость ихъ, они съ теченіемъ времени становились все смѣлѣе и смѣлѣе, и по мѣрѣ того, какъ убѣждались въ слабости Джонсона, стали все откровеннѣе и откровеннѣе скидать маску. Фактовъ, характеризующихъ настоящее настроеніе бывшихъ сепаратистскихъ штатовъ, чрезвычайно много. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, которые безъ сомнѣнія не оставятъ въ умѣ нашихъ читателей ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какъ слѣдуетъ понимать покорность и благонамѣренность Юга.

Мы уже говорили въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обозрѣній, что̀ за люди были тѣ губернаторы, которыхъ президентъ Джонсонъ назначилъ въ недавно покоренные штаты, и насколько можно было ожидать отъ нихъ искренняго содѣйствія союзнымъ властямъ при введеніи новыхъ порядковъ въ этихъ штатахъ. Послѣ того случилось еще нѣсколько фактовъ, выставившихъ въ самомъ блистательномъ свѣтѣ непредусмотрительность Джонсона, назначившаго на должности губернаторовъ самыхъ отчаянныхъ конфедератовъ. Такъ напр. онъ назначилъ временнымъ губернаторомъ Южной Каролины (штата, стоявшаго всегда во главѣ всѣхъ невольничьихъ штатовъ) нѣкоего Перри, который еще за нѣсколько дней до своего назначенія объявилъ, что никто не можетъ чувствовать болѣе чѣмъ онъ униженіе и стыдъ, претерпѣнный южными штатами въ послѣднее время; но онъ утѣшался тою мыслью, что при настоящихъ обстоятельствахъ самые интересы южныхъ штатовъ требовали возвращенія ихъ въ Союзъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не преминулъ объявить, что Югъ покорился исключительно только превосходству матеріальной силы, и что нужно выждать благопріятнаго времени, для того, чтобы свергнуть тяжелое и несносное иго. Союзному же правительству онъ совѣтовалъ быть великодушнымъ къ побѣжденнымъ непріятелямъ, оказавшимъ столь геройское сопротивленіе, если только оно желаетъ прочнаго возстановленія Союза. Всѣ эти надменныя рѣчи не помѣшали однако же ему, послѣ назначенія его губернаторомъ, увѣрять президента въ томъ, что онъ твердо намѣренъ употребить все свое вліяніе для того, чтобы сдѣлать изъ ввѣреннаго ему штата вѣр-

наго члена Союза. Онъ притворился даже на столько скромнымъ, что попросилъ себѣ у военныхъ властей Южной Каролины инструкцій насчетъ того, какъ ему слѣдуетъ поступать въ вопросѣ о неграхъ и въ другихъ вопросахъ, для того, чтобы не сдѣлать чего нибудь несогласнаго съ видами центральнаго правительства. Но на самомъ дѣлѣ приверженные къ бывшей конфедераціи губернаторы и другіе чиновники продолжали вести себя въ южныхъ штатахъ такъ же, какъ они вели себя до войны. Такъ напр. въ Виргиніи, а также и въ другихъ штатахъ, они отказывались допускать неграмъ свидѣтелями противъ бѣлыхъ. Когда по этому случаю произошло столкновеніе между мѣстными судами и военными властями, судьи ссылались на статьи будто бы неотмѣненнаго еще закона о неграхъ, выказывая этимъ желаніе игнорировать все, что совершено было во время войны и послѣ прекращенія ея въ разрѣшеніи невольничьяго вопроса. Въ той же самой Виргиніи, равно какъ и въ обѣихъ Каролинахъ, въ Миссисипи, въ Кентукки и т. д., выбраны были въ члены мѣстныхъ конвентовъ, а также и въ другія должности, замѣщаемыя по избранію, люди извѣстные своею враждою къ Сѣверу и своею привязанностью къ невольничеству, люди сражавшіеся въ рядахъ конфедераціи, принимавшіе самое дѣятельное участіе въ возстаніи, и едва только помилованные; только такіе люди и могли имѣть надежду на успѣхъ. Они называли себя для приличія консервативною партіею, но въ настоящемъ случаѣ они хотѣли сохранить именно тотъ порядокъ, который существовалъ на Югѣ до войны. Для того чтобы вѣрнѣе достигнуть этого результата, мѣстныя власти лишили всѣхъ военныхъ, служившихъ въ федеральной арміи, но принадлежавшихъ къ гражданамъ южныхъ или среднихъ штатовъ, права подавать свои голоса, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не могутъ быть избирателями, не живши въ своемъ штатѣ извѣстное время, проведенное имп на войнѣ. Когда военныя власти въ Виргиніи и Кентукки кассировали на этомъ основаніи произведенные тамъ выборы, какъ вполнѣ незаконные, тогда сторонники невольничества увидѣли въ этомъ фактѣ желанный поводъ къ тому, чтобы поднять вопль о неслыханномъ, невыносимомъ военномъ деспотизмѣ, которымъ союзное правительство угнетаетъ покоренный Югъ. И Джонсонъ былъ на столько слабъ, что слушался этихъ воплей, и въ большей части случаевъ дѣлалъ военнымъ властямъ выговоры за кассированіе неправильно произведенныхъ выборовъ, и приказывалъ имъ считать помилованныхъ гражданъ вполнѣ благонадежными гражданами, и не подвергать ихъ никакимъ ограниченіямъ. Ободренные сильною поддержкою, оказываемою имъ изъ Вашингтона, видя, что при помощи Джонсона имъ удалось замѣстить всѣ сколько нибудь важныя мѣста людьми

изъ своего же лагеря, рабовладѣльцы Юга становились все смѣлѣе и смѣлѣе въ своей политикѣ, враждебной Союзу и отмѣнѣ невольничества. Законодательства различныхъ штатовъ (какъ напр. Южной Каролины) не только дѣлали постановленія о томъ, что слѣдуетъ хлопотать о прощеніи Дэвиса, что ни одинъ изъ гражданъ Юга не долженъ подвергаться преслѣдованію за участіе въ возстаніи, но доходили даже до такой дерзости, что отмѣняли для своего штата всѣ законы, изданные въ Вашингтонѣ во время войны; такимъ образомъ они предоставляли себѣ право не утверждать ни отмѣны невольничества, ни какой либо другой, непріятной имъ мѣры. Нѣкоторые штаты требовали, чтобы союзное правительство признало долгъ конфедератовъ, сдѣланный ими для начатія и веденія войны. Штатъ Луизіана зашелъ еще далѣе, и осмѣлился представить президенту прошеніе о томъ, чтобы назначено было изъ государственныхъ суммъ вспомоществованіе тѣмъ южнымъ штатамъ, которые обѣднѣли вслѣдствіе недавней войны. Джорджійскій конвентъ потребовалъ, чтобы союзное правительство вознаградило плантаторовъ Юга за тотъ хлопокъ, который уничтоженъ былъ Шерманомъ во время прошлогодняго его похода черезъ этотъ штатъ. Другіе штаты просили о выдачѣ имъ двухъ или трехъ милліоновъ долларовъ для вознагражденія плантаторовъ, пострадавшихъ отъ уничтоженія невольничества. Большая часть южныхъ плантаторовъ, кромѣ того, громко кричали о необходимости значительнаго сокращенія арміи, о необходимости совершенно очистить южные штаты отъ союзныхъ войскъ и предоставить самимъ гражданамъ Юга охраненіе порядка въ своихъ штатахъ. Это ихъ требованіе, которое, какъ и большая часть другихъ требованій ихъ, было отчасти исполнено президентомъ, подало между прочимъ поводъ къ слѣдующему интересному столкновенію между военными и вновь избранными гражданскими властями въ южныхъ штатахъ. Временный гражданскій губернаторъ штата Миссисипи, Шарки, ревностный конфедератъ, вздумалъ вооружить милицію изъ бѣлаго населенія штата, для защиты бѣлыхъ собственниковъ отъ разбоевъ негровъ и вообще для поддержанія порядка въ штатѣ. Союзные генералы Слокумъ и Остергаузъ, командовавшіе войсками, расположенными въ этомъ штатѣ, воспротивились образованію милиціи, полагая, что людямъ, еще такъ недавно поднимавшимъ оружіе для защиты невольничества, покуда еще никакъ не слѣдуетъ довѣрять судьбу негровъ. Министры Сьюардъ и даже Стантонъ (который вмѣстѣ съ генераломъ Слокумъ принадлежитъ къ партіи демократической, т. е. къ партіи, враждебной аболиціонистскимъ тенденціямъ) высказались въ томъ смыслѣ, что во вновь покоренныхъ штатахъ военныя власти должны имѣть перевѣсъ надъ гражданскими властями, въ особен-

ности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ негровъ. Но Джонсонъ, увлекшись своими мечтаніями о возможно скоромъ возстановленіи законнаго порядка вещей во всей странѣ, рѣшилъ это дѣло иначе, и написалъ къ губернатору Шарки письмо, въ которомъ онъ одобрялъ учрежденіе милиціи изъ гражданъ штата, какъ мѣру, дозволяющую уменьшать регулярную армію и облегчать расходы народной казны. Въ то же время онъ высказался въ томъ смыслѣ, что граждане сами должны заботиться о своихъ интересахъ, и выразилъ полное свое довѣріе къ благоразумію гражданъ южныхъ штатовъ; при этомъ случаѣ онъ подтвердилъ свое увѣреніе, не разъ уже высказанное имъ различнымъ депутаціямъ южныхъ штатовъ, увѣреніе въ томъ, что онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ увидѣть, въ возможно скоромъ времени, штаты ихъ возвращенными въ Союзъ со всѣми ихъ прежними правами. Подтверждая слова свои дѣйствіями, онъ распорядился о томъ, чтобы изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Юга войска были совершенно удалены, и чтобы въ другихъ мѣстностяхъ значительно уменьшено было число ихъ. — Штатъ Миссисипи, въ которомъ произошло только что описанное нами столкновеніе, и который особенно отличался между всѣми другими штатами Юга своею дерзостью относительно союзной власти, пересталъ даже заботиться о сохраненіи внѣшняго вида благонамѣренности: такъ онъ почти одинъ изъ всѣхъ южныхъ штатовъ отказался не только отъ принятія, но даже отъ разсмотрѣнія статьи конституціи, относящейся къ отмѣнѣ невольничества. Плантаторы этого штата нашли также нужнымъ отказаться отъ губернатора Шарки, который такъ ревностно защищалъ ихъ интересы, и выбрать себѣ въ губернаторы непомилованнаго еще сецессіониста, генерала Гомфрея, не смотря на то, что въ силу изданной Джонсономъ еще въ маѣ мѣсяцѣ амнистіи, непомилованный гражданинъ Юга не имѣлъ даже права засѣдать въ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ, а не только что держать въ своихъ рукахъ высшую правительственную власть въ штатѣ. Самъ Гомфрей считалъ несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ просить президента о помилованіи; но Джонсонъ зашелъ такъ далеко въ своей уступчивости относительно южныхъ штатовъ, что самъ поспѣшилъ послать къ Гомфрею указъ о помилованіи и утвердить его въ должности, по одному только ходатайству безкорыстнаго губернатора Шарки, отрекомендовавшаго президенту своего преемника, какъ надежнѣйшаго и благонамѣреннѣйшаго гражданина. Гомфрей разумѣется поспѣшилъ воспользоваться такъ великодушно переданною ему властью въ интересахъ плантаторовъ, за которыхъ онъ стоялъ еще тверже, нежели вышеупомянутый нами Шарки: онъ поспѣшилъ смѣнить всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ временнымъ губернаторомъ, и

замѣнить ихъ еще болѣе чистокровными сецессіонистами (то же самое случилось и въ Виргиніи послѣ замѣщенія временнаго губернатора губернаторомъ, избраннымъ конгрессомъ); онъ поспѣшилъ также довести до конца начатую его предшественникомъ организацію милиціи изъ бѣлаго населенія штата, которая, подъ предлогомъ поддержанія порядка въ штатѣ, принялась за преслѣдованіе освобожденныхъ негровъ. Примѣръ штата Миссисипи, выбравшаго себѣ въ губернаторы одного изъ наиболѣе отличавшихся и еще не помилованнаго генерала конфедератской арміи, подѣйствовалъ повидимому заразительно на другіе штаты, потому что вслѣдъ затѣмъ штатъ Южная Каролина выбралъ себѣ въ постоянные губернаторы генерала Вэда Гэмптона, замѣчательнаго тѣмъ, что послѣ сдачи Ли и Джонстона онъ все-таки никакъ не хотѣлъ покориться Союзу и пытался продолжать сопротивленіе одинъ съ своимъ отрядомъ.—Однимъ словомъ, факты, доказывающіе неискренность и упорство южной аристократіи, доказывающіе, что и во время послѣднихъ событій она ничему не научилась и ничего не забыла, столь многочисленны, что нѣтъ никакой возможности перечислить ихъ всѣ; да къ тому же мы полагаемъ, что это было бы и безполезно, потому что и приведенные нами факты достаточно краснорѣчивы. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ здѣсь еще нѣсколько отзывовъ очевидцевъ о настоящемъ настроеніи бѣлаго населенія Юга, и затѣмъ перейдемъ къ важному вопросу о положеніи чернаго населенія южныхъ штатовъ и объ отношеніяхъ его къ мѣстному бѣлому населенію и къ союзнымъ властямъ.

Нѣмецкій путешественникъ Винклеръ проѣзжалъ черезъ южные штаты осенью прошлаго года, и пришелъ къ тому заключенію, что большинство бѣлаго населенія этихъ штатовъ питаетъ непримиримую злобу къ сѣвернымъ янки и къ неграмъ. На миссисипскомъ пароходѣ ему пришлось ѣхать почти исключительно только съ одними самыми закоснѣлыми сецессіонистами. Отъ своихъ спутниковъ онъ только и слышалъ брань на негодныхъ, дерзкихъ негровъ, которые съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе безстыдными, и на тупоголовыхъ янки, которые поощряютъ ихъ къ этому; дамская и мужская компанія какъ бы соперничали въ томъ, кто скажетъ болѣе обиднаго для янки и для негровъ. Вотъ какимъ образомъ Винклеръ описываетъ сцену, происшедшую у знаменитаго форта Пиллоу: «Мы проѣзжали мимо страшной памяти форта Пиллоу. На этомъ самомъ мѣстѣ совершены были самыя постыдныя неистовства надъ гарнизономъ форта, сдавшимся на почетныхъ условіяхъ, послѣ самаго мужественнаго сопротивленія; здѣсь Югъ поставилъ себѣ незыблемый памятникъ позора; здѣсь защитники его перерѣзали обезоруженныхъ

негровъ, выстроивши ихъ предварительно въ шеренгу и отрубая имъ головы по порядку; здѣсь они прибивали плѣнныхъ союзныхъ солдатъ гвоздями къ доскамъ и бросали ихъ въ горѣвшія зданія; здѣсь они бросали женщинъ и дѣтей въ воду, и стрѣляли по тѣмъ, которые хотѣли спасти ихъ. Въ то время, какъ я стоялъ въ задумчивости, вспоминая обо всѣхъ этихъ ужасахъ, чья-то рука дотронулась до моего плеча. Я обернулся и увидѣлъ ухмыляющуюся физіономію одного инженера: ««Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, смѣясь: они изжарили и потопили негровъ. Славное мѣсто!»» Я плюнулъ и отвернулся отъ него съ презрѣніемъ, не удостоивши его отвѣтомъ. Все общество, стоявшее вокругъ насъ, засмѣялось, и съ этихъ поръ стало уже считать меня за янки». — На этомъ же самомъ пароходѣ Винклеръ встрѣтился съ союзнымъ генераломъ, нѣмцемъ Карломъ Шурцемъ, который, по порученію президента Джонсона, объѣзжалъ южные штаты, для того чтобы ознакомиться съ тамошнимъ положеніемъ дѣлъ (о результатахъ поѣздки Шурца мы будемъ говорить ниже). Въ разговорѣ съ Винклеромъ Шурцъ слѣдующимъ образомъ отзывался о настоящемъ настроеніи Юга: «Спокойствіе въ южныхъ штатахъ вынужденное, и раздраженіе противъ Сѣвера здѣсь такъ сильно, что если бы сегодня были выведены оттуда всѣ союзныя войска, завтра тамъ не могъ бы жить ни одинъ человѣкъ, преданный Союзу. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находятся на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста расположенія войскъ, и теперь господствуетъ сильнѣйшая анархія, и ни одинъ негръ или приверженецъ Союза не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. На югѣ случается теперь столько убійствъ, что есть отъ чего придти въ ужасъ, и больше чѣмъ на половину эти преступленія остаются неизвѣстными. Для того чтобы получить понятіе о степени кровожадности южанъ, нужно, подобно мнѣ, побывать во многихъ госпиталяхъ; нужно видѣть обезображенныхъ негровъ, лишенныхъ носовъ, ушей и глазъ, для того чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о характерѣ южанъ; эти неистовства ихъ прекратятся тогда только, когда бѣлымъ жителямъ Юга доказано будетъ, со всею строгостью законовъ, что жизнь негра стоитъ совершенно столько же. Вообще же я полагаю, что единственное средство для преобразованія и возрожденія Юга заключалось бы въ вооруженной колонизаціи Юга жителями сѣверныхъ штатовъ; для этого молодые, сильные, смѣлые янки должны бы образовать вооруженныя общества, селиться въ южныхъ штатахъ цѣлыми такими обществами и обработывать богатую почву юга при помощи наемныхъ негровъ. Вообще всѣ безпристрастные корреспонденты изъ южныхъ штатовъ согласны въ томъ, что нравственное состояніе бѣлаго общества на Югѣ крайне печальное. Они всѣ утверждаютъ,

что самый безстыдный произволъ и племенная спѣсь до сихъ поръ являются характеристическими чертами большей части южанъ. Плантаторы всегда отличались пьянствомъ, развратомъ и праздностью; но съ прекращеніемъ войны и съ распущеніемъ сепаратистскихъ армій всѣ эти пороки усилились въ значительной степени. И прежде бѣлое населеніе Юга работало очень мало: теперь же оно положительно ничего не дѣластъ подъ тѣмъ предлогомъ, что оно разорено войною. Оно требуетъ, чтобы союзное правительство, разорившее его, теперь содержало его; и дѣйствительно весьма значительная часть южанъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ войны, буквально жили на счетъ правительства. Сами же они все это время ничего не дѣлали, какъ пьянствовали, развратничали и ругали кормившее ихъ правительство. Рыцарскія же наклонности и рыцарскій характеръ ихъ, о которыхъ столько прокричали европейскіе друзья ихъ, обнаруживаются только тѣмъ, что они всегда готовы застрѣлить изъ револьвера того, кто не имѣетъ при себѣ револьвера. Неумѣніе южанъ забыть старое и научиться чему нибудь новому обнаружилось не только въ отношеніяхъ ихъ къ покорившему ихъ Сѣверу и къ союзной власти, но также и въ отношеніяхъ ихъ къ бывшимъ своимъ неграмъ-невольникамъ. Бѣлые южане никакъ не хотятъ свыкнуться съ мыслью, что негры не находятся уже въ прежнихъ отношеніяхъ къ нимъ; съ другой стороны они хотятъ выместить на нихъ свою досаду за неуспѣхъ своего дѣла, и поэтому всячески мучили и терзали ихъ. «Всѣ природные южане, говоритъ корреспондентъ газеты «Nation», какъ бѣдные и ничтожные, такъ и богатые и вліятельные, какъ сепаратисты, такъ и уніонисты, всѣ одинаково искренно презираютъ черныхъ людей. Всякій южанинъ чувствуетъ къ негру ненависть и презрѣніе, и это презрѣніе одинаково относится, какъ къ нравственнымъ качествамъ, такъ и къ умственнымъ способностямъ, такъ даже и къ рабочей силѣ его. Плантаторы требуютъ отъ негровъ такого повиновенія, которое можетъ быть установлено только насиліемъ. Отсюда происходитъ цѣлый рядъ столкновеній между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ Юга и неистовствъ перваго надъ послѣднимъ. Вышеупомянутый нами путешественникъ Викклеръ выдаетъ за достовѣрное, что въ штатѣ Луизіана существуютъ особыя ассоціаціи, поставившія себѣ цѣлью искорененіе негровъ. Во многихъ штатахъ, и въ особенности въ Миссиссипи, негры бывали убиваемы подъ самыми ничтожными предлогами (такъ напр. генералъ Шурцъ разсказываетъ о томъ, что нѣсколько негровъ были застрѣлены за то, что они украли нѣсколько перешковъ изъ сада плантатора). Но не говоря уже о такихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ неистовства и кровожадности, случающихся те-

перь послѣ уничтоженія невольничества, мы видимъ еще со стороны мѣстныхъ властей, мѣстнаго законодательства самое упорное желаніе игнорировать прокламацію Линкольна отъ 22 сентября 1862 г., объявляющую о прекращеніи невольничества въ южныхъ штатахъ. Мы видимъ со стороны властей и законодательства самую систематическую оппозицію всякой попыткѣ измѣнить положеніе негра относительно его гражданскихъ и политическихъ правъ. Мы говорили уже выше, что нѣкоторыя изъ законодательныхъ собраній южныхъ штатовъ (болѣе ловкія и хитрыя) приняли для виду поправку къ конституціи, установляющую de jure отмѣну невольничества (Алабама, Сѣверная Каролина и другіе). Но эти же самые штаты вмѣстѣ съ принятіемъ этой законодательной мѣры или дѣлали постановленія о томъ, что союзное правительство не имѣетъ права издавать законы для защиты освобожденныхъ негровъ, или же объявляли, что принятіе закона объ освобожденіи негровъ ни мало не влечетъ за собою необходимости расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ ихъ. Въ другихъ случаяхъ законодательныя собранія южныхъ штатовъ еще менѣе церемонились въ своихъ постановленіяхъ, враждебныхъ неграмъ. Въ штатѣ Джорджія мѣстныя власти, немедленно послѣ вступленія своего въ должность, принялись сгонять негровъ съ тѣхъ участковъ земли, которые генералъ Шерманъ роздалъ имъ около Саванны послѣ прошлогодняго похода своего черезъ этотъ штатъ, и потребовалось вмѣшательство союзныхъ военныхъ властей для того, чтобы воспрепятствовать этому. Въ Кентукки мѣстныя власти приказали всѣмъ бывшимъ невольникамъ немедленно возвратиться на плантаціи своихъ господъ, угрожая возвратить ихъ туда насильно, въ случаѣ если они не возвратятся туда къ извѣстному дню. Большая часть законодательствъ южныхъ штатовъ спѣшила назначить самыя строгія тѣлесныя наказанія для негровъ за неисполненіе условій ихъ относительно плантаторовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ со стороны мѣстныхъ властей были начаты противъ негровъ процессы за убійство: поводомъ къ этимъ процессамъ служило то, что во время войны негры эти, по приказанію своихъ начальниковъ, принимали участіе въ казни сепаратистскихъ гверильясовъ. Въ другихъ штатахъ возвратившіеся изъ армій негры были преданы суду, потому что на основаніи законовъ, существовавшихъ до начала войны, они не имѣли права носить оружіе. Большая часть южныхъ штатовъ подтвердили законъ, запрещающій неграмъ быть свидѣтелями передъ судомъ: если такимъ образомъ плантаторъ убивалъ негра хотя бы въ присутствіи 20-ти негровъ, то онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности, потому что свидѣтельства этихъ негровъ не имѣли ни малѣйшаго значенія. Конгрессъ штата Алабама, обсу-

давши законъ о запрещеніи браковъ между бѣлыми и черными, назначилъ за это преступленіе (!) слѣдующее наказаніе: для бѣлаго, изобличеннаго въ немъ — тюремное заключеніе, для негра же — биченье плетью и клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ. За сожительство внѣ брака назначено было для бѣлаго—денежная пеня, для негра или негритянки—не менѣе ста ударовъ кнутомъ.

Обращаясь такимъ образомъ съ неграми теперь, послѣ пораженія своего въ междоусобной войнѣ, плантаторы стараются увѣрить всѣхъ и каждаго, что иначе съ ними и нельзя обращаться, что невольничество составляетъ единственно возможную форму существованія для негровъ, и что внѣ невольничества ихъ ожидаетъ окончательная погибель—потому что ни одинъ изъ нихъ ничего не будетъ дѣлать, если надъ ними не будетъ постоянно поднята палка, и всѣ они до одного непремѣнно погибнутъ отъ голода. Самые добродушные изъ плантаторовъ съ сожалѣніемъ отзываются о неграхъ. — «Бѣдные негры, говорятъ они; имъ суждено совершенно изчезнуть. Рабство если и угнетало ихъ, то въ то же время доставляло имъ возможность существованія. Дайте негру общественную и политическую равноправность, это нисколько ему не поможетъ. Предоставленный самому себѣ въ борьбѣ за существованіе съ высшимъ племенемъ, онъ непремѣнно погибнетъ. Система, тяжелая для личности негра, служила однако охраною для всего чернаго племени; а филантропы съ своими системами, стремящимися къ возвышенію человѣческой личности, доведутъ до истребленія цѣлую расу». Въ подтвержденіе подобныхъ взглядовъ своихъ на вопросъ о неграхъ, плантаторы ссылаются на разные современные факты, свидѣтельствующіе будто бы о крайней, невообразимой лѣности негровъ, о совершенной неспособности ихъ работать при существованіи свободнаго труда. Дѣйствительно бывали случаи, гдѣ негры отказывались работать, отчего происходила между ними нищета, голодъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже буквально умирали съ голоду. Но на это можно замѣтить въ 1-хъ, что случаи отказа отъ всякой работы случались только въ нѣкоторыхъ, и даже въ немногихъ мѣстахъ, а не во всѣхъ, какъ утверждаютъ плантаторы. Во 2-хъ, въ подобныхъ проявленіяхъ невѣжества и испорченности негровъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы они проявлялись не отдѣльными случаями, а повсемѣстно, были бы виноваты одни только плантаторы, а вовсе не негры, потому что никто другой, какъ плантаторы тщательно заботились о томъ, чтобы держать негровъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, въ состояніи крайней грубости и невѣжества, въ какомъ-то полуживотномъ состояніи; нужно удивляться тому, какимъ образомъ негры могли достигнуть даже той степени развитія, на которой мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Въ 3-хъ же, нужно принять въ соображеніе и то,что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ негры вмѣсто того, чтобы работать, предпочитаютъ сидѣть сложа руки, то это происходитъ не отъ лѣности и негодности ихъ, какъ о томъ кричатъ плантаторы, а отъ того, что плантаторы, желая возбудить въ нихъ сожалѣніе о состояніи невольничества, даютъ имъ такую заработную плату, которая положительно не удовлетворяетъ даже умѣреннымъ потребностямъ негровъ; они желаютъ ввести такимъ образомъ у себя нѣчто въ родѣ обязательной барщины.

Въ послѣднее время на помощь къ плантаторамъ, старающимся всюду пропагандировать свой взглядъ на вопросъ о неграхъ, явился неожиданный союзникъ — главнокомандующій союзной арміей, генералъ Грантъ. Объѣхавши нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ, онъ, по возвращеніи своемъ въ Вашингтонъ, высказалъ президенту въ своемъ отчетѣ такіе взгляды на положеніе этихъ штатовъ, и въ особенности на положеніе тамъ вопроса о неграхъ, которые не слишкомъ разнятся отъ взглядовъ южныхъ плантаторовъ. Грантъ жалуется на то, что въ большей части случаевъ негры отказываются возобновлять свои контракты съ плантаторами (въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго, въ этомъ никакъ нельзя видѣть и доказательства лѣности ихъ: весьма понятно, что они не имѣютъ особаго желанія остаться у прежнихъ своихъ господъ, которые вѣроятно ужь больно солоно пришлись имъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не желали работать у другихъ хозяевъ). Грантъ жалуется на крайнюю лѣность негровъ, и вполнѣ согласенъ съ южными плантаторами въ томъ, что негры предаются самой непростительной лѣности и праздности, считая слова эти синонимами съ словомъ свобода. (Здѣсь очевидно знаменитый полководецъ былъ введенъ въ заблужденіе самими плантаторами, для которыхъ дѣйствительно до сихъ поръ слова свобода и лѣность были синонимами... Грантъ, очевидно болѣе свѣдущій въ стратегіи, чѣмъ въ соціальныхъ вопросахъ, не имѣлъ къ тому же и достаточно времени, для того чтобы лично удостовѣриться въ положеніи негровъ, и повѣрилъ на слово лицемѣрнымъ плантаторамъ, наговорившимъ ему столько ужасовъ о неграхъ). Хотя Грантъ и совѣтуетъ не прекращать покровительства освобожденнымъ неграмъ; но совѣтуетъ также оставить въ южныхъ штатахъ небольшіе гарнизоны изъ бѣлыхъ, такъ какъ онъ предполагаетъ весьма возможнымъ возмущеніе негровъ. (Неизвѣстно, на какомъ основаніи плантаторы считали неминуемымъ всеобщее возмущеніе негровъ, которое должно было вспыхнуть на святкахъ, и отъ котораго они спѣшили прятаться въ города. Если они и раздражали негровъ своими возмутительными поступками, то благодаря въ особенности посредничеству ненавистныхъ плантаторамъ фридменовъ — о которыхъ рѣчь будетъ

ниже — волненіе между неграми не доходило до взрыва. Всѣ симптомы близкаго возмущенія были плодомъ трусости, разстроенной фантазіи и неспокойной совѣсти плантаторовъ, и никакихъ серьезныхъ признаковъ близкаго или далекаго возмущенія не было. Въ разныхъ мѣстахъ Виргиніи, гдѣ негры были уже болѣе привычны къ свободѣ, чѣмъ въ другихъ штатахъ, и гдѣ они поэтому не хотѣли покорно сносить насилій плантаторовъ, произошли драки между черными и бѣлыми; но этимъ дѣло и ограничилось). Президентъ Джонсонъ, который, какъ мы увидимъ ниже, смотрѣлъ на вопросъ о неграхъ съ точки зрѣнія, не много разнящейся отъ точки зрѣнія Гранта, опирался впослѣдствіи на этотъ отчетъ его, для того чтобы оправдать свой образъ дѣйствій въ вопросѣ о неграхъ. Но тѣ безпристрастные наблюдатели, которые всматривались въ это дѣло поближе, нежели завоеватель Виксбурга и Ричмонда, приходили къ совершенно инымъ заключеніямъ, нежели онъ, какъ относительно настоящаго положенія негровъ, такъ и относительно средствъ, при помощи которыхъ слѣдуетъ упрочить это положеніе. Всѣ свидѣтельства ихъ сходятся въ томъ, что вообще негры вовсе не бѣгаютъ отъ работы и усердно принимаются за нее при мало-мальски выгодныхъ условіяхъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ съ ними обходятся хорошо, гдѣ имъ даютъ приличную заработную плату и аккуратно выплачиваютъ ее, негры отлично исполняютъ свои обязанности. «Въ южныхъ штатахъ, говоритъ Шурцъ въ отчетѣ о своей поѣздкѣ (*), одни негры имѣютъ деньги, потому что они одни работаютъ». Капиталисты изъ сѣверныхъ штатовъ, переселившіеся на Югъ и скупившіе тамъ разоренныя плантаціи, обработываютъ свои земли рабочими руками вольнонаемныхъ негровъ, и находятъ такую обработку весьма выгодною: при помощи такъ называемыхъ «бюро фридменовъ», т. е. бюро, доставляющихъ вольный трудъ освобожденнымъ неграмъ, они получаютъ необходимое количество работниковъ, и негры охотно соглашаются работать у нихъ при мало-мальски сносныхъ условіяхъ. Наконецъ изъ отчетовъ правительственныхъ коммиссаровъ о положеніи негровъ, живущихъ на Югѣ въ качествѣ хозяевъ, а не въ качествѣ работниковъ (около Саванны, Виксбурга), оказывается, что дѣла ихъ шли такъ удачно (до предоставленія полной автономіи мѣстному бѣлому населенію), что коммиссары рекомендовали дать возможно большему количеству негровъ небольшіе участки земли и предоставить имъ

(*) Шурцъ не удовольствовался тѣмъ, что въ теченіи нѣсколькихъ недѣль пожилъ въ городахъ южныхъ штатовъ и поговорилъ съ плантаторами. Онъ въ теченіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ изъѣздилъ южные штаты по разнымъ направленіямъ, посѣщая плантаціи и лично удостовѣряясь въ настоящемъ положеніи дѣла.

дѣйствовать самостоятельно. Отчеты разныхъ правительственныхъ мѣстъ о выданныхъ ими вспоможеніяхъ указываютъ повидимому на довольно обезпеченное положеніе негровъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ они находятъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія. Такъ изъ 34 тысячъ негровъ, живущихъ въ округѣ Вашингтона, только 864 человѣка содержатся на счетъ правительства (въ томъ числѣ находятся многіе больные, или вдовы и дѣти черныхъ солдатъ, убитыхъ или изувѣченныхъ во время войны). Еще осенью прошлаго года въ штатахъ Кентукки и Теннесси на счетъ государства содержалось 979 человѣкъ, а къ новому году изъ нихъ не оставалось уже ни одного.

Говоря о положеніи негровъ на Югѣ, нельзя не упомянуть также о сравнительно значительной степени развитія ихъ и о необыкновенной, обнаруживаемой ими, любознательности. Недавно въ Виргиніи былъ такого рода случай: изъ 170 бѣлыхъ работниковъ, производившихъ для правительства какую-то работу, только три человѣка могли подписать при разсчетѣ свое имя; изъ 140 негровъ же 92 подписали свое имя. Винклеръ свидѣтельствуетъ также о томъ, что между чернымъ населеніемъ Юга замѣтна гораздо большая любознательность, нежели между бѣлымъ населеніемъ его. Въ школы Нью-Орлеана, говоритъ онъ, ходитъ до 20,000 негритянскихъ дѣтей обоего пола; въ этомъ же городѣ вечернія школы для взрослыхъ посѣщаются четырьмя тысячами взрослыхъ негровъ. «Опытъ, сдѣланный надъ неграми, говоритъ правительственный коммиссаръ Сакстонъ, назначенный для наблюденія за положеніемъ негровъ въ южной Каролинѣ, вполнѣ удался. Несмотря на всевозможныя препятствія, негры дѣлали постоянные успѣхи. Они доказали, что умѣютъ цѣнить свободу, какъ высшее благо; что руководимые тѣми же побужденіями, какъ и бѣлые работники, они въ такой же степени трудолюбивы и предусмотрительны; что они вполнѣ понимаютъ цѣну собственности, и въ особенности поземельной собственности, и что они очень охотно готовы пріобрѣтать ее. Они доказали, что невѣжество ихъ не есть результатъ ихъ природной неспособности, но является слѣдствіемъ прежняго положенія ихъ, что они въ высшей степени любознательны и склонны къ ученію; что они весьма скоро умѣютъ становиться въ уровень съ образованнымъ обществомъ, и также скоро освобождаются отъ пороковъ, неразлучныхъ съ рабствомъ. Они доказали, что въ отношеніи къ правдивости, честности и вѣрности, они отличаются отъ бѣлыхъ скорѣе въ хорошую, нежели въ дурную сторону; храбрость и способность свою къ военному дѣлу они доказали уже достаточно во время войны; однимъ словомъ, они доказали, что они наравнѣ съ бѣлыми согражданами своими обла-

даютъ всѣми наклонностями, ощущеніями, страстями, способностями и стремленіями, составляющими отличительный признакъ человѣческой природы». Генералъ Гоуардъ, директоръ «бюро фридменовъ», въ южныхъ штатахъ, тоже свидѣтельствуетъ о способности негровъ трудиться при существованіи вольнаго труда. Онъ полагаетъ, что вольный трудъ негровъ, несмотря на внезапность эманципаціи, можетъ быть чрезвычайно успѣшенъ, лишь бы только было возстановлено согласіе между работодателями и работниками и положенъ конецъ дерзкому притязанію плантаторовъ ввести невольничество подъ другою формою. Онъ подобно Гранту говоритъ въ своемъ докладѣ о нежеланіи негровъ работать у прежнихъ своихъ владѣтелей; но только не выводитъ изъ этого нежеланія никакихъ дальнѣйшихъ заключеній касательно лѣности и неспособности ихъ работать. Онъ отзывается очень рѣзко о той враждебности, которую оказываетъ бѣлое населеніе Юга къ учрежденію школъ для негровъ, потому что грамотный негръ, по мнѣнію плантаторовъ, ни къ чему не годенъ. Гоуардъ рекомендуетъ ввести на Югѣ полную равноправность между черными и бѣлыми и учредить повсюду въ южныхъ штатахъ союзные суды, вмѣсто мѣстныхъ судовъ, для того, чтобы защитить негровъ противъ тѣхъ притѣсненій и несправедливостей, которымъ они подвергаются со стороны судей, сражавшихся за сохраненіе невольничества. Кромѣ того онъ предлагаетъ оставить въ южныхъ штатахъ существующее тамъ спеціальное учрежденіе для защиты освобожденныхъ негровъ, а именно упомянутое уже нами бюро фридменовъ, въ которомъ онъ видитъ хорошій противовѣсъ для уравновѣшенія отношеній черныхъ и бѣлыхъ и хорошее средство противъ наклонности къ насилію и угнетенію, обнаруживаемой Югомъ. Онъ весьма краснорѣчивыми цифрами доказываетъ необходимость этого учрежденія. Съ марта прошлаго года онъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи всѣ земли, покинутыя мятежными плантаторами, и на немъ лежала обязанность заботиться о матеріальномъ и нравственномъ состояніи нѣсколькихъ милліоновъ освобожденныхъ невольниковъ. Отрасли этого бюро разсѣяны по всѣмъ невольничьимъ штатамъ; въ распоряженіи его находилось свыше 250,000 десятинъ земли. Бюро и отдѣленія его предоставляли неграмъ полную свободу въ выборѣ нанимателей и въ условіяхъ о заработной платѣ. Онъ требовалъ, чтобы контракты между плантаторами и неграми заключались по добровольному взаимному соглашенію; но каждый договоръ имѣлъ обязательную силу только тогда, когда его утверждало бюро фридменовъ. Бюро само не назначало заработной платы; но оно не допускало плантаторовъ обманывать негровъ, не понимающихъ юридическихъ крючковъ. Учреждены были по всѣмъ

городамъ справочныя мѣста для полученія необходимыхъ свѣдѣній касательно запроса и предложенія труда. Въ этихъ же справочныхъ мѣстахъ плантаторы могли и нанимать рабочихъ (*). Бюро фридменовъ заботились также о поддержаніи существующихъ школъ для негровъ и о заведеніи новыхъ. Они доставляли также неграмъ средства къ передвиженію изъ одного штата въ другой; они же въ случаѣ надобности кормили голодныхъ негровъ. Кромѣ того эти учрежденія пользовались судебною властью, и своей справедливостью очень привязали къ себѣ негровъ: не было ни одного случая, гдѣ негръ протестовалъ бы противъ рѣшенія бюро. Плантаторы же волею-неволею должны были подчиняться этимъ рѣшеніямъ. Они съ ненавистью смотрятъ на это учрежденіе, и всячески стараются уничтожить его, поднимая вопль о томъ, что существованіе и дѣятельность его есть нарушеніе священныхъ правъ собственности. Покуда всѣ усилія ихъ оставались тщетными. Но въ послѣднее время имъ и въ этомъ отношеніи удалось склонить на свою сторону президента Джонсона, который выразилъ намѣреніе, вопреки ходатайству генерала Гоуарда, закрыть всѣ бюро фридменовъ; такъ что если вашингтонскому конгрессу не удастся отстоять этого полезнаго учрежденія, существованіе его подвергается серьезной опасности.

Генералъ Шурцъ въ своемъ замѣчательномъ докладѣ о положеніи Юга (докладъ этотъ былъ встрѣченъ очень немилостиво президентомъ, такъ какъ онъ не согласовался съ его собственными видами, и поэтому, подъ предлогомъ излишней длинноты, онъ не былъ даже представленъ конгрессу), въ одномъ только пунктѣ сходится съ Грантомъ—а именно въ томъ, что положеніе негровъ на Югѣ далеко не такое, какимъ бы оно должно быть. Но разница между ними та, что онъ винитъ въ этомъ не негровъ, а плантаторовъ. Онъ даже прямо говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего доклада, что de facto невольничество еще продолжается на Югѣ. «Если на освобожденнаго негра не смотрятъ, какъ на собственность отдѣльнаго лица, говоритъ Шурцъ, то на него смотрятъ какъ на раба цѣлаго общества плантаторовъ, и всякое вполнѣ независимое законодательство отдѣль-

(*) Раздосадованные невозможностью предписывать собственныя свои условія работникамъ-неграмъ, плантаторы вздумали было отыскать средство, посредствомъ котораго они могли бы вовсе обойтись безъ негровъ, оставивши ихъ безъ земли и безъ работы: они стали заботиться о привлеченіи на свои плантаціи бѣдныхъ нѣмцевъ-переселенцевъ, и ввести у себя вмѣсто негровъ-невольниковъ—нѣмцевъ-невольниковъ. Въ Виргиніи уже образовалось агентство для снабженія плантаторовъ этими невольниками новаго рода. Нечего и говорить о томъ, что относительно условій труда, относительно помѣщенія, содержанія, обращенія съ ними и т. д. этихъ несчастныхъ переселенцевъ ожидаетъ въ южныхъ штатахъ самая плачевная участь.

ныхъ штатовъ сочтетъ за священнѣйшую обязанность и дѣйствительно сдѣлать его таковымъ; постановленія конгрессовъ ихъ объ отмѣнѣ невольничества ни мало не послужатъ тому помѣхой». Эти попытки бѣлаго населенія Юга лишить негровъ правъ свободнаго гражданина могутъ повести къ серьезнымъ столкновеніямъ и угрожать серьезною опасностью основамъ общественнаго порядка на Югѣ. По его мнѣнію, этой опасности можно избѣжать только тѣмъ, если союзное правительство будетъ слѣдовать твердой политикѣ и оставитъ подъ національнымъ контролемъ южные штаты до тѣхъ поръ, пока свободный трудъ утвердится на прочныхъ основаніяхъ и пока обнаружатся выгоды новаго порядка. Этихъ же послѣднихъ результатовъ нельзя достигнуть иначе, какъ посредствомъ предоставленія неграмъ извѣстныхъ политическихъ правъ, въ которыхъ они могли бы найти защиту противъ несправедливыхъ законовъ. Въ заключеніе своего доклада генералъ Шурцъ предлагаетъ отправить на Югъ одну или нѣсколько слѣдственныхъ коммиссій, которыя ближе ознакомились бы съ тамошнимъ положеніемъ дѣлъ, и потомъ рѣшили, можно ли снять всякій національный контроль съ тѣхъ мѣстностей, и можно ли допустить представителей ихъ въ общій конгрессъ.

Итакъ на Сѣверѣ американскихъ штатовъ всѣ согласны въ томъ, что положеніе негровъ на Югѣ не таково, какимъ оно должно быть. Въ этомъ согласны и демократы, и умѣренные республиканцы, и радикалы; справедливость этой истины признаютъ и Грантъ, и Джонсонъ, и Гоуардъ, и Шурцъ. Но всѣ эти лица и партіи далеко не согласны насчетъ того, кто виноватъ въ этомъ неудовлетворительномъ положеніи, и какимъ образомъ улучшить его. Демократы (а также и многіе изъ умѣренныхъ республиканцевъ) находятъ, что во всей настоящей неурядицѣ виноваты сами негры, да еще Авраамъ Линкольнъ и его совѣтники-аболиціонисты, поступившіе слишкомъ опрометчиво и круто тѣмъ, что сразу освободили 4 милліона негровъ, ни мало не подготовленныхъ къ свободѣ (!). Они полагаютъ, что это же дѣло, если ужъ на то пошло, можно было сдѣлать постепенно: но они забываютъ при этомъ примѣръ Вашингтона и первыхъ законодателей Союза, невольно причинившихъ своею уступчивостію и постепенностію въ обращеніи съ невольничествомъ такое зло Союзу. Для оправданія своихъ жалобъ они ссылаются на священное право собственности, будто бы требующее весьма медленнаго уничтоженія невольничества, и требуютъ отъ новаго президента, чтобы онъ руководствовался въ разрѣшеніи вопроса о неграхъ политикой умѣренности и предусмотрительности. Демократы охотнѣе всего разрѣшили бы этотъ вопросъ тѣмъ, что переселили бы негровъ на особыя

территоріи Соединенныхъ Штатовъ, для того чтобы бѣлымъ не приходилось жить рядомъ съ черными. (Одинъ изъ бывшихъ министровъ Линкольна, Блэръ, принадлежащій тоже къ этой партіи, посовѣтовалъ даже переселить всѣ 4 милліона негровъ въ Мехику). — Съ другой стороны аболиціонисты и радикалы требовали, чтобы упорное сопротивленіе рабовладѣльцевъ всякому коренному пересозданію Юга было парализовано покуда продленіемъ національнаго контроля за дѣйствіями бѣлаго населенія. Для того же, чтобы окончательно сломить это сопротивленіе, они требовали двухъ весьма простыхъ вещей: во первыхъ, они рекомендовали внесеніе новыхъ элементовъ въ населеніе южныхъ штатовъ посредствомъ усиленной колонизаціи ихъ европейскими переселенцами и жителями сѣверныхъ штатовъ; такимъ образомъ подлѣ испорченныхъ рабовладѣльцевъ Юга долженъ былъ явиться новый, свѣжій землевладѣльческій классъ, который по необходимости станетъ въ совершенно иныя отношенія къ черному населенію южныхъ штатовъ, нежели бывшіе рабовладѣльцы. Во вторыхъ, они требуютъ, чтобы для защиты негровъ отъ несправедливыхъ посягательствъ привилегированныхъ законодателей плантаторовъ, имѣющихъ исключительно въ виду плантаторскіе интересы, за ними признаны были всѣ гражданскія и политическія права, которыми пользуются бѣлые. Особенное вниманіе они обращаютъ на то, чтобы негру дано было право являться въ судѣ свидѣтелемъ противъ бѣлаго, и чтобы на него распространено было избирательное право. Этимъ ограничивается весь неумѣренный радикализмъ республиканцевъ, о которомъ наговорили столько ужасовъ защитники старыхъ порядковъ. Этихъ послѣднихъ въ особенности пугаетъ та мысль, что негру дано будетъ право подачи голоса на выборахъ, и что слѣдовательно тогда придется распроститься съ пріятною привычкою наполнять всѣ законодательныя собранія штатовъ, а также и скамьи депутатовъ въ центральномъ конгрессѣ, ярыми защитниками невольничества. Этотъ вопросъ не даетъ имъ покоя, и покуда онъ не разрѣшенъ еще ни въ ту, ни въ другую сторону, они употребляютъ всѣ свои усилія для того, чтобы дать ему неблагопріятное для негровъ разрѣшеніе.

Вопросъ о дарованіи избирательныхъ правъ неграмъ поднятъ былъ еще при Линкольнѣ. Еще тогда между окружающими президента лицами нашлись люди, которые поняли, что издать декретъ объ эманципаціи негровъ и не даровать имъ въ то же время этого важнѣйшаго политическаго права, значитъ ничего не сдѣлать для освобожденія ихъ отъ невольничества. Эти люди пожелали узнать, какъ смотритъ Линкольнъ на этотъ вопросъ, и оказалось, что онъ смотритъ на это дѣло совершенно также, какъ и они. «Я не понимаю,

писалъ онъ по этому поводу, какимъ образомъ можно было бы избѣжать всеобщей подачи голосовъ, или по крайней мѣрѣ избирательнаго права, основаннаго на качествахъ образованія и на военныхъ заслугахъ. Я думаю, что на мнѣ лежитъ этотъ долгъ относительно цвѣтнокожаго населенія штатовъ, столь геройски доказавшаго на полѣ битвы свое человѣческое достоинство: помогая спасти жизнь республики оно завоевало себѣ право на голосъ. Право это есть ничто иное, какъ гуманное покровительство, оказываемое неграмъ тѣмъ знаменемъ, которое они защищали такъ неустрашимо». — Итакъ, если бы Линкольнъ остался въ живыхъ, то мы имѣли бы полное право ожидать вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса. Но положеніе этого вопроса совершенно измѣнилось со вступленіемъ въ управленіе Джонсона, который, въ томъ нельзя сомнѣваться, смотритъ на негровъ иначе, нежели смотрѣлъ на нихъ Линкольнъ. Стараясь быть по возможности великодушнымъ къ побѣжденнымъ конфедератамъ, которые только о томъ и думали, какъ бы принести побольше вреда своему народу, онъ вовсе не думалъ быть великодушнымъ къ неграмъ, которые даставили множество доказательствъ того, что они вполнѣ заслуживаютъ это великодушіе. Несправедливо было бы сказать про Джонсона, какъ утверждали въ своей досадѣ нѣкоторые изъ радикаловъ, будто онъ, какъ гражданинъ невольничьяго штата Теннесси, раздѣляетъ ненависть южанъ къ цвѣтнымъ людямъ. Но нельзя не признать того, что онъ, по примѣру весьма многихъ своихъ соотечественниковъ, продолжаетъ смотрѣть на негровъ, какъ на взрослыхъ дѣтей, которыхъ еще долго слѣдуетъ водить на помочахъ, и которымъ никакъ нельзя даровать обширной свободы, не подвергая серьёзной опасности ихъ собственнаго существованія и существованія другихъ людей. Джонсонъ какъ бы нарочно не хочетъ знать тѣхъ фактовъ, которые доказываютъ, что негры способны къ полной политической и гражданской равноправности съ бѣлыми, и продолжаетъ обращаться съ ними какъ съ большими, но весьма глупыми дѣтьми. Достаточно прочесть слѣдующій отрывокъ изъ одной его рѣчи, обращенной къ неграмъ, для того чтобы получить понятіе о томъ, какое невыгодное понятіе президентъ имѣетъ объ умственныхъ способностяхъ своихъ слушателей. Такъ, какъ онъ говоритъ съ ними, говорятъ только съ весьма глупыми дѣтьми: «свобода не состоитъ въ праздности, она не дастъ намъ права дѣлать только то, что мы хотимъ, и быть безполезными гражданами. Свободы нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ законовъ. Въ правительствѣ свободныхъ людей необходимо, чтобы всякій, каковъ бы ни былъ цвѣтъ его кожи, повиновался законамъ. Свобода состоитъ въ почетной привилегіи труда. Право трудиться составляетъ одно изъ величайшихъ бла-

годѣяній свободы». (Значитъ негры южной Америки вполнѣ пользовались свободою, когда привилегированные тунеядцы заставляли ихъ трудиться при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и заставляли ихъ повиноваться варварскимъ законамъ, изданнымъ помимо участія черныхъ. Это будетъ прямой выводъ изъ словъ Джонсона).—Понятно, что Джонсонъ, смотря на негровъ съ этой точки зрѣнія, не можетъ сочувствовать мысли о распространеніи на нихъ избирательнаго права и о введеніи во всѣхъ штатахъ Союза всеобщей подачи голосовъ. Не желая правда высказаться прямо *противъ* дарованія неграмъ права голоса, такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ сразу сдѣлался бы весьма непопуляренъ у значительной части гражданъ Сѣвера—онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что нужно постепенно расширять избирательное право негровъ, предоставивъ его напр. сначала тому, кто служилъ въ арміи, потомъ тому, кто удовлетворяетъ извѣстному цензу, потомъ тому, кто умѣетъ читать и писать, и т. д. «Въ настоящее же время, твердилъ онъ, невозможно предоставить неграмъ право поголовной подачи голосовъ: это значило бы повести къ новой междоусобной войнѣ, къ войнѣ между племенами». Но мало того, что Джонсонъ не хотѣлъ слышать о немедленномъ сравненіи политическихъ правъ негра съ бѣлымъ и ставилъ къ тому разныя условія, устраняющія осуществленіе этого дѣла въ весьма далекую будущность: онъ далѣе ставитъ такое условіе для осуществленія его, которое не только отсрочиваетъ его, но дѣлаетъ его почти совершенно невозможнымъ. Задаваясь мыслью объ уваженіи полной автономіи каждаго штата, каковы бы ни были его тенденціи и принципы, онъ увѣряетъ, что центральное правительство не только не имѣетъ права предписывать отдѣльнымъ штатамъ такой важной мѣры, но не имѣетъ даже права предложить имъ принятіе ея: каждый самъ долженъ принять на себя инціативу въ измѣненіи законодательства касательно всякихъ вопросовъ, а слѣдовательно и касательно вопроса объ избирательныхъ правахъ той или другой части населенія ея. Другими словами это значитъ: «мы не имѣемъ права принимать мѣръ для защиты негровъ отъ произвольныхъ мѣръ законодателей-рабовладѣльцевъ. Пускай эти послѣдніе сами распространятъ на негровъ тѣ права, которыми они пользуются, пускай они сами дадутъ неграмъ возможность сдерживать ихъ своеволіе и насиліе—тогда мы будемъ очень довольны этимъ. Но сами мы не шевельнемъ пальцемъ для достиженія этого результата, потому что законы, изданные и комментированные когда-то рабовладѣльцами же, запрещаютъ намъ это».

Какъ разрѣшатся при такихъ обстоятельствахъ вопросъ о распространеніи на негровъ права всеобщей подачи голосовъ и другіе

вопросы, касающіеся будущаго положенія освобожденныхъ негровъ, это въ настоящее время довольно трудно предвидѣть. Много хорошаго ожидать нельзя; но, можетъ быть, впрочемъ, общественное мнѣніе въ сѣверныхъ штатахъ и твердый образъ дѣйствій конгресса относительно президента дадутъ имъ рѣшеніе благопріятное. Въ настоящее время можно сказать только то, что полтора мѣсяца тому назадъ учрежденіе невольничества de jure оффиціально перестало существовать на всемъ протяженіи американскаго Союза. Для того чтобы считаться окончательно вступившею въ силу, прокламація Линкольна объ эмансипаціи негровъ нуждалась еще въ законодательной санкціи: нужно было, чтобы ее принялъ центральный конгрессъ и мѣстные конгрессы трехъ-четвертей штатовъ Союза. Вашингтонскій конгрессъ утвердилъ эту мѣру еще годъ тому назадъ: недавно она утверждена также одобреніемъ трехъ-четвертей штатовъ. Всѣхъ штатовъ въ Союзѣ 37; 28 штатовъ составляютъ законныя три-четверти. 18 сѣверныхъ и среднихъ штатовъ приняли статью объ отмѣнѣ невольничества еще въ прошломъ февралѣ; шесть другихъ штатовъ приняли ее въ теченіи весны и лѣта. (Впрочемъ трое изъ сѣверныхъ среднихъ штатовъ отвергли эту мѣру — именно Делаваръ, Нью-Джерси и Кентукки). Осенью прошлаго года приняли ее нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ: сначала Южная Каролина, потомъ Сѣверная Каролина, Алабама, и Джорджія. Такимъ образомъ къ концу года нужное число 28-ми штатовъ высказалось въ пользу отмѣны невольничества. 19-го декабря появилась коротенькая прокламація президента о томъ, что прошлогодняя резолюція конгресса касательно отмѣны невольничества получаетъ полную силу. Слѣдовательно съ 19 декабря 1865 года невольничество юридически перестало существовать на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. — Какъ слѣдуетъ разрѣшить этотъ вопросъ фактически, и что поставить на мѣсто уничтоженнаго въ законѣ «peculiar institution» — вотъ о чемъ теперь идутъ горячіе споры между многоразличными политическими партіями Америки.

До сихъ поръ мы говорили только о настоящемъ положеніи Юга и объ отношеніяхъ его къ сѣвернымъ штатамъ и къ союзной власти. О партіяхъ же Сѣвера мы упомянули только вскользь, говоря о различныхъ взглядахъ на способъ разрѣшенія вопроса о неграхъ. Но не безъинтересную картину представляютъ намъ настоящія отношенія и стремленія партій въ сѣверныхъ штатахъ. Не лишнимъ будетъ взглянуть на то, чего добиваются главныя изъ этихъ партій, какъ онѣ смотрятъ на дѣло возстановленія Союза и на отношенія побѣдоноснаго Сѣвера къ побѣжденному Югу, въ какихъ отношеніяхъ эти партіи находится между собою, и наконецъ каковы ихъ отношенія къ высшей центральной власти въ странѣ?...

Обѣ большія политическія партіи Америки, партіи демократическая и республиканская, которыя обѣ когда-то имѣли каждая свое опредѣленное знамя, и рѣзко отличались между собою, въ послѣднее время раздробились на множество фракцій. Всѣ эти мелкія фракціи имѣютъ каждая свое знамя, свои тенденціи, и иногда случается, что напр. иная изъ фракцій республиканцевъ бываетъ ближе къ демократамъ и имѣетъ съ ними болѣе общаго, чѣмъ съ другими республиканцами, и наоборотъ. Демократы въ сѣверныхъ штатахъ раздѣлились на двѣ большія группы (не входя уже въ болѣе мелкія подраздѣленія). Одни изъ нихъ, какъ напр. демократы штатовъ Огейо, Нью-Джерси и др., продолжаютъ держать себя такъ, какъ они держали себя до войны. Они не хотятъ слышать ни о какихъ уступкахъ, компромиссахъ, до сихъ поръ еще готовы видѣть въ Джонсонѣ ревностнаго аболиціониста, и вообще составляютъ крайнюю правую сторону въ конгрессѣ. Другіе демократы, какъ напр. демократы нью-іоркскіе, заговорили совершенно иначе послѣ прекращенія войны. Они готовы въ случаѣ надобности потолковать и о вредѣ невольничества, и необходимости совершеннаго уничтоженія его, и т. д. Эти люди гораздо опаснѣе, нежели откровенные ихъ единомышленники, не надѣвающіе маски либерализма. Они маской своей обманываютъ наивныхъ людей и пріобрѣтаютъ въ свои руки необходимую имъ власть. А разъ захвативши власть въ руки, они надѣятся отстранить всѣ непріятныя имъ законодательныя мѣры, уничтожающія невольничество на дѣлѣ, а не только въ буквѣ. Для достиженія своихъ цѣлей имъ необходимо отстоять во что бы то ни стало автономію отдѣльныхъ штатовъ противъ всякаго вмѣшательства союзныхъ властей. Если имъ удастся отстоять эту автономію, то имъ не трудно будетъ возобновить въ отдѣльныхъ штатахъ рабство подъ какимъ-нибудь другимъ, болѣе благозвучнымъ названіемъ. Они изъ всѣхъ силъ хвалятъ ту политику возстановленія Союза, которой придерживается Джонсонъ. Они ободряютъ его, чтобы онъ не отступалъ отъ настоящаго своего образа дѣйствій, чтобы онъ продолжалъ стремиться къ возможно быстрой замѣнѣ военнаго управленія гражданскимъ, къ возможно большему уменьшенію союзной арміи и уменьшенію общественныхъ расходовъ. Демократы, такъ бранившіе Джонсона въ началѣ его президентской дѣятельности, теперь не нахвалятся имъ, и черезъ газеты и депутаціи льстятъ президенту и прославляютъ его высокую политическую мудрость и благородство его образа дѣйствій (*). Для нихъ Джонсонъ сталъ вдругъ великимъ человѣкомъ, по-

(*) Любопытна также перемѣна произошедшая въ сужденіяхъ англійскихъ газетъ о Джонсонѣ. Тѣ самыя газеты, которыя мѣсяцевъ восемь тому назадъ называли его не иначе, какъ грубымъ, пьянымъ, полупомѣшаннымъ портнымъ

лубогомъ; они считаютъ его уже своимъ человѣкомъ, и въ случаѣ, если онъ въ ближайшемъ будущемъ не измѣнитъ значительно своей политики, неудивительно будетъ, что этого разряда демократы сдѣлаютъ его своимъ кандидатомъ на будущихъ президентскихъ выборахъ. Они теперь уже высказываютъ опасенія насчетъ жизни Джонсона, которой будто бы угрожаютъ опасностью со стороны фанатизма радикаловъ: и дѣйствительно, при томъ положеніи, въ которомъ находятся дѣла въ настоящее время, смерть Джонсона была бы величайшей потерей для демократовъ и для южанъ, и они имѣютъ полное основаніе молить Бога о продленіи дней его. Къ демократамъ, одобряющимъ политику Джонсона и требующимъ возможно скораго возстановленія Союза въ прежнемъ видѣ, присоединились умѣреннѣйшіе изъ республиканцевъ, присоединилось также то значительное число людей среднихъ, умѣренныхъ, которые сами не знаютъ, что имъ нужно и что не нужно. Эта умѣренная партія старается о примиреніи всего, что ни попало, и сама не знаетъ, какимъ образомъ можно достигнуть этого фантастическаго примиренія. Стремленія ихъ отличаются неопредѣленностью и смутностью, и они довольствуются тѣмъ, что почти безсознательно поддакиваютъ политикѣ Джонсона. — Но кромѣ этихъ демократовъ, стремящихся къ возстановленію невольничества въ новой формѣ, кромѣ этихъ несчастныхъ среднихъ людей, не знающихъ сами, къ чему они стремятся, въ сѣверныхъ штатахъ есть значительная партія, которая стремится къ весьма опредѣленной цѣли радикальнаго перерожденія Союза, и есть нѣкоторое основаніе полагать, что на сторонѣ этой партіи стоятъ симпатіи большинства населенія Сѣвера. Эти люди никакъ не одобряютъ уступчивости и снисходительности президента относительно Юга. Они не довольны въ особенности тѣмъ, что во вновь покоренныхъ штатахъ возвращена была власть всѣмъ прежнимъ чиновникамъ и судьямъ; они досадуютъ на президента за то, что въ случаяхъ столкновенія между союзными властями и мѣстными властями южныхъ штатовъ, онъ почти всегда становился на сторону послѣднихъ. Они порицаютъ то, что по повелѣнію президента распущены были войска изъ негровъ, расположенныя въ южныхъ штатахъ, и еще болѣе порицаютъ приписываемое президенту намѣреніе совершенно вывести изъ Юга всѣ союзныя войска. Они совершенно справедливо замѣчаютъ, что при сильномъ уменьшеніи арміи и при совершенной невозможности увеличить ее

(Times, Morning-Herald, Morning-Post), теперь видятъ въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ героевъ нашего столѣтія. Наоборотъ газеты Daily-News, Star, Standard, относившіяся къ нему сначала съ большимъ сочувствіемъ, отзываются теперь очень строго о его образѣ дѣйствій.

даже на нѣсколько тысячъ человѣкъ безъ особаго постановленія народнаго представительства, впослѣдствіи очень трудно будетъ предпринять что нибудь для обузданія надменности и своеволія Юга и для болѣе дѣйствительной защиты негровъ. Тогда рабовладѣльцы Юга будутъ имѣть полную возможность предписывать побѣдоносному Сѣверу условія, на которыхъ они пожелаютъ обратно вступить въ Союзъ, и Сѣверъ долженъ будетъ повиноваться имъ, если не захочетъ начать новой междоусобной войны; а что онъ не пожелаетъ ея и не будетъ въ состояніи вести ее безъ громадныхъ пожертвованій, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Поэтому республиканцы и требуютъ, чтобы теперь, пока еще не ушло время, союзное правительство придерживалось болѣе энергической политики въ вопросѣ о возстановленіи Союза и о невольничествѣ. Они требуютъ, чтобы союзное правительство смотрѣло на южные штаты, какъ на завоеванную страну, и чтобы поэтому штаты эти были управляемы такъ же, какъ союзныя территоріи, т. е. чтобы въ нихъ сохранено было временное управленіе военныхъ властей, до тѣхъ поръ пока настроеніе населенія этихъ штатовъ не станетъ болѣе надежно. Они требуютъ, чтобы правительство наказало предводителей возстанія, и простило орудія ихъ (*). Наказаніе это, по мнѣнію самыхъ радикальныхъ изъ нихъ, должно бы состоять между прочимъ въ конфискованіи имущества всѣхъ предводителей возстанія и въ обращеніи этихъ имуществъ на погашеніе долга, сдѣланнаго для веденія послѣдней войны. Республиканцы требуютъ также, чтобы Джонсонъ не отступалъ отъ принциповъ Линкольна въ томъ, что касается разрѣшенія невольничьяго вопроса, и чтобы уничтожены были всякіе слѣды невольничества. Они требуютъ, чтобы онъ энергически настаивалъ на осуществленіи полной эманципаціи негровъ на всемъ протяженіи Союза; чтобы онъ уничтожилъ всякую неравноправность между черными и бѣлыми, распространилъ на негровъ право носить оружіе и всѣ политическія права, которыми пользуются бѣлые. «До сихъ поръ, говорилъ извѣстный сенаторъ Сомнеръ, ни возмущеніе не окончено, ни вопросъ о невольничествѣ не разрѣшенъ. Возмущеніе обезоружено—и только; невольничество уничтожено на словахъ — и только; на дѣлѣ же и возмущеніе, и невольничество продолжаются. Возмущеніе не будетъ окончательно уничтожено до тѣхъ поръ, пока

(*) Капитанъ Вирцъ, обращавшійся самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ плѣнными федералистами, былъ казненъ по приговору суда. Но Джефферсона Дэвиса, по приказанію котораго Вирцъ мучилъ плѣнныхъ, до сихъ поръ еще колеблятся предать суду. Эта снисходительность къ крупнымъ преступникамъ и строгость къ мелкимъ произвела на Сѣверѣ самое тяжелое впечатлѣніе.

власть въ отпавшихъ штатахъ будетъ отдаваться обратно въ руки тѣхъ, которые пользовались ею до и во время возстанія. Покуда отпавшимъ штатамъ рѣшительно не слѣдуетъ давать права возвращенія въ Союзъ; для полученія этого права имъ слѣдуетъ предварительно пройти черезъ долгій искусъ. Съ другой стороны невольничество тогда только будетъ окончательно уничтожено, когда всѣ бывшіе невольники сдѣлаются на дѣлѣ совершенно равноправными съ бывшими своими повелителями, и когда законъ дастъ имъ возможность защищать эту равноправность отъ всѣхъ нападеній неисправившихся рабовладѣльцевъ». Такъ какъ политика Джонсона далеко не соотвѣтствовала этому идеалу республиканцевъ, то очень понятно, что эти послѣдніе не относились къ нему съ особенной симпатіей. Такъ напр. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ предводителей этой партіи, Вендель Филлипсъ, весьма остроумно замѣтилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что Джонсонъ сталъ на $^3/_4$ конфедератомъ, для того чтобы побудить южанъ сдѣлаться на остальную четверть федералистами; въ заключеніи своей рѣчи онъ потребовалъ, чтобы Джонсонъ за свои дѣйствія относительно покореннаго Юга преданъ былъ суду націи. Другой членъ этой же партіи сказалъ, что какъ ни ненавистны американской націи Джефферсонъ Дэвисъ и Бусъ, убійца Линкольна, однако Джонсонъ будетъ ей еще ненавистнѣе, если онъ пожертвуетъ въ угоду рабовладѣльцамъ интересами Союза и благосостояніемъ нѣсколькихъ милліоновъ негровъ. — Если слухъ о близкомъ преданіи суду Джонсона и преувеличенъ, если большинство націи не высказало своего сочувствія такой энергической мѣрѣ, то все-таки нерасположеніе большинства населенія Сѣвера къ политикѣ президента не подлежитъ сомнѣнію. Многочисленные народные митинги въ разныхъ штатахъ Сѣвера открыто высказывались въ пользу энергической политики, предлагаемой республиканской или радикальной партіей, и одобряли большую часть предлагаемыхъ этою партіею мѣръ, относящихся къ возстановленію Союза и къ уничтоженію невольничества. Съ другой стороны во многихъ штатахъ отвергнуто было также значительными большинствами предложеніе о выраженіи одобренія президентской политикѣ возстановленія Союза.

И что особенно важно, такое настроеніе большинства населенія сѣверныхъ штатовъ высказывалось не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Осенью прошлаго года во многихъ изъ сѣверныхъ штатовъ происходили обычные выборы для замѣщенія разныхъ должностей внутри штатовъ. По случаю этихъ выборовъ спутавшіяся и сбившіяся партіи сѣверныхъ штатовъ имѣли возможность высказать свои взгляды на словахъ и показать свою силу на дѣлѣ. Результатъ выборовъ былъ на этотъ разъ особенно важенъ тѣмъ, что ясно пока-

залъ, на чьей сторонѣ находятся симпатіи большинства населенія сѣверныхъ штатовъ—на сторонѣ ли Джонсона, либеральныхъ демократовъ и близкихъ къ нимъ по убѣжденіямъ умѣренныхъ республиканцевъ, или на сторонѣ настоящихъ республиканцевъ. Большинство населенія прямо высказалось въ пользу послѣднихъ. Республиканцы одержали верхъ не только въ такихъ штатахъ, какъ Массачузетсъ, Пенсильванія, Висконсинъ, Миннезота, въ которыхъ они всегда были довольно сильны; но они побѣдили на этотъ разъ даже въ такихъ штатахъ, гдѣ демократы давно привыкли господствовать, какъ-то въ Нью-Іоркѣ, Огейо и Нью-Джерси (этотъ послѣдній штатъ еще годъ тому назадъ отказался принять статью объ отмѣнѣ невольничества). Во всѣхъ этихъ штатахъ республиканская партія получила болѣе или менѣе значительное большинство голосовъ, не смотря даже на то, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ штатовъ, какъ напр. въ Нью-Іоркѣ, она не побоялась вставить въ свою программу такую радикальную (по американскимъ понятіямъ) статью, какъ напр. распространеніе на негровъ права всеобщей подачи голосовъ. Не помогла демократамъ и лицемѣрно-либеральная программа, выставленная ими для виду. Народъ оказался не такъ простъ, какъ они надѣялись; онъ не былъ даже обманутъ видимымъ сочувствіемъ самого президента къ демократамъ, и вполнѣ обманулъ ихъ надежды. — Изъ всѣхъ сѣверныхъ штатовъ въ одномъ только Делаварѣ одержали верхъ демократы.

Въ виду такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, доказывающихъ явное расположеніе большинства населенія Сѣвера къ энергическимъ мѣрамъ въ дѣлѣ возстановленія Союза и въ дѣлѣ отмѣны невольничества, значительно уменьшается опасность, которая угрожала Соединеннымъ Штатамъ вслѣдствіе лицемѣрія и хитрости южанъ и сѣверныхъ демократовъ, и вслѣдствіе странной политики Джонсона. Есть надежда, что при такомъ настроеніи населенія Сѣвера, старанія друзей невольничества пропадутъ даромъ, не смотря на всю ихъ политическую ловкость и изворотливость, и что господству рабовладѣльцевъ положенъ конецъ.

Такимъ образомъ та политика, которой придерживался Джонсонъ послѣ окончанія войны до самаго времени, непосредственно предшествовавшаго открытію засѣданій американскаго конгресса, привела только къ тому, что она возбудила противъ него ненависть, или по меньшей мѣрѣ недовѣріе лучшей части республиканцевъ, и довела до послѣдней крайности надменность южанъ, продолжавшихъ по прежнему ненавидѣть всѣхъ гражданъ Сѣвера, въ томъ числѣ и столь милостиваго къ нимъ президента. Самъ Джонсонъ долгое время не понималъ этого. Долгое время тѣ депутаціи изъ Юга, которыя

пріѣзжали въ Вашингтонъ благодарить его за всѣ его благодѣянія и просить его не оставить южанъ и впредь своими милостями, имѣли гораздо большее вліяніе на всѣ его рѣшенія, нежели радикальные ораторы и газеты. Но въ послѣднее время, предшествовавшее открытію засѣданій конгресса, въ политикѣ президента относительно Юга произошла нѣкоторая перемѣна, продолжавшаяся впрочемъ къ сожалѣнію слишкомъ недолго. Вслѣдствіе какихъ причинъ произошла эта временная перемѣна, сказать положительно довольно трудно. Очень можетъ быть, что такіе поступки южанъ, какъ избраніе въ губернаторы Каролины Вэда Гэмптона, требованіе признанія конфедератскаго долга, и другіе подобные имъ дерзкіе поступки, превысили мѣру терпѣнія Джонсона и возбудили въ немъ желаніе заставить Югъ почувствовать силу федеральнаго правительства. Можетъ быть на измѣненіе джонсоновской политики не остался безъ вліянія и результатъ выборовъ въ большей части сѣверныхъ штатовъ, показавшихъ президенту и демократамъ, что мирное настроеніе въ большинствѣ населенія далеко еще не перешло въ желаніе реакціи. Можетъ быть также, Джонсона испугали неумѣренныя похвалы демократическихъ газетъ и вообще всѣхъ органовъ, защищавшихъ и въ Америкѣ и въ Европѣ рабовладѣльческіе интересы, и онъ можетъ быть съ испугомъ спрашивалъ себя и своихъ друзей: «Неужели я сдѣлалъ какую нибудь глупость, что эти люди такъ хвалятъ меня?» Какъ бы то ни было, но послѣ осеннихъ выборовъ въ сѣверныхъ штатахъ, Джонсонъ пересталъ держать себя какъ полновластный господинъ сѣверныхъ штатовъ, который можетъ казнить и миловать по одному только своему желанію. Онъ заговорилъ нѣсколько инымъ тономъ съ южанами. Прежде для принятія обратно южныхъ штатовъ въ Союзъ онъ требовалъ отъ нихъ только отмѣны постановленія объ отпаденіи ихъ отъ Союза; теперь же онъ сталъ требовать, чтобы они кромѣ того отказались отъ конфедератскаго долга, приняли безъ всякихъ измѣненій статью объ отмѣнѣ невольничества и приняли кромѣ того мѣры для защиты освобожденныхъ негровъ: тогда, говорилъ онъ, можно будетъ потолковать объ обратномъ принятіи штатовъ въ Союзъ. Возстановивши прокламаціей отъ 30 ноября въ сѣверныхъ и среднихъ штатахъ право habeas corpus, уничтоженное на время войны во всѣхъ штатахъ, президентъ не распространилъ этой мѣры на штаты, участвовавшіе въ отпаденіи отъ Союза. Онъ пріостановился также на время замѣщеніемъ въ южныхъ штатахъ временныхъ губернаторовъ губернаторами выборными (что впрочемъ при неудачномъ назначеніи первыхъ не представляло особенной разницы), и удаленіемъ союзныхъ войскъ изъ южныхъ штатовъ. На жалобы бѣлаго населенія этихъ штатовъ онъ отвѣчалъ, что совершенно выве-

детъ оттуда войска, когда гражданская власть въ этихъ штатахъ дастъ достаточныя гарантіи своей благонадежности, а что до тѣхъ поръ южнымъ штатамъ слѣдуетъ остаться подъ верховнымъ руководствомъ національнаго правительства. Вообще Джонсонъ нѣкоторое время держалъ себя такъ, какъ будто онъ намѣревался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ строго сообразоваться съ народной волей, которую онъ доселѣ фальшиво понималъ. Отсюда можно было также получить надежду, что онъ съумѣетъ держаться какъ слѣдуетъ и относительно конгресса и сообразовать свою политику съ его желаніями, и что слѣдовательно съ этой стороны, со стороны верховной власти, интересамъ Союза не угрожаетъ никакой опасности. Но аристократія Юга съумѣла опять въ скоромъ времени склонить президента на свою сторону. Замѣтивъ, что она зашла уже слишкомъ далеко въ своей дерзости относительно Союза и что изъ Вашингтона съ ними заговорили другимъ, болѣе строгимъ тономъ, южане съ своей стороны поспѣшили понизить тонъ. Всѣ южные штаты одинъ за другимъ поспѣшили принять условія, поставленныя президентомъ для обратнаго принятія въ Союзъ. Очевидно было, что они очень дорожили тѣмъ, чтобы снова быть принятыми въ Союзъ; потому что разъ добившись этого, они могли объявить недѣйствительными всѣ вынужденныя у нихъ законодательныя мѣры, и тогда уже они могли попытаться, при помощи своихъ сѣверныхъ друзей — демократовъ, дать иное направленіе политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, и возвратить то, что было ими потеряно. Разъ будучи приняты въ Союзъ, они не могли бы уже быть снова удалены, и тогда ихъ интригамъ открывалось бы обширное поприще. Джонсонъ вторично попалъ въ ихъ ловушку, и какъ увидимъ ниже, вскорѣ опять перешелъ отъ болѣе строгой политики къ политикѣ благопріятной для конфедератовъ.

При такихъ обстоятельствахъ особенно важно было то, чтобы въ первомъ центральномъ конгрессѣ, на который возложена была задача возстановленія Союза, было какъ можно больше надежныхъ людей, которые обуздали бы притязанія Юга. Задача этого конгресса была весьма трудная и многосложная. Ему нужно было возстановить Союзъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до войны, или же создать для отпавшихъ штатовъ новое положеніе; ему нужно было далѣе опредѣлить политическія права негровъ, или же рѣшить, что этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить разрѣшенію отдѣльныхъ штатовъ; ему нужно было еще возстановить финансовое положеніе въ странѣ въ такомъ видѣ, чтобы опять можно было производить всѣ уплаты звонкою монетою; ему нужно было объединить государственный долгъ, который въ настоящее время въ высшей степени запутанъ и неравномѣрно распредѣленъ; наконецъ ему нужно было вы-

сказаться насчетъ доктрины Монроэ и рѣшить, должна ли она быть мертвой буквой или дѣйствительностью. Но на первый разъ особенно важно было то, чтобы не было обращено вниманія на всѣ проски южанъ и сѣверныхъ демократовъ, и чтобы депутаты южныхъ штатовъ не были допущены въ засѣданія конгресса до тѣхъ поръ, пока законодательнымъ путемъ не были опредѣлены условія обратнаго принятія ихъ въ Союзъ и отношенія бѣлаго населенія южныхъ штатовъ къ черному. При томъ рѣшительно-республиканскомъ настроеніи, которое обнаружилъ Сѣверъ во время послѣднихъ осеннихъ выборовъ, можно было разсчитывать, что конгрессъ дастъ этому вопросу удовлетворительное разрѣшеніе не смотря на то, что самъ Джонсонъ сильно хлопоталъ о немедленномъ допущеніи въ конгрессъ представителей Юга. Ожиданія эти дѣйствительно оправдались.

Вопросъ о допущеніи или недопущеніи представителей Юга въ конгрессъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ объ отношеніи южныхъ штатовъ къ Союзу и объ условіяхъ обратнаго принятія ихъ въ Союзъ, былъ поднятъ при самомъ началѣ засѣданій конгресса, даже до сообщенія ему президентскаго посланія. Президентъ конгресса, сообразуясь съ желаніями, замѣченными имъ въ большинствѣ населенія, и вопреки желаніямъ президента Союза, не внесъ имена представителей Юга въ списокъ депутатовъ, представляемый конгрессу въ первый же день открытія его засѣданій. Большая часть представителей Юга, предвидя такой оборотъ дѣла, вовсе даже не явилась къ первому засѣданію конгресса, и не требовала допущенія своего въ число депутатовъ. Но депутаты штата Теннесси, которые тоже были исключены изъ списковъ, такъ какъ ихъ штатъ участвовалъ въ возстаніи, явились въ Вашингтонъ, и требовали себѣ допущенія въ конгрессъ: по этому поводу и зашелъ въ конгрессѣ споръ объ этомъ интересномъ вопросѣ. Демократическій депутатъ Брукъ изъ Нью-Іорка протестовалъ противъ исключенія изъ конгресса депутатовъ Юга, и именно депутатовъ Теннесси. Онъ назвалъ это недопущеніе самой вопіющей и безполезной несправедливостью и замѣтилъ при этомъ случаѣ, что если считать ненадежными гражданъ Теннесси потому только, что они граждане штата, отпавшаго отъ Союза, то конгрессу слѣдуетъ объявить неблагонадежнымъ и президента Джонсона, потому что онъ тоже гражданинъ штата Теннесси. Но конгрессъ не обратилъ вниманія на подобные доводы, и продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ отворить двери конгресса для представителей южныхъ штатовъ. Сенаторъ Сомнеръ предложилъ въ сенатѣ допускать южные штаты на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) Полное возстановленіе вѣрности Союзу, заявленное честнымъ признаніемъ единства республики, безъ всякихъ колебаній или сдѣлокъ. 2) Полное уничтоженіе

сословныхъ притязаній и полноправность всѣхъ гражданъ; цвѣтъ кожи никого не долженъ лишать гражданскихъ правъ, правосудіе должно быть безпристрастнымъ, и всѣ должны быть равны передъ закономъ. 3) Непризнаніе конфедератскаго долга и признаніе національнаго долга и національныхъ обязанностей относительно федеральныхъ войскъ; торжественная клятва никогда не проводить ни прямыхъ, ни косвенныхъ мѣръ, клонящихся къ уничтоженію этихъ условій и къ подрыву національнаго кредита. 4) Устройство такой системы воспитанія, которая приносила бы пользу всѣмъ гражданамъ Союза безъ различія цвѣта кожи. 5) Замѣщеніе всѣхъ должностей, какъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и въ центральномъ управленіи людьми извѣстными своею постоянною и несомнѣнною вѣрностью Союзу, поведеніе и рѣчи которыхъ показали бы, что они люди мира и порядка». Внося это предложеніе въ сенатъ, Сомнеръ весьма энергически нападалъ на политику Джонсона, называя его самого защитникомъ и другомъ инсургентовъ. Въ доказательство же справедливости своихъ требованій относительно Юга, онъ прочелъ сенату нѣсколько писемъ, изъ которыхъ очевидно было, что южане остались такими же врагами Союза, какими всегда были, и что они продолжаютъ попрежнему быть приверженцами невольничества и врагами всякаго серьезнаго освобожденія негровъ. Нельзя не отдать Сомнеру справедливости въ томъ, что въ своихъ пяти условіяхъ допущенія южныхъ представителей въ конгрессъ, условіяхъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ разсудительными и вполнѣ справедливыми, онъ высказалъ взглядъ большинства населенія Сѣвера на отношенія сѣверныхъ штатовъ къ южнымъ. Въ этой сжатой программѣ заключаются всѣ задатки для того, чтобы построить будущую организацію Юга на прочныхъ основаніяхъ, и сдѣлать невозможнымъ возобновленіе въ южныхъ штатахъ тѣхъ порядковъ, которые существовали въ нихъ до войны. Въ палату представителей радикальнымъ депутатомъ Стивенсомъ также внесенъ былъ билль о недопущеніи въ конгрессъ представителей Юга, билль мотивированный почти также, какъ и предложеніе, внесенное Сомнеромъ въ сенатъ: и билль этотъ былъ принятъ большинствомъ 133 голосовъ противъ 36 (*).

(*) Въ тотъ же самый день республиканскій кандидатъ въ президенты избранъ былъ почти такимъ же большинствомъ голосовъ — 139 противъ 35, данныхъ демократическому кандидату. Эти цифры изображаютъ приблизительно настоящее численное отношеніе партій въ конгрессѣ. Въ конгрессѣ всѣхъ членовъ должно быть 242; но 54 депутата принадлежатъ къ девяти отпавшимъ южнымъ штатамъ, и не внесены поэтому въ списки. Остальные 188 членовъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ между различными партіями: республиканцевъ-радикаловъ — 83, болѣе умѣренныхъ республиканцевъ — 65, умѣренныхъ

На другой день послѣ открытія засѣданій конгресса и послѣ рѣшенія его о недопущеніи представителей Юга, ему сообщено было первое посланіе президента Джонсона. Самыя интересныя мѣста посланія были тѣ, которыя относились къ вопросамъ о возстановленіи Союза и объ освобожденіи невольниковъ: но послѣ всего, что мы уже говорили о Джонсонѣ и о взглядахъ его на оба эти вопроса, намъ нечего много останавливаться на томъ, что высказано было имъ по этому поводу въ его посланіи. Говоря о лежащей на правительствѣ обязанности заботиться о защитѣ личности негровъ, имущества ихъ и правъ ихъ на трудъ и на справедливое вознагражденіе за ихъ трудъ, онъ однако же замѣтилъ здѣсь, что не считаетъ удобнымъ распространять на нихъ право голоса, до тѣхъ поръ пока не увидитъ въ возвышеніи ихъ умственнаго развитія нѣкоторую гарантію въ умѣньи ихъ пользоваться этимъ правомъ; вообще же онъ полагалъ, что не центральная власть, а каждый штатъ отдѣльно должны рѣшать этотъ вопросъ. Однимъ словомъ, прочитывая со вниманіемъ эту часть президентскаго посланія, мы не находимъ въ ней ничего новаго и неожиданнаго: все это является повтореніемъ рѣчей, сказанныхъ имъ въ теченіи прошлогодняго лѣта и осени различнымъ депутаціямъ; въ этомъ отношеніи Джонсонъ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ. Что касается до формъ его посланія, до полноты его и до отчетливости, съ которой оно разсматриваетъ различные вопросы, до откровенности и искренности его тона, то въ этомъ отношеніи оно заслуживаетъ полной похвалы; и дѣйствительно почти всѣ органы американской прессы, безъ различія партій, отнеслись къ нему съ похвалою за эти его достоинства. Что же касается до существенныхъ вопросовъ, которыхъ оно касается, то пресса и общественное мнѣніе отнеслись весьма различно къ манерѣ президента подступать къ этимъ вопросамъ, смотря по тенденціямъ и взглядамъ различныхъ партій: то, что одни особенно тщательно хвалили въ посланіи, то другіе нещадно порицали, и на оборотъ. Для насъ особенно интересно знать, какъ отнеслось къ этому посланію большинство конгресса, къ которому оно было адресовано. По словамъ корреспондентовъ европейскихъ газетъ, съ особеннымъ одобреніемъ были встрѣчены въ конгрессѣ тѣ мѣста посла-

---

или либеральныхъ демократовъ — 30, крайнихъ демократовъ — 10. Соединеніе 54 депутатовъ Юга, въ случаѣ допущенія ихъ, съ демократами составило бы все-таки меньшинство 94 челов. противъ 148 республиканцевъ; но такъ какъ многіе изъ умѣренныхъ республиканцевъ не вполнѣ надежны, то подобнаго соединенія все таки не слѣдуетъ желать до окончательнаго преобразованія южныхъ штатовъ. Въ сенатѣ считается 46 республиканцевъ различныхъ оттѣнковъ, 15 демократовъ различныхъ оттѣнковъ и 11 вакантныхъ мѣстъ сенаторовъ Юга.

нія, въ которыхъ президентъ говоритъ, что измѣна должна быть наказана, и что возстаніе было дѣломъ безчестнымъ; далѣе то мѣсто, гдѣ говорится, что впредь ни одинъ изъ штатовъ Союза не будетъ имѣть права отказаться собственною властью отъ мѣста своего въ Союзѣ. Конгрессъ встрѣтилъ также громкими рукоплесканіями то мѣсто посланія, въ которомъ сказано было, что передъ трибуналомъ націй Англіи нельзя будетъ оправдаться въ поведеніи своемъ относительно Сѣверной Америки во время войны, и что безъ соблюденія строгой справедливости невозможны хорошія отношенія между націями. Что же касается до того мѣста посланія, въ которомъ президентъ излагалъ свою систему возстановленія Союза, то оно не встрѣтило въ конгрессѣ ни малѣйшаго сочувствія.

Вообще конгрессъ не замедлилъ показать, что онъ гораздо лучше президента понимаетъ истинныя желанія и стремленія большинства американскаго народа, и что сильно ошиблись тѣ, которые ожидали видѣть въ немъ послушное орудіе президента, готовое идти за нимъ всюду, куда ему вздумается повести его. Конгрессъ въ первый же день своего засѣданія осудилъ Джонсоновскую систему возстановленія Союза, исключивъ, вопреки пламенному желанію Джонсона, представителей Юга изъ конгресса. На другой день конгрессъ встрѣтилъ очень холодно изложеніе президентскаго плана возсозданія Союза и вслѣдъ за тѣмъ пошелъ еще дальше. Одинъ изъ демократическихъ депутатовъ внесъ вскорѣ послѣ открытія засѣданій конгресса предложеніе о томъ, чтобы конгрессъ пригласилъ высшую исполнительную власть Союза принять мѣры для возможно скораго возстановленія правъ и отношеній Союза въ томъ видѣ, какъ они существовали до войны, и чтобы онъ объявилъ политику президента лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Конгрессъ же не только отвергнулъ это предложеніе значительнымъ большинствомъ голосовъ, но и принялъ вслѣдъ затѣмъ другое предложеніе, діаметрально ему противоположное. Депутатъ Стивенсъ внесъ въ конгрессъ слѣдующій билль: «Слѣдуетъ назначить коммиссію изъ 15 членовъ обѣихъ палатъ (6 отъ сената и 9 отъ палаты депутатовъ), которая бы занялась изслѣдованіемъ настоящаго положенія штатовъ, составлявшихъ такъ называемую конфедерацію, и представила бы докладъ свой, въ которомъ она объяснила бы, заслуживаютъ ли эти штаты обратнаго принятія ихъ въ Союзъ, или нѣтъ? До тѣхъ же поръ, пока эта коммиссія не представитъ своего доклада, и пока конгрессъ, ознакомившись съ докладомъ, не постановитъ своего рѣшенія по этому вопросу, не слѣдуетъ допускать депутатовъ Юга въ конгрессъ, и не слѣдуетъ признавать за ними правъ штатовъ американской республики». Въ этомъ предложеніи заключался совершенно

иной взглядъ на систему возстановленія Союза, чѣмъ та, которую старался провести Джонсонъ и которую онъ рекомендовалъ конгрессу. Стивенсъ предлагалъ смотрѣть на отпавшіе штаты, какъ на территоріи, принадлежащія къ Союзу и не имѣющія никакихъ правъ, территоріи, которыя могутъ быть приняты въ Союзъ какъ штаты, но могутъ также и не быть принятыми, и которыя вообще не имѣютъ права предписывать тѣхъ условій, на какихъ онѣ желаютъ быть принятыми въ Союзъ. Конгрессъ склонился къ мнѣнію радикала Стивенса: отвергнувши, къ великому огорченію европейскихъ умѣренныхъ либераловъ, опечаленныхъ въ особенности союзомъ умѣренныхъ республиканцевъ съ радикалами, билль объ одобреніи Джонсоновой политики возстановленія Союза, онъ принялъ предложеніе Стивенса большинствомъ 123 голосовъ противъ 35. Такая твердость конгресса въ вопросѣ о возстановленіи Союза получаетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что благопріятное настроеніе, обнаружившееся въ Джонсонѣ вскорѣ послѣ произведенія во всей странѣ осеннихъ, мѣстныхъ выборовъ, продолжалось очень не долго. Тогда можно было надѣяться, что убѣдившись въ ошибочности своихъ прежнихъ мнѣній и образа дѣйствій, президентъ тѣмъ охотнѣе послушается благоразумныхъ совѣтовъ народныхъ представителей и не будетъ противиться исполненію рѣшеній конгресса. Такимъ образомъ можно было надѣяться, что самое худшее и опасное время Джонсоновской политики прошло безвозвратно...

Но теперь можно опять усомниться въ основательности этихъ надеждъ. Кажущееся согласіе между президентомъ и народными представителями и кажущееся намѣреніе президента вполнѣ согласовать свою политику съ народной волей, продолжались не болѣе двухъ недѣль. Въ своемъ посланіи, обращенномъ къ конгрессу при открытіи его засѣданій, президентъ избѣгалъ выставлять слишкомъ ясно свою уже черезчуръ примирительную политику относительно Юга; но онъ сдѣлалъ это гораздо яснѣе въ добавочномъ посланіи, представленномъ имъ конгрессу двѣ недѣли спустя и касавшемся положенія южныхъ штатовъ. Вмѣсто того, чтобы настроить свою рѣчь сообразно съ достаточно опредѣленно высказавшимся уже настроеніемъ народныхъ представителей, Джонсонъ явился передъ конгрессомъ ходатаемъ за южные штаты. Онъ высказывался въ этомъ своемъ посланіи въ томъ смыслѣ, что прошлое должно быть забыто какъ можно скорѣе и полнѣе; онъ выражалъ надежду, что вражда партій уступитъ скоро мѣсто иному, лучшему чувству. Онъ увѣрялъ конгрессъ, что южане возвратились въ союзъ безъ всякой задней мысли, и что они оказываютъ повиновеніе распоряженіямъ союзнаго правительства гораздо охотнѣе и ревностнѣе, чѣмъ можно было того ожидать. Онъ

опирался при этихъ увѣреніяхъ на упомянутый нами выше докладъ Гранта о положеніи южныхъ штатовъ, въ которомъ генералъ этотъ увѣряетъ, что южане признали вопросъ объ отдѣленіи своемъ отъ союза рѣшеннымъ не въ ихъ пользу, и что они совершенно искренно подчиняются этому рѣшенію. (Президентъ не упоминаетъ однако ни слова о тѣхъ документахъ, которые сообщены были Шурцомъ, Гоуардомъ, Сомнеромъ и пр.) Въ заключеніе президентъ Джонсонъ обращается къ конгрессу съ требованіемъ, чтобы онъ раздѣлилъ его примирительныя чувства относительно Юга, и чтобы онъ какъ можно скорѣе довершилъ обратное принятіе Юга въ Союзъ допущеніемъ въ конгрессъ сенаторовъ и народныхъ представителей, настроеніе которыхъ относительно Союза удовлетворительнѣе, чѣмъ можно бы ожидать. Въ то же самое время онъ собственною властью принялся за прерванное было имъ возстановленіе самоуправленія въ южныхъ штатахъ, за замѣщеніе временныхъ губернаторовъ губернаторами избранными самими штатами (въ Алабамѣ, Джорджіи) и т. д. Большинство конгресса съ своей стороны не показывало ни малѣйшаго желанія отступить, въ угоду президенту, отъ разъ принятой имъ твердой политики относительно южныхъ штатовъ, и продолжало отказывать въ допущеніи представителей Юга въ конгрессъ. Въ этомъ средствѣ конгрессъ имѣлъ могущественное орудіе противъ фальшивой политики президента: президентъ могъ дать южнымъ штатамъ много правъ, но права допущенія ихъ представителей въ конгрессъ онъ не могъ имъ дать, и такимъ образомъ конгрессъ всегда имѣлъ возможность нѣсколько обуздывать надменность южанъ недопущеніемъ ихъ къ законодательству. — Въ Америкѣ всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія рождественскихъ праздниковъ и возобновленія засѣданій конгресса, для того, чтобы узнать, какой отвѣтъ конгрессъ дастъ на добавочное посланіе президента, относящееся къ положенію южныхъ штатовъ (посланіе это было сообщено конгрессу передъ самыми рождественскими праздниками). Сторонники президента съ торжествомъ сообщали, что депутаты конгресса, имѣвшіе во время праздниковъ случай видѣться съ своими довѣрителями, возвратились въ Вашингтонъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что большинство націи сочувствуетъ Джонсоновской системѣ возстановленія, и что всякая партія, которая станетъ въ оппозицію къ политикѣ возстановленія, никакъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ симпатій націи. Друзья президента и сторонники возстановленія союза во что бы то ни стало увѣряли съ радостью, что послѣ возобновленія засѣданій конгресса, радикалы въ конгрессѣ будутъ менѣе многочисленны и менѣе рѣшительны, нежели какими мы видѣли ихъ въ началѣ засѣданій. Но покуда не видно, чтобы этимъ пріятнымъ меч-

тàпіямъ суждено было сбыться. 8 января возобновились засѣданія конгресса, и немедленно же возобновилась борьба о допущеніи или недопущеніи южныхъ штатовъ въ союзъ. Депутаты, возвратившіеся въ Вашингтонъ послѣ поѣздки своей на родину, сообщаютъ, что нація правда вовсе не желаетъ разрыва между президентомъ и конгрессомъ; но она еще менѣе желаетъ, чтобы конгрессъ отступился отъ принадлежащей ему роли и поспѣшилъ возстановленіемъ и возвращеніемъ южнымъ штатамъ всѣхъ правъ ихъ, не получивши прежде достаточныхъ гарантій противъ злоупотребленія ихъ этими правами. Поэтому гораздо ближе къ истинѣ тѣ, которые, подобно нью-іоркской газетѣ «Tribune», увѣряли, что радикализмъ депутатовъ, возвратившихся изъ своей родины, значительно усилился отъ ихъ переговоровъ съ своими довѣрителями. И дѣйствительно, въ первый же день возобновленія своихъ засѣданій конгрессъ принялъ большинствомъ 94 голосовъ противъ 37 резолюцію о томъ, что военныя силы союзныхъ штатовъ должны быть оставлены въ южныхъ штатахъ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не утвердитъ полнаго возсоединенія этихъ штатовъ съ Союзомъ; другое предложеніе клонилось къ тому, чтобы оставить въ южныхъ штатахъ временныя управленія, не замѣняя ихъ покуда выборными правителями. Эти резолюціи прямо направлены были противъ президента, продолжавшаго самымъ неосторожнымъ образомъ удалять войска изъ южныхъ штатовъ и предоставлять судьбу этихъ штатовъ на произволъ нераскаявшихся рабовладѣльцевъ. Президентъ съ своей стороны увѣряетъ, что онъ далекъ отъ мысли вызвать столкновеніе исполнительной власти съ законодательной. Но онъ ничего не говоритъ насчетъ того, что онъ сдѣлаетъ для избѣжанія этого столкновенія. Напротивъ, на различныя заявленія о неудовольствіи, возбужденномъ въ странѣ его политикой относительно южныхъ штатовъ, онъ постоянно отвѣчалъ, что онъ все-таки будетъ продолжать идти по избранному имъ пути, потому что считаетъ его единственнымъ путемъ, который ведетъ къ полному и прочному умиротворенію страны, и что онъ надѣется встрѣтить въ этомъ дѣлѣ поддержку всѣхъ истинныхъ патріотовъ. Такимъ образомъ борьба между убѣжденнымъ въ справедливости своей системы президентомъ и конгрессомъ, увѣреннымъ въ поддержкѣ націи, повидимому не только не окончилась, но при настойчивости той и другой стороны можетъ принять еще болѣе обширные размѣры. Тогда и Америка представитъ намъ любопытный примѣръ одного изъ тѣхъ конституціонныхъ столкновеній между исполнительною и законодательною властью, которыя мы не разъ видѣли и видимъ въ Европѣ. Будетъ ли это столкновеніе имѣть такой же характеръ, какъ и европейскія столкновенія, и каковъ будетъ окончательный исходъ его, это теперь

по новости самаго дѣла довольно трудно предвидѣть. Послѣднія извѣстія свидѣтельствуютъ какъ будто только о томъ, что обѣ стороны заговорили тономъ нѣсколько болѣе примирительнымъ. Съ одной стороны мы узнаемъ, что слухъ объ удаленіи всѣхъ союзныхъ войскъ изъ штатовъ Джорджія и Алабама не подтвердился. Напротивъ, генералъ Грантъ отвѣчалъ на обращенныя къ нему объ этомъ предметѣ просьбы, что онъ не можетъ рекомендовать президенту подобной мѣры до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточно гарантій для безопасности всѣхъ классовъ въ бывшихъ конфедеративныхъ штатахъ, и что до тѣхъ же поръ нельзя допустить вооруженія милиціи въ южныхъ штатахъ, а слѣдуетъ предоставить охраненіе въ нихъ порядка союзнымъ войскамъ. Въ то же время взято было назадъ отданное уже приказаніе объ обезоруженіи полковъ негровъ въ штатахъ Техасѣ и Миссиссипи. Конгрессъ съ своей стороны отвѣтилъ на это тѣмъ, что отвергнулъ предложеніе радикаловъ объ отправленіи въ южные штаты особыхъ слѣдственныхъ коммиссій и принялъ гораздо болѣе скромное предложеніе умѣренно-республиканскаго депутата Раймонда, состоявшее въ томъ, чтобы конгрессъ просто попросилъ у президента доставленія болѣе подробныхъ свѣдѣній о положеніи Юга и представленія копіи со всѣхъ документовъ, относящихся къ временному управленію Югомъ. При колебаніяхъ, обнаруживавшихся доселѣ въ политикѣ Джонсона, нельзя конечно ручаться за то, чтобы обнаруживающееся въ настоящее время примирительное настроеніе обѣихъ сторонъ продлилось особенно долго, и чтобы оно могло повести къ окончательному сближенію между президентомъ и конгрессомъ.

Конгрессъ, занявшись доселѣ почти исключительно вопросомъ объ отношеніяхъ бывшихъ конфедератскихъ штатовъ къ Союзу, не успѣлъ еще обратить должнаго вниманія на другіе важные вопросы. Такъ напр. въ вопросѣ объ устройствѣ судьбы освобожденныхъ негровъ онъ сдѣлалъ еще весьма немногое. Со стороны радикаловъ внесено было въ конгрессъ нѣсколько биллей о введеніи во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ Союза равноправности между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ; они предложили также на разсмотрѣніе палаты постановленія нѣсколькихъ митинговъ, требующія поголовной подачи голосовъ для всего Союза. Правда, палата отказалась отъ разсмотрѣнія постановленій митинговъ, а демократы и умѣренные республиканцы успѣли побудить ее отложить разсмотрѣніе биллей, внесенныхъ радикалами. Но за то мы съ другой стороны узнаемъ, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій своихъ конгрессъ опредѣлилъ большинствомъ 116 голосовъ противъ 54 даровать право голоса неграмъ округа Колумбіи. Хотя округъ Колумбія (въ которомъ находится го-

родъ Вашингтонъ) очень невеликъ, и слѣдовательно число негровъ, получившихъ въ Союзѣ право голоса, очень незначительно, однако это рѣшеніе конгресса весьма важно, во 1-хъ, какъ первый примѣръ распространенія на негровъ избирательнаго права, а во 2-хъ, какъ прецедентъ участія центральнаго законодательнаго собранія въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — прецедентъ, который можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія въ будущемъ, при разрѣшеніи этого вопроса въ самыхъ главныхъ невольничьихъ штатахъ.

Еще менѣе, нежели вопросомъ о неграхъ, занялся конгрессъ важнымъ финансовымъ вопросомъ; а между тѣмъ это вопросъ такой, на который ему придется обратить серьезное вниманіе, потому что сѣверо-американскій народъ высказываетъ положительное намѣреніе возстановить равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ и какъ-нибудь раздѣлаться съ огромнымъ національнымъ долгомъ, образовавшимся во время послѣдней войны. Не имѣя намѣренія вдаваться въ подробности, относящіяся къ финансовому положенію Союза, мы приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, касающихся этого вопроса и заимствованныхъ нами изъ финансоваго отчета, представленнаго министромъ финансовъ Макъ'Куллохомъ конгрессу при открытіи его засѣданій. Общій государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ къ 1-му ноября 1865 простирался до 2,808 милл. долларовъ. Кромѣ того дефицитъ финансоваго 1865—66 года (оканчивающагося 30-го іюня) опредѣленъ былъ въ 112 милл. долл., такъ что къ къ 1-му іюля 1866 года долгъ будетъ простираться приблизительно до 3000 милл. долларовъ.—Бумажныхъ денегъ къ 1-му ноября 1865 года было въ обращеніи до 735 милл. долл. (между тѣмъ какъ въ 1860 году ихъ было только на 220 милл.). Министръ финансовъ обращаетъ въ своемъ отчетѣ вниманіе на то, что вслѣдствіе значительнаго обращенія въ странѣ бумажныхъ денегъ цѣны на всѣ предметы значительно увеличиваются, и спекуляціи на звонкую монету принимаютъ все болѣе и болѣе обширные размѣры; лажъ на золото колеблется между 35 и 45 проц. (во время войны онъ впрочемъ доходилъ до 185 проц.). Для уменьшенія вреда и неудобствъ, происходящихъ отъ значительнаго обращенія бумажныхъ денегъ, министръ предлагаетъ обмѣнивать ихъ постепенно на облигаціи, приносящія проценты (не болѣе 6-ти проц., по возможности же М. Куллохъ желалъ объединить столь разнообразные и сбивчивые проценты государственнаго долга и опредѣлить общую процентную цифру для всего долга въ $5^1/_2$ проц.). Замѣна безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ процентными облигаціями увеличила бы сумму ежегодно выплачиваемыхъ государствомъ процентовъ милліоновъ на 45; но за то она во всѣхъ другихъ отношеніяхъ облегчила бы финансовое положеніе страны и принесла бы огромную

пользу американской торговлѣ. Кромѣ того министръ финансовъ предлагалъ употреблять въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду на вынутіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ излишекъ доходовъ противъ расходовъ. Онъ объявлялъ въ своемъ отчетѣ, что на 1866—67 финансовый годъ доходъ опредѣленъ приблизительно въ 400 милл. долл. (275 бумажными деньгами и 125 звонкою монетою). Государственные расходы (безъ уплаты процентовъ) онъ и президентъ предполагали понизить до 100 милл. доллар., на уплату процентовъ по процентнымъ бумагамъ опредѣлено было 141½ милл. долл., да къ этой суммѣ присоединялась еще сумма милліоновъ въ 45 на уплату процентовъ по облигаціямъ, которыя предполагалось выпустить къ тому времени въ замѣнъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ общая сумма расходовъ должна была простираться отъ 285 до 290 милл. долл., что при 400 милл. дохода оставляло излишекъ въ 110 — 115 милл. Министръ финансовъ предоставлялъ на благоусмотрѣніе конгресса сдѣлать изъ этого значительнаго излишка то употребленіе, которое тотъ сочтетъ на лучшее:—или уменьшить на соотвѣтствующую сумму налоги, платимые народомъ, какъ то предполагали многіе члены конгресса, или же обратить его на вынутіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ и на постепенное погашеніе національнаго долга. Что касается до его личныхъ взглядовъ, то онъ безусловно высказывался въ пользу послѣдняго употребленія этого излишка. Онъ желалъ бы, чтобы конгрессъ принялъ за принципъ, чтобы ежегодные доходы постоянно превышали государственные расходы на 200 милл. долларовъ, и чтобы за уплатою процентовъ этотъ излишекъ былъ употребляемъ на постепенное погашеніе національнаго долга. Въ первые года однихъ процентовъ пришлось бы платить отъ 185 до 190 милл., и такимъ образомъ не болѣе 10—15 милл. пошли бы на погашеніе долга. Но эта послѣдняя сумма съ каждымъ годомъ должна была возрастать, и М'Куллохъ полагаетъ, что при помощи этого средства національный долгъ былъ бы совершенно уничтоженъ въ теченіи какихъ нибудь 30 лѣтъ.

Подобная система погашенія долга возможна только при крайне ограниченныхъ государственныхъ расходахъ. И дѣйствительно мы видѣли, что при доходѣ въ 400 милл., собственно государственные расходы опредѣлены въ 100 милл. долларовъ. Для достиженія этого послѣдняго результата нужно было привести армію и флотъ Соединенныхъ Штатовъ въ такіе размѣры, чтобы содержаніе ихъ не обходилось слишкомъ дорого націи. Въ этомъ отношеніи военное и морское министерство Союза достигли удивительныхъ результатовъ, о которыхъ они сообщали въ отчетахъ своихъ, представленныхъ конгрессу. Къ 1-му мая 1865 года численность арміи Соединенныхъ

Штатовъ доходила до громадной цифры 1,000,516 человѣкъ, и бюджетъ военнаго министерства на 1865 годъ опредѣленъ былъ въ 516,240,000 долларовъ. Къ 1-му ноября 1865 года оставалось подъ ружьемъ тысячъ 100 съ небольшимъ; но въ половинѣ 1866 года предполагалось довести численность союзной арміи до 50,000 человѣкъ, и расходы на нее въ 1866 году опредѣлены были только въ 33,800,000 долларовъ. (Это черезчуръ быстрое распущеніе арміи имѣло однакоже, какъ мы видѣли выше, и свои дурныя стороны, потому что удаленіе всѣхъ союзныхъ войскъ изъ южныхъ штатовъ отдавало черное населеніе этихъ штатовъ подъ полное господство бывшихъ рабовладѣльцевъ). Одна изъ причинъ, почему расходы на военное вѣдомство въ Соединенныхъ Штатахъ могли такъ быстро спуститься съ 516 на 33 милл. долларовъ, заключалась въ томъ, что союзное правительство платило очень мало пенсій бывшимъ военнымъ, служившимъ волонтерами по найму и получавшимъ во время службы своей довольно значительную наемную плату. Пенсіи платились только тѣмъ, которые были изувѣчены на войнѣ и лишены всякой возможности снискивать себѣ какое либо пропитаніе. Всѣ остальные служащіе, отъ рядоваго до корпуснаго командира, были распущены по домамъ съ выданнымъ имъ сполна, до послѣдней копѣйки жалованьемъ, но безъ всякихъ пенсій. Бывшіе офицеры и генералы (въ томъ числѣ и такіе генералы, имена которыхъ получили нѣкоторую извѣстность и въ Европѣ, какъ-то: Ботлеръ, Борнсайдъ, Зигель, Франклинъ) сдѣлались опять журналистами, фабрикантами, чиновниками при желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Никому изъ нихъ и въ голову не пришло просить себѣ у правительства денегъ за оказанныя имъ странѣ услуги (*). Изъ отчета морскаго министра видно, что съ 4-го марта 1861 года до окончанія войны пріобрѣтено союзнымъ правительствомъ 418 судовъ на сумму 18½ милл. долларовъ; по окончаніи войны морское министерство продало изъ нихъ 340 судовъ и выручило отъ этой продажи 5,600,000 долларовъ.

О сношеніяхъ американскаго Союза съ европейскими державами мы много распространяться не будемъ, хотя объ этомъ идутъ весьма оживленные толки въ европейской журналистикѣ. Но дѣло въ томъ,

---

(*) Борнсайдъ, бывшій нѣкоторое время главнокомандующимъ федеральной арміей, сдѣлался агентомъ желѣзной дороги въ Пенсильваніи; Ботлеръ — фабрикантомъ въ Массачузетсѣ; Шурцъ — вашингтонскимъ корреспондентомъ нью-іоркской газеты «Tribune»; Зигель — издателемъ нѣмецкой газеты въ Балтиморѣ; Франклинъ — смотрителемъ оружейнаго депо Кольта; кавалерійскій генералъ Смитъ сдѣлался владѣльцемъ фруктоваго магазина въ Чикаго; Патрикъ — фермеромъ близъ Нью-Іорка; Ферреро — танцмейстеромъ, а Виндгэмъ — учителемъ фехтованія.

что покуда все дѣло съ обѣихъ сторонъ ограничивается только словами. Французское и англійское правительство чувствуютъ, что американцы не могутъ питать къ нимъ особенно нѣжныхъ чувствъ за ихъ двусмысленный образъ дѣйствій во время войны, въ то время когда распаденіе Союза казалось несомнѣннымъ или по крайней мѣрѣ довольно вѣроятнымъ. Поэтому и Франція и Англія чувствуютъ себя не совсѣмъ спокойными послѣ побѣды Сѣвера. Съ своей стороны и вашингтонское правительство не думаетъ скрывать своего нерасположенія къ этимъ державамъ, вызваннаго ихъ образомъ дѣйствій во время войны, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это нерасположеніе. Но отсюда до открытаго столкновенія, до начала войны между Соединенными Штатами и неблагорасположенными къ нему европейскими державами чрезвычайно далеко, и покуда, какъ мы говорили, дѣло ограничивается только словами. Далѣе обмѣна нотъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ, и далѣе газетной полемики, болѣе или менѣе ожесточенной, дѣло еще не доходило. Въ началѣ, вскорѣ послѣ прекращенія войны, Англія очень опасалась нападенія американцевъ на Канаду; полагали, что американскія войска, не имѣя дѣла внутри Союза, непремѣнно бросятся на Канаду. Теперь по прошествіи девяти мѣсяцевъ съ окончанія войны, и послѣ распущенія $^{9}/_{10}$ федеральной арміи опасенія эти совершенно улеглись. Затѣмъ между Англіею и Америкою происходили разныя дипломатическія столкновенія: по вопросу о конфедератскихъ крейсерахъ, снаряженныхъ въ англійскихъ портахъ, что подало вашингтонскому правительству требовать отъ Англіи вознагражденія за убытки, причиненные этими крейсерами американской торговлѣ (требованія, въ которыхъ впрочемъ Англія отказала союзному правительству); по вопросу о конфедератскомъ долгѣ, которому покровительствовали, и въ которомъ даже будто бы принимали участіе англійскіе государственные люди. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло ограничивалось обмѣномъ извѣстнаго числа депешъ. — Хотя въ президентскомъ посланіи поведеніе Англіи во время войны названо несправедливымъ, — однако ни президентъ, ни законодательныя собранія не хотѣли доводить дѣло до разрыва съ Англіей, и еще очень недавно вашингтонскій сенатъ отвергнулъ предложеніе нѣкоего Чендлера о томъ, чтобы прервать сношенія съ Англіей за снаряженіе конфедератскихъ крейсеровъ въ англійскихъ гаваняхъ. — Отношенія Америки къ Франціи и возможность близкаго столкновенія между этими державами возбуждаютъ еще болѣе толковъ, нежели отношенія ея къ Англіи. Не разъ уже выдавали за достовѣрное, что близкое столкновеніе между Франціей и Америкой изъ-за Мехики неминуемо. Президентское посланіе коснулось этого вопроса очень осторожно—но за то конгрессъ

дѣйствительно никакъ не можетъ помириться съ мыслью объ утвержденіи мехиканской имперіи на мѣстѣ мехиканской республики. Коснувшись мехиканскаго вопроса, онъ принялъ резолюцію — просить президента о принятіи въ этомъ дѣлѣ такихъ мѣръ, которыя согласовались бы съ традиціонной политикой, честью и интересами Соединенныхъ Штатовъ. Французское правительство по видимому сильно опасается американскаго вмѣшательства въ мехиканскія дѣла. Изъ недавно обнародованной французской «Желтой Книги» (собранія дипломатическихъ документовъ) видно, что французское правительство дѣлало многократныя усилія, для того чтобы получить отъ американскаго правительства какія-нибудь гарантіи относительно Мехики. Въ октябрѣ прошлаго года Друэнъ де-Люизъ уговаривалъ вашингтонское правительство признать мехиканскую имперію. Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года онъ не говоритъ уже о признаніи, а приглашаетъ только американское правительство объявить о намѣреніи своемъ сохранить нейтралитетъ въ мехиканскомъ вопросѣ. Тогда, говоритъ Друэнъ де-Люизъ—и французское правительство приметъ свои мѣры къ удаленію французскихъ войскъ изъ Мехики. Вашингтонское правительство не говоритъ ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ на границѣ между Мехикой и Соединенными Штатами, на берегахъ рѣки Ріо-Гранде, происходятъ постоянныя столкновенія между американскими солдатами и властями съ одной, и французами и имперіалистами съ другой стороны.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(ПОЧЕМУ Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМЪ И ЗАНИМАЮСЬ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ? — ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА И ДРАКА НА БАЛѢ У Г. МАРЦИНКЕВИЧА. — РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ОБЪ ЭМАНСИПАЦІИ ЖЕНЩИНЪ. — КАКОВА ПЕРЕДНЯЯ У ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И ШВЕЙЦАРСКАЯ У ОБЩЕСТВА «СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ?» — ИСЧЕЗАЮЩІЙ ТИПЪ ЛАКЕЕВЪ.—Brüderschaft МОСКВЫ СЪ НЬЮ-ІОРКОМЪ.—ОБѢДЪ СО СПИЧАМИ.—ЛЕКЦІИ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА Г. ВИШОПА. — ПОЧЕМУ МЕНЯ НЕ ПУСТИЛИ НА ПУБЛИЧНУЮ ЛЕКЦІЮ Г. ЛОХВИЦКАГО.—ЛЕКЦІИ О ВОЕННО-СУДНОЙ РЕФОРМѢ.—ТАТУИРОВАННЫЕ ЛЮДИ ВЪ ПАССАЖѢ. — ПРОЭКТЪ КОЛЛЕКЦІИ НАРОДНЫХЪ ТИПОВЪ. — Я ВИДѢЛЪ ЕГО. — ЧЕГО Я ОЖИДАЛЪ ОТЪ ЛЕКЦІЙ Г. ЛОХВИЦКАГО. — УДИВИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ Г. ЛОХВИЦКАГО КАСАТЕЛЬНО УЧАСТІЯ НАРОДА ВЪ УПРАВЛЕНІИ И СУДѢ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ).

То есть, не теоріи, не фантазіи, не умствованія какія нибудь; даже и не литература, а дѣйствительность,—голая, прямая, такъ сказать, осязательная дѣйствительность, какою мы ее видимъ, слышимъ нюхаемъ, вкушаемъ и въ руки беремъ — вотъ мой предметъ. Я противъ литературы и не желаю заниматься ею. Правда, я тоже вотъ пишу, литеры ставлю, стало быть, тоже въ нѣкоторомъ родѣ литераторъ; но это только такъ кажется, только по формѣ я выхожу литераторъ, а на самомъ дѣлѣ я простой, обыкновенный, дѣйствительный человѣкъ и съ литераторами, кромѣ вотъ этого писанія литеръ, не хочу имѣть ничего общаго. Я пользуюсь изобрѣтеніями письма и печати только потому, что не нахожу другаго способа бесѣдовать съ лично мнѣ незнакомыми или въ С.-Петербургѣ не находящимися моими согражданами. Я человѣкъ дѣйствительный, живой, осязаемый и то, что я пишу,—живая, осязательная дѣйствительность, прошу поэтому не смѣшивать ни меня самого съ какими бы то ни было писателями и сочинителями, ни моей статьи съ ихъ произведеніями. Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ вы, мои читатели, и писателемъ быть не хочу и не хочу!

Почему?

Да очень просто, — потому, что кто же интересуется нынѣ литературой? Кто не смѣется надъ ней, не называетъ ее бреднями, вздоромъ, фантазіями, предметомъ или вещью совершенно чуждою

дѣйствительности, интересамъ и требованіямъ жизни?! Литература— это такъ себѣ, — фантазерство, пустое препровожденіе времени! О важности и значеніи ея прокричала вѣдь только она же сама. «Стыдъ и срамъ, говоритъ она, не имѣть литературы, стыдъ и срамъ не интересоваться ею, не слѣдить за ея успѣхами, не радоваться ея процвѣтанію и не скорбѣть о ея упадкѣ; грубость и невѣжество—ничего не читать и не принимать къ свѣдѣнію и руководству написаннаго; горе тому народу, который не имѣетъ литературы или не интересуется ею...» и т. д.

Какъ же бы не такъ! Такъ вотъ я и повѣрю всему этому! А что жизнь-то говоритъ, — дѣйствительная, настоящая, а не измышленная литераторами жизнь? Я, напримѣръ, знаю одну даму, очень и очень образованную, говорящую, кромѣ русскаго, еще на трехъ европейскихъ языкахъ. Она мнѣ недавно объявила, что она ничего, ровно таки ничего не читаетъ! Милля, говоритъ, прочитала, и Бокля въ русскомъ переводѣ прочитала, хотѣлось бы еще прочитать Бокля въ подлинникѣ, да не могу его нигдѣ достать.

— Что же, говорю я, вы все англійскія и французскія книги читаете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, и тѣхъ не читаю... Я не тѣмъ теперь занята... Я занимаюсь жизнью, какъ она есть,—дѣйствительной, практической.

Она телеграфистка.

Стало быть, заключаю я, и всѣ телеграфисты, равно какъ и всѣ другіе люди, занимающіеся дѣйствительной практической жизнью, не имѣютъ никакой нужды въ литературѣ, и могутъ смѣло нисколько не заниматься и не интересоваться ею. Да не подумаетъ читатель, что я основываю свой выводъ только на одномъ этомъ фактѣ. Нѣтъ, въ пользу моего вывода говоритъ бездна фактовъ; напримѣръ хоть бы эти безчисленные и печатные и устные крики, что писатели все только свои фантазіи проповѣдуютъ, что они теоретики, утописты и дѣйствительной жизни не знаютъ; или сей многознаменательный фактъ, что народъ нашъ и понятія никакого не имѣетъ о литературѣ и въ массѣ своей даже грамоты не знаетъ, а вѣдь живетъ же таки, и какъ еще живетъ!

Вотъ почему и я не хочу заниматься литературой, а считаю за лучшее заниматься дѣйствительной жизнью. На мое занятіе слѣдуетъ поэтому смотрѣть такъ же, какъ смотримъ мы всѣ на занятія дворника, хлѣбопека, танцора, купца или застольнаго оратора, или оратора въ думѣ, въ земскомъ собраніи и т. п. Все это дѣйствительная жизнь и дѣйствительныя реальныя занятія, а не сочиненія какія нибудь. Я говорю и буду говорить съ тобой, читатель, такъ же, какъ

говоритъ съ тобой твой сосѣдъ или пріятель, и о такихъ же точно предметахъ, о какихъ и вы между собой бесѣдуете, такъ же просто и натурально, безъ всякихъ сочинительскихъ пріемовъ. Поэтому, прошу и умоляю — не обзывать меня писателемъ и моей бесѣды съ тобой не называть статьей или сочиненіемъ. Вовсе это не статья и не сочиненіе, а... Дѣйствительность.

Что же представляетъ намъ въ настоящую минуту эта дѣйствительность?

Во первыхъ, новый годъ,—тысяча восемь сотъ шестьдесятъ шестой. Не правда ли, вѣдь это дѣйствительность? Реальная, хотя и неосязаемая, но тѣмъ не менѣе дающая себя чувствовать. Ты, читатель, вѣроятно живо ощущалъ ее, когда дѣлалъ визиты и поздравленія твоимъ начальникамъ или вообще почитаемымъ тобою лицамъ. Если же ты самъ не дѣлалъ этихъ визитовъ, то можетъ быть принималъ ихъ или хоть прочитывалъ списокъ лицъ, дѣлавшихъ тебѣ визиты. Я не дѣлалъ этихъ визитовъ и не принималъ ихъ, потому что я ни гдѣ не служу, не имѣю ни начальниковъ надъ собою (прошу не смѣшивать названій: начальники и начальство, — послѣднее отличается отъ перваго существенно тѣмъ, что ему никто не обязывается дѣлать визиты), ни подчиненныхъ подъ собою и никакихъ особенно уважаемыхъ мною знакомыхъ.

Вотъ здѣсь я могу опять указать на мое отличіе отъ писателей и сочинителей. Кажется, всѣ до одного наши журналы и газеты поздравили своихъ читателей съ новымъ годомъ, наговорили имъ кучу благожеланій и насмѣшливо или вообще неодобрительно отозвались о новогоднихъ визитахъ и поздравленіяхъ. Я не дѣлаю ни того, ни другаго, ни третьяго, и именно потому, что я человѣкъ дѣйствительный, а не сочинитель, и передъ дѣйствительностью преклоняюсь. Всѣ сочинительскія поздравленія и благожеланія я считаю пустыми фразами, и даже хуже—задабриваніемъ читателей, а относительно визитовъ разсуждаю такъ: если люди чувствуютъ внутренній позывъ дѣлать визиты, если они преисполнены чувствами благорасположенія, почтенія и уваженія къ разнымъ лицамъ и особамъ, такъ и пусть ихъ дѣлаютъ визиты и высказываютъ свои похвальныя чувства. А если чувствъ этихъ они не питаютъ и охоты дѣлать визиты не имѣютъ, такъ вѣдь никто ихъ и не тянетъ за языкъ высказывать то, чего у нихъ на сердцѣ нѣтъ, и никто ихъ изъ дому не гонитъ дѣлать визиты. Своя охота шляться, свой вкусъ болтать то, чего на душѣ нѣтъ, пусть поэтому сами и раздѣлываются съ тѣми неудобствами и непріятностями, какія причиняютъ имъ ихъ натянутые визиты и поздравленія. Всѣ возгласы сочинителей тутъ не помогутъ. Чтобы не нажить однихъ непріятностей, люди добровольно подвергаютъ себя другимъ,—

ну и пусть ихъ! Не служите, если не хотите подвергать себя разнымъ случайно соединимымъ съ службою неудобствамъ; или служите, но умѣйте держать себя такъ, чтобы неисполненіе случайныхъ обрядовъ не причиняло вамъ никакихъ непріятностей. Сами вы люди взрослые и въ нянькахъ нужды имѣть не должны.

Обращаюсь къ моему предмету, къ новому году.

Такъ какъ я человѣкъ нѣсколько пропитанный западными идеями и вкусами, то я и новый годъ вздумалъ встрѣтить не по русски,—сидя дома или покоясь на ложѣ сна, чтобы по утру пораньше встать и пойти къ заутрени или по крайней мѣрѣ къ ранней обѣднѣ. Вмѣсто всего этого, я, подражая впрочемъ большинству петербуржцевъ, провелъ вечеръ и часть утра въ бодрствованіи и даже въ обществѣ. Такъ какъ у меня своего семейства нѣтъ и всѣ мои ближайшіе родные и знакомые встрѣчаютъ новый годъ по старому, по русскому обычаю —во снѣ, то я, чтобы встрѣтить новый годъ въ обществѣ, отправился 31 декабря въ 11 часовъ вечера въ первое попавшееся мнѣ на глаза общественное собраніе. Собраніе это было въ одной гостинницѣ или въ одномъ ресторанѣ,—меня тянули въ этотъ домъ мои тайныя симпатіи къ той странѣ, имя которой носитъ этотъ домъ. Въ петербургской NN (видите, какой я скромный, даже гостинницы не называю по имени, чтобы не оскорбить какъ нибудь ея хозяина и не навлечь на себя какого нибудь процесса!), я думалъ найти что нибудь иностранное, что нибудь такое, чего не встрѣтишь ни въ какомъ русскомъ собраніи. Но, увы, я въ этомъ очень ошибся — я нашелъ тамъ кое-что странное, но ровно таки ничего иностраннаго. На верху играла музыка, слышно было какое-то пѣніе, разряженныя госпожи то и дѣло ходили вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Я не пошелъ на верхъ и остался внизу въ столовой. Все было тамъ прилично и какъ слѣдуетъ—столы накрыты бѣлыми и чистыми салфетками, прислуга во фракахъ, публика сидитъ, пьетъ и кушаетъ. Я тоже сѣлъ рядомъ съ другими и спросилъ себѣ вина—не ради пьянства, а просто только для того, чтобы встрѣтить имъ новый годъ. Неподалеку отъ меня за особеннымъ столомъ сидѣли двѣ пары—двое молодыхъ мужчинъ и двѣ женщины, и тѣ и другія были прилично одѣты и казались совершенно порядочными людьми. Но вдругъ, не прошло и двухъ минутъ послѣ моего прихода, и я не успѣлъ еще хорошенько осмотрѣть всѣхъ находившихся въ залѣ, какъ одна изъ этихъ дамъ повисла на шеѣ своего кавалера и начала его цаловать, или даже скорѣе лизать! Барыня была, оказалось, совершенно пьяна и публикой нисколько не женировалась. Пріятельница ея вздумала было стыдить ее и напомнила ей, гдѣ она и что на нихъ-де люди смотрятъ. Но та, не перемѣняя ни своей позы, ни своихъ нѣжностей, отвѣчала, что она вѣдь не

чужаго цалуетъ, а мужа своего, и что мужа она смѣетъ во всякое время и вездѣ цаловать.

Затѣмъ я начинаю замѣчать, что въ столовой у насъ то и дѣло появляются разодѣтыя и разфранченныя дамы, съ длинными и короткими шлейфами, съ остриженными или завитыми волосами и съ испытующими и вызывающими очами.

Все это общество начинаетъ казаться мнѣ подозрительнымъ. На разныя эксцентрическія выходки нѣкоторыхъ особъ никто ни изъ мужчинъ, ни изъ дамъ не обращаетъ особеннаго вниманія, — видно, что никто, кромѣ меня, не находитъ всего этого ни новымъ, ни страннымъ, а напротивъ, всѣ находятъ явленіемъ совершенно обыкновеннымъ.

Бьетъ 12 часовъ. Сверху слышится гимнъ «Боже царя храни». Итакъ, онъ наступилъ, онъ, желанный 1866!

У насъ все остается, впрочемъ, совершенно по прежнему—люди пьютъ, ѣдятъ и цалуются, и никто не думаетъ какимъ бы то ни было образомъ привѣтствовать новый годъ.

Я негодую на это равнодушіе къ новому году, на эту невнимательность къ нему и, мысленно поздравляя всѣхъ моихъ милыхъ соотечественниковъ, а отчасти также и грековъ, съ новымъ годомъ и новымъ счастьемъ, торжественно выпиваю свой стаканъ.

Нѣтъ, въ той странѣ, имя которой носитъ этомъ домъ, не такъ встрѣчаютъ новый годъ! Тамъ всѣ и все одушевляется въ этотъ вечеръ; съ 7 или 8 часовъ по улицамъ ходитъ муыка; въ 12 часовъ палятъ изъ пушекъ и ружей и пускаютъ ракеты; люди совершенно чужіе и незнакомые между собою становятся въ эту минуту совершенно знакомы и поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ съ Богъ знаетъ какою радостью, чокаются между собою бокалами и стаканами вина и жмутъ другъ другу руки, какъ будто какіе старые знакомые или друзья.

Вы скажете, что и у насъ дѣлается тоже самое, что вольно же мнѣ было попасть въ какую-то пошлую гостинницу...

Это, конечно, такъ, и претензій я ни на кого никакихъ не объявляю. Извѣстно — что городъ, то норовъ и что страна, то свой обычай. Но какъ кажется тебѣ, читатель, вотъ то, что если ты наканунѣ новаго года или даже и не наканунѣ новаго года, а во всякое обыкновенное время зайдешь въ первую попавшуюся на глаза петербургскую гостинницу или даже и не въ первую попавшуюся на глаза, а въ хорошую гостинницу съ хорошимъ реномэ и на одной изъ лучшихъ улицъ, то ты рискуешь попасть тамъ въ такое общество, въ которомъ изъ сотни и даже можетъ быть изъ сотенъ жен-

щинъ не найдется ни одной... ну ты понимаешь... какъ это было напримѣръ со мною въ оный несчастный вечеръ (*)?

Впрочемъ этотъ пунктъ еще не особенно важенъ, а вотъ этотъ будетъ вѣроятно поважнѣе.

Какъ, напримѣръ, смотришь ты, читатель, на ту даму, которую я сейчасъ описалъ, которая въ общественномъ мѣстѣ обнимается и цалуется съ мужчинами? Не правда ли, ты называешь ее потерянной,

---

(*) Недавно изъ одной газеты узналъ я, что въ тотъ же самый вечеръ наканунѣ новаго года въ другомъ общественномъ собраніи происходила другая сцена такого же нравственаго характера, только гораздо болѣе торжественная, даже въ нѣкоторомъ родѣ грандіозная. Вотъ описаніе этой сцены:

«Въ новый годъ былъ я въ гостяхъ съ своимъ знакомымъ. Часу въ 1-мъ, на возвратномъ пути, намъ пришлось ѣхать по набержной р. Фонтанки, мимо г. Марцинкевича. Увидѣвъ освѣщеніе, мы условились войти къ нему и посмотрѣть на эту танцовальную оргію.

«И дѣйствительно было на что взглянуть: шумъ, крикъ, тѣснота, разнохарактерные костюмы, и къ довершенію ералаша, пьяные ловеласы, подъ вліяніемъ Бахуса.

«У оркестра былъ выставленъ аншлагъ, который гласилъ: «антрактъ». Времени прошло около часу... Вдругъ слышимъ сильный шумъ... подходимъ ближе: ссора, раздаются пощечины, почти вся масса соединилась вмѣстѣ, и пошла потѣха! Одна половина отстаивала своихъ, другая своихъ. Мы не могли узнать положительно, изъ-за чего произошла ссора, только съ ужасомъ смотрѣли, какъ одна масса вошла въ сильный азартъ и пустилась въ кулачный бой, не щадя никого. Дамы кричали, бѣгали, падали, сбивая съ ногъ и другихъ; просили защиты. Наконецъ дошло до схватки стульями. Г. Марцинкевичъ ничего не могъ сдѣлать: кто-то далъ знакъ, чтобъ играли «лансье»... Десять разъ подавали сигналъ, но никто не обращалъ вниманія: кто охалъ, кто держалъ платокъ около лица... иные приставали къ Марцинкевичу, требуя удовлетворенія за обиду. Наконецъ утихло: главныхъ зачинщиковъ успѣли уговорить и вывести, но паническій страхъ овладѣлъ всѣми. Многіе спѣшили уйти подобру, по-здорову, въ томъ числѣ и мы».

Каково? Что, если и въ десяткѣ или даже полсотнѣ другихъ петербургскихъ общественныхъ собраній происходили въ оный вечеръ такія же или подобныя этимъ сцены и картины? Что, если и во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ большей части общественныхъ собраній всѣхъ городовъ и городишекъ русскихъ происходили въ этотъ вечеръ такія же сцены? Что, если эти или подобныя имъ сцены происходятъ въ тѣхъ собраніяхъ и не наканунѣ только новаго года, а каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю или даже каждый день, словомъ, каждый разъ, какъ только такія общественныя собранія устроиваются? Извѣстно, что духъ общежитія у насъ въ послѣднее время очень развился и многія общественныя собранія имѣютъ характеръ правильно и часто повторяющейся періодичности? Что, если всѣ эти собранія нечужды характера Марцинкевичевскихъ или NN-скихъ собраній и мы не знаемъ всѣхъ происходящихъ въ нихъ сценъ, картинъ и происшествій только потому, что онѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ не попадаютъ въ газеты?! А есть не мало и теоретическихъ и практическихъ основаній думать, что мои предположенія не далеки отъ дѣйствительности.

падшей женщиной, стыдомъ и оскорбленіемъ для всѣхъ порядочныхъ женщинъ, честныхъ женъ и матерей?

Тебѣ, читатель, не мѣшаетъ поразмыслить объ этомъ предметѣ побольше и подольше, а я займусь третьимъ пунктомъ.

Вотъ наши господа сочинители все убиваются изъ-за какой-то эмансипаціи женщинъ, изъ-за предоставленія и дарованія имъ разныхъ правъ и чуть ли даже не преимуществъ, изъ-за покровительства имъ и защиты ихъ отъ сильныхъ, отъ варваровъ и тирановъ мужей и жестокосердыхъ и необразованныхъ родителей, изъ-за того, наконецъ, чтобы женщины и дѣвицы могли безбоязненно проходить въ 7 или даже 8 часовъ вечера съ одного конца Невскаго проспекта до другаго. Я слышалъ даже, будто составляется какое-то общество, члены котораго должны будутъ поочереди дежурить на Невскомъ проспектѣ, а если число членовъ будетъ огромно, то и на нѣкоторыхъ другихъ улицахъ, — дежурить и съ палками въ рукахъ защищать женщинъ отъ нападеній мужчинъ. Все это пожалуй похвально, жаль только что все это довольно смѣшно; а смѣшно это потому, что нисколько не сообразно съ дѣйствительностію.

«Эмансипація! Свобода женщинъ!...

О, если бы, женщинѣ дали свободу, если бы она была эмансипировина! Какъ бы все быстро и смѣло пошло тогда впередъ и какъ бы ускорено было этимъ наступленіе для человѣчества того счастливаго и блаженнаго времени, о которомъ мы теперь только мечтаемъ», говорятъ сочинители.

Помилуйте, да какая еще нужна женщинамъ свобода и эмансипація? Развѣ онѣ не свободны уже и не эмансипированы? Вольно же этимъ сочинителямъ запираться въ своихъ кабинетахъ какими-то отшельниками и не слѣдить за дѣйствительностію. Это ихъ блаженное время уже наступило, — наши женщины и эмансипированы, и совершенно свободны; не только по вечерамъ, между 7 и 8 часами, а даже по ночамъ гуляютъ онѣ и по Невскому, и по Пассажу, и по Литейной, и по Гороховой и по всѣмъ другимъ улицамъ, по которымъ только онѣ считаютъ удобнымъ и выгоднымъ для себя гулять; и никто на нихъ не нападаетъ, никто ихъ не обижаетъ, напротивъ, онѣ сами скорѣе готовы всякаго обидѣть, ко всякому пристать и предложить свои услуги проводить; онѣ однѣ, безъ всякихъ кавалеровъ и провожатыхъ, ѣздятъ на балы, въ театры, маскарады и разныя собранія. Если онѣ и обращаются еще къ кавалерамъ за помощью, то развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ нужду въ презрѣнномъ металлѣ. Во всемъ же прочемъ онѣ совершенно свободны и эмансипированы.

Я передавалъ эти соображенія нѣкоторымъ господамъ сочинителямъ;

я увѣрялъ ихъ, что эмансипація женщинъ уже наступила и что онѣ не нуждаются больше ни въ какой сводобѣ, что они, господа сочинители, отстали отъ дѣйствительности и что потому-то и за то-то ихъ и фантазерами величаютъ и считаютъ людьми не только безполезными для отечества, а отчасти даже и вредными. Но предетавьте себѣ, что отвѣчали мнѣ они!

— Вы, говорятъ, шутите или серьезно говорите? Я отвѣчалъ, что говорю совершенно серьезно и искренно, тѣмъ болѣе, что это не мое только личное мнѣніе, а мнѣніе и очень многихъ солидныхъ, образованныхъ и высокопочтенныхъ лицъ обоего пола, что мы всѣ, люди дѣйствительности, люди настоящей, практической, а не кабинетной жизни, всѣ такого мнѣнія отъ эмансипаціи и свободѣ женщинъ.

— Въ такомъ случаѣ, говорятъ, съ вами и разсуждать нечего—не стоитъ слова тратить понапрасну. Вы и всѣ подобные вамъ практическіе люди, люди дѣйствительности, а не кабинетной жизни, то-есть не жизни разсудка, всѣ вы порете страшную дичь.

— Нѣтъ, отчегоже? Позвольте, говорю я. И я и всѣ подобные мнѣ люди дѣйствительности, мы тоже можемъ разсуждать, извините. Вѣдь эмансипація что такое? Свобода, независимость, самоуправленіе. Эмансипація женщинъ — это независимость ихъ отъ мужчинъ, и въ частности отъ мужей и родителей; это право и возможность дѣлать все, что угодно — итти куда угодно и когда угодно, одѣваться какъ угодно и во что угодно, жить, содержать себя какъ и на что угодно, любить, обнимать, цаловать—кого угодно, когда угодно, гдѣ угодно и какъ угодно. Не правда ли, вѣдь это эмансипація женщинъ, которую вы тамъ сочиняете? Ея вы жаждете, изъ-за нея ночей не спите и все пишете и пишете? Такъ, сознайтесь, развѣ тѣ женщины, въ обществѣ которыхъ я встрѣчалъ настоящій годъ, не тоже самое, чего вы желаете и о чемъ вы старатесь! Онѣ не признаютъ надъ собой никакихъ узъ, кромѣ полицейскихъ, — ни родительскихъ, ни супружескихъ, и по всей вѣроятности, материнскихъ, — т. е. относительно своихъ дѣтей.

Такъ что же? Вѣдь даже обидѣлись!

— Милостивый государь, говорятъ — замолчали бы вы лучше съ такими вашими разсужденіями. Если вы въ самомъ дѣлѣ не знали, такъ узнайте хоть теперь, что свобода и эмансипація женщинъ нисколько не похожа на ту пошлость, которую вы изображаете, и что желаемая и ожидаемая нами свобода и эмансипація женщинъ не унижаетъ и не опошляетъ людей, а напротивъ облагораживаетъ ихъ и дѣлаетъ преданными дѣтьми, любящими и вѣрными супругами, доб-

рыми и попечительными родителями и вообще во всѣхъ отношеніяхъ отличными гражданами.

Не желая изъ-за такихъ пустяковъ ссориться съ людьми, я, конечно, замолчалъ, не желаю и теперь продолжать разсуждать объ этомъ предметѣ. А ты, читатель, можешь еще подумать объ немъ и пообсудить его обстоятельнѣе и многостороннѣе,—онъ стоитъ того, особенно въ виду извѣстныхъ преній и разсужденій о женской эмансипаціи. Но я не могу удержаться, чтобы не обратиться къ господамъ сочинителямъ: скажите пожалуйста, господа, къ чему служитъ вамъ, а потомъ и намъ, практическимъ людямъ, ваше сочинительство? Изъ-за чего вы такъ распинаетесь, кому вы проповѣдуете, чего вы добиться хотите?

Дѣло, жизнь! о, какъ глубоки, какъ многозначительны эти слова! И какъ богаты содержаніемъ и жизненнымъ интересомъ тѣ предметы, которые они собою изображаютъ! Часто иду я по улицѣ, смотрю по сторонамъ и размышляю. Вотъ мимо меня идутъ, ѣдутъ, бѣгутъ и снуютъ люди, цѣлыя массы людей всевозможныхъ возрастовъ, званій, состояній и національностей; они говорятъ между собой, молчатъ, работаютъ, бранятся и ничего не дѣлаютъ; строятъ дома, разрушаютъ ихъ, очищаютъ улицы и грязнятъ ихъ, торгуютъ и покупаютъ, выступаютъ важно и смиренно, одѣты въ соболи, шелкъ и бархатъ и въ шерстяныя фуфайки и нагольные полушубки; передо мною торцовыя мостовыя, рельсы желѣзной дороги, великолѣпные дома, дворцы и монументы, зеркальныя окна въ косую сажень и чуть не въ такую же сажень шлейфы пышныхъ дамъ. Все это жизнь, дѣйствительность, а гдѣ, думаю я, ты, литература? Вотъ направо и налѣво отъ меня то и дѣло виднѣются книжные лавки и магазины; но это лавки и магазины, а не литература. Гдѣ же ты, писательство и сочинительство? Тебя не видно и не слышно въ этомъ круговоротѣ дѣйствительной жизни. Ты сидишь себѣ въ твоихъ кабинетахъ и мечтаешь, поглядывая по временамъ изъ окошка на дѣйствительную жизнь, мечтаешь и мнѣ кажется, какъ будто говоришь само про себя: «а вѣдь все это создано и произведено изъ ничтожества мною! Я изъ тиши моихъ кабинетовъ всѣмъ міромъ управляю и по своему произволу направляю эту дѣйствительную жизнь куда мнѣ угодно и какъ угодно. Пусть дѣйствительная жизнь не признаетъ меня, пусть преслѣдуетъ и гонитъ, — я все-таки держу ее въ своихъ рукахъ, слѣжу за каждымъ ея шагомъ и указываю ей пропасти и ямы, въ которыя она можетъ попасть, и постоянную дорогу, по которой ей слѣдуетъ идти. Я...» И такъ далѣе! Фантазіи пріятныя, а можетъ быть даже и основательныя, но дѣйствительной жизни все-таки нѣтъ до нихъ

никакого дѣла и она не обращаетъ никакого вниманія ни на эти фантазіи, ни на самое сочинительство.

Но довольно о сочинителяхъ и сочинительствѣ. Я задумалъ дѣйствительную жизнь изображать, а не разсуждать и резонировать, и хотя разсужденія и особенно резонерство и въ дѣйствительности не рѣдко встрѣчаются, но однако же... Чтобы прогуляться съ тобой, читатель, по петербургской дѣйствительности, я счелъ за нужное предварительно самому отчасти познакомиться, а отчасти возобновить старое знакомство съ ней. Блуждая съ этой цѣлью по улицамъ, площадямъ, заведеніямъ и разнымъ учрежденіямъ Петербурга, я совершенно случайно, безъ всякой, такъ сказать, наблюдательской мысли, а просто только по побужденію холода и сырости, вошелъ въ одно заведеніе, съ надписью «распивочно и на выносъ»... Я краснѣю, пиша эти строки, и даже раздумываю, не умолчать ли мнѣ лучше объ этомъ предметѣ?

Да впрочемъ и разсказъ-то совсѣмъ пустой. Вся суть и весь интересъ его заключается только въ томъ, что когда я вступилъ въ кабакѣ въ разговоръ съ какимъ-то полупьянымъ полицейскимъ, объяснявшимъ, какъ онъ на дняхъ избилъ какого-то барина, то ко мнѣ подошла какая-то, тоже полупьяная, бекешка и таинственно-дружески сказала мнѣ на ухо: — Вы изволите быть вѣроятно фельетонистъ?

Я чрезвычайно удивился такому странному и совершенно неожиданному вопросу, и въ первую минуту даже совсѣмъ растерялся.

— Нѣтъ, я такъ, я просто только усталъ и немного озябъ, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.—Я хотѣлъ здѣсь немножко согрѣться и отдохнуть... А вы почему же думаете, что я какой нибудь фельетонистъ?

— Да то-то, я думалъ... такъ... извините, пожалуйста, отвѣчала бекешка, вовсе, кажется, не вѣря моему отреченію.—Вы такъ всѣмъ интересуетесь, я и подумалъ... Ничего-съ... Знаете, есть такіе господа; они вотъ такъ все слушаютъ и смотрятъ, а потомъ описываютъ это въ газетахъ...

Сначала я обидѣлся было этимъ сопоставленіемъ меня на одну доску съ какими-то «отмѣтчиками», потому что я, какъ я уже объяснялъ, вообще не желаю имѣть съ литературой и литераторами ничего общаго; но вскорѣ затѣмъ я успокоился на такомъ размышленіи: что же, литература конечно пустое препровожденіе времени, но гласность и предваніе ей имѣютъ свое значеніе; можетъ быть, онѣ скоро получатъ даже преобладающее, исключительное значеніе, можетъ быть, скоро и вся наша литература обратится въ одну только гласность, въ одну сплошную массу «отмѣтокъ», «замѣтокъ» и обличеній паловальниковъ, не додающихъ пьянымъ мужи-

камъ сдачу, или городовыхъ, закрывающихъ рукою свои бляхи, и т. п. Утѣшило меня также и то, что вотъ даже и въ «распивочныхъ и на выносъ» знаютъ нѣчто объ литературѣ, говорятъ объ ней и даже нѣкоторымъ образомъ покровительствуютъ ей, потому что вопрошавшей меня бекешкѣ очевидно хотѣлось или сообщить мнѣ нѣчто изъ подлежащаго гласности и обличенію, или же по крайней мѣрѣ указать на нѣкоторыя особенныя стороны того, что я могъ бы найти въ этомъ кабакѣ достойнымъ обличенія.

Но меня сердитъ то, что въ моей физіономіи или даже во всей моей внѣшности есть что-то такое фельетонное, что-то такое, почему меня то и дѣло спрашиваютъ, не фельетонистъ ли я, не пишу ли я для какой нибудь газеты. Недавно захотѣлось мнѣ, въ видахъ изученія дѣйствительности, посмотрѣть на одно ученое собраніе и послушать, о чемъ тамъ люди говорятъ и разсуждаютъ, но меня остановили передъ дверьми этого святилища вопросомъ: кто я такой? Я отвѣчалъ, что я... такъ,—желалъ бы присутствовать въ собраніи этого общества.

— Вы членъ общества, или по крайней мѣрѣ введены въ него кѣмъ нибудь изъ членовъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — я не членъ и никѣмъ не рекомендованъ.

— Но вы занимаетесь... (спрашивавшій меня господинъ назвалъ тотъ предметъ, которымъ занимается общество), или по крайней мѣрѣ интересуетесь этимъ предметомъ?

— Нѣтъ, я не занимаюсь этимъ предметомъ, но мнѣ было бы интересно...

— Вы служите гдѣ нибудь? продолжали меня выспрашивать.

— Нѣтъ... не служу... я такъ... желалъ бы...

— Вы вѣроятно отъ какой нибудь газеты?

— Нѣтъ, я... мнѣ бы хотѣлось... Можетъ быть, я что нибудь и написалъ бы...

— Видите ли, у насъ такое правило, что въ собраніи могутъ присутствовать только одни члены общества или по крайней мѣрѣ лица, введенныя кѣмъ нибудь изъ членовъ... Имѣете ли вы знакомыхъ между членами?

— Нѣтъ-съ... Мнѣ хотѣлось бы... но если по вашимъ правиламъ нельзя, то конечно...

Мнѣ оставалось только удалиться, и я удалился, негодуя на то, что я и не членъ этого ученаго общества, и не имѣю ни одного знакомаго между этими учеными членами, а главное, что я выглядываю какимъ-то господиномъ отъ газеты!

Я могу утѣшать себя развѣ только тѣмъ, что вотъ предаю теперь правила этого общества гласности и обличенію и высказываю свое

недоумѣніе относительно цѣлей этого общества. Оно ученое общество, имѣетъ, если не ближайшею, то вѣроятно по крайней мѣрѣ отдаленною своею цѣлію — распространеніе учености въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, въ массѣ всѣхъ моихъ согражданъ; зачѣмъ же оно, въ такомъ случаѣ, дѣлаетъ свои ученыя бесѣды и разсужденія тайной? — Я не знаю, можетъ быть, это общество даетъ когда нибудь публичные отчеты о своихъ трудахъ, открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, но отчеты эти во всякомъ случаѣ никакъ не могутъ сравняться съ самымъ процессомъ занятій общества, съ устнымъ изложеніемъ этихъ открытій и изслѣдованій. Можетъ быть, почтенные члены ученаго общества боятся, что ихъ предварительная, черновая работа покажется всякому постороннему уху и глазу слишкомъ черновою и неказистою, но въ видахъ общественной пользы они могли бы излишнюю гордость и самолюбіе отложить и въ сторону. Если же ихъ черновая работа въ самомъ дѣлѣ ужь больно черновая и неказистая, то имъ конечно не безъизвѣстно, что въ такомъ случаѣ и бѣловая ихъ работа — ихъ отчеты не могутъ показаться публикѣ особенно бѣлыми и казистыми.

Да. Но какъ бы тамъ ни было, а все-таки я такъ-таки и не узналъ, что такое *энтомологія* и чѣмъ занимается «русское энтомологическое общество»!

Потерпѣвши неудачу въ *энтомологическомъ* обществѣ, я отправился въ собраніе другаго общества, не ученаго. Здѣсь я былъ гораздо счастливѣе: здѣсь меня не только никто не спросилъ, не отъ газеты ли я, но даже едва ли кто и подумалъ, что я могу имѣть какія нибудь отношенія къ литературѣ. Впрочемъ, моя удача здѣсь дальше этого и не простерлась,—въ засѣданіе общества я опять-таки не былъ допущенъ, потому что и здѣсь господствуетъ тотъ же принципъ застѣнчивости и допущенія посторонняхъ только по протекціи. Протекціи я и здѣсь никакой не имѣлъ, и потому опять принужденъ былъ со стыдомъ удалиться.—На это общество я не сержусь, напротивъ, я чувствую даже побужденіе засвидѣтельствовать мою признательность швейцару при этомъ обществѣ, потому что онъ, не справившись даже о моемъ званіи и чинѣ, предупредительнѣйшимъ образомъ подалъ мнѣ калоши и накинулъ на меня шинель. Видно, что дрессированный господинъ, привыкшій къ барской передней. Честь и слава ему, но еще болѣе честь и слава тѣмъ, которые выдрессировали его!

И этой дрессировкѣ суждено исчезнуть! Этому типу, правда, лѣнивому, но тѣмъ не менѣе вѣрному и преданному лакея! Его замѣнитъ наемный лакей; можетъ быть, даже уже и этотъ швейцаръ получаетъ жалованье, и очень вѣроятно, что получаетъ, но я не сомнѣваюсь, что выросъ, воспитался и дрессировался онъ еще на мѣсячинѣ.

Наемный лакей будетъ уже не то; внѣ своей передней онъ будетъ уже и грубъ и дерзокъ, да и въ передней-то всегда ли онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ бы быть по идеѣ? А наконецъ, можемъ ли поручиться, что даже и этотъ типъ никогда не измѣнитъ намъ?!..

На эти печальныя мысли навела меня... кто бы вы думали? Москва и одинъ изъ авторитетнѣйшихъ ея литературныхъ органовъ — «Современная Лѣтопись»! Москва, Москва! И ты измѣняешь! Нѣтъ, болѣе — ты-то именно и измѣняешь!

Заговоривши о Москвѣ, я могу кстати разсказать объ одномъ недавно бывшемъ тамъ торжественномъ обѣдѣ. Обѣдъ этотъ данъ былъ московскимъ купечествомъ въ честь г. посланника Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. За обѣдомъ говорились рѣчи и спичи на русскомъ и англійскомъ языкахъ, игрались русскіе и американскіе національные гимны и пѣсни, развѣвались русскія и американскія знамена и пилось за полнѣйшій и искреннѣйшій Bruderschaft двухъ народовъ. Особенно хороши и интересны были рѣчи: въ нихъ объявлялось чуть ли не кровное родство и свойство Вашингтона съ Москвой и Коломны съ Нью-Іоркомъ!

Нью-Іоркъ и Москва, Москва и Нью-Іоркъ!! Я не могу къ этому ничего больше прибавить; я совсѣмъ таю отъ умиленія и избытка чувствъ; перо отказывается мнѣ служить и вываливается изъ рукъ —вѣроятно потому, что оно англійское, а Англія, какъ извѣстно, не можетъ переварить московскаго Bruderschaft'а съ янками. Не будучи въ силахъ писать что нибудь отъ себя, я заставлю вмѣсто себя говорить одну русскую газету, въ которой былъ описанъ московскій обѣдъ. «Судьба обоихъ народовъ (русскаго и американскаго) — загадка будущаго; но загадкѣ этой суждено раскрыть себя въ будущемъ такимъ великимъ значеніемъ обѣихъ странъ, какого, быть можетъ, не представляла исторія народовъ, ранѣе русскихъ и американцевъ вышедшихъ на поприще всесторонняго развитія внутреннихъ силъ. Крѣпкая вѣра въ это великое и славное будущее составляетъ нашу главную силу, могущественный залогъ нашей жизненности; тамъ, на другомъ полушаріи, такая же вѣра въ свое будущее присуща каждому гражданину американской республики. Этою крѣпкою вѣрою, быть можетъ, объясняется взаимная благородная симпатія, которая такъ сильно связываетъ два народа. Въ натурѣ американца, въ характерѣ американской жизни есть много такого, чего никакъ не можетъ понять воспитанный своею долговременною исторіей европеецъ, и что, однако, вполнѣ сочувственно и совершенно понятно для насъ, русскихъ (отчего же? Развѣ наша исторія не тысячелѣтняя?!). Съ другой стороны»... и такъ далѣе. Всѐ это хорошо, но самое лучшее вотъ это: «Америка сочувственна намъ по многимъ

причинамъ. Но нигдѣ, можетъ быть, не велико такъ сходство между Америкой и Россіей, какъ въ сферѣ интересовъ экономическихъ... Начала эти (по которымъ трактуемыя два государства болѣе всего сходны между собою) — единственныя начала, указываемыя государственною мудростью, должны состоять въ покровительствѣ и защитѣ народной промышленности и народнаго труда».

Т. е. короче и проще говоря, Сѣвероамериканскіе Штаты сходны съ нами и сочувственны намъ по покровительственной системѣ торговли! Но за этимъ вовсе не слѣдовало отправляться такъ далеко и отыскивать себѣ друзей за морями; я не знаю, какое государство могло бы въ этомъ отношеніи навлечь на себя нашу вражду; кажется, всѣ они болѣе или менѣе придерживаются того же начала торговли.

Нѣтъ, господа, связью между Москвою и Вашингтономъ служитъ не то. Первѣйшею и главнѣйшею, даже едва ли не единственною, нитью этой связи служитъ ничто другое, и никто другой, какъ г. Катковъ, бодро и неустанно оберегающій свое отечество отъ наплыва идей сепаратизма. Вотъ кому нужно было провозгласить заздравный и благодарственный тостъ; а объ этомъ-то на обѣдѣ всѣ и забыли. Впрочемъ, надобно и то сказать, за его здоровье было уже пито да и перепито!

Но я возвращаюсь опять къ Петербургу.

Онъ тоже начинаетъ подражать Москвѣ — пить, задавать обѣды, провозглашать за ними тосты и говорить нѣчто въ родѣ спичей. Но до Москвы ему далеко, далеко!

Обѣдъ есть учрежденіе, конечно, всемірное — всѣ люди, на всемъ земномъ шарѣ обѣдаютъ, нѣкоторые даже каждый день. Поэтому обращать особенное вниманіе на какой нибудь петербургскій обѣдъ и не стоило бы. Тотъ обѣдъ, который я имѣю здѣсь въ виду, данъ былъ цѣлымъ городскимъ обществомъ (что, впрочемъ, какъ оказывается изъ другихъ источниковъ, подлежитъ еще нѣкоторому спору) въ честь нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей. Но и въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго, и въ этой формѣ обѣдъ не выходитъ еще изъ круга обыкновенныхъ обѣдовъ, обыкновеннаго удовлетворенія чувства голода. Обѣдъ получаетъ свое высшее значеніе только тогда, когда за нимъ, вмѣстѣ съ чувственными, люди предаются еще и высшимъ духовнымъ наслажденіямъ.

Я разумѣю тосты и спичи.

Обѣдъ съ такимъ характеромъ есть не наше, не россійское, а чужеземное и именно англійское изобрѣтеніе. А такъ какъ изо всѣхъ русскихъ городовъ Москва первая объангличанилась, первая прониклась любовью къ англійскимъ учрежденіямъ и подражаніемъ тамош-

нимъ обычаямъ, то и обѣдъ со спичами и тостами получилъ тамъ полнѣйшія права гражданства и процвѣтаетъ такъ, какъ дай Богъ ему и въ самой Англіи процвѣтать. Тамъ люди умѣютъ говорить! Умѣютъ говорить много, плавно и складно; говорятъ даже на настоящемъ англійскомъ языкѣ, такъ что человѣкъ, случайно попавшій за такой обѣдъ, могъ бы пожалуй подумать, ужь не въ Англіи ли онъ находится, не лорда ли Росселя или не Брайта ли, говорящихъ предъ своими избирателями, слышитъ.

Но Петербургу далеко до первопрестольной! Ужь одно отсутствіе англійскаго языка что значитъ: хотя и здѣсь вѣроятно не мало найдется знатоковъ этого языка, даже по всей вѣроятности здѣсь ихъ несравненно больше, чѣмъ въ Москвѣ, но на обѣдѣ, данномъ здѣшнею Думою представителямъ земства, не было сказано ни одной рѣчи и ни одного спича на этомъ спичевскомъ языкѣ. Конечно, въ этомъ и видимой нужды не представлялось, но все-таки спичи отъ этого много потеряли. Потомъ и самые спичи были ужасно какъ жидки, вялы и лишены всякой торжественности. (Я на этомъ обѣдѣ не присутствовалъ, меня туда безъ протекціи вѣроятно тоже бы не пустили, но я на то и претензіи не могъ бы имѣть, потому что это вѣдь не тоже, что какое нибудь засѣданіе ученаго общества, но подробное описаніе этого обѣда я имѣю у себя передъ глазами). Повторяю — спичи были ужасно какъ вялы, особенно въ сравненіи съ московскими. Тамъ сила, жизнь и даже какая-то храбрость, а здѣсь кажется, что люди для только и собрались, чтобы пообѣдать, а вовсе не для того, чтобы рѣчи говорить. Я впрочемъ этого нисколько не осуждаю. Напротивъ, всѣмъ людямъ, неимѣющимъ нужды высказать за какимъ бы то ни было обѣдомъ какую нибудь положительную и опредѣленную мысль, всѣмъ такимъ людямъ даю мой дружескій совѣтъ: сидѣть, ѣсть, пить и говорить только съ своими сосѣдями, а торжественныхъ спичей на всю обѣденную залу не говорить и даже не пытаться говорить, особенно при теперешнемъ обиліи разныхъ стенографовъ и фельетонистовъ. Эти господа какъ разъ все опишутъ, а послѣдніе еще съ своими собственными прибавленіями, взглядами и украшеніями, — потому-то, должно быть, ихъ и неохотно пускаютъ въ иныя говорильни!

Спичами и рѣчами пренебрегать также нельзя—даръ слова есть, какъ извѣстно, единственный признакъ, которымъ человѣкъ отличается отъ животныхъ, отъ этихъ такъ называемыхъ неразумныхъ тварей. Я съ особеннымъ намѣреніемъ ставлю здѣсь фразу: «такъ называемыхъ», потому что Петербургу начинаютъ съ недавняго времени часто представляться случаи сомнѣваться въ томъ, что одинъ только человѣкъ и есть на всей землѣ тварь разумная. Гово-

рящихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ говорящихъ длинные спичи, намъ досель не приводилось еще видѣть, а разумныхъ животныхъ, «звѣрей, почти съ человѣческимъ понятіемъ» (какъ говорится въ одной афишѣ), Петербургу представляются случаи почти постоянно видѣть. Я уже не говорю о разныхъ чрезвычайно умныхъ собакахъ и лошадяхъ, которыхъ можно найти почти повсюду, которыхъ и въ Петербургѣ много; но въ послѣднее время въ Петербургѣ начали показывать даже дрессированныхъ львовъ, тигровъ, барсовъ и слоновъ. Чтобы поддаться такой дрессировкѣ и воспринять ее, надобно имѣть конечно мозгъ въ головѣ, надобно имѣть нѣчто изъ того, почему и выше описанный мною швейцаръ оказался способнымъ къ такой великолѣпной дрессировкѣ. Всѣхъ этихъ дрессированныхъ тварей я совѣтую Петербургскимъ жителямъ непремѣнно посмотрѣть. Труда особеннаго это имъ не будетъ стоить, и протекціи или рекомендаціи тутъ не нужно никакой—требуется только имѣть въ карманѣ нѣсколько лишнихъ рублей или даже копѣекъ денегъ; а поучительнаго тамъ они много найдутъ, поучительнаго и, если съ одной стороны питающаго, то съ другой за то усмиряющаго человѣческую гордость. Тамъ увидятъ они, что если эти дрессированные звѣри въ самомъ дѣлѣ «почти съ человѣческимъ понятіемъ», то людямъ, чтобы отличиться отъ нихъ, остается только одно—какъ можно больше и лучше усовершенствовать свою говорительную способность. А для этого, что дѣлать! надобно будетъ при каждомъ удобномъ случаѣ и спичи говорить. Спичеговореніе изучается лучше и легче всего, конечно, при посредствѣ примѣровъ, при посредствѣ личнаго наблюденія и слушанія спичей. Родина и колыбель россійскаго спичеговоренія отъ Петербурга далеко, 604 версты; отправляться туда слушать спичи, конечно, не совсѣмъ удобно. Но мы, петербуржцы, можемъ изучать это искусство и здѣсь. Не въ Думѣ, нѣтъ! И не на русскомъ языкѣ, а на чистѣйшемъ англійскомъ. Я знаю здѣсь такую школу. Объ открытіи въ ней зимнихъ курсовъ недавно было объявлено въ газетахъ. Эти курсы существуютъ здѣсь уже давно, около десяти лѣтъ, если даже не болѣе. Это курсы англійскаго языка Бишопа. Объ нихъ много и часто было уже говорено въ газетахъ, но я скажу объ нихъ еще нѣсколько словъ съ своей собственной точки зрѣнія.

Надѣюсь, г. Бишопъ не обидится тѣмъ, что я описываю его лекціи,—хотя онѣ и имѣютъ характеръ болѣе частный, даже почти семейный, но тѣмъ не менѣе онѣ называются публичными, доступъ къ нимъ хотя и не даровой, но все-таки не сопряженъ съ такими препятствіями, съ какими сопряженъ напр. доступъ къ нѣкоторымъ даровымъ ученымъ засѣданіямъ или нѣкоторымъ другимъ не даровымъ лекціямъ,—о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

«Надо видѣть, чтобы вѣрить», говоритъ г. Бергъ о своихъ удивительныхъ слонахъ; надобно видѣть, скажу я, и войти въ духъ этихъ лекцій, чтобы судить объ нихъ. Я видѣлъ и слышалъ эти лекціи и состою даже въ дружескихъ отношеніяхъ съ mr. Bishop'омъ, и потому думаю, что могу судить о лекціяхъ и объ учительскомъ характерѣ г. Бишопа.—Ужь одно то много говоритъ въ пользу этихъ лекцій, что каждая изъ нихъ продолжается обыкновенно отъ 2 до $2^1/_2$ часовъ, но ученики обыкновенно не чувствуютъ отъ этого никакого утомленія,—а это съ рѣдкими лекціями случается. Г. Бишопъ преподаетъ англійскій языкъ, но вы волей неволей, безъ особеннаго напряженія, почти незамѣтно, изучаете у него, кромѣ языка, еще и англійскую литературу, англійскую жизнь и англійскій характеръ и что на мой взглядъ придаетъ этимъ лекціямъ особенный характеръ, манеру быть хорошимъ, занимательнымъ, постоянно возбуждающимъ охоту себя слушать, учителемъ. Это-то послѣднее качество лекцій г. Бишопа и дѣлаетъ то, что двухъ и болѣе чѣмъ двухъ часовыя его лекціи нисколько не бываютъ для учащихся утомительны. Такихъ результатовъ г. Бишопъ достигаетъ вообще тѣмъ, что онъ нестолько требуетъ отъ учениковъ вниманія, сколько прежде всего самъ внимателенъ къ нимъ. Онъ неутомимо наблюдаетъ за своими учениками, за тѣмъ, слушаютъ ли они его, дѣлаютъ ли то, что онъ велитъ, *расположены ли* они это дѣлать, не устали ли, не наскучили ли имъ продолжительныя занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Поэтому онъ постоянно прерываетъ свои занятія шуткой, насмѣшкой, двусмысленнымъ комплиментомъ и простымъ замѣчаніемъ возбуждаетъ вниманіе разсѣянныхъ или истомившихся; если онъ замѣчаетъ, что ученики дѣйствительно утомлены, онъ измѣняетъ родъ занятія—отъ чтенія переходитъ къ письму, къ переводу, къ устному разсказу, къ *спичамъ*, диспутамъ, къ игрѣ въ карты, въ мячь, на фортепіано, пѣнію, къ игрѣ съ собаками; наконецъ совсѣмъ прекращаетъ на время свои занятія и дозволяетъ въ это время дѣлать ученикамъ, что имъ угодно. Но къ этому послѣднему средству онъ прибѣгаетъ рѣдко, потому что и одни выше перечисленныя мною занятія представляютъ довольно и развлеченія, и отдохновенія и для него самого, и для учащихся. Нашимъ строгимъ и серьезнымъ педагогамъ вѣроятно покажется эта манера заниматься съ учениками смѣшною и недостойною сей важной жрицы-науки, особенно, я думаю, игра въ мячь и съ собаками. Но г. Бишопъ и самъ едва ли уступитъ кому въ серьезности. Онъ не говоритъ вѣдь: «а вотъ мы для развлеченія поиграемъ теперь съ собачками». Собаки являются у него какъ-то случайно—вдругъ среди чтенія, напр. Шекспира, г. Бишопъ звонитъ и приказываетъ ввести собакъ. Собаки являются и начи-

наютъ бѣгать подъ столомъ; нѣкоторыя дамы и трусливые мужчины поднимаютъ крикъ и сторонятся отъ нихъ; г. Бишопъ успокоиваетъ ихъ, объявляя, что эти собаки совершенно смирны; а въ дрессировкѣ своей не уступятъ ни берговымъ слонамъ, ни куперовскимъ львамъ; любители собакъ начинаютъ ласкать ихъ, спрашивать, какъ онѣ называются, какой породы и том. под. Заставляютъ ихъ служить и выдѣлывать разныя собачьи штуки. За тѣмъ собаки удаляются и продолжается чтеніе Шекспира или Байрона. Вниманіе всѣхъ освѣжилось и въ тоже время учащіеся узнали нѣсколько новыхъ словъ и фразъ, которыхъ въ книгѣ они не встрѣтили бы, или которыя не такъ живо и ясно напечатлѣлись бы въ ихъ умѣ, если бы они встрѣтили ихъ въ книгѣ. Такъ же и съ такими же цѣлями дѣлаются и всѣ другія, подобныя этой штуки, и также только послѣ долгаго знакомства съ лекціями г. Бишопа, учащійся замѣчаетъ, что все это дѣлается систематически, съ разсчитанною цѣлью. Но за то для новичка и особенно для иного серьезнаго господина, пришедшаго на лекціи не за тѣмъ, чтобы на собакъ смотрѣть, а серьезно изучать англійскій языкъ, все это и многое подобное этому кажется ужасно мелочнымъ, смѣшнымъ и страннымъ. И прежде и больше всего кажется страннымъ самъ господинъ учитель. Странностей въ немъ, правда, бездна, и онѣ шокируютъ и оскорбляютъ иныхъ слишкомъ впечатлительныхъ и солидныхъ людей до того, что они вступаютъ тогда въ серьезныя объясненія съ незнающимъ и не желающимъ знать нашего тонкаго обращенія сыномъ гордаго Албіона; при чемъ бывали случаи, что эти господа получали такой афронтъ: «вы дали мнѣ деньги, чтобы учиться у меня, — учитесь, исполняйте то, что я вамъ говорю,—я только въ такомъ случаѣ отвѣчаю за успѣшность вашего ученья; не хотите меня слушать—возьмите ваши деньги назадъ и уходите». И это при десяти, двѣнадцати человѣкахъ публики разныхъ званій, состояній, возрастовъ и половъ! Впрочемъ подобныя рѣчи говорятся безъ малѣйшаго признака гнѣва или раздраженія; напротивъ, совершенно спокойно, даже какъ-то тупо спокойно, чисто по англійски,—если только вы, читатель, имѣли случай обращаться съ англичанами.

Вотъ у этого-то господина и можно изучать настоящіе англійскіе спичи. Мыслямъ онъ, конечно, не научатъ, у кого ихъ въ головѣ нѣтъ; этимъ каждому надобно будетъ самому запастись, но всѣ возможныя формы спичей и соединенные съ ними пріемы можно здѣсь, при добромъ желаніи, изучить въ совершенствѣ.

Я обѣщался познакомить тебя, читатель, еще съ другими петербургскими лекціями, но объ нихъ, къ сожалѣнію, я только и могу сказать, что онѣ существуютъ Доступъ къ нимъ соединенъ

съ такими же препятствіями, какъ и въ выше обличенныя мною ученыя собранія,—чтобы удостоиться чести слышать ихъ, надобно имѣть предварительную рекомендацію. А я и сюда не запасся никакой рекомендаціей. Вообще я долженъ сознаться, что я велъ себя легкомысленно, вздумалъ было изучать петербургскія публичныя и общественныя достопримѣчательности совершенно самостоятельно, безъ всякихъ протекцій и рекомендацій, но безъ рекомендацій и протекцій, оказывается, и здѣсь ни до чего не добьешся. Но позвольте же, господа, — на слѣдующій разъ я запасусь цѣлой кучей рекомендацій и протекцій—за этимъ у насъ дѣло не станетъ! Тогда я все высмотрю и выслушаю и, если нужно будетъ, все обличу и все предамъ гласности. Впрочемъ, не пугайтесь—все достойное похвалы и одобренія будетъ мною оцѣнено по заслугамъ.

Публичныя лекціи, на которыя мнѣ, безъ рекомендаціи, не удалось попасть, суть лекціи *Александра Владиміровича Лохвицкаго «О судебной реформѣ» (судебные уставы 20 ноября 1864 года)*, читанныя имъ въ залѣ «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія».—Что за счастливцы такіе эти члены и членши «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія», я ужь и не знаю! Затащили они къ себѣ Александра Владиміровича, заставили его разъяснять имъ судебную реформу, да и услаждаютъ имъ свои уши. Услаждаютъ они имъ свои уши и говорятъ ему: «Читай ты намъ, голубчикъ, читай; мы и уши развѣсили и рты разинули—словечка не проронимъ. Читай, знай, не бойся! Чего бояться? Все вѣдь свои здѣсь люди, все нашинскіе; никакихъ этихъ щелкоперовъ, что такъ охочи все критиковать да на смѣхъ поднимать, промежъ насъ нѣтъ. Всѣ мы здѣсь свои люди. И за деньги мы никого на твои лекціи не пустимъ, въ комъ не надежны».

Это такъ; купеческое общество имѣетъ право, если захочетъ, никого не пускать въ свою «залу», это несомнѣнно. Да вы-то, г. Лохвицкій, зачѣмъ поддались такимъ, не въ обиду впрочемъ будь сказано, варварскимъ правиламъ. Вы-то зачѣмъ прячете свой свѣтильникъ, науки и просвѣщенія подъ закрытый колпакъ купеческой залы? Зачѣмъ вы насъ-то, непмѣющихъ счастія принадлежать ни къ числу членовъ «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія», ни къ числу ихъ знакомыхъ, лишаете удовольствія слушать ваши разъясненія того, что есть такое эта судебная реформа? Пятьдесятъ копѣекъ-то, и даже больше, мы тоже могли бы заплатить за ваши лекціи; даромъ мы не стали бы ихъ слушать. А если вы боялись критики и зубоскальства, такъ по крайней мѣрѣ я со своей стороны увѣряю васъ, что я могъ бы отъ этого и повоздержаться, и даже думаю, что я не хуже любаго купца или его прикащика умѣю цѣнить и уважать

все дѣйствительно серьезное и возвышенное. Нѣтъ, ужь вы, пожалуйста, прочитайте свои лекціи еще разъ и допустите на нихъ, хотя за возвышенную плату, или за уменьшенную — какъ вамъ будетъ угодно, лицъ, не купеческаго только, но и всѣхъ возможныхъ сословій. Вѣдь, согласитесь сами, судебную реформу надобно знать не купеческому только сословію, а всѣмъ вообще русскимъ людямъ. Я осмѣлился бы даже дать вамъ такой совѣтъ: сдѣлать эти лекціи походными и посѣтить съ ними, буде возможно, всѣ города, села и веси россійской имперіи. Примите мой совѣтъ, г. Лохвицкій, да и съ Богомъ. Предварительно, впрочемъ, удостойте и другія сословія петербургскихъ жителей прослушать эти лекціи.

Г. Чебышевъ-Дмитріевъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые другіе, неизвѣстные ученые тоже читаютъ лекціи о судебной реформѣ, но они читаютъ только объ одномъ частномъ спеціальномъ отдѣлѣ ея, о военно-судной реформѣ и только, какъ говорится въ газетахъ, «для тѣхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, которымъ сдѣлано приглашеніе принять участіе въ первоначальной практикѣ новаго военнаго суда». Очевидно, это лекціи спеціальныя и для спеціалистовъ; характера публичности они не имѣютъ, и потому я не могу быть въ претензіи, если меня на эти лекціи не пустятъ, — хотя мнѣ можетъ быть тоже было бы и желательно и полезно узнать кое-что о военно-судебной реформѣ.

Вообще, я пришелъ къ убѣжденію, что поле дѣйствительности усѣяно разными благоуханными цвѣтами и вкусными плодами, но доступъ къ нимъ соединенъ съ разными, иногда совершенно непреодолимыми препятствіями, что протекціи и рекомендаціи нужны не на одной службѣ, какъ это обыкновенно думаютъ, а даже и въ торговомъ дѣлѣ — и за деньги-то можно пріобрѣсти иную вещь только по рекомендаціи и протекціи, какъ напр., билетъ на лекціи г. А. В. Лохвицкаго.

Впрочемъ, это очень рѣдко случается, и за деньги пріобрѣтаются обыкновенно почти всякія вещи на свѣтѣ. Въ этомъ я убѣдился тотчасъ же, когда отъ дома «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія» отправился въ пассажъ. Тамъ между объявленіями и вывѣсками бросился мнѣ въ глаза портретъ во весь ростъ одной изъ старыхъ знакомицъ Петербурга — Юліи Пастраны. Изъ-за портрета, сквозь отворенную дверь, слышались звуки дѣйствительно «унылаго» фортепіано.

Что это такое, воскликнулъ я чуть ли не вслухъ, вѣдь Юлія Пастрана давно уже умерла, кого же могутъ тамъ показывать? Ужь не портретъ ли ея, или не привезли ли изъ Германіи ея набальзамированное тѣло. Но кому же изъ петербургскихъ жителей будетъ охота

смотрѣть на Юлію Пастрану еще въ бальзамированномъ видѣ, когда она уже и при жизни своей всѣмъ надоѣла.

Оказалось, впрочемъ, что это была не Юлія, а другая Пастрана, Зенона, сестра Юліи.—Чтобы почтить память Юліи, я рѣшился посмотрѣть на Зенону. Входъ въ залъ къ Зенонѣ Пастранѣ стоилъ 25 коп. сер. и не былъ сопряженъ ни съ какими препятствіями.

Интереснаго Зенона Пастрана не представляетъ ничего; она даже нисколько и не уродъ; все отличіе ея отъ безчисленнаго множества некрасивыхъ женщинъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, только въ томъ и состоитъ, что у нея довольно длинная борода. Этакая рѣдкость—борода! Какъ будто у насъ мало своихъ женщинъ съ бородами! Правда, съ такой длинной бородой я не видалъ ни одной, но съ бородками, съ усиками и даже съ сильными зачатками бакенбардъ—очень не мало. А очень возможно, что въ нашемъ необъятномъ царствѣ найдется какая нибудь женщина, можетъ быть даже не одна, и съ настоящею мужскою бородою; стоитъ только поискать, или кличъ кликнуть. Вслѣдъ за этими соображеніями, я пришелъ въ «Залѣ» Зенопы Пастраны къ такой мысли: а почему бы намъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть теперь на иностранныхъ уродовъ, платить имъ за это деньги и переводить такимъ образомъ эти деньги за границу, почему бы намъ не собрать въ Петербургъ своихъ собственныхъ, доморощенныхъ уродовъ? Ужели же у насъ можетъ оказаться въ этомъ недостатокъ? Мало ли у насъ слѣпыхъ, хромыхъ, безрукихъ, безногихъ, кривошеихъ, кривобокихъ, ползающихъ на рукахъ и на колѣнкахъ, съ вытянутыми плашмя или загнутыми въ сторону или вверхъ ступнями и т. д. Вотъ самыя рѣзкія образчики всѣхъ этихъ уродовъ или обезображенныхъ и изуродованныхъ и собрать бы въ Петербургъ, и показывать ихъ въ Пассажѣ гуляющей публикѣ. Недавно тамъ же показывался петербургской публикѣ татуированный англійскій матросъ. При этомъ разсказывалось и то, какъ, гдѣ и за что онъ былъ татуированъ, и какія муки и страданія онъ при этомъ переносилъ. Видѣть и слышать такую рѣдкость конечно было интересно, но образчики и этого рода уродства или изуродованія у насъ тоже могли бы найтись, и даже можетъ быть въ большемъ изобиліи. Правда, наше домашнее татуированіе не имѣетъ такихъ правильныхъ и красивыхъ штриховъ, но зато—свое, родное!

Если исполненіе этого проэкта окажется почему либо неудобнымъ, то я предлагаю другой, менѣе безпокоющій нервы, но не менѣе интересный. Исполненіе его впрочемъ можетъ быть также соединено съ исполненіемъ моего перваго проэкта. Это—собрать въ Петербургъ живые образчики всѣхъ находящихся въ Россійской Имперіи народностей, и каждый типъ со всей его, доступной пере-

носкѣ и передвиженію, обстановкой. Не правда ли, вѣдь это грандіозный планъ? Правда, онъ былъ уже однажды не только высказанъ, но и осуществленъ, и потомъ въ недавнее время въ одномъ ученомъ обществѣ высказанъ былъ почти такой же проэктъ—составить коллекцію портретовъ всѣхъ существующихъ въ Россійской Имперіи человѣческихъ типовъ и образчиковъ или по крайней мѣрѣ рисунковъ всей домашней утвари или вообще всей домашней обстановки всѣхъ существующихъ въ Россіи народовъ, народностей и племенъ; но это нисколько не уменьшаетъ значенія предлагаемаго мною предпріятія. Собрать живые образчики всѣхъ возможныхъ человѣческихъ типовъ, хотя конечно, несравненно труднѣе, но зато и несравненно интереснѣе, чѣмъ собрать только портреты и чучелы этихъ типовъ; если же этотъ проэктъ былъ уже однажды осуществленъ, то во первыхъ, съ того времени прибавилось къ числу русскихъ подданныхъ еще нѣсколько новыхъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько живыхъ человѣческихъ типовъ; во вторыхъ, величественную картину, видѣнную Петербургомъ сто лѣтъ назадъ тому, нисколько не мѣшало бы посмотрѣть и еще разъ, и даже видѣть у себя постоянно. Я могу намѣтить даже нѣкоторыя черты дальнѣйшаго развитія и практическаго приложенія этого громаднаго предпріятія. — Этотъ живой музеумъ могъ бы, въ цѣломъ своемъ составѣ или по частямъ, предпринять путешествіе по Европѣ... Развить этотъ планъ во всѣхъ его подробностяхъ, найти къ нему разныя практическія и теоретическія основанія и сдѣлать изъ него таковые же выводы я предоставляю глубокомыслію и фантазіи читателя. Я питаю твердое убѣжденіе, что проэктъ этотъ непремѣнно когда нибудь будетъ осуществленъ человѣчествомъ, и что всѣ эти Юліи и Зенобы Пастраны, татуированные матросы, альбиносы, ацтеки и имъ подобные только отрывочныя прелюдіи къ исполненію этого громаднаго предпріятія.

Обстоятельства мои, послѣ того, какъ я видѣлъ Зенобу Пастрану и кончилъ описаніе моего живаго странствующаго антропологическаго музеума, значительно перемѣнились. Именно: я видѣлъ, видѣлъ *его!* Видѣлъ его читающимъ лекцію въ залѣ «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія»!

Это случилось вотъ какъ.

Неудачи, испытанныя мною передъ дверями собраній Энтомологическаго Общества и Сельскихъ Хозяевъ и особенно на порогѣ залы «русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія», до того раздосадовали меня, что я рѣшился не откладывать въ долгій ящикъ тѣхъ средствъ, которыя требуются для того, чтобы получить возможность вступить въ сіи не публично публичныя общества, чтенія,

собранія и засѣданія, т. е. я рѣшился пустить въ ходъ рекомендаціи и протекціи. Я говорилъ уже, что за ними у насъ дѣло тоже не станетъ, если на то пойдетъ. — При помощи протекціи, я очень легко получилъ рекомендацію, а чрезъ рекомендацію и билетъ на лекціи г. Лохвицкаго. Вотъ видите, г. Лохвицкій, ваши благоразумныя предосторожности ни къ чему вамъ не послужили, — одинъ изъ вашихъ друзей, родныхъ и знакомыхъ попалъ таки на ваши запретныя лекціи. Такъ знайте же, а равно пусть знаютъ и всѣ подобные вамъ публичные дѣятели, прячущіеся за спины своихъ родныхъ и знакомыхъ, что всѣ выдумываемыя ими препятствія ни къ чему и впредь не послужатъ!

О самыхъ лекціяхъ г. Лохвицкаго или лучше объ немъ самомъ я могу сказать прежде всего то, что онъ взошелъ на свою каѳедру 10 минутъ спустя послѣ назначеннаго для этого времени, что публика выразила ему за это свое неудовольствіе нетерпѣливымъ хлопаньемъ въ ладоши, такъ что, впрочемъ, когда онъ вступилъ на каѳедру, тоже самое хлопанье обратилось въ одобрительное, что г. Лохвицкій затѣмъ раскланялся, потомъ выпилъ четверть стакана воды и только непосредственно за симъ началъ, къ сожалѣнію хриплымъ голосомъ, свое чтеніе. Читалъ онъ впрочемъ на память, а не по тетрадкѣ, но именно читалъ, а не говорилъ, какъ говорятъ обыкновенно всѣ смертные и всѣ порядочные профессора и учителя. Содержаніе слышанной мною лекціи было вполнѣ популярно, т. е. для человѣка, хотя нѣсколько знакомаго съ учрежденіемъ суда присяжныхъ, нисколько не интересно. Учрежденіе это, конечно, безмѣрно выхвалялось и вообще и въ частности, т. е. и идея суда присяжныхъ, и наше русское выраженіе этой идеи; а всѣ и всякія противныя плану судебныя учрежденія зло и либерально порицались. Либерализмъ этотъ простирался даже до того, что высказано было нѣкоторое недоумѣніе относительно допущенія въ число нашихъ «Присяжныхъ Засѣдателей» и духовныхъ лицъ нехристіанскихъ «вѣроисповѣданій», потому что·де исполненіе нѣкоторыхъ изъ обязанностей «Присяжныхъ Засѣдателей» можетъ иногда стоять въ противорѣчіи съ духовными обѣтами этихъ духовныхъ лицъ. Дальше этого критика не простиралась, да и хорошо сдѣлала, потому что и здѣсь она была совсѣмъ не нужна — либерализмъ, ученость и широкіе взгляды профессора достаточно уже высказаны были при общемъ обзорѣ народныхъ судовъ.

Общее впечатлѣніе этой лекціи, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ слушателей, можетъ дать слѣдующій подслушанный мною разговоръ (дѣйствительный, а не мною вымышленный).

Молодая дама *(офицеру)*. Ну, что? Каково?

Офицеръ *(мрачно)*. Слова̀, слова̀ и слова̀!

Дама. Ну, ужь вы! На васъ не угодишь, ничѣмъ не угодишь!

Мое личное впечатлѣніе и сужденіе не таково. Я скорѣе готовъ сказать: глубокомысліе, ученость и либерализмъ!

Прежде всего надобно обратить вниманіе на то, что это, сколько мнѣ помнится, первое публичное обсужденіе у насъ нашего новаго, массѣ публики совершенно неизвѣстнаго учрежденія. Поэтому лекціи эти должны были представлять для публики большой интересъ. Впрочемъ, отъ того, что это было первое публичное обсужденіе нашего новаго, доселѣ небывалаго учрежденія, не слѣдуетъ заключать, чтобы обсужденіе представляло для г. профессора какія нибудь особенныя трудности — предметъ этотъ давно уже былъ обсужденъ да и переобсужденъ въ сотнѣ разныхъ европейскихъ книгъ и многими нашими учеными и изслѣдованъ въ Европѣ на практикѣ. А чтобы узнать наше учрежденіе суда присяжныхъ и обсудить его, для этого стоило только прочитать печатную книгу закона объ этомъ учрежденіи и сопоставить содержащееся въ ней съ видѣннымъ и слышаннымъ на Западѣ.

Во вторыхъ, слышанная мною лекція представляла для находившейся въ залѣ публики еще особенный, преимущественный интересъ, такъ какъ предметъ этой лекціи былъ именно: участіе публики или народа въ будущей дѣятельности нашихъ присяжныхъ судовъ. Я ожидалъ, что въэтой лекціи, вслѣдъ за перечнемъ статей закона относительно правъ и обязанностей «присяжныхъ засѣдателей», преподано будетъ совершенно неопытной въ этомъ дѣлѣ публикѣ вдохновенное, проникнутое глубиною мыслей и теплотою чувства, наставленіе относительно того, какъ ей нужно будетъ вести себя на скамьѣ присяжныхъ и въ комнатѣ для совѣщаній, гдѣ будутъ обсуждаться и рѣшаться счастье, свобода, политическая, а можетъ быть даже и фактическая, жизнь и смерть людей. Я думалъ, что, конечно, много касательно этого предмета перечитавшій и столько же или даже еще больше передумавшій и перечувствовавшій, господинъ профессоръ объяснитъ публикѣ, какъ она должна будетъ смотрѣть на горячія, нерѣдко страстныя рѣчи защитника обвиняемаго, на показанія свидѣтелей, на замѣчанія и вопросы и вообще на поведеніе судей, на слова, поведеніе, моральное и физическое состояніе и вообще на всю обстановку и всю предшествовавшую обвиненію жизнь обвиняемаго и т. п., словомъ, я думалъ, что эта лекція будетъ заключать въ себѣ хоть нѣчто подобное извѣстнымъ наставленіемъ предсѣдателя англійскаго суда присяжныхъ, хотя въ настоящемъ случаѣ это наставленіе должно бы быть гораздо обширнѣе и многосторонѣе. Можетъ быть, нашъ публичный истолкователь устройства и значенія суда присяжныхъ и говорилъ уже обо всемъ этомъ въ другихъ своихъ лекціяхъ

или будетъ еще говорить въ слѣдующихъ лекціяхъ, — я не знаю; но эти наставленія вполнѣ умѣстны были только въ настоящей лекціи, а вся настоящая лекція состояла только изъ бѣглаго перечня нѣкоторыхъ статей нашего новаго закона и затѣмъ главнымъ образомъ изъ либеральныхъ, глубокомысленныхъ и не лишенныхъ остроумія и проніи витаній господина профессора въ области фантазіи.

Требовалось, видите ли, прежде всего объяснить публикѣ, почему это она вдругъ должна отказаться отъ своихъ дьяковъ, подьячихъ и приказныхъ судей, и начать судить себя сама. Откуда, къ чему, зачѣмъ это и на какихъ основаніяхъ? А вотъ откуда, зачѣмъ и почему.

Судъ присяжныхъ заимствуется нами изъ Европы, объясняетъ господинъ профессоръ; всею Европою заимствованъ онъ изъ Англіи; англичанами отъ англо-саксовъ, а у саксовъ это было народное учрежденіе, остатокъ отъ тѣхъ временъ, когда еще народы сами собою судились, безъ всякихъ особенныхъ судей; да не только судились, но сами собой и управлялись. Тоже самое мы видимъ и въ древней Греціи, въ древнемъ Римѣ, въ нашемъ Новгородѣ и Псковѣ. Это— первобытная форма внутренняго политическаго быта всѣхъ юныхъ народовъ (слѣдуютъ комплименты этимъ народамъ за ихъ умѣнье самимъ блюсти свои интересы). Но затѣмъ, когда число жителей страны или юнаго государства увеличивается и разростается, судъ народный дѣлается неудобенъ. Кромѣ суда и управленія народу надо вѣдь заниматься и другими еще дѣлами,—пахать, жать, торговать и т. д.. Грекамъ и римлянамъ было въ этомъ отношеніи хорошо,— у нихъ всѣми работами занимались рабы; гражданамъ удобно было тогда проводить цѣлый день на площади и заниматься судомъ и политикой. У новыхъ народовъ не то. У новыхъ народовъ нѣтъ рабовъ; каждый гражданинъ долженъ самъ добывать себѣ свое прокормленіе; ему некогда заниматься судомъ и политикой. Притомъ, мы знаемъ теперь, что число аѳинскихъ гражданъ во время цвѣтущаго состоянія Аѳинской республики не простиралось свыше (я не разслышалъ—30 или 40) тысячъ человѣкъ. Такое количество людей удобно могло собираться на площади, слушать тамъ рѣчи народныхъ ораторовъ и разсуждать о своихъ дѣлахъ. Не то у новыхъ народовъ. Здѣсь мы видимъ, что населеніе нѣкоторыхъ государствъ простирается до 10 и даже болѣе милліоновъ человѣкъ. Гдѣ можно найти такую площадь или такую залу, такой домъ, въ которомъ могли бы вмѣститься десять и даже болѣе милліоновъ человѣкъ? Такой площади нельзя найти, такой залы и такого дома нельзя построить (относительно дома и залы не могу ничего сказать, а площадь для «десяти и даже болѣе» милліоновъ человѣкъ можно найти, напр., въ украинскихъ или самарскихъ степяхъ); но гдѣ взять такого народнаго оратора, голосъ котораго былъ бы слышенъ «десяти и даже болѣе» милліонамъ человѣкъ,

собравшихся въ одну кучу? Вотъ въ чемъ, я думаю, главное затрудненіе! Отсюда необходимость правительства, которое въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ обратилось въ абсолютное; вмѣстѣ съ этимъ и по той же самой причинѣ изчезли и народные суды. И это очень понятно. Съ дальнѣйшимъ прогрессомъ народовъ, возникли новыя, разнообразнѣйшія отношенія жизни, новыя требованія и стремленія; отношенія эти сдѣлались такъ сложны, потребности обществъ такъ разнообразны! Отъ судьи потребовалось теперь много. Знать всѣ законы и разнообразнѣйшія, самыя сложныя отношенія жизни могутъ только люди, спеціально призванные къ этому дѣлу. Отсюда возникаетъ классъ постоянныхъ судей, людей, спеціально посвятившихъ себя этому дѣлу (слѣдуютъ комплименты судьямъ).

Въ новѣйшей исторіи мы видимъ опять не то. Народъ начинаетъ выходить изъ періода своего дѣтства; онъ начинаетъ самъ принимать участіе въ управленіи, а равно и въ судѣ. И можно ли ему въ этомъ отказать? Явленія и требованія жизни слишкомъ многосторонни и разнообразны; основательно и всесторонне обсудить ихъ можетъ только народъ; онъ знаетъ эту жизнь, онъ... (слѣдуютъ очень лестные комплименты народу, т. е. косвеннымъ образомъ и слушающей профессора публикѣ). Отсюда участіе народа въ обсужденіи предметовъ управленія, и — въ судѣ — народные представители — судъ присяжныхъ! (Вовсе не отсюда, а оттуда, что архитектура сдѣлала теперь большіе успѣхи и люди выучились строить залы и такіе дома, въ которыхъ можетъ вмѣщаться чуть чуть не «до десяти и даже болѣе милліоновъ человѣкъ»).

Вотъ какъ философствовалъ господинъ профессоръ А. В. Лохвицкій на той лекціи, которую я имѣлъ счастіе слышать! Я конечно не могъ передать этой лекціи буквально, тѣми же самыми словами и фразами, какъ говорилъ г. Лохвицкій, но ходъ мыслей, сила и оригинальность основаній и доказательствъ, даже всѣ оттѣнки этихъ мыслей и доказательствъ принадлежатъ профессору Лохвицкому.

Какія же это «слова», какъ говорилъ вышеупомянутый мною офицеръ? Напротивъ, это: мысли, мысли и мысли! Но я передалъ еще не всѣ мысли г. Лохвицкаго, я передалъ только первую, самую обширную часть его лекціи; во второй половинѣ этой лекціи было тоже не мало оригинальныхъ и глубокихъ мыслей; напр., хоть бы эта: — А почему не участвуютъ присяжные въ гражданскомъ судѣ? Потому, что тамъ нужно знаніе законовъ, чего, конечно, нельзя ожидать отъ присяжныхъ. Притомъ призывать каждый разъ присяжныхъ для обсужденія и рѣшенія каждаго гражданскаго процесса, значило бы отрывать народъ отъ другихъ его занятій!.. Замѣчательно, впрочемъ, что въ англійскомъ гражданскомъ судѣ въ одномъ случаѣ допускается участіе присяжныхъ,—именно, при обсужденіи стоимо-

сти частныхъ имѣній, отчуждаемыхъ въ общественную пользу, напр., зданій или земли подъ желѣзную дорогу.

Какова ученость! Какое всеобъемлющее знаніе!

Когда г. профессоръ кончилъ свое чтеніе — раздалось всеобщее, долго неумолкавшее рукоплесканіе; когда онъ сошелъ съ каѳедры — его обступила толпа и должно быть жала ему руку; когда онъ закурилъ папиросу и сталъ ходить по залѣ — его преслѣдовали робкіе взгляды, исполненные тихаго благоговѣнія...

Что, если и г. Ланге,—вѣроятно изъ подражанія г. Лохвицкому, недавно тоже начавшій читать лекціи о «судебной реформѣ» и тоже купеческой публикѣ (въ «русскомъ купеческомъ собраніи») наполняетъ свои лекціи такимъ же глубокомысліемъ и такою же оригинальностію взглядовъ! Право, счастливцы эти купцы, — они этакъ скоро опередятъ на пути прогресса всѣ другія наши сословія и даже самое дворянское сословіе, всегда доселѣ шедшее на пути прогресса и цивилизаціи впереди другихъ сословій, потому что въ то время какъ купечество, между лото и стуколкой, занимается въ своихъ общественныхъ собраніяхъ общими политико-юридическими вопросами, дворянство наше въ лицѣ членовъ «общества сельскихъ хозяевъ», занимается (въ дворянскомъ собраніи) слушаніемъ и обсужденіемъ докладовъ «о юридическихъ и экономическихъ условіяхъ, необходимыхъ для преуспѣванія землевладѣльческаго (!) хозяйства въ Россіи» или «о правѣ владѣнія лѣсомъ и его продуктами», т. е. занимается такими вопросами, которые не могутъ подлежать открытому и свободному общественному обсужденію и рѣшенію.

Но довольно, не все за одинъ разъ! Поле дѣйствительности необъятно (такъ что на немъ удобно могло бы помѣститься «до десяти и даже болѣе милліоновъ человѣкъ!») и оно представляетъ испытующему взгляду столько цвѣтовъ, луговъ, кочекъ и грязи, что если пройти его вдоль и поперекъ сразу, такъ можно даже устать и подвергнуться головокруженію.

Въ петербургской дѣйствительности мнѣ предстоитъ еще многое обозрѣть; есть еще не мало здѣсь разныхъ обществъ, общественныхъ явленій, заведеній и учрежденій, въ которыя я не успѣлъ еще заглянуть; есть также нѣсколько только что возникающихъ или намѣревающихся возникнуть обществъ, общественныхъ явленій, заведеній и учрежденій, которыя тоже съ помощію протекцій или даже и безъ протекцій надѣюсь осмотрѣть. А сколько еще интереснаго и вызывающаго на размышленія представляютъ напр., театры или публичные доклады въ правительствующемъ сенатѣ и уголовной палатѣ! Но обо всемъ этомъ, равно какъ и о многомъ другомъ, когда нибудь въ другой разъ.